

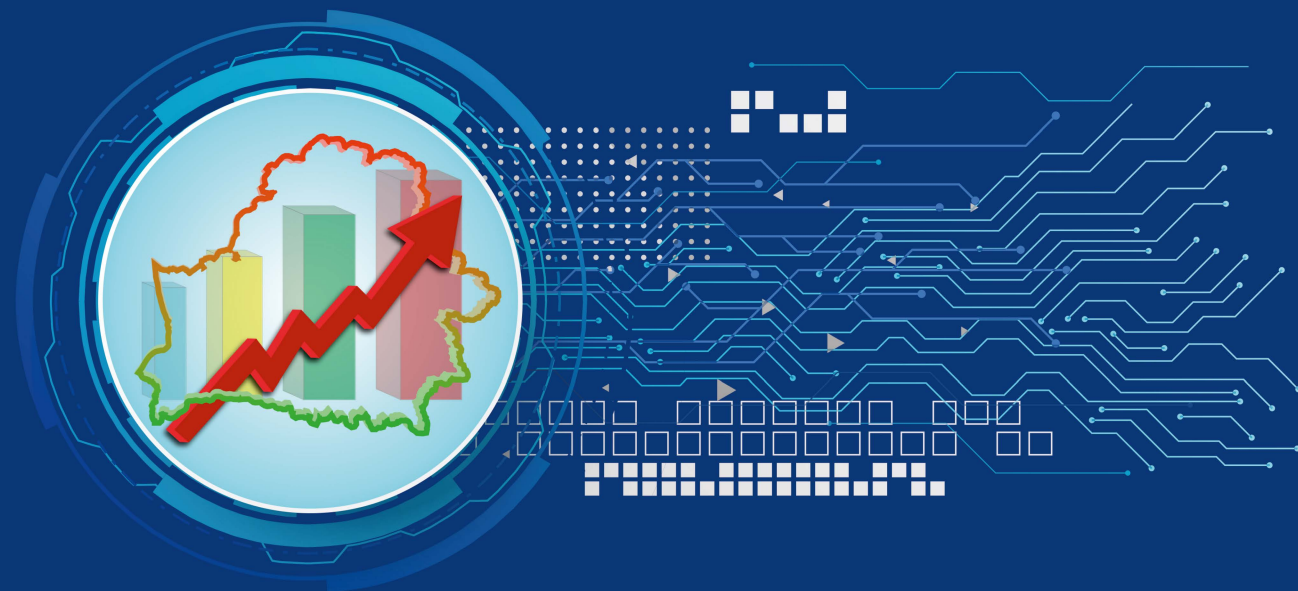
БЕЛОРУССКАЯ
КОНОМИЧЕСКАЯ
ШКОЛА

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ НАН БЕЛАРУСИ

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ БЕЛАРУСИ: ВЫЗОВЫ, ИНСТРУМЕНТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

сборник научных статей
в трех томах

ТОМ 3

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ БЕЛАРУСИ:
ВЫЗОВЫ, ИНСТРУМЕНТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сборник
научных
статей
в трех томах

3

Минск БГУИР 2025

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ НАН БЕЛАРУСИ

**СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ БЕЛАРУСИ:
ВЫЗОВЫ, ИНСТРУМЕНТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ 3

Минск БГУИР 2025

УДК 338.2(476)
ББК 65.05
С83

Редакционная коллегия:

Д. В. Муха (главный редактор),

А. Г. Боброва, Т. С. Вертинская, Е. Н. Гладкая, А. В. Готовский, А. И. Лученок,
Н. Н. Морозова, В. Н. Пилуй, А. С. Попкова, Е. В. Преснякова, Т. А. Тетеринец

Материал рассмотрен на заседании ученого совета Государственного научного учреждения «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси» и рекомендован к опубликованию (протокол № 10 от 27 октября 2025 г.)

С83 **Стратегия** развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты и перспективы : сб. науч. ст. : в 3 томах. Т. 3 / ред. кол.: Д. В. Муха (гл. ред.) [и др.] ; Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси. – Минск : БГУИР, 2025. – 497 с.
ISBN 978-985-543-849-7 (т. 3).

Представлены научные статьи отечественных и зарубежных ученых, посвященные теоретико-методологическим и практическим аспектам развития национальной экономики. Материалы статей были представлены на Международной научно-практической конференции, состоявшейся 13–14 ноября 2025 г. в Институте экономики НАН Беларуси, г. Минск.

Адресовано научным работникам, работникам государственных органов и специалистам организаций различных форм собственности, аспирантам, магистрантам, слушателям и студентам экономических специальностей, а также широкому кругу читателей, интересующихся современными научными исследованиями в сфере экономики.

УДК 338.2(476)
ББК 65.05

ISBN 978-985-543-849-7 (т. 3)
ISBN 978-985-543-846-6

© Институт экономики НАН Беларуси, 2025
© Оформление. УО «Белорусский
государственный университет
информатики и радиоэлектроники», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 5. ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В АСПЕКТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

<i>Вертинская Т.С., Абрамчук Н.А., Скрыбина Т.А., Коледа О.А., Булавицкая М.Г.</i> Перспективы белорусско-кубинского торгово-экономического сотрудничества.....	8
<i>Сенько А.Н., Близнюк О.С.</i> Развитие экономического потенциала межрегиональной интеграции Беларуси.....	18
<i>Середа А.А.</i> Параллельный импорт в Российской Федерации и Республике Беларусь: риски, выгоды и потенциал для национальных экономик.....	24
<i>Белоусова А.В.</i> Формирование региональной внешнеэкономической политики с учетом ресурсных ограничений.....	30
<i>Крутова А.В., Мельникова П.А.</i> Детерминанты экспорта российской химической продукции в Европейский союз: эконометрический анализ.....	36
<i>Кузавко А.С.</i> Сравнение интеграционного эффекта в белорусско-российском и казахстанско-российском приграничье.....	42
<i>О Док Хи</i> Актуальные направления торгово-экономического сотрудничества Республики Беларусь со странами Восточной Азии (Монголия, Республика Корея, КНДР).....	47
<i>Latyshev O., Latysheva P., Pavlovic S.</i> Economic security of small enterprises as subjects of integration communities.....	53
<i>Ващило А.А.</i> Развитие экспорта транспортно-логистических услуг Республики Беларусь в страны Евразийского экономического союза.....	58
<i>Гавриленко В.Г.</i> Внешнеэкономическая политика Беларуси в аспекте Концепции национальной безопасности Республики Беларусь.....	64
<i>Клеенков В.А.</i> Анализ роли институтов Конфуция в интернационализации хозяйственных связей Китайской Народной Республики.....	70
<i>Котько С.П.</i> Перспективные направления двустороннего и многостороннего экономического сотрудничества Республики Беларусь в статусе страны-партнёра с государствами БРИКС.....	74
<i>Луговская И.С.</i> Зарубежная практика оценки последствий глобальных рисков в национальной экономике.....	80
<i>Магомедова Н.А.</i> Основные проблемы и направления развития международного бизнеса и экономики стран БРИКС в условиях цифровой трансформации.....	85
<i>Медведев И.В.</i> Перспективы расширения интегрированной информационной системы ЕАЭС в условиях внешнеторгового взаимодействия России и Беларуси со странами ШОС.....	91
<i>Румянцев В.А.</i> Система управления интеграционными рисками Беларуси.....	96
<i>Сибирская А.В.</i> Рекомендации по совершенствованию единой системы контроля качества в ЕАЭС.....	102

<i>Сулейков А.А.</i> Политика в области содействия международному развитию как инструмент обеспечения внешнеэкономической безопасности государства.....	108
<i>Тавгенъ Е.О.</i> Обзор политических и экономических рисков при ведении внешнеторговой деятельности со странами Азии.....	113
<i>Ткачук Е.В., Мартинкевич М.Ю.</i> Опыт формирования интеграционной экономической модели в международных объединениях.....	119
<i>Тулейко Е.В.</i> Информационно-аналитическое обеспечение формирования национальной системы управления внешнеэкономическими рисками.....	124
<i>Хань И</i> Региональные отношения между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой в сфере образования.....	131
<i>Хомбак Е.И., Господарик Е.Г.</i> Методы оценки экономических эффектов интеграции в контексте внешнеэкономической устойчивости и национальной безопасности.....	137
<i>Чжао Линюнь</i> Индекс экономической устойчивости как инструмент оценки способности национальных экономик противостоять глобальным дисбалансам.....	142
<i>Чжао Цинцю</i> Цифровая торговля в развитии белорусско-китайского экономического сотрудничества.....	149
<i>Шведко П.В., Аксютин А.В.</i> Комплексный анализ институциональных, экономических и культурных барьеров при выходе на рынки Латинской Америки.....	158
<i>Шевченко С.О.</i> О некоторых вопросах обеспечения социальной безопасности в Китайской Народной Республике	163
<i>An Mingming, Turgel I.</i> Comparative analysis of low-altitude economic development strategies in the context of regional integration: The Greater bay area experience and its global implications.....	168
<i>Seth Acquah Boateng, Xi Jiancheng, Kamal Deen Moro, Frank Agyemang Karikari</i> Political-economic policy uncertainty and foreign capital flows to Belarus: a threshold effect approach.....	173
РАЗДЕЛ 6. СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	
<i>Базуева Е.В., Степаненко В.А.</i> Интеллектуальный труд в контексте регионального экономического развития: концептуальные основы идентификации.....	182
<i>Ванкевич Е.В.</i> Эффективные инструменты согласования рынка труда и системы образования.....	187
<i>Маковская Н.В.</i> Источники финансирования инклюзивной занятости.....	193
<i>Батова Н.Н.</i> Синергетический потенциал экологических ЦУР в стратегии устойчивого развития Беларуси.....	199
<i>Боброва А.Г.</i> Институциональные подходы к согласованию семейной политики Республики Беларусь и Республики Узбекистан.....	204
<i>Краенкова К.И.</i> Гринвошинг как проявление недобросовестной маркетинговой практики на пути организации к устойчивому развитию.....	209

<i>Манучарян М.Г., Варданян Г.В.</i> Статистический анализ показателя детской смертности в Армении и ожидаемые тенденции в контексте ЦУР 3.2.....	213
<i>Мирюкова М.А., Соколова В.Ф.</i> Формирование гражданской идентичности и патриотизма молодежи как социально-экономический ресурс устойчивого развития современного государства.....	217
<i>Чиж Д.А.</i> Долгосрочные тренды в землепользовании Витебской области.....	222
<i>Шушкевич А.М.</i> Пути повышения эффективности региональных комплексов по обращению с твердыми коммунальными отходами.....	227
<i>Щемелева Е.В.</i> Нематериальное стимулирование персонала как фактор роста производительности труда.....	233
<i>Андилевко Т.В.</i> Государственные расходы на программы рынка труда в странах мира и в Республике Беларусь.....	238
<i>Аныев Д.Б.</i> Экологическая модернизация экономики как фактор снижения социальных рисков в условиях изменения климата.....	243
<i>Баканова Ю.А.</i> Развитие трудовых ресурсов для строительного комплекса Республики Беларусь.....	247
<i>Богданович Е.А.</i> Освещение вопросов демографической политики и ее компонентов в национальных средствах массовой информации.....	254
<i>Воронецкая Л.Г.</i> Китайский опыт обеспечения технологического и экономического суверенитета в условиях экологизации.....	260
<i>Дрень С.П., Назарова Н.В.</i> Зеленое бюджетирование и возможности его применения для Беларуси.....	266
<i>Климкович Н.И.</i> Становление подходов образования для целей устойчивого развития... ..	271
<i>Кот У.В.</i> Демографическое развитие Беларуси: приоритеты политики и векторы совершенствования.....	277
<i>Лебедевич М.В.</i> Социальные инновации в системе образования Китая как фактор устойчивого развития.....	282
<i>Лемешевский А.А.</i> Роль демографического фактора в изменении площади сельскохозяйственных земель в Республике Беларусь.....	286
<i>Мамадалиева Э.Р.</i> Экономический рост и экологическая нагрузка: оценка декаплинга в регионах Узбекистана.....	291
<i>Мурашко О.Ю.</i> Демографические и пространственные трансформации сельского расселения в Республике Беларусь.....	296
<i>Пилецкий К.В.</i> Программный подход к управлению рынком труда в Беларуси.....	302
<i>Рачкевич В.А.</i> Цифровая трансформация рынка труда: основные направления.....	308
<i>Самцова Д.В.</i> Оценка экосистемных услуг как основа перехода к устойчивым моделям землепользования.....	313

<i>Судиловская О.Н.</i> Современные подходы, используемые в обеспечении устойчивого социально-экономического развития Мстиславского района.....	319
<i>Сухаревич О.О.</i> Типовые штаты и нормативы численности – форма нормирования труда в бюджетных организациях: обзор опыта в Республике Беларусь.....	323
<i>Цюй Цзиньтун</i> Особенности формирования зеленой логистики в агропромышленном комплексе.....	328
<i>Шумский К.И.</i> Некоторые методы минимизации ущерба памятникам природы в условиях развития туризма.....	333
<i>Ryabova I., Perepechko N.</i> Environmental problems of economic development and their solutions.....	338
<i>Zhao Chun</i> ESG collaborative governance and high-quality corporate development: multidimensional integration pathways of social equity and ecological efficiency – based on the practical exploration of Chinese enterprises.....	343
<i>Zhao Yanan</i> Green finance reform and urban air quality: evidence from China's pilot zones...	347
РАЗДЕЛ 7. РАЗВИТИЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В НОВЫХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ	
<i>Каменков В.С., Куницкая О.М.</i> Инвестиционная политика и правовое регулирование инвестиций.....	353
<i>Салиева Р.Н.</i> Стабильность правового регулирования как принцип обеспечения энергетической безопасности и технологической независимости ТЭК в современных условиях.....	358
<i>Шахрай И.С.</i> К вопросу о юридической сущности новых технологий.....	362
<i>Бородин Ж.Н., Олимова Р.М.</i> Неустойка как способ обеспечения исполнения обязательств, ее соотношение с другими способами обеспечения обязательств.....	368
<i>Гладкая Е.Н.</i> Интенсификация гражданско-правовых средств обеспечения национальной экономической безопасности сквозь призму критериев эффективности гражданского законодательства.....	374
<i>Горуна Т.А.</i> Внесудебные формы защиты прав потребителей: зарубежный и национальный опыт правового регулирования.....	379
<i>Дедковский А.А.</i> Проблемы законодательного регулирования объективных признаков мошенничества.....	385
<i>Зюзина М.В.</i> Психологический аспект при подборе кандидатов на должность судьи...	390
<i>Кочурко Ю.В.</i> Правовое прогнозирование как инструмент повышения эффективности регулирования экономических отношений.....	393
<i>Кузьмич И.П.</i> Правовые основы научно-технологического развития в правовом поле межгосударственной региональной интеграции.....	398
<i>Курилович М.П.</i> К вопросу о повышении эффективности правового регулирования общественных отношений, связанных с использованием новых технологий в экологической сфере.....	404

<i>Минько Н.С., Минько Л.Ф.</i> Некоторые вопросы организационно-правового обеспечения использования новых технологий в контексте важнейших социально-экономических приоритетов и совершенствования научно-технической сферы.....	409
<i>Слижевская О.В.</i> Правовые и организационные средства противодействия хищению путем злоупотребления служебными полномочиями.....	415
<i>Цыганков Д.Г.</i> Норма труда с правовой точки зрения.....	421
<i>Швед Н.А.</i> Отдельные проблемы применения законодательства о персональных данных в цифровую эпоху.....	426
<i>Ананевич Е.В.</i> О специальных регламентах (правилах) арбитража корпоративных споров.....	432
<i>Андриевский Д.В., Бессарабова В.В.</i> Развитие правового регулирования договорных отношений по франчайзингу в Республике Беларусь.....	437
<i>Ашарчук Я.В.</i> Некоторые аспекты совершенствования законодательства, регулирующего распространение и численность инвазивных видов на территории Республики Беларусь.....	441
<i>Белюсова С.Д.</i> «Снятие корпоративной вуали»: тенденции применения в сфере защиты экологических прав.....	445
<i>Бондарь Д.А.</i> Некоторые направления совершенствования законодательства в области обращения цифровых знаков в контексте противодействия легализации доходов, полученных преступным путём.....	450
<i>Бударина Н.А.</i> Интеллектуальная собственность в международном научно-техническом сотрудничестве. Взаимодействие с ВОИС.....	455
<i>Жилинская В.Д.</i> Перспективы развития цифрового предпринимательства.....	460
<i>Козловская В.А.</i> Роль монетарного регулирования в обеспечении экономической безопасности ЕАЭС.....	465
<i>Козловская В.В.</i> Перспективы создания совместного маркетплейса промышленной собственности в рамках Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации.....	469
<i>Колесень Н.Г.</i> Особенности разрешения социального конфликта, возникшего в связи с совершением преступления в контексте существующих геоэкономических вызовов.....	477
<i>Русина Н.Э.</i> Антисанкционная политика как инструмент обеспечения устойчивого развития государственного энергетического комплекса в новых геоэкономических условиях.....	482
<i>Трипузова А.А.</i> О некоторых проблемах и перспективах конституционно-правового регулирования конкурентных отношений в Республике Беларусь.....	487
<i>Хомич В.С.</i> Некоторые теоретико-методологические подходы к совершенствованию правового регулирования экономических отношений в условиях введенных против Республики Беларусь ограничительных мер незаконного характера.....	491

РАЗДЕЛ 5. ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В АСПЕКТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 339.56 (476+729.1)

ПЕРСПЕКТИВЫ БЕЛОРУССКО-КУБИНСКОГО ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА THE PROSPECTS FOR BELARUSIAN-CUBAN TRADE AND ECONOMIC COOPERATION

Вертинская Татьяна Сергеевна,
доктор экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
vert.region@economics.basnet.by

Абрамчук Нина Александровна,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
abramchuk@economics.basnet.by

Скрябина Татьяна Алексеевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
kta@bk.ru

Коледа Олег Александрович,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
kaljada@gmail.com

Булавицкая Марина Григорьевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
marishasvet@mail.ru

Viartsinskaya Tatsiana,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Abramchuk Nina,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Skriabina Tatsiana,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Koleda Oleg,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. Проведен сравнительный анализ приоритетов и механизмов реализации внешнеэкономической политики Республики Куба и Республики Беларусь. Представлены результаты анализа состояния белорусско-кубинских торговых связей. По итогам апробации разработанного авторского методического подхода оценки экспортного потенциала белорусско-кубинских торговых связей определены 33 перспективные товарные позиции/субпозиции белорусского экспорта на рынке Кубы и 17 перспективных товарных позиций/субпозиций кубинского экспорта на белорусском рынке.

Предложены организационно-экономические формы наращивания торгово-экономического сотрудничества Беларуси и Кубы как инструмента снижения существующих экономических рисков (встречная торговля, торговля комплектным оборудованием, торговля продукцией в разобранном виде, электронная торговля, создание совместных предприятий, в том числе на кластерной основе, торговля инженерно-консультационными услугами, включая услуги по ремонту техники). Даны практические рекомендации для включения в совместный план действий по углублению торгово-экономических связей между Республикой Беларусь и Республикой Куба.

Ключевые слова: Беларусь, внешнеторговая политика, Куба, организационно-экономические формы, совместный план, торгово-экономическое сотрудничество, экспортный потенциал.

Abstract. A comparative analysis of the priorities and mechanisms for implementing the foreign economic policy of the Republic of Cuba and the Republic of Belarus is carried out. The results of the analysis of the state of Belarusian-Cuban trade relations are presented. Based on the results of testing the developed author's methodological approach to assessing the export potential of Belarusian-Cuban trade relations, 33 promising commodity items/subitems of Belarusian exports to the Cuban market and 17 promising commodity items/subitems of Cuban exports to the Belarusian market are identified.

Organizational and economic forms of increasing trade and economic cooperation between Belarus and Cuba are proposed as a tool for reducing existing economic risks (countertrade, trade in complete equipment, trade in unassembled products, e-commerce, creation of joint ventures, including on a cluster basis, trade in engineering and consulting services, including equipment repair services). Practical recommendations are given for inclusion in the joint action plan to deepen trade and economic ties between the Republic of Belarus and the Republic of Cuba.

Keywords: Belarus, foreign trade policy, Cuba, organizational and economic forms, joint plan, trade and economic cooperation, export potential.

Целесообразность усиления кубинского вектора внешнеэкономической политики Беларуси обусловлена несколькими причинами. Во-первых, необходимостью в условиях санкционной политики коллективного Запада поиска новых направлений углубления внешнеторгового экономического сотрудничества Беларуси, в том числе со странами «дальней дуги»; во-вторых, целесообразностью наращивания взаимного экономического присутствия как Беларуси, так и Кубы, учитывая невысокий уровень торгово-экономического взаимодействия стран-партнеров в современных условиях; в-третьих, возможностью обмена опытом особенностями формирования и реализации внешнеэкономической и интеграционной политики в условиях санкций Беларуси и Кубы, как стран, находящихся под санкционным давлением, и целесообразностью оценки экономических рисков статуса санкционной страны.

Особенности внешнеторговой политики Кубы и Беларуси и риски экономического взаимодействия стран на современном этапе

Результаты сравнительного анализа приоритетов и механизмов реализации внешнеэкономической политики Республики Куба и Республики Беларусь показали следующее.

Первое, выявлены общие характеристики внешнеэкономической политики анализируемых стран:

а) наличие санкционного давления на экономику стран; б) многовекторность развития внешнеэкономических связей; в) экспортоориентированность экономик; г) сырьевая зависимость и преобладание в импорте сырьевых ресурсов; д) высокий уровень географической концентрации экспорта товаров; е) схожие внешнеэкономические приоритеты (развитие экспорта товаров и услуг; политика импортозамещения; привлечение иностранных инвестиций); ж) активное использование управленческого инструмента - создание зон с преференциальным режимом.

Второе, определены различия в подходах к развитию внешнеэкономических связей Кубы и Беларуси:

а) *разные инструменты антисанкционной политики* (Куба – несмотря на эмбарго США, продолжение внешней торговли с США; Беларусь – активная контрсанкционная политика с применением разнообразных методов регулирования внешнеэкономических связей и переориентация товарных потоков на дружественные страны);

б) *различный уровень развития рыночных механизмов интеграции в мировую экономику* (Куба – через монополию внешней торговли и специализированные государственные организации; Беларусь – участие внешнеэкономических субъектов различных форм собственности и либерализация торговых режимов);

в) *разная степень участия в региональной интеграции* (Беларусь – член ЕАЭС, Союзного государства Беларуси и России, СНГ, а для Кубы приоритетом является сотрудничество со странами – участницами интеграционных группировок мира);

г) *разная структура экспорта и импорта товаров и услуг*. *Кубинский экспорт* – преимущественно услуги (здравоохранение, информатика и биотехнология). В числе товарных позиций: табачные изделия, сахар, нефть и нефтепродукты, никель и изделия из него, руды и концентраты цинковые, ром, морепродукты, древесный уголь, фармацевтическая продукция. *Кубинский импорт* – сырье (в первую очередь нефть), промышленное и транспортное оборудование, продукты питания.

Белорусский экспорт: продукты нефтепереработки, продукция деревообработки, машины и оборудование, продукты питания; в числе экспортных услуг – транспорт и логистика, информационные услуги. Основу *белорусского импорта* составляют энергоресурсы (нефть и природный газ), сырье, материалы и комплектующие (металлы и изделия из них, сырье для химического производства, части машин), технологическое оборудование.

д) *различия в институциональной системе регулирования внешнеэкономической деятельности*. В Беларуси – многообразие институтов поддержки экспорта, включая стимулирование экспортной деятельности малого и среднего бизнеса. Для Кубы характерна концентрация функций регулирования внешней торговли и притока иностранных инвестиций на уровне 2–3 государственных структур (например, Торговая палата, Центр по продвижению внешней торговли и иностранных инвестиций при Министерстве внешней торговли и иностранных инвестиций).

Выявленные особенности внешнеэкономической политики Республики Беларусь и Республики Куба формируют научную основу для разработки направлений углубления белорусско-кубинского торгово-экономического сотрудничества.

Состояние белорусско-кубинских торговых связей и экспортный потенциал Беларуси на рынке Кубы

Во внешнеторговом обороте Беларуси торговля с Кубой занимает совсем небольшую долю, на уровне 0,07 % в 2021 г., в том числе в экспорте – 0,13 %, импорте – 0,01 % [1]. Куба является основным торговым партнером Беларуси среди стран Карибского бассейна. Вместе с тем, во внешнеторговом обороте Кубы Беларусь находится на 55-ом месте с удельным весом в общем объеме внешней торговли 0,12 % в 2018 г. (с 2019 г. статистические данные по внешней торговле Кубы в международной статистике отсутствуют) [2].

Анализ товарной структуры белорусского экспорта на кубинский рынок в 2015 г. и 2020 г. показал, что в топ–10 товарных позиций традиционно входят: двигатели внутреннего сгорания поршневые (15 % в структуре экспорта в 2015 г. и 2 % в 2020 г.), шины (3 % и 17 %), части и принадлежности для автомобилей и тракторов (5 % и 7 %), части к принимающей и передающей аппаратуре (соответственно 2 % и 6 %).

В 2020 г. кубинский экспорт на белорусский рынок осуществлялся всего по 4-м товарным позициям, включая: лекарственные средства (701,5 тыс. долл. США), крепкие спиртные напитки (357 тыс. долл. США), специфические товары (52,2 тыс. долл. США) и кофе (2,1 тыс. долл. США). Рост белорусского импорта из Кубы в 2021 г. был обусловлен прежде всего увеличением закупок крепких спиртных напитков (кубинского рома) и лекарственных средств, расфасованных для розничной продажи.

С целью выделения перспективных белорусских экспортных товарных позиций на кубинский рынок был разработан методический подход к оценке потенциала торгового сотрудничества между Республикой Беларусь и Республикой Куба. Он основан на предположении о том, что торговля между Республикой Беларусь и Республикой Куба имеет положительную связь с уровнем соответствующих предложения и спроса на товар и отрицательную связь с торговыми ограничениями при реализации данного товара в виде географического расстояния и таможенных пошлин.

Апробация предложенного методического подхода позволила определить 33 товарные позиции/субпозиции белорусского экспорта, представляющих собой потенциал реализации на кубинском рынке, и 17 товарных позиций/субпозиций кубинского экспорта, представляющих собой потенциал реализации на белорусском рынке. Продуктами с наибольшим экспортным потенциалом Беларуси на Кубе являются мясо птицы, отрубы и субпродукты замороженные, сухое молоко, сыр, сливочное масло и готовые присадки для смазочных материалов. Продуктами с наибольшим экспортным потенциалом Кубы на рынке Беларуси являются ром, кофе нежареный с кофеином, вакцины для людей, тростниковый сахар-сырец, ликеры, сок грейпфрутовый.

Наибольший нереализованный объем экспортного потенциала Беларуси на рынке Кубы определен по продовольственным товарам (в первую очередь по таким товарам, как: мясо птицы, молоко сухое обезжиренное, сыр, сливочное масло, кисломолочная продукция); продукции химической промышленности (готовые присадки для смазочных материалов) и изделия из металлов (электроды с покрытием из драгоценных металлов).

Наибольший объем нереализованного экспортного потенциала Кубы на рынке Беларуси определен по продовольственным товарам (в первую очередь по таким товарам, как: ром, кофе без кофеина, тростниковый сахар-сырец, ликеры, сок грейпфрутовый и креветки); фармацевтической продукции (вакцины для людей и иммунологические продукты, лекарственные средства).

В то же время наращивание взаимного товарооборота сопряжено с рядом рисков, прежде всего, кубинской экономики. Это тенденции в мировой экономике: многократно усугубляемые жесткой блокадой острова со стороны США, среди которых мировой продовольственный кризис 2022–2023 годов, снижение поставок венесуэльской нефти с 2020 года, пандемия COVID-19, экономическая блокада США, возвращение Кубы в американский список стран–спонсоров терроризма в 2021 году.

Помимо внешних факторов внутренние проблемы кубинской экономики осложняют торгово-экономические связи с белорусскими субъектами хозяйствования. Куба – не только страна, открытая для внешней торговли, но и сильно от нее зависящая: на долю внешнеторгового оборота приходится 80 % ВВП. При этом для государства характерно сохранение отрицательного сальдо торгового баланса и диверсификация торговых связей. Более половины доходов в валюте Куба продолжает получать от экспорта медицинских услуг и туризма. Другой важный источник поступления валюты – денежные переводы кубинцев, живущих за рубежом, преимущественно эмигрировавших в США. Поэтому решение проблемы сбалансированности внешней торговли является одним из ключевых моментов для преодоления существующих трудностей.

Существенным препятствием на пути формирования более тесного двустороннего сотрудничества и расширения белорусского экспорта является низкая платежеспособность кубинской стороны. Как уже указывалось выше, экономическая ситуация на Кубе и отсутствие стабильных валютных ассигнований не позволяют кубинским экспортерам идти на заключение долгосрочных контрактов и вынуждают искать возможности кредитования импорта или длительной отсрочки платежа за приобретаемую за рубежом продукцию. Практически все организации, предприятия и ведомства (за исключением минобороны и предприятий с участием иностранного капитала) работают «в кредит», т. е. рассчитываются за поставленную продукцию в течение одного-трех лет (за счет самоокупаемости машин и оборудования). При выборе поставщика фактор финансовых условий сделки является определяющим порой в ущерб качеству продукции.

Продолжающийся экономический кризис и высокий уровень бедности на острове обуславливают ограниченную способность страны выполнять свои финансовые обязательства, что делает кредитование Кубы высоко рисковым. Согласно классификации страновых рисков ОЭСР для участников соглашения об официально поддерживаемых экспортных кредитах, которая отражает способность стран обслуживать свой внешний долг, Куба относится к 7 (самой высокой) категории экспортного кредитного риска [3].

Существенной проблемой двусторонних торгово-экономических отношений остается санкционная политика стран Запада как в отношении Беларуси, так и Кубы. Речь идет, в первую очередь, об ограничениях на финансовые операции. Обе страны имеют санкционные ограничения на использование в международных операциях доллара и евро.

Территориальная удаленность Кубы по отношению к Беларуси и соответственно высокие транспортные расходы в цене товаров также снижают уровень их конкурентоспособности.

Предпочтительные организационно-экономические формы торгово-экономического сотрудничества Беларуси и Кубы в двустороннем формате как инструмента снижения существующих экономических рисков

Предложенные формы торгово-экономического сотрудничества Беларуси и Кубы в двустороннем и многостороннем формате учитывают имеющиеся компетенции Республики Беларусь и Республики Куба в ключевых отраслях экономики, потенциал взаимного углубления белорусско-кубинского сотрудничества и направлены на снижение существующих экономических рисков, обеспечивая доступ к новым рынкам сбыта белорусской и кубинской продукции; диверсификацию экспорта; положительный мультипликативный эффект через сотрудничество в смежных отраслях; упрощение и обеспечение безопасности обмена товарами между Беларусью и Кубой в условиях дефицита валюты и санкционных ограничений; уменьшение финансовых рисков за счет привлечения дополнительных инвестиций и диверсификации финансовых потоков; обеспечение технологического трансфера.

Первое, встречные поставки. В целях развития эффективного торгового сотрудничества Беларуси с Кубой 24 июня 2014 г. было подписано межправительственное Соглашение о взаимных поставках, которое предусматривает встречные поставки товаров и расчет по ним взаимозачетом. Такой товарообмен позволяет в условиях нехватки

иностранной валюты и санкционных ограничений на проведение финансовых операций в долларах и евро наращивать объемы взаимной торговли [4]. В начале июня 2024 г. Беларусь и Куба продлили соглашение о взаимных поставках и установили новую планку для объемов товарообмена – до 15 млн долл. США для каждой из сторон в течение 5 ближайших лет [4].

Беларусь по данному соглашению приобретает кубинские лекарственные препараты, ром, какао-бобы, кофе, пюре из фруктов и другие товары взамен поставляемых сельскохозяйственной и автомобильной техники, комплектующих, изделий медицинского назначения, сухого молока и иных товаров отечественного производства [4].

Второе, торговля продукцией в разобранном виде. Экспорт готовой продукции в виде узлов и деталей применяется в международной торговле для повышения ее конкурентоспособности на внешнем рынке и преодоления таможенных и административных барьеров, направленных на ограничение импорта готовой продукции.

Беларусь может добиться снижения себестоимости экспортируемых товаров в страны Латинской Америки с помощью строительства на Кубе сборочных производств, поскольку стоимость перевозки частей для сборки ниже, чем стоимость перевозки готовой продукции. Кроме того, это хороший способ проникновения белорусской продукции на латиноамериканский рынок. Такая форма сотрудничества интересна и кубинской стороне, поскольку дает возможность создания рабочих мест, получения наших технологий.

В настоящий момент реализован проект по организации сборки малогабаритной техники BELARUS, выпускаемой Бобруйским заводом тракторных деталей и агрегатов, на базе производственных площадей «Завода имени Героев 26 июля» в городе Ольгин. Первую партию малогабаритных тракторов BELARUS 321М специалисты Минского тракторного завода совместно с сотрудниками Бобруйского завода тракторных деталей и агрегатов собрали на базе кубинского завода в декабре 2024 года [5].

Третье, торговля комплектным оборудованием. Эта форма имеет некоторые особенности по сравнению с другими формами поставки готовой продукции на внешний рынок. Под комплектным понимается оборудование для промышленных предприятий и объектов, представляющих единый технологический комплекс, строящихся по согласованному между сторонами проекту с одновременным предоставлением сопутствующих услуг в виде инжиниринга, строительных работ, транспортных, финансовых и страховых операций, а также обучением специалистов для работы с закупленным оборудованием.

Четвертое, электронная форма международной торговли и цифровые коммуникационные платформы.

Электронная торговля появилась и стала популярной благодаря широкому распространению глобальной сети Интернет. Из явных плюсов такой формы торговли можно назвать значимую экономию времени и средств на предконтрактном этапе внешнеторговой сделки и в ходе сопровождения контракта, а также возможность глобального доступа к потенциальным рынкам, который не зависит от расположения штаб-квартиры фирмы в географических координатах и от размера этой фирмы. Примерами такой формы могут выступать: *Интернет-торговля через новую электронную платформу export.by*, предлагающую комплексное сопровождение участников деятельности ВЭД и электронизацию сферы услуг ВЭД [6]; *цифровая платформа для учета бартера*, что может кардинально упростить и обезопасить обмен товарами между Беларусью и Кубой в условиях дефицита валюты и санкционных ограничений. В отличие от традиционного бартера применение цифровой платформы для учета бартера значительно сократит время на согласование бартерных операций, снизит риски несоответствия качества товаров и недопоставки продукции, гарантирует своевременное исполнение заключенных контрактов.

В качестве цифровых коммуникационных платформ перспективы имеют *медицинская цифровая платформа*, которая позволит проводить совместные консультации белорусских и кубинских врачей в онлайн-режиме и *образовательная цифровая платформа на базе*

"IT-Academy" с предоставлением возможностей проведения онлайн-курсов ПВТ на испанском языке и стажировки кубинских IT-специалистов в белорусских компаниях.

Пятое, создание совместных предприятий.

Кооперационные формы торгово-экономического взаимодействия Беларуси и Кубы предполагают также создание совместных предприятий по производству продуктов питания, выпуску цельномолочной продукции, лекарственных средств, модернизации техники и другие.

Куба выступила с инициативой создания *совместного белорусско-кубинского предприятия по производству молочной, мясной и другой пищевой продукции из белорусского сырья*. В Гаване созданы молочный комплекс и хорошая инфраструктура, но его мощности до конца не используются из-за того, что нет необходимого объема сырья. Планируется, что представители молочной и мясной индустрии Беларуси будут обеспечивать долгосрочную поставку сырья (в основном сухого молока и продуктов мясной промышленности) для их переработки на Кубе, а также обеспечивать квалифицированную поддержку этих производств [7].

Куба заинтересована также в *совместном производстве медицинских препаратов на территории Беларуси*. При этом площадка «Великого камня» с его благоприятным режимом могла бы стать отличным местом для фармацевтических предприятий Кубы. Для производства и реализации в нашей стране, а также продвижения через Беларусь в другие страны СНГ и ЕАЭС совместных препаратов, было предложено в Минске открыть Кубинский центр технологий на базе медицинского университета.

В июне 2024 года между Национальной академией наук Беларуси и Кубинской государственной организацией биотехнологической и фармацевтической промышленности «БиоКубаФарма» заключено соглашение о намерениях по созданию совместного предприятия [8]. В структуре Национальной академии наук действует междисциплинарный фармацевтический кластер, который объединяет в себе ряд организаций, в том числе фармацевтическое предприятие «Академфарм». Кубинский концерн «БиоКубаФарма» активно развивает контакты с белорусским «Академфарм» и холдингом «Белфармпром» в части расширения поставок и упрощения регистрации лекарственных средств, а также совместной разработки препаратов.

Предполагается, что базой для нового совместного предприятия может стать второй цех «Академфарм», который находится в завершающей стадии строительства. Создаваемое предприятие должно стать окном для наших медпрепаратов в Латинскую Америку, а компаниям из Кубы поможет нарастить объемы на рынке ЕАЭС. Сфера биотехнологий, производства лекарственных препаратов может послужить толчком для активизации сотрудничества и повлечь за собой развитие взаимодействия в других отраслях.

Новыми пилотными проектами по созданию совместных предприятий могут стать следующие.

Пилотный проект по созданию совместного предприятия на территории Кубы по сборке тракторов. Беларусь обладает мощным потенциалом в производстве и экспорте тракторов на базе ОАО «Минский тракторный завод»; Куба испытывает дефицит сельскохозяйственной техники.

Пилотный проект по созданию совместного предприятия в Беларуси по выпуску вакцин или онкологических препаратов. Беларусь имеет мощную фармацевтическую базу; Куба является мировым лидером по производству вакцин и биологических аналогов.

Шестое, совместные кластерные структуры. Эта форма экономического взаимодействия должна учитывать имеющиеся производственные компетенции Республики Беларусь и Республики Куба, а также потенциал взаимного углубления белорусско-кубинского сотрудничества. Потенциальными белорусско-кубинскими кластерами по отраслевым направлениям могут быть следующие:

Биофармацевтический кластер. Участниками данного кластера со стороны Беларуси могут выступать крупнейшие компании на фармацевтическом рынке страны (например,

организации-участники холдинга «Белфармпром», объединяющего 6 фармацевтических организаций (РУП «Белмедпрепараты», ОАО «Борисовский завод медицинских препаратов», УП «Минскинтеркапс» и др.), научную организацию РУП «Научно-практический центр ЛОТИОС», производителя медицинских изделий Производственное унитарное предприятие «ФреБор»; ООО «Искамед», СООО «Лекфарм», СП ООО «Фармлэнд» и др.) [9, 10].

Со стороны Кубы возможно привлечение научно-исследовательских и производственных предприятий биотехнологической и фармацевтической промышленности (например, кубинский концерн биотехнологической и фармацевтической промышленности BioCubaFarma, в том числе Центр генной инженерии и биотехнологии (Center for Genetic Engineering and Biotechnology, CIGB), Национальный центр биопрепаратов (National Biopreparations Center, BIOCEN)) [11].

Агропромышленный кластер. Потенциальными участниками кластера со стороны Беларуси могут выступать крупнейшие компании сельскохозяйственного машиностроения (например, ОАО «Минский тракторный завод», как управляющая компания холдинга «МТЗ-холдинг»; ОАО «Гомсельмаш», как управляющая компания холдинга «Гомсельмаш»).

Со стороны Кубы могут участвовать компании сахарной отрасли агропромышленного комплекса (например, группа компаний по переработке сахарного тростника AZCUBA Sugar), Группа сельскохозяйственного бизнеса Grupo Empresarial Agrícola, куда входят также 7 научно-исследовательских институтов и научных организаций [12, 13].

Туристическо-медицинский кластер. Потенциальными участниками кластера со стороны Беларуси могут выступать учреждения санаторно-курортной базы, государственные и коммерческие медицинские центры и клиники, Министерство здравоохранения Республики Беларусь. К наиболее востребованным направлениям медицинского туризма на территории страны относятся: трансплантология, онкология, кардиохирургия, пластическая хирургия, акушерство, нейрохирургия, травматология, диагностическое обследование, профилактическое лечение, офтальмология, восстановление после перенесенных заболеваний [14].

Куба обладает уникальными компетенциями в медицинском туризме, имеет сильную школу биомедицины (например, лечение онкологических заболеваний), готовую инфраструктуру для оказания медицинских услуг в Варадеро и Гаване. Наиболее популярные виды медицинских услуг: пластическая хирургия, стоматология, реабилитация, лечение онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний. Потенциальными участниками кластера могут быть ведущие кубинские клиники и госпитали (например, Институт кардиологии и кардиохирургии Хосе Рамона Мачадо Венто, Национальный институт онкологии и радиобиологии, Международный центр реабилитации «Хосе Марти») [15].

Седьмое, восстановление и ремонт техники. Кубинская сторона неоднократно высказывала пожелание, чтобы с учетом хорошей технологической базы и высококлассных специалистов, Беларусь поучаствовала в процессах модернизации ранее приобретенной техники, которая работает на острове. В планах Кубы – усовершенствовать около 50 тыс. старых тракторов и 10 тыс. техники МАЗ, а также возможна ремоторизация иной техники [16]. На Кубе отсутствуют специалисты и ремонтные мастерские, способные выполнить весь комплекс работ по качественному обслуживанию техники. Поэтому перспективным представляется создание на территории Кубы совместных предприятий по восстановлению и ремонту техники (сельскохозяйственной, автомобильной, военной), которая осталась со времен СССР, но простаивает из-за отсутствия компонентов, агрегатов и запасных частей.

Восьмое, торговля инженерно-консультационными услугами. Эта форма сотрудничества оказывает глобальное влияние на международную торговлю товарами, поскольку оказание инжиниринговых услуг дополнительно повышает конкурентоспособность товаров и нередко без них не представляется возможным продвижение товара на рынок.

Рынок инжиниринговых услуг в Беларуси представлен преимущественно государственными научными и проектными организациями, которые работают

с госсектором. Основное направление – консультационный инжиниринг, включающий предпроектные исследования, проектирование и авторский надзор за строительством. инжиниринг является связующим звеном между наукой и производством.

Куба может оказывать Беларуси *инженерно-консультационные услуги в области биотехнологий*. Компания специализированных инженерных услуг ESINESK (Empresa de Servicios Ingenieros Especializados) – это компания в биотехнологическом и фармацевтическом секторе Кубы, признанная своей конкурентоспособностью в области комплексного предоставления услуг, инженеров и поддержки. Предоставляет услуги по монтажу, обслуживанию и ремонту технологического оборудования, вспомогательных и ответственных систем; диагностике и аттестации оборудования, систем и сооружений, а также валидации процессов и метрологических испытаний; инжиниринговые, проектные и консалтинговые услуги компаниям, входящим в бизнес-группу биотехнологической и фармацевтической промышленности (BioCubaFarma), и другим организациям, чтобы обеспечить доступность всех этих систем, средств и оборудования [17].

*Рекомендации для включения в совместный план действий по углублению
торгово-экономических связей между Республикой Беларусь и Республикой Куба*

1. Внедрение инструментов экспортного кредитования, страхования экспортно-импортных операций и координация сертификационных процедур.

2. Обеспечение поставок новой техники с применением лизинговых инструментов. Из-за определенных трудностей финансового характера с кубинской стороны затруднены поставки дорогостоящей техники с оплатой посредством стандартных финансовых механизмов. Лизинг же дает возможность приобрести товар сразу, оплачивая его стоимость частями, без скрытых платежей. Для белорусского производителя лизинг – это возможность расширения продаж в условиях ограниченной платежеспособности кубинских покупателей.

Беларусь могла бы поставлять на Кубу на условиях финансового лизинга тракторы и иные сельскохозяйственные машины, лесохозяйственную технику, карьерные самосвалы, прочую карьерную технику, грузовые и пассажирские транспортные средства, коммунальную технику, а также производственное и технологическое оборудование. Для финансирования экспортного лизинга необходима кредитная и гарантийная поддержка Банка развития Республики Беларусь и Белэксимгаранта в рамках госпрограммы поддержки экспорта.

3. Расширение практики поставки белорусской продукции на Кубу в рамках экспортных кредитов Банка развития Беларуси. Особенностью внешнеторговых отношений Беларуси с Кубой является то, что белорусский экспорт в эту страну осуществляется в большинстве случаев при кредитной и страховой поддержке со стороны Банка развития и Белэксимгаранта. Сегодня это сухое молоко и сельскохозяйственная техника, но белорусская сторона заинтересована последовательно расширять данный перечень.

4. Активизация работы по формированию образа Беларуси в регионе, ее узнаваемости. Кубинские партнеры, за исключением представителей органов государственного управления, не всегда располагают достаточной информацией о нашей стране, об уровне развития экономики, экспортных возможностях, номенклатуре выпускаемой продукции. Помимо целенаправленной работы по формированию положительного имиджа страны на рынке Кубы и других государств Латинской Америки, не менее важно строго соблюдать взятые на себя белорусскими предприятиями и компаниями обязательства, заботиться об образе Беларуси как надежного делового партнера, по возможности свести к минимуму бюрократические процедуры, характерные для той и другой стороны.

5. Продолжение практики обменов визитами премьер-министров, правительственных делегаций двух стран, развитие межпарламентского сотрудничества, продолжение результативной работы совместной межправкомиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству позволят определить потенциальные направления для углубления торгово-экономических связей, а также выявить новые совместные проекты.

6. Расширение бизнес-контактов между представителями бизнес-сообщества Беларуси и Кубы, в том числе на площадке ЕАЭС, подстегнет дальнейшее развитие торгово-экономических отношений между двумя странами. В целях интенсификации сотрудничества деловых кругов Кубы и стран ЕАЭС подписано Соглашение между Деловым советом ЕАЭС и Торговой палатой Кубы. БелТПП, бизнес-ассоциациям, объединениям промышленников и предпринимателей Беларуси в рамках данного соглашения следует активнее работать над расширением контактов между представителями деловых кругов двух стран.

ЕЭК предлагает для развития взаимодействия между деловыми кругами ЕАЭС и Кубы свою инфраструктуру. В рамках заседаний совместной комиссии, которая учреждена Меморандумом о взаимопонимании между ЕЭК и Правительством Кубы, проходят бизнес-семинары или бизнес-миссии с участием предпринимателей из стран Союза и Кубы, традиционно компании из стран Союза участвуют в крупнейшем кубинском конгрессно-выставочном мероприятии-ярмарке FINAV.

7. Организация и проведение регулярных заседаний Белорусско-Кубинской совместной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству для обсуждения приоритетных отраслей сотрудничества (закупка сельскохозяйственной техники, поставка молочной продукции, сотрудничество в медицинской сфере), координации шагов и мониторинга реализации двусторонних договоренностей.

8. Создание специализированных секций и рабочих групп для рассмотрения отдельных отраслевых вопросов и согласования новых торговых инициатив. Использование механизмов межпарламентского взаимодействия, что упрощает законодательное и регуляторное сопровождение проектов, способствует синхронизации экономической и политической повесток и созданию благоприятных условий для бизнеса.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта «Экономические риски. Выгоды и перспективы торгово-экономического сотрудничества Республики Беларусь и Республики Куба в условиях санкций и в формате «Большая Евразия»» (договор от 01.12.2023 № Г23КУБ-008).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Внешняя торговля Республики Беларусь // Сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – URL: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya_2/ (дата обращения 09.09.2024).

2. Trade statistics // International Trade Centre World Trade Organization and the United Nations Conference on Trade and Development. – URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения 09.09.2024).

3. Классификация стран: Куба. – URL: <https://www.egap.cz/cs/zeme/cu> (дата обращения 30.08.2024).

4. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Куба о взаимных поставках от 24 июня 2014 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 04 мая 2015 г., № 3/3094.

5. На Кубе собрали первую партию тракторов BELARUS // БЕЛТА. – URL: <https://belta.by/economics/view/na-kube-sobrali-pervuju-partiju-traktorov-belarus-682716-2024/> (дата обращения 12.05.2025).

6. Единый портал внешнеторговой деятельности // Export.by. – URL: <https://export.by/articles/about-portal> (дата обращения 25.05.2025).

7. Премьер Кубы предложил Беларуси совместную работу в мясомолочной индустрии // СПУТНИК. – URL: <https://sputnik.by/20231110/premer-kuby-predlozhil-belarusi-postroit-v-gavane-myasomolochnyu-kombinat-1081047877.html> (дата обращения 12.05.2025).

8. Беларусь и Куба подписали соглашение о намерениях по созданию совместного фармпредприятия // БЕЛТА. – URL: <https://belta.by/society/view/belarus-i-kuba-podpisali-soglashenie-o-namerenijah-po-sozdaniju-sovmestnogo-farmpredpriyatija-640638-2024/> (дата обращения 12.05.2025).
9. Белфармпром. Управляющая компания холдинга // Сайт Белфармпром. – URL: <https://belpharmprom.by/about/> (дата обращения 25.05.2025).
10. Названы топ-5 крупнейших компаний фармацевтической промышленности Беларуси // Новы дзень. Жлобинская районная газета. – URL: <https://ndsmi.by/obshchestvo/38408-nazvany-top-5-krupnejshikh-kompanij-farmatsevticheskoy-promyshlennosti-belarusi> (дата обращения 25.05.2025).
11. История успеха // BioCubaFarma. – URL: https://trueconf.ru/blog/wp-content/uploads/2021/02/biocubafarma_ru.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения 25.05.2025).
12. Группа компаний по переработке сахарного тростника AZCUBA // Сайт компании AZCUBA. – URL: <https://www.azcuba.cu/> (дата обращения 25.05.2025).
13. Группа сельскохозяйственного бизнеса Grupo Empresarial Agrícola // GAG. – URL: https://www.grupoagricoladecuba.gag.cu/index.php?option=com_content&view=article&id=204&Itemid=168 (дата обращения 25.05.2025).
14. Какие медицинские услуги в Беларуси наиболее востребованы у иностранцев // 1PROF.BY. – URL: <https://1prof.by/news/ekonomika-i-biznes/kakie-mediczinskie-uslugi-v-belarusi-naibolee-vostrebovany-u-inostranczev/> (дата обращения: 25.05.2025).
15. Почему лечение на Кубе – идеальный выбор для вашего здоровья. – URL: https://dzen.ru/a/Zt_QXG-dXQGiZHY1#preimyschestva_lecheniya_na_kybe (дата обращения 25.05.2025).
16. Гришкевич А. Реновация техники, новые СП и работа в Африке. Посол Кубы о точках роста в сотрудничестве с Беларусью // БЕЛТА. – URL: <https://belta.by/interview/view/renovatsija-tehniki-novye-sp-i-rabota-v-afrike-posol-kuby-o-tochkah-rosta-v-sotrudnichestve-s-belarusju-9569/> (дата обращения 12.05.2025).
17. Компания специализированных инженерных услуг ESINESK // BIOCUBAFARMA. – URL: <https://biocubafarma.ru/esines/> (дата обращения 12.05.2025).

УДК 338.2

**РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ
ИНТЕГРАЦИИ БЕЛАРУСИ
DEVELOPMENT OF THE ECONOMIC POTENTIAL OF INTERREGIONAL
INTEGRATION OF BELARUS**

Сенько Анна Николаевна,
доктор экономических наук, профессор,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
Республика Беларусь, г. Минск,
annasenko1@rambler.ru

Близнюк Ольга Сергеевна,
кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск,
olgabliznyuck@yandex.by

Senko Anna,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
Republic of Belarus, Minsk

Bliznyuk Olga,
Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье рассмотрены основные аспекты формирования и использования экономического потенциала межрегиональных взаимодействий. Раскрыто содержание экономического потенциала межрегиональной интеграции на основе ведущих факторов влияния на интенсивность взаимодействий между участниками межрегиональных отношений. Предложен методический подход к совершенствованию условий развития экономического потенциала межрегиональной интеграции Беларуси.

Ключевые слова: межрегиональная интеграция, экономический потенциал, межрегиональные отношения, интеграционное пространство, экспорт.

Abstract. The article is devoted to the main aspects of the formation and use of the economic potential of interregional cooperation. The content of the economic potential of interregional integration is revealed on the basis of the leading factors influencing the intensity of interactions between participants in interregional relations. A methodological approach to improving the conditions for the development of the economic potential of the interregional integration of Belarus is proposed.

Keywords: interregional integration, economic potential, interregional relations, integration space, export.

В настоящее время экономический потенциал межрегиональной интеграции рассматривается важным фактором для территориального развития Республики Беларусь. На церемонии инаугурации 25 марта 2025 года Президентом Республики Беларусь Александром Григорьевичем Лукашенко отмечено, что «важнейший общенациональный проект – дальнейшее развитие наших регионов. Каждого уголка нашей страны. Сильная страна – это сильные регионы» [1]. Кроме того, в 2024 году при обращении к главам государств Союза Президентом Республики Беларусь были отмечены основные приоритеты интеграции: общие подходы к развитию технологического потенциала, продовольственной безопасности, расширению единого транспортного пространства, цифрового пространства и кооперационного взаимодействия на территории ЕАЭС [2]. Этот контекст определяет одно из ключевых направлений стратегической модели развития белорусской экономики.

Согласно данным Министерства экономики Республики Беларусь, ориентирами будущей стратегической модели являются: становление интеллектуальной экономики, определены принципами самодостаточности и создания равноправных партнерских отношений в интеграционном пространстве; совершенствование условий для реализации жизненно-важных потребностей человека и общества (качественного образования, физического и творческого потенциала личности, укрепления семейных ценностей и т. п.); благоприятные условия для достижения баланса интересов государства и бизнеса, способствующих повышению национальной безопасности в ключевых сферах (экономической, научно-технологической, экологической и др.) [3].

В этой связи важное значение имеют прикладные исследования в области выявления новых закономерностей развития экономики на региональном уровне, факторов, источников, потенциалов и возможностей для регионов Беларуси по реализации стратегических национальных интересов.

Экономический потенциал межрегиональной интеграции рассматривается в различных аспектах, представленных совокупностью факторов влияния на интенсивность взаимодействий между регионами в международном пространстве.

В научных исследованиях характеристика интенсивности межрегиональных взаимодействий, как правило, базируется на результатах анализа множества показателей, включая динамику объема межрегиональной торговли, взаимных инвестиций, обмена трудовыми, интеллектуальными, информационными ресурсами и технологиями, а также разнообразием форм межрегионального сотрудничества и взаимозависимости.

Выполненный на основе данных Министерства иностранных дел Республики Беларусь анализ показателя динамики внешней торговли товарами позволяет заключить, что товарооборот за период 2020–2024 годы в целом увеличился с 62 млрд долл. США (2020 год) до 86 млрд долл. США (2024 год), т. е. темп роста составил 139 %. За этот период темп роста экспорта товаров составил 138 % (с 29 млрд долл. США за 2020 год до 40 млрд долл. США за 2024 год).

Темп роста экспорта услуг составил 112,5 % (с 8,8 млрд долл. США за 2020 год до 9,9 млрд долл. США за 2024 год). Структура экспорта товаров включала около 1100 товарных позиций, включая высокотехнологичную продукцию [4]. Согласно данным Министерства экономики Республики Беларусь, в рамках ЕАЭС функционирует общий рынок услуг, включающий примерно 140 видов услуг (в том числе строительные, компьютерные, установка лифтов, монтаж газового оборудования, бытовые услуги и др.). Кроме того, еще 117 услуг на основе Соглашения об административном сотрудничестве на территории ЕАЭС подготовлены к допуску на региональные рынки.

Как показывает проведенный анализ условий для накопления экономического потенциала межрегиональной интеграции важное значение имеет консолидация институциональных условий, обеспечивающих использование экспортного потенциала на региональном уровне и на уровне национальной экономики каждой из стран, участвующих в интеграционном объединении. В частности, в ЕАЭС относительно почти 88 % обращаемой на региональных рынках ЕАЭС продукции действуют нормы и правила регламентов технического регулирования [5].

Например, за последние 10 лет в ЕАЭС вступили в силу 48 из 52 разработанных технических регламентов. В положениях Межгосударственных Программ ЕАЭС отмечается необходимость разработки около 2700 межгосударственных стандартов, правил и принципов формирования технических регламентов. Также предусмотрено, что до 2026 года 312 стандартов будет разработано органами Государственной стандартизации Беларуси. В числе других факторов, данная деятельность способствовала тому, что экспорт Беларуси в страны ЕАЭС за последние 10 лет вырос почти в 2 раза (с 45 млрд долл. США в 2025 году до 98 млрд долл. США за 2024 год) [6].

Согласно данным мониторинга взаимных инвестиций Евразийского Банка Развития (ЕАБР), наибольшую интенсивность в наращивании прямых инвестиций показывает КНР. Прямые инвестиции Китая в Евразийском направлении осуществляются в сферы электроэнергетики и обрабатывающей промышленности (по результатам анализа относительно 2016 г. и I полугодия 2024 г. рост инвестиций составил около 56 %). Структурный анализ позволяет отметить, что на долю России приходится около 18,2 млрд долл. США или 31 % от общего объема. Динамический анализ показывает, что за соответствующий период 2016 г. – I полугодие 2024 г. рост объема инвестиций Китая в Россию составил 2,4 раза [7].

Что касается факторов обмена интеллектуальными, информационными ресурсами и технологиями, используемыми при характеристике интенсивности межрегиональных взаимодействий и распределения экономического потенциала, то необходимо отметить аспект распространения цифровых технологий в механизмах регулирования развития экономических процессов и условий повышения цифровизации экономики. Об этом отмечается в Стратегических документах экономического развития ЕАЭС [8]. Например,

в России на региональном уровне национальной программы «Цифровая экономика» предусмотрено масштабирование информационных технологий, как, например, «Цифровое государственное управление», направленных на рост качества жизни населения, не зависимо от территории проживания.

Обобщая результаты проведенного исследования, предлагается методический подход к совершенствованию условий развития экономического потенциала межрегиональной интеграции Беларуси (рисунок 1).

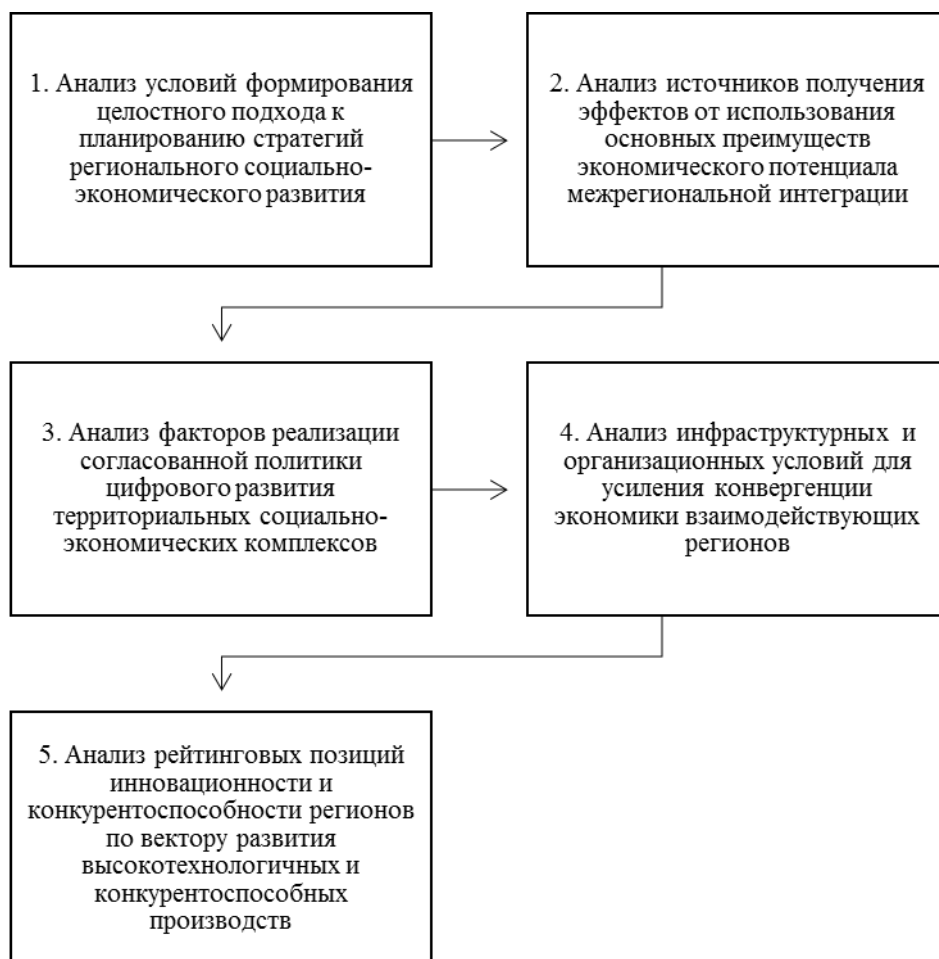

Рисунок 1 – Положения методического подхода к совершенствованию условий развития и использования экономического потенциала межрегиональных взаимодействий Беларуси

Примечание – Источник: разработка авторов на основе [2–8].

На рисунке 1 представлены следующие основные методические положения, определяющие возможности развития экономического потенциала межрегиональной интеграции.

Во-первых, анализ условий формирования целостного подхода к планированию стратегий регионального социально-экономического развития, основанного на объединении ресурсной базы (природных, трудовых, интеллектуальных и др. ресурсов) сотрудничающих регионов по ориентирам повышения качества жизни населения. Значимость данного направления была отмечена в рамках работы Стратегических сессий, организаторами которых выступили областные исполнительные комитеты Республики Беларусь при поддержке НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь и Программы развития ООН (ПРООН) в Республике Беларусь [9]. Этот аспект также согласуется с положениями Проекта национальной стратегии устойчивого развития Беларуси на период до 2040 года (НСУР-2040) [10].

Во-вторых, методическое положение, касающееся получения эффектов от использования основных преимуществ экономического потенциала межрегиональной интеграции. Экономический потенциал способствует улучшению качества межрегиональных отношений за счет роста эффективности взаимодействия регионов в рамках реализации согласованной промышленной, аграрной, торговой политики в направлениях увеличения конкурентоспособной продукции [11]. В частности, исходя из результатов анализа социально-экономического развития территорий страны за I квартал 2025 года, рост экономического потенциала регионов Беларуси года в текущем периоде связан с основными факторами:

- масштабирования и расширения межрегиональных проектов промышленной кооперации и межрегионального научно-технического сотрудничества, модернизации межрегиональной транспортно-логистической инфраструктуры;
- реализации крупномасштабных проектов модернизации валообразующих производственных организаций реального сектора экономики регионов Беларуси;
- создания и расширения новых высокотехнологичных производств, реализацией инновационных предпринимательских инициатив в регионах;
- реализации проектов комплексной модернизации управления экономикой и социальной сферой. Например, комплексные «проекты будущего» – «Умные города Беларуси», которые в совокупности направлены на цифровую трансформацию городского управления и развитие цифровой экосистемы при поддержке цифровой платформы «Умный город (регион)» [12, 13]. Они учитывают тенденции цифровой модернизации экономики на территориях стран – участниц интеграционных объединений.

В-третьих, анализ факторов, обеспечивающих реализацию согласованной политики цифрового развития территориальных социально-экономических комплексов, являющихся субъектами межрегиональных отношений. Данный аспект интегрирует направления оценки качества развития территорий на основе факторов цифровизации и востребованности цифровых платформ [14].

В-четвертых, анализ инфраструктурных и организационных условий для усиления конвергенции экономики взаимодействующих регионов. Данное положение охватывает широкий диапазон факторов, влияющих на качество межрегиональных отношений (интеграционной готовности к совместному развитию энергосистем, инженерной инфраструктуры, кооперационных сетей, определяющих технико-технологическую совместимость производственной базы регионов и др.).

В-пятых, анализ рейтинговых позиций инновационности и конкурентоспособности регионов по вектору развития высокотехнологичных и конкурентоспособных производств. Например, в Беларуси рейтинговые позиции регионов могут определяться на основе специальных исследований и с помощью различных индикаторов, проводимых в рамках изучения уровня социально-экономического развития территорий страны и формирования стратегий развития регионов. Они определяются по результатам анализа совокупности показателей. Например, структуры и динамики Валового регионального продукта (ВРП), продукции промышленности, сельского хозяйства, инвестиций, социальной и транспортной инфраструктуры, внешнеторговой деятельности и др. В России рейтинги регионов формируются по нескольким методологиям. В частности, рейтинги, совокупно измеряющие социальные и экономические аспекты регионов страны, включая Рейтинг регионов по уровню благосостояния семей; Рейтинг российских регионов по качеству жизни; Итоговый рейтинг регионов России (Агентство стратегических инициатив – АСИ; Аналитика РИА Рейтинг). Измерение цифровых аспектов регионального развития России находит отражение в Рейтинге регионов SMART (методология Ассоциации инновационных регионов России, АИРР).

Научная новизна предложенного методического подхода к совершенствованию условий развития и использования экономического потенциала межрегиональных взаимодействий определяется выявленными факторами в приоритетных направлениях сотрудничества регионов Беларуси в интеграционной среде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. В регионах Беларуси подвели итоги социально-экономического развития за первый квартал 2025 года // Беларусь сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/kogda-est-chem-gorditsya-i-k-chemu-stremitsya.htm> (дата обращения 17.09.2025).
2. Будущее ЕАЭС: Беларусь на передовой интеграционных процессов // Сайт Министерства экономики Республики Беларусь. – URL: <https://economy.gov.by/ru/news-ru/preview/buduschee-eaes-belarus-na-peredovoj-integratsionnyx-protsessov-kruglyj-stol-50201-2025/> (дата обращения 17.09.2025).
3. Минэкономики: НСУР-2040 определяет долгосрочный вектор будущей модели белорусской экономики // Сайт Министерства экономики Республики Беларусь. – URL: <https://economy.gov.by/ru/news-ru/view/minekonomiki-nsur-2040-opredeljaet-dolgosrochnyj-vektor-buduschej-modeli-belorusskoj-ekonomiki-49606-2024/> (дата обращения 21.09.2025).
4. Общая информация о внешней торговле: направления, задачи, итоги за актуальный период // Сайт Министерства иностранных дел Республики Беларусь. – URL: <https://www.mfa.gov.by/trade/> (дата обращения 21.09.2025).
5. Функционирование внутреннего рынка Евразийского экономического союза // Сайт ЕАЭС. – URL: <https://barriers.eaeunion.org/barriers/ru> (дата обращения 21.09.2025).
6. Будущее ЕАЭС. Беларусь на передовой интеграционных процессов – круглый стол // Сайт Министерства экономики Республики Беларусь. – URL: <https://economy.gov.by/ru/news-ru/preview/buduschee-eaes-belarus-na-peredovoj-integratsionnyx-protsessov-kruglyj-stol-50201-2025/> (дата обращения 21.09.2025).
7. Взаимные инвестиции на Евразийском континенте: новые и старые партнеры на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР. Доклад 2025 г. – URL: https://eabr.org/upload/iblock/81a/EDB_MVI_2025_RU_2025_02_19.pdf (дата обращения 21.09.2025).
8. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года («Евразийский экономический путь»). – URL: <https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/d33/wwasxv6pk0fuii0pbcjiwexw7joekdpz/Deklaratsiya-kor.pdf> (дата обращения 21.09.2025).
9. В Беларуси началась разработка региональных стратегий устойчивого развития // UNDP. – URL <https://www.undp.org/ru/belarus/news/v-belarusi-nachalas-razrabotka-regionalnykh-strategiy-ustoychivogo-razvitiya> (дата обращения 17.09.2025).
10. Какой Беларусь будет к 2040 году: что предусмотрено проектом стратегии устойчивого развития // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/september/78910/> (дата обращения 21.09.2025).
11. Социально-экономический потенциал регионов России // Сайт Института экономики УрО РАН. – URL: <https://uiес.ru/сборники-статей/> (дата обращения 21.09.2025).
12. Для чего Минсвязи отбирает пилотные проекты в сфере цифрового развития // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/september/89947/> (дата обращения 15.09.2025).
13. Умные города Беларуси // Сайт Министерства связи информатизации Республики Беларусь. – URL <https://www.mpt.gov.by/ru/smart-cities-belarus> (дата обращения 17.09.2025).
14. Эколого-экономическая безопасность регионов. Ресурсный потенциал и оценка ущербов: сборник научных статей. – URL https://uiес.ru/wp-content/uploads/2024/10/экологический_сборник_2024_2.pdf (дата обращения 17.09.2025).

**ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ИМПОРТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: РИСКИ, ВЫГОДЫ И ПОТЕНЦИАЛ
ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК
PARALLEL IMPORTS IN THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE REPUBLIC OF BELARUS: RISKS, BENEFITS,
AND POTENTIAL FOR NATIONAL ECONOMIES**

Серeda Александр Анатольевич,
доктор экономических наук, профессор,
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
Российская Федерация, г. Москва,
sereda@bk.ru

Sereda Alexander,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation, Moscow

Аннотация. Усиление санкционного воздействия недружественных стран на белорусскую и российскую экономики, уход с национальных рынков многих крупных западных компаний, расширение процессов импортозамещения и другие факторы вынудили правительства Республики Беларусь и Российской Федерации к поиску новых форм внешнеэкономической деятельности, одной из которых является параллельный импорт. Параллельный импорт имеет свои достоинства и недостатки, которые достаточно полно проявились в мировой практике внешней торговли. Одним из возможных способов увеличения экономического потенциала параллельного импорта в Республике Беларусь и Российской Федерации является использование его не как временного инструмента стабилизации импорта и насыщения рынка зарубежными товарами, а как механизма предотвращения ценовой, качественной и ассортиментной дискриминации белорусских и российских потребителей.

Ключевые слова: параллельный импорт, внешняя торговля, экономические санкции, экономический потенциал, конкуренция, правообладатель.

Abstract. The strengthening of sanctions imposed by unfriendly countries on the Belarusian and Russian economies, the departure of many large Western companies from national markets, the expansion of import substitution processes and other factors have forced the governments of the Republic of Belarus and the Russian Federation to seek new forms of foreign economic activity, one of which is parallel import. Parallel imports have their advantages and disadvantages, which have been fully demonstrated in global foreign trade practice. One possible way to increase the economic potential of parallel imports in the Republic of Belarus and the Russian Federation is to use them not as a temporary tool for stabilising imports and saturating the market with foreign goods, but as a mechanism for preventing price, quality and assortment discrimination against Belarusian and Russian consumers.

Keywords: parallel imports, foreign trade, economic sanctions, economic potential, competition, rights holder.

Национальные экономики Республики Беларусь (РБ) и Российской Федерации (РФ) на современном этапе развития находятся под воздействием положительных и отрицательных факторов, которые влияют не только на макроэкономические процессы во внешней торговле на национальных уровнях и в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), но и

формируют актуальные тренды развития новых форм внешнеэкономической деятельности белорусских и российских компаний. Одной из таких форм внешнеэкономической деятельности для белорусских и российских импортеров за период с 2022 по 2025 гг. стал параллельный импорт.

Параллельный импорт, с одной стороны, позволяет сократить товарный дефицит, обеспечивает стабильность ассортимента импортных товаров, предотвращает резкий скачок цен и стабилизирует функционирование отраслей экономики, которые зависят от импорта. С другой стороны, развитие параллельного импорта приводит к увеличению риска дезорганизации внешней торговли, увеличивает объемы и долю контрафактной продукции, а также формирует другие негативные тенденции в сфере внешней торговли и функционировании товарных рынков.

Параллельный импорт имеет богатую историю и широкую мировую практику в экономически развитых странах, которые недостаточно изучены и, как следствие, не в полной мере используются на практике в России и Беларуси. Использование потенциала параллельного импорта позволит усилить конкуренцию среди независимых импортеров, ограничит монополизм импортеров-правообладателей, а также позволит предотвратить ценовую, ассортиментную и качественную дискриминацию белорусских и российских потребителей.

Современный параллельный импорт представляет собой известную в мировой практике форму внешнеэкономической деятельности, которая дает независимым импортерам возможность ввозить товары, защищенные авторским правом без разрешения правообладателя. Юридическим базисом параллельного импорта является режим исчерпания исключительного права на товарный знак с точки зрения его территориального применения, то есть на какой территории правообладатель теряет право эксклюзивного распространения своего товара, защищенного интеллектуальными правами, что делает возможным данный импорт без его разрешения и участия. В мировой практике выделяются международный, национальный и региональный режимы исчерпания исключительного права на товарный знак, что делает параллельный импорт возможным (или наоборот невозможным) в рамках различных национально-территориальных и экономических образований. Необходимость использования параллельного импорта возникает в том случае, когда прямой импорт товаров правообладателями, их официальными представителями, а также другими импортерами, имеющими официальное разрешение правообладателя не позволяет наполнить национальный рынок импортируемыми товарами, которые могут удовлетворить запросы потребителей по качеству, ассортименту, цене и количеству.

Неблагоприятная ситуация в плане обеспечения товарных рынков импортными товарами известных мировых брендов возникла в Беларуси и России на протяжении последних трех лет, то есть за период с 2022 по 2025 гг., что вынудило правительства данных государств искать новые формы внешнеэкономической деятельности, которые бы позволили снизить негативные последствия ухода части западных правообладателей с национальных рынков и обеспечить отечественных потребителей качественной импортной продукцией доступной по цене, широкой по ассортименту и достаточной по количеству.

Параллельный импорт в современной России имеет более длительную историю развития, чем период с 2022 по 2025 гг., в течение которого на страну были введены значительное количество санкций, в результате которых, а также по иным объективным и субъективным причинам, российский рынок покинули многие зарубежные компании к продукции которых российские потребители привыкли и традиционно ей доверяли.

Современную историю российского параллельного импорта можно условно разделить на два этапа: «до санкционный» и «пост санкционный». С юридической точки зрения, первый этап развития параллельного импорта базировался на Законе СССР от 3 июля 1991 г. № 2293-I «О товарных знаках и знаках обслуживания» [2], однако, его действие было непродолжительным, поскольку 23 сентября 1992 г. был принят Закон РФ № 3520-I «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» [3].

Ключевым моментом данного закона, с точки зрения возможностей развития параллельного импорта, было закрепление положения, согласно которого владельцы товарных знаков не могли запретить его использование другими лицами в случае его легального введения в оборот самим правообладателем, то есть фактически данный закон закреплял международный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак. Это открывало дорогу импорту товаров без разрешения правообладателя. По нашему мнению, данная практика была абсолютно оправдана поскольку после развала СССР товарные рынки РФ характеризовались значительным дефицитом и государство стремилось стимулировать ввоз импортной продукции как можно большим количеством импортеров. По времени «до санкционный» этап развития российского параллельного импорта пришелся на период с 1991 по 2002 гг. Относительная «свобода импорта» начала постепенно сокращаться в 2001 году, когда 14 декабря 2001 года Верховный Суд РФ принял решение № ГКПИ2001-1671 [9]. Суть данного решения заключалась в том, что владелец товарного знака не лишается права ограничивать использование данного товарного знака на территории РФ в случае его введения в легальный оборот за пределами РФ. То есть фактически был закреплен национальный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, что поставило «крест» на дальнейшем развитии параллельного импорта. В дальнейшем Закон РФ № 3520-I утратил силу вследствие введения в действие статьи 1487 Гражданского Кодекса РФ [1], которая юридически закрепила национальный принцип исчерпания исключительных прав на товарный знак, что делало невозможным легальный параллельный импорт в РФ в течение 13 лет с 2008 по 2021 гг., однако в 2022 году, в силу ряда экономических и политических причин, указанных ранее, ситуация стала изменяться и российское государство вновь решило использовать параллельный импорт для уменьшения негативной ситуации в области обеспечения потребителей импортными товарами известных брендов. 29.03.2022 было принято Постановление Правительства РФ № 506, которое разрешило импорт брендовых товаров, согласно определенного перечня без разрешения правообладателей [6]. Формирование перечня данных товаров было возложено на Минпромторг РФ, который утвердил его на основе Приказа Минпромторга РФ № 2701 от 21.07.2023 [8]. Данный перечень регулярно обновляется, но, как правило, в сторону сокращения, что показывает стремление министерства к сокращению практики параллельного импорта по мере стабилизации ситуации на потребительском рынке.

Ситуация в области развития параллельного импорта в Республике Беларусь после обретения ею независимости развивалась в соответствии с тенденциями развития нормативно-правовой базы молодого белорусского государства. До 1993 года в стране использовалось законодательство СССР о товарных знаках, что в дальнейшем, послужило основой для принятия Закона Республики Беларусь № 2181-XII от 05.02.1993, который, в большинстве своем, был во многом идентичен аналогичному закону СССР [4]. Данный законопроект закреплял национальный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, что делало невозможным развитие легального параллельного импорта, хотя он имел место вследствие соседства Республики Беларусь с восточно-европейскими странами, которые были поставщиками или промежуточными звеньями в логистических цепочках белорусских компаний в то время.

В дальнейшем, данный закон был несколько раз изменен с 2000–2009 гг., но главный принцип национального исчерпания исключительных прав на товарный знак был сохранен. Создание Таможенного Союза потребовало от белорусских законодателей адаптации национального законодательства в области защиты объектов интеллектуальной собственности к новым реалиям. Согласно статье 13 «Соглашения о единых принципах регулирования в сфере защиты интеллектуальной собственности» национальные принципы исчерпания исключительных прав на товарные знаки, должны были быть заменены на региональный принцип [11]. В 2012 году Беларусь изменила свое законодательство, закрепив региональный принцип исчерпания прав на товарные знаки. Справедливости ради отметим, что Россия подобных изменений в свое законодательство не внесло, сохранив национальный

принцип в качестве базового. Создание Евразийского экономического союза потребовало очередных корректировок законодательства Республики Беларусь, однако кардинальных изменений не произошло. В рамках ЕАЭС был сохранен региональный принцип исчерпания исключительных прав на товарные знаки, ранее закрепленный в белорусском законодательстве, причем соответствующие нормативно-правовые акты в Российской Федерации вновь сохранили национальный принцип в качестве основного, то есть по сути в России сформировался смешанный принцип исчерпания исключительных прав на товарные знаки.

Легализация в 2022 году параллельного импорта в РФ привело к возникновению у белорусских импортеров дополнительных возможностей импорта брендовых товаров из России, с которой Беларусь находится в едином таможенном пространстве, что не нарушало национальное законодательство, адаптированное ранее под требования ЕАЭС. Однако, односторонний поток товаров по каналам параллельного импорта со стороны РФ нарушал, по нашему мнению, экономические интересы Республики Беларусь, что вынудило ее принять национальный закон №241-З от 03.01.2023 «Об ограничении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности» [5]. Данный закон разрешал параллельный импорт брендовых товаров без разрешения владельцев товарных знаков по аналогии с механизмом, легализованным в России в 2022 г. Следует отметить, что в 2023 году в Беларуси не существовало, по аналогии с Россией, Перечня товаров, разрешенных для параллельного импорта. Данное упущение было исправлено в 2024 году, в результате принятия постановления Министерства антимонопольного регулирования и торговли № 43 от 18.06.2024 «О перечне товаров (групп товаров)», которым был утвержден перечень товаров, являющихся существенно важными для внутреннего рынка Республики Беларусь, т.е. перечень товаров, разрешенный для ввоза из третьих стран без разрешения правообладателей («параллельный импорт») [7]. Срок действия данного перечня был продлен до конца 2026 г., но перспективы параллельного импорта в Беларуси на ближайшие 5–10 лет нам представляются неясными.

Параллельный импорт как форма внешнеэкономической деятельности не является новацией с теоретической и практической точек зрения. Мировая практика внешней торговли накопила значительный опыт использования параллельного импорта на основе различных сочетаний национального, регионального и международного принципов исчерпания исключительных прав на товарные знаки. По официальным данным Международного валютного фонда, среди стран, имеющих наиболее высокий уровень ВВП в 2022 году и одновременно использующих международный принцип исчерпания прав, находятся 9 государств, включая Россию (таблица 1) [10, с. 120].

Таблица 1 – Принципы исчерпания права на товарный знак в странах, занимающих лидирующие позиции по ВВП

Место в рейтинге по уровню ВВП	Страна	Принцип исчерпания права на товарный знак
1	США	Международный
2	Китай	Международный
3	Япония	Международный
4	Германия	Региональный (ЕС)
5	Индия	Международный
6	Франция	Региональный (ЕС)
7	Италия	Региональный (ЕС)
8	Южная Корея	Международный
9	Россия	Национальный, региональный (ЕАЭС) и международный (частично)
10	Австралия	Международный
11	Испания	Региональный (ЕС)
12	Мексика	Международный

Примечание – Источник: [10, с. 120].

Как видно из данных таблицы 1, две крупнейшие мировые экономики США и Китай используют международный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, что дает право независимым продавцам импортировать его в США и Китай без согласия правообладателя и последний не может ограничивать свободу импорта этой продукции. Страны ЕС применяют региональный принцип, поскольку товары могут свободно перемещаться в рамках европейского рынка без каких-либо ограничений. Россия, как государство, входящее в число лидеров по объему ВВП, как уже отмечалось ранее, выбрала, так называемый, смешанный тип исчерпания исключительных прав на товарный знак. Является ли это целенаправленным вектором внешнеэкономической политики или произошло вследствие неэффективного государственного управления внешней торговлей покажет время и последующие действия российского правительства. Однако, уже сейчас можно констатировать факт уменьшения свободы импорта брендовых товаров в РФ за счет сокращения перечня товарных групп и брендов, разрешенных для параллельного импорта.

Анализируя результаты использования параллельного импорта в Беларуси и России за последние три года, можно отметить, что она как форма внешнеэкономической деятельности, на наш взгляд, принесла следующие выгоды и риски экономикам этих стран:

1. Предотвращен дефицит по большинству категорий товаров, которые импортировались по прямым официальным каналам правообладателями. Данные компании покинули белорусский и российские рынки как по собственной инициативе, так и вследствие применения экономических санкций со стороны недружественных стран, оставив местных потребителей фактически «один на один» с проблемой экономического выбора товаров-заменителей и прекратив гарантийное и после гарантийное обслуживание своей высокотехнологичной продукции.

2. Увеличение цен на ввозимые по параллельному импорту брендовые товары носило постепенный характер и, в целом, соответствовало среднегодовым показателям инфляции в РБ и РФ.

3. Срок поставки товаров, ввозимых по параллельному импорту за последние три года, заметно сократился, даже несмотря на ликвидацию многих традиционных логистических цепочек, особенно через страны ЕС.

Среди негативных тенденций, можно выделить следующие факторы риска для компаний и конечных потребителей товаров, ввозимых по параллельному импорту:

1. увеличение рисков покупки контрафактной продукции известных брендов, которые увеличиваются вследствие расширения «серого» нелегального импорта;

2. ослабление позиций белорусских и российских товаропроизводителей, которые рассчитывали занять освободившиеся рыночные ниши, однако они были достаточно быстро заполнены товарами, ввозимыми по параллельному импорту;

3. сложность налогового и таможенного администрирования параллельного импорта, которая приводит к уменьшению налоговых и таможенных платежей от «параллельных» импортеров;

4. снижение репутации известных брендов среди массового потребителя, что негативно влияет на спрос легально произведенной, оригинальной продукции, ввозимой посредством параллельного импорта;

5. уменьшение инвестиционной привлекательности белорусской и российской экономик вследствие ухода крупных компаний, мнение которых весомо в мировой инвестиционной среде.

Сопоставление выгод и рисков параллельного импорта, а также его мировая практика в странах, которые используют международный принцип исчерпания исключительных прав на товарные знаки позволяет нам сделать вывод, о том, что параллельный импорт имеет значительный экономический потенциал в Беларуси и России, который заключается в следующем:

– Ввоз товаров посредством параллельного импорта позволит не только сохранить, но и расширит ассортимент брендовых товаров мировых производителей, которые

зарекомендовали себя с лучшей стороны у белорусских и российских потребителей. Несмотря на увеличение доли товаров, произведенных под национальными азиатскими брендами из дружественных стран, товары широко известных западных брендов будут еще долгое время привлекательными и востребованными у отечественных потребителей.

– Параллельный импорт поддерживает здоровую конкуренцию между независимыми импортерами, которые не позволят владельцам товарных знаков использовать свое ведущее положение на рынке и право ограничивать оборот своей продукции посредством использования национального принципа исчерпания права на товарные знаки. Это приведет к стабилизации ценовой ситуации на импортную продукцию ведущих брендов и сделает ее более доступной для отечественных потребителей.

– По многим категориям брендовых оригинальных товаров качество произведенной продукции значительно отличается в случае ее производства, например, для европейского или рынка ЕАЭС, даже при условии полного соблюдения стандартов качества, одобренных в странах Евразийского экономического союза. Параллельный импорт позволит расширить предложение оригинальных брендовых товаров, которые были произведены для европейского и американского рынков, что позволит белорусским и российским потребителям самостоятельно делать выбор основываясь на своих предпочтениях, финансовых возможностях, а не на монопольном положении владельцев товарных знаков на национальных рынках.

Все вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о необходимости изменения нормативно-правовой базы регулирования параллельного импорта в Республике Беларусь и Российской Федерации в основе которой должен лежать международный принцип исчерпания исключительных прав на товарные знаки, при одновременном реформировании таможенных и административных процедур внешнеэкономической деятельности в рамках ЕАЭС.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025). –

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/d385de69e4ce009809fb698159d15e2abc56ba1c/ (дата обращения 27.08.2025).

2. Закон СССР от 3 июля 1991 г. № 2293-I «О товарных знаках и знаках обслуживания» (прекратил действие). – URL: <https://base.garant.ru/6334841/> (дата обращения 20.08.2025).

3. Закон РФ от 23 сентября 1992 г. № 3520-I «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (с изменениями и дополнениями) (утратил силу). – URL: <https://base.garant.ru/10104505/> (дата обращения 22.08.2025).

4. Закон Республики Беларусь 5 февраля 1993 г. № 2181-XII «О товарных знаках и знаках обслуживания». – URL: <https://legal-support.ru/files/belarus-zakon.pdf> (дата обращения 02.09.2025).

5. Закон Республики Беларусь от 3 января 2023 г. № 241-З «Об ограничении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности». – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300241> (дата обращения 07.09.2025)

6. Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 (ред. от 28.06.2023) «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413173/ (дата обращения 30.08.2025).

7. Постановление Министерства Антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь 18 июня 2024 г. № 43. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22442480> (дата обращения 09.09.2025).

8. Приказ Минпромторга России от 21.07.2023 № 2701 (ред. от 01.04.2025) «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_454093/ (дата обращения 01.09.2025).

9. Решение Верховного Суда РФ от 14.12.2001 № ГКПИ2001-1671 «Об оставлении без удовлетворения жалобы о признании недействительным подпункта "з" пункта 15 Инструкции о порядке маркировки отдельных подакцизных товаров акцизными марками, утвержденной Приказом ГТК РФ от 28.12.2000 № 1230». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36468/ (дата обращения 25.08.2025).

10. Сивинцева О.В. Вариации международного режима исчерпания права на товарный знак в крупнейших экономиках мира // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2021. – № 4 (34). – С.116–125.

11. Соглашение от 09.12.2010 «О единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности». – URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/10ss0021/> (дата обращения 06.09.2025).

УДК 332.14

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ С УЧЕТОМ РЕСУРСНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ FORMATION OF REGIONAL FOREIGN ECONOMIC POLICY TAKING INTO ACCOUNT RESOURCE LIMITATIONS

Белюсова Анна Васильевна,
кандидат экономических наук,
Институт экономических исследований Дальневосточного отделения
Российской академии наук,
Российская Федерация, г. Хабаровск,
belousova@ecrin.ru

Belousova Anna,
Candidate of Economic Sciences (PhD),
Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation, Khabarovsk

Аннотация. В статье представлен методический подход, позволяющий получить количественные оценки влияния изменений внешнего конечного спроса на занятость в регионе (единице административно-территориального деления страны). Инструментальной базой подхода выступает модель межотраслевого баланса с использованием регионализированных таблиц «затраты – выпуск». В качестве метода регионализации применяется модифицированный метод коэффициентов локализации Флегга (FLQ+, 2021 г.), заключающийся в замене метода перекрестной энтропии на метод товарных балансов с учётом встречных торговых потоков Т. Кроненберга и оценке на основе результатов последнего (оценок отраслевых региональных выпусков и коэффициентов прямых затрат) неизвестного параметра δ в формуле коэффициента локализации FLQ (1997 г.). Оценки элементов матрицы полных затрат труда (мультипликаторов занятости), обеспечивающие количественную идентификацию объемов региональной занятости в отраслевой проекции, и соотнесение последних с имеющимися в регионе трудовыми ресурсами, в т. ч. в условиях их

дефицита, позволяют сформировать меры внешнеторговой политики, направленные на нивелирование ограничений для регионального экономического роста.

Ключевые слова: внешний конечный спрос, трудовые ресурсы, межотраслевой баланс, региональная внешнеэкономическая политика.

Abstract. The article presents a methodological approach that allows obtaining quantitative estimates of the impact of changes in external final demand on employment in a region (a unit of administrative-territorial division of the country). The instrumental basis of the approach is the inter-industry balance model using regionalized input-output tables. The modified Flagg localization coefficient method (FLQ+, 2021) is used as a regionalization method, which consists in replacing the cross-entropy method with the commodity balance method taking into account T. Kronenberg's counter trade flows and estimating the unknown parameter δ in the FLQ localization coefficient formula (1997) based on the latter's results (estimates of sectoral regional outputs and direct cost coefficients). Estimates of the elements of the full labor cost matrix (employment multipliers), providing a quantitative identification of regional employment volumes in the sectoral projection and correlating the latter with the labor resources available in the region, incl. in conditions of their deficit, they make it possible to formulate foreign trade policy measures aimed at leveling the constraints on regional economic growth.

Keywords: external final demand, labor resources, inter-industry balance, regional foreign economic policy.

В условиях напряженной геополитической ситуации в мире формирование внешнеэкономической политики страны является крайне важной задачей. Специфика последней связывается с тем, что, во-первых, идентификация оптимальных, с точки зрения соотношения получаемых выгод и имеющихся для этого ограничений, параметров взаимодействий с внешней средой требует использования специального комплекса инструментальных средств, обеспечивающего достоверность получаемых результатов. Во-вторых, определение траекторий внешнеэкономических трансакций может рассматриваться с точки зрения двух аспектов: прогнозирования экзогенных условий либо исследования эндогенных возможностей осуществления внешнеэкономической деятельности. Поскольку в изучении несобственных, а потому неконтролируемых, факторов динамики всегда присутствует определенная доля неопределенности, второй аспект имеет преимущества с точки зрения доказательности получаемых выводов, что, в свою очередь, увеличивает гарантии национальной безопасности.

В настоящей работе рассматривается подход к формированию мер внешнеторговой политики с учетом особенностей экономики региона, а именно ограничений по ресурсам. Согласно экономической теории, последними (производственными факторами) выступают труд и капитал. Исследовательская задача состоит в определении затрат факторов, которые определяют объем выпуска, необходимый для покрытия изменений внешнего конечного спроса. В частности, основное внимание сосредоточивается на оценке влияния изменения конечного потребления производимой в регионе продукции за его пределами на объем трудовых ресурсов, необходимый для выпуска соответствующей продукции.

В качестве региона рассматривается часть национального пространства – единица административно-территориального деления страны. Выбор объекта определяется наличием необходимой статистической базы для проведения исследования. Экономика региона представляется двухсекторной. Первый сектор (М) обозначается в качестве внешнего и образуется специализированными видами экономической деятельности (продукция которых ориентирована на вывоз из региона). Идентификация последних осуществляется с использованием значений коэффициентов специализации. Второй сектор (внутренний, сервисный) (N) образуют оставшиеся виды деятельности, чье функционирование направлено на обслуживание внутреннего спроса региона и его внешнего сектора.

В качестве инструментального аппарата используется модель межотраслевого баланса (МОБ) в разрезе видов экономической деятельности.

Информационной базой исследования выступают национальные таблицы «затраты – выпуск» с регионализированными значениями показателей. Процесс регионализации осуществляется на основе гибридного метода коэффициентов локализации Флегга FLQ+ (2021 г.) с авторской модификацией – MFLQ+. Последняя заключается в замене метода перекрестной энтропии на метод товарных балансов с учетом встречных перевозок Т. Кроненберга – CHARM (Cross-Hauling Adjusted Regionalization Method) [1]. Соответствующая модификация позволяет, с одной стороны, избежать необходимости решения сложных оптимизационных задач с использованием численных методов, реализуемых посредством специального программного обеспечения, и, с другой стороны, получить отсутствующие в официальном доступе показатели регионального выпуска в разрезе отдельных видов экономической деятельности.

Алгоритм MFLQ+ предполагает последовательное выполнение трех этапов.

Этап 1. Получение первичных оценок матрицы коэффициентов прямых региональных затрат a_{ij}^r на основе метода CHARM. Соответствующий метод направлен на устранение «недооценки» масштабов региональной внешней торговли и, как следствие, решение проблемы занижения масштабов регионального ввоза. Предлагается учет встречных перевозок одинаковых товаров, имеющих место из-за разницы их качественных характеристик.

Сама встречная перевозка продукции (q_i) рассматривается как функция от ее регионального производства (x_i), промежуточного (z_i) и внутреннего (исключая экспорт) конечного потребления (d_i), степени неоднородности (h_i), формула (1):

$$q_i = h_i(x_i + z_i + d_i), \quad (1)$$

где i – вид экономической деятельности.

Выбор конкретной функциональной формы (1) удовлетворяет ряду требований. Так как встречная перевозка возникает из-за неоднородности продукта, то отсутствие последней обусловит отсутствие встречной перевозки. Следовательно, из $h_i = 0$ следует $q_i = 0$. Далее, одновременное увеличение производства и валового потребления должно вызывать пропорциональное увеличение q_i . Другими словами, уравнение (1) отражает предположение о том, что встречные перевозки пропорциональны сумме регионального производства x_i и валового потребления (использования) $z_i + d_i$, а коэффициент пропорциональности определяется степенью неоднородности продукта h_i .

Поскольку объем торговли (v_i) (2) определяется как сумма абсолютного значения торгового баланса (b_i) (3) и встречных потоков, то степень неоднородности продукции количественно идентифицируется с использованием формулы (4).

$$v_i = |e_i - m_i| + q_i, \quad (2)$$

где e_i – совокупный вывоз региона, m_i – совокупный ввоз региона,

$$b_i = e_i - m_i \quad (3)$$

$$h_i = \frac{v_i - |b_i|}{x_i + z_i + d_i} \quad (4)$$

При условии равенства степени неоднородности товара в регионе и стране в целом ($h_i^R = h_i^N$, R – значение показателя в регионе, N – значение показателя в стране), значение h_i из формулы (4) является вычислимым (все показатели для расчета соответствующих значений содержатся в национальной таблице «затраты–выпуск»).

Регионализация внутреннего производства (x_i), внутреннего конечного (d_i) и промежуточного (z_i) потребления осуществляется по формулам традиционного метода товарных балансов (5) – (7):

$$x_i^R = \frac{RE_i}{NE_i} x_i^N, \quad (5)$$

$$d^R = \frac{TRE}{TNE} d^N, \quad (6)$$

где RE_i – численность занятых в i -том виде экономической деятельности в регионе;
 NE_i – численность занятых в i -том виде экономической деятельности в стране;
 TRE – суммарная занятость в регионе; TNE – суммарная занятость в стране.

При предположении об идентичности национальной и региональной технологии, потребности региональных видов экономической деятельности в ресурсах могут быть оценены с использованием национальных технических коэффициентов (a_{ij}) ((показывают затраты продукции i -того вида экономической деятельности (строки таблицы) на единицу выпуска продукции j -того вида экономической деятельности (столбцы таблицы); $i, j = 1..n$; n – количество видов деятельности)) и региональных оценок выпуска, формула (7):

$$z_{ij}^R = a_{ij} x_j^R \quad (7)$$

Оценки встречных потоков и расчет на их основе объема торговли позволяют перейти к оценкам регионального совокупного ввоза (8) и совокупного вывоза (9):

$$m_i = \frac{v_i - b_i}{2} \quad (8)$$

$$e_i = \frac{v_i + b_i}{2} \quad (9)$$

Расчетные значения торговых взаимодействий региона позволяют получить значения региональных технических коэффициентов.

Апробация метода на дальневосточных регионах РФ представлена в работе [2].

Этап 2. Оценка параметра δ , входящего в формулу FLQ (1997 г.) (10) [3]. Отметим, что в ранних исследованиях данный параметр подбирался экспертным путем:

$$\begin{aligned} FLQ_{ij} &= CILQ_{ij} * \lambda_r, \text{ для } i \neq j \\ FLQ_{ij} &= SLQ_{ij} * \lambda_r, \text{ для } i = j \\ SLQ_i &= (RE_i/TRE)/(NE_i/TNE) \\ CILQ_{ij} &= (RE_i/NE_i)/(RE_j/NE_j) = SLQ_i/SLQ_j, \end{aligned} \quad (10)$$

где $\lambda_r = (\log_2(1 + TRE/TNE))^\delta$, $\delta \in [0; 1]$.

Согласно методам коэффициентов локализации, регионализация национальных коэффициентов осуществляется путем коррекции на значение торгового коэффициента t_{ij} (коэффициента локализации) (11) [4]:

$$a_{ij}^R = t_{ij} \cdot a_{ij}^N = a_{ij}^N FLQ_{ij} = a_{ij}^N c_{ij} \beta^\delta, \quad (11)$$

где $\beta = \log_2(1 + TRE/TNE)$.

Для линеаризации выражения (11) относительно δ проводится процедура логарифмирования (12):

$$\ln(a_{ij}^R / (a_{ij}^N c_{ij})) = \delta \ln \beta \quad (12)$$

Для получения инвариантной по отношению к отраслям оценки параметра δ возможно применение к (12) методов эконометрического анализа либо деления среднего значения $\ln(a_{ij}^R / (a_{ij}^N c_{ij}))$ на $\ln \beta$ [5].

Этап 3. Переоценка на основе формулы (11) региональных коэффициентов a_{ij}^R с использованием FLQ (1997 г.) с известным (рассчитанным на этапе 2) значением δ .

В рамках модели межотраслевого баланса (МОБ) в разрезе видов экономической деятельности количественная идентификация объема трудовых ресурсов региона, необходимых для покрытия изменения внешнего конечного спроса, технически осуществляется посредством оценки отраслевых мультипликаторов занятости (13) [6]:

$$L = T(I - A)^{-1} Y, \quad (13)$$

где L – вектор отраслевой численности занятых;

T – диагональная матрица отраслевых трудоемкостей (ненулевые элементы которой представляют собой отношения численности занятых к выпуску продукции по видам экономической деятельности);

I – единичная матрица;

A – матрица коэффициентов прямых затрат;

Y – вектор объемов конечного спроса на продукцию по видам экономической деятельности, $B_L = T(I - A)^{-1}$ – матрица полных затрат труда.

Каждый элемент матрицы полных затрат труда показывает затраты труда (в абсолютном выражении) в i -той отрасли, обеспечиваемые единичным изменением (в стоимостном выражении) конечного спроса на продукцию j -го вида экономической деятельности с учётом потребностей в труде других видов деятельности, продукция которых используется в производстве j -ой продукции. Элементы матрицы полных затрат труда трактуются в качестве межотраслевых мультипликаторов занятости. Сумма значений элементов матрицы по каждому столбцу показывает валовые затраты труда, необходимые для единичного изменения объема производства конечной продукции отрасли в данном столбце.

С учетом двухсекторного представления экономики вектор трудовых ресурсов L , матрица мультипликаторов B_L и вектор конечного спроса Y могут быть записаны как (14), (15), (16) соответственно:

$$L = \begin{pmatrix} L_M \\ L_N \end{pmatrix} \quad (14)$$

$$B_L = \begin{pmatrix} B_{MM} & B_{MN} \\ B_{NM} & B_{NN} \end{pmatrix} \quad (15)$$

$$Y = \begin{pmatrix} Y_M \\ Y_N \end{pmatrix} \quad (16)$$

Тогда выражение (1) может быть представлено в виде (17):

$$\begin{pmatrix} L_M \\ L_N \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} B_{MM} & B_{MN} \\ B_{NM} & B_{NN} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} Y_M \\ Y_N \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} B_{MM}Y_M + B_{MN}Y_N \\ B_{NM}Y_M + B_{NN}Y_N \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} L_{MM} + L_{MN} \\ L_{NM} + L_{NN} \end{pmatrix} \quad (17)$$

где L_{MM} , L_{NN} – «самопроизведенная» занятость внешнего и сервисного секторов экономики, являющаяся результатами изменения конечного спроса на их продукцию, генерирующего эффекты в самих секторах посредством мультипликаторов B_{MM} и B_{NN} ; L_{MN} и L_{NM} – «несамопроизведенная» (индуцированная) занятость внешнего и сервисного секторов экономики, являющаяся результатами изменения конечного спроса на продукцию сервисного и базового секторов соответственно, генерирующего эффекты посредством перекрестных мультипликаторов: B_{MN} во внешнем секторе и B_{NM} в сервисном секторе экономики региона [7].

В случае исследования исключительного влияния внешнего спроса (как элемента совокупного конечного спроса) на экономику региона, импульсы для изменения занятости в секторах будут передаваться через мультипликаторы B_{MM} и B_{NM} . Выражение (17) примет вид (18):

$$\begin{pmatrix} L'_M \\ L'_N \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} B_{MM} & B_{MN} \\ B_{NM} & B_{NN} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} Y'_M \\ 0 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} B_{MM}Y'_M \\ B_{NM}Y'_M \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} L'_{MM} \\ L'_{NM} \end{pmatrix} \quad (18)$$

где Y'_M – спрос на продукцию внешнего сектора экономики;

L'_{MM} – изменение занятости внешнего сектора, обусловленное изменением объемов внешнего конечного спроса;

L'_{NM} – изменение занятости сервисного сектора, обусловленное изменением занятости внешнего сектора;

L'_M, L'_N – изменение занятости внешнего и сервисного секторов вследствие изменения внешнего конечного спроса.

Изложенный подход позволяет количественно идентифицировать изменения объемов внутрирегиональных затрат трудовых ресурсов, обусловленных изменением внешнего конечного спроса при условии его покрытия. Соотнесение полученных оценок с фактическими объемами занятости и трудовых ресурсов в регионе позволит сформировать меры внешнеэкономической политики, направленной на укрепление/ослабление торговых взаимодействий по отдельным товарным позициям. Выбор вариантов изменения интенсивности внешних связей в отраслевой проекции будет определяться фактическим объемом труда, которым располагает регион. В случае его дефицита ключевой задачей управления будет являться «селекция» торговых партнеров региона и направлений торгового сотрудничества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Kronenberg T. Construction of Regional Input-Output Tables Using Nonsurvey Methods: The Role of Cross-Hauling // International Regional Science Review. – 2009. – Vol. 32. – № 1. – P. 40–64.
2. Белоусова А.В., Исаев А.Г. Регионализация элементов национальных таблиц «затраты – выпуск»: сравнительная апробация подходов (на примере Хабаровского края) // Регионалистика. – 2023. – Т. 10. – № 1. – С. 21–33.

3. Flegg A.T., Webber C.D. On the Appropriate Use of Location Quotients in Generating Regional Input-Output Tables: Reply // *Regional Studies*. – 1997. – Vol. 31. – № 8. – P. 795–805.
4. Белоусова А.В., Исаев А.Г. Оценка мультипликативных эффектов в экономике Дальневосточного федерального округа: межотраслевое моделирование // *Регионалистика*. – 2023. – Т. 10. – № 6. – С. 9–20.
5. Flegg A.T., Lamonica G.R., Chelli F.M., Recchioni M.C., Tohmo T. A New Approach to Modelling the Input-Output Structure of Regional Economies Using Non-survey Methods // *Journal of Economic Structures*. – 2021. – Vol. 10.
6. Белоусова А.В. Оценка эффектов межотраслевых взаимодействий в экономике Хабаровского края с использованием структурной балансовой модели // *Регионалистика*. – 2022. – Т. 9. – № 2. – С. 5–25.
7. Jiemin Guo, Michael Sonis and Geoffrey J.D. Hewings An Analysis of Internal and External Linkages of Manufacturing and Non-Manufacturing Industries: Application to Chinese Metropolitan Economies / In book: *Understanding and interpreting economic structure*. – 1999. – Springer-Verlag Berlin Heidelberg. – P. 317–346.

УДК 332.1

**ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭКСПОРТА РОССИЙСКОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ
В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
DETERMINANTS OF RUSSIAN CHEMICAL EXPORTS TO THE EUROPEAN UNION:
AN ECONOMETRIC ANALYSIS**

Крутова Александра Валентиновна,
кандидат экономических наук, доцент,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Российская Федерация, г. Пермь
alexkrutova@yandex.ru

Мельникова Полина Анатольевна,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Российская Федерация, г. Пермь
polina.melnikova.02@list.ru

Krutova Alexandra,
Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
Perm National Research Polytechnic University,
Russian Federation, Perm

Melnikova Polina,
Perm National Research Polytechnic University,
Russian Federation, Perm

Аннотация. Статья посвящена выявлению и оценке факторов, оказывающих влияние на объемы экспорта химической продукции из Российской Федерации в Европейский союз. В ходе работы проведен анализ научной литературы, отобраны факторы, оказывающие влияние на объем экспорта, построена эконометрическая модель оценки их влияния на объемы экспорта химической продукции, оценено влияние каждого фактора.

В рамках теоретического этапа работы проведен анализ отечественных и зарубежных исследований, позволяющий выделить группы факторов, влияющих на экспорт. В ходе эмпирического анализа проведен отбор факторов и построена эконометрическая модель

оценки их влияния на объемы экспорта химической продукции при помощи метода наименьших квадратов.

В результате работы выявлено, что на объемы экспорта химической продукции оказывают влияние экспортная цена химической продукции, темпы роста ВВП ЕС и наличие углеродного регулирования внутри РФ. При этом экспортная цена оказывает отрицательное влияние на объемы экспорта, а темпы роста ВВП ЕС и внутристрановое углеродное регулирование – положительное.

Ключевые слова: экспорт, CBAM, углеродное регулирование, экспортная цена.

Abstract. The article is devoted to the identification and assessment of factors influencing the volume of exports of chemical products in physical terms from the Russian Federation to the European Union. During the study, scientific literature sources were analyzed, factors influencing the volume of exports were identified, an econometric model of their influence on the volume of chemical product exports was built, and the influence of each factor was evaluated.

At the theoretical stage of the research, an analysis of domestic and foreign studies was carried out, which allows to identify groups of factors affecting exports. As part of the empirical analysis, a selection of factors was carried out and an econometric model was constructed to assess their impact on the volume of chemical exports using the least squares method.

As a result of the study revealed that the volume of chemical products exports is influenced by the chemical products export price, the EU GDP growth rate and the presence of carbon regulation within the Russian Federation. At the same time, the export price has a negative impact on export volumes, while the EU GDP growth rate and domestic carbon regulation have a positive impact.

Keywords: exports, CBAM, carbon regulation, export price.

Развитие экспортного потенциала Российской Федерации в современных условиях требует учета множества как внутренних, так и внешних факторов. Российский экспорт является преимущественно сырьевым, а одним из важных направлений внешнеэкономической деятельности страны в настоящее время является экспорт химической продукции. Ключевым потребителем химической продукции, в частности, удобрений, является Европейский союз.

С 1 октября 2023 года на территории ЕС начал действовать механизм трансграничного углеродного регулирования (Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM), который предусматривает поэтапное введение требований по регистрации объемов выбросов углерода при производстве продукции и, впоследствии, уплату соответствующих углеродных сборов. В рамках предыдущего этапа исследования авторами была проведена оценка затрат на оплату экологических сертификатов при экспорте продукции из РФ в ЕС, по итогам которой было установлено, что потенциальные платежи в рамках CBAM могут составлять значительную долю в конечной цене продукции [11, с. 97]. Это позволяет предположить, что введение трансграничного углеродного регулирования и связанных с ним издержек может оказывать сильное влияние на конкурентоспособность и объемы российского экспорта. В качестве рабочей гипотезы в настоящем исследовании выдвигается предположение о том, что экспортная цена продукции оказывает статистически значимое отрицательное влияние на объем экспорта химической продукции из РФ в ЕС. При этом введение внутристранового углеродного регулирования также является статистически значимым фактором, но способствует смягчению негативного эффекта от введения CBAM.

В работе объектом анализа является физический объем экспорта химической продукции Российской Федерации. С целью выявления факторов, которые оказывают влияние на экспорт, авторами был проведен анализ научной литературы, в которой исследуется взаимосвязь экономических, социальных и других факторов и объемов экспорта.

Так, первая группа исследований посвящена влиянию экономических факторов на объемы экспорта. В статье Кузнецовой Н.В., Кочевой Е.В., Матева Н.А. выявлено, что

на стоимостные объемы экспорта топливно-минеральных ресурсов оказывают влияние курсы доллара США, котировки цен на нефть и газ, а также темпы роста мировой экономики [10, с. 22–23]. В исследовании Sumiyati E.E. доказано, что ВВП и инфляция являются важнейшими факторами при разработке политики увеличения экспорта [9, р. 258]. В работах Ijirshar V.U. и др., и Nguyen V.C. и Do T.T. авторы анализируют влияние на экспорт курса валюты. Однако Ijirshar V.U. и др. отмечают, что укрепление национальной валюты, как правило, приводит к удорожанию экспорта [6, р. 195–196]. Nguyen V.C. и Do T.T. резюмируют, что обесценивание валюты повышает конкурентоспособность экспорта, но увеличивает стоимость импорта [8, р. 166–167].

В работе Ушкаловой Д.И., Никитиной С.А. среди экономических факторов выделяется экспортная цена продукции [13, с. 111, 115]. Авторы отмечают, что на экспорт влияет цена продукции, которая имеет сложную природу. Кроме того, авторы выделили фиктивную переменную влияния кризисов на объемы экспорта.

В работе Bin D. и др. помимо экономических факторов выделяются социокультурные и институциональные факторы [2, р. 163]. Также две группы факторов представлено в работе Fedorenko R., Lypko N. Авторы выделяют экономические и социокультурные факторы [4, р. 6; 7, р. 195].

В статье Benlaria H. к факторам, оказывающим влияние на торговые отношения между странами помимо темпов роста ВВП стран, инфляции и обменного курса добавляется фактор политической стабильности в стране экспортере [1, р. 6]. То есть автор в своей работе выделяет экономические и институциональные факторы. Chand R. и другие также рассматривают взаимосвязь между экспортом и институциональным фактором – государственным управлением в стране [3, р. 8].

В работе Hosono K. проведен анализ негативного влияния COVID-19 на объемы экспорта, как внешнего шока [5, р. 5–6]. Соколова Ю.Д. в своей работе отмечает, что на объемы экспорта регионов РФ в современных условиях оказывают влияние климатические риски, которые могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на экспорт [12].

Далее приведено деление факторов на четыре группы: экономические, социокультурные, институциональные, риски и вызовы внешней среды (таблица 1).

Таблица 1 – Группировка факторов, оказывающих влияние на экспорт

Группа факторов	Авторы	Показатели
Экономические	Кузнецова Н.В., Кочева Е.В., Матев Н.А., Fedorenko R., Lypko N., Sumiyati E.E., Ijirshar V.U., Nguyen V.C., Bin D., Ушкалова Д.И., Никитина С.А., Benlaria H.	Индекс промышленного производства, темпы роста ВВП, валютные курсы, котировки цен на топливно-энергетические ресурсы, капитальные вложения, объем товаров с высокой добавленной стоимостью, инфляция, прямые иностранные инвестиции, экспортная цена продукции
Социокультурные	Bin D., Fedorenko R., Lypko N.	Население страны, географическое расстояние между странами, индекс религиозной близости между странами, культурная разница, величина прожиточного минимума, занятость населения, общее историческое прошлое стран
Институциональные	Bin D., Benlaria H., Chand R.	Экономическая свобода, торговые соглашения, политическая стабильность, государственное управление в стране
Риски и вызовы внешней среды	Ушкалова Д.И., Никитина С.А., Hosono K., Соколова Ю.Д.	Экономические кризисы, COVID-19, углеродное регулирование

Некоторые авторы в своих работах сосредотачиваются только на одной группе факторов, но есть исследования, где применяется комплексный подход.

Рассмотрим факторы, которые были отобраны для построения эконометрической модели. В качестве эндогенной переменной выбран экспорт химической продукции из Российской Федерации в Европейский союз в натуральном выражении.

В качестве экзогенных переменных выбраны следующие: экспортная цена продукта, политическая стабильность в стране, индекс промышленного производства, темпы роста ВВП принимающей страны, курс евро, цена нефти марки Brent, а также нормативные акты внутри РФ по углеродному регулированию. Факторы отобраны исходя из анализа научной литературы с учетом наличия данных за период с 2015 по 2023 год. Далее приведено обоснование выбора факторов.

Экспортная цена (внешняя цена реализуемого товара на международном рынке) определяет доходность экспортной сделки для поставщика и влияет на спрос со стороны иностранных покупателей. В условиях конкуренции изменение экспортной цены может либо стимулировать спрос, либо, наоборот, снизить привлекательность продукции.

Темпы роста ВВП принимающей страны отражает спрос на продукцию. Если показатель в динамике увеличивается, это говорит о том, что страна готова покупать больше продукции.

Индекс промышленного производства характеризует динамику объемов производства. Высокий спрос на продукцию отраслей сырьевого комплекса обуславливается развитием отраслей, потребляющих продукцию данного комплекса.

Политическая стабильность в стране экспортере снижает транзакционные риски и способствует установлению более стабильных торговых отношений, тем самым увеличивая торговые потоки. Для оценки показателя использовался индекс политической стабильности.

Валютные курсы оказывают существенное влияние на внешнюю торговлю различных стран, воздействуя на ценовые соотношения экспорта и импорта. Укрепление евро делает российскую продукцию дешевле для стран ЕС – это повышает спрос.

Цена нефти марки Brent является непрямым, но весомым фактором для РФ как страны с выраженной сырьевой структурой экспорта. Рост цен на нефть может повысить издержки химических компаний, увеличить валютные поступления в экономику и повлиять на курс рубля.

Внедрение Евросоюзом механизма СВМ приводит к тому, что страны вне ЕС вводят на своей территории углеродное регулирование, чтобы минимизировать риски по уплате экологических сертификатов. Поэтому в работе вводится фиктивная переменная внутристранового углеродного регулирования. Согласно плану Минэкономразвития нормативно-правовые акты по углеродному регулированию начали появляться в России с 2020 года (1 этап национального плана адаптации), а с 2023 года начался 2 этап национального плана адаптации к изменениям климата.

Выбранные факторы отражают комплексное влияние как внутренних производственно-экономических условий, так и внешней макроэкономической и политической среды. Их включение в модель позволит выявить ключевые детерминанты, определяющие динамику экспорта химической продукции в страны ЕС.

Ниже представлены шаги построения эконометрической модели.

1. Систематизация показателей. Эндогенная переменная – объем экспорта химической продукции из РФ в ЕС в натуральном выражении. Экзогенные переменные разделены на три группы: экономические, институциональные и факторы рисков и вызовов внешней среды.

2. Сбор статистических данных. Для построения эконометрической модели собрана база данных из 8 показателей за период с 2015 по 2023 год (72 наблюдения) [14, 15].

3. Построение корреляционной матрицы для проверки наличия зависимости между объясняющими переменными модели. В модель включены факторы, удовлетворяющие условию – значение коэффициента корреляции между переменными меньше 0,6.

Таким образом, после построения корреляционной матрицы были исключены следующие переменные: Shock (индекс политической стабильности в стране), Inc (индекс промышленного производства), Brent (средняя годовая цена на нефть марки Brent), EUR (средний годовой курс евро к российскому рублю).

4. Для уменьшения количественных различий между значениями переменных и предотвращения смещения оценок, вызванного проблемой гетероскедастичности, регрессоры были прологарифмированы.

Итоговые переменные, которые вошли в модель, представлены ниже (таблица 2).

Таблица 2 – Условные обозначения факторов, включенных в эконометрическую модель

Обозначение	Описание	Измерение
Зависимая переменная		
Y	Объем экспорта химической продукции (калий, фосфор, азот) в натуральном выражении из Российской Федерации в Европейский союз с 2015 по 2023 гг.	Кг
Регрессоры		
Price	Цена за единицу экспортируемой химической продукции из РФ в ЕС с 2015 по 2023 гг.	Евро/кг
GDP	Средние годовые темпы роста ВВП ЕС с 2015 по 2023 гг.	%
Reg	Наличие нормативного углеродного регулирования в РФ	1 – если в РФ вводились нормативные акты по углеродному регулированию, 0 – если нет

Примечание – Источник: составлено авторами.

5. Построение эконометрической модели в программном продукте Gretl, используя метод наименьших квадратов (МНК).

6. Проверка независимых переменных на мультиколлинеарность проведена при помощи показателя «вздутия» дисперсии VIF (фактор инфляции дисперсии). Рассчитанные значения показателя VIF не продемонстрировали наличие мультиколлинеарности в модели.

7. Проверка адекватности спецификации модели, оцененной МНК при помощи теста Рамсея. В нашем случае спецификация модели является правильной, так как р-значения для всех случаев больше 0,05.

8. Тестирование: при помощи t-статистики проверяется значимость каждого фактора в модели, при помощи значения коэффициента детерминации и F-критерия Фишера подтверждается значимость и надежность уравнения регрессии.

Спецификация модели исследования выглядит следующим образом, формула (1):

$$\ln Y_t = \text{Const} - \beta_1 \ln \text{Price}_t + \beta_2 \text{GDP}_t + \beta_3 \text{Reg}_t + \varepsilon_t, \quad (1)$$

где t = 2015-2023, момент времени;

ε_t – случайная ошибка.

Далее приведена оценка модели МНК (таблица 3).

Таблица 3 – Результаты моделирования методом наименьших квадратов

Переменная	Коэффициент	t-статистика	p-значение
Const	20,31***	130,8	$4,95e^{-10}$
Ln (Price)	-0,94***	-7,81	0,00
GDP	0,04***	5,06	0,00
Reg	0,14*	2,14	0,09
Описательная статистика			
R^2	0,72		
F	30,47		
p-значение (F)	0,00		

Примечание – Источник: составлено авторами на основе регрессионного анализа данных.

R-квадрат принимает значение 0,72, это означает, что на 72 % вариации зависимой переменной объясняются включенными в модель независимыми переменными.

F-критерий Фишера свидетельствует о статистической значимости и надежности уравнения регрессии.

Сравнивая числовые значения t-статистик, получили, что все переменные значимы. Данный вывод подтверждается и расчетами p-значения.

9. Описание влияния факторов на зависимую переменную и интерпретация результатов.

Увеличение экспортной цены химической продукции на 1 % приводит к сокращению объема экспорта в натуральном выражении из РФ в ЕС на 0,94 %. Увеличение среднего годового темпа роста ВВП ЕС на 1 процентный пункт приводит к увеличению объема экспорта в натуральном выражении из РФ в ЕС на 4 %. Наличие внутри РФ углеродного регулирования приводит к увеличению объема экспорта в натуральном выражении из РФ в ЕС на 15,03 %.

Полученные в результате анализа зависимости показывают, что экспорт крайне чувствителен к изменениям цены – повышение экспортной цены снижает объем поставок. В рамках предыдущего этапа исследования авторами было установлено, что потенциальные издержки при уплате СВМ могут составлять от 0,79 % (для производителей азотной кислоты) до 91,33 % (для производителей цемента) от стоимости экспортируемой продукции. При прогнозируемом росте цены углеродной единицы до 125 евро за тонну CO₂ к 2030 году, нагрузка на экспортеров может возрасти многократно, а значит, объемы экспорта в ЕС будут снижаться.

При росте экономики ЕС спрос на российскую продукцию будет увеличиваться. Особенно важным оказалось положительное влияние внутривосточного углеродного регулирования. Климатическая политика, реализуемая внутри страны, может не только снижать углеродный след, но и становиться фактором укрепления позиций отечественной продукции на международном рынке. Внедрение механизмов углеродного регулирования внутри РФ способствует модернизации производства, улучшению экологических характеристик продукции и, как следствие, повышает ее конкурентоспособность. Наличие углеродного регулирования в стране-экспортере позволяет сократить выплаты в рамках СВМ при поставках в ЕС. Таким образом, углеродное регулирование может выступать не только ограничительным, но и стимулирующим механизмом для внешней торговли.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Benlaria H. The Impact of Economic Factors on Saudi Arabia's Foreign Trade with BRICS Countries: A Gravity Model Approach // *Economies*. – 2024. – № 305. – P. 1–17.
2. Bin D., Peichao G., Changqing S., Yuanhui W. Evolution of export trade in Qinghai and influencing factors // *Journal of Beijing Normal University (Natural Science)*. – 2022. – № 58(1). – P. 161–167.
3. Chand R., Singh R., Patel A., Devendra K.J. Export performance, governance, and economic growth: evidence from Fiji – a small and vulnerable economy // *Cogent Economics & Finance*. – 2020. – № 8. – P. 1–16.
4. Fedorenko R., Yakhneeva I., Zaychikova N., Lipinsky D. Evaluating the Socio-Economic Factors Impacting Foreign Trade Development in Port Areas // *Sustainability*. – 2021. – P. 13.
5. Hosono K. Epidemic and Economic Consequences of Voluntary and Request-based Lockdowns in Japan // *Journal of The Japanese and International Economies*. – 2021. – № 61. – P. 1–16.
6. Ijirshar V.U., Okpe I.J., Andohol J.T. Impact of Exchange Rate on Trade Flow in Nigeria // *CBN Journal of Applied Statistics (JAS)*. – 2022. – Vol. 13. – № 2. – P. 185–222.
7. Lypko N. The Gravity Model of Trade: The Case of Central and Eastern Europe // *Lexonomica*. – 2022. – № 2. – P. 187–212.
8. Nguyen V.C., Do T.T. Impact of Exchange Rate Shocks, Inward FDI and Import on Export Performance: A Cointegration Analysis // *The Journal of Asian Finance, Economics and Business*. – 2020. – № 7(4). – P. 163–171.
9. Sumiyati E.E. Factors Affecting Manufacturing Exports // *Journal of Economics, Business, and Accountancy Ventura*. – 2020. – № 2. – P. 254–266.

10. Кузнецова Н.В., Кочева Е.В., Матев Н.А. Анализ торговых отношений в контексте моделей эффективных международных форм взаимодействия с участием Дальнего Востока России и стран АТР // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2021. – Т. 23. – № 3. – С. 15–33.
11. Мельникова П.А., Крутова А.В. Анализ международного опыта углеродного регулирования и его адаптация к Российским реалиям // Молодежная неделя науки института промышленного менеджмента, экономики и торговли. – 2025. – Ч. 2. – С. 96–99.
12. Соколова Ю.Д. Влияние переходных климатических рисков на экспорт регионов России // Современная мировая экономика. – 2024. – № 5.
13. Ушкалова Д.И., Никитина С.А. Влияние внешних факторов на экспорт и импорт России // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2019. – № 6. – С. 110–122.
14. EU trade statistics (including United Kingdom) // European Comission. – URL: <https://trade.ec.europa.eu/access-to-markets/en/statistics?includeUK=true> (дата обращения 10.04.2025).
15. Индекс производства (ОКВЭД2) // ЕМИСС. – URL: <https://fedstat.ru/indicator/57807> (дата обращения 10.04.2025).

УДК 339.5

**СРАВНЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННОГО ЭФФЕКТА В БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОМ
И КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ
COMPARISON OF THE INTEGRATION EFFECT IN THE BELARUSIAN-RUSSIAN
AND KAZAKHSTAN-RUSSIAN BORDER REGIONS**

Кузавко Антон Сергеевич,
кандидат экономических наук, доцент,
Смоленский государственный университет,
Российская Федерация, г. Смоленск
akuzavko@gmail.com

Kuzavko Anton,
Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
Smolensk State University,
Russian Federation, Smolensk

Аннотация. В статье выполнен анализ динамики экономического неравенства и проведена оценка степени конвергенции приграничных регионов российско-белорусского и казахстанско-российского приграничья. С этой целью были рассчитаны коэффициент вариации и индекс Тейла. Для казахстанских регионов, граничащих с Российской Федерацией, выявлена сигма-конвергенция и рост неравенства экономического развития регионов как в приграничье, так и в целом Казахстане. Российские регионы, граничащие с Казахстаном в период с 1995 по 2023 год стагнировали, а улучшить свое положение смогли лишь Астраханская и Оренбургская области. У белорусских регионов, граничащих с Россией, выявлена сигма-конвергенция, периферийность относительно страновых значений валового регионального продукта на душу населения по паритету покупательской способности в долларах США, и низкая энтропия внутри группы по темпам роста показателя. Российские регионы имеют сигма-конвергенцию к страновым показателям и стационарную дисперсию внутри группы. При этом выявлена общая периферийность регионов при низкой дифференциации экономического развития относительно друг друга.

Ключевые слова: белорусско-российское приграничье, казахстанско-российское приграничье, валовой региональный продукт по паритету покупательской способности, приграничные регионы, региональная экономическая интеграция.

Abstract. The article analyzes the dynamics of economic inequality and assesses the degree of convergence of the border regions of the Russian-Belarusian and Kazakh-Russian borderlands. For this purpose, the variation coefficient and the Theil index were calculated. For the Kazakh regions bordering the Russian Federation, sigma convergence and an increase in inequality of economic development of regions both in the borderland and in Kazakhstan as a whole were revealed. The Russian regions bordering Kazakhstan stagnated from 1995 to 2023, and only the Astrakhan and Orenburg regions were able to improve their position. The Belarusian regions bordering Russia showed sigma convergence, peripherality relative to country values of gross regional product per capita at purchasing power parity, and low entropy within the group in terms of growth rates of the indicator. The Russian regions have sigma convergence to country indicators and stationary dispersion within the group. At the same time, the general peripheral nature of the regions was revealed, with low differentiation of economic development relative to each other.

Keywords: Belarusian-Russian border area, Kazakh-Russian border area, gross regional product per capita at purchasing power parity, border regions, regional economic integration.

На текущий момент накоплен достаточно обширный объем научных знаний о российско-белорусской интеграции. Научная электронная библиотека elibrary.ru насчитывает более 1300 публикаций. Однако итоги межгосударственной интеграции для регионов внутри стран могут быть неоднородны. Мировая экономическая мысль постепенно отходит от моделей, где взаимодействующие страны представляли собой неделимый объект исследования. Например, новейшая теория торговли исследует модели, описывающие стратегии гетерогенных фирм, функционирующих на отраслевых рынках монополистической конкуренции. Объясняются причины развития международной торговли с участием таких фирм, причины и последствия прямого иностранного инвестирования, а также возникновения транснациональных корпораций. Актуально рассматривать влияние межгосударственной интеграции на отдельно взятые регионы, отрасли, группы потребителей и т. д. Поэтому выявление особенностей влияния интеграционного процесса между Беларусью и Россией на экономику приграничных регионов, а также описание связанных с этим трансформаций согласуется с актуальными темами, рассматриваемыми мировым научным сообществом в рамках экономики мейнстрима.

Российско-белорусскому приграничью посвятили свои труды российские ученые А.П. Катровский, Г.В. Ридевский, К.А. Морачевская, В.А. Колосов и белорусские ученые Т.С. Вертинская, П.Г. Никитенко, Е.В. Черняк, В.С. Фатеев [1–7].

Параллельно строительству Союзного государства интеграционный процесс, хотя и в меньшей степени, имел место в российско-казахстанских отношениях. Значительное внимание итогам трансформации российско-казахстанского приграничья уделено в работах М.С. Карпенко, В.А. Колосова, А.Б. Себенцова, Л.Б. Вардомского, А.Ю. Плюйко [8, 3, 9, 10].

Российско-казахстанское приграничье значительно протяженнее российско-белорусского. Оно составляет 7598,8 км против 1239 км соответственно. В определенной степени это будет являться фактором, влияющим на потенциал приграничного сотрудничества для 12 российских регионов, граничащих с Казахстаном. Для проверки гипотезы, согласно которой наибольший внешнеторговый эффект от межгосударственной интеграции получают столичные регионы, а также регионы, производящие главный экспортоориентированный продукт, проведено статистическое и социологическое исследование.

С целью анализа динамики экономического неравенства и оценки степени конвергенции приграничных регионов российско-белорусского и казахстанско-российского приграничья были рассчитаны коэффициент вариации (1) и индекс Тейла (2) (таблица 1).

$$\sigma = \frac{\sqrt{\frac{1}{n} \sum_{i=1}^n (GRP_i - GRP_{cp})^2}}{GRP_{cp}} \quad (1)$$

где σ – коэффициент вариации;

GRP_{cp} – средний валовой региональный продукт по ППС для страны/группы регионов;

GRP_i – валовой региональный продукт по ППС для i -ого региона.

$$T = \frac{1}{n} * \sum_{i=1}^n \left(\frac{GRP_i}{GRP_{cp}} * \ln \frac{GRP_i}{GRP_{cp}} \right) \quad (2)$$

где T – индекс Тейла;

GRP_{cp} – средний валовой региональный продукт по ППС для страны/группы регионов;

GRP_i – валовой региональный продукт по ППС для i -ого региона.

Для казахстанских регионов, граничащих с Российской Федерацией, за период с 1995 по 2003 год характерно усиление дифференциации экономического развития со временем. В условиях интеграционного процесса приграничное положение далеко не для всех регионов стало стимулом экономического роста, либо иные факторы оказывали большее влияние на экономику этих регионов. Выявленная сигма-дивергенция обусловлена специализацией регионов. Наибольшими темпами росли сырьевые регионы и регионы, включенные в экспортно-импортные операции по отраслям, вносящим наибольший вклад в экономическую активность в Республике Казахстан. Сигма-дивергенция характерна как относительно странового показателя, так и внутри группы приграничных регионов. При этом бета-дивергенция не наблюдается по анализируемой группе регионов. Западно-казахстанская область, имевшая наименьший ВРП по ППС на 1995 год по приграничной группе в размере 3553,7 долл. США, сумела увеличить его до 47597 долл. США. При этом отношение к среднему значению показателя по стране выросло с 66 % до 121 %, что вывело регион из аутсайдера в одного из лидеров наряду с богатой природными ресурсами Атырауской областью. В то же время, Костанайская область осталась в аутсайдерах по ВРП по ППС (было 96 % от среднего по стране ВРП по ППС в долларах США на 1995 год, стало 89 % от среднего по стране ВРП по ППС в долларах США на 2003 год). Уровень энтропии для данной группы регионов, измеряемый индексом Тейла, растет в анализируемом периоде с 0,07 в 1995 г. до 0,19 в 2023 г. При этом значения практически идентичны для сравнения со средними данными по стране и внутри исследуемой группы регионов. Это говорит о росте неравенства экономического развития регионов как в приграничье, так и в целом Казахстане. Однако значение показателя укладывается в границы низкого уровня неравенства, приблизившись в 2023 году к границе, характерной для умеренного уровня (0,2).

Таблица 1 – Анализ динамики ВРП по ППС регионов российско-белорусского и российско-казахстанского приграничья

Коэффициент/год	1995 г.	2000 г.	2008 г.	2014 г.	2019 г.	2023 г.
Казахстанские регионы, граничащие с Российской Федерацией						
Коэффициент вариации относительно средней по стране	0,63	0,90	1,07	0,97	1,19	1,08
Коэффициент вариации относительно средней по приграничным регионам	0,38	0,62	0,72	0,70	0,80	0,74
Индекс Тейла относительно средней по стране	0,07	0,14	0,19	0,18	0,22	0,19
Индекс Тейла относительно средней по приграничным регионам	0,07	0,16	0,21	0,19	0,24	0,20

Продолжение таблицы 1

Коэффициент/год	1995 г.	2000 г.	2008 г.	2014 г.	2019 г.	2023 г.
Российские регионы, граничащие с Республикой Казахстан						
Коэффициент вариации относительно средней по стране	0,33	0,41	0,39	0,37	0,40	0,39
Коэффициент вариации относительно средней по приграничным регионам	0,31	0,32	0,26	0,34	0,35	0,30
Индекс Тейла относительно средней по стране	0,04	0,05	0,04	0,12	0,12	0,10
Индекс Тейла относительно средней по приграничным регионам	0,05	0,05	0,03	0,05	0,06	0,04
Белорусские регионы, граничащие с Российской Федерацией						
Коэффициент вариации относительно средней по стране	–	–	0,298	0,319	0,372	0,247
Коэффициент вариации относительно средней по приграничным регионам	–	–	0,066	0,054	0,047	0,035
Индекс Тейла относительно средней по стране	–	–	0,014	0,016	0,024	0,009
Индекс Тейла относительно средней по приграничным регионам	–	–	0,002	0,001	0,001	0,001
Российские регионы, граничащие с Республикой Беларусь						
Коэффициент вариации относительно средней по стране	0,398	0,475	0,549	0,488	0,478	0,483
Коэффициент вариации относительно средней по приграничным регионам	0,106	0,163	0,093	0,114	0,072	0,108
Индекс Тейла относительно средней по стране	0,030	0,051	0,074	0,053	0,048	0,051
Индекс Тейла относительно средней по приграничным регионам	0,005	0,013	0,004	0,006	0,003	0,006

Примечание – Источник: рассчитано автором по данным [11–14].

Обратная ситуация наблюдается при расчетах показателей для российских регионов, граничащих с Республикой Казахстан. Выявленная стационарная конвергенция нарушается лишь при включении в расчет данных по Тюменской области (без округов). При этом среднее значение ВРП по ППС для приграничных регионов уменьшилось относительно среднего по стране в целом. Таким образом, регионы, граничащие с Казахстаном в период с 1995 по 2023 год стагнировали, а улучшить свое положение смогли лишь Астраханская и Оренбургская области. Аутсайдерами в этой группе за этот период по темпам роста стали Омская и Самарская области. При этом анализ темпов роста свидетельствует в этой группе о бета-конвергенции, когда наиболее бедные на 1995 год регионы росли на большую величину к 2023 году, чем лидеры того времени. Это обусловлено деиндустриализацией машиностроительных регионов – Самарской и Омской областей. Таким образом, отсутствие сигма-конвергенции/дивергенции в этой группе обусловлено равными темпами роста бедных регионов и рецессией изначально более богатых регионов относительно среднестранового значения показателя. В итоге, эти тенденции привели к росту экономического неравенства российских регионов, граничащих с Казахстаном, относительно странового показателя, при сохранении крайне низкого неравенства внутри группы регионов. Об этом свидетельствуют значения индекса Тейла.

Белорусские регионы, граничащие с Российской Федерацией, демонстрируют отличную ситуацию относительно казахстанских. Здесь наблюдается умеренная сигма-конвергенция, сформировавшаяся в период с 2019 по 2023 год. Это можно связать с участием белорусских промышленных предприятий приграничных регионов в программе импорта замещения, проводимой Российской Федерацией, которая позволила нарастить добавленную стоимость в регионах за счет промышленного производства. Разница коэффициента вариации для странового значения от внутригруппового подчеркивают периферийность приграничных регионов, значительно отличающихся в уровне экономического развития от других, особенно столичных регионов Беларуси, но схожих

между собой по темпам экономического роста душевого ВРП по ППС. Крайне низкая энтропия в темпах роста и значениях показателя может свидетельствовать о единых подходах в реализации политики пространственного развития приграничных территорий. Интеграционный процесс между Россией и Беларусью не стал для приграничных регионов триггером роста, либо его эффект был нивелирован иными факторами. Индекс Тейла и его динамика свидетельствует об одинаковом уровне душевого ВРП и темпах его роста у приграничных регионов.

Российские регионы, граничащие с Республикой Беларусь, также как и их белорусские соседи имеют высокую вариацию по душевому ВРП по ППС относительно общестрановых значений. При этом их коэффициент вариации выше, чем у российских регионов, граничащих с Казахстаном, что говорит о большей периферийности. Имеем ситуацию, при которой периферийность российских приграничных регионов выше белорусских, но периферийность казахстанских приграничных регионов выше российских относительно их общестрановых показателей.

На российской территории российско-белорусского приграничья наблюдается сигма-дивергенция к страновому уровню показателей по годам и стационарная дисперсия внутри группы регионов. При этом энтропия регионов относительно странового уровня гораздо выше внутренней дифференциации значений душевого ВРП по ППС. Экономика российских регионов приграничья схожа по структуре и не имеет выраженной специализации, не встроена в систему производства и переработки базовых для российской экономики отраслей, имеющих наибольшую добавленную стоимость и формирующих экспортный потенциал. Это формирует причины периферийности, которую приграничные регионы не в состоянии самостоятельно преодолеть в силу высокой централизации власти и ограниченных нормативно-правовых полномочий по проведению самостоятельной региональной политики.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10163, <https://rscf.ru/project/23-78-10163/>.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Катровский А.П., Ридевский Г.В. Пространственная экономическая асимметрия как фактор российско-белорусского трансграничного региона // Региональные исследования. – 2013. – № 3. – С. 128–136.
2. Морачевская К.А. Влияние государственных интеграционных процессов на развитие российско-белорусского приграничья // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации: монография / под ред. Л.Б. Вардомского, Л.И. Попковой. Курск. – 2017. – С. 267–274.
3. Колосов В.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б. Структурные особенности экономики и градиенты социально-экономического развития приграничных регионов Беларуси, России и Украины // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2014. – № 5. – С. 32–46.
4. Вертинская Т.С. Межрегиональные связи Беларуси со странами – членами ЕАЭС // Наука и инновации. – 2019. – Т. 1. – № 191. – С. 17–20.
5. Вертинская Т.С. Теоретические и практические основы экономической интеграции регионов стран – членов ЕАЭС. – Минск, 2018. – 372 с.
6. Никитенко П.Г., Вертинская Т.С. Белорусско-российское приграничное сотрудничество как фактор формирования Союзного государства Беларуси и России // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 3. – С. 86–99.
7. Черняк Е.В., Фатеев В.С. Особенности инвестиционной привлекательности регионов Беларуси // Мировая экономика: вчера, сегодня, завтра : Материалы V Междунар. науч.-практич. конф. учащейся молодежи, Донецк, 15–17 ноября 2022 года / Отв. редактор Г.А. Шавкун. Том 1. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2022. – С. 131.
8. Карпенко М.С., Колосов В.А., Себенцов А.Б. Трансформация российско-казахстанского пограничья в постсоветский период: институциональное и экономическое измерения // Проблемы национальной стратегии. – 2021. – № 5(68). – С. 25–40.

9. Вардомский Л.Б. Приграничное сотрудничество на «новых и старых» границах России // Евразийская экономическая интеграция. – 2008. – № 1. – С. 90–108.
10. Плюйко А.Ю. Особенности межрегионального и приграничного сотрудничества между государствами – членами ЕАЭС. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2024. – 17(2). – С. 189–205.
11. World Bank Group. DataBank. – URL: <https://databank.worldbank.org/metadataglossary/world-development-ndicators/series/PA.NUS.PPP> (дата обращения 10.09.2025).
12. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Валовой региональный продукт на душу населения. – URL: <https://stat.gov.kz/api/iblock/element/5930/file/ru/> (дата обращения 10.09.2025).
13. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации. Национальные счета и экономические балансы. – URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric-info/1063233> (дата обращения 10.09.2025).
14. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 10.09.2025).

УДК 339.5

**АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ СО СТРАНАМИ
ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (МОНГОЛИЯ, РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ, КНДР)
CURRENT DIRECTIONS OF TRADE AND ECONOMIC COOPERATION
OF THE REPUBLIC OF BELARUS WITH THE COUNTEIES OF EAST ASIA
(MONGOLIA, REPUBLIC OF KOREA, DPRK)**

О Док Хи,
кандидат экономических наук,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
paulminsk@mail.ru

Oh Dok Hee,
Candidate of Economic Sciences (PhD),
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В настоящее время основными торговыми партнерами Беларуси являются преимущественно страны – члены ЕАЭС. В рамках усилий по расширению торговли Беларусь может рассмотреть возможность проведения политики расширения торговли со странами Северо-Восточной Азии. Среди стран Северо-Восточной Азии Монголия выступает за открытую экономику и проводит активную политику внешнеэкономического сотрудничества. В частности, правительство Монголии активно развивает внешнеэкономическое сотрудничество, связанное с природными ресурсами, включая редкие металлы, и логистикой. Кроме того, правительство Монголии активно проводит политику развития цифровой экономики, основанной на ИКТ. Учитывая политику правительства Монголии в области внешнеэкономического сотрудничества, ожидается, что экономическое взаимодействие с Беларусью будет развиваться в различных областях.

С другой стороны, торгово-экономическое сотрудничество с Кореей временно находится на низком уровне из-за международной политической ситуации. Независимо от международной политической ситуации экономическое сотрудничество между Кореей и Беларусью должно неуклонно расширяться, уделяя особое внимание сферу ИКТ. Кроме того, по мере углубления экономического сотрудничества между Северной Кореей и Россией необходимо активно рассматривать торгово-экономическое сотрудничество между Северной Кореей и Беларусью.

Ключевые слова: политика расширения торгово-экономического сотрудничества, цифровая экономика, экономические санкции, повышение международной конкурентоспособности, сотрудничество в области медицины и передовых технологий.

Abstract. Currently, Belarus's main trading partners are mainly the EAEU member countries. As part of its efforts to expand trade, Belarus may consider pursuing a policy of expanding trade with Northeast Asian countries. Among the Northeast Asian countries, Mongolia advocates an open economy and pursues an active policy of foreign economic cooperation. In particular, the Mongolian government is actively developing foreign economic cooperation related to natural resources, including rare metals, and logistics. In addition, the Mongolian government is actively pursuing a policy of developing a digital economy based on ICT. Given the Mongolian government's policy in foreign economic cooperation, economic cooperation with Belarus is expected to develop in various areas.

On the other hand, the economic and trade cooperation with Korea is temporarily at a low level due to the international political situation. Regardless of the international political situation, the economic cooperation between Korea and Belarus should be steadily expanded, with particular attention to the ICT sector. In addition, as the economic cooperation between North Korea and Russia deepens, the economic and trade cooperation between North Korea and Belarus should be actively considered.

Keywords: policy of expanding trade and economic cooperation, digital economy, economic sanctions, increasing international competitiveness, cooperation in the field of medicine and advanced technologies.

1. Меры по расширению торгово-экономического сотрудничества Беларуси и Монголии

Бизнес-среда для стартапов в Монголии. Среди монгольских стартапов перспективными являются образовательные технологии, анализ больших данных и искусственный интеллект. На монгольский рынок стартапов приходится 36 % от общего числа компаний в секторе образовательных технологий, 26 % в сфере анализа больших данных и искусственного интеллекта и 25 % в сфере рекламных технологий. До сих пор экосистема стартапов в Монголии поддерживалась частным сектором, но в будущем она стремится трансформироваться в государственную политику поддержки. Прежде всего, правительство Монголии активно продвигает политику дерегулирования и стартап-политику, ориентированную на передовые технологии, чтобы расширить доступ иностранных компаний на рынок.

Перспективные отрасли цифровой экономики, продвигаемые правительством Монголии, можно обобщить следующим образом:

а) Оцифровка (Цифровизация) услуг общественного транспорта. Правительство Монголии продвигает внедрение транспортной системы, оснащенной решениями по автоматизации транспортных карт и учету рабочего времени, в рамках проекта "ePASS" по цифровизации общественного транспорта. Основным направлением деятельности проекта "ePASS" является предоставление различных цифровых услуг, таких как пополнение и проверка баланса транспортной карты, проверка информации о маршруте в режиме реального времени на автобусных остановках, голосовой сервис на основе искусственного

интеллекта для людей с нарушениями зрения и проверка в режиме реального времени того, садится ли ребенок в школьный автобус или выходит из него [1, с. 19].

б) Улучшение здоровья населения за счет развития интегрированной медицинской платформы "E-clinic". Правительство Монголии создало интегрированную компьютерную сеть от лечения пациентов до выписки в больницы с помощью проекта платформы "E-clinic". Кроме того, оно содействует повышению эффективности работы медицинских учреждений путем создания системы обмена медицинской информацией между больницами. Платформу "E-clinic" можно внедрить и использовать в домах престарелых и аптеках, что позволит повысить доступность медицинских услуг для населения. Повышение качества медицинских услуг за счет внедрения передовых цифровых технологий в медицинскую сферу является крупным национальным проектом правительства Монголии.

в) Одним из ключевых направлений политики правительства Монголии в области цифровой экономики является финансовый сектор. В целях содействия цифровизации финансового сектора, "Golomt Bank", один из трех крупнейших банков Монголии, начал активно реализовывать стратегию «открытого банка». Также при полной поддержке правительства Монголии "Khan Bank" к 2023 г. осуществит цифровую трансформацию 98 % всех транзакционных операций. В результате усилий правительства Монголии по цифровизации финансового сектора началась серьезная разработка цифровых банковских продуктов и услуг. Однако правительство Монголии активно продвигает внедрение передовых зарубежных цифровых финансовых систем для дальнейшего развития всего сектора финансовых услуг.

г) Кроме того, один из крупнейших проектов монгольского правительства по цифровизации реализуется в сфере образования. Правительство Монголии повышает качество образования посредством внедрения системы онлайн-обучения и создания приложения, связывающего администрацию школы, учителей и родителей. В Монголии очень разные образовательные среды в городских и сельских районах. В частности, расширение цифрового образования обеспечивает равные образовательные среды и возможности для всех монголов [2].

Беларусь обладает специалистами и технологиями мирового уровня в области ИКТ. С другой стороны, Монголия расширяет поддержку и инвестиции на государственном уровне для развития профессиональных кадров в сфере ИКТ и разработки передовых технологий. В частности, возможность сотрудничества с Беларусью рассматривается как высокая в связи с продвижением правительством Монголии политики цифровой экономики. Сотрудничество в сфере ИКТ между Монголией и Беларусью предоставит возможность изучить пути расширения экономического взаимодействия между двумя странами.

2. Текущее состояние торговли между Республикой Корея и Беларусью

Как показано на рисунке 1, после начала российско-украинского кризиса в феврале 2022 года торговый рынок между двумя странами замер из-за экономических санкций со стороны США и Европы и участия в санкциях Кореи, а объем торговли упал на 1/3. Экспорт зафиксировал снижение на 46 % до 37,54 млн долл. США, а импорт зафиксировал снижение на 83 % до 14,26 млн долл. США.

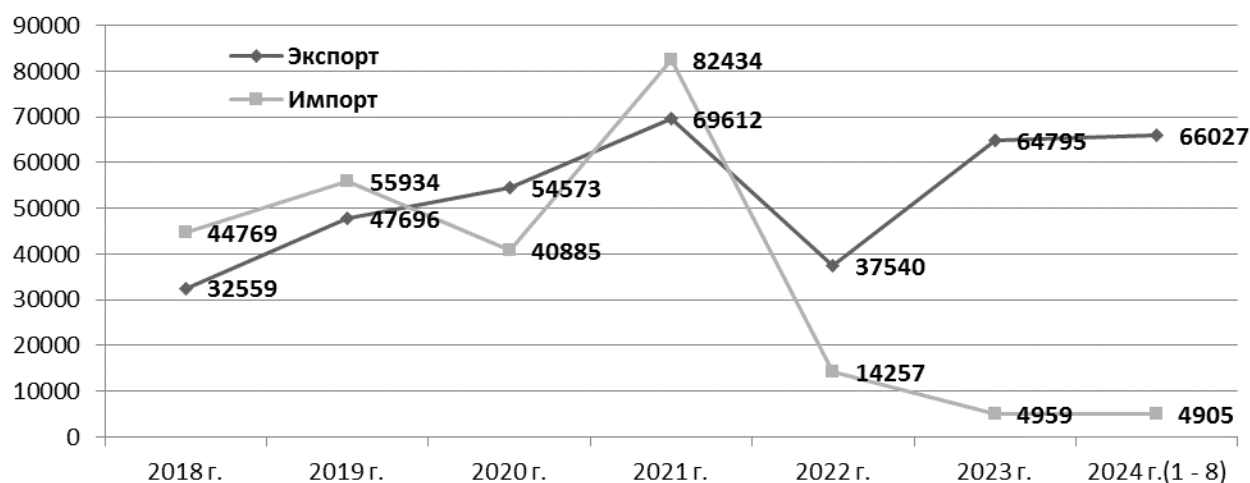

Рисунок 1 – Статус торговли Республикой Корея с Беларусью (тыс. долл. США)
Примечание – Источник: [3, с. 28].

Однако в 2023 г. экспорт Республикой Корея в Беларусь увеличился на 72,6 % в годовом исчислении за счет эффекта базы предыдущего года, возобновления некоторых приостановленных проектов и увеличения экспорта не подпадающих под экспортные санкции товаров, восстановившись до 93,1 % от объема экспорта 2021 г., что стало самым высоким показателем. Несмотря на ситуацию с контролем за экспортом стратегических материалов из-за постепенного ужесточения экономических санкций, экспорт Республикой Корея в Беларусь с января по август 2024 г. увеличился на 72,6 % в годовом исчислении. Это особый случай из-за резкого роста спроса на подержанные автомобили объемом менее 2000 куб. см, которые можно экспортировать, и некоторые виды бытовой техники (стиральные машины/сушилки, кондиционеры) и изменения в логистических маршрутах. На эти три товара приходится 55,4 %, более половины всего экспорта. Кроме того, ожидается, что в 2025 г. рост экспорта будет наблюдаться в сегменте мыла, зубной пасты, косметики, медицинских приборов, резиновых изделий, пестицидов и фармацевтических препаратов за счет устойчивого роста спроса.

В 2023 г. импорт Республикой Корея из Беларуси сократился на 65,2 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. В частности, калийные удобрения (1-е место), на долю которых в 2022 г. приходилось около 70–80 % импортируемой продукции, останутся под санкциями, что приведет к дальнейшему общему снижению импорта. По состоянию на январь – август 2024 г. импорт Республикой Корея из Беларуси также показал небольшой рост по сравнению с предыдущим годом, в ситуации, когда калийные удобрения не импортировались. Это связано с тем, что импорт изделий из древесины и мяса (говядина, курица, свинина) вместе с другими текстильными изделиями (стекловолокно) показал рост.

Из-за экономических санкций со стороны США и Европы, введенных после российско-украинского кризиса, большая часть импорта Беларуси поступает из России и Китая. В результате южнокорейские товары, которые ранее занимали большую долю на белорусском рынке, такие как бытовая техника, мобильные телефоны и автомобили, также быстро заменяются китайскими товарами. Тем не менее, экспорт Республикой Корея в Беларусь постепенно увеличивается в 2023 г. и с января по август 2024 г. Это связано с тем, что экспорт товаров, подпадающих под экономические санкции, сократился, однако экспорт увеличивается, при этом основное внимание уделяется потребительским товарам и медицинским изделиям, которые относительно пригодны для экспорта и пользуются повышенным местным спросом, а также стремятся к диверсификации продукции.

Что касается средств по уходу за волосами и кожей головы, особенно шампуней, то объем экспорта Республикой Корея в Беларусь за последние пять лет увеличился в 14 раз,

и в январе 2024 г. Республика Корея впервые вошла в десятку стран-экспортеров шампуня, согласно статистике экспорта. В секторе косметики ВВ-кремы третий год подряд становятся победителями премии "Belarus Beauty Award", а количество местных магазинов южнокорейских косметических брендов также увеличивается.

В частности, пограничный контроль и экономические санкции против Беларуси постоянно ужесточаются, особенно в соседних странах, таких как Польша и страны Балтии. По мере расширения экономических санкций, введенных в отношении Беларуси со стороны США и Европы, ожидается, что спрос на южнокорейскую продукцию будет расти наряду с дальнейшей диверсификацией источников импорта белорусскими компаниями. Из-за экспортного контроля в отношении России сохраняется запрет на экспорт 741 товара с высокой вероятностью перенаправления на производство оружия, включая промышленное оборудование, сталь, химикаты, автомобили и квантовые компьютеры.

По состоянию на 24 февраля 2024 г. в связи с расширением перечня товаров, в отношении которых в отношении России действуют разрешения на экспорт, в Беларуси вводятся ограничения на экспорт 361 товара, в том числе металлоконструкций, частей воздушных судов, станков, строительного оборудования, транспортного и погрузочно-разгрузочного оборудования, аккумуляторных батарей для транспортных средств и аккумуляторных батарей. С 9 сентября 2024 г. расширенный перечень запрещенных к экспорту в Беларусь товаров пополнился 243 позициями, которые с высокой вероятностью могут быть использованы исключительно в военных целях, в том числе металлорежущие станки, детали станков, детали оптических приборов, датчики.

По состоянию на 2025 г. в Беларуси представлена только одна южнокорейская компания – LG Electronics, а три компании (SK Hynix, Kumchung Pharmaceutical и Jaycomex) ушли из-за трудностей в работе на местном уровне, вызванных экономическими санкциями после начала российско-украинского кризиса (таблица 1). Научно-исследовательская лаборатория SK Hynix, которая приобрела местную ИТ-компанию в Беларуси, ведущей ИТ-стране, была названа одним из успешных случаев инвестиций южнокорейской компании. Однако из-за неблагоприятной международной обстановки выход был неизбежен, но поскольку белорусский рынок ИТ имеет большой потенциал, ожидается, что спрос на сотрудничество возрастет после отмены экономических санкций в будущем.

Таблица 1 – Статус южнокорейских инвестиций в Беларусь с 2014 г. по 2025 г., тыс. долл. США

	Классификация отраслей	Количество новых корпораций	Размер инвестиции
2014 г.	Информационно-коммуникационная отрасль	1	14,234
2018 г.	Информационно-коммуникационная отрасль	1	8
2019 г.	Обрабатывающая промышленность	1	10
~ 2025 г.	–	0	–
Итого		3	14,252

Примечание – Источник: [3, с. 37].

До российско-украинского кризиса Беларусь рассматривалась как потенциальный рынок экспорта для Республики Корея. Кроме того, Беларусь была признана высокоэффективным местом для инвестиций для создания плацдарма для продвижения на более крупные рынки, такие как ЕАЭС и ЕС. В настоящее время торговля между Республикой Корея и Беларусью задерживается из-за трудностей с экспортом и прямыми инвестициями, вызванными экономическими санкциями со стороны США и Европы. Однако в Беларуси высокоразвита фундаментальная наука, и страна выпускает множество передовых исследователей в различных областях, таких как химия, физика, биология и ИКТ. Необходимо активно внедрять меры по расширению экономического сотрудничества за счет использования высококвалифицированных белорусских ИТ-специалистов, уделяя особое внимание южнокорейским малым и средним предприятиям, испытывающим технические трудности при разработке оригинальных технологий.

3. Торговый статус между Беларусью и Северной Кореей

После 2020 г. торговля между Беларусью и Северной Кореей практически прекратилась, экспортно-импортные операции находятся на минимальном уровне. Однако 6–9 мая 2025 г. белорусская правительственная делегация посетила Пхеньян для проведения 3-го заседания Совместного комитета по торгово-экономическому сотрудничеству с Северной Кореей. Прошло 19 лет с тех пор, как Северная Корея и Беларусь создали совместный комитет по торгово-экономическому сотрудничеству. Второе заседание двух стран состоялось в июле 2006 г. в Минске.

Экономическое сотрудничество между двумя странами осуществлялось в небольших масштабах. Северная Корея получала поддержку в виде поставок превосходных белорусских сельскохозяйственных и животноводческих пород, а также импортировала крупные белорусские тракторы. Третье заседание Совместного комитета по торговле и экономическому сотрудничеству между правительствами Северной Кореи и Беларуси обсудило пути расширения торговли между двумя странами.

Беларусь и Северная Корея, установившие дипломатические отношения в 1992 г., в 2022 г. отметили 30-летие, однако объём торговли между двумя странами относительно невелик по сравнению с другими странами. Объём торговли Беларуси с Северной Кореей составляет менее 1 % и существенно снижается из года в год (таблица 2).

Таблица 2 – Состояние торговли Беларуси с Северной Кореей за 9 лет (долл. США)

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Экспорт	1 015 900	377 300	365 900	313 000	0	0	112 700	2 000	0
Импорт	1 766 600	411 100	123 000	199 900	464 200	72 600	8 700	0	3 700

Примечание – Источник: KOTRA (Korea Trade-Investment Promotion Agency) (на основе данных Государственного агентства статистики Республики Беларусь).

Экспорт Беларуси в Северную Корею невелик: в 2016 г. на котлы и оборудование приходилось 62 % от общего объема, а в 2019 г. на фармацевтические препараты – 100 %. В 2017–2018 гг. экспорт Беларуси в Северную Корею был нулевым. В 2020 г. экспорт игрушек составил всего 2000 долл. США, а в 2021 г. экспорт вообще не осуществлялся.

Импорт Беларуси из Северной Кореи увеличился в 2017 г. благодаря восстановлению белорусской экономики, но после 2018 г. вновь резко сократился. Основными товарными позициями были фармацевтические препараты, электроника, искусственные волокна, органические химикаты, другие пищевые продукты, а также изделия из пластика и стали. В 2019 г. на продукты питания пришлось 7300 долл. США, а на машины – 1400 долл. США. В 2020 г. импорт Беларуси из Северной Кореи был нулевым, а в 2021 г. общий объём импорта составил 3700 долл. США, из которых 2600 долл. США пришлось на медицинские пластыри/бинты, 700 долл. США – на режущие/зажимные машины, 300 долл. США – на электрические вилки/розетки и 100 долл. США – на фрезерный инструмент.

В связи с продолжающимися экономическими санкциями против России со стороны Европы и США не ожидается существенного улучшения торговли с Беларусью и Северной Кореей. В июле 2024 г. министр иностранных дел Беларуси впервые в качестве главы МИД посетил Северную Корею и провел переговоры со своим северокорейским коллегой. Кроме того, в мае 2025 г. белорусская правительственная делегация посетила Северную Корею и провела 3-е заседание Совместного комитета по торгово-экономическому сотрудничеству. В долгосрочной перспективе ожидается, что постепенное экономическое сотрудничество и расширение торговли будут достигнуты за счет расширения обменов между двумя странами.

Таким образом, в долгосрочной перспективе существует значительный потенциал для расширения торгово-экономического сотрудничества между Беларусью и Монголией, особенно в сфере ИКТ. Расширение товарооборота между Беларусью и Монголией может осуществляться параллельно с передачей промышленных технологий, уделяя особое внимание тракторам и продукции тяжёлой химической промышленности. Однако, учитывая

активное стремление Монголии развивать производство на основе своих природных ресурсов, экономическое сотрудничество с Беларусью могло бы быть сосредоточено на обмене промышленными технологиями. Считается, что расширение товарооборота между Беларусью и Северной Кореей будет эффективным только в сочетании с экономическим сотрудничеством. С другой стороны, расширение торгово-экономического сотрудничества между Кореей и Беларусью остается на минимальном уровне из-за неопределенной международной политической ситуации. Несмотря на международную политическую ситуацию, торгово-экономическое сотрудничество должно продолжать расширяться посредством тесного взаимодействия двух правительств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Политика цифровой экономики Монголии. – URL: https://www.globalict.kr/upload_file/kms/202310/42611056114104782.pdf (дата обращения 28.05.2025) (на корейском языке).
2. Ли Джэён. Текущее состояние экономического сотрудничества и планы развития с Монголией // Корейский институт внешнеэкономических исследований. – 2010. – № 10. – С. 29–30 (на корейском языке).
3. Стратегии выхода корейских компаний на рынок Беларуси в 2025 году. – URL: https://dream.kotra.or.kr/kotranews/cms/news/actionKotraBoardDetail.do?SITE_NO=3&MENU_ID=250&bbsSn=252&pNttSn=224111&CONTENTS_NO=1 (дата обращения 02.06.2025).

УДК 339.5

ECONOMIC SECURITY OF SMALL ENTERPRISES AS SUBJECTS OF INTEGRATION COMMUNITIES ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В КАЧЕСТВЕ СУБЪЕКТОВ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СООБЩЕСТВ

Latyshev Oleg,
Candidate of Philology (PhD),
International Mariinskaya Academy named after M.D. Shapovalenko,
Russian Federation, Moscow
papa888@list.ru

Latysheva Polina,
International Mariinskaya Academy named after M.D. Shapovalenko,
Russian Federation, Moscow
papa888@list.ru

Pavlovic Slavica,
PhD, Associate Professor,
University of Mostar,
Bosnia and Herzegovina, Mostar
godotcici@gmail.com

Латышев Олег Юрьевич,
кандидат филологических наук,
Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко,
Российская Федерация, г. Москва

Латышева Полина Александровна,
Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко,
Российская Федерация, г. Москва

Павлович Славица,
доктор философии, доцент,
Университет Мостара,
Босния и Герцеговина, г. Мостар

Abstract. To effectively stimulate innovative investment activity in each regional small business, it seems advisable to establish a so-called guarantee fund, whose activities should be focused on providing loans to small businesses. This lending is directed toward the innovative and risky activities inherent to various small businesses, in collaboration with the innovation information and consulting support center. It is virtually impossible to imagine an effective system of regional state support for small businesses as entities of integration communities without simplifying their licensing and registration procedures under the stated regime.

It seems necessary to introduce restrictions on the composition and scope of the list of goods and services subject to certification, as well as the timely establishment of benefits provided for in the process of voluntary and initiative certification of small businesses as entities of integration communities.

Keywords: integration communities, foreign economic policy, national security, international cooperation, trade.

Аннотация. Для эффективного стимулирования инновационно-инвестиционной активности в каждом субъекте малого предпринимательства региона представляется целесообразным создание так называемого гарантийного фонда, деятельность которого должна быть ориентирована на кредитование субъектов малого предпринимательства. Данное кредитование направлено на инновационную и рисковую деятельность, присущую различным видам малого предпринимательства, во взаимодействии с центром информационно-консультационной поддержки инноваций. Эффективную систему региональной государственной поддержки субъектов малого предпринимательства как субъектов интеграционных объединений практически невозможно представить без упрощения процедур их лицензирования и регистрации в указанном режиме. Представляется необходимым ввести ограничения на состав и объем перечня товаров и услуг, подлежащих сертификации, а также своевременно установить льготы, предоставляемые при добровольной и инициативной сертификации субъектов малого предпринимательства как субъектов интеграционных объединений.

Ключевые слова: интеграционные сообщества, внешнеэкономическая политика, национальная безопасность, международное сотрудничество, торговля.

It should be noted that small businesses are mobile in the modern domestic economic system and are capable of serving as the most dynamic economic component. Small businesses are capable of filling the gap that inevitably forms between large-scale medium-sized businesses at the right moment, thereby creating a certain stability for the overall macroeconomic structure of the current national economy.

This mobility provides small businesses with decisive competitive advantages during the process of comprehensive restructuring, without the entire economic system being reliant on innovative solutions. It's also worth noting that production, technological, organizational, managerial, and commercial innovations in the small business sector will also be a natural consequence of the implementation of its support system.

The development of effective regional government support for small businesses is impossible without well-coordinated work by all Russian government bodies, supported by a system of funds

and assistance from public organizations, whose goal is to cultivate the work of small businesses as actors in integrated communities.

Following international experience requires attention to the fact that modern market relations in the Russian Federation are still relatively young and are on the path to a more civilized stage of development. Therefore, significant adjustments to all adopted models of small business support and development are always necessary.

The social component of small businesses' work as participants in integrated communities is always considered a constant priority by the governments of these countries. For example, when the government in the United States ceased interfering in the activities of small businesses, their number began to grow rapidly.

The method of natural selection is being introduced in the United States to develop the leaders of future business. At the same time, the registration procedure for almost every new small business is significantly simplified. Registration documents for a small business are completed in less than one day and the registration fee is ten dollars.

In France, meanwhile, at the national level, the so-called commission for drafting legislation aimed at further simplifying the registration and establishment of small businesses as entities within integration communities is under the strict control of the Prime Minister. Since the mid-1990's, a kind of regulatory reform has been implemented with the goal of significantly increasing the efficiency of the entire market from the perspective of the end consumer.

This has traditionally been achieved by increasing the responsibility of small businesses as entities within integration communities for the state of affairs in their respective industries through self-regulation. A characteristic feature of the Australian regulatory reform was the widespread and rapid replacement of the slogan "regulate better" with the more acceptable slogan "regulate less" for all small businesses as entities within the country's integration communities. Thus, the participation of any state or municipal structures in regulating various aspects of the activities of the entire organic community of small businesses as entities within integration communities was quickly reduced to a minimum. At the same time, in the Federal Republic of Germany, the state has the right to intervene in the activities of small businesses as entities within integration communities only if they have failed to properly interact with society.

One example of such inability on the part of small businesses as entities within integration communities may be their failure to comply with environmental protection requirements or to promptly address any shortcomings in their economic development. Of particular importance in this process is the German government's strict adherence to the principle of full and strict compliance of state intervention with all market economy rules currently in force in the modern German Republic.

The purpose of state intervention is to ensure the most acceptable and fair conditions for the operation of small businesses as entities within integration communities while simultaneously promoting a high level of competition. The German government's efforts are aimed at the fastest possible formation and preservation of the overwhelming majority of highly productive, dynamically developing small businesses as entities within integrated communities.

Antitrust legislation, which has been in effect in the Federal Republic of Germany for many years, prevents individual small businesses from dominating the market by dictating prices for goods and services and the nature of their relationships with similar small businesses that are less successful in the increasingly competitive environment [1]. The clear priority is the independent functioning of the entire organic community of small businesses as entities within integrated communities that currently exist in the Federal Republic of Germany, which require virtually no state support.

In the interests of the continued progressive development of the economy as a whole, the government of the Federal Republic of Germany deems itself not entitled to in any way hinder the natural changes gradually occurring in market conditions. The most important regulatory functions of the government of the Federal Republic of Germany are directly related to ensuring the conditions for the full and strict observance of the legal and economic order.

The implementation of such governmental functions also requires respect for the fundamental rights of small businesses as entities of integration communities to freely organize and conduct all their business activities. For example, all small businesses as entities of integration communities are entitled to enter into contracts, join associations, and have the inalienable right to establish branches and divisions [2].

Every entrepreneur operating in the Federal Republic of Germany may choose their profession solely on their own initiative, as well as their place of work, and independently determine the prices for their products. This also applies to private property itself, the methods chosen by the owner for its disposal, and, most importantly, to the means of production that ensure the successful operation of the production process.

These include land plots on which production facilities, factory buildings, and plants are constructed, as well as infrastructure facilities for various purposes, machinery and equipment, and other fixed assets. Moreover, the principles of independent entrepreneurship, which facilitate the development of small businesses as entities within integrated communities, are fully enshrined in legislation. A second progressive aspect of government regulation of small businesses as members of integrated communities implemented in highly developed countries is its diverse support.

France, the United Kingdom, and Germany have long employed flexible tax policies as an effective tool for encouraging small business innovation. Financial assistance in each of the three aforementioned countries is provided to small businesses in the form of subsidies, as well as guaranteed loans and grants designed to encourage entrepreneurial initiative [3].

French small businesses often consider it appropriate to take advantage of the so-called "radius law" and seek to reap the benefits of being located as far away from Paris and other influential financial and economic centers as possible. The French government actively supports such initiatives by its small businesses as members of integrated communities, and in some cases even encourages their relocation to remote regions to accelerate their economic development.

It strives to ensure that the number of relocated small businesses increases annually, and that the economic development of central and remote regions gradually reaches a state of relative equilibrium. To this end, French small businesses, at the initiative of the French government, receive targeted loans for capital investments, which are essential for their progressive development and the timely, full-scale structural restructuring of all production cycles [4].

In conclusion, it should be noted that in both France and Germany, state regulation has led to the emergence of structural reforms and the timely maintenance of an adequate level of production accumulation for small businesses as entities of integration communities. Overall, this has enabled both aforementioned countries to promptly support the development of small businesses at an appropriate level and prevent a decline in their profitability in the event of a crisis.

Self-regulation of small businesses as entities within integration communities in Australia is viewed as a fairly flexible tool for reducing, to varying degrees, the inevitable costs that arise during its application to the widespread, large-scale organization of small businesses as entities within integration communities, compared to traditional state regulation.

At the same time, not only do Australian small businesses feel significantly more free to make decisions regarding their future development, but the state itself does not bear any additional costs. A key trend in state support for small businesses as entities within integration communities is the expansion of a policy of non-interference in their day-to-day operations [5]. Significant savings in administrative resources and specific financial resources are realized in those highly developed countries whose government policies are aimed at supporting self-regulation of small businesses as entities within integration communities wherever deemed appropriate.

Thus, the research conducted in this paper allows us to draw the following conclusions:

1. A study of the functioning of state support and small business development mechanisms has shown that efforts must be made to fundamentally improve them, as a significant number of constraints significantly hinder their timely and successful implementation. The Russian Federation's legislative framework governing the activities of all small businesses as entities within

integration communities must be improved to ensure that every small business can fully and rightfully enjoy all of its inalienable rights and freedoms.

2. The most effective way to structure small businesses in the regional economic system, amid a significant economic downturn at the Russian and global level, is to transition from sole proprietorship to limited liability companies, which are already the most common form of business. This approach can increase their effectiveness and enhance the ability of small business managers and employees, as entities within integration communities, to creatively address any challenges that arise.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Латышев О.Ю., Латышева П.А., Павлович С. Отдельные аспекты менеджмента поступательного социально-экономического развития современного коммерческого предприятия // Актуальные вопросы экономики и управления: теоретические и прикладные аспекты: материалы X Международной научно-практической конференции, г. Горловка, 21 марта 2025 г. / отв. ред. Е.П. Мельникова, Е.Ю. Руднева, О.Л. Дариенко / Автомобильнодорожный институт (филиал) ДонНТУ в г. Горловка. – Горловка: АДИ ДонНТУ, 2025. – С. 327–331.

2. Латышев О.Ю., Латышева П.А., Радаэлли М.Э., Луизетто М. Экономическое положение современного предприятия малого бизнеса // Банковская система: устойчивость и перспективы развития: сборник научных статей пятнадцатой международной научно-практической конференции по вопросам финансовой и банковской экономики, УО «Полесский государственный университет», г. Пинск. 25 октября 2024 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: В.И. Дунай [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2024. – С. 330–334.

3. Латышев О.Ю., Латышева П.А., Луизетто М. Особенности управления надежностью технических систем на рабочем месте в хозяйственной деятельности предприятия // Конструирование, использование и надежность машин сельскохозяйственного назначения. – 2023. – № 1(22). – С. 44–52.

4. Павлович С., Абдельгадир Баллал Э.М., Латышев О.Ю., Латышева П.А. Анализ нормирования труда как средства создания приемлемого морального микроклимата на предприятии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество : мат-алы VI междунар. науч.-практич. конф. Ежегодник, Университет мировых цивилизаций, 22–24 ноября 2023 года. – Москва: Издательский дом «УМЦ», 2024. – С. 542–544.

5. Латышев О.Ю., Павлович С., Луизетто М. Административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности // Потребительская кооперация стран постсоветского пространства: состояние, проблемы, перспективы развития : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 60-летию основания университета, Гомель, 31 октября – 1 ноября 2024 г. / редкол.: С.Н. Лебедева [и др.] ; под науч. ред. С.Н. Лебедевой. – Гомель : Учреждение образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации», 2024. – С. 329–333.

**РАЗВИТИЕ ЭКСПОРТА ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СТРАНЫ ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА
DEVELOPMENT OF EXPORT OF TRANSPORT AND LOGISTICS SERVICES
OF THE REPUBLIC OF BELARUS TO THE COUNTRIES
OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION**

Ващило Анна Александровна,
Институт бизнеса БГУ,
Республика Беларусь, г. Минск
vashchylahanna@gmail.com

Vashchyla Hanna,
School of Business of BSU,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В данной статье рассмотрены современные тенденции и особенности развития экспорта транспортно-логистических услуг Республики Беларусь в страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Проанализирована динамика экспорта транспортных услуг Беларуси в страны ЕАЭС. Рассчитан индекс выявленных сравнительных преимуществ (RCA) для различных видов транспортно-логистических услуг Беларуси на рынке ЕАЭС. Рассчитана оптимальная структура экспорта транспортно-логистических услуг Беларуси в страны ЕАЭС на основе стохастической модели по методу Монте-Карло. Сформулированы рекомендации по развитию экспорта транспортно-логистических услуг Республики Беларусь в страны ЕАЭС. В условиях глобализации и усиления международной экономической интеграции эффективное развитие транспортно-логистической системы становится одним из определяющих факторов конкурентоспособности национальной экономики. Создание единого рынка услуг в рамках ЕАЭС, гармонизация транспортной политики и снятие барьеров во взаимной торговле способствуют интенсификации экспорта транспортно-логистических услуг Беларуси на рынки стран – участниц объединения.

Ключевые слова: транспортно-логистические услуги, экспорт услуг, Республика Беларусь, ЕАЭС, экономическая интеграция.

Abstract. This article discusses current trends and features of the development of export of transport and logistics services of the Republic of Belarus to the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU). The dynamics of the export of transport services of Belarus to the EAEU countries was analyzed. The index of identified comparative advantages (RCA) was calculated for various types of transport and logistics services of Belarus on the EAEU market. The optimal structure of export of transport and logistics services of Belarus to the EAEU countries was calculated on the basis of a stochastic model using the Monte Carlo method. Recommendations were formulated on the development of export of transport and logistics services of the Republic of Belarus to the EAEU countries. In the context of globalization and increased international economic integration, the effective development of the transport and logistics system is becoming one of the determining factors in the competitiveness of the national economy. The creation of a single market for services within the EAEU, harmonization of transport policies and the removal of barriers in mutual trade contribute to the intensification of the export of transport and logistics services of Belarus to the markets of the countries participating in the association.

Keywords: transport and logistics services, export services, Republic of Belarus, EAEU, economic integration.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного обоснования направлений развития экспорта транспортно-логистических услуг Республики Беларусь в страны ЕАЭС в условиях глобальных экономических вызовов и трансформации международных цепей поставок. Научная новизна исследования заключается в расчете индекса выявленных сравнительных преимуществ (RCA) для различных видов транспортно-логистических услуг Беларуси на рынке ЕАЭС, а также в определении оптимальной структуры экспорта транспортно-логистических услуг Беларуси в страны ЕАЭС на основе стохастической модели по методу Монте-Карло.

Транспортно-логистические услуги представляют собой комплекс взаимосвязанных операций по планированию, организации и осуществлению перемещения товаров от производителя к потребителю, включая хранение, обработку, упаковку и сопутствующее обслуживание товарных потоков. В международной практике принято выделять следующие основные виды транспортно-логистических услуг: транспортные услуги (перевозка грузов различными видами транспорта); экспедиторские услуги (организация перевозки, оформление документов, контроль доставки); складские услуги (хранение, обработка, комплектация грузов); таможенно-брокерские услуги (таможенное оформление, консультирование); услуги информационного обеспечения (отслеживание грузов, управление цепочками поставок).

Специфика транспортно-логистических услуг как объекта международной торговли обусловлена следующими особенностями: неразрывность процессов производства и потребления услуг; высокая степень интеграции в международные производственные цепочки; зависимость от развития транспортной инфраструктуры; влияние геоэкономических и институциональных факторов.

Региональная экономическая интеграция создает специфические условия для развития экспорта транспортно-логистических услуг, характеризующиеся как новыми возможностями, так и дополнительными вызовами. К ключевым особенностям можно отнести: формирование единого рынка транспортно-логистических услуг; гармонизацию нормативно-правовой базы в сфере транспорта и логистики; создание интегрированной транспортной инфраструктуры; устранение барьеров при осуществлении перевозок между странами-участницами; усиление конкуренции между поставщиками транспортно-логистических услуг на едином рынке.

Интеграционные процессы в рамках ЕАЭС направлены на формирование единого транспортного пространства и общего рынка транспортных услуг на основе принципов конкуренции, транспарентности, безопасности, надежности и доступности. Создание единого транспортного пространства предполагает интеграцию транспортных систем государств – членов ЕАЭС в рамках евразийской транспортной системы, а также повышение качества транспортных услуг [1].

Анализ данных свидетельствует о положительной динамике экспорта транспортных услуг Беларуси в страны ЕАЭС. За период 2018–2023 гг. общий объем экспорта транспортных услуг Республики Беларусь в страны ЕАЭС увеличился на 34,6 % [2]. Наиболее высокие темпы роста наблюдаются в экспорте услуг в Кыргызстан (208,1 %) и Армению (182,3 %), что связано с активизацией торгово-экономических отношений с этими странами.

Основным импортером белорусских транспортных услуг в рамках ЕАЭС остается Российская Федерация, на долю которой приходится около 88 % от общего объема экспорта этих услуг в страны ЕАЭС. Доли Казахстана, Армении и Кыргызстана значительно меньше, что отражает относительно низкий уровень экономической интеграции Беларуси с этими странами в сфере транспорта и логистики.

В структуре экспорта транспортно-логистических услуг Беларуси в страны ЕАЭС по видам транспорта за 2023 г. преобладают автомобильные (54,2 %) и железнодорожные перевозки (32,5 %). Доля логистических услуг составляет около 10,8 %, авиационных перевозок – 2,5 % [2].

Экспорт транспортно-логистических услуг Беларуси в страны ЕАЭС имеет ряд особенностей, обусловленных как географическим положением страны, так и характером интеграционных процессов в рамках ЕАЭС:

1. Преобладание сухопутных видов транспорта. В структуре экспорта транспортно-логистических услуг Беларуси в страны ЕАЭС доминируют автомобильный и железнодорожный транспорт, что обусловлено географической близостью стран – участниц ЕАЭС и развитостью сухопутной транспортной инфраструктуры.

2. Значительная доля транзитных перевозок. Белорусские транспортно-логистические компании активно участвуют в обслуживании транзитных грузопотоков между странами ЕАЭС и третьими странами, особенно странами Европейского союза.

3. Высокая конкуренция на рынке. На рынке транспортно-логистических услуг стран ЕАЭС наблюдается высокий уровень конкуренции, особенно в сегменте автомобильных перевозок, что создает определенные вызовы для белорусских экспортеров.

4. Наличие нетарифных барьеров. Несмотря на создание единого рынка услуг в рамках ЕАЭС, на пути экспорта транспортно-логистических услуг Беларуси в страны ЕАЭС сохраняются определенные нетарифные барьеры, связанные с различиями в национальных системах регулирования [3].

Для оценки конкурентоспособности транспортно-логистических услуг Беларуси на рынке ЕАЭС рассчитан индекс выявленных сравнительных преимуществ (RCA) по формуле (1):

$$RCA = (E_{ij} / E_{it}) / (E_{nj} / E_{nt}), \quad (1)$$

где E_{ij} – экспорт i -й страной j -го вида услуг;

E_{it} – общий экспорт услуг i -й страной;

E_{nj} – совокупный экспорт j -го вида услуг странами ЕАЭС;

E_{nt} – совокупный экспорт услуг странами ЕАЭС.

Результаты расчетов индекса RCA для различных видов транспортно-логистических услуг Беларуси за 2021–2023 гг. представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Индекс выявленных сравнительных преимуществ (RCA) для различных видов транспортно-логистических услуг Беларуси на рынке ЕАЭС за 2021–2023 гг.

Вид транспортно-логистических услуг	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Грузовые автомобильные перевозки	2,35	2,42	2,47
Железнодорожные перевозки	1,87	1,83	1,89
Воздушные перевозки	0,78	0,72	0,75
Трубопроводный транспорт	1,12	1,18	1,21
Складские и терминальные услуги	1,56	1,62	1,68
Экспедиторские услуги	1,93	2,05	2,12
Таможенно-брокерские услуги	1,78	1,82	1,85
Услуги по обработке грузов	1,64	1,71	1,77
IT-услуги в логистике	0,95	1,07	1,18

Примечание – Источник: рассчитано автором на основе данных ЕЭК.

Значение индекса $RCA > 1$ свидетельствует о наличии выявленных сравнительных преимуществ. Как видно из таблицы 1, Беларусь обладает наиболее выраженными конкурентными преимуществами в сфере грузовых автомобильных перевозок, экспедиторских услуг, железнодорожных перевозок и таможенно-брокерских услуг. Наблюдается положительная динамика конкурентоспособности IT-услуг в логистике. Единственным сегментом транспортно-логистических услуг Беларуси, не имеющим выявленных сравнительных преимуществ на рынке ЕАЭС, являются воздушные перевозки ($RCA = 0,75$ в 2023 году). Несмотря на небольшое улучшение показателя по сравнению с 2022 годом (0,72), значение индекса остается существенно ниже порогового уровня 1, что указывает на необходимость развития данного направления.

С целью определения оптимальной структуры экспорта транспортно-логистических услуг Беларуси в страны ЕАЭС разработана стохастическая модель по методу Монте-Карло, предусматривающая максимизацию совокупной выручки от экспорта при заданных ограничениях по ресурсам.

Целевая функция модели имеет вид, формула (2):

$$Z = \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^m p_{ij} \times x_{ij} \rightarrow \max \quad (2)$$

При ограничениях:

1. по общему объему предоставляемых услуг каждого вида: $\sum_{j=1}^m x_{ij} \leq a_i$ для всех $i = 1, 2, \dots, n$;
2. по спросу на услуги в каждой стране ЕАЭС: $\sum_{i=1}^n x_{ij} \leq b_j$ для всех $j = 1, 2, \dots, m$;
3. по минимальной доле экспорта услуг с высокой добавленной стоимостью: $\sum_{i \in N} \sum_{j=1}^m x_{ij} \geq d \times \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^m x_{ij}$;
4. по неотрицательности переменных: $x_{ij} \geq 0$ для всех $i = 1, 2, \dots, n$; $j = 1, 2, \dots, m$

где x_{ij} – объем экспорта i -го вида транспортно-логистических услуг в j -ю страну ЕАЭС;

p_{ij} – средняя цена (выручка) единицы i -го вида услуг в j -й стране ЕАЭС;

a_i – максимально возможный объем предоставления i -го вида услуг;

b_j – максимальный спрос на транспортно-логистические услуги в j -й стране ЕАЭС;

N – множество индексов услуг с высокой добавленной стоимостью (3PL и 4PL уровня);

d – минимальная доля услуг с высокой добавленной стоимостью в общем объеме экспорта;

n – количество видов транспортно-логистических услуг;

m – количество стран ЕАЭС.

Метод Монте-Карло позволяет учесть случайные вариации параметров модели и оценить вероятностные характеристики оптимального решения. В контексте оптимизации экспорта транспортно-логистических услуг метод Монте-Карло позволяет:

- учесть колебания цен на услуги;
- моделировать изменчивость спроса на рынках ЕАЭС;
- учесть вариативность максимально возможных объемов предоставления услуг;
- оценить риски недостижения целевых показателей;
- повысить устойчивость оптимальной структуры экспорта к случайным колебаниям параметров.

Определение стохастических параметров модели оптимизации

В качестве случайных параметров модели выделены:

1. Цены на услуги, формула (3):

$$p_{ij}(k) = p_{ij}^{\text{mean}} \times (1 + \epsilon_p), \quad (3)$$

где p_{ij}^{mean} – средняя цена услуги i для страны j ;

ϵ_p – случайное отклонение с нормальным распределением.

2. Максимальные объемы предоставления услуг, формула (4):

$$a_i(k) = a_i^{\text{mean}} \times (1 + \epsilon_a), \quad (4)$$

где a_i^{mean} – среднее значение объема услуг i ;

ϵ_a – случайное отклонение с нормальным распределением.

3. Спрос на услуги в странах ЕАЭС, формула (5):

$$b_j(k) = b_j^{\text{mean}} \times (1 + \varepsilon_b), \quad (5)$$

где b_j^{mean} – среднее значение спроса на услуги в j-ой стране;
 ε_b – случайное отклонение с нормальным распределением.

Математическая формулировка стохастической модели

Целевая функция (математическое ожидание выручки) по методу Монте-Карло, формула (6):

$$E[Z] = E[\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^m p_{ij} \times x_{ij}] \rightarrow \max \quad (6)$$

Вероятностные ограничения:

1. Ограничение по объему услуг, формула (7):

$$P(\sum_{j=1}^m x_{ij} \leq a_i) \geq a_1 \text{ для всех } i = 1, 2, \dots, n \quad (7)$$

2. Ограничение по спросу, формула (8):

$$P(\sum_{i=1}^n x_{ij} \leq b_j) \geq a_2 \text{ для всех } j = 1, 2, \dots, m \quad (8)$$

3. Ограничение на групповую долю, формула (9):

$$P(\sum_{i \in H} \sum_{j=1}^m x_{ij} \geq d \times \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^m x_{ij}) \geq a_3 \quad (9)$$

4. Ограничение на неотрицательность переменных, формула (10):

$$x_{ij} \geq 0 \text{ для всех } i = 1, 2, \dots, n; j = 1, 2, \dots, m \quad (10)$$

где a_1, a_2, a_3 – заданные уровни надежности (вероятности выполнения ограничений).

Инициализация параметров моделирования:

Количество итераций $N = 5000$.

Стандартные отклонения параметров:

$\sigma_p = 0,15$ (15% для цен);

$\sigma_a = 0,1$ (10% для объемов услуг);

$\sigma_b = 0,2$ (20% для спроса);

уровень надежности $\alpha = 0,95$.

Цикл моделирования:

Для каждой итерации k от 1 до N :

– генерация случайных значений параметров $p_{ij}(k), a_i(k), b_j(k)$

– сохранение результатов: значения целевой функции $Z(k)$ и оптимальных переменных $x_{ij}(k)$.

Статистический анализ результатов:

– оценка математического ожидания $E[Z]$ и дисперсии $\text{Var}[Z]$ целевой функции;

– расчет доверительных интервалов для оптимальных значений;

– анализ устойчивости решения к случайным колебаниям параметров.

Решение оптимизационной задачи с помощью стохастической модели по методу Монте-Карло позволило определить оптимальную структуру экспорта транспортно-логистических услуг Беларуси в страны ЕАЭС.

Результаты оптимизации показывают, что при максимизации совокупной выручки от экспорта транспортно-логистических услуг Беларуси в страны ЕАЭС основная доля экспорта (82,7 %) должна приходиться на российский рынок. При этом целесообразно увеличить долю услуг с высокой добавленной стоимостью (3PL и 4PL) до 8,7 % от общего объема экспорта.

Несмотря на оптимальность концентрации на российском рынке с точки зрения максимизации выручки, высокая зависимость от одного рынка создает риски. Модель указывает на необходимость стратегического развития экспорта в другие страны ЕАЭС даже при их меньшей текущей экономической привлекательности.

Современные высокотехнологичные услуги, такие как IT-услуги в логистике, составляют относительно небольшую долю (5,2 %), что указывает на необходимость дальнейшего развития цифровизации логистического сектора Беларуси.

В целом, результаты оптимизации предлагают обоснованную стратегию развития экспорта транспортно-логистических услуг Беларуси, которая сочетает использование существующих конкурентных преимуществ (географическое положение, развитая транспортная инфраструктура) с необходимостью структурной трансформации в сторону услуг с более высокой добавленной стоимостью и технологическим содержанием.

Стратегия развития экспорта транспортно-логистических услуг Республики Беларусь в страны ЕАЭС должна основываться на следующих концептуальных положениях:

1. Системный подход к развитию транспортно-логистического комплекса, предполагающий сбалансированное развитие всех видов транспорта и логистической инфраструктуры.

2. Интеграционный подход, направленный на эффективное встраивание транспортно-логистической системы Беларуси в евразийское транспортное пространство.

3. Инновационный подход, ориентированный на внедрение передовых технологий и цифровизацию транспортно-логистических процессов.

Беларусь обладает значительными конкурентными преимуществами в большинстве сегментов транспортно-логистических услуг на рынке ЕАЭС, что подтверждается высокими значениями индекса RCA (>1) в восьми из девяти исследуемых направлений. Наиболее конкурентоспособными являются грузовые автомобильные перевозки ($RCA = 2,47$) и экспедиторские услуги ($RCA = 2,12$), что обусловлено выгодным географическим положением Беларуси, развитой дорожной инфраструктурой и накопленным опытом в данных сферах. Особенно значимым является прогресс в сфере IT-услуг в логистике, где индекс RCA вырос с 0,95 до 1,18, что отражает успешную цифровую трансформацию отрасли и формирование новых конкурентных преимуществ в высокотехнологичном сегменте. Единственным направлением, где Беларусь не имеет выявленных сравнительных преимуществ, являются воздушные перевозки ($RCA = 0,75$), что указывает на необходимость развития данного сегмента.

Для дальнейшего укрепления конкурентных позиций Беларуси на рынке транспортно-логистических услуг ЕАЭС рекомендуется:

- продолжить развитие цифровых технологий в логистике, включая внедрение блокчейна, искусственного интеллекта и интернета вещей для оптимизации цепочек поставок;

- разработать стратегию развития сегмента воздушных перевозок, включая обновление авиапарка и расширение маршрутной сети;

- углублять интеграцию в рамках ЕАЭС путем гармонизации регуляторных механизмов и стандартов в сфере транспорта и логистики.

На основе результатов стохастического моделирования можно рекомендовать следующие корректировки стратегии экспорта транспортно-логистических услуг Беларуси в страны ЕАЭС:

1. Географическая диверсификация:

- увеличить долю экспорта в Казахстан с 10,7 % до 12,4 %;

- нарастить присутствие на рынках Армении и Кыргызстана;

- снизить концентрацию на российском рынке для уменьшения рисков.
- 2. Структурная трансформация услуг:
 - увеличить долю IT-услуг в логистике до 5,2 %;
 - развивать услуги 3PL-операторов, доведя их долю до 8,0 %;
 - увеличить долю услуг 4PL-операторов до 0,7 %.
- 3. Управление рисками:
 - разработать систему хеджирования рисков для наиболее волатильных сегментов экспорта;
 - внедрить систему мониторинга ключевых рыночных параметров (цен, спроса) [4, с.38].
- 4. Инвестиционная политика:
 - инвестировать в развитие логистических сегментов с высокой добавленной стоимостью;
 - наращивать технологический потенциал в сфере IT-услуг в логистике.

Реализация предложенных рекомендаций позволит повысить конкурентоспособность белорусских транспортных компаний на рынке ЕАЭС, увеличить объемы экспорта транспортно-логистических услуг и обеспечить внешнеэкономическую безопасность Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Основные направления и этапы реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов Евразийского экономического союза. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/58b/Onstp.pdf> (дата обращения 12.06.2025).
2. Статистика транспорта ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/union_stat/current_stat/transport/ (дата обращения 11.06.2025).
3. Евразийский транспортный каркас // Евразийский банк развития. – URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/evrazijskij-transportnyj-karkas/> (дата обращения 12.06.2025).
4. Ващило А.А. Формирование системы управления рисками экспорта транспортно-логистических услуг // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2024. – № 11(329). – С. 36–45.

УДК 343.34

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА БЕЛАРУСИ В АСПЕКТЕ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ FOREIGN ECONOMIC POLICY OF BELARUS IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Гавриленко Виктор Григорьевич,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
pravo-v@tut.by

Gavrilenko Victor,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье анализируются вопросы осуществления внешнеэкономической политики Беларуси в аспекте Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, рассматриваются правовые источники в данной сфере. Представлены стратегические цели и задачи внешней политики, принципы и задачи обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: внешнеэкономическая политика Беларуси, стратегические цели внешней политики, принципы обеспечения национальной безопасности, объекты национальной безопасности, задачи внешнеэкономической политики.

Abstract. The article analyzes the issues of the implementation of the foreign economic policy of Belarus in the aspect of the National Security Concept of the Republic of Belarus, examines the legal sources in this area. The strategic goals and objectives of foreign policy, principles and objectives of ensuring national security are presented.

Keywords: foreign economic policy of Belarus, strategic goals of foreign policy, principles of ensuring national security, objects of national security, tasks of foreign economic policy.

Внешнеэкономическая политика Беларуси основывается на правовых нормах, установленных Конституцией Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.), Законом Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» с изменениями и дополнениями в редакции Закона Республики Беларусь от 4 июня 2015 г. № 275-З (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 10.06.2015, 2/2273) (далее – Закон от 14 ноября 2005 г. № 60-З), Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 (далее – Концепция) и иными актами законодательства и действующими международными договорами [1–3].

Стратегическими целями внешней политики Республики Беларусь являются, во-первых, защита государственного суверенитета и территориальной целостности Республики Беларусь, во-вторых, защита прав, свобод и законных интересов граждан, общественных и государственных интересов.

Согласно п. 25 «Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» основными задачами внешней политики Республики Беларусь являются:

- содействие построению стабильного, справедливого, демократического миропорядка, базирующегося на общепризнанных принципах международного права;
- равноправная интеграция Республики Беларусь в мировое политическое, экономическое, научное, культурное и информационное пространство;
- создание благоприятных внешнеполитических и внешнеэкономических условий для повышения уровня благосостояния народа, развития политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала государства;
- и др.

Одной из основных сфер реализации внешней политики Республики Беларусь являются внешнеэкономическая деятельность, международное экономическое сотрудничество и др.

В соответствии с п. 28 «Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» основными направлениями в сфере внешнеэкономической деятельности являются:

- совершенствование государственной внешнеэкономической политики на основе многовекторности, сложившегося международного разделения труда и рынков товаров (работ, услуг);
- создание благоприятных условий для участия белорусских товаров (работ, услуг) в международном торгово-экономическом обороте;
- защита интересов организаций и индивидуальных предпринимателей – резидентов Республики Беларусь на внешнем рынке;

- обеспечение условий роста экспорта;
- осуществление внешних государственных заимствований в пределах лимита внешнего государственного долга Республики Беларусь, установленного законодательством Республики Беларусь;
- развитие экспорта высоких технологий и содействие импорту высоких технологий в целях ускоренного развития национальной экономики;
- обеспечение доступа к источникам сырья и товарам, производство которых невозможно либо неэффективно в Республике Беларусь.

Для реализации указанных направлений Республика Беларусь осуществляет свою внешнеэкономическую политику, совершенствуя международное экономическое сотрудничество путем:

- участия в многостороннем сотрудничестве в рамках международных организаций и межгосударственных образований, институтов и форумов в качестве фактора органичной интеграции в мировое сообщество в интересах развития национальной экономики;
- участия в таможенных союзах, зонах свободной торговли и иных формах экономической интеграции с иностранными государствами;
- привлечения иностранных инвесторов;
- развития делового сотрудничества с государствами, участвующими в многосторонней системе регулирования торговли;
- рационального использования географического положения, развития эффективной системы обслуживания международных транспортных систем и коммуникаций.

Рассмотрим внешнеэкономическую политику Беларуси в аспекте Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Данная Концепция представляет собой совокупность официальных взглядов на обеспечение безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности Республики Беларусь. Им определены единые подходы к формированию и реализации государственной политики обеспечения национальной безопасности. Концепцией определены методологические основы для разработки документов стратегического планирования и актов законодательства в данной сфере.

Концепция основана на взаимосвязи национальной безопасности и социально-экономического развития Республики Беларусь, сохраняет преемственность по отношению к ранее принятым основополагающим документам в данной сфере и исходит из основных тенденций развития страны, ее места и роли в современном мире, стремления белорусского народа к сохранению суверенитета и национальной самобытности.

Концепцией отмечено, что мировая экономика в современном мире характеризуется неустойчивостью, связанной с переделом сфер влияния, в том числе силовым путем, а также последствиями масштабных международных экономических санкций, которые стали инструментом воздействия на социально-экономические процессы неугодных государств.

Республика Беларусь является независимым, суверенным и миролюбивым государством, которое в своей внешней политике, в том числе и во внешнеэкономической, исходит из принципов равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела других государств и иных общепризнанных принципов и норм международного права, всемерно укрепляет систему коллективной безопасности.

Конституцией Республики Беларусь создана основа для совершенствования общественных отношений при формировании политики и участия граждан в государственном управлении.

Внешеэкономическая политика государства зависит от многих факторов, в том числе и от состояния экономики в сфере внутренних источников угроз национальной безопасности, среди них:

– отставание от других стран, прежде всего сопредельных, по уровню экономического развития;

– устаревшие технологии и основные средства, преобладание материало- и энергоемких производств, низкое качество выпускаемой продукции и медленное ее обновление;

– наличие необоснованных административных барьеров для развития бизнеса, предпринимательской активности;

– несбалансированность экономического развития;

– неблагоприятные условия для привлечения инвестиций и кредитов;

– низкая диверсификация экспорта и импорта товаров и услуг;

– невозможность гарантированного обеспечения сырьевыми и энергетическими ресурсами в объемах, необходимых для стабильного экономического роста;

– дефицит собственных оборотных средств, высокая закредитованность коммерческих организаций, большой удельный вес убыточных субъектов хозяйствования;

– несоответствие уровня подготовки кадров структуре потребностей экономики в специалистах и рабочих, дефицит квалифицированных специалистов для современных производств и организации бизнес-процессов;

– недостаточная эффективность государственного контроля [3].

В Концепции определены внешние источники угроз национальной безопасности в экономической сфере:

– ухудшение условий внешней торговли, привлечения кредитных и инвестиционных ресурсов вследствие неблагоприятной конъюнктуры мировых рынков и введения необоснованных экономических санкций (ограничительных мер);

– принятие зарубежными государствами протекционистских мер, установление барьеров и дискриминационных условий осуществления экспортно-импортных операций;

– развитие транзитных коридоров, систем транспортировки сырьевых и энергетических ресурсов, альтернативных имеющимся в Республике Беларусь, целенаправленное ограничение ее транзитных возможностей;

– обострение финансовых дисбалансов и высокая волатильность на глобальных валютных и фондовых рынках.

Немаловажными факторами внешнеэкономических источников угроз внешнеэкономической безопасности имеют проблемы в научно-технологической сфере, к которым относятся:

– ограничение доступа отечественных научных работников и субъектов хозяйствования к результатам исследований и разработкам мирового уровня;

– целенаправленная политика отдельных иностранных государств и компаний, стимулирующая отток за рубеж ученых и высококвалифицированных специалистов;

– устранение субъектов Республики Беларусь из цепочек создания наукоемкой и высокотехнологичной продукции.

Согласно Концепции объектами национальной безопасности являются сбалансированные национальные интересы личности, общества и государства, их достижение и поддержание во всех сферах жизнедеятельности Республики Беларусь, в связи с чем целью государства является обеспечение национальной безопасности путем достижения и поддержания такого уровня защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, который гарантирует устойчивое развитие Республики Беларусь и реализацию ее национальных интересов.

В Концепции определены принципы обеспечения национальной безопасности, согласно которым осуществляется в том числе и внешнеэкономическая политика Республики Беларусь:

– законность, соблюдение конституционных прав и свобод граждан;

– гуманизм и социальная справедливость;

– гласность;

- сбалансированность деятельности по обеспечению национальной безопасности Республики Беларусь;
- единство интересов социально-экономического и общественно-политического развития;
- комплексный подход к решению задач обеспечения национальной безопасности;
- единство и взаимосвязь видов и направлений обеспечения национальной безопасности;
- участие в системах международной и региональной коллективной безопасности;
- разграничение сфер ответственности и полномочий государственных органов в решении задач обеспечения национальной безопасности;
- приоритетность правовых, политических, экономических и информационных мер обеспечения национальной безопасности;
- консолидация усилий субъектов системы обеспечения национальной безопасности на реализации стратегических национальных интересов;
- оперативность, своевременность, превентивность и соразмерность мер по нейтрализации источников внутренних угроз и защите от внешних угроз.

Обеспечение национальной безопасности осуществляется по направлениям, выделяемым в соответствии с основными сферами жизнедеятельности личности, общества и государства.

Задачами внешнеэкономической политики Беларуси, согласно Концепции, является деятельность государства по нейтрализации внутренних источников угроз национальной безопасности, обеспечения путем поддержания макроэкономической стабильности структурной перестройки экономики, повышения конкурентоспособности субъектов хозяйствования и выпускаемой ими продукции (товаров, работ, услуг).

Пути реализации задач в части внешнеэкономической политики:

1) Поддержание макроэкономической стабильности посредством обеспечения бездефицитного баланса внешней торговли, а при формировании дефицита – его покрытия без увеличения внешнего государственного долга.

2) Структурная перестройка экономики путем привлечения внешних ресурсов в экономику в виде прямых иностранных инвестиций в высокоэффективные проекты, не влекущие за собой накопления внешних обязательств государства и обеспечивающие трансфер зарубежных знаний и технологий, выход на новые экспортные рынки с конкурентоспособной продукцией.

3) Повышение конкурентоспособности субъектов хозяйствования и выпускаемой ими продукции (товаров, работ, услуг) посредством совершенствования условий создания и функционирования совместных и иностранных коммерческих организаций, транснациональных корпораций (далее – ТНК), финансово-промышленных групп; развития товаропроводящих сетей, включения отечественных предприятий в цепочки ТНК, создания отечественных ТНК с размещением сервисных центров и сборочных производств за рубежом; внедрения международных стандартов финансовой отчетности.

4) Защита от внешних угроз национальной безопасности путем:

- проведения многовекторной внешнеэкономической политики; недискриминационной интеграции Республики Беларусь в глобальное экономическое пространство посредством развития сотрудничества с международными экономическими организациями, интеграционными объединениями;

- участия в международных договорах, направленных на устранение неравных условий во внешней торговле;

- укрепления позиций национальных товаропроизводителей на внешних рынках за счет расширения товарной номенклатуры и географии экспорта;

- переориентации экспортных потоков на рынки дружественных стран, выстраивания новых транспортно-логистических маршрутов в условиях введения ограничительных мер отдельными государствами или группами государств;
- диверсификации импорта сырьевых и энергетических ресурсов;
- импортозамещения, ориентированного в том числе на ускоренное развитие национальных и совместных высокотехнологичных производств;
- государственной информационно-юридической поддержки субъектов хозяйствования в продвижении продукции на новых рынках сбыта и поиске партнеров для производственной кооперации.

Внешнеэкономическая политика Беларуси в аспекте национальной безопасности, в соответствии с Концепцией, осуществляется в системе обеспечения национальной безопасности и представляет собой совокупность взаимодействующих субъектов обеспечения национальной безопасности и средств, используемых ими для осуществления деятельности по защите и реализации национальных интересов Республики Беларусь и обеспечению безопасности личности, общества и государства.

Правовую основу системы обеспечения национальной безопасности составляют Конституция Республики Беларусь, законы Республики Беларусь, нормативные правовые акты Президента Республики Беларусь, иные акты законодательства, регулирующие общественные отношения в сфере обеспечения национальной безопасности, а также международные договоры Республики Беларусь.

Субъекты обеспечения национальной безопасности осуществляют согласованную деятельность по достижению цели и решению задач обеспечения национальной безопасности в соответствии с их правовым статусом, определяемым законодательством.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.).

2. Закон Республики Беларусь от 14 ноября 2005 года № 60-З «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2005 г., № 188, 2/1157.

3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5.

4. Гавриленко В.Г. Экономико-правовой словарь международной безопасности. В двух томах. Т. 1 (А-М) / В.Г. Гавриленко; под науч. ред. П.Г. Никитенко. – Минск : Право и экономика, 2024. – 574 с. – (Серия «Мировая экономика»).

5. Гавриленко В.Г. Экономико-правовой словарь международной безопасности. В двух томах. Т. 2 (Н-Я) / В.Г. Гавриленко; под науч. ред. П.Г. Никитенко. – Минск : Право и экономика, 2024. – 560 с. – (Серия «Мировая экономика»).

6. Гавриленко В.Г. Правовые основы и механизмы обеспечения национальной безопасности и суверенитета Республики Беларусь / В.Г. Гавриленко; под науч. ред. П.Г. Никитенко. – Мн.: Право и экономика, 2019. – 1104 с. – (Серия «Цивилизация»).

**АНАЛИЗ РОЛИ ИНСТИТУТОВ КОНФУЦИЯ В ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ANALYSIS OF THE ROLE OF CONFUCIUS INSTITUTES
IN THE INTERNATIONALIZATION OF ECONOMIC RELATIONS
OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA**

Клеенков Владимир Александрович,
Институт Конфуция по науке и технике
Белорусского национального технического университета,
Республика Беларусь, г. Минск
v.a.kleenkov@gmail.com

Kleenkov Vladimir,
Confucius Institute on Science and Technology
of the Belarusian National Technical University,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В данной статье проводится анализ функций и направлений деятельности Институтов Конфуция.

Ключевые слова: Институт Конфуция, «мягкая сила», международное образовательное сотрудничество, культурная дипломатия с китайской спецификой.

Abstract. This article analyzes the functions and activities of Confucius Institutes.

Keywords: Confucius Institute, "soft power", international educational cooperation, cultural diplomacy with Chinese characteristics.

С момента своего вступления на мировую арену Китай проделал удивительный путь становления сильной экономической державы. В течение последних десятилетий Китай превратился из закрытой экономики в одного из ведущих участников мировой торговли и глобальной экономики. Открытость страны, стремительный экономический рост и активное участие в международных делах стали ключевыми характеристиками его модели хозяйственной интернационализации.

Особенности китайской экономики:

1. Система социалистического рыночного хозяйства: Китай объединяет элементы социализма с рыночным подходом, что отражается в участии государства в регулировании экономики и одновременно активной предпринимательской деятельности частного сектора.

2. Большой ресурсный потенциал: Китай обладает обширными природными ресурсами, включая крупные запасы угля, нефти, железной руды и других стратегически важных материалов.

3. Низкие трудовые издержки: большая численность населения и развитая система образования позволяют Китаю обеспечивать доступ к дешевой и квалифицированной рабочей силе.

4. Мощный экспортный потенциал: Китай является крупнейшим экспортером товаров в мире, предлагая разнообразные товары по конкурентоспособным ценам.

5. Развивающаяся инновационная база: Китай активно инвестирует в исследования и разработки, стремясь стать лидером в таких областях, как искусственный интеллект, кибертехнологии, электромобили и другие.

Роль китайской экономики в мировой экономике заключается в следующем:

1. Китай активно инвестирует за рубежом, создавая предприятия и участвуя в крупных инфраструктурных проектах в различных регионах мира.

2. Китай является ключевым участником мировой торговли, его экспорт и импорт играют важную роль в стабильности мирового экономического рынка.

3. Значительное количество мировых компаний выбирают Китай в качестве места для размещения своего производства из-за его низких трудовых издержек и доступа к ресурсам.

4. Китайская экономика занимает важное место в международном финансовом секторе, имея одни из крупнейших банков и рынков капитала в мире.

5. Экономические решения Китая могут оказывать значительное влияние на мировые товарные рынки и цены на товары.

Китайская модель хозяйственной интернационализации продолжает эволюционировать и вносит значительный вклад в формирование глобальных экономических отношений. Особенности и роль китайской экономики в мировой экономике привлекают все больше внимания и исследований со стороны экономистов, бизнес-аналитиков и международных специалистов.

В условиях глобализации и растущей конкуренции на международном рынке, китайские компании все больше стремятся к хозяйственной интернационализации. Однако для успешного выхода на зарубежный рынок необходимо не только обладать качественными продуктами и услугами, но и уметь адаптироваться к местным условиям и культуре.

В этом контексте Институты Конфуция (далее – ИК) играют важную роль в китайской модели хозяйственной интернационализации. Основные функции ИК связаны с удовлетворением потребностей людей из различных стран и регионов мира, изучающих китайский язык, в улучшении понимания китайского языка и культуры, с усилением образовательных и культурных обменов, а также сотрудничества между Китаем и другими странами, углублением дружественных отношений с другими нациями, продвижением развития мультикультурализма, а также построением гармоничного мира.

Следуя принципам взаимного уважения, дружественного диалога и обоюдного выигрыша, ИК содействуют преподаванию китайского языка за рубежом и развитию образовательных и культурных обменов и сотрудничества между Китаем и другими государствами.

ИК предоставляет следующие услуги:

1. *Обучение китайскому языку.* В целях организации процесса обучения китайскому языку ИК разрабатываются специальные программы, учитывающие лучший зарубежный опыт и направленные не только на формирование у студентов глубоких теоретических и практических языковых навыков, но и на понимание ими процессов, протекающих в китайском обществе, экономике и политике. Обучение китайскому языку в ИК с использованием материалов, разрабатываемых Центром языкового образования и сотрудничества, позволяет практически гарантированно сдать экзамены на знание китайского языка (HSK), а также получить доступ к широкому набору различных грантов и учебных стажировок по линии Центра, предоставляемых наилучшим студентам ИК.

2. *Подготовка преподавателей китайского языка и предоставление ресурсов по преподаванию китайского языка.* Подготовка преподавателей китайского языка осуществляется как на базе самих ИК, так и посредством организации специализированных стажировок в Китае, организуемых ИК. В общей сложности Центром совместно с ИК реализуется пять крупных программ по подготовке преподавательского состава, различающихся требованиями к кандидатам и условиями участия. Что касается предоставления ресурсов в целях преподавания китайского языка, то в рамках выполнения соответствующей функции ИК на безвозмездной и льготной основе предоставляется целая линейка учебной литературы организациям, преподающим китайский язык и не входящим в систему ИК: от детской литературы для начального обучения языку до комплексных курсов китайского языка. Таким образом, ИК расширяют свое влияние через учебную литературу, подготовленную с учетом интересов официальных китайских властей. Кроме того, предоставление учебных ресурсов наряду с печатными формами осуществляется посредством открытия доступа к информационным материалам официального сайта ИК.

3. *Проведение экзамена на знание китайского языка (HSK, HSKK, YCT, BCT) и тестов на сертификат преподавателя китайского языка [1].*

Экзамен на знание китайского языка (HSK, HSKK, YCT, BCT) получает все большее распространение по всему миру, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, сдача указанного экзамена позволяет получить сертификат об уровне владения китайским языком, учитывающийся многими китайскими или зарубежными компаниями, ведущими бизнес с Китаем, при приеме на работу в качестве точного показателя знаний китайского языка. Во-вторых, наличие соответствующего сертификата является необходимым условием для поступления на обучение в китайские вузы, качество образования в которых постоянно растет. Сертификат преподавателя китайского языка, экзамен на получение которого также организуется ИК, дает его обладателю статус педагога, признаваемый в КНР, и позволяет заниматься преподаванием китайского языка по всему миру.

4. *Предоставление информации и консультационных услуг в отношении китайского образования, культуры и т. д.* Указанная функция ИК тесно связана с процессом преподавания китайского языка в ИК, а также дополнительными возможностями, предоставляемыми студентам ИК. ИК являются средой для формирования связей с представителями китайских деловых кругов и властных структур, принимающих участие в деятельности ИК.

5. *Осуществление деятельности по языковому и культурному обмену между Китаем и другими странами.* ИК являются одним из ключевых каналов студенческой мобильности, особенно в части приглашения в Китай студентов, отличающихся наиболее высокими знаниями. При этом основная масса студентов, приезжающих на учебу через ИК, проходит обучение в рамках различных грантовых программ. Таким студентам не только оплачивается обучение, но и предоставляются ежемесячные стипендии в размере 1200–2000 юаней (200–330 долл. США), в зависимости от уровня ступени обучения. По линии ИК предусмотрены как кратковременные стажировки, так и длительное пребывание в Китае в рамках написания значительных исследований.

Целям языкового и культурного обмена служит ежегодный конкурс китайского языка – «Мост китайского языка» среди школьников и студентов [2]. Победители конкурса получают ценные призы, включающие гранты на обучение или льготное поступление в вузы Китая. Сам конкурс проходит в несколько этапов: страновой и международный. Страновые этапы регулярно проходят под эгидой ИК. Финал конкурса проходит в КНР и сопровождается ярким красочным действием, транслируемым в СМИ. В 2025 г. более 90 тыс. студентов и школьников из более 110 стран приняли участие в конкурсе.

Кроме того, в партнерские вузы ИК регулярно приезжают большие группы китайских студентов и преподавателей, которые проходят краткосрочные и долгосрочные стажировки по направлениям их подготовки, а также представляют культуру Китая.

Влияние Институтов Конфуция на интернационализацию хозяйственных связей является не единичным примером, а носит системный характер. ИК не просто обучают местных граждан китайскому языку и культуре, а формируют концептуальный подход для реализации экономического взаимодействия с Китаем и делая его более эффективным и выгодным.

Однако, несмотря на эффективность и стратегическую важность, деятельность Институтов Конфуция также вызывает определенную критику со стороны международного сообщества. Некоторые эксперты утверждают, что Институты Конфуция являются не только культурными центрами, но и инструментами «мягкой» пропаганды позитивного имиджа Коммунистической партии Китая и китайской модели развития, что рассматривается как попытка экспансии китайского влияния. Деятельность Институтов Конфуция рассматривается как часть более широкой геополитической стратегии Китая по укреплению своего влияния в мире. Получение значительных грантов и финансирования от Китая может создавать зависимость принимающих университетов и образовательных учреждений, что потенциально может влиять на академическую политику, выбор тем исследований и

партнерские связи. Расширение сети Институтов Конфуция воспринимается некоторыми странами как часть более широкой «культурной войны» или конкуренции за влияние. Это может приводить к ответным мерам и усилению напряжения в отношениях между странами.

Важным вопросом функционирования ИК является финансирование их деятельности. Несмотря на то, что ИК – бесприбыльная организация, перед руководством поставлена задача экономической эффективности ИК (по крайней мере, самоокупаемости). Китайское руководство не хочет оплачивать ИК, работающие на рынке, на котором отсутствует спрос на их услуги. С этим связано стремление китайских властей максимально эффективно контролировать расходы на ИК.

Каждый вновь создаваемый ИК получает помощь для начала деятельности в форме определенного объема финансирования, предоставляемого китайской стороной в зависимости от страны расположения. Интересно, что размер суммы помощи может существенно разниться. При этом наибольшие объемы подобного безвозмездного финансирования получают не вузы развивающихся стран, а крупнейшие и авторитетнейшие вузы развитых стран.

Стоимость обучения в ИК формируется с учетом ситуации на рынке. Достаточно высокое качество и известный бренд позволяют не прибегать к демпингу при определении цен на предлагаемые услуги. Так, стоимость семестра из 32 занятий по три академических часа в Республиканском институте китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета (г. Минск) за 1 человека составляет 700 бел. руб., а в Институте Конфуция по науке и технике БНТУ (г. Минск) стоимость обучения за аналогичный курс составляет 450 бел. руб. Такая разница стоимости обучения исходит из репутации ИК на рынке услуг в г. Минске.

Ответственность за анализ и одобрение ежегодных бюджетов, отчетов о реализации проектов отдельных ИК, а также подготовку общих планов деятельности несет Центр языкового образования и сотрудничества. Для финансирования, поступающего из Центра, ИК открывают отдельные счета, средства с которых могут использоваться только для специальных целей. Ответственность перед Центром языкового образования и сотрудничества за годовой бюджет и за ежегодную финансовую отчетность в отношении реализации проектов ИК несет Совет управления ИК. Финансирование, предоставляемое ИК Центром языкового образования и сотрудничества, может использоваться на следующий перечень целей, после получения согласования со стороны Центра:

- предоставление средств для начала деятельности вновь открытого ИК, включая покупку оборудования и необходимых материалов;
- разработка курсов китайского языка;
- подготовка преподавателей китайского языка и приобретение ресурсов, необходимых для организации обучения;
- подготовка имеющегося оборудования и помещений для проведения экзаменов на знание китайского языка HSK, а также на получение сертификата преподавателя китайского языка;
- предоставление информационных и консультационных услуг в отношении китайского образования и культуры;
- продвижение международных языковых и культурных обменов (между китайской и зарубежной сторонами);
- иные услуги или мероприятия, оговоренные в специальных соглашениях отдельных ИК.

Ещё одним из направлений предоставления помощи ИК является безвозмездное предоставление книг и учебных материалов со стороны Центра. Каждый ИК может претендовать на предоставление книг и иных учебных материалов на сумму до 150 тыс. юаней (около 24500 долл. США), а КК – на сумму до 50 тыс. юаней (около 8200 долл. США). Кроме того, действующие ИК и КК имеют право на получение книг и учебных материалов на сумму до 50 тыс. юаней и 25 тыс. юаней (около 4100 долл. США) соответственно. Заказ должен быть подан за 3–4 месяца до ожидаемого срока получения книг в соответствии

с ежегодным планом деятельности, поскольку подборка и сортировка книг, а также их доставка занимают значительное время. В течение года можно направить только один заказ. Квота на безвозмездное предоставление зависит от числа обучающихся студентов.

Неоднозначным представляется и результат деятельности Китая по распространению «мягкой силы» посредством грантов и стажировок для студентов и преподавателей китайского языка. С одной стороны, такие проявления политики, как спонсируемая китайским государством программа подготовки преподавателей китайского языка китайской национальности или граждан зарубежных государств, способствует созданию условий для подконтрольного удовлетворения глобального и странового спроса на изучение китайского языка, особенно если учесть сравнительную легкость подачи и получения подобных заявок. Но, с другой стороны, отмеченные выше особенности подготовки преподавательского состава не позволяют предоставить в полной мере объективные знания обучающимся лицам, что может привести не к развитию и распространению «мягкой силы», а к ее ослаблению. Этому также способствует слишком явное и активное присутствие китайского государства в процессе деятельности ИК, в которых затем будут преподавать инструкторы, прошедшие переподготовку.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Official Site of the HSK Examination. – URL: www.chinesetest.cn (дата обращения 01.09.2025).
2. Official Site of the "Chinese Bridge" Chinese Proficiency Competition. – URL: <http://bridge.chinese.cn/> (дата обращения 29.08.2025).

УДК 339.5

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДВУСТОРОННЕГО И МНОГОСТОРОННЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СТАТУСЕ СТРАНЫ-ПАРТНЁРА С ГОСУДАРСТВАМИ БРИКС PROSPECTIVE DIRECTIONS OF BILATERAL AND MULTILATERAL ECONOMIC COOPERATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE STATUS OF A PARTNER COUNTRY WITH THE BRICS STATES

Котько Сергей Петрович,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
katsy61@mail.ru

Katsko Syargei,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее перспективные и стратегически значимые области экономического сотрудничества Республики Беларусь с государствами-членами БРИКС. Особое внимание уделяется секторам, где Беларусь обладает конкурентными преимуществами: машиностроение, фармацевтика, ИТ-технологии, сельское хозяйство, производство химической продукции и логистические услуги.

Обобщены предложения по приоритетным направлениям, формам и проектам двустороннего и многостороннего экономического сотрудничества Беларуси в рамках БРИКС. Подчеркивается важность формирования долгосрочных договорённостей,

гармонизации нормативно-правовых баз и упрощения таможенных процедур для повышения эффективности торгово-экономических связей.

Определены потенциальные выгоды системного взаимодействия в различных областях и форматах с государствами-участниками альянса.

Выявлены возможные риски, которые могут повлиять на устойчивость и эффективность взаимодействия Республики Беларусь со странами объединения.

Ключевые слова: партнёр БРИКС, Новый банк развития, Пул валютных резервов, Деловой совет, трансграничная платёжная инициатива.

Abstract. The article considers the most promising and strategically significant areas of economic cooperation between the Republic of Belarus and the BRICS member states. Particular attention is paid to the sectors where Belarus has competitive advantages: mechanical engineering, pharmaceuticals, IT technologies, agriculture, chemical production and logistics services.

The article summarizes proposals on priority areas, forms and projects of bilateral and multilateral economic cooperation between Belarus and the BRICS. The importance of forming long-term agreements, harmonizing regulatory frameworks and simplifying customs procedures to improve the efficiency of trade and economic relations is emphasized.

The potential benefits of systemic interaction in various areas and formats with the member states, other friendly countries and like-minded countries are identified.

The article identifies possible potential risks that may affect the sustainability and efficiency of Belarus's interaction with the countries of the association.

Keywords: BRICS partner, New Development Bank, Currency Reserve Pool, Business Council, cross-border payment initiative.

Одним из приоритетных направлений внешней политики Республики Беларусь на долгосрочную перспективу является развитие двустороннего и многостороннего взаимодействия с государствами-участниками неформального межгосударственного объединения БРИКС. На XVI Саммите альянса (октябрь 2024 года, г. Казань, Россия) был учреждён формат партнёрства БРИКС и приняты критерии страны-партнёра. На основании полученного приглашения Республика Беларусь официально оформила статус государства-партнёра объединения. Данный статус подразумевает, что страна на постоянной основе имеет возможность участвовать в различных мероприятиях объединения (сессии саммитов, встречи министров и руководителей ведомств, совместные проекты, инициативы и т. д.), обмениваться опытом и лучшими практиками, присоединяться к итоговым документам альянса, а также осуществлять сотрудничество с другими странами-участницами и государствами-партнёрами на двусторонней основе [1].

Рассмотрим существующие направления и формы взаимодействия Беларуси с государствами-членами БРИКС.

Бразилия – наиболее экономически развитое государство Латинской Америки. В этой связи Беларусь рассматривает его в качестве главного стратегического партнёра в данном регионе. Бразилия не вводила санкций против Беларуси и сохраняет с ней дружеские отношения. Одновременно Бразилия имеет глубокую экономическую интеграцию с США, ЕС и Китаем, что влияет на масштаб сотрудничества с Беларусью.

Торгово-экономическое сотрудничество между двумя государствами находится на стадии развития, но имеет хороший потенциал для его расширения, особенно в таких областях, как сельское хозяйство, пищевая промышленность, машиностроение, энергетика [2].

Египет и Беларусь поддерживают отношения на уровне стратегического партнёрства. Египет не вводил санкций против Беларуси и продолжает развивать с ней экономическое сотрудничество. Договорно-правовая база двусторонних отношений Беларуси и Египта включает десятки договоров, в числе которых торговое соглашение, соглашения об экономическом и научно-техническом сотрудничестве, содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций, избежании двойного налогообложения.

Торгово-экономические связи Беларуси и Египта имеют хорошие перспективы развития (особенно в сельскохозяйственном, машиностроительном и пищевом секторах) и играют важную роль в диверсификации внешней торговли Беларуси [3]. Совершенствуются механизмы расчётов в национальных валютах, регулярно проводятся заседания совместной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, совета делового сотрудничества, рабочих групп по сотрудничеству в области промышленности, в сфере сельского хозяйства.

Индия – южно-азиатское государство с численностью населения 1,2 млрд человек, занимает шестое место в мире по объёму ВВП [4]. Индия не вводила ограничений против Беларуси и продолжает проявлять заинтересованность в развитии торгово-экономических связей. Страны создали хорошую договорно-правовую основу двусторонних отношений (в том числе соглашения о создании межправительственной комиссии по экономическому, торговому, промышленному, научно-техническому сотрудничеству; избежании двойного налогообложения). Формируется система расчётов в национальных валютах.

В условиях усилившегося санкционного давления и стремления обеих стран к диверсификации внешней торговли сотрудничество между Беларусью и Индией в торгово-экономической сфере имеет значительный потенциал для роста, особенно в области фармацевтики, информационных технологий и сельского хозяйства [4].

Индонезия с населением около 300 млн человек является крупнейшим в экономическом плане государством Юго-Восточной Азии. В настоящее время Беларусь и Индонезия проводят политику многополярности и поддерживают партнёрские отношения. Подписаны общие соглашения о торгово-экономическом и научно-техническом сотрудничестве, создана межправительственная белорусско-индонезийская комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Несмотря на географическое удаление и слабую логистику торгово-экономические связи между двумя странами имеют тенденцию к расширению, прежде всего, в сельскохозяйственном, машиностроительном и энергетическом секторах [4].

Иран является государством с крупнейшей в Юго-Западной Азии экономикой. Беларусь и Иран поддерживают стратегическое партнёрство, основанное на общих подходах к противостоянию односторонним санкциям.

Сотрудничество между Беларусью и Ираном в торгово-экономической сфере имеет давнюю историю и в данное время приобрело особое значение на фоне усиления санкционного давления как на одну, так и на другую страну со стороны Запада. Создана прочная договорно-правовая база для успешного торгово-экономического сотрудничества, формируется система взаиморасчётов в национальных валютах, на регулярной основе проводятся заседания смешанной белорусско-иранской комиссии по вопросам экономического сотрудничества, активно взаимодействуют торгово-промышленные палаты двух стран.

В этой связи торгово-экономические связи Беларуси и Ирана имеют хорошие перспективы развития (в том числе благодаря новым форматам сотрудничества), особенно в таких областях, как промышленная и технологическая кооперация; цифровая трансформация и искусственный интеллект; зелёная экономика и климатическая адаптация [4].

Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ) и Беларусь поддерживают отношения на уровне партнёрства, основанного на принципах независимости от внешних санкций. Сотрудничество между Беларусью и ОАЭ в торгово-экономической сфере за последние годы заметно активизировалось, особенно на фоне усилившегося санкционного давления на Беларусь со стороны Запада. ОАЭ, имея открытую экономику с достаточно высоким уровнем доходов на душу населения и являясь одним из ключевых экономических центров Ближнего Востока, предлагают широкие возможности для сотрудничества в различных отраслях (добывающая отрасль, энергетика, сельское хозяйство, строительство, здравоохранение, транспорт) [5].

На Ближнем Востоке Саудовская Аравия является крупнейшей арабской страной с населением в 35 млн человек, на долю которой приходится 50 % ВВП Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

Отношения между Саудовской Аравией и Республикой Беларусь развиваются на основе многополярного партнёрства. Между странами подписаны основные экономические соглашения, активно развивается диалог в рамках межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, формируется система расчётов в национальных валютах. В связи с растущим интересом Саудовской Аравии к партнёрству вне традиционных западных рынков торгово-экономические связи Беларуси и Саудовской Аравии имеют хорошие перспективы развития, особенно в таких сферах, как химическая и пищевая промышленность, машиностроение, IT-сектор [5].

Эфиопия – одна из крупнейших по численности населения стран Африки и быстрорастущих экономик региона. Торгово-экономические связи между Беларусью и Эфиопией находятся на начальной стадии развития, но имеют определённый потенциал для их углубления, особенно в аграрном и машиностроительном секторах [3]. В условиях ограниченного доступа к европейской технике Эфиопия рассматривает возможность её закупок у стран вне традиционных западных поставщиков, включая Беларусь. Вместе с тем следует отметить, что масштаб экономических связей ограничен географическим удалением, слабой логистикой и недостаточной информированностью бизнес-сообществ друг о друге.

Южно-Африканская Республика (ЮАР), расположенная на юге Африки, является самой экономически развитой страной в регионе. Это единственное африканское государство, являющееся членом G-20. ЮАР поддерживает торгово-экономические отношения с другими странами, вне зависимости от их отношения к Западу.

Торгово-экономическое сотрудничество между Беларусью и ЮАР находится на начальном этапе, но имеет потенциал для развития, особенно в машиностроении, сельском хозяйстве и горнодобывающей промышленности [3]. Необходимо отметить, что ЮАР сохраняет значительные связи с ЕС и США, что влияет на масштабы торгово-экономических связей с Беларусью.

В целях активизации двустороннего и многостороннего сотрудничества со странами БРИКС в январе 2025 года Президентом Республики Беларусь была одобрена Стратегия действий по реализации внешней политики Республики Беларусь в рамках участия в деятельности объединения БРИКС. В соответствии со Стратегией целью участия Беларуси в БРИКС является активное подключение к работе действующих многосторонних механизмов альянса с учётом дальнейшего институционального развития БРИКС. Взаимодействие на данном этапе предполагается осуществлять с учётом возможностей, предоставляемых статусом государства-партнёра, при сохранении конечной задачи получения полноправного членства в объединении.

Приоритетными направлениями взаимодействия Беларуси с государствами-членами БРИКС, среди прочего, определены:

– устойчивое экономическое развитие, направленное на сохранение и приумножение человеческого потенциала, обеспечение высоких социальных стандартов и достойного качества жизни;

– внедрение инноваций и новейших технологий;

– обеспечение глобальной продовольственной безопасности;

– борьба с голодом, бедностью, последствиями изменения климата [6].

Членство Беларуси в БРИКС может принести стране ряд потенциальных выгод, для этого необходимо последовательно и поэтапно нарабатывать соответствующий опыт и компетенции путём системного взаимодействия в различных областях и форматах с государствами-участниками, в частности, по следующим направлениям:

1. *Торгово-экономическое сотрудничество*, которое позволит: получить прямой доступ к рынкам стран БРИКС, снизить зависимость от традиционных рынков (интегрируясь в торговые сети БРИКС, Беларусь могла бы снизить свою зависимость от европейских

и российских рынков, смягчая риски от санкций или экономических спадов в этих регионах), увеличить и диверсифицировать экспорт белорусской продукции (особенно в области сельского хозяйства), создать новые совместные предприятия и цепочки создания стоимости.

2. *Финансовое сотрудничество.* Как потенциальный член или партнёр Нового банка развития Беларусь может получить доступ к финансированию для проектов устойчивого развития, включая зелёную энергетику и городскую инфраструктуру, снизить зависимость от доллара США и евро за счет использования альтернативных платёжных систем и валют (например, китайский юань, российский рубль) в торговле со странами БРИКС.

3. *Сотрудничество в области промышленности и энергетики,* что потенциально позволит модернизировать промышленную базу Беларуси, особенно в области машиностроения и производства, а также реализовывать проекты в области возобновляемых источников энергии с Китаем и Индией.

4. *Сотрудничество в области науки, технологий и инноваций,* что позволит получить доступ к передовым технологиям и инновациям стран альянса (особенно в таких областях, как ИТ, биотехнологии и энергетика), участвовать в совместных научных проектах со странами БРИКС и осуществлять обмен опытом и технологиями (энергетика, экология, цифровизация и т. д.), расширить сотрудничество с Индией (глобальным центром ИТ) и Китаем (лидером в области цифровых инноваций).

5. *Инвестиционное сотрудничество* будет способствовать росту иностранных инвестиций от стран-членов группы (в первую очередь, из Китая и Индии) в ключевые секторы экономики Беларуси (инфраструктура, ИТ и энергетика), активизации совместных инвестиционных проектов.

В целом, членство в БРИКС может открыть для Беларуси новые возможности для экономического роста, укрепления международных связей и снижения зависимости от западных стран. Наряду с этим, сотрудничество Республики Беларусь с государствами-членами БРИКС связано с рядом потенциальных рисков, которые могут повлиять на устойчивость и эффективность взаимодействия. Это, в первую очередь, обусловлено необходимостью адаптации к стандартам и требованиям стран БРИКС, потенциальной конкуренцией с другими членами объединения во многих секторах экономики, риском усиления зависимости от Китая и России, неравенством и разногласиями между её членами. Для минимизации рисков Беларуси необходимо диверсифицировать экономические связи внутри БРИКС, повысить конкурентоспособность своей продукции, планомерно развивать цифровую и логистическую инфраструктуру, избегать чрезмерной зависимости от одного партнёра и т. д.

С учётом вышеизложенного, выделим ряд предложений по приоритетным направлениям, формам и проектам двустороннего и многостороннего экономического сотрудничества Республики Беларусь в рамках БРИКС:

1. Заключение Республикой Беларусь со странами БРИКС основных экономических соглашений (о торгово-экономическом сотрудничестве, поощрении и защите инвестиций, избежании двойного налогообложения и др.) даст возможность создать прочную договорно-правовую базу для торгово-экономического и финансово-банковского сотрудничества с государствами БРИКС.

2. Развитие двустороннего взаимовыгодного сотрудничества по ряду направлений, например: химическая промышленность и фармацевтика (Бразилия), пищевая промышленность и энергетика (Египет), сельское хозяйство и ИТ-сектор (Индия) – позволит получить прямой доступ к рынкам стран БРИКС, которые являются одними из самых крупнейших и наиболее быстрорастущих в мире.

3. Реализация межгосударственных проектов, в частности: модернизация систем производства, распределения и передачи электроэнергии (Индия), разведение племенного, молочного, убойного скота (Индонезия), совместное производство техники для дорожного строительства, тракторов, комбайнов, автобусов и электробусов (Иран) – будет способствовать снижению зависимости от традиционных рынков.

4. Нарастивание экспорта в страны БРИКС (удобрения, продукты питания и сельскохозяйственные товары, фармацевтические препараты, оптические приборы, рентгеновское оборудование и пр.) поможет смягчить последствия западных санкций и снизить уязвимость к внешним потрясениям.

На фоне стремления к большей финансовой независимости и устойчивому развитию страны альянса реализуют ряд масштабных многосторонних инициатив, среди которых следует отметить следующие.

Стратегии экономического партнёрства БРИКС содержат руководящие принципы сотрудничества государств объединения по вопросам, касающимся многосторонней торговой системы, цифровой экономики, финансового сотрудничества и торговли, а также устойчивого развития.

Новый банк развития БРИКС с первоначальным уставным капиталом в 100 млрд долл. США является стратегическим институтом по мобилизации ресурсов, расширению финансирования в национальных валютах, поддержке эффективных проектов, способствующих инвестициям в инфраструктурные проекты. За время своей работы банк профинансировал более 90 инфраструктурных и экологических проектов на 32,8 млрд долл. США – от солнечных электростанций в Индии до строительства автодорог в Южной Африке.

Пул условных валютных резервов стран БРИКС с капиталом в размере 100 млрд долл. США позволяет членам объединения получать финансовую помощь в случае кризисов, снижая зависимость от МВФ и других западных финансовых институтов.

Трансграничная платёжная инициатива БРИКС направлена на определение потенциала операционной совместимости платёжных систем БРИКС и содействие осуществлению быстрых, недорогих, прозрачных и безопасных трансграничных платежей между странами БРИКС и другими государствами.

Партнёрство БРИКС по вопросам Новой промышленной революции (ПартНИР) служит ведущей платформой для определения возможностей в условиях быстрых изменений в сфере промышленности и наращивания потенциала в данной области.

Деятельность Делового совета БРИКС направлена на стимулирование торговли между странами альянса, расширение использования инновационных финансовых инструментов, укрепление логистической взаимосвязанности и расширение маршрутов воздушного сообщения между ними и т. д.

Таким образом, БРИКС демонстрирует реальные примеры эффективного многостороннего сотрудничества, способствуя формированию более справедливого и многополярного мирового экономического порядка. С расширением состава БРИКС в 2024–2025 гг. перспективы многостороннего экономического взаимодействия значительно возросли, открывая новые возможности в торговле, энергетике, цифровой экономике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О статусе страны-партнёра БРИКС для Беларуси // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – URL: https://www.mfa.gov.by/press/news_mfa/e76e1922bbd6ca01.html (дата обращения 23.04.2025).
2. Шведко П.В., Тавгень Е.О. Выход белорусских экспортёров на рынки Аргентины и Бразилии // Наука и инновации. – 2021. – № 5. – С. 64–68.
3. Тавгень Е.О., Шведко П.В., Лукашова А.А. Экономика зарубежных стран: Африка. Перспективы и риски внешнеторгового сотрудничества. Минск : Беларуская навука, 2021. – 336 с.
4. Тавгень Е.О., Шведко П.В., Вразалица А.А. Экономика зарубежных стран: Азия. Перспективы и риски внешнеторгового сотрудничества. Минск : Беларуская навука, 2021. – 395 с.
5. Шведко П.В., Тавгень Е.О. Выход Республики Беларусь на рынок стран Персидского залива // Наука и инновации. – 2018. – № 6. – С. 50–54.
6. Участие Беларуси в ШОС и БРИКС. Что в стратегиях, которые одобрил Лукашенко // БЕЛТА. – URL: <https://belta.by/president/view/uchastie-belarusi-v-shos-i-briks-chto-v-strategijah-kotorye-odobril-lukashenko-689113-2025/#part5> (дата обращения 23.04.2025).

**ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ОЦЕНКИ ПОСЛЕДСТВИЙ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ
В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ
FOREIGN PRACTICE OF ASSESSING THE CONSEQUENCES OF GLOBAL RISKS
IN THE NATIONAL ECONOMY**

Луговская Ирина Сергеевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
irina.lugovskaya95@gmail.com

Luhouskaya Iryna,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В настоящее время глобальные тенденции меняют ландшафт развития. Сейчас в мире возрастают геополитические, экономические, демографические, экологические и технологические риски. Влияние глобальных рисков на национальные экономики является многогранным. В первую очередь – повышается уровень экономической нестабильности. В целях управления рисками и потенциальными их последствиями страны реализуют определенные меры по их минимизации. В статье отражен зарубежный опыт ряда стран (Великобритании, Нидерландов, Ирландии и Казахстана) по проведению оценок рисков и их минимизации в современных условиях. Общая схема управления глобальными рисками в зарубежных странах выглядит следующим образом: оценка риска; управление риском; восстановление. Великобритания, Нидерланды и Ирландия активно внедряют комплексные системы оценки рисков с акцентом на цифровизацию. Казахстан также развивает свою систему оценки рисков, интегрируя международные стандарты.

Ключевые слова: глобальные риски, оценка рисков, минимизация рисков, риск, угроза.

Abstract. Currently, global trends are changing the development landscape. Geopolitical, economic, demographic, environmental and technological risks are increasing in the world. The impact of global risks on national economies is multifaceted. First of all, the level of economic instability is increasing. In order to manage risks and their potential consequences, countries implement certain measures to minimize them. The article reflects the foreign experience of a number of countries (Great Britain, the Netherlands, Ireland and Kazakhstan) in conducting risk assessments and minimizing them in modern conditions. The general scheme of global risk management in foreign countries looks like this: risk assessment; risk management; recovery. The UK, the Netherlands and Ireland are actively implementing integrated risk assessment systems with a focus on digitalization. Kazakhstan is also developing its risk assessment system by integrating international standards.

Keywords: global risks, risk assessment, risk minimization, risk, threat.

Глобальные риски оказывают существенное влияние на экономику, окружающую среду, общество, безопасность, политику, которое ощущается на национальном уровне, и определяет необходимость своевременного реагирования на них.

Начиная с 2009 года Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) продвигает «Национальные оценки рисков» (далее – НОР) как хорошую практику в управлении страновыми рисками, и они все чаще используются в качестве инструмента политики для выявления и анализа ряда событий, которые могут вызвать значительные нарушения в национальном масштабе. Первые страны, которые провели НОР, сравнили

относительную вероятность и последствия таких разнообразных событий, как крупные наводнения, землетрясения, волны тепла, террористические атаки, гражданские беспорядки, пандемии и промышленные аварии. С каждым годом список оцениваемых сценариев бедствий продолжает расширяться и теперь включает такие разнообразные основные риски, как: геомагнитные бури, организованная преступность, цунами, песчаные бури и др.

В целях разработки национального портфеля рисков центральные правительства, как правило, используют один из двух подходов:

1) первый подход заключается в проведении оценок рисков на субнациональных уровнях правительства и попытке объединить их отчеты в национальный реестр. Этот подход часто упускает риски, которые не входят в сферу ответственности местных властей;

2) второй подход объединяет экспертов из разных отраслевых министерств и координирует вклад для выявления и оценки ряда основных рисков в соответствии с общими критериями, которые могут иметь национальное значение.

Несколько стран используют оба подхода, при этом результаты процесса снизу вверх служат отправной точкой для централизованно управляемого процесса. Они часто включают:

1) выявление и разработку сценариев риска, которые могут иметь национальное значение;

2) оценку различных сценариев риска с точки зрения их вероятности и последствий в соответствии с общими критериями;

3) придание сценариям риска некоторой сравнительной ценности на основе полученных оценок.

Исследование подходов к управлению рисками на национальном уровне показало, что для того, чтобы минимизировать последствия глобальных рисков в национальной экономике, страны используют свою оценку стратегических рисков на национальном уровне, которую в зависимости от практикующего ее государства, также часто называют Оценкой стратегических рисков на национальном уровне или же Оценкой рисков национальной безопасности. Оценка национальных рисков за рубежом проводится путем систематического выявления так называемых критических рисков, начиная от угроз стихийных бедствий и заканчивая опасностью нарушения политической стабильности и делигитимации правительства и государственной власти в целом. Как правило, это анализ макроэкономических, геополитических, социально-политических и экологических тенденций (как внутри страны, так и за ее пределами), которые могут привести к политическому, экономическому, экологическому и другим кризисам на национальном уровне.

Рассмотрим более подробно зарубежную практику минимизации последствий глобальных рисков на примере таких стран, как Великобритания, Нидерланды и Ирландия, чей опыт может быть полезен и для нашей страны.

Великобритания является пионером в этой сфере и её национальный реестр рисков публикуется с 2008 года. В нем содержится информация не только обо всех опасностях, от которых могут пострадать граждане и инфраструктура, но также о том, какие виды управления рисками предполагается осуществлять по каждому из них.

Риски, которые включаются в национальный реестр рисков, могут оказать существенное влияние на безопасность, защищенность и/или критически важные системы Великобритании на национальном уровне. Реестр содержит информацию о 89 рисках в рамках 9 тем рисков: терроризм; кибербезопасность; государственные угрозы; географические и дипломатические риски; аварии и сбои систем; природные и экологические опасности; здоровье людей, животных и растений; социальные; конфликты и нестабильность.

Национальный реестр рисков оценивает вероятность и воздействие каждого риска, следуя строгой методологии. Риски могут проявляться по-разному, с разной степенью серьезности. Национальный реестр рисков устанавливает «разумный наихудший сценарий»

для каждого риска. Эти сценарии не являются прогнозом того, что, скорее всего, произойдет, вместо этого они представляют собой наихудшее вероятное проявление этого конкретного риска. Национальный реестр рисков включает информацию о возможностях, необходимых для реагирования на чрезвычайную ситуацию и восстановления после нее, если риск материализуется [1].

В Нидерландах Национальная оценка рисков базируется на комплексном подходе к управлению критическими рисками, закреплённом в Национальной стратегии Нидерландов в сфере охраны и безопасности. В ней определены пять жизненно важных для страны отраслей: территориальная, физическая, экономическая и экологическая безопасность, социальная и политическая стабильность. Основная цель Национальной оценки рисков заключается в определении основных рисков по каждой из выше названных отраслей национальной безопасности, к которым правительственные структуры должны подготовиться и соответствующим образом спланировать развитие готовности смягчать их последствия. Поскольку НОР делает прогнозы на пятилетний период, определение высокого уровня влияния того или иного риска позволяет правительству Нидерландов заранее расставить приоритеты при выборе непосредственной стратегии управления им. Кроме того, оценка и прогнозы по выявленным рискам могут корректироваться группами экспертов в соответствии с новым контекстом.

Результаты НОР используются для анализа пробелов в способности субъектов управления рисками, а также определения областей, требующих укрепления готовности к развитию неблагоприятных ситуаций, в том числе политических кризисов.

Также в контексте изучения полезного опыта для развития отечественной системы управления национальными рисками в контексте угроз глобализации заслуживает внимания и Ирландия.

В Ирландии межведомственная национальная оценка рисков осуществляется на двух уровнях исполнительной власти: канцелярии Премьер-министра (Министерство Тайосерч) и Министерства обороны (Управление по планированию на случай чрезвычайных ситуаций).

В первой рассматриваются широкие геополитические, социальные и основные экономические или финансовые тренды, как внутри государства, так и за его пределами, способные привести к политическому кризису на национальном уровне. В свою очередь оценка рисков, проводимая Министерством обороны, представляет собой анализ всех опасностей/угроз на национальном уровне (в дополнение к оценкам рисков, проводимых на местном и региональном уровнях) по четырем категориям: стихийные, транспортные, технологические и гражданские. При этом, поскольку некоторые из гражданских рисков (инфекционные заболевания, террористические акты, инциденты с животными, заражение пищевых продуктов, вред критической инфраструктуре (водоснабжение и распределительная сеть), безопасность в местах массового скопления людей, нарушение общественного порядка, вспышка болезней, передающихся через воду и т. д.) могут перерасти в широкомасштабные кризисы, имеющие репутационные последствия для правительства, то анализ относительно их также составляет подгруппу ежегодного стратегического обзора национальных рисков, проводимого министерством. Для рассмотрения рисков, представленных по каждому из вышеуказанных секторов безопасности, создают специальные фокус-группы.

Оценка проводится путем анализа вероятности возникновения опасности и изучения потенциального воздействия для жизни и здоровья, имущества и инфраструктуры, а также для окружающей среды.

Основным результатом НОР является сводная общая матрица национальных рисков, отображаемая в форме «пять на пять». Она используется на самом высоком правительственном уровне с целью расставления приоритетов по снижению влияния идентифицированных высоких рисков. Данная матрица представляет собой текущую оценку относительного риска по ключевым выявленным угрозам по шкале вероятности (абсолютно низкая – низкая – средняя – высокая – наиболее высокая) и шкале степени воздействия

(от низкого до очень высокого). Такие оценки основаны на гибридных методиках анализа, построенных преимущественно на экспертных заключениях и интерпретациях полученных данных. Экспертные оценки подкрепляются количественным анализом лишь в тех случаях, когда имеются соответствующие данные о конкретных угрозах.

Соответствующая матрица используется для руководства деятельностью по смягчению последствий этих рисков, планирования и обеспечения готовности к кризисам различного генезиса на национальном и региональном уровнях [2].

Таким образом, системный подход к управлению чрезвычайными ситуациями в Ирландии, представляет собой: оценку риска; управление риском; планирование и готовность; реагирование; восстановление [3].

В странах постсоветского пространства на национальном уровне также проводится анализ тех или иных рисков, которым в большей степени подвержена та или иная страна. Как пример можно привести Казахстан, который подвержен широкому спектру природных опасностей. Примерно 75 % территории страны подвержено частым природным опасностям, включая повторяющиеся сезонные наводнения и засухи, сели, лавины, экстремальные температуры и лесные пожары. Катастрофы, вызванные этими опасностями, влекут за собой высокие экономические издержки, наносят ущерб инфраструктуре и влияют на благосостояние граждан.

В связи с этим, стратегическое видение экономического роста и социального благополучия должно способствовать повышению национальной устойчивости к рискам стихийных бедствий, а программы социально-экономического развития должны учитывать все опасности и угрозы.

Так, Казахстан начал структурные реформы, связанные с политикой управления рисками стихийных бедствий в рамках Стратегии «Казахстан–2050». Стратегия направлена на снижение социально-экономического воздействия бедствий. Ведущим учреждением в управлении рисками является Центральный комитет по чрезвычайным ситуациям (СЧС), который координирует и контролирует реализацию стратегии. СЧС стремится разработать общее видение рисков, проводить соответствующую политику и координировать роли управления рисками на субнациональных уровнях управления.

Казахстан также разработал документы, создающие национальную оценку риска, которые включают атлас природных и техногенных опасностей и рисков чрезвычайных ситуаций в Республике Казахстан: «Национальный ситуационный анализ защищенности территории Республики Казахстан от природных и техногенных катастроф» и «План готовности Республики Казахстан к чрезвычайным ситуациям природного характера».

Тем не менее, в настоящее время национальная оценка риска не учитывает все опасности, включая риск терроризма и кибератак, и не существует в рамках данной страны единой методологии, позволяющей сравнивать риски с точки зрения воздействия и вероятности [4].

Научный интерес также представляет методический подход, разработанный российскими авторами. Его суть заключается в том, что в рамках исследований был предложен индикативный подход к оценке влияния глобальных рисков на экономику страны. Этот подход может быть использован в качестве инструмента формирования экономической стратегии в части выявления, изучения и оценки влияния глобальных рисков на экономику и уровень ее устойчивости.

Индикативный подход к оценке влияния глобальных рисков на национальную устойчивость, в частности на экономику России, включает:

- выполнение оценки значимости глобальных рисков и их ранжирование;
- формирование перечня глобальных рисков, которые могут иметь наибольшее влияние на национальную экономику;
- оценку уязвимости экономики России к глобальным рискам;
- оценку степени влияния глобальных рисков на уровень экономической устойчивости России.

Для оценки уязвимости России относительно влияния глобальных рисков применена экспресс-методика, основанная на сравнительной оценке глобального риска с целевыми индикаторами экономической политики, а также их сопоставления с пороговыми индикаторами экономической безопасности России.

Это позволяет в результате сопоставления глобального риска с пороговыми значениями показателей экономической политики сделать ряд выводов о степени уязвимости экономической системы России к конкретным видам глобальных рисков. Уязвимость национальной экономики и уровень ее устойчивости находятся в обратно пропорциональной зависимости: чем выше уязвимость, тем ниже уровень экономической безопасности и устойчивости национальной экономики.

Шкала оценки уязвимости национальной экономики на основе сопоставления риска с целевыми показателями социально-экономической политики и пороговыми значениями индикаторов экономической безопасности включает три оценки: высокая уязвимость; средняя уязвимость; низкая уязвимость.

Высокая уязвимость имеет место, когда при сопоставлении глобального риска со значением соответствующего целевого индикатора социально-экономической политики текущее значение данного индикатора ниже его порогового значения.

Средняя уязвимость характеризует ситуацию, когда значение целевого индикатора соответствует пороговому значению.

Низкая уязвимость имеет место в том случае, когда значение целевого индикатора социально-экономического развития превышает пороговое значение, установленное для этого показателя [5].

Таким образом, проблема рисков является достаточно острой в современном постоянно меняющемся мире. Сегодня наблюдается значительный рост глобальных вызовов, стоящих перед человечеством. Причинами этого являются рост сложности и взаимосвязей современных социальных, экономических, политических и экологических систем, высокий уровень динамизма и неопределённости пространства, а также глобализационные процессы, драйвером которых выступают Интернет и цифровая экономика.

Влияние глобальных рисков на межгосударственное сотрудничество и национальные экономики является многогранным. Глобальные риски оказывают существенное влияние на развитие мировой системы: повышается уровень экономической нестабильности; страны формируют отдельные геополитические блоки; оказывается влияние на национальные экономики.

В этих условиях, важность комплексных подходов к управлению рисками и разработке эффективных стратегий принятия предварительных мер для минимизации потенциального ущерба значительно возрастает.

Основой комплексного подхода управления рисками и их минимизации являются: создание интегрированных систем, способных анализировать и оценивать потенциальные угрозы с учетом их вероятности и возможного ущерба; разработка стратегии для уменьшения воздействия выявленных рисков; разработка международных стандартов управления рисками; заключение международных договоров; укрепление международных институтов; применение передовых технологий, таких как искусственный интеллект, большие данные и блокчейн для прогнозирования и мониторинга рисков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. National Risk Register 2025. – HM Government, 2025. – 187 p.
2. Антипенко И.В. Национальная оценка рисков: зарубежный опыт минимизации и предупреждения политических рисков в условиях глобализации // *European journal of law and political sciences*. – 2020. – №3. – С. 25–30.
3. National Risk Assessment // The Minister for Justice is a Competent Authority under the Criminal Justice. – URL: <https://www.amlcompliance.ie/wp-content/uploads/2019/11/National-Risk-Assessment.pdf> (дата обращения 21.05.2025).

4. Risk Governance Scan of Kazakhstan // OECD Reviews of Risk Management Policies. – Paris: OECD Publishing, 2019. – 136 p.
5. Сенчагов В.К., Побываев С.А., Соловьев А.И. Оценка влияния глобальных рисков как инструмент формирования экономической стратегии России: индикативный подход // Экономические стратегии. – 2016. – Т. 18., № 8(142). – С. 24–31.

УДК 338.27

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО
БИЗНЕСА И ЭКОНОМИКИ СТРАН БРИКС В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**
**KEY ISSUES AND DEVELOPMENT DIRECTIONS OF INTERNATIONAL BUSINESS
AND THE ECONOMY OF BRICS COUNTRIES IN THE CONTEXT
OF DIGITAL TRANSFORMATION**

Магомедова Нина Алексеевна,
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Российская Федерация, г. Москва
Magomedova_na@pfur.ru

Magomedova Nina,
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Russian Federation, Moscow

Аннотация. Цель – в изучении ключевых аспектов развития международного бизнеса и экономик стран БРИКС в условиях цифровой трансформации. В работе анализируется влияние современных технологий, включая искусственный интеллект и IT-инновации, на экономическое взаимодействие государств. Особое внимание уделено уровню цифровой трансформации в России и Китае, перспективам их сотрудничества, а также анализу потенциала Республики Беларусь как стратегического партнера в укреплении технологической кооперации в рамках формата БРИКС+.

В исследовании использован комплексный подход, основой послужило изучение актуальных научных публикаций и статистических данных, что позволило выделить ключевые тенденции в международном бизнесе. Сравнение уровней цифровизации России и Китая, анализ статистических показателей ИТ-сектора Республики Беларусь, а также разбор конкретных примеров сотрудничества и перспективных направлений трехстороннего взаимодействия позволили детально рассмотреть перспективы и вызовы в сфере инноваций и информационных технологий.

В статье отражается влияние цифровой трансформации на экономическое развитие стран БРИКС и перспективы их сотрудничества, включая партнеров по интеграционным объединениям. Выявлен значительный потенциал Республики Беларусь, чей развитый ИТ-сектор (экспорт услуг 3,2 млрд долл. США в 2023 г.) и тесная интеграция с Россией создают предпосылки для формирования эффективного трехстороннего формата кооперации «Россия – Китай – Беларусь», направленного на усиление технологического суверенитета.

Ключевые слова: бизнес, цифровая трансформация, торговля, экосистемы, цифровые технологии, IT-технологии.

Abstract. Objective – to study the key aspects of the development of international business and the economies of the BRICS countries in the context of digital transformation. The analysis of the potential of the Republic of Belarus as a strategic partner in strengthening technological cooperation within the BRICS+ format.

The article reflects the influence of digital transformation on the economic development of the BRICS countries and the prospects for their cooperation, including partners from integration associations. The significant potential of the Republic of Belarus has been identified, whose developed IT sector (service exports of 3.2 US doll billion in 2023) and close integration with Russia create prerequisites for the formation of an effective trilateral cooperation format "Russia – China – Belarus", aimed at strengthening technological sovereignty.

Keywords: business, digital transformation, trade, ecosystems, digital technologies, IT technologies.

Международный бизнес, социальные и экономические международные инновации подразумевают способность разрабатывать и внедрять новое, уникальное или улучшенное, чтобы создать уникальную ценность для страны. Международное сотрудничество в области IT и инновации необходимы для роста и развития каждой страны. Хотя некоторые экономики находятся на переднем крае международного сотрудничества и инноваций, многие другие отстают.

Одним из ключевых направлений для сотрудничества является именно отрасль искусственного интеллекта, так как сейчас она является не только актуальной для сферы IT-технологий, но и по своему революционной, что по факту делает важным международное взаимодействие и обмен опытом.

Важно отметить, что эффективность сотрудничества в рамках БРИКС может быть значительно усилена за счет взаимодействия со стратегическими партнерами. В частности, Республика Беларусь, ИТ-сектор которой по итогам 2023 года экспортировал услуг на сумму 3,2 млрд долл. США и объединяет более 1,5 тыс. резидентов Парка высоких технологий (ПВТ), демонстрирует потенциал стать значимым «хабом» для реализации совместных проектов. Как ключевой партнер России в Союзном государстве (объем взаимной торговли в 2023 г. составил 53,4 млрд долл. США), Беларусь обладает уникальной возможностью выступать в роли технологического и логистического моста, особенно в условиях текущих геополитических вызовов.

На сегодняшний день сотрудничество в области науки, технологий и инноваций является важным направлением всестороннего партнерства и стратегического обмена между странами БРИКС (BRICS).

В 2025 году в состав БРИКС входят 10 стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, ОАЭ, Иран, Эфиопия, Египет и Индонезия.

Если взять Китай, то он замыкает 15 лучших стран по качеству инновационных технологий. Россия располагается ниже и находится на 27-й позиции.

Область искусственного интеллекта имеет большое значение и продолжает вызывать интерес во многих областях, включая системы баз данных, цифровые технологии, фармацевтику, освоение космоса, транспортные системы на основе искусственного интеллекта, биотехнологии, новые материалы и источники энергии, в том числе экологические и энергосберегающие.

В настоящее время в странах БРИКС реализуется свыше 700 проектов, общей суммой на 850 млрд долларов, направленных на развитие международного бизнеса и экономик стран BRICS в условиях цифровой трансформации [1].

В 2023 году, по данным Главного таможенного управления (ГТУ) КНР, товарооборот двух стран увеличился по сравнению с предыдущим годом на 26,3 % и достиг 240,11 млрд долл. США – это рекордный показатель для двух стран за все время сотрудничества. Импорт из России в КНР за 2023 год возрос на 12,7 % – до 129,14 млрд долл. США, экспорт из Китая в РФ увеличился на 46,9 % и составил 110,97 млрд долл. США. За январь – апрель 2024 года объем китайско-российской торговли увеличился в годовом исчислении на 4,7 % и достиг 76,58 млрд долл. США [2].

РФ экспортирует в Китай преимущественно энергоресурсы, металлы, древесину, сельскохозяйственную продукцию и морепродукты. Импортируются же из Китая

преимущественно автомобили, бытовая электроника, микропроцессорные блоки и товары широкого потребления.

Основным механизмом взаимодействия стран в сфере IT-инвестиций является специальная межправительственная комиссия по инвестиционному сотрудничеству.

Барьером может стать и уровень зрелости R&D (уникальные решения, которые являются абсолютными инновациями) в китайском секторе ИТ. В этих условиях пока неясно, смогут ли китайские специалисты самостоятельно создавать или копировать передовые ИТ-технологии. Так в области серверов и систем хранения данных (СХД) ситуация плачевная: после запрета на поставки GPU (графические процессоры) рынок так и не создал собственные ускорители.

Другой пример – сетевые технологии и решения. В этой области игроков достаточно много, и они делают разнообразные продукты. Но все они, так или иначе, упираются в американские чипы, технологии или поставщиков – пока со второго места с технологической точки зрения Китая сдвинуться не удается.

На сегодняшний день, развитие экосистем, основанных на искусственном интеллекте, является уже не феноменом фантастики, а действующей реальностью.

Начало развития экосистем принадлежит западным компаниям, которые на начальном этапе своей инновационной деятельности поставили перед собой цель создать умную машину для человечества, способную решить любые проблемы.

Пик развития экосистем пришелся на 2020 год, повлекший за собой внедрение искусственного интеллекта (Artificial Intelligence, AI) во все новые программы, продукты и сервисы. Мгновенно AI стал основным приоритетным направлением для основной части инвестиционных западных компаний.

В 2022 году число компаний, работающих в сфере AI, выросло более чем в 5 раз. Примерно 31,7 млрд долл. США уже инвестировано именно в развитие машинного обучения. По прогнозам, к 2024 году выручка от BigData и бизнес-аналитики в мире составит примерно 383,3 млрд долл. США [3].

Задачи, на которые человек раньше тратил часы, дни и даже месяцы, искусственный интеллект может выполнить за несколько секунд.

Согласно формулировке профессионального медийного ресурса Techtarget.com, «искусственный интеллект – способность технологий имитировать интеллектуальную деятельность, например, обучаться на основе информации и заданных правил, делать логические выводы и корректировать свои решения. AI применяется для создания экспертных систем, обработки данных на естественном языке, распознавания речи и машинного зрения» [2].

Одно из наиболее перспективных направлений AI – это системы на основе машинного обучения, в том числе глубокого. AI может предотвращать аварийные ситуации на предприятиях, защищать бизнес и клиентов от мошенничества, отвечать на запросы в клиентскую поддержку, читать и понимать миллионы страниц законов и постановлений, чтобы помогать компаниям приводить бизнес в соответствие с правовыми нормами [4].

Цифровые лидеры используют AI, чтобы быстро создавать новые каналы получения дохода, увеличивать количество клиентов и повышать качество обслуживания. Цели российских компаний в таких проектах – увеличить долю рынка, ускорить обслуживание клиентов и снизить расходы [4].

В последнее время большое развитие получили инновации на основе платформ (экосистем). Платформенные компании демонстрируют большие конкурентные преимущества над фирмами на традиционных бизнес-моделях. Они быстро растут и распространяются в разных отраслях бизнеса (телекоммуникации (Google, Apple), «умные» города, здания, квартиры с использованием IoT (интернета вещей) – фирма Schneider Electric), банкинг (Bank of New York Mellon), продажи (Alibaba, Amazon), здравоохранение (фирма Kaiser Permanente), перевозки (Uber) и др.) [12]. Рассмотрим мировых лидеров экосистем (таблица 1).

Таблица 1 – Динамка рыночной капитализации мировых экосистем за 2020–2022 гг., млрд долл. США

Экосистема	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Абсолютное отклонение, млрд долл. США		Относительное отклонение, %	
				2021 г. / 2020 г.	2022 г. / 2021 г.	2021 г. / 2020 г.	2022 г. / 2021 г.
Amazon Inc (США)	802,18	912,77	955,38	110,59	42,61	13,79	4,67
Microsoft (США)	789,25	801,23	813,44	11,98	12,21	1,52	1,52
Apple Inc. (США)	720,12	730,15	755,87	10,03	25,72	1,39	3,52
Tencent (Китай)	400,90	415,33	428,77	14,43	13,44	3,60	3,24
Alibaba Group (Китай)	392,25	413,88	422,14	21,63	8,26	5,51	2,00
Johnson & Johnson (США)	347,99	355,17	377,19	7,18	22,02	2,06	6,20

Примечание – Источник: авторская разработка.

Наглядно динамика рыночной капитализации мировых экосистем за 2020–2022 гг. представлена на рисунке 1.

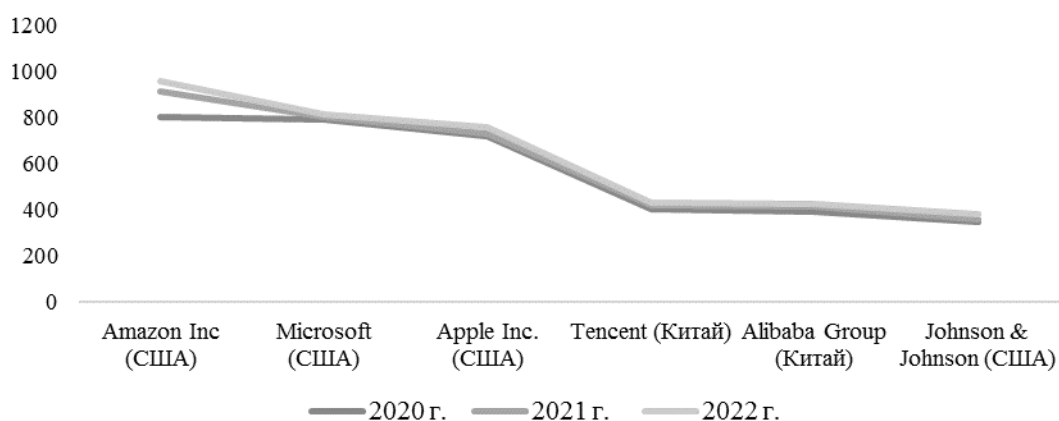

Рисунок 1 – Динамка рыночной капитализации мировых экосистем за 2020–2022 гг.

Примечание – Источник: авторская разработка.

Рассматривая таблицу 1, можно сказать, что капитализация мировых экосистем имеет положительную динамику. Показатели ежегодно увеличиваются.

В качестве основных глобальных экосистем можно выделить экосистемы Китая – Tencent и AlibabaGroup и экосистемы США – AmazonInc, Microsoft, AlphabetInc. (Google), Apple Inc., Berkshire Hathaway Inc, Facebook, Johnson & Johnson, JPMorgan Chase.

Наиболее активная динамика наблюдается в рыночной капитализации Amazon Inc – рост показателя в 2021 году относительно 2020 года на 110,59 млрд долл. США или 13,79 %, а в 2022 году относительно 2020 года – на 42,61 млрд долл. США или 4,67 %. Также можно выделить китайскую экосистему Alibaba Group – рост показателя в 2021 году относительно 2020 года на 21,63 млрд долл. США или 5,51 %, а в 2022 году относительно 2021 года – на 8,26 млрд долларов США или 2 %.

Киберпреступность является одной из глобальных проблем Интернета, и кибербезопасность – не единственная область информационных технологий, направленная на расследование уязвимостей и предотвращение киберпреступности. Сотрудничество с другими разработками в этой области имеет решающее значение. Это связано с тем, что

оборонные подходы можно обсуждать с точки зрения технологий, используемых в стране [5]. Для обмена опытом между двумя странами проводятся различные форумы и образовательные конгрессы.

Ассоциация безопасного Интернета, крупнейшая в России организация, борющаяся с опасным онлайн-контентом, объявила, что будет перехватывать и адресовать или предварительно фильтровать адреса IPv4 для блокировки перехваченного трафика. Россия активно развивает сотрудничество в сфере кибербезопасности на более широком уровне.

Другим ключевым аспектом сотрудничества является блокчейн. Данная технология является новейшей и демонстрирует свою пользу в различных отраслях. Так, с помощью данной технологии информация хранится на достаточно большом количестве компьютеров, которые являются частью одной «цепочки» и в случае поломки одного из компьютеров данные не пропадают.

В настоящее время можно заметить нехватку блокчейн-специалистов, что обусловлено новизной этой отрасли и ее активным развитием. С появлением криптовалюты и блокчейна КНР начала активно развивать данную отрасль и инвестировать в ее развитие, Россия также присоединилась к этому и также начала инвестировать.

Также совместные исследования могут существенно улучшить программное обеспечение многих автоматизированных структур, как например, ПО космических кораблей. Сделать его более устойчивым к сбоям и внутренним ошибкам. Это позволит улучшить уже существующие технологии [6].

Рассматривая симбиоз Китая и других стран, можно сказать, что Китай импортирует с мирового рынка преимущественно энергоресурсы, металлы, древесину, сельскохозяйственную продукцию и морепродукты, но при этом обеспечивает мировой рынок автомобилями, бытовой электроникой, микропроцессорными блоками, и товарами широкого потребления. В таблице 2 представим динамику экспорта Китая за 2013–2023 гг.

Таблица 2 – Динамика экспорта Китая за 2013–2023 гг.

Год	Экспорт, млн долл. США	Абсолютное отклонение, млн долл. США, к предыдущему году	Относительное отклонение, %, к предыдущему году	Темп прироста, %
2013	2209005	–	–	–
2014	2342293	133288	106,03	6,03
2015	2273468	-68825	97,06	-2,94
2016	2097632	-175836	92,27	-7,73
2017	2263346	165714	107,90	7,90
2018	2486695	223349	109,87	9,87
2019	2499457	12762	100,51	0,51
2020	2589952	90495	103,62	3,62
2021	3358163	768211	129,66	29,66
2022	3593601	235438	107,01	7,01
2023	3650487	56886	101,58	1,58

Примечание – Источник: авторская разработка.

Наглядно динамика экспорта Китая за 2013–2023 гг. представлена на рисунке 2.

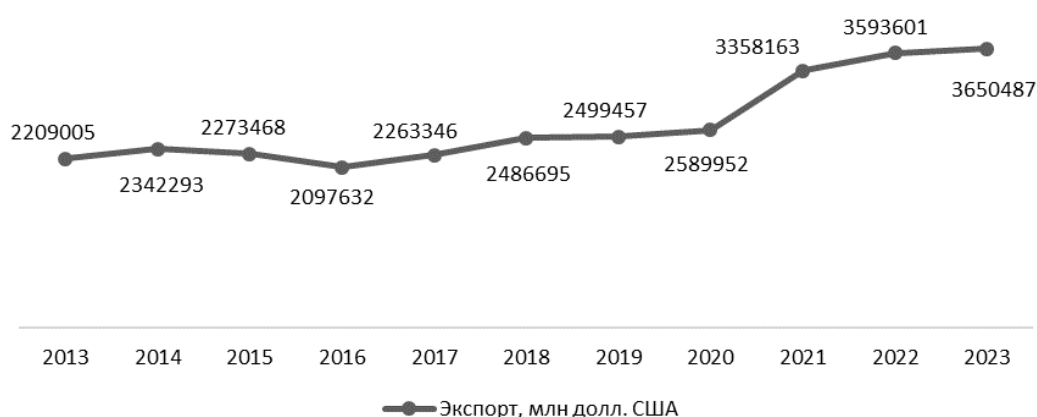

Рисунок 2 – Динамика экспорта Китая за 2013–2023 гг., млн долл. США

Примечание – Источник: авторская разработка.

По данным таблицы 2, можно сделать вывод, что динамика экспорта Китая за исследуемый период 2013–2023 гг. не стабильно, наблюдаются как спады, так и подъемы.

Так в 2014 году по сравнению с 2013 годом объем экспорта увеличился на 133288 млн долл. США или на 6,03 %. В 2015–2016 гг. наблюдается снижение показателя – в 2015 году на 68825 млн долл. США или 2,94 %, а в 2016 году – на 175836 млн долл. США или 7,73 %.

С 2017 года по конец рассматриваемого периода наблюдается ежегодный рост показателя и положительная динамика – в 2017 году рост на 165714 млн долл. США или 7,90 %, в 2018 году – на 223349 млн долл. США или 9,87 %, в 2019 году – на 12762 млн долл. США или 0,51 %, в 2020 году – на 90495 млн долл. США или 3,62 %, в 2021 году – на 768211 млн долл. США или 29,66 %, в 2022 году – на 235438 млн долл. США или 7,01 %, а в 2023 году – на 56886 млн долл. США или 1,58 %.

Перспективы вовлечения Республики Беларусь в технологическое сотрудничество. Перспективным направлением укрепления технологического партнерства является вовлечение в кооперацию Республики Беларусь. По данным на 2024 год, Парк высоких технологий (ПВТ) генерирует более 90 % всего экспорта ИТ-услуг страны и объединяет свыше 80 тыс. специалистов. Тесная интеграция в рамках ЕАЭС (доля Беларуси в товарообороте союза составляет около 7 %, или 35,5 млрд долл. США в 2023 г.) создает правовую основу для бесшовной кооперации. Уже существуют конкретные примеры успешного взаимодействия: белорусская компания "ЕРАМ Systems" (основана в Беларуси, является одним из лидеров мирового ИТ-консалтинга) реализует проекты для российского и азиатского рынков, а совместное предприятие «Пеленг» специализируется на производстве оптико-электронных систем для обеих стран. Участие Беларуси как центра компетенций в сферах AI (15 % резидентов ПВТ специализируются на машинном обучении) и кибербезопасности может придать российско-китайскому сотрудничеству характер трехстороннего формата, способствуя диверсификации цепочек создания стоимости.

Мировой ВВП зависит от величины экспорта Китая. С увеличением экспорта Китая, увеличиваются и значения мирового ВВП, что является положительным фактором. Также на ВВП оказывает влияние и рост экспорта США, соответственно, отношения данных держав оказывают влияние на мировую экосистему.

Подводя итог, можно сделать вывод, что при росте экспорта Китая на 100 млн долл. США, ВВП в мире увеличится в 2025 году до 198132992 млн долл. США, в 2026 году – до 200699568 млн долл. США, а в 2027 году – до 203332800 млн долл. США.

ИТ-технологии еще долгое время будут оставаться одной из самых передовых и важных отраслей, так как они позволяют не только создавать новые гаджеты, но и делать более

безопасным опасное производство, заменяя сотрудников роботами, эффективнее анализировать информацию, автоматизировать трудоемкие процессы и пр. Польза данной отрасли неопределима, так как сейчас она буквально повсеместно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арсеньева В.А., Подольская Т.В., Прокопенко М.В., Есенская Т.В., Буханова Е.А. Инновационная политика Китая: направления развития и перспективы использования опыта в России // Инновации и инвестиции. – 2021. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-politika-kitaya-napravleniya-razvitiya-i-perspektivy-ispolzovaniya-opyta-v-rossii> (дата обращения 27.01.2025).
2. Партнеры по разуму: Как искусственный интеллект помогает бизнесу. – URL: <https://plus.rbc.ru/specials/intellect> (дата обращения 27.01.2025).
3. Бизнес и искусственный интеллект – где применять и как использовать? – URL: <https://vc.ru/services/324966-biznes-i-iskusstvennyy-intellekt-gde-primenyat-i-kak-ispolzovat> (дата обращения 27.01.2025).
4. Официальный сайт Парка высоких технологий Республики Беларусь. – URL: <https://park.by/> (дата обращения 27.01.2025).
5. Михалевич Е.А. Российско-китайское взаимодействие по обеспечению безопасности в киберпространстве в рамках БРИКС // Свободная мысль. – 2020. – № 6 (1684). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-kitayskoe-vzaimodeystvie-po-obespecheniyu-bezopasnosti-v-kiberprostranstve-v-ramkah-briks> (дата обращения 27.01.2025).
6. Годовой отчет EPAM Systems, 2023. – URL: <https://www.epam.com/> (дата обращения 27.01.2025).

УДК 339.9

ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ ИНТЕГРИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ЕАЭС В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕТОРГОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И БЕЛАРУСИ СО СТРАНАМИ ШОС PROSPECTS FOR EXPANDING THE INTEGRATED INFORMATION SYSTEM OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION IN THE CONTEXT OF FOREIGN TRADE INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND BELARUS WITH THE SCO COUNTRIES

Медведев Илья Витальевич,
Институт экономики Российской академии наук,
Российская Федерация, г. Москва
Ilya13092@yandex.ru

Medvedev Ilya,
The Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation, Moscow

Аннотация. Исследование посвящено перспективам развития Интегрированной информационной системы ЕАЭС (ИИС ЕАЭС) в условиях внешнеторгового взаимодействия России и Беларуси со странами ШОС. Цель работы – проанализировать тенденции развития ИИС ЕАЭС в России и Беларуси, а также возможность и целесообразность подключения стран ШОС к новой системе. Для достижения целей и задач исследования в представленном обзоре используются индексы интенсивности торговли, что позволит выделить из ШОС наиболее перспективных торговых партнеров России и Беларуси, а также определить целесообразность расширения функций ИИС ЕАЭС с третьими странами. В заключении

делаются выводы о пределах и возможностях реализации возможных программ сопряжения развития проектов регионализации ЕАЭС со странами ШОС.

Ключевые слова: ЕАЭС, ШОС, торговые индексы, связанность, интегрированная информационная система ЕАЭС, трансграничное пространство доверия.

Abstract. This study examines the development prospects of the EAEU Integrated Information System (EAEU IIS) in the context of Russia and Belarus' foreign trade interactions with the SCO countries. The objective of the study is to analyze the development trends of the EAEU IIS in Russia and Belarus, as well as the feasibility and advisability of SCO countries joining the new system. To achieve the study's goals and objectives, this review utilizes trade intensity indices, which will allow us to identify the most promising SCO trading partners for Russia and Belarus and determine the feasibility of expanding the EAEU IIS's functions with third countries. The conclusion provides insights into the scope and feasibility of implementing potential programs for aligning the development of EAEU regionalization projects with SCO countries.

Keywords: EAEU, SCO, trade indices, connectivity, EAEU Integrated Information System, cross-border trust space.

Современное состояние цифровой трансформации стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) характеризуется постепенным переформатированием цифровой повестки объединения, которая связана с реализацией общих процессов в рамках развития средств интегрированной информационной системы ЕАЭС. Под общими процессами в рамках ЕАЭС союза понимаются операции и процедуры, регламентированные (установленные) международными договорами и актами, составляющими право ЕАЭС, и законодательством государств-членов, которые начинаются на территории одного из государств-членов, а заканчиваются (изменяются) на территории другого государства-члена. Перечень общих процессов определяется ЕЭК и включает в себя широкий перечень сфер, среди которых можно выделить таможенное администрирование, документооборот, маркировку, транспорт, базы данных и т. д. [1].

Подключение стран к общим процессам происходит на фоне мероприятий ЕЭК по реализации «Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года», где важно обратить внимание на пункт о развитии трансграничного пространства доверия (ТПД), информационного взаимодействия и электронного документооборота между странами ЕАЭС и в перспективе с третьими странами [2]. Согласно определению, которое дает ЕЭК трансграничное пространство доверия представляет собой совокупность правовых, организационных и технических условий, согласованных государствами-членами с целью обеспечения доверия при межгосударственном обмене данными и электронными документами между уполномоченными органами. Инструментом реализации данной программы выступает ИИС ЕАЭС, на базе которой планируется объединения всех форм электронного взаимодействия между странами-участницами. Сегодня формирование трансграничного пространства доверия осуществляется параллельно с рядом инициатив Евразийского банка развития по наиболее важным направлениям электронного взаимодействия стран ЕАЭС, к которым можно отнести цифровую прослеживаемость движения продукции, товаров, услуг и цифровых активов, цифровую торговлю, цифровые транспортные коридоры, цифровую промышленную кооперацию и соглашение об обороте данных. В этом отношении ИИС ЕАЭС может быть рассмотрена в качестве конкретного инструмента реализации цифрового взаимодействия между странами в сфере цифровизации элементов торговли, включая электронный документооборот во взаимной и внешней торговле, создание децентрализованной экосистемы смарт-контрактов; цифровизация процедур, связанных с подтверждением происхождения товаров; формирование благоприятных условий для применения цифровых решений в торговле не только внутри ЕАЭС, но и с третьими странами.

В тоже время дифференциация в уровне развития физической инфраструктуры и технологического ландшафта объединения не позволяют полностью реализовать потенциал новых цифровых решений на пространстве ЕАЭС. Так темпы ввода общих процессов не соответствуют ранее продекларированным планам, как и темпы подключения государств к уже введенным общим процессам. На сегодняшний день из введенных 39 общих процессов все государства-члены подключены лишь к 21, а информационный обмен осуществляется только по 18 [3].

В условиях технологического разрыва стран ЕАЭС наиболее активная работа по подключению к общим процессам происходит на базе Союзного Государства России и Беларуси (СГ), что связано с успешной реализацией ряда инициатив, среди которых можно отнести введение навигационных пломбы для отслеживания отдельных видов автомобильных перевозок по территории Союзного государства в отношении высокорисковых категорий товаров, активное развитие цифровых платформ в сегментах B2B и G2B. В частности, можно выделить Российско-Белорусскую инициативу по созданию онлайн-витрин B2B и B2G, которая призвана обеспечить продвижение товаров, работ и услуг поставщиков Беларуси на рынке государственного заказа России. Созданные в 2024 году онлайн витрины стали первым торговым мостом между белорусским бизнесом и рынком государственного заказа и коммерческих тендеров России, что опосредует формирование ТПД на территории СГ [4]. В этом отношении важно учитывать и специфику цифровизации СГ, которая осуществляется на фоне фрагментации мировой экономики и изменения структуры и динамики торговли России и Беларуси с третьими странами после февраля 2022 года.

Оценка текущего состояние торгово-экономического взаимодействия России и Беларуси осуществляется на базе индекса интенсивности торговли, который рассчитывается по следующей формуле (1) [5]:

$$\frac{\Sigma_{sd} X_{sd} / \Sigma_{sw} X_{sw}}{\Sigma_{wd} X_{wd} / \Sigma_{wy} X_{wy}}, \quad (1)$$

где X_{sd} – взаимный экспорт рассматриваемых стран;
 X_{sw} – общий экспорт рассматриваемых стран;
 X_{wd} – общий мировой экспорт в рассматриваемые страны;
 X_{wy} – мировой экспорт.

Правила интерпретации индекса представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Интерпретация индекса интенсивности торговли на основе первичных показателей экспорта и мирового импорта в рассматриваемую страну

Сценарии	Экспорт из страны (рост/падение)	Мировой импорт	Интерпретация
Сценарий 1	Рост	Рост	Лучший сценарий
Сценарий 2	Рост	Падение	Понимая, что спрос на импорт на рынках торговых партнеров снижается, страна-экспортер ищет новые рынки сбыта
Сценарий 3	Падение	Рост	Понимая, что спрос на импорт на рынках торговых партнеров растет, страна-экспортер будет пытаться диверсифицировать свою продукцию на уже имеющихся рынках
Сценарий 4	Падение	Падение	Худший сценарий

Важно подчеркнуть, что интерпретация индекса также может зависеть и от того анализируются ли показатели стран в статике или динамике, где конечный показатель индекса в данном случае можно трактовать и как показатель важности страны как торгового партнера, и как силу интенсивности «всплеска» торговой активности в связи с перестройкой торговых цепочек и поиска новых рынков сбыта. В этом случае невысокие показатели развитых стран означают наличие устойчивых торговых связей, которые в рассматриваемый момент времени не подвержены сильным колебаниям и негативным политическим эффектам как санкции, эмбарго на продукцию и т. д. Для этих стран наиболее вероятен сценарий 1 и 4 (рост или снижение без серьезной перестройки торговых цепочек и диверсификации продукции). Результаты расчета индекса интенсивности торговли между Россией и Республикой Беларусь в рамках СГ, а также между Россией, Республикой Беларусь и странами ШОС представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Индекс интенсивности торговли между СГ и странами ШОС

Страны	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
СГ						
Россия–Беларусь	4,97	5,24	4,61	8,1	12,81	15,04
СГ–ШОС						
Россия–КНР	0,31	0,28	0,28	0,39	0,53	0,53
Россия–Индия	0,32	0,41	0,35	1,12	2,00	2,17
Россия–Казахстан	2,72	3,08	2,95	4,28	4,37	5,21
Россия–Киргизия	0,29	0,34	0,34	0,71	0,74	0,90
Россия–Пакистан	0,05	0,13	0,08	0,10	0,19	0,15
Россия–Таджикистан	0,19	0,21	0,20	0,35	0,43	–
Россия–Узбекистан	0,98	1,04	0,97	1,58	1,99	3,60
Беларусь–КНР	0,01	0,01	0,01	0,01	0,02	0,02
Беларусь–Индия	0,03	0,04	0,04	0,02	0,01	0,01
Беларусь–Казахстан	2,01	2,33	2,37	5,68	3,14	3,18
Беларусь–Киргизия	0,67	0,71	0,81	9,05	8,02	6,58
Беларусь–Пакистан	0,12	0,15	0,03	0,01	0,18	0,28
Беларусь–Таджикистан	0,37	0,87	0,04	9,11	10,18	–
Беларусь–Узбекистан	2,09	1,97	2,30	11,94	9,68	8,59

Примечание – Источник: составлено по ITC's Trade Map, официальные периодические издания России и Беларуси. Расчеты за 2022, 2023 и 2024 года производились на основе зеркальной статистики и усредненных показателей на основе данных официальных периодических изданий России и Беларуси.

Как видно из представленных данных начиная с 2022 года произошел значительный «всплеск» торговой активности России и Беларуси с целым рядом стран ШОС. В частности, крайне высокие показатели индекса демонстрируют центральноазиатские страны ШОС и ЕАЭС. Важно подчеркнуть, что несмотря на то, что доля России в общей торговле Беларуси составляет около 70 %, Республике Беларусь удалось значительно нарастить экспорт собственной продукции в страны ЦА, а сама структура экспорта стала более дифференцирована, где наряду с сырьем представлена также несырьевая продукция верхнего передела по ТНВЭД 87.

В условиях процессов фрагментации мировой экономик и наличия существенных ограничений на торговлю с Западными странами Россия и Беларусь крайне заинтересованы в активизации торговли с новыми торговыми партнерами. Проанализировав полученные данные, можно сделать вывод, что с 2022 года идет продолжающаяся структурная трансформация экономического взаимодействия России и Беларуси с новыми торговыми партнерами, где Беларусь и Россия фактически поменялись местами и теперь Россия выступает страной-транзитером для белорусских товаров в страны ЕАЭС и ШОС, равно как и обеспечивает транзит высокотехнологичных товаров из дружественных стран на территорию Беларуси в условиях изменения товаропотоков [6]. Все это обуславливает наличие перспектив для расширения экспорта России и Беларуси в центральноазиатские страны ЕАЭС и ШОС.

На этом фоне переориентация торговых потоков в новые дружественные страны актуализирует взаимодействие России и Беларуси со странами постсоветского пространства как в формате СГ, так и ЕАЭС, и ШОС с позиции их экономического сопряжения, где под сопряжением различных форматов интеграционного взаимодействия в условиях цифровой трансформации национальных экономик понимается как расширение свободных потоков цифровых товаров, цифровых услуг и других высокотехнологичных продуктов, которые способствуют развитию цифровой экономики так и схожесть государственной политики в области регулирования цифровой экономики и цифровизации интеграции.

Ряда инициатив, реализуемых в рамках СГ, включая действующее соглашение об ЭДО между Россией и Республикой Беларусь, функционирование навигационных пломб на территории Союзного Государства с января 2025 года, а также планируемый в 2026 году ввод в эксплуатацию электронной транспортной накладной (e-CMR) [7] обуславливают ускорение цифрового перехода России и Беларуси в сфере таможенного администрирования и торговли на фоне Изменения логистики перевозок Беларуси на альтернативные рынки сбыта, связанные с организацией мультимодальных перевозок пробных партий груза по международному транспортному коридору Беларусь – Россия – Казахстан – Узбекистан – Афганистан – Пакистан: железнодорожным транспортом из Беларуси до станции Термез-Порт Узбекских железных дорог [8] позволяют задействовать транзитный потенциал РФ и стран Центральной Азии, что в свою очередь снижает значение фактора санкционного давления в отношении Беларуси. Изменение логистики грузоперевозок и увеличением взаимной торговли России и Беларуси опосредуют существенный задел к подключению к общим процессам обеих стран, что ведет к снижению издержек для участников внешнеэкономической деятельности.

В этой связи особой актуальностью на наш взгляд представляет исследование перспектив формирования и возможностей расширения ИИС ЕАЭС в сфере налаживания ЭДО с заинтересованными странами ШОС с учетом юридических и технических аспектов, связанных с трансграничной передачей данных, а также разным уровнем развития сопутствующей инфраструктуры в странах ЕАЭС и ШОС, что в свою очередь ограничивает развитие электронного взаимодействия между как внутри ЕАЭС так и с третьими странами. На сегодняшний день за пределами национальных юрисдикций электронное взаимодействие как правило представлено точечными двусторонними проектами, что сохраняет цифровое неравенство стран ЕАЭС в условиях сильной конкуренции иностранных цифровых платформ. Так существующие разработки в сфере трансграничного ЭДО на базе национальных сегментов ИИС ЕАЭС (ГИС ДТС) в основном представлены пилотными проектами по тестированию возможностей национальных систем [9]. В настоящий момент особой актуальностью в рамках СГ и ЕАЭС обладает запуск пилотных проектов по тестированию возможностей ИИС ЕАЭС в сфере ЭДО на базе национальных геоинформационных систем «доверенная третья сторона» (ГИС ДТС) и совместная разработка транспортно-логистической платформы по обмену информацией с заинтересованными странами ШОС, БРИКС, АСЕАН. Этот важный этап реализации цифровой повестки ЕАЭС будет способствовать повышению экономической связанности с новыми торговыми партнерами [10].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Реализация общих процессов в рамках Союза // Евразийская экономическая комиссия. – URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/departament/inftech/op/> (дата обращения 23.09.2025).
2. О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. – URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/368/5597/> (дата обращения 23.09.2025).
3. Белоруссия в 2025 году будет активно заниматься вопросами цифровизации в ЕАЭС // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22005765> (дата обращения 23.09.2025).

4. Первая онлайн-витрина B2G- и B2B-торговли между Россией и Беларусью начала работу // Прогноз.ру. – URL: <https://xn--80aahqcqybgko.xn--p1ai/141/96/40178/40213/83049.html> (дата обращения 23.09.2025).
5. Trade Indicators // World Bank. – URL: https://wits.worldbank.org/wits/wits/witshelp/Content/Utilities/e1.trade_indicators.htm (дата обращения 23.09.2025).
6. Медведев И.В. Внешнеторговое взаимодействие СГ-ЕАЭС-БРИКС // Общество и экономика. – 2024. – № 12. – С.92–102.
7. В 2025 году международная электронная транспортная накладная шагнет на уровень ЕАЭС // Логистика в России. – URL: https://logirus.ru/news/transport/v_2025_godu_mezhdunarodnaya_elektronnaya_transportnaya_nakladnaya_shagnet_na_uroven_eaes.html (дата обращения 08.08.2025).
8. Как изменилась логистика перевозок белорусских грузов // БЕЛТА. – URL: <https://belta.by/economics/view/kak-izmenilas-logistika-perevozok-belorusskih-gruzov-rasskazal-nachalnik-bzhd-729862-2025/> (дата обращения 08.08.2025).
9. Информация по пилотным проектам ДТС // НЦЭУ. – URL: <https://nces.by/pki/other/dts/> (дата обращения 20.08.2025).
10. Вардомский Л.Б. Евразийская интеграция: некоторые итоги и возможные сценарии развития // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 4. – С. 110–124.

УДК 339.97

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫМИ РИСКАМИ БЕЛАРУСИ INTEGRATION RISK MANAGEMENT SYSTEM OF BELARUS

Румянцев Вячеслав Александрович,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
rumyantsev61@mail.ru

Rumiantsau Viachaslau,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье раскрывается необходимость государственного управления интеграционными рисками. Автором сформирована система управления интеграционными рисками в Беларуси и определены ее ключевые элементы: выявление рисков, организация их мониторинга, а также направления управления. Подробно описаны основные интеграционные риски для Беларуси, их сущность и потенциальные последствия в случае возникновения. Кроме того, выделены меры по их предотвращению и минимизации, применяемые на национальном уровне и в рамках региональных объединений, особенно в условиях введения ограничительных мер со стороны недружественных стран. Делается вывод о том, что система управления интеграционными рисками во внешнеэкономической деятельности играет важнейшую роль в обеспечении экономической стабильности и безопасности Беларуси, а также в защите интересов участников внешнеэкономических отношений. Эффективное управление рисками требует комплексного подхода, включающего их своевременное выявление, оценку, контроль и постоянную адаптацию системы к изменяющейся экономической и политической ситуации.

Ключевые слова: Беларусь, интеграционные риски, система управления рисками, мониторинг, меры предотвращения рисков.

Abstract. The article reveals the need for state management of integration risks. The author has formed a system for managing integration risks in Belarus and identified its key elements: identifying risks, organizing their monitoring, as well as management areas. The main integration risks for Belarus, their essence and potential consequences if they arise are described in detail. In addition, measures to prevent and minimize them, applied at the national level and within regional associations, are highlighted, especially in the context of the introduction of restrictive measures by unfriendly countries. It is concluded that the system for managing integration risks in foreign economic activity plays a critical role in ensuring economic stability and security of Belarus, as well as in protecting the interests of participants in foreign economic relations. Effective risk management requires an integrated approach, including their timely identification, assessment, control and constant adaptation of the system to the changing economic and political situation.

Keywords: Belarus, integration risks, risk management system, monitoring, risk prevention measures.

Важнейшим приоритетом внешней политики Республики Беларусь является активное участие в интеграционных объединениях и процессах на постсоветском пространстве. Вместе с тем, участие любого государства в международной региональной интеграции характеризуется не только получением новых возможностей и перспектив для своего экономического развития, но и наличием интеграционных рисков, особенно в условиях политики ограничений, проводимой недружественными странами в отношении одного или нескольких государств – участников регионального объединения.

Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, основного нормативного правового акта, регламентирующего обеспечение безопасности в государстве, к основным национальным интересам государства в экономической сфере наряду с другими отнесено обеспечение внешнеэкономической безопасности, а также взаимовыгодное и недискриминационное экономическое сотрудничество в рамках международных интеграционных объединений [1]. Данные положения указывают на необходимость государственного управления интеграционными рисками.

Современные теории экономической интеграции определяют возросшую роль государства в управлении внешнеэкономической деятельностью по всем направлениям, в том числе и при участии в интеграционных процессах, соответственно и минимизации интеграционных рисков в рамках национальной системы управления внешнеэкономическими рисками. Так, в соответствии с теоретическими положениями в настоящее время с 1990-х гг. под знаком глобализации проходит четвертый этап международной экономической интеграции. Оба рынка – мировой и национальный – становятся одним хозяйственным полем. Национальный рынок превращается во внутреннюю часть глобальных хозяйственных потоков [2].

В государстве основным направлением минимизации рисков экономической интеграции должно быть формирование и функционирование системы управления интеграционными рисками. В Беларуси система управления интеграционными рисками связана преимущественно с участием страны в ЕАЭС и других международных интеграционных объединениях.

Основными элементами системы управления интеграционными рисками являются:

1. Выявление интеграционных рисков.
2. Организация мониторинга рисков.
3. Направления управления:
 - 3.1 на уровне национальной экономики,
 - 3.2 совместные меры на уровне регионального объединения.

Выявление интеграционных рисков – это процесс определения и анализа потенциальных угроз, возникающих в результате взаимодействия между различными экономиками стран – участниц с целью своевременного обнаружения и минимизация негативного воздействия этих рисков на участников интеграционного процесса.

В условиях применения ограничительных мер в отношении Беларуси со стороны недружественных стран наибольшие проблемы для государства представляют следующие интеграционные риски: дезинтеграция, технологическая отсталость и зависимость от глобального нарушения цепей поставок.

Дезинтеграция – это процесс разрушения или ослабления экономических связей между странами или группами стран. Это может проявляться в следующем:

- ограничение возможностей предприятий концентрироваться, что приводит к сокращению масштаба и, как следствие, увеличению затрат на единицу продукции;
- неоптимальное распределение ресурсов благодаря восстановлению торговых барьеров, вследствие чего происходят процессы уменьшения специализации;
- снижение эффективности за счет устранения конкурентов;
- усложнение передачи знаний и технологий;
- проявление неполного использования сравнительных преимуществ – согласно классической теории, если страны показывают различия в области специализации отрасли или извлечения сырья, они также получают взаимные выгоды от торговли, и, устраняя торговые барьеры, можно только способствовать более полной эксплуатации сравнительных преимуществ [3].

Для предотвращения дезинтеграционных процессов в региональном объединении необходимо сосредоточиться на диалоге, сотрудничестве, укреплении доверия и решении спорных вопросов через мирные механизмы.

К государственным мерам, направленным на минимизацию негативных последствий дезинтеграции, относятся:

- наращивание дипломатических усилий посредством ведения переговоров, заключения соглашений, участия в международных организациях;
- применение экономических мер: поддержка экспорта, стимулирование инвестиций, разработка альтернативных рынков и источников поставок, а также меры для смягчения последствий дезинтеграции, такие как предоставление социальной помощи;
- распространение информации о выгодах и рисках внешней дезинтеграции, формирование общественного мнения в поддержку интеграционных процессов.

Технологическая отсталость – это опасность, что государство не сможет эффективно участвовать в мировой экономике и конкурировать из-за отсталости в технологиях, знаниях и инновациях.

Последствиями наступления данного риска являются:

- ухудшение конкурентоспособности;
- усиление зависимости от импорта;
- замедление экономического роста;
- возможность появления социальных проблем.

В условиях санкций меры по снижению технологической отсталости включают в себя следующие направления:

- стимулирование и развитие отечественных инноваций и технологий путем увеличения финансирования научно-исследовательских институтов, поддержки стартапов и малых инновационных предприятий, поощрения сотрудничества между научными организациями и бизнесом, а также создания благоприятной среды для привлечения высококвалифицированных специалистов;
- активное развитие программы импортозамещения с целью замены санкционных поставок отечественными аналогами посредством разработки и внедрения отечественных аналогов импортных товаров и услуг, поддержки отечественных производителей;
- сотрудничество с дружественными странами и регионами с целью получения доступа к передовым технологиям и знаниям;
- развитие цифровизации экономики и переход к более эффективным формам управления;

– трансформация инфраструктуры и логистики, чтобы обеспечить бесперебойную работу и повысить эффективность производственных процессов.

Зависимость от глобального нарушения цепей поставок – это потенциальная опасность для предприятий, которые зависят от импорта или экспорта, вызванной сбоями в процессах транспортировки и поставки товаров.

Последствиями наступления данного риска могут быть:

- остановка производства по причине задержки поставок сырья,
- задержки производства или транспортировки в связи с задержками доставки товаров,
- увеличение транспортных расходов, страховых премий и других затрат,
- потеря потенциальных клиентов вследствие задержки и дефицита товаров,
- потеря репутации производителя ввиду неспособности выполнить обязательства перед клиентами.

В условиях санкций мерами по предотвращению риска зависимости от глобального нарушения цепей поставок могут быть следующие:

- диверсификация поставщиков и рынков сбыта;
- поддержка отечественных производителей;
- развитие инфраструктуры и логистики;
- стимулирование использования валют других стран и развитие внутренних платежных инструментов для обхода санкций, связанных с финансовыми операциями;
- поддержка экспортеров;
- создание механизмов обхода санкций с помощью различных юридических и экономических механизмов;
- проведение активной дипломатической работы;
- разработка и применение новых нормативных актов, позволяющих адаптироваться к новым условиям и обеспечивать устойчивость внешнеэкономических связей;
- информирование бизнеса о санкциях и мерах по их обходу для бизнеса;
- анализ и мониторинг ситуации на рынке на предмет выявления слабых мест и принятия необходимых мер.

Второй элемент системы управления интеграционными рисками – ***организация мониторинга рисков*** – включает в себя:

- оценку последствий интеграции для ключевых секторов экономики государства (промышленность, сельское хозяйство);
- контроль за исполнением обязательств государства в рамках ЕАЭС и других международных интеграционных объединениях;
- анализ возможных санкционных рисков в связи с участием в региональных интеграционных объединениях.

Исследование существующих методологических подходов к организации мониторинга и анализа ключевых рисков экономической интеграции показывает, что для выработки единой концепции оценки рисков экономической интеграции необходимо проводить систематические мониторинговые исследования по значениям показателей. В настоящее время отсутствует установленный набор критериев оценки рисков экономической интеграции. Параметры критериев устанавливаются экспертным методом, что увеличивает степень субъективности в оценке.

Третий элемент системы управления интеграционными рисками – ***направления управления интеграционными рисками*** – включает два направления:

1. *Управление на уровне национальной экономики.*

Правовую основу системы управления интеграционными рисками на уровне национальной экономики в соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь составляют Конституция Республики Беларусь, законы Республики Беларусь, регулирующие внешнеэкономическую деятельность (к примеру, «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» от 14 ноября 2005 г. № 60-3, «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности»

от 25 ноября 2004 г. № 347-3 (ред. от 12.07.2023), «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» от 5 апреля 2016 г. № 124-3 (ред. от 28.02.2018), а также международные договоры Республики Беларусь (например, в 2023 г. Республика Беларусь подписала 72 двусторонних международных договора и 20 многосторонних международных договоров, включая 8 – в рамках СНГ, 11 – в ЕАЭС, 1 – между ЕАЭС и его государствами-членами и третьей стороной (Иран)).

Институциональными механизмами в государстве выступают Совет Министров Республики Беларусь, Министерство экономики Республики Беларусь и Национальный банк Республики Беларусь.

Министерство экономики Республики Беларусь и Национальный банк Республики Беларусь анализируют интеграционные риски.

Совет Министров Республики Беларусь разрабатывает конкретные меры по координации политики в рамках ЕАЭС и других международных интеграционных объединениях, организует и контролирует их реализацию. Эффективным примером работы по данному направлению является создание оперативно-ситуационного штаба при Совете Министров в 2022 г. для минимизации санкционного давления в отношении Беларуси со стороны недружественных стран.

2. *Совместные меры на уровне регионального объединения.* К совместным мерам на уровне регионального объединения относятся:

- создание дополнительных институтов и развитие правовой основы. Дополнительными институтами по управлению интеграционными рисками выступают: в СНГ – рабочая группа для оперативного мониторинга экономической ситуации, в ЕАЭС – рабочая группа высокого уровня по созданию условий для повышения устойчивости экономик, включая обеспечение макроэкономической стабильности. Правовую основу управления интеграционными рисками составляют: в СНГ – Перечень совместных мер реагирования на возникающие проблемы, в ЕАЭС – Перечень мер по повышению устойчивости экономик государств – членов Евразийского экономического союза, включая обеспечение макроэкономической стабильности;

- направления углубления интеграции. В условиях санкций ЕАЭС углубляет интеграцию, акцентируя внимание на развитии следующих направлений:

- развитие взаимной торговли с помощью устранения тарифных и нетарифных барьеров, упрощения таможенных процедур, создания более благоприятных условий для экспорта и импорта между странами-членами;

- укрепление денежно-кредитной и фискальной политики при помощи разработки единой денежно-кредитной и фискальной политики, координации мер по стабилизации валютных курсов и сдерживанию инфляции;

- промышленное сотрудничество через совместные проекты в ключевых отраслях, создание совместных производств, переориентацию промышленного производства на внутренний рынок ЕАЭС, снижение зависимости от импорта;

- инновации и технологическое развитие посредством стимулирования инновационной деятельности, поддержки развития высокотехнологичных отраслей, создания условий для привлечения инвестиций в инновационные проекты;

- сотрудничество в области транспорта путем развития единого транспортного пространства, создания единых транспортных правил, развития инфраструктуры;

- развитие инфраструктуры строительства новых транспортных коридоров, модернизации существующих, развития логистических систем, создания благоприятных условий для перемещения товаров и услуг;

- цифровизация экономики при помощи применения цифровых технологий в различных сферах, создания единого цифрового пространства, развития электронной торговли;

– единый рынок труда через упрощение процедур трудоустройства и перемещения работников между странами-членами, развитие системы профессионального образования и переподготовки;

– развитие сотрудничества в области энергетики путем создания единой энергетической системы, разработки совместных проектов по развитию альтернативных источников энергии;

– культурное и гуманитарное сотрудничество посредством стимулирования обменов между странами, развития образовательных программ, развития туризма.

Специальными дополнительными мерами, направленными на минимизацию последствий наступления рисков, являются:

– в СНГ – реализация Перечня совместных мер реагирования на возникающие проблемы в рамках СНГ, одобренного Протокольным решением Экономического совета Содружества 10 июня 2022 года. Данный Перечень стал рабочим документом, систематически проводится мониторинг выполнения [4]. 23 июня 2023 г. данный Перечень дополнен;

– в Союзном государстве в настоящее время реализуется Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства Беларуси и России «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы». Документ направлен на дальнейшее формирование нормативной правовой базы для развития совместного экономического потенциала и отраслевого взаимодействия в различных сферах, развитие конкретных проектов в сферах промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения, транспорта, образования, статистики, спорта и туризма, научно-технического сотрудничества, в информационном пространстве [5].

Беларусь и Россия в условиях ограничительных мер со стороны недружественных стран активно переходят во взаимной торговле на российские рубли, формируются новые логистические маршруты экспорта белорусской продукции с использованием российской железнодорожной системы и морских портов. Одним из приоритетов в последние годы является адаптация экономик двух стран к ограничительным мерам Запада: реализация программ импортозамещения и снижения зависимости от западных технологий, выполнение крупных инвестиционных проектов, расширение сотрудничества со странами, не поддерживающими санкционную политику в отношении Беларуси и России;

– в ЕАЭС – реализация Перечня мер по повышению устойчивости экономик государств – членов ЕАЭС в сферах таможенно-тарифного регулирования, внутреннего рынка и кооперации, финансовых и валютных рынков, международного экономического сотрудничества. Данный перечень включает 33 меры и охватывает четыре блока: таможенное, таможенно-тарифное и нетарифное регулирование, защитные меры; внутренний рынок и кооперация; финансовые и валютные рынки; международное экономическое сотрудничество с третьими странами и интеграционными объединениями [4]. ЕЭК постоянно работает над расширением перечня мер, направленных на повышение устойчивости экономик государств – членов ЕАЭС и публикует их на сайте ЕАЭС.

Таким образом, система управления интеграционными рисками во внешнеэкономической деятельности в Беларуси является важным инструментом для обеспечения экономической стабильности и безопасности, а также для защиты интересов участников внешнеэкономических отношений. Она требует комплексного подхода, включающего выявление, оценку и управление различными видами рисков, а также постоянный мониторинг и адаптацию системы в зависимости от меняющейся экономической и политической обстановки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция национальной безопасности. Решение Всебелорусского народного собрания 25.04.2024 № 5 // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. – URL: <https://www.prokuratura.gov.by/ru/acts/kontseptsiya-natsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-belarus/> (дата обращения 06.03.2025).
2. Коробейникова С.Г. Международная экономическая интеграция: сущность и эволюция понятия // Веснік БДУ. – Сер. 3. – 2008. – № 1. – С.70–74.
3. Фадеева И.А. Влияние дезинтеграционных процессов на мировую экономику в региональном аспекте // Фундаментальные исследования. – 2023. – № 3. – С 34–38.
4. Румянцев В.А., Гончарик Н.В. Реализация интеграционной политики союзного государства в условиях санкционного давления // Союзное государство в современных экономических и геополитических условиях: вопросы эффективного использования новых возможностей: Сб. науч. трудов международной конференции / Под ред. Л.Б. Вардомского, А.С. Кузавко и при организационно-технической поддержке В.А. Чмыревой. – М.: ИЭ РАН, 2024. – С. 47–54.
5. ВГС утвердил Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/january/76679/> (дата обращения 05.06.2025).

УДК 339.942

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА В ЕАЭС RECOMMENDATIONS FOR IMPROVING THE UNIFIED QUALITY CONTROL SYSTEM IN THE EAEU

Сибирская Альбина Васильевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
kordik2004@mail.ru

Sibirskaya Albina,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье рассматривается необходимость формирования единой системы контроля качества товаров в ЕАЭС в условиях углубления экономической интеграции. Подчеркивается, что стандартизация и сертификация продукции играют ключевую роль в обеспечении доверия между участниками рынка, устраняя торговые барьеры и повышая конкурентоспособности национальных производителей. Отдельно рассматриваются проблемы отсутствия согласованной системы оценки соответствия и контроля качества, что является барьером к полноценному функционированию внутреннего рынка ЕАЭС. В статье также дается краткая оценка существующей в Республике Беларусь системы контроля качества, и подчеркивается необходимость модернизации этой системы с целью повышения конкурентоспособности в условиях глобализации. По результатам исследования предлагаются меры по разработке гибкой модели технического регулирования и акцентируется внимание на важности внедрения новых механизмов аккредитации и управления качеством.

Ключевые слова: качество продукции, безопасность продукции, стандартизация, контроль качества, Таможенный союз.

Abstract. The article discusses the need to form a unified quality control system for goods in the EAEU in the context of deepening economic integration. It is emphasized that standardization and certification of products play a key role in ensuring trust between market participants, eliminating trade barriers and increasing the competitiveness of national producers. The problems of the lack of an agreed system of conformity assessment and quality control, which is a barrier to the full functioning of the EAEU internal market, are considered separately. The article also provides a brief assessment of the existing quality control system in the Republic of Belarus, and highlights the need to modernize this system in order to increase competitiveness in the context of globalization. Based on the results of the study, measures are proposed to develop a flexible model of technical regulation and the importance of introducing new accreditation and quality management mechanisms is emphasized.

Keywords: product quality, product safety, standardization, quality control, Customs Union.

Современная система ЕАЭС, будучи интегрированной в мировую систему технического регулирования и стандартизации (включая принципы ISO), более гибкая, лучше адаптирована к условиям рыночной экономики и международной торговли, а также в большей степени ориентирована на обеспечение безопасности продукции, что является безусловным плюсом. Система аккредитации и подтверждения соответствия создает более прозрачные механизмы оценки соответствия по сравнению с бюрократизированной системой СССР.

В Республике Беларусь до сих пор сохранились элементы советской системы контроля качества, особенно в крупных государственных предприятиях и отраслях, находящихся под прямым влиянием государства. Например, обязательная сертификация продукции, проводимая Республиканским унитарным предприятием «БелГИМ» (главным метрологическим и сертификационным органом), напоминает советскую модель, где контроль за качеством осуществлялся централизованно и административно [2]. Также сохраняется значительная доля государственного влияния на процессы стандартизации. Вместе с тем, вводятся и новые механизмы, такие как аккредитация частных лабораторий, использование систем менеджмента качества, внедрение программ повышения конкурентоспособности, что указывает на постепенный переход к более рыночной парадигме.

В соответствии с Положением о Государственном комитете по стандартизации Республики Беларусь в Беларуси функционирует мощная государственная система стандартизации, метрологии, оценки соответствия и государственного надзора, возглавляемая Государственным комитетом по стандартизации Республики Беларусь (Госстандарт), который является правопреемником Госстандарта СССР на территории страны.

В Республике Беларусь активно применяются межгосударственные стандарты (ГОСТ), разработанные на основе советских ГОСТов и актуализированные, а также национальные стандарты СТБ. Система технического нормирования и стандартизации в значительной степени опирается на принципы, заложенные в советское время, хотя и гармонизируется с требованиями технических регламентов ЕАЭС и международными стандартами. Государственный надзор за соблюдением технических регламентов и стандартов, а также за средствами измерений, осуществляется подразделениями Госстандарта и других уполномоченных органов, что по своей сути является продолжением функций государственного контроля, присущих системе СССР.

Для совершенствования единой системы контроля качества в ЕАЭС необходимо провести ряд мер, направленных на модернизацию и повышение её конкурентоспособности в условиях глобализированной экономики:

Развитие гибкой модели технического регулирования. Следует сочетать обязательное применение технических регламентов в сфере безопасности и здоровья населения с возможностью добровольного применения стандартов, соответствующих международным

нормам ISO/IEC, что позволит повысить уровень доверия к продукции внутри Союза и на внешних рынках.

1. Рекомендации технического характера.

1.1. *Автоматизация процессов контроля.* Предлагается внедрить системы автоматизации для контроля качества на всех этапах производственного процесса, включая использование IoT-устройств для мониторинга состояния продукции в реальном времени, что позволит оперативно выявлять несоответствия и предотвращать их дальнейшее распространение.

Необходимо развивать цифровую инфраструктуру в области контроля качества: внедрить блокчейн-технологии для отслеживания происхождения и состояния товаров, использовать big data и искусственный интеллект для прогнозирования рисков, автоматизации проверок и анализа потребительского поведения, что сделает систему более прозрачной и оперативной. Это повысит объективность процедур оценки соответствия и снизит риск коррупционных проявлений.

1.2. *Разработка единой информационной платформы,* которая будет интегрировать данные о сертификации, испытаниях и рыночном надзоре, позволит обеспечить прозрачность и доступность информации для всех участников рынка, что, в свою очередь, повысит доверие к системе контроля качества.

1.3. *Гармонизация национальных стандартов.* Необходимо провести работу по гармонизации национальных стандартов стран ЕАЭС с международными нормами, особенно в критически важных отраслях.

1.4. *Установление механизмов обратной связи* между производителями, потребителями и контролирующими органами позволит оперативно реагировать на выявленные проблемы и недостатки в системе контроля качества, что будет способствовать её постоянному совершенствованию.

1.5. *Укрепление независимых органов сертификации.* Рекомендуются создать условия для развития независимых органов сертификации через государственно-частное партнёрство, что позволит повысить объективность и прозрачность процедур оценки соответствия, а также снизить риски коррупционных проявлений.

2. Рекомендации институционального и экономического характера.

2.1. *Разработка образовательных программ* в целях повышения квалификации специалистов в области контроля качества, что позволит обеспечить высокий уровень компетенции работников и улучшить качество проводимых проверок и сертификаций.

2.2. *Углубление международной интеграции системы контроля качества ЕАЭС.* Расширение соглашений о взаимном признании результатов испытаний и сертификаций с европейскими, азиатскими и американскими партнёрами повысит международное доверие к евразийским сертификатам.

2.3. *Поддержка малого и среднего бизнеса.* Внедрение специализированных центров помощи производителям, предоставляющих информацию, обучение и финансовую поддержку в вопросах сертификации и соответствия стандартам, а также упрощение процедур оценки соответствия для малых предприятий.

2.4. *Усиление функций рыночного надзора.* Создание единой информационной платформы для мониторинга случаев несоответствия продукции, быстрого отзыва некачественных товаров и координации действий национальных органов в этой сфере.

2.5. *Усиление роли независимых органов по сертификации и испытательных лабораторий.* Создание условий для их развития в рамках государственно-частного партнёрства повысит объективность процедур оценки соответствия и снизит риск коррупционных проявлений.

2.6. *Гармонизация стандартов.* Проведение работы по гармонизации национальных стандартов стран ЕАЭС с международными нормами позволит упростить процессы сертификации и снизить барьеры для торговли.

Таким образом, успешная модернизация единой системы контроля качества в ЕАЭС возможна лишь при условии комплексного подхода, включающего нормативно-правовые изменения, развитие инфраструктуры аккредитации, внедрение современных технологий, усиление международного сотрудничества и поддержку малого бизнеса, что позволит сделать продукцию стран Союза более качественной, безопасной и признанной как внутри региона, так и на глобальных рынках.

Для внедрения эффективной системы контроля качества в рамках Технических регламентов ЕАЭС необходимо разработать модель единых требований к маркировке и сертификации товаров, которая обеспечит прозрачность и доверие между участниками рынка. Эта модель будет включать следующие ключевые элементы:

1. Единые стандарты маркировки:

- Все товары должны иметь четкую и понятную маркировку, которая включает информацию о производителе, стране происхождения, дате производства, сроке годности, условиях хранения и использования.

- Использование единого знака соответствия «EAEC Mark» для сертифицированной продукции, что будет способствовать узнаваемости и доверию потребителей.

- Интеграция международных стандартов ISO/IEC/GOST. Национальные стандарты стран ЕАЭС должны быть гармонизированы с международными стандартами (ISO, IEC) и межгосударственными стандартами (ГОСТ). Это позволит повысить признание продукции за пределами ЕАЭС и снизить затраты производителей на повторную сертификацию.

- Цифровизация маркировки и системы контроля. Использование цифровой маркировки (QR-коды, RFID-метки) и интеграция с блокчейн-технологиями для отслеживания происхождения товаров и их соответствия установленным требованиям. Это повысит прозрачность цепочек поставок и облегчит рыночный надзор.

- Единая информационная система сертификации ЕАЭС (EACIS). Создание централизованной платформы, в которой будут храниться данные о сертификатах соответствия, аккредитованных органах, результатах испытаний и отзывах на некачественную продукцию. Платформа должна быть доступна всем участникам рынка, включая производителей, потребителей и контролирующие органы.

2. Упрощенные процедуры для малого и среднего бизнеса:

- Разработка упрощенных процедур сертификации для малых и средних предприятий, чтобы снизить административные барьеры и способствовать их участию в системе.

- Государственно-частное партнёрство в сфере сертификации. Развитие независимых органов по сертификации и лабораторий через государственно-частное сотрудничество, что повысит объективность процедур и снизит риск коррупционных схем.

3. Механизмы контроля и мониторинга:

- Внедрение регулярных проверок и инспекций на производственных предприятиях для контроля за соблюдением стандартов качества.

- Создание системы обратной связи от потребителей для выявления проблем с качеством продукции и оперативного реагирования на них.

4. Обучение и поддержка:

- Проведение обучающих программ для производителей о требованиях к маркировке и сертификации, а также о лучших практиках в области контроля качества.

Для повышения эффективности и ускорения обращения товаров на рынке ЕАЭС необходимо внедрить механизмы взаимного признания результатов сертификации, аналогичные тем, которые действуют в ЕС (CE mark), ЭКОВАС и других региональных объединениях [3, 4, 5].

1. *Создание Единой системы взаимного признания сертификатов (ESMR–ЕАЕС).* В рамках ЕАЭС следует разработать и утвердить соглашение о взаимном признании сертификатов соответствия, выданных аккредитованными органами в странах Союза. Это позволит избежать дублирования процедур и снизить административные барьеры для производителей.

2. *Единая база аккредитованных органов и лабораторий.* Создание общего реестра аккредитованных органов по сертификации и испытательных лабораторий, признаваемых во всех странах ЕАЭС. Это обеспечит доверие к результатам проверок и сократит время выхода продукции на рынок.

3. *Принцип «Одна проверка – один сертификат».* Внедрение принципа, согласно которому сертификат, выданный в одной стране ЕАЭС, должен автоматически признаваться в остальных странах Союза без дополнительных проверок, если они проведены в рамках единых процедур и стандартов.

4. *Участие в международных системах взаимного признания (MRA).* Страны ЕАЭС должны активнее участвовать в международных соглашениях о взаимном признании результатов сертификации, таких как ILAC, IAF, чтобы повысить международное доверие к евразийским сертификатам.

5. *Гибкие переходные режимы для новых участников.* Для стран, которые только начинают формировать свою систему сертификации, предусматриваются переходные режимы, включающие обучение персонала, передачу технологий и временное признание сертификатов, выданных в других странах ЕАЭС.

6. *Цифровые решения и автоматизация.* Внедрение цифровых платформ для автоматизации процессов обмена данными о сертификатах, проверки подлинности документов и анализа рисков. Это повысит оперативность и прозрачность процедур.

7. *Обучение и стандартизация экспертизы.* Регулярное проведение совместных программ обучения экспертов, аудиторов и инспекторов, направленных на унификацию подходов к оценке соответствия и применению единых методик.

Для успешной реализации единых стандартов контроля качества в ЕАЭС предлагается стратегия постепенной гармонизации, начиная с ключевых отраслей: пищевая промышленность, машиностроение, фармацевтика и сельское хозяйство. Эту стратегию можно представить в виде алгоритма, состоящего из нескольких этапов:

Этап 1. Подготовительный:

- Формирование рабочих групп по каждой отрасли, включающих представителей государственных органов, научных учреждений, бизнеса и общественных организаций от каждой страны.

- Анализ текущего состояния системы контроля качества в каждой стране по определенным ранее отраслям.

- Определение приоритетных продуктов для дальнейшей проработки (например, молочные продукты, тракторы, лекарственные средства, зерно).

- Разработка методологических рекомендаций по унификации процедур контроля качества.

Этап 2. Разработка конкретных проектов:

- Разработка и внедрение первоначальных среднесрочных программ по выбранным отраслям с участием всех согласных стран-членов ЕАЭС.

- Обновление национальных законодательств в соответствии с новыми требованиями.

- Создание регионального центра компетенций по контролю качества, который будет координировать деятельность национальных органов и оказывать техническую поддержку.

- Создание совместных испытательных лабораторий, аккредитованных по международным стандартам.

- Внедрение единой маркировки и сертификации на основе технических регламентов ЕАЭС, применение единого логотипа – знака качества ЕАЭС.

- Автоматизация контрольных процедур с использованием цифровых решений (например: блокчейн, IoT, big data).

- Проведение мониторинга и сбор обратной связи от участников целевых рынков.

- Укрепление международного сотрудничества, в том числе участие в международных системах аккредитации и сертификации.

Этап 3. Полноценное функционирование системы:

- Полная гармонизация процедур контроля качества по всем отраслям и странам ЕАЭС.
- Высокий уровень доверия к продукции ЕАЭС как внутри союза, так и на внешних рынках.
- Интеграция в глобальные системы стандартизации и сертификации.
- Регулярное обновление стандартов в соответствии с технологическими изменениями и потребительскими запросами.

Эта стратегия позволит создать эффективную и адаптивную систему контроля качества, соответствующую современным требованиям и стандартам, способствуя интеграции стран ЕАЭС в глобальную экономику.

Таким образом, формирование единой системы контроля качества товаров в рамках ЕАЭС представляет собой сложный, многоуровневый процесс, требующий интеграции нормативно-правовых, технических и институциональных мер, основанных как на историческом опыте Советского Союза, так и на современных практиках таких региональных объединений, как Европейский союз, ВТО, ECOWAS и др.

Анализ показал, что система стандартизации и сертификации СССР, основанная на обязательности ГОСТов и централизованном контроле, обеспечивала высокую степень унификации продукции и технологий, однако в условиях рыночной экономики она оказалась недостаточно гибкой и адаптивной к изменяющимся потребностям производителей и потребителей. Современные же модели, такие как CE marking в ЕС, например, демонстрируют эффективность за счет сочетания добровольного применения стандартов, прозрачности процедур и развитой инфраструктуры аккредитации, что позволяет не только обеспечивать безопасность продукции, но и способствовать её конкурентоспособности на международных рынках.

Вместе с тем, анализ текущего состояния системы контроля качества в ЕАЭС выявляет существенные дисбалансы: ограниченное использование цифровых технологий, недостаточную прозрачность процедур и разобщенность национальных систем сертификации, что в свою очередь создает административные барьеры для свободного движения товаров внутри Союза и снижает доверие к продукции стран-участниц за пределами ЕАЭС. Предложенные в работе механизмы взаимного признания сертификатов, основанные на принципах «один сертификат – доступ ко всем рынкам» и интеграции аккредитованных органов в единую информационную систему, позволят значительно повысить эффективность процедуры подтверждения соответствия и снизить издержки производителей. Особое внимание уделено разработке модели единых требований к маркировке и сертификации товаров с внедрением знака соответствия ЕАЕС Mark, который должен стать символом безопасности и качества продукции, выпускаемой в рамках ЕАЭС.

Кроме того, предложенная стратегия постепенной гармонизации процедур контроля качества через реализацию пилотных проектов в ключевых отраслях – пищевой промышленности, машиностроении, фармацевтике и сельском хозяйстве – является реалистичным и последовательным подходом, позволяющим минимизировать риски трансформации и обеспечить устойчивое развитие региональной системы стандартизации. Опыт пилотирования позволит не только тестировать новые нормы и процедуры, но и формировать лучшие практики, которые затем могут быть масштабированы на другие отрасли и страны. Интеграция цифровых решений – таких как блокчейн, IoT и автоматизированные платформы для обмена данными – будет играть ключевую роль в повышении прозрачности, оперативности и надежности контрольных механизмов.

Модернизация системы контроля качества в ЕАЭС возможна лишь при условии комплексного подхода, предусматривающего гармонизацию национальных стандартов с международными нормами, развитие инфраструктуры аккредитации, усиление функций рыночного надзора, внедрение цифровых технологий и активное участие всех заинтересованных сторон – от государственных регуляторов до представителей бизнеса и научного сообщества. Реализация предложенных рекомендаций обеспечит не только

укрепление внутреннего рынка ЕАЭС, но и повышение конкурентоспособности его продукции на глобальной арене, что в конечном итоге будет способствовать устойчивому экономическому росту и углублению интеграционных процессов в евразийском пространстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Раздел IX «Техническое регулирование».
2. Положение о Государственном комитете по стандартизации Республики Беларусь. Утверждено Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 июля 2006 г. № 981.
3. Ключевые игроки в европейской стандартизации // Официальный сайт Европейской комиссии. – 2025. – URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/single-market/european-standards/key-players-european-standardisation_en (дата обращения 23.06.2025).
4. Комитет по техническим барьерам в торговле // WTO. – 2025. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/tbt_e/tbt_com_e.htm. (дата обращения 23.06.2025).
5. Общая промышленная политика Западной Африки (WACIP) // Система торговой информации ЭКОВАС. – 2025. – URL: https://ecotis.ecowas.int/?page_id=26321 (дата обращения 23.06.2025).

УДК 339.924, 339.94, 327.8

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ СОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАЗВИТИЮ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА INTERNATIONAL DEVELOPMENT ASSISTANCE POLICY AS AN INSTRUMENT FOR ENSURING THE FOREIGN ECONOMIC SECURITY OF THE STATE

Сулейков Андрей Александрович,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
suleykov@bk.ru

Suleikau Andrei,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. Статья посвящена анализу потенциала инструментов содействия международному развитию (СМР) и официальной помощи развитию (ОПР) в митигации политических рисков внешнеэкономической деятельности. Автор систематизирует ключевые категории политических рисков, включая инвестиционную турбулентность, социально-политическую нестабильность и коррупционное давление. Рассматриваются механизмы их снижения через такие эффекты СМР, как проходческой, институционально-трансферный и сигнальный. В работе противопоставляются два доминирующих подхода к оказанию помощи – «американо-европейский», ориентированный на институциональные преобразования, и подход т.н. «Мирового большинства», нацеленный на прямые экономические результаты. Основное внимание уделено специфике политики СМР/ОПР Республики Беларусь, которая реализуется в рамках кредитно-финансовой поддержки, технического содействия и подготовки кадров. Отмечается, что данный подход ориентирован на реализацию конкретных проектов, способствующих укреплению

партнерских отношений и достижению взаимовыгодных экономических результатов в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: «мягкая сила», содействие международному развитию, официальная помощь развитию, техническая помощь, внешнеэкономическая деятельность, национальная безопасность.

Abstract. This article analyzes the potential of international development assistance (IDA) and official development assistance (ODA) instruments to mitigate political risks in foreign economic activity. The author systematizes key categories of political risks, including investment turbulence, socio-political instability, and corruption pressure. Mechanisms for mitigating these risks through IDA's development, institutional transfer, and signaling effects are examined. The paper contrasts two dominant approaches to aid: the "American-European" approach, focused on institutional transformation, and the "Global Majority" approach, focused on direct economic results. The article focuses on the specific features of the IDA/ODA policy of the Republic of Belarus, which is implemented through credit and financial support, technical assistance, and personnel training. It is noted that this approach is focused on the implementation of specific projects that contribute to strengthening partnerships and achieving mutually beneficial economic results in the medium term.

Keywords: "soft power", international development assistance, official development assistance, technical assistance, foreign economic activity, national security.

Несмотря на то, что политика в области содействия международному развитию, а также предоставление официальной помощи развитию (далее – СМР/ОПР) чаще всего рассматривается с сугубо экономической и дипломатической точек зрения, значительное внимание специалистами в этой сфере уделяется и роли, которую инструменты СМР могут играть в митигации политических рисков внешнеэкономической деятельности.

К наиболее значимым политическим рискам внешнеэкономической деятельности, снижение которых возможно посредством использования инструментов политики СМР, в научной литературе относятся [1]:

1. Инвестиционная турбулентность. Под этим условным наименованием подразумеваются все риски, связанные с прерыванием, приостановлением, нарушением условий инвестиционных и иных внешнеэкономических соглашений. В целом можно сказать, что данная категория рисков прямо подразумевает весь объем рисков, обусловленный политическими решениями государственной администрации, связанными как с самостоятельной сменой внешнеполитического курса, внешне- и внутриэкономической стратегии государства, так и теми же действиями, вызванными трансформацией состава государственной администрации.

2. Социально-политическая нестабильность. Эта категория рисков прямо включает в себя весь перечень рисков, обусловленных нестабильностью и неустойчивостью социально-политической системы: терроризм, масштабная организованная преступность, ведение боевых действий, гражданские вооруженные противостояния, протестные выступления (в том числе, и «цветные революции»).

3. Коррупционное давление. Данная категория включает в себя все риски, обусловленные значимым воздействием коррупционной составляющей на работу органов исполнительной власти в целевом государстве воздействия. Речь идет как о росте расходов и затрат на реализацию проектов, издержек субъектов внешнеэкономической деятельности, так и об определенном снижении динамики и темпов сотрудничества, реализации проектов, вызванных заинтересованными внутренними и внешними группами давления.

Митигация подобного рода рисков осуществляется посредством нескольких эффектов, продуцируемых инструментами СМР. Среди таких эффектов т. н. «проходческий эффект» (англ. "vanguard effect"), информационно-институциональный эффект как частный аспект проходческого эффекта, а также сигнальный эффект (англ. "signal effect") [1].

Проходческий эффект реализуется посредством трех основных каналов воздействия. Во-первых, государственные органы или организации-агенты при оказании СМР/ОПР получают в свое распоряжение эксклюзивную информацию о различных аспектах функционирования государственных органов и экономических институтов, деятельности субъектов экономики и акторов политического поля. Частные субъекты ВЭД при входе на рынок целевого государства получают доступ к данной информации, а также экспертную поддержку со стороны государства-источника.

Во-вторых, значимую роль играет механизм *институционального трансфера* [2]. Сущность указанного механизма обусловлена несколькими параллельными процессами, протекающими при реализации политики СМР. Институциональный трансфер может осуществляться в направлении выстраивания стабильных институтов взаимодействия государства-источника с государством-получателем помощи (различного рода переговорные площадки, форматы взаимодействия представителей предпринимательского сообщества в целях координации их деятельности и в интересах достижения официальных целей политики СМР). Также институциональный трансфер может быть обусловлен прямым предъявлением требований со стороны источника помощи государству-получателю в качестве одного из условий ее предоставления. Роль третьего направления институционального трансфера играет «административная мода» как один из видов «мягкой силы» и «дискурсивной силы». Эффект «административной моды» может быть обусловлен двумя ключевыми факторами: а) внешним образом эффективности менеджериальной модели, продвигаемой государством-источником помощи; б) прагматическими соображениями по имплементации управленческих практик с целью увеличения вероятности получения доступа к взаимодействию с зарубежными партнерами. В первом случае субъекты экономики государства-получателя помощи начинают воспринимать эффективность управленческих практик, продвигаемых государством-источником и используемых субъектами его экономики как аксиому. Во втором случае субъекты экономики, органы власти государства-реципиента помощи рассматривают сотрудничество с субъектами ВЭД государства-источника помощи как источник получения финансово-экономических ресурсов, регуляторных и тарифных преференций, в силу чего адаптация менеджериальной системы под стандарты, принятые государством-источником помощи, становится одним из ключевых факторов привлечения ПИИ, повышения вероятности осуществления инвестиционных проектов и вовлечения местных субъектов экономики в реализацию инвестиционных проектов.

Сигнальный эффект обуславливается тем, что сам факт предоставления СМР/ОПР может служить сигналом для субъектов ВЭД в целом и представителей предпринимательского сообщества в частности, о надежности, инвестиционной привлекательности государства-получателя помощи. Сигнальный эффект возникает на основании того, что:

- а) в отношении государства-получателя проведена многофакторная проверка и произведена оценка соответствующих рисков;
- б) государство-получатель помощи представляет инвестиционный интерес;
- в) социально-политическая и экономическая системы характеризуются определенной степенью стабильности в среднесрочной перспективе.

Тем не менее, сам эффект характеризуется определенной двойственностью природы своего воздействия: субъективно данный эффект может восприниматься организациями, участвующими в ВЭД и как сигнал о стабильности и надежности, и как сигнал о нестабильности. Последнее обусловлено тем, что в случае геополитической обусловленности выделения ОПР ее предоставление может служить индикатором неустойчивости и потенциальной нестабильности государства-получателя.

В практике оказания ОПР выделяют два доминирующих подхода: подход «традиционных источников» (условный «американо-европейский») и «новых источников» (условный подход стран «Мирового большинства») [3]. Характерными чертами

первого подхода являются акцент на внедрении государством-получателем помощи институтов и практик, соответствующих условным западноевропейским стандартам; декларируемая строгая подотчетность и регулярные проверки-ревизии; диверсификация инструментов оказания помощи (бюджетное субсидирование, техническая помощь, экспертное сопровождение преобразований). Второй подход характеризуется опорой на принципы невмешательства, акцентом на связанных видах предоставляемой помощи, ориентацией на краткосрочные по срокам реализации проекты в области инфраструктуры и логистики.

Таким образом, «американо-европейский» подход базируется на аспекте институционального-трансфера в странах-получателях помощи, используя помощь развитию как инструмент расширения своего непрямого влияния в целевом государстве. Подход «Мирового большинства» ставит в качестве ключевого показателя эффективности помощи прямые экономические эффекты, опираясь на предоставление связанных финансовых средств и кредитных продуктов. Второй подход опирается на компенсационный (финансовые средства в качестве средства компенсации возникающих по итогу входа на национальные рынки внешних игроков дисбалансов), синергетический (усиление связанности источника и получателя помощи в силу реализации инфраструктурных проектов) и редистрибутивный (поддержка социальной стабильности государства-получателя помощи посредством сглаживания социальных противоречий посредством помощи уязвимым группам населения) эффекты СМР.

Во многом такие же черты могут быть обнаружены в политике СМР стран постсоветского пространства. Несмотря на то, что крупнейшим источником средств в области СМР в указанном регионе выступает Российская Федерация, остальные государства ЕАЭС и СНГ вовлечены в деятельность в этой сфере.

Республика Беларусь в некоторой степени также использует политику в области СМР/ОПР в качестве инструмента реализации своих внешнеэкономических интересов. Определенные объективные ресурсные ограничения не позволяют, по состоянию на текущий момент, белорусской стороне реализовывать в этой области проекты, сопоставимые по своей амбициозности с проектами, осуществляемыми признанными лидерами данной сферы.

Видится возможным выделить три ключевые направления деятельности Республики Беларусь в области СМР/ОПР:

1. *Кредитно-финансовая поддержка государств, состоящих в партнерских торгово-экономических отношениях с Республикой Беларусь.* Данное направление, в основном, представлено работой ОАО «Банк развития», который активно разрабатывает новые и адаптирует существующие финансовые продукты, направленные на субъекты и резидентов таких партнерских государств, налаживает горизонтальные связи с банками развития регионов, в которых располагаются такие государства. Так, «Банк развития» представлен в капитале Банка развития и торговли Африки, который, в свою очередь является финансовым подразделением Общего рынка Восточной и Южной Африки (англ. COMESA), а в 2019 году белорусской стороной был увеличен вдвое кредитный лимит для данной структуры [4]. При этом финансовые продукты подразумевают предоставление связанных средств, предназначенных на приобретение продукции белорусских предприятий. В 2019 году «Банком развития» с Банком развития Западной Африки было подписано соглашение о финансировании экспорта продукции белорусской экономики на сумму в 50 млн евро [5].

Частично к этому направлению относится также участие Республики Беларусь в международных, а также многосторонних институтах содействия развитию. Одним из таких институтов, ключевым для территории постсоветского пространства, возможно считать Евразийский банк развития (далее – ЕАБР). В число его участников входят все государства-члены ЕАЭС, банк финансирует ряд крупных проектов как энергетического и инфраструктурного (реконструкция Алматинской ТЭЦ-3), так и образовательного характера [6]. Особенно следует отметить предоставление невозвратных кредитных линий, нацеленных на стимулирование развития малого и среднего бизнеса. Более того, ЕАБР ведет активную деятельность по привлечению финансирования из третьих стран, не являющихся членами

ЕАЭС и участниками ЕАБР, но заинтересованных в устойчивом развитии региона (в частности, КНР).

Однако это направление деятельности само по себе может рассматриваться и как элемент политики в области СМР/ОПР, и как частное проявление торгово-экономического сотрудничества, а также как элемент процесса углубления экономической интеграции (в случае с ЕАБР).

2. *Техническая помощь и содействие.* Данное направление включает в себя как реализацию крупных экономических проектов в государствах-партнерах Республики Беларусь, поставку технической продукции белорусских предприятий (в частности, сельскохозяйственной техники), так и участие белорусской стороны в крупных экономических проектах, реализуемых иностранными организациями в рамках ОПР/СМР, на подрядной/субподрядной основе. При этом работа в этом направлении тесно связана с реализацией мер кредитно-финансовой поддержки, указанных в предыдущем пункте. Так, возможным в качестве заметных примеров деятельности в этом направлении привести проекты, по сооружению различных производств белорусской сельскохозяйственной техники в Венесуэле, Нигерии и Зимбабве. На рубеже 2000–2010-х гг. на территории Венесуэлы были развернуты предприятия по сборочному производству белорусской сельскохозяйственной техники, задачей которых было удовлетворение спроса венесуэльской стороны на белорусскую сельскохозяйственную технику. Тем не менее само сотрудничество в аграрной области сопровождалось активной деятельностью белорусских организаций, специализирующихся на жилищном и промышленном строительстве (в первую очередь, ЗАО «Белзарубежстрой»). На фоне возведения жилых микрорайонов по типовым проектам особо выделяется строительство агрогородков по белорусскому образцу, которые должны были стать частью крупных агропромышленных комплексов [7]. Фактически, на примере действий белорусской стороны в Венесуэле можно говорить не только о техническом содействии, но и о трансфере компетенций и менеджериального опыта. Тем не менее, характеризовать белорусско-венесуэльское взаимодействие как кейс СМР/ОПР возможно лишь с определенным допущением, поскольку перечисленные проекты финансировались в значительной степени венесуэльской стороной, а вовлеченность белорусских организаций в осуществление таких проектов играла роль вклада Республики Беларусь во взаимовыгодное сотрудничество. Примеры Нигерии и Зимбабве более близки к классическому СМР/ОПР, поскольку ряд сделок как по поставке техники, так и строительству совместных предприятий финансируется посредством выделяемых, в том числе и белорусской стороной, связанных финансовых средств.

Еще одним примером подобной деятельности может служить участие белорусских специалистов, организаций-резидентов Республики Беларусь, участвовавших в сооружении Белорусской атомной станции, в осуществлении иных проектов Госкорпорации «Росатом». Среди таких проектов – сооружение АЭС «Аккую» (Турция) и АЭС «Эль-Дабаа» (Египет) [8]. Хотя конкретно эта сфера лишь с определенной степенью допущения может быть отнесена к области СМР, она демонстрирует определенный компетентностный потенциал переориентации политики в этой сфере: если машиностроение, производство сельскохозяйственной техники представляет собой традиционную (со времен индустриализации и послевоенной реиндустриализации) для белорусской экономики отрасль, отличающуюся высокой степенью конкуренции, то атомная энергетика выступает в роли своеобразного «чистого поля» для действий. Россия, представленная на рынке «Росатомом», является признанным лидером отрасли и претендует на обретение статуса, с некоторыми ограничениями, фактического монополиста. В силу ряда причин, в отличие от остальных крупных игроков рынка технологий «мирного атома» и атомной энергетики (Westinghouse, Hitachi), «Росатом» имеет организационные и технологические ресурсы для реализации проектов полного цикла, что является значимым конкурентным преимуществом. Белорусская сторона, прямо или опосредованно участвуя в подобных проектах, получает доступ к ключевым компетенциям, совместимым со значительным числом атомно-энергетических проектов в регионе.

3. Подготовка и обучение кадров, а также безвозмездная гуманитарная помощь.

Таким образом, белорусская политика в области СМР/ОПР характеризуется такими отличительными чертами, как опора на связанные финансовые средства, ориентация на реализацию конкретных проектов, получение конкретного и ощутимого экономического результата в краткосрочной перспективе, расчет на длительные политические эффекты (укрепление партнерских отношений, достижение определенного уровня взаимного доверия). Фактически видится возможным говорить о том, что белорусская политика в сфере СМР/ОПР в полной мере следует паттерну деятельности в этой области, применяемому государствами «Мирового большинства».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Development assistance: approaches and key issues // ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/307905974_Development_assistance_approaches_and_key_issues (дата обращения 10.09.2025).
2. Фролов Д.П. Трансплантация экономических институтов: расширенная теория // Вопросы экономики. – 2021. – № 9. – С. 69–108.
3. Гомбоин З.Э. Официальная помощь КНР развивающимся странам как инструмент защиты инвестиций китайских компаний от политических рисков // Проблемы Дальнего Востока. – 2023. – Выпуск №6. – С. 48–58.
4. Банк развития удвоит кредитный лимит TDB для финансирования белорусского экспорта в Африку // Официальный сайт Республики Беларусь. – URL: https://www.belarus.by/ru/business/business-news/bank-razvitija-udvoit-kreditnyj-limit-tdb-dlja-finansirovaniya-belorusskogo-eksporta-v-afriku_i_102864.html (дата обращения 10.09.2025).
5. 50 миллионов евро для финансирования белорусского экспорта в страны региона Западной Африки предусматривает новая кредитная линия Банка развития // Банк Развития. – URL: <https://brrb.by/about/press/news/50-millionov-evro-dlya-finansirovaniya-belorusskogo-eksporta-v-strany-regiona-zapadnoy-afriki-predus/> (дата обращения 10.09.2025).
6. Реконструкция Алматинской ТЭЦ-3 на базе ПГУ с увеличением мощности до 500 мВт // Евразийский Банк Развития. – URL: <https://eabr.org/projects/in-process/rekonstruktsiya-almatinskoy-tets-3-na-baze-pgu-s-uvlicheniem-moshchnosti-do-500-mvt/> (дата обращения 10.09.2025).
7. ...И четыре агрогородка // Беларусь сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/-i-chetyre-agrogorodka.html> (дата обращения 10.09.2025).
8. Белорусские компании и «Росатом» ведут проработку 40 проектов в энергетике // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20240604/proekty-1950498125.html> (дата обращения 10.09.2025).

УДК 339.9

ОБЗОР ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ РИСКОВ ПРИ ВЕДЕНИИ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СО СТРАНАМИ АЗИИ REVIEW OF POLITICAL AND ECONOMIC RISKS IN CONDUCTING FOREIGN TRADE WITH ASIAN COUNTRIES

Тавгенъ Екатерина Олеговна,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
katetavgen@mail.ru

Аннотация. В статье представлен обзор политических и экономических условий, оказывающих влияние на эффективность ведения внешнеторговой и инвестиционной деятельности со странами Азии. Учитывая статус региона в качестве ключевого глобального центра производства и потребления, отмечается актуальность освоения данного рынка белорусскими экспортерами. Выявлен ряд рисков, сопутствующих развитию экономического сотрудничества, при этом акцент сделан на субрегиональном уровне ввиду фрагментированного характера азиатской политической и деловой среды. В частности, речь идет о таких политических рисках, как нестабильность государственного устройства, влекущая за собой изменение экономической политики, проблемы с обеспечением личной безопасности в странах пребывания, а также неэффективность государственных институтов, выражающаяся в распространении коррупции и усложнении бюрократических процедур. К наиболее распространенным экономическим рискам отнесены сохраняющиеся макроэкономические дисбалансы и демографические диспропорции, негативно отражающиеся на уровне платежеспособного спроса на целевых рынках сбыта.

Ключевые слова: Азия, политические риски, экономические риски, внешнеторговая деятельность, рынок.

Abstract. The article contains the overview of the political and economic conditions that influence the effectiveness of foreign trade and investment ties with Asian countries. Taking into account the region's status as a key global production and consumption center, the importance of entering this market for Belarusian exporters is emphasized. A number of risks associated with the development of economic cooperation are identified, with an emphasis on the subregional level due to the fragmented nature of the Asian political and business environment. Specifically, this article addresses political risks such as government instability, which leads to changes in economic policy, personal insecurity in host countries, and the ineffectiveness of public institutions, represented by corruption and complex bureaucracy. The most common economic risks include persistent macroeconomic imbalances and demographic disparities, which negatively impact the level of effective demand in target markets.

Keywords: Asia, political risks, economic risks, foreign trade, market.

Мировой экономический, финансовый, производственный и технологический центр смещается на Восток, в основном в Китай и динамично развивающиеся страны Юго-Восточной Азии. По оценкам экспертов, Азия обеспечила 52 % роста мирового ВВП в период с 2010 по 2020 г. [1]. За последние два десятилетия на ее долю также пришлось 59 % роста мировой торговли и 53 % добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности [2]. С точки зрения рынков сбыта центр также смещается в азиатский регион, который играет все более важную роль в глобальных цепочках поставок. Азия была движущей силой роста среднего класса с 2000-х гг., и эта тенденция, как ожидается, сохранится в течение будущего десятилетия. Регион представляет собой крупнейший в мире потребительский рынок, как с точки зрения численности населения, так и с точки зрения расходов. Освоение данного рынка является актуальной задачей для белорусских экспортеров в рамках мер по диверсификации внешней торговли, в том числе путем переориентации на новые перспективные рынки стран «дальней дуги».

При очевидной взаимосвязанности экономик Азии политические, экономические условия и особенности ведения бизнеса отличаются как на субрегиональном, так и на страновом уровне. Регион весьма фрагментирован. Входящие в него государства находятся на разном уровне технологического развития. В отношениях между ними наблюдается серьезная конкуренция и напряженность, которая выражается в установлении торговых

барьеров, использовании нетарифных мер. Ряд механизмов, которые призваны выполнять регулирующую функцию, выступают инструментами скрытого протекционизма. Несмотря на динамичное развитие, азиатские экономики сохраняют зависимость от долларовой инфраструктуры и подвержены геополитическим рискам.

Субрегион Восточной Азии характеризуется относительно низким уровнем политических рисков и коррупции. Одна из ключевых угроз состоит в корректировке курса экономической политики при потере правящих партий своих позиций, что вынудит их сотрудничать оппозиционными блоками для формирования коалиций, а это, в свою очередь, повышает риск недолговечности администрации и подрывает способность правительства реализовывать намеченные задачи. Например, в Японии текущее руководство выступает за фискальную дисциплину и повышение корпоративных налогов для увеличения доходов, в то время как потенциальные партнеры по возможной коалиции намерены сделать фискальную политику более экспансионистской и усугубить риски для фискальной устойчивости. Кроме того, сохранение ориентации на военно-техническое сотрудничество ряда стран с США и наличие соглашений об экономическом партнерстве с ЕС вступает барьером для развития внешнеторговых отношений с Республикой Беларусь. В частности, последнее отменяет тарифы на 90 % экспортной продукции из ЕС, что позволяет снизить затраты, связанные с экспортом и инвестициями и упростить технические регламенты для европейских поставщиков. Дополнительным риском выступает потенциально напряженная геополитическая обстановка на Корейском полуострове и территориальные споры в Южно-Китайском море, однако достаточно прочные торговые и инвестиционные связи между странами субрегиона играют роль стабилизационного фактора.

Для Юго-Восточной Азии также характерна стабильная политическая обстановка, несмотря на частые смены политического руководства. Государства субрегиона привержены проведению комплексных законодательных и административных реформ, направленных на улучшение делового климата. Однако распространенная коррупция и неэффективная бюрократия по-прежнему остаются проблемой, которая влияет на систему управления, доверие иностранных поставщиков и инвесторов, а также увеличивает стоимость ведения бизнеса за счет неофициальных платежей и задержек при проведении операций. Разнообразный этно-религиозный состав населения, высокий уровень безработицы и бедности в некоторых странах усиливают межэтническую напряженность и подрывают политическую стабильность.

Наиболее ярко политические риски проявляются в Южной Азии. Этот субрегион характеризуется политической турбулентностью, усугубляющей риски личной безопасности. Текущая политическая обстановка в ряде стран (Бангладеш, Шри-Ланка, Непал), которые столкнулись с массовыми протестами и внезапными сменами руководства, стала фактором, негативно повлиявшим на предсказуемость деловой среды, а также повысившим риск дискриминационного и произвольного обращения с иностранными партнерами и потенциальной приостановки лицензий. В Пакистане, Афганистане, Индии наблюдается повышенная террористическая угроза. Некоторые районы (особенно на северо-западе Южной Азии) находятся под фактическим контролем незаконных вооруженных формирований. Помимо терроризма серьезной угрозой является уголовная преступность, которая нередко поддерживается экстремистами. Наиболее криминогенными являются крупные города. Такая ситуация способствует возникновению гуманитарного кризиса, что ограничивает возможности для прибыльного торгово-инвестиционного сотрудничества.

Политические риски на Ближнем Востоке обусловлены наличием «горячих точек» (Сирия, Ливан, Йемен) и конфронтации между Ираном и Израилем. Угроза личной безопасности из-за сохранения криминогенной обстановки, хрупкие институты, отсутствие правовой защиты и плохо реализованные структурные реформы препятствуют внешней торговле. Коррупция широко распространена в государственных тендерах и при выдаче лицензий. Помимо резкого ухудшения экономической ситуации, всплеск преступности обусловлен присутствием большого числа беженцев из соседних государств. В этом

контексте наиболее перспективным направлением сотрудничества на Ближнем Востоке является район Персидского залива, где сосредоточены основные инвестиционно-финансовые потоки, наблюдается относительная политическая стабильность и устойчивость перед лицом субрегиональных угроз безопасности.

К числу основных социально-экономических рисков в субрегионе Восточной Азии относятся: замедление частного потребления (основного компонента спроса, составляющего более 50 % ВВП); падение реальной заработной платы на фоне повышенной инфляции и слабости национальных валют ряда стран, также вызвавших снижение объемов импорта; сохранение бюджетных дефицитов ввиду увеличения расходов на оборону, социальное обеспечение и реализацию мер промышленной политики. Дополнительные угрозы могут возникнуть, если национальные банки начнут краткосрочные повышения процентных ставок, что дестабилизирует внутреннюю бизнес-среду.

Тренд на падение рождаемости и старение населения в Восточной Азии приводит к сужению внутреннего рынка (ограничивает возможности иностранных экспортеров и инвесторов), а также к изменению предпочтений потребителей и снижению их расходов на определенные товары и услуги, особенно за пределами крупных городских районов. Сокращение численности трудоспособного населения может привести к нехватке рабочей силы, что повышает затраты для иностранных поставщиков и инвесторов и ухудшает производительность труда.

Насыщенность восточноазиатского рынка и практическое отсутствие свободных ниш выступает в качестве главного барьера для развития внешнеторговых отношений с Республикой Беларусь. Это обусловлено господством в экономике крупных финансово-промышленных групп (характерно для Японии и Республики Корея), использующих передовые производственные технологии и выпускающих широкую номенклатуру продукции, а также высоким уровнем конкуренции со стороны региональных игроков, в частности Китая. Несмотря на такие преимущества, как повышение эффективности цепочки поставок, существующие конгломераты создают угрозу для иностранных компаний, потенциально препятствуя интеграции в локальную деловую среду. Чтобы ориентироваться в этой системе, белорусские поставщики должны уделять приоритетное внимание развитию долгосрочных отношений и личных связей с восточноазиатскими партнерами. Представителям белорусских экспортеров следует часто посещать государства Восточной Азии с целью установления контактов и получения более детальной информации об условиях ведения бизнеса.

Для Юго-Восточной Азии характерны устойчивый экономический рост, низкий уровень государственного долга и разумное управление финансами. Однако сохраняющаяся зависимость от экспорта (в основном сырьевых товаров) и иностранных инвестиций делает субрегион крайне восприимчивым к изменению мировых цен. Наблюдается избыточная концентрация в рамках цепочек поставок: экономики в значительной степени зависят от таких секторов, как электроника (Вьетнам, Малайзия), пальмовое масло (Индонезия, Малайзия) и автомобилестроение (Таиланд), что увеличивает уязвимость перед отраслевыми потрясениями. Это подрывает доверие иностранных партнеров и способность погашать внешнюю задолженность. Учитывая неопределенные перспективы внешней торговли, доходы от экспорта будут сокращаться, расширяя тем самым существующий дефицит текущего счета, истощая и без того небольшие валютные резервы и ограничивая возможности по наращиванию импорта. Большинство местных валют волатильны по отношению к доллару США, что увеличивает валютный риск.

Налоговые поступления в странах субрегиона в процентах от ВВП относительно низки (около 10–12 % против 25–35 % в странах ОЭСР) [3]. Поэтому правительство располагает ограниченными ресурсами для финансирования государственных услуг, социальных программ и инфраструктуры, что снижает объемы государственных закупок. Кроме того, в таких странах, как Лаос, Мьянма, Камбоджа, национальный бюджет поддерживается за счет официальной помощи развитию, и страны-доноры поощряют государственные закупки

у своих местных предприятий. Крупные сделки происходят в рамках инфраструктурных проектов, финансируемых многосторонними банками развития, включая Всемирный банк и Азиатский банк развития. Все это делает данный канал проникновения на рынок малоэффективным для белорусских экспортеров.

Качество банковских активов остается предметом беспокойства на фоне роста объема проблемных кредитов. Долг домохозяйств вырос с 40 % ВВП в 2003 г. до 90 % в 2022 г. под влиянием финансовой либерализации и политики стимулирования потребления [3]. В совокупности с мерами правительства по сокращению субсидий, повышенной инфляцией и медленным ростом заработной платы такая ситуация способствует сокращению потребительских расходов. Неравенство в доходах и существенные различия в уровне жизни между сельскими и городскими районами в рамках отдельных стран также ограничивают платежеспособный спрос со стороны местного населения.

Финансовая система стран Южной Азии демонстрирует высокую степень макроэкономической неустойчивости. Сохраняются инфляционные риски и давление на валютный курс, снижаются накопленные резервы, растет долговая нагрузка и дефицит текущих счетов. Для иностранных партнеров, включая белорусский бизнес, это создает непредсказуемую среду и усложняет выход на рынок. Один из ключевых вызовов – курсовая нестабильность: национальные валюты остаются уязвимыми к внешним шокам. Это может повлиять на доходность экспортных операций и расчеты по контрактам. Поэтому нужно тщательно планировать валютные риски и возможную привязку расчетов к иным валютам (юань, российский рубль, индийская рупия).

Дуализм субрегиональной экономики – ее разорванность на организованный сектор, в том числе наиболее крупный корпоративный (частный и государственный), и нерегулируемый теневой сектор предпринимательства и рынка труда (40 % ВВП и 60 % занятости) – препятствует эффективному формированию доходной части национальных бюджетов [4]. Зависимость от денежных переводов иностранных работников (около 25 % ВВП), высокий уровень корпоративного долга и непроизводительных активов также входят в число факторов, дестабилизирующих финансовую систему стран субрегиона [5].

По мере активного демографического роста увеличивается количество людей, проживающих в бедности (25–40 % от общей численности населения) [5]. Низкий уровень ВВП на душу населения ограничивает платежеспособный спрос, увеличивает долг домохозяйств и ведет к сокращению потребления отдельных категорий товаров, например, импортных продуктов питания.

Дополнительный вызов для белорусских поставщиков представляет конкуренция со стороны крупных игроков – Китая, государств Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, у которых есть устоявшиеся позиции, отлаженные схемы поставок и политическая поддержка, особенно в таких отраслях, как информационные технологии, розничная торговля и производство товаров широкого потребления.

На Ближнем Востоке сохраняется зависимость от нефтегазовых доходов, которые составляют до 95 % экспорта и 85 % бюджета [6]. Такая ситуация делает субрегион уязвимым к колебаниям цен на энергоносители, несмотря на усилия местных правительств по диверсификации экономик. В ряде стран (Ливан, Иордания, Ирак, Иран) высокая инфляция и обесценивание валюты резко снизили покупательную способность, усилив продовольственную нестабильность и изменив модели потребления.

Некоторые из государств субрегиона, в частности Ирак, относятся к группе стран с самым низким уровнем банковского обслуживания. Также имеет место большой структурный дефицит торгового баланса, связанный с нехваткой природных ресурсов и продуктов питания, что приводит к высокой зависимости от внешней помощи. При этом импорт сдерживается недостатком твердой валюты. Наблюдается тенденция к увеличению государственного долга: среди стран-импортеров нефти с 2008 г. долг вырос с 64 до 85 % ВВП, а среди стран-экспортеров нефти – с 13 до 33 % ВВП [7].

С другой стороны, в монархиях Персидского залива денежно-кредитная стабильность поддерживается привязкой обменного курса к доллару США, что обеспечивает низкий

уровень инфляции, но при это лишает национальные банки возможности проводить собственную монетарную политику и ставит их в зависимость от решений Федеральной резервной системы США. Валютный риск низок благодаря высокому уровню золотовалютных резервов. Экономика этих стран зависит от государственных расходов, и в краткосрочной перспективе возможен фискальный дефицит, поскольку средства продолжают расходоваться на масштабные мегапроекты.

Ближневосточные государства проводят либеральную торговую политику, которая состоит в заключении соглашений о свободной торговле с широким кругом партнеров. Учитывая относительно небольшой размер внутренних рынков, такой подход повышает уровень конкуренции, поскольку товары из стран, с которыми заключены подобные соглашения, поступают на региональный рынок беспошлинно, т. е. с меньшими издержками и, соответственно, ценой.

Кроме того, одной из главных проблем является низкий уровень сбережений домохозяйств, который составляет около 2 % от годового располагаемого дохода граждан, что значительно ниже мирового стандарта в 10 %, признанного минимальным уровнем для обеспечения долгосрочной финансовой независимости [6].

Таким образом, выход на новые, зачастую незнакомые, рынки сопряжен с рядом вызовов и требует тщательной оценки потенциальных сложностей. Среди ключевых политических рисков, оказывающих влияние на эффективность ведения внешнеторговой и инвестиционной деятельности со странами Азии, можно выделить нестабильность государственного устройства, влекущую за собой изменение экономической политики, проблемы с обеспечением личной безопасности в странах пребывания, а также неэффективность государственных институтов, выражающуюся в распространении коррупции и усложнении бюрократических процедур. Наиболее распространенные экономические риски, характерные для азиатского региона, представлены сохраняющимися макроэкономическими дисбалансами и демографическими диспропорциями, что негативно отражается на уровне платежеспособного спроса на целевых рынках сбыта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Winning strategies for emerging markets in Asia // McKinsey&Company. – URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/operations/our-insights/winning-strategies-for-emerging-markets-in-asia#/> (дата обращения 21.03.2025).
2. Экономический восход. Перспективы роста стран АТР // РОСКОНГРЕСС. – URL: https://roscongress.org/materials/ekonomicheskij-voskhod-perspektivy-rosta-stran-atr/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения 07.04.2025).
3. World Bank East Asia and Pacific Economic Update, April 2025: A Longer View // World Bank Group. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/f0f015fa-1d24-41a7-9101-c27875a79cf7> (дата обращения 22.05.2025).
4. Южная Азия 2013–2020: возможности и риски для России // РСМД. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yuzhnaya-aziya-2013-2020-vozmozhnosti-i-riski-dlya-rossii/?sphrase_id=127193954 (дата обращения 10.06.2025).
5. South Asia Development Update April 2025 // World Bank Group. – URL: <https://www.worldbank.org/en/region/sar/publication/south-asia-development-update> (дата обращения 06.05.2025).
6. Middle East and North Africa Economic Update // World Bank Group. – URL: <https://www.worldbank.org/en/region/mena/publication/middle-east-and-north-africa-economic-update> (дата обращения 12.05.2025).
7. Regional Risks for Doing Business // World Economic Forum. – URL: <https://www.weforum.org/publications/regional-risks-for-doing-business-2019/> (дата обращения 19.02.2025).

**ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ
EXPERIENCE IN THE DEVELOPMENT OF AN ECONOMIC INTEGRATION MODEL
IN INTERNATIONAL ASSOCIATIONS**

Ткачук Екатерина Владимировна,
Научно-исследовательский экономический институт
Министерства экономики Республики Беларусь,
Республика Беларусь, г. Минск
sadfath89@gmail.com

Мартинкевич Милана Юрьевна,
Научно-исследовательский экономический институт
Министерства экономики Республики Беларусь,
Республика Беларусь, г. Минск
mumartinkevich@gmail.com

Tkachuk Katsiaryna,
Economic Research Institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus,
Republic of Belarus, Minsk

Martinkevich Milana,
Economic Research Institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу экономических моделей интеграционных объединений в различных регионах мира: Европейского союза (ЕС), Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА) и его преемника – Соглашения США–Мексика–Канада (ЮСМКА), а также Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Подчёркнута роль ШОС в консолидации экономического потенциала региона и значение БРИКС как платформы крупнейших развивающихся экономик. Обобщены этапы формирования, основные элементы интеграционной экономической модели и факторы, определяющие специфику каждого объединения. Выявлены общие черты и различия интеграционных моделей, определены их сильные и слабые стороны, а также вызовы и перспективы развития в условиях меняющейся мировой экономики.

Ключевые слова: экономическая интеграция, региональные объединения, ЕС, АСЕАН, ЕАЭС.

Abstract. This article presents a comparative analysis of the economic models of major integration associations across different regions of the world, including the European Union (EU), the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), the North American Free Trade Agreement (NAFTA) and its successor, the United States–Mexico–Canada Agreement (USMCA), as well as the Eurasian Economic Union (EAEU). Special attention is given to the role of the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) in consolidating the region's economic potential and to the significance of BRICS as a platform for the largest developing economies. The study summarizes the stages of formation, the main elements, and defining factors of each model, identifies their common features and differences, and outlines strengths, weaknesses, challenges, and prospects for development in the context of a changing global economy.

Keywords: economic integration, regional blocs, EU, ASEAN, EAEU.

Традиционно, межгосударственные образования (союзы, альянсы) создаются в целях достижения как коллективных интересов, так и интересов объединяющихся государств путем расширения и углубления экономического, политического, военного и других сфер взаимодействия на основе межгосударственного договора при сохранении суверенитета.

Экономическая интеграция предполагает получение странами-участниками экономических выгод и преимуществ от взаимного сотрудничества путем реализации интеграционного потенциала в секторах и отраслях, совместное развитие которых позволит получить дополнительный экономический эффект.

Наиболее развитым и успешным интеграционным объединением в современном мире является **Европейский союз (Евросоюз, ЕС)** – экономический, политический и институциональный союз 27 европейских стран.

По данным Всемирного банка совокупный объем экономики Евросоюза в 2024 г. составил 19,4 трлн долл. США (исторический максимум для ЕС), что подтверждает статус ЕС как одного из крупнейших экономических блоков в мире, обеспечивающего порядка 18,3% глобального ВВП [1].

Интеграционная экономическая модель ЕС имеет общий центр управления и построена на принципах, позволяющих товарам, услугам, денежным средствам и людям свободно перемещаться внутри Союза. Ключевые элементы интеграционной модели: единый рынок; торговая политика; валютная интеграция; конкурентная политика; региональная политика; социальная политика и устойчивое развитие.

Следует отметить, что интеграция в рамках Евросоюза осуществлялась на основе длительного поэтапного углубления взаимодействия, начиная с устранения экономических барьеров (1957 г.), с последующим формированием наднациональных структур (1992 г.), реформированием институциональной системы ЕС (2001 г.), расширением объединения до 28 стран-участниц (2013 г.). Такой подход позволил сформировать гибкую, но устойчивую систему, способную противостоять внутренним кризисам (например, финансовый кризис 2008 г.), а также вызовам глобализации, таким как пандемия COVID-19 и другие.

Высокая институциональная эффективность Евросоюза является примером для других региональных объединений. Интеграционные инструменты ЕС, такие как Европейская комиссия, Европейский парламент и Европейский центральный банк, задают стандарты для глобального сотрудничества, демонстрируя возможности наднациональных структур в укреплении межгосударственных связей.

Вместе с тем, несмотря на бесспорные успехи ЕС, очевидны также и неудачи европейской интеграции, в частности: «эрозия» единства и рост евроскептицизма; миграционный кризис; разногласия между «старой» и «новой» Европой в части распределения бюджета ЕС; дисбаланс в уровне развития стран-участниц; Brexit (2020 г.); устаревающая институциональная структура ЕС, не соответствующая современным вызовам, и другие.

Уникальную модель интеграции представляет собой **Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)**, в которой наднациональные механизмы гармонично сочетаются с сохранением национальной самостоятельности для 10 стран региона.

С момента основания АСЕАН прошла путь от союза, ориентированного на безопасность (1967 г.), до мощного экономического блока (2024 г.) с совокупным номинальным ВВП почти 4 трлн долл. США и общей численностью населения стран-участниц – более 680 млн человек [2].

Интеграционная экономическая модель АСЕАН основана на экспортоориентированной стратегии развития, активной торговой политике, глубокой интеграции в глобальные цепочки поставок и привлечении прямых иностранных инвестиций через торговые соглашения и программы экономического сотрудничества.

Основные этапы построения интеграционной модели: ЗСТ АСЕАН (1992 г.); Соглашения о торговле товарами (2010 г.); Экономическое сообщество АСЕАН (2015 г.); Формат АСЕАН+1; Формат АСЕАН+3; Финансовые инициативы; Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (2020 г.); глобальные партнерства.

Неотъемлемым элементом модели АСЕАН является внешняя интеграция, дополняющая внутренние процессы. Так, стратегической платформой, объединяющей страны АСЕАН, а также Китай, Японию, Корею, Индию, Австралию, Новую Зеландию, США и Россию, стал Восточноазиатский саммит (2005 г.).

Высокая гибкость институциональной структуры АСЕАН позволяет адаптироваться к вызовам глобализации, сохраняя устойчивость и динамику роста, и при этом оставаться важным игроком на международной арене.

Вместе с тем, несмотря на достигнутые успехи, интеграционный блок АСЕАН сталкивается с рядом существенных вызовов. Одним из ключевых рисков является высокая зависимость экономического роста от экспорта, что делает необходимым постоянное расширение внешнеэкономических связей и диверсификацию торговых партнерств. Дополнительным ограничением выступает консенсусный характер принятия решений, лежащий в основе взаимодействия стран-участниц, что замедляет выработку оперативных ответов на кризисные ситуации и глобальные вызовы, ограничивая эффективность институционального реагирования.

Кроме того, данная модель имеет свои пределы. В связи с этим отдельные страны АСЕАН начали активно внедрять политику стимулирования внутреннего спроса, направленную на укрепление устойчивости национальных экономик и снижение зависимости от внешних факторов (например, продукции японского производства), а также модель совместного развития импортозамещающих отраслей промышленности.

Одним из крупнейших региональных торгово-экономических объединений в мире в 1994–2020 гг. являлось **Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА)**, заложившее основу для формирования тесных производственных, инвестиционных и логистических связей между США, Канадой и Мексикой.

По данным МВФ, совокупный ВВП стран НАФТА в 2019 г. превышал 24 трлн долл. США, что составляло более 25% мирового ВВП [3].

Главным экономическим двигателем региона стал высокий уровень взаимной торговли и инвестиционного сотрудничества, обеспечивающий формирование единого производственного пространства без создания наднациональных органов управления.

В отличие от моделей ЕС и АСЕАН, регулируемых наднациональными институтами, *интеграционная экономическая модель НАФТА* основывалась на рыночных механизмах, устойчивых корпоративных связях и прагматичном подходе к либерализации торговли и инвестиций, где ключевую роль играли корпорации, устанавливающие устойчивые связи между странами-участницами, а государства предоставляли институциональную базу для упрощения взаимодействия. Ключевые элементы модели: устранение пошлин на большинство товаров; упрощение процедур перемещения товаров и услуг; защита инвестиций и арбитражные механизмы; гармонизация технических стандартов; развитие трансграничной промышленной кооперации, особенно в автомобилестроении, электронике, сельском хозяйстве и энергетике.

Институциональная структура НАФТА была минималистичной – основными механизмами регулирования выступали комиссии по торговле, рабочие группы и арбитражные панели.

В условиях трансформации глобальной экономической среды, страны Северной Америки инициировали пересмотр положений НАФТА. В 2020 г. Соглашение НАФТА было официально заменено **Соглашением США–Мексика–Канада (ЮСМКА)**, которое сохранило основные принципы функционирования прежнего объединения, но модернизировало интеграционную модель посредством положений в сферах цифровой торговли, трудовых стандартов, защиты окружающей среды и интеллектуальной собственности.

Североамериканское объединение продолжает оказывать значительное влияние на мировую торговлю в контексте функционирования самой большой зоны свободной торговли.

Одним из наиболее значимых интеграционных объединений на евразийском пространстве является **Евразийский экономический союз (ЕАЭС)** – региональный экономический блок, включающий пять государств: Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россию. Формирование ЕАЭС происходило поэтапно: от Таможенного союза (2010 г.) и Единого экономического пространства (2012 г.) к созданию полноценного экономического союза (2015 г.).

ЕАЭС представляет собой институционализированную форму экономического сотрудничества, направленную на формирование единого рынка и обеспечение устойчивого развития национальных экономик. *Интеграционная модель ЕАЭС* базируется на принципах свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также на координации экономической политики. Ключевые элементы модели включают: единый рынок; таможенное регулирование; техническое и санитарное нормирование; цифровую интеграцию; формирование общего финансового пространства; развитие транспортной и энергетической инфраструктуры. В отличие от ЕС, ЕАЭС сохраняет преимущественно экономический характер интеграции, без перехода к политическому союзу.

Согласно предварительной оценке Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) совокупный ВВП ЕАЭС в 2024 г. вырос на 4,0 %, что выше уровня предыдущего года (3,8 %) и среднемировых (в 2023 г. – 3,3 %, в 2024 г. – 3,2 %), а также первоначальных прогнозов ЕЭК [4].

На современном этапе ЕАЭС, несмотря на внешнеполитические вызовы и санкционное давление, демонстрирует устойчивую макроэкономическую динамику, включая рост промышленного производства, увеличение взаимной торговли и активизацию инвестиционной деятельности.

Важным аспектом функционирования ЕАЭС является установление связей и взаимодействие с международными и региональными межправительственными организациями. Так, в свете принятия Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» **Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)** стала одним из ключевых международных партнеров по всем стратегическим документам ЕЭК.

Экономическая модель ШОС основана на принципах многостороннего сотрудничества, направленного на увеличение региональной торговли, улучшение доступа к рынкам и консолидацию экономического потенциала стран-участниц.

В настоящее время объем торговли между странами ШОС превысил 2 трлн долл. США. В фокусе стратегического внимания стран-участниц: расчеты в национальных валютах, создание совместных фондов, инвестиции в цифровую экономику и зеленые технологии [5].

Следует отметить, что в 2024 г. Республика Беларусь стала полноправным членом ШОС, что отвечает коренным долгосрочным интересам страны и открывает дополнительные перспективы и обширные сферы сотрудничества.

В целом в современной мировой архитектуре фактор взаимодействия интеграционных и межгосударственных объединений становится все более весомым. Диалог ЕАЭС и ШОС с акцентом на обмен практическим опытом по вопросам экономической повестки призван обеспечить более комфортные и предсказуемые условия для развития региона.

ЕАЭС также органично встраивается в многополярную экономическую систему, формируемую на базе объединения десяти государств: Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР, ОАЭ, Ирана, Египта, Эфиопии и Индонезии (**БРИКС**).

В настоящее время БРИКС (2009 г.) является платформой для взаимодействия крупнейших развивающихся экономик, которые представляют собой масштабный мировой рынок – более 3 млрд чел. (порядка 45% населения планеты), и составляют порядка трети мирового ВВП.

Экономическая модель БРИКС представляет собой союз крупнейших развивающихся экономик, который ориентирован на формирование взаимовыгодного политико-экономического взаимодействия без создания наднациональных структур. Отличительной

чертой модели является ее эволюционный характер: страны-участницы формируют общее стратегическое поле, постепенно сближая свои приоритеты и координируя действия в ответ на глобальные вызовы.

Взаимодействие стран ЕАЭС и БРИКС показывает ежегодный рост объемов торговли и перевозок. С учетом перспектив введения мультимодальных коридоров в Евразии и коридора Север–Юг общее торгово-экономическое и транспортно-логистическое пространство ЕАЭС и БРИКС не только многополярно, но и экономически самодостаточно.

Учитывая значительный экономический и демографический вес стран БРИКС, объединение в будущем может сыграть ключевую роль в развитии глобального Юга и создании новой системы международных отношений, в особенности в контексте новых договоренностей России и Китая в мае 2025 г. [6].

Таким образом *обобщение международного опыта функционирования различных интеграционных объединений* свидетельствует о том, что:

- фактически в мире функционирует несколько крупных международных центров интеграции, при этом каждый преследует различные цели экономического и политического характера;

- практически все страны мира присоединились к тем или иным соглашениям, устанавливающим режим преференциальной торговли. Соответственно, фактически все государства в той или иной степени вовлечены в процессы международной экономической интеграции, а глобальная экономика уже давно функционирует в условиях сложной системы пересекающихся преференциальных торговых режимов различного охвата [7];

- наиболее распространены три типа конфигурации экономической интеграции:

- 1) «общий центр», где основной движущей силой интеграции выступает надгосударственный орган со своей юрисдикцией;

- 2) «межправительственные договоры», в которой различные территориальные органы государственной власти действуют на основе консенсуса;

- 3) «доминирующий участник», где один территориальный орган (например, правительство крупнейшей страны) получил эту функцию за счет принуждения других участников.

Следует учитывать, что в любом типе конфигурации присутствует негосударственный игрок – бизнес, в частности: крупные транснациональные компании, формирующие в регионе свои производственные сети, или неформальные предпринимательские структуры, генерирующие общие правила экономического взаимодействия;

- развитие каждого межгосударственного объединения происходит по своей экономической модели (стратегии), устойчивость которой во многом зависит от уровня зрелости интеграционных отношений, качества сформированного правового поля, совпадения интересов сторон, а также применяемых наднациональных, межгосударственных и негосударственных механизмов интеграции;

- в интеграции высшей степени экономическая модель предполагает: единую финансовую, валютно-денежную и банковскую систему; наднациональные институты, регулирующие и стимулирующие взаимную торговлю стран-участниц и гармонирующие их внутренне- и внешнеэкономическую политику, системы производственной кооперации и специализации; собственную многостороннюю систему экспортного контроля и единую внешнеэкономическую инфраструктуру; гармонизированную политику в отношении иностранных инвестиций; межгосударственные соглашения в области хозяйственных, финансовых, кредитно-денежных отношений, правового урегулирования вопросов коренного и некоренного населения и др.

Изложенный выше опыт может служить методологической основой для дальнейшего углубления интеграционных процессов в рамках Союзного государства, в частности при разработке интеграционной модели на 2027–2030 годы, которая в настоящее время активно формируется на основе Декрета Высшего Государственного Совета Союзного государства от 29 января 2024 г. № 2 «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Валовой внутренний продукт (текущие долл. США) – Европейский союз // Всемирный банк. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.CD?locations=EU> (дата обращения 01.09.2025).
2. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии. Инвестиции в цифровые предприятия АСЕАН. – Джакарта: Секретариат АСЕАН, 2024. – 28 с. – URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/03/030123Investment_ASEAN_Digital_Businesses.pdf#:~:text=With%20a%20population%20of%20over%20680%20million,support%20technology%20companies%20at%20the%20regional%20level... (дата обращения 01.09.2025).
3. Международный валютный фонд. Перспективы развития мировой экономики: спад в мировой промышленности, рост торговых барьеров. – Вашингтон, Округ Колумбия: МВФ, окт. 2019. – 202 с. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2019/10/01/world-economic-outlook-october-2019> (дата обращения 01.09.2025).
4. Евразийская экономическая комиссия. Доклад о макроэкономической ситуации в государствах – членах ЕАЭС, 2025. – Москва: ЕЭК, 2025. – 64 с. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_makroec_pol/doklad_2025.pdf (дата обращения 01.09.2025).
5. Участие в саммите ШОС в Тяньцзине Президента Республики Беларусь // Сайт Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/ucastie-v-sammite-sos-v-tan-czine> (дата обращения 01.09.2025).
6. Участие в заседании Совета глав правительств СНГ // Исполнительный комитет СНГ. – URL: <https://e-cis.info/news/566/120538> (дата обращения 01.09.2025).
7. Совместное заявление о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия в новую эпоху в ознаменование 80-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, Победы китайского народа в Войне сопротивления японской агрессии и образования Организации Объединённых Наций. – Москва, 8 мая 2025 г. // Сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6309> (дата обращения 01.09.2025).
8. Анализ стратегий интеграционного сотрудничества (моделей реализации интеграционного потенциала). – Москва: ЕЭК, 2014. – 152 с. // Евразийская экономическая комиссия. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b7f/Analiz-integratsionnykh-obedineniy.pdf> (дата обращения 01.06.2025).

УДК 339.9:005.334

**ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИМИ РИСКАМИ
INFORMATION AND ANALYTICAL SUPPORT FOR THE FORMATION
OF A NATIONAL SYSTEM OF FOREIGN ECONOMIC RISK MANAGEMENT**

Тудейко Екатерина Васильевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
e_tulejko@mail.ru

Tuleika Katsiaryna,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В условиях геополитической нестабильности, регионализации экономических связей, роста протекционизма существует потребность формирования национальной системы управления внешнеэкономическими рисками. Одним из ключевых направлений управления внешнеэкономическими рисками является информационно-аналитическое обеспечение. В статье приведены теоретические и практические аспекты информационно-аналитического обеспечения внешнеэкономической деятельности. Дана характеристика действующей системы информационно-аналитического обеспечения в сфере внешнеэкономической деятельности в Республике Беларусь. Выделены факторы, препятствующие развитию информационно-аналитического обеспечения в сфере внешнеэкономической деятельности на национальном уровне. Предложен авторский подход к пониманию и реализации информационно-аналитического обеспечения формирования национальной системы управления внешнеэкономическими рисками, включая задачи, составные элементы и ожидаемые результаты. В целях развития информационно-аналитического обеспечения национальной системы управления внешнеэкономическими рисками предложен ряд организационных мероприятий.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, внешнеэкономические риски, информационно-аналитическое обеспечение, система управления рисками.

Abstract. In the context of geopolitical instability, regionalization of economic ties, growing protectionism there is a need to form a national system for managing external economic risks. One of the key areas of external economic risk management is information and analytical support. The article gives theoretical and practical aspects of information-analytical support of foreign economic activity. Data characterization of the current system of information and analytical support in the sphere of foreign economic activities in the Republic of Belarus. Identified factors that hinder the development of information and analytical support in the field of foreign economic activities at the national level. The author's approach to understanding and implementation of information-analytical support for the formation of a national system of management of external economic risks, including tasks, component elements and expected results, is proposed. In order to develop the national risk management system, a number of organizational measures have been proposed.

Keywords: foreign economic activities, external economic risks, information and analytical support, risk management system.

В условиях роста потоков и масштабов внешнеэкономической информации, обусловленных расширением внешнеторговых отношений Республики Беларусь и интеграционных процессов, возникает необходимость информационного обеспечения участников внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД).

Отсутствие надежной системы информационно-аналитического обеспечения в сфере ВЭД может привести к ряду рисков, связанных с убытками субъектов хозяйствования, нарушением таможенного законодательства, ущербом для отраслей национальной экономики или общества при импорте или экспорте товаров и услуг и, соответственно, являться источником необоснованных, ошибочных решений, способных негативно повлиять на политическое и экономическое положение в стране [1, с. 324]. В связи с этим информационно-аналитическое обеспечение занимает важное место в формировании национальной системы управления внешнеэкономическими рисками.

В теории информационно-аналитическое обеспечение ВЭД рассматривается как: «инструмент содействия экспортерам и государственным органам в области регулирования и координации внешнеторговых процессов»; «мера, направленная на минимизацию таможенных рисков и рисков, связанных с поиском зарубежного партнера»; «один из способов решения проблем государственной регуляторной политики в сфере ВЭД» и др. [1, 2].

На практике систему информационно-аналитического обеспечения ВЭД составляют: во-первых, организационные структуры, обеспечивающие процесс государственного управления информацией в сфере внешнеэкономических операций, а также содействующие информационному обмену и сопровождению в сфере ВЭД.

На национальном уровне – это, как правило, министерства экономики (торговли, внешнеэкономических связей и др.), специализированные структуры в области поддержки экспорта, торгово-промышленные палаты, региональные торговые представительства, статистические управления, советы экспортеров и производителей экспортной продукции, страховые организации, научно-исследовательские конъюнктурные институты и др.

На международном уровне такие структуры могут быть представлены: сетью демонстрационных Центров по вопросам торговли («Trade Points»); международными неправительственными организациями (Всемирная федерация торговых центров, WTPF; Всемирный экономический форум и др.); консалтинговыми компаниями (PricewaterhouseCoopers (PWC), McKinsey & Company, Deloitte Consulting/DTT, KPMG, Boston Consulting Group и др.).

На уровне интеграционных объединений в качестве примеров такого рода организационных структур можно привести Евразийскую перестраховочную компанию (ЕПК), Агентство развития BRICS;

во-вторых, официальная внешнеторговая информация, составляющая основу системы государственного управления в сфере ВЭД (нормативные правовые акты, статистические данные, стандарты, сведения о контрагентах).

На национальном уровне – это правовая информация по вопросам осуществления внешнеторговой деятельности и поддержки экспорта, нормативные правовые акты, регулирующие внешнеэкономическую деятельность, публикации данных статистики внешней торговли и др.

На международном уровне примерами такого рода информационных источников могут служить стандарты, рекомендации о наилучшей практике и практические инструменты для упрощения процедур торговли ЕЭК ООН, «Формуляр-образец» ООН для торговых документов, рекомендации ЕЭК ООН о «едином окне» для экспортной, импортной и транзитной очистки, международный стандарт электронного обмена данными (ЭДИФАКТ ООН – Система электронного обмена данными ООН для управления, торговли и транспорта) и др.

Евразийской экономической комиссией совместно с ЕЭК ООН и Китайским национальным институтом стандартизации в сотрудничестве с другими участниками издается и на системной основе пересматривается Глоссарий терминов по упрощению процедур торговли («Англо-русско-китайский глоссарий терминов по упрощению процедур торговли»);

в-третьих, информационные базы данных и аналитическая информация, содержащие систематизированный материал в области внешней торговли, производственно-хозяйственной и внешнеторговой деятельности на национальном и межгосударственном уровне (экономические исследования, торговые профили стран, интерактивные карты, онлайн-инструменты, методические подходы по выявлению и управлению рисками на национальном и глобальном уровнях и др.).

На национальном уровне – это, как правило, информация по вопросам внешней торговли, налогам, электронной коммерции, по инструментам финансирования, статистические данные, отчеты о рыночных условиях, возможностях и правилах, инвестиционном климате, обычаях, информационные справочники (по компаниям, финансовым связям, отраслевые и тематические справочники), подходы и индикаторы поуправлению рисками (Национальный реестр рисков Великобритании, Национальная оценка рисков в Нидерландах, межведомственная национальная оценка рисков в Ирландии и др.).

На уровне интеграционных объединений представляется статистика обмена товарами и услугами, информация о ключевых торговых партнерах и продуктов в рамках регионального блока.

На глобальном и региональном уровне международные организации (включая региональные группы ООН), консалтинговые компании публикуют страновые и региональные торговые профили стран, глобальные отчеты о внутренней и внешней торговле, статистические данные в страновом и региональном (Европа, Азия, Африка, Северная Америка, Южная Америка, Австралия и Антарктида) аспекте, а также отчеты о глобальных рисках и подходы к их управлению (Национальные оценки рисков ОЭСР, Инструмент систематической рейтинговой оценки риска операций Всемирного банка и др.).

По данным различных источников, только в России насчитывается около 500 баз данных в сфере ВЭД. Для сравнения – в мире существует более 30 тыс. профессиональных баз данных, которые содержат источники профессиональной информации о торговле, потенциальных конкурентах и партнерах, уровне их капитализации, объемах производства и коммерческих операциях [3]. К примеру, «Коммерческие путеводители по странам» США, Японская некоммерческая организация содействия развитию внешней торговли (Japan External Trade Organization, JETRO), Торговые профили стран (ВТО), Данные мировой торговли Базы Comtrade (ООН), Азиатско-Тихоокеанские обзоры торговли и инвестиций (ЭСКАТО) и др.;

в-четвертых, мероприятия, направленные на обмен опытом, информацией и сотрудничество по вопросам, относящимся к международной торговле, и организуемые на национальном и межгосударственном уровне (форумы, симпозиумы, торговые миссии, региональные мероприятия и др.). Примерами таких мероприятий являются: Российско-индийский деловой форум, Форум по торговле и экспортному финансированию Великобритании, Форум по цифровой конкуренции БРИКС +, Белорусско-Китайский форум торгово-экономического сотрудничества, Евразийский экономический форум, Международный форум Астана, Восточный экономический форум, Азиатско-Тихоокеанский форум и др.;

в-пятых, образование в сфере ВЭД, направленное на подготовку специалистов в сфере управления ВЭД, способных анализировать экономические процессы и тенденции развития конъюнктуры на внешних рынках и эффективно управлять внешнеэкономическими процессами предприятия.

К указанному направлению относятся образовательные программы национальных учреждений образования и иных организаций, осуществляющих профессиональное развитие в сфере ВЭД, а также образовательные программы, реализуемые международными институтами (Программа электронного обучения ВТО – специализированный онлайн-портал, предлагающий учебные курсы по соглашениям ВТО и вопросам, связанным с международной торговлей; Академия ICC – образовательное подразделение Международной торговой палаты (ICC), реализующее образовательные программы в сфере международной торговли; Global Trade Certificate (GTC) – профессиональная сертификация вводного уровня, предоставляющая обучение в области инструментов торгового финансирования и др.).

Таким образом, вышеперечисленные элементы составляют основу информационно-аналитического обеспечения ВЭД и направлены на обеспечение участников ВЭД систематизированной информацией, необходимой для эффективной производственно-хозяйственной и внешнеторговой деятельности, а также для защиты национальных интересов как на внешних рынках, так и на внутреннем.

Что касается Республики Беларусь, то в стране создана система регулирования ВЭД, включая систему правовой и иной информации, что подробно описано в работах авторов [4, 5]. Как показало исследование, в общем виде, в Республике Беларусь действующая система информационно-аналитического обеспечения в сфере ВЭД характеризуется:

– наличием широкого круга институтов, оказывающих нефинансовую поддержку (информационно-маркетинговую, аналитическую и организационную) белорусским экспортерам (ОАО «Агентство внешнеэкономической деятельности», РУП «Национальный центр маркетинга и конъюнктуры, ОАО «Банк развития Республики Беларусь», «Белэксимгарант», Белорусская торгово-промышленная палата и др.). Всестороннее

содействие экспортерам по выходу и закреплению позиций на внешних рынках оказывают МИД и загранучреждения Республики Беларусь;

– использованием современных информационно-коммуникационных технологий для информационного обеспечения участников ВЭД ([export.by](https://pnkbel.by/newslaw/odno_okno_ved/), https://pnkbel.by/newslaw/odno_okno_ved/ и др.).

Основную информационную поддержку предприятиям для выхода на зарубежные рынки на национальном уровне оказывают Белорусская торгово-промышленная палата и РУП «Национальный центр маркетинга и конъюнктуры цен» посредством своих информационных ресурсов (Страновые обзоры, Информационный бюллетень «Меркурий»; Страновые путеводители).

Вместе с этим, несмотря на наличие в стране отдельных элементов информационной системы поддержки ВЭД, исследование показало определенную разобщенность информационных ресурсов (отсутствие связанности между источниками информации в сфере ВЭД), а также недостаточную взаимосвязь между национальным и международным информационно-аналитическим обеспечением ВЭД, что затрудняет доступ к внешнеэкономической информации и может стать причиной снижения эффективности ВЭД за счет недостаточной ориентированности на глобальных рынках и возможного принятия необоснованных решений.

Одним из путей решения указанной проблемы видится разработка комплексного информационно-аналитического обеспечения ВЭД на основе интеграции национальной и международной внешнеэкономической информации в рамках единой национальной системы управления внешнеэкономическими рисками (рисунок 1).

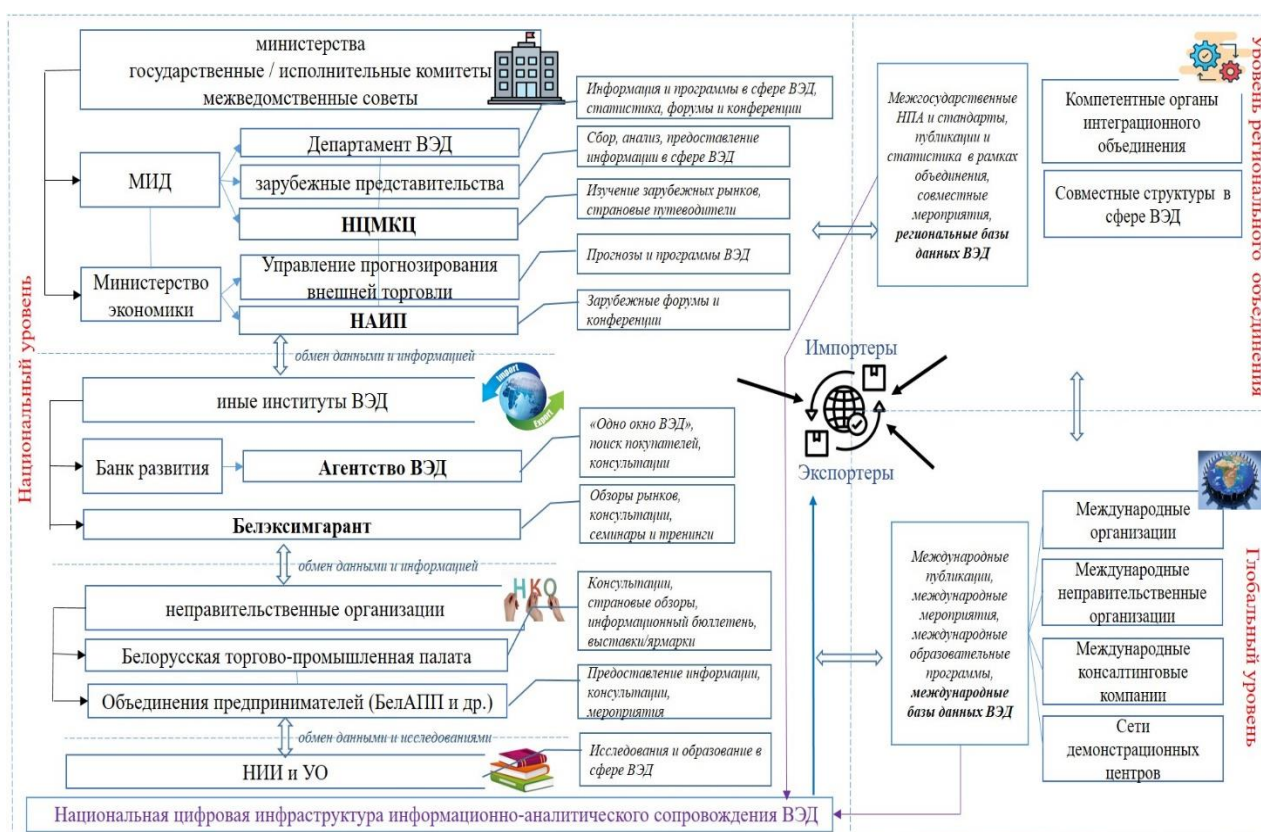

Рисунок 1 – Информационно-аналитическое обеспечение формирования национальной системы управления внешнеэкономическими рисками

Примечание – Источник: авторская разработка.

Так, под информационно-аналитическим обеспечением формирования национальной системы управления внешнеэкономическими рисками (СУВЭР) понимается совокупность взаимосвязанных между собой институциональных элементов внешнеэкономического комплекса на национальном и межгосударственном уровнях, обеспечивающих субъектов ВЭД актуальной аналитической информацией и инструментами, необходимыми для эффективного управления и организации ВЭД, а также своевременного реагирования на возникающие вызовы и угрозы.

Основными задачами информационно-аналитического обеспечения национальной СУВЭР являются:

- удовлетворение информационных потребностей участников ВЭД (в целях выбора внешнеэкономической стратегии, определения рынков предложения и сбыта, основных тенденций, структуры и динамики внешнеторговых товаропотоков, анализа макроэкономической ситуации и условий доступа на рынки зарубежных стран, др.);

- содействие организации аналитического обеспечения и сопровождения процессов ВЭД;

- обмен опытом в области: системы информационно-аналитического обеспечения ВЭД, включая цифровую инфраструктуру; подходов к управлению внешнеэкономическими рисками на национальном, международном уровне и в рамках интеграционных объединений;

- обеспечение информационной поддержки профессиональной подготовки и переподготовки кадров в сфере ВЭД.

Важной чертой информационного обеспечения ВЭД является то, что информация предоставляется и актуализируется в конкретном соответствии с информационными потребностями субъектов, которые являются как поставщиками информации, так и ее потребителями: органы государственного управления на национальном уровне и в рамках регионального объединения; поставщики; покупатели; посредники; международные организации и др.

Создание комплексной системы информационно-аналитического обеспечения СУВЭР позволит:

- осуществлять сбор данных в области ВЭД посредством использования различных источников информации (на национальном и международном уровнях), а также разграничение типов информации (данные о внешнеэкономических показателях, торговых партнерах, условиях торговли, валютных курсах, рисках и др.);

- выполнять качественный (оценка политической, экономической и социальной ситуации в странах-партнерах) и количественный анализ (использование статистических методов для оценки объемов торговли, динамики экспортно-импортных операций, оценки рисков ВЭД, вероятности их последствий и влияния на национальную экономику);

- проводить мониторинг ключевых показателей рисков ВЭД, оценку эффективности применяемых мер, прогнозирование тенденций ВЭД, а также разрабатывать сценарии развития ситуации на внешних рынках;

- подготавливать отчеты и рекомендации на основе анализа внешнеэкономической информации;

- разрабатывать и использовать специализированные программные продукты для сбора, хранения, обработки и анализа данных ВЭД.

В целях развития информационно-аналитического обеспечения национальной системы управления внешнеэкономическими рисками считаем целесообразным осуществить ряд организационных мероприятий:

1. Дальнейшее наполнение сайта Белорусской торгово-промышленной палаты новыми страновыми исследованиями (в настоящее время исследования представлены по 7 странам).

2. Дополнение страновых исследований (путеводителей), размещенных на Интернет-ресурсах Белорусской торгово-промышленной палаты и РУП «Национальный центр маркетинга и конъюнктуры цен» следующими элементами: интерактивными визуализациями

(интерактивные панели, карты мировой торговли, доступа к рынку, экспортного потенциала и др.) в целях более простого и удобного доступа к необходимой информации и работы с ней с учетом зарубежного опыта; ссылками на зарубежные базы данных мировой торговли; информацией о ВЭД, размещаемой международными организациями и в рамках интеграционных объединений.

3. Создание банка данных глобальной экономики, содержащих систематизированную информацию по изданиям в области глобальной экономики, подготавливаемую международными организациями, консалтинговыми компаниями, научными организациями (аналитические отчеты, доклады, обзор результатов и итогов главных международных саммитов и экономических форумов, иные виды изданий), для использования участниками ВЭД и иными заинтересованными сторонами.

4. В перспективе представляется целесообразным интеграция внешнеторговой информации на национальном и международном уровне, а также на уровне региональных экономических объединений в рамках цифровой национальной внешнеэкономической информационной системы, включающей:

- участников ВЭД;
- нормативные правовые акты в области регулирования ВЭД;
- программные документы по определению стратегических направлений развития системы управления рисками в сфере ВЭД, рекомендации и др.;
- статистическую информацию о ВЭД;
- аналитические материалы о состоянии конъюнктуры мировых товарных рынков и цен; данные о состоянии товаропроводящей сети, об иностранных фирмах – потенциальных партнерах и конкурентах; информация о методах и принципах регламентирования внешнеторговых операций в странах-импортерах по ТН ВЭД, технических критериях и стандартах в отношении товаров, действующих на зарубежных рынках, информацию о рисках ВЭД и иные материалы, сформированные в виде отчетов, обзоров, страновых или региональных профилей, рекомендаций, интерактивных визуализаций и др.;
- ссылки на национальные и зарубежные базы данных в области ВЭД;
- информационные мероприятия (семинары, круглые столы, форумы, выставки);
- специализированные обучающие программы и курсы в области ВЭД.

Информацию предлагается систематизировать по вышеперечисленным тематическим разделам и по источникам их получения: национальный уровень, уровень региональных экономических объединений, глобальный уровень (международные организации).

Таким образом, в условиях геополитической нестабильности и регионализации экономических связей объективно необходимым является выстраивание единой системы информационно-аналитического обеспечения ВЭД, которая будет централизованно хранить и предоставлять доступ субъектам хозяйствования ко всему комплексу внешнеэкономической информации (на национальном, межгосударственном и глобальном уровнях) и создаст более предсказуемую внешнюю среду для принятия эффективных управленческих решений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Жижина Р.Н., Прошкина Л.А. Информационные основы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности // Беларусь – 2030: государство, бизнес, наука, образование : материалы VI Междунар. науч. конф., Минск, 16 дек. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А.А. Королёва (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 324–326.

2. Сидорова Е.Ю. Проблемы информационного обеспечения системы управления внешнеэкономической деятельностью предприятия // Вестник СГТУ – 2008. – № 1 (32). – С. 226–233.

3. Покровская В.В. Проблемы информационного обеспечения сферы ВЭД в России // Российский внешнеэкономический вестник. – 2006. – № 8. – С. 55–60.

4. Скрыбина Т.А. Система государственных органов Республики Беларусь в области регулирования внешнеэкономической деятельности // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития : материалы XXIV Междунар. Научн.-практ. конф. (Минск, 19–20 октября 2023 г.) В 3 т. Т.2 / Редкол. : Н.Г. Берченко [и др.]. – Минск : НИЭИ Мин-ва экономики Респ. Беларусь, 2023. – С. 64–65.

5. Осипович Т.А., Осипович В.С. Направления совершенствования информационного обеспечения внешнеторговой деятельности Беларуси // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Вып. 12 / [редкол.: В.Н. Шимов (гл. ред.) и др.] ; М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т. – Минск : БГЭУ, 2019. – С. 323–330.

УДК 33.332.01

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ
И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ
REGIONAL RELATIONS BETWEEN THE REPUBLIC OF BELARUS
AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE SPHERE OF EDUCATION**

Хань И,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
hanyi88629@gmail.com

Han Yi,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье рассматривается становление и развитие региональных образовательных связей между Китайской Народной Республикой и Республикой Беларусь с момента установления дипломатических отношений в 1992 году, анализируются основные тенденции и этапы сотрудничества между университетами двух стран, а также раскрывается потенциал развития регионального образовательного сотрудничества между Китаем и Беларусью. В статье утверждается, что тесные политические отношения между двумя странами, включая стратегическое партнерство и инициативу «Пояс и путь», служат движущей силой развития такого сотрудничества. Описываются межправительственные и межвузовские связи, подчеркивая их особую роль в двустороннем сотрудничестве. Приводятся данные о численности китайских студентов, обучающихся в Беларуси в исследуемый период, и о развитии белорусских высших учебных заведений, отмечая продолжающийся рост числа китайских студентов, обучающихся в белорусских университетах. В статье выявляются основные достижения и недостатки в развитии региональных образовательных отношений между двумя странами.

Ключевые слова: сотрудничество в сфере образования, межрегиональные отношения, этап развития, Беларусь и Китай.

Abstract. The article examines the formation and development of regional educational relations between the People's Republic of China and the Republic of Belarus since the establishment of diplomatic relations in 1992, analyzes the main trends and stages of cooperation between universities of the two countries, and reveals the potential for the development of regional educational cooperation between China and Belarus. The article argues that the close political relations between the two countries, including the strategic partnership and the Belt and Road Initiative, serve as the driving force for the development of such cooperation. Intergovernmental and inter-university relations are described, emphasizing their special role in bilateral cooperation.

Data on the number of Chinese students studying in Belarus during the period under review and the development of Belarusian higher education institutions are provided, noting the continuing increase in the number of Chinese students studying in Belarusian universities. The article identifies the main achievements and shortcomings in the development of regional educational relations between the two countries.

Keywords: cooperation in the field of educational, interregional relations, stage of development, Belarus and China.

Развитие сотрудничества в сфере образования является одним из приоритетных направлений гуманитарного сотрудничества Китая и Беларуси. После установления дипломатических отношений между Республикой Беларусь и КНР (январь 1992 г.) началось активное формирование системы взаимодействия двух государств, в том числе в сфере высшего образования. В ноябре 1992 года в Пекине правительства двух стран подписали первый правовой документ о сотрудничестве в сфере образования, который стал руководящим документом для последующих двусторонних соглашений о сотрудничестве в сфере образования. В 1993 г. Беларусь открыла посольство в Китае, и связи между двумя странами в области образования, культуры, экономики и обмена информацией постепенно укреплялись [1]. В июне того же года в ходе визита в Беларусь делегации Национальной комиссии по образованию КНР было заключено Соглашение о сотрудничестве в области образования [2]. В указанных соглашениях были зафиксированы белорусско-китайские договоренности по принципиальным вопросам, необходимым для становления устойчивых образовательных связей.

Во время визита в КНР министра образования Республики Беларусь было подписано межправительственное соглашение о взаимном признании документов об образовании (28 октября 1998 г.). Это соглашение было дополнено в июне 2000 г., которое предусматривало взаимное признание документов о среднем и высшем образовании, а также дипломов кандидата и доктора наук. Первый этап развития сотрудничества регионов Беларуси и Китая в сфере образования завершился принятием соглашения о признании документов об ученых степенях как формированием основ для выстраивания межрегиональных образовательных связей. Развитие образовательного сотрудничества между Китаем и Беларусью можно разделить на следующие четыре этапа:

1. Этап становления (1992–2000 гг.).
2. Этап развития (2001–2015 гг.).
3. Этап улучшения (2016–2020 гг.).
4. Этап углубления (2021 г. – настоящее время).

На втором этапе развития сотрудничества регионов Китая и Беларуси в сфере образования существенную роль в выстраивании межрегиональных связей сыграло соглашение о сотрудничестве между министерствами образования двух стран, рассчитанное до 2005 г., которое впоследствии неоднократно продлевалось и действовало вплоть до 2015 г. В соответствии с соглашением был налажен обмен учебными материалами между университетами Беларуси и Китая, организован обмен стипендиатами (до 15 чел. от каждой из сторон), также на педагогическую работу в высшие учебные заведения Китая и Беларуси были направлены преподаватели языка [3]. Подписание и вступление в силу этого Соглашения знаменовало начало систематического преподавания китайского языка в Беларуси. Началось образовательное сотрудничество между Китаем и Беларусью на университетском уровне. В 2006 г. был открыт первый Институт Конфуция при БГУ.

С 2005 г. китайско-белорусские отношения вступили в новый этап всестороннего развития и стратегического сотрудничества. Начало развиваться и более активное сотрудничество в сфере высшего образования. В 2005 г. между Белорусским государственным университетом и Харбинским университетом науки и техники было впервые подписано соглашение о совместной аспирантуре. В 2006 г. было оформлено рекордное количество белорусских учебных виз китайским студентам – 470. Привлекали

китайских учащихся высокие стандарты образования, доступная стоимость обучения, хорошие условия пребывания в стране. Эти факторы увеличили количество китайских студентов, приезжавших в Беларусь: в 2007–2008 учебном году здесь обучалось 560 студента из КНР, в 2011–2012 учебном году – 1227. В 2010 г. свои первые диссертации в Беларуси защитили китайские аспиранты [4].

В 2013 г. в ходе государственного визита Президента Республики Беларусь А. Лукашенко в Китай, Президент Республики Беларусь и Председатель КНР Си Цзиньпин подписали «Совместную декларацию Китайской Народной Республики и Республики Беларусь об установлении всестороннего стратегического партнерства» [5]. В статье 7 высказывалось намерение усиливать обмены и взаимодействие в области образования, увеличивать количество обучающихся в Китае белорусских студентов, поддерживать расширение преподавания китайского языка в Беларуси и совершенствовать деятельность институтов Конфуция. До 2015 г. учреждения образования Беларуси заключили более 100 двусторонних соглашений с вузами и научно-исследовательскими организациями КНР.

Президент А. Лукашенко положительно отреагировал на инициативу Председателя КНР Си Цзиньпина о совместном строительстве «Пояс и путь». Практика реализации концепции «Пояс и путь» открыла новые возможности для сотрудничества между Китаем и Беларусью, в т. ч. в сфере образования. Новые же возможности для активизации образовательного сотрудничества были связаны с созданием Межправительственного комитета по сотрудничеству и Комиссии по сотрудничеству в области образования как его составной части. Уже на первом заседании Комиссии в апреле 2015 г. было принято новое Соглашение о сотрудничестве в сфере образования, а также утверждена программа развития сотрудничества в сфере образования на период до 2020 г. [6]. Соглашением предусматривалось не только увеличение масштабов обмена студентами, аспирантами и научными работниками до 40 чел. ежегодно от каждой из сторон, но и создание возможностей для формирования совместных образовательных учреждений и образовательных программ, необходимых для активизации межрегиональных образовательных связей Беларуси и КНР [7]. Например, в 2015 г. было подписано соглашение о создании совместной аспирантуры БГУ с Даляньским политехническим университетом, в ноябре этого года открылся класс Конфуция в Белорусском государственном университете физической культуры. А в 2016 г. начал работу Центр китайского языка и культуры в Брестском государственном техническом университете.

Существенную роль в развитии образовательного сотрудничества сыграло также проведение Года образования Беларуси в Китае в 2019 г., по итогам которого начали действовать три новых центра изучения Беларуси в КНР, Белорусско-китайский научно-исследовательский центр, открыты институты Конфуция на базе Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина и Белорусского государственного университета физической культуры [8]. В мероприятиях Года образования почти 40 высших учебных заведений из 25 провинций и областей двух стран совместно провели более 100 мероприятий. К концу третьего этапа развития китайско-белорусских региональных образовательных связей общее количество китайских студентов в Беларуси превысило 2000 человек (таблица 1).

Таблица 1 – Динамика численности студентов и магистров из КНР в высших учебных заведениях Беларуси в этапе улучшения (2016–2020 гг.)

Учебный год	2016/2017	2017/2018	2018/2019	2019/2020	Отклонение за период
Численность студентов и магистров, всего, чел.	324982	299247	282805	272808	-52174
Численность иностранных граждан, чел.	15971	15570	16654	19745	3774
Доля иностранных граждан в общей численности студентов и магистров, процентов	4,9	5,2	5,9	7,2	2,3

Продолжение таблицы 1

Учебный год	2016/2017	2017/2018	2018/2019	2019/2020	Отклонение за период
Численность студентов и магистров из КНР, чел.	1270	1389	1705	2112	842
Доля студентов и магистров из КНР в общей численности студентов и магистров, процентов	0,39	0,46	0,6	0,77	0,38
Доля студентов и магистров из КНР в общей численности иностранных граждан, процентов	8,0	8,9	10,2	10,7	2,7

Примечание – Источник: авторская разработка на основе [9].

Как видно из таблицы 1, в течение рассматриваемого периода Республика Беларусь достигла существенных успехов в привлечении иностранных студентов, о чем свидетельствует увеличение их численности почти до 20 тыс. чел. или до 7,2 % общей численности студентов в белорусских учреждениях высшего образования. Неблагоприятная демографическая ситуация в Беларуси привела к сокращению числа студентов более чем на 50 тыс. чел., в то время как число студентов из Китая увеличилось на 66,3 %. Их доля как в общей численности студентов, так и в общем числе иностранных студентов также увеличивалась из года в год.

Согласно Директиве Президента Республики Беларусь от 3 декабря 2021 г. № 9 сотрудничеству с Китаем придается особенное значение во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь. Предусмотрено развитие взаимодействия по созданию совместных образовательных структур и программ, используя в т. ч. технологии дистанционного обучения [10]. В Совместном заявлении Беларуси и Китая о дальнейшем развитии отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства в новую эпоху, принятом в марте 2023 г., подчеркиваются намерения сторон развивать сети центров изучения Беларуси на территории КНР и институтов Конфуция в регионах Беларуси [11].

В то же время существенную роль в развитии межрегиональных образовательных связей в рамках Года регионов сыграло создание Ассоциации университетов Беларуси и Китая, договоренность о формировании которой была достигнута на первом Форуме ректоров учреждений высшего образования Беларуси и Китая в ноябре 2023 г., также разработан план реализации флагманских проектов между университетами двух стран, необходимых для существенного ускорения развития образовательного сотрудничества. В состав флагманских проектов, разработанных при участии региональных учреждений высшего образования Беларуси, входят как проекты новых совместных образовательных программ, так и проекты подготовки профессорско-преподавательского состава, совместных научных исследований [12]. Достигнутая динамика численности студентов из КНР в высших учебных заведениях Беларуси за 2020–2024 гг. приведена в таблице 2.

Таблица 2 – Динамика численности студентов и магистрантов из КНР в высших учебных заведениях Беларуси в 2020–2024 гг.

Учебный год	2020/2021	2021/2022	2022/2023	2023/2024	Отклонение за период
Численность иностранных граждан, чел.	20936	24338	20474	18838	-2098
Удельный вес иностранных граждан в общей численности студентов и магистрантов, процентов	7,9	9,5	8,6	8,1	0,2
Численность студентов и магистрантов из КНР, чел.	3634	8011	6492	6608	2974

Продолжение таблицы 2

Учебный год	2020/2021	2021/2022	2022/2023	2023/2024	Отклонение за период
Доля студентов и магистрантов из КНР в общей численности иностранных граждан, процентов	17,36	32,92	31,71	35,08	17,72

Примечание – Источник: авторская разработка на основе [13].

Как показано в таблице 2, на четвертом этапе развития белорусско-китайского образовательного сотрудничества студенты из Китая стали наиболее значимой группой в составе иностранных студентов, обучающихся в белорусских учреждениях высшего образования. Численность же студентов из КНР в 2021/2022 учебном году превысила 8 тыс. чел. или свыше 32 % общей численности иностранных студентов. Однако под влиянием внешних факторов в 2022 г. востребованность белорусских учреждений высшего образования среди китайских граждан снизилась, что выразилось в уменьшении численности китайских студентов до 6,6 тыс. чел. Показатели, характеризующие развитие учреждений высшего образования в регионах Республики Беларусь, представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Показатели развития учреждений высшего образования в регионах Республики Беларусь за 2023 г.

Регионы	Число учреждений высшего образования		Численность студентов		Численность студентов из КНР	
	ед.	уд. вес, %	тыс. чел.	уд. вес, %	чел.	уд. вес, %
Брестская область	4	8,2	15,8	7,1	385	4,0
Витебская область	5	10,2	21,3	9,6	953	10,0
Гомельская область	6	12,2	22,6	10,2	367	3,8
Гродненская область	3	6,1	18,2	8,2	139	1,4
Минск и Минская область	26	53,1	126,7	56,9	7549	78,7
Могилевская область	5	10,2	17,9	8,0	204	2,1
Итого по республике	49	100,0	222,5	100,0	9597	100,0

Примечание – Источник: авторская разработка на основе [13].

Как показано в таблице 3, в Минске расположено 53,1 % всех учреждений высшего образования, и более 78,7 % китайских студентов обучаются именно в Минске. Среди других регионов Беларуси наибольшее количество китайских студентов приходится на Витебскую область (10 % численности китайских студентов), а наименьшее – на Гродненскую область (1,4 %).

Созданные структуры позволяют эффективно развивать сотрудничество. Действующие в настоящее время 7 Институтов Конфуция неравномерно распределены по территории Беларуси, однако их многочисленные филиалы охватывают все регионы, что способствует развитию отношений сотрудничества между белорусскими регионами и их китайскими партнерами. Большую помощь в развитии межрегионального сотрудничества оказывают Центры изучения Беларуси, действующие в КНР. За десятилетие развития этой системы в Китае созданы и функционирует 11 центров изучения Беларуси и 1 институт изучения Беларуси, специализирующийся на экономических исследованиях. Эти центры расположены в 11 провинциях и районах Китая и активно продвигают в КНР белорусский язык, культуру и образование [14].

Наращивание масштабов межрегионального сотрудничества в сфере образования, что находит выражение в увеличении числа китайских студентов в региональных учреждениях образования, активном развитии академической мобильности, создании совместных образовательных программ и проектов, способствует улучшению финансирования высшего образования в регионах и позволяет частично компенсировать устойчивое сокращение численности студентов. В то же время роль региональных образовательных связей Беларуси и Китая в развитии белорусского образования остается ограниченной, главным образом по следующим причинам:

1. Существующий Китайско-белорусский подкомитет по образованию имеет весьма ограниченные возможности. Региональное сотрудничество в сфере образования должно расширяться и углубляться в области научных исследований, студенческих обменов, разработки дисциплин, преподавания языков и других областях. Это зависит от дальнейшего совершенствования механизма работы Подкомитета по образованию и его постепенного развития посредством создания соответствующих региональных организационных сетей.

2. Содержание курсов китайского языка не соответствует требованиям рынка. Институты Конфуция в настоящее время специализируются на «китайском языке и культуре». Им следует учитывать актуальные потребности промышленного развития обеих стран и внедрять прикладные программы, такие как «Китайский язык и логистика» и «Китайский язык и локализованные услуги». Это не только повысит конкурентоспособность белорусских студентов на рынке труда, но и будет способствовать более глубокому обмену и сотрудничеству между партнерами двух стран.

3. Сотрудничеству не хватает глубины и устойчивости. Многие текущие совместные проекты в значительной степени реализуются государством, при этом инициатива и участие низовых организаций, преподавателей и исследователей минимальны. Сотрудничество часто ограничивается краткосрочными обменами, подписанием соглашений и символическими мероприятиями, при этом отсутствуют долгосрочные, стабильные совместные образовательные программы и платформы для исследовательского сотрудничества.

4. Между Минском и другими регионами существуют значительные различия в развитии образования. Столичный регион более привлекателен для китайских инвестиций и имеет наиболее активное региональное сотрудничество в сфере образования с Китаем. Цифровые платформы могут быть в полной мере задействованы в региональном сотрудничестве в сфере образования, раскрывая потенциал регионального сотрудничества двух стран для содействия реализации инициативы «Пояс и путь» в сфере образования и сокращения различий в региональном развитии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ли Ф. Сотрудничество Беларуси и Китая в сфере СМИ // Журнал Технологического института Ляонин. – 2018. – № 3. – С. 410–411.

2. Чжао Х. Текущая ситуация и перспективы китайско-белорусского сотрудничества в сфере образования // Русский Журнал. – 2017. – № 5. – С. 54.

3. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере образования на 2001–2005 гг. // ПРАВО. Законодательство Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.kulichki.net/zak/megd/meg01586.htm> (дата обращения 30.08.2025).

4. Сунь Инцзе. Китайско-белорусское сотрудничество в области образования // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. – Вып. 6. – Минск, 2018. – С.152–155.

5. Король А.Д., Козадаев К.В. Проведение Года образования Беларуси в Китае: опыт Белорусского государственного университета // Вышэйшая школа. – 2019. – № 6. – С. 15–18.

6. Комиссия по сотрудничеству в области образования // Беларусь-Китай. – URL: <https://belaruschina.by/ru/committee-1586/-1588.html> (дата обращения 03.09.2025).

7. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере образования: ратифицировано Законом Респ. Беларусь от 17.12.2015 «О ратификации Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере образования». – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&o0-I01500047&p1=1>. (дата обращения 03.09.2024).

8. В Минске подвели итоги года образования Беларуси в Китае // Сайт Академии управления при Президенте Республики Беларусь. – URL: <https://pac.by/press-center/news/in-minsk-summed-up-the-years-of-education-of-belarus-in-china> (дата обращения 05.09.2024).

9. Образование в Республике Беларусь: буклет. – Минск: Национальный статистический комитет, 2021. – С. 33.

10. О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой: Директива Президента Респ. Беларусь № 9 от 3 декабря 2021 г. – URL: <https://president.gov.by/bucket/assets/uploads/documents/2021/9dir.pdf> (дата обращения 05.08.2023).

11. Совместное заявление Беларуси и Китая о дальнейшем развитии отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства в новую эпоху // Посольство Республики Беларусь в КНР. – URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/embassy/news/fb2937bef6398e2d.html> (дата обращения 05.09.2024).

12. Беларусь и Китай подписали соглашение о создании ассоциации университетов // БелТА – URL: <https://belta.by/society/view/Belarus-i-kitaj-podpisali-soglashenie-o-sozdanii-assotsiatsii-universitetov-600861-2023> (дата обращения 02.09.2024).

13. Образование в Республике Беларусь: статистический буклет. – Минск: Национальный статистический комитет, 2024. – С. 30–31.

14. Центры изучения Беларуси в Китае // Посольство Республики Беларусь в КНР. – URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/humanitarian/education/centrs/> (дата обращения 05.09.2025).

УДК 339.923

**МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭФФЕКТОВ ИНТЕГРАЦИИ
В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ
И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
METHODS OF ASSESSING THE ECONOMIC EFFECTS OF INTEGRATION
IN THE CONTEXT OF FOREIGN ECONOMIC STABILITY
AND NATIONAL SECURITY**

Хомбак Елизавета Игоревна,
Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
elizavetakhombak@gmail.com

Господарик Екатерина Геннадьевна,
кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
gospodarik@bsu.by

Khombak Lizaveta,
Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk

Gospodarik Catherine,
Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. Экономическая интеграция играет ключевую роль в укреплении национальной безопасности, поскольку способствует повышению внешнеэкономической устойчивости, развитию торговли и расширению сотрудничества между странами. В статье рассматриваются основные подходы к оценке экономических эффектов интеграционных процессов, позволяющие количественно определить их влияние на развитие национальной экономики. Проведен анализ методологических особенностей существующих методов, выявлены их преимущества и ограничения с точки зрения практического применения. Особое внимание уделено значению комплексной оценки интеграции для формирования сбалансированной внешнеэкономической политики, направленной на обеспечение устойчивого роста и укрепление экономического потенциала страны. Проведенный анализ показал, что для получения более достоверных и объективных результатов необходимо сочетать несколько методических подходов к оценке экономических эффектов интеграции.

Ключевые слова: экономическая интеграция, внешнеэкономическая устойчивость, методы оценки, экономические эффекты, внешнеэкономическая политика.

Abstract. Economic integration plays a key role in strengthening national security, as it contributes to increased foreign economic resilience, trade development, and expanded cooperation between countries. This article examines the main approaches to assessing the economic effects of integration processes, allowing for a quantitative determination of their impact on national economic development. The methodological features of existing methods are analyzed, and their advantages and limitations in terms of practical application are identified. Particular attention is paid to the importance of a comprehensive assessment of integration for the development of a balanced foreign economic policy aimed at ensuring sustainable growth and strengthening the country's economic potential. The analysis showed that, to obtain more reliable and objective results, it is necessary to combine several methodological approaches to assessing the economic effects of integration.

Keywords: economic integration, foreign economic resilience, assessment methods, economic effects, foreign economic policy.

В условиях динамично развивающегося процесса геоэкономической фрагментации, который сопровождается формированием конкурирующих между собой макроэкономических зон, возрастающего инфляционного давления и геополитической нестабильности особую актуальность приобретает формат международной экономической интеграции, которая выступает ключевым фактором снижения внешнего негативного воздействия и обеспечения устойчивости развития экономик отдельных стран. Для Беларуси интеграционные процессы имеют стратегическое значение. Внешнеэкономическая политика страны исторически ориентирована на поддержание устойчивых торговых отношений с соседними государствами и участие в союзах, способствующих стабильному экономическому развитию. Вступление в интеграционные объединения обеспечивает доступ к расширенным рынкам сбыта, способствует привлечению инвестиций и технологическому обмену, что повышает общий уровень внешнеэкономической устойчивости страны. Кроме того, интеграция позволяет Беларуси снижать риски, связанные с внешними экономическими ограничениями и санкциями. Участие в интеграционных процессах создает дополнительные каналы торговли, диверсифицирует рынки сбыта и поставок. Интеграционные объединения способствуют укреплению экономического суверенитета страны, повышают устойчивость национальной экономики к внешним шокам и создают платформу для долгосрочного развития в условиях нестабильной международной среды.

Актуальность исследования определяется необходимостью выявления наиболее эффективных методов оценки экономических эффектов интеграции, позволяющих количественно анализировать последствия участия в международных объединениях. Достоверная оценка этих эффектов становится ключевым инструментом для формирования внешнеэкономической политики, ориентированной на укрепление экономической

стабильности, повышение конкурентоспособности и обеспечение долгосрочной устойчивости национальной экономики.

В теории международной экономической интеграции особое место занимает понятие экономических эффектов, получаемых государствами-членами от участия в интеграционных объединениях. Экономические эффекты могут проявляться по различным направлениям экономического развития страны и представлять собой расширение рынка сбыта производимой продукции, увеличение объемов взаимной торговли, развитие конкурентной среды, стимулирующей развитие более эффективных отраслей, приток инвестиций и рост экономики в целом [1, 2]. Как отмечается в работе Господарик Е.Г., Ковалева М.М., универсальная теория экономической интеграции отсутствует, существуют только статистически подтвержденные отдельные эффекты [3, с. 36]. Проведенный анализ возможных экономических эффектов интеграции позволяет сделать вывод, что данные эффекты достаточно сложно количественно оценить, поскольку интеграционные процессы затрагивают сразу несколько аспектов экономик государств, включая торговлю, миграцию населения, инвестиции и другое, что в значительной степени усложняет разработку единой методологии оценки интеграционных эффектов. В связи с чем в современной экономической науке разработан целый ряд инструментов, позволяющих оценить эффективность интеграционных объединений, которые варьируются от проведения статистического анализа до построения эконометрических моделей. В зарубежной литературе рекомендуется использовать комбинацию возможных инструментов количественного анализа экономической интеграции для получения комплексной оценки влияния интеграционного сотрудничества [4].

Простейшим способом измерения эффективности интеграционного сотрудничества выступает расчет торговых индикаторов, где торговый индикатор – индекс, используемый для описания и оценки состояния торговых потоков и торговых моделей конкретной экономики [5]. Достоинствами таких индексов являются простота вычислений, доступность данных, а также «возможность отслеживать динамику интеграционных процессов во времени и выявлять причины их ускорения или замедления» [3, с. 40]. Однако несмотря на сравнительную простоту реализации данного метода, основной недостаток данного подхода заключается в том, что возможности количественной оценки эффективности участия в региональных объединениях ограничены, вместе с тем торговые индикаторы не могут определить причины определенного состояния или тенденции в торговых потоках. В связи с этим для получения более достоверных оценок эффективности необходимо использовать более комплексные подходы.

Одним из наиболее часто используемых инструментов количественной оценки влияния участия государств в интеграционных объединениях на производстве, потреблении и торговых потоках на внутреннем рынке на уровне отдельного рынка (товара) является базирующийся на микроэкономической теории метод частичного равновесия. К преимуществам данного подхода можем отнести сравнительную простоту реализации, доступность необходимых для проведения анализа данных и возможность проведения анализа на дезагрегированном уровне, что позволяет сосредоточиться на конкретном товаре. Вместе с тем явным ограничением данного инструмента выступает возможность анализа только одного сектора без учета взаимосвязей между различными рынками, что не позволяет просчитать сложные интеграционные эффекты [6].

По причине того, что вступление в интеграционное объединение охватывает сразу несколько секторов экономики, наиболее информативным, хотя и сложным с точки зрения реализации, методом оценки экономических эффектов интеграции является метод общего равновесия (CGE, Computable General Equilibrium), который позволяет осуществлять имитационное моделирование различных сценариев и форм региональной интеграции и оценивать влияние либерализации торговли на экономику в целом. Ввиду комплексности и трудоемкости данного подхода CGE-моделирование требует использования прикладного программного обеспечения. CGE – это система уравнений, описывающая экономику в целом и взаимодействие между различными субъектами, обычно организованная в блоки,

связанные с потреблением, производством, рынками факторов производства (капиталом и рабочей силой), международной торговлей и налогообложением, посредством решения которой достигается равновесие на рынках факторов производства, товаров и услуг. Равновесие достигается путем итеративного пересчета с помощью специализированных прикладных пакетов. Обычно данные, необходимые для CGE-анализа поступают из национальных таблиц «затраты – выпуск», организованных в матрицу финансовых потоков (SAM, Social Accounting Matrix), которая отражает связи между секторами экономики и показывает балансы расходов и доходов экономических агентов в базисном году. Экономические эффекты интеграции рассчитываются путем сравнения первоначального равновесия в экономике и нового равновесия, полученного в результате изменения значений любой экзогенной переменной.

Сравнительная сложность проведения CGE-анализа компенсируется рядом преимуществ: позволяет оценить влияние интеграции как на отраслевом уровне, так и на уровне экономики в целом; учитывают наблюдаемые на практике межотраслевые связи, что обеспечивается калибровкой модели базами данных, представляющими собой таблицы «затраты–выпуск», также в открытом доступе имеются базы данных и программы для реализации метода [7]. Вместе с тем модели CGE неспособны оценить более сложные эффекты, также явным недостатком подхода является отсутствие формализованных критериев проверки качества построенной модели.

Также используются модели межотраслевого баланса, основанные на межстрановых таблицах «затраты – выпуск». Данный подход позволяет оценить влияние единых рынков капитала, труда, товаров и услуг на экономики государств интеграционного объединения посредством расчета вклада в ВВП показателей взаимной торговли товарами и услугами в рамках союза, а также взаимных инвестиций и миграции трудовых ресурсов. К основным преимуществам представленного подхода можем отнести прозрачность, сравнительную доступность данных и способность оценивать как прямые, так и косвенные интеграционные эффекты. Несмотря на ряд достоинств, при всей трудоемкости подхода он не позволяет оценить следующие аспекты, связанные с движением от простых к более сложным формам интеграции: движение рабочей силы, экологические эффекты и другое.

Ключевым подходом анализа интеграционных эффектов является гравитационное моделирование, в основе которого лежит закон всемирного тяготения Ньютона: взаимная торговля государств зависит от размеров их экономик и расстояния между ними, т. е. на экспорт товаров и услуг между государствами положительно влияет валовой внутренний продукт и отрицательно – расстояние между государствами, которое характеризует торговые издержки торговли. Следует отметить, что в современной экономической литературе модели гравитации признаны одними из самых устойчивых эмпирических отношений в экономическом анализе. Оценка экономических эффектов интеграции производится посредством введения в анализ фиктивной переменной, отвечающей за интеграцию, которая принимает значение 1 в случае принадлежности стран к одному интеграционному объединению и 0 – в противном случае. Вместе с тем в модель могут быть добавлены и другие переменные, например, уровень доходов в стране и численность населения, наличие общих границ, языка или валюты. Данный подход обладает рядом сильных сторон, прежде всего, их основу составляет теоретически обоснованная логика. Еще важными преимуществами являются их высокая эмпирическая точность и простота интерпретации результатов. Несмотря на весь спектр преимуществ данного подхода, гравитационные модели имеют и ряд ограничений. Прежде всего, они не всегда позволяют достоверно установить причинно-следственные связи, кроме того, классическая гравитационная модель носит статический характер и не учитывает динамические или структурные эффекты.

Базовые регрессионные модели являются фундаментальным инструментом, применяемым для оценки каузального влияния интеграции на экономические показатели страны. Они похожи на гравитационные модели, так как они также измеряют влияние интеграции путем включения в модель фиктивной переменной участия государства

в интеграционном объединении, однако они позволяют всесторонне оценить данное влияние, не ограничиваясь лишь международной торговлей, принимая во внимание такие аспекты, как экономический рост, совокупная факторная производительность, ПИИ, миграционные потоки и другое. Регрессионные модели обладают рядом сильных сторон. Во-первых, они обеспечивают количественную оценку эффекта интеграции, позволяя оценить, насколько изменение независимой переменной связано с изменением зависимой. Во-вторых, метод гибок и универсален, причем данный подход широко распространен и хорошо изучен, что облегчает интерпретацию результатов. Однако регрессионные модели требуют строгих предпосылок и плохо учитывают структурные изменения в экономике и динамику рынков, что ограничивает их применимость для долгосрочного анализа интеграционных процессов.

Новый количественный метод торговли (New Quantitative Trade, NQT) является относительно современным инструментом, разработанным А. Костинотом и А. Родригес-Клэром для проведения анализа последствий торговой либерализации, интеграции и глобализации, в основе которого лежат предпосылки CGE и гравитационных моделей [8]. Данный инструмент был разработан с целью упрощения проведения CGE-моделирования. Так, для построения NQT моделей требуется меньшее число уравнений, а ключевым выступает гравитационное уравнение, позволяющее связать двусторонние торговые потоки между государствами-членами, емкость спроса и производственные возможности стран. Преимущества настоящего подхода: он обеспечивает теоретически обоснованную количественную оценку последствий интеграции, основанную на фундаментальных параметрах торговли, универсальность применения. Несмотря на свою эффективность, метод предполагает статическую структуру экономики и не учитывает неценовые барьеры, которые могут играть важную роль при интеграции.

Метод синтетического контроля (Synthetic Control Method, SCM) считается относительно современным эконометрическим инструментом, который затем был расширен [9, 10]. В настоящее время данный метод очень популярен в микро- и макроисследованиях и применяется с целью оценки эффектов некоторых экономических процессов или явлений. Оценка эффектов проводится путем сравнения фактической результативной количественной переменной исследуемой единицы с синтетической единицей, полученной в результате моделирования данной переменной на основе линейной комбинации факторов и весов, которая максимально отражает характеристики исследуемой единицы в гипотетической ситуации, в которой влияние не было оказано. Данный подход обладает рядом преимуществ. Во-первых, он не требует строгих предпосылок о функциональной форме зависимости между переменными. Во-вторых, метод позволяет проводить оценку уникальных (нереплицируемых) событий, а также учитывает временную динамику показателей и структурное сходство между странами, что делает результаты более экономически интерпретируемыми. Однако метод плохо применим в ситуациях, когда в рассматриваемый период происходят множественные одновременные шоки или системные изменения, которые могут исказить результаты анализа. Кроме того, оценки чувствительны к выбору предикторов и временного периода, используемого для построения синтетического контроля.

Проведенный анализ существующих подходов к оценке экономических эффектов интеграционных процессов показал, что универсального метода, одинаково подходящего для всех случаев, не существует. Каждый подход основан на определенных предпосылках и имеет как сильные стороны, так и ограничения, связанные с характером данных, особенностями исследуемых экономик и сложностью самих интеграционных процессов.

Современные исследования стремятся сочетать несколько инструментов анализа, что позволяет более достоверно выявлять последствия интеграции для национальной экономики, учитывая как прямые, так и косвенные эффекты на торговлю, производство и внешнеэкономическую устойчивость. Особое значение оценка интеграционных эффектов приобретает для Беларуси, поскольку участие в союзах и экономических объединениях способствует укреплению экономической стабильности, диверсификации рынков сбыта, привлечению инвестиций и снижению уязвимости к внешним ограничениям и санкциям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мартынова Е.С. К вопросу о методологии оценивания эффективности интеграционных объединений на примере АСЕАН и ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2024. – № 18(1). – С. 118–129.
2. Изотов Д.А. Международная экономическая интеграция: теоретические подходы к объяснению механизмов и методика оценки эффектов // Регионалистика. – 2022. – № 2(8). – С. 14–30.
3. Господарик Е.Г., Ковалев М.М. Математическое моделирование эффектов интеграции на примере ЕАЭС // Журнал Белорусского государственного университета. – 2023. – № 1. – С. 36–50.
4. Винокуров Е.Ю., Пелипась И.В., Точицкая И.Э. Количественный анализ экономической интеграции Европейского союза и Евразийского экономического союза: методологические подходы. – Санкт-Петербург : ЦИИ ЕАЭБ, 2014.
5. Mikic M., Gilbert J. Trade Statistics in Policymaking: A Handbook of Commonly Used Trade Indices and Indicators. – 2007.
6. Подкина К.Ю., Андреева Е.Л. Обзор методических подходов к оценке международной экономической интеграции // Журнал экономической теории. – 2019. – № 3(16). – С. 598–605.
7. Plummer M., Cheong D., Hamanaka Sh. Methodology for Impact Assessment of Free Trade Agreements. – 2010.
8. Costinot A., Rodriguez-Clare A. Trade Theory with Numbers: Quantifying the Consequences of Globalization // Handbook of International Economics. – Vol. 4. – 2013. – P. 197–261.
9. Abadie A., Gardeazabal J. The Economic Costs of Conflict: A Case Study of the Basque Country // American Economic Review. – 2003. – Vol. 93(1). – P. 113–132.
10. Abadie A., Diamond A., Hainmueller J. Synthetic Control Methods for Comparative Case Studies: Estimating the Effect of California's Tobacco Control Program // Journal of the American Statistical Association. – 2010. – Vol. 490. – P. 493–505.

УДК 330.101.541

ИНДЕКС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ СПОСОБНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК ПРОТИВОСТОЯТЬ ГЛОБАЛЬНЫМ ДИСБАЛАНСАМ ECONOMIC RESILIENCE INDEX AS A TOOL FOR ASSESSING THE ABILITY OF NATIONAL ECONOMIES TO WITHSTAND GLOBAL IMBALANCES

Чжао Линъюнь,
Белорусский государственный экономический университет,
Республика Беларусь, г. Минск
ayongi1995@gmail.com

Zhao Lingyun,
Belarus State Economic University,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. Для оценки способности национальных экономик противостоять глобальным дисбалансам в данной статье предлагается индекс экономической устойчивости (ERI). Данный показатель предлагает многогранный взгляд на экономическую устойчивость, объединяя три фундаментальных измерения: структурную экономическую устойчивость,

институциональную устойчивость и макроэкономическую стабильность. Сравнение рассчитанных значений ERI между Китаем и Беларусью демонстрирует полезность индекса: хотя Беларусь демонстрирует скромную макроэкономическую стабильность, ее устойчивость ослаблена институциональными и структурными ограничениями. С другой стороны, более высокий балл по индексу ERI в Китае является результатом превосходных институциональных и адаптационных возможностей. Исследование подчеркивает важность проведения комплексных структурных, фискальных и институциональных реформ для повышения долгосрочной экономической устойчивости в условиях глобализации.

Ключевые слова: глобальные финансовые дисбалансы, индекс экономической устойчивости, макроэкономическая стабилизация, внешние шоки, институциональная устойчивость, Китай, Беларусь.

Abstract. To assess the ability of national economies to withstand global imbalances, this paper proposes the Economic Resilience Index (ERI). This index offers a multifaceted view of economic resilience by combining three fundamental dimensions: structural economic resilience, institutional resilience, and macroeconomic stability. A comparison of calculated ERI values between China and Belarus demonstrates the usefulness of the index: although Belarus exhibits modest macroeconomic stability, its resilience is weakened by institutional and structural constraints. On the other hand, China's higher ERI score is the result of superior institutional and adaptive capacity. The study highlights the importance of comprehensive structural, fiscal, and institutional reforms to enhance long-term economic resilience in the context of globalization.

Keywords: global financial imbalances, economic resilience index, macroeconomic stabilization, external shocks, institutional robustness, China, Belarus.

Экономики развитых стран и стран с формирующимся рынком в разной степени сталкиваются с ростом глобальных дисбалансов, проявляющихся в нарушениях баланса текущих счетов, нестабильных потоках капитала, усилении долговой зависимости и институциональной неравномерности между странами с различным уровнем развития. Эти процессы усугубляются геополитической фрагментацией, макроэкономической волатильностью и институциональной уязвимостью государств, особенно с формирующимися рынками.

Как отмечается в ежегодных обзорах Международного валютного фонда, «структурные слабости экономик с низким уровнем институциональной устойчивости и ограниченным потенциалом макроэкономической стабилизации становятся главными передаточными механизмами глобальных шоков» [1].

В этой связи проблема оценки устойчивости национальных экономик к воздействию глобальных финансовых и экономических дисбалансов приобретает ключевое значение. Отсутствие единого комплексного подхода к мониторингу и диагностике экономической устойчивости ограничивает возможности государств своевременно идентифицировать уязвимости и разрабатывать обоснованные стратегии адаптации. Традиционные макроэкономические показатели, используемые в таких рейтингах, как Global Competitiveness Index Всемирного экономического форума или Worldwide Governance Indicators Всемирного банка, не учитывают совокупность институциональных, макроэкономических и структурных факторов в едином аналитическом контексте [2].

Целью настоящего исследования является разработка, апробация и обоснование новой методики оценки устойчивости национальных экономик к глобальным дисбалансам на основе интегрального индекса экономической устойчивости (ERI – сокр. от англ. Economic Resilience Index), который учитывает три ключевых компонента: институциональную устойчивость, макроэкономическую стабильность и структурную экономическую адаптивность.

Научная новизна работы заключается в следующем:

- впервые предложен интегральный индекс ERI, сочетающий качественные и количественные индикаторы, охватывающие институциональную, макроэкономическую и структурную устойчивость;
- разработан алгоритм нормирования и взвешивания показателей по каждому компоненту, что обеспечивает сопоставимость результатов для стран с различным уровнем развития;
- проведена апробация методики на примерах Беларуси и Китая, выявлены характерные различия в структуре устойчивости;
- показана применимость ERI для стратегического планирования устойчивости в условиях глобальных дисбалансов.

Несмотря на наличие множества индикаторов и моделей анализа макроэкономического состояния государств, на сегодняшний день отсутствует комплексный инструмент, позволяющий верифицировать реальную способность национальной экономики адаптироваться к внешним шокам, вызванным глобальными дисбалансами. На практике это означает, что структурные риски, институциональные слабости и нестабильность внешнего сектора рассматриваются обособленно, без интеграции в единую оценочную систему, что снижает прогностическую и прикладную значимость анализа.

На сегодняшний день для анализа устойчивости национальных экономик применяются следующие ключевые подходы:

1. Макроэкономические индексы устойчивости.

Как отмечает П. Кругман, «устойчивость национальной экономики во многом зависит от способности её финансовой системы адаптироваться к колебаниям глобального спроса и валютных курсов, особенно в условиях долларовой зависимости развивающихся стран» [3]. Международные организации, включая Всемирный банк и МВФ, используют показатели долговой нагрузки, дефицита бюджета, инфляции и дефицита текущего счёта для составления аналитических таблиц по устойчивости. Однако такие показатели отражают текущую ситуацию, не фиксируя структурные и институциональные предпосылки устойчивости в долгосрочной перспективе [4].

2. Индексы конкурентоспособности.

В индексе глобальной конкурентоспособности (англ. Global Competitiveness Index) Всемирного экономического форума учитываются такие параметры, как инновационный потенциал, инфраструктура, уровень образования, макроэкономическая среда. Однако данный индекс ориентирован на долгосрочный рост, а не на устойчивость к внешним шокам [5]. Даже высокая конкурентоспособность в рейтингах WEF не означает устойчивость к глобальным дисбалансам, если экономика зависит от экспортно-ориентированной модели и лишена механизмов внутреннего баланса.

3. Рейтинги кредитоспособности и риска.

Рейтинговые агентства (S&P, Moody's, Fitch) предоставляют оценки странового риска на основе макрофинансовых и политических параметров. Однако их подход страдает высокой степенью субъективности и часто отстаёт от реальных изменений в экономике [6].

4. Индекс устойчивого развития (англ. SDG Index – сокр. от англ. Sustainable Development Goals Index) [7].

Данный показатель сконцентрирован преимущественно на социальной и экологической составляющей, без комплексной оценки экономической стабильности и устойчивости к внешним дисбалансам [8]. Как подчёркивают N.H.A. Alayseri, R.N. Kadhimi и H.S. Majeed, структурные дисбалансы проявляются как «нарушение пропорций между секторами экономики, их вкладом в ВВП и долей занятости», что напрямую влияет на макроэкономическую стабильность и рост безработицы [9].

Таким образом, существующие методы не обеспечивают целостного подхода, сочетающего институциональные, макроэкономические и структурные факторы, недостаточно учитывают влияние глобальных дисбалансов и шоков; либо чрезмерно агрегированы (как рейтинги), либо избыточно фрагментарны (как отдельные индексы).

Эти ограничения обосновывают актуальность разработки нового интегрального инструмента оценки, каким и является предложенный Индекс экономической устойчивости (ERI), применимый как к странам с развитой экономикой, так и к государствам с формирующимся рынком. Модели, опирающиеся исключительно на фискальные и денежные параметры, не учитывают институциональную логику, структуру социальной защиты и уровень инновационного потенциала, что снижает их аналитическую применимость в периоды глобальных трансформаций. В отличие от таких моделей, ERI в своей структуре включает параметры человеческого капитала и систем социальной устойчивости.

Представим авторский методический подход к проблеме оценки устойчивости национальной экономики к глобальным дисбалансам через комплексную систему, которая объединяет институциональные, структурные и макроэкономические факторы.

Эта авторская модель, которую мы назовем «Индекс экономической устойчивости (ERI – сокр. от англ. Economic Resilience Index)», будет оценивать способность страны поглощать внешние потрясения и поддерживать рост путем изучения нескольких ключевых аспектов. Эта концепция была бы особенно полезна для понимания того, как такие страны, как Беларусь, могут противостоять глобальным экономическим потрясениям.

Прежде всего, охарактеризуем концептуальные основы Индекса экономической устойчивости (ERI).

ERI предназначен для измерения степени устойчивости национальной экономики к глобальным дисбалансам. Он объединяет институциональное качество, макроэкономическую стабильность и структурные характеристики в составной индекс, который количественно определяет экономическую устойчивость страны. ERI состоит из трех основных компонентов:

– *Компонент 1* – Институциональная устойчивость (IR – сокр. от англ. Institutional Robustness) включает следующие элементы:

А) Верховенство закона и права собственности (R – сокр. от англ. Rule of Law and Property Rights): измеряет эффективность правовых институтов в защите прав собственности и обеспечении исполнения контрактов.

Б) Политическая стабильность и управление (G – сокр. от англ. Political Stability and Governance): оценивает силу структур управления и их способность реагировать на экономические кризисы, не вызывая дальнейшей нестабильности.

В) Прозрачность и подотчетность (T – сокр. от англ. Transparency and Accountability): оценивает уровень коррупции, прозрачность в разработке политики и подотчетность государственных чиновников.

Как утверждает Э. Хенриксон, различия в демографической структуре и институциональных ожиданиях объясняют различия в траекториях текущих счетов между США и Японией [10]. В рамках ERI данные аспекты могут быть отнесены к институциональной устойчивости (IR) и структурной адаптивности (SER).

Наличие надёжных институтов снижает инфляционное давление, связанное с дефицитными расходами, через повышение доверия к экономической политике.

Институциональная устойчивость в итоге равна, формула (1):

$$IR = \frac{R + G + T}{3} \quad (1)$$

– *Компонент 2* – Макроэкономическая стабильность (MS – сокр. от англ. Macroeconomic Stability):

А) Волатильность инфляции (IV – сокр. от англ. Inflation Volatility): отслеживает стандартное отклонение темпов инфляции (от целевых показателей инфляции) за период, отражающее стабильность покупательной способности национальной валюты.

Б) Долговая устойчивость (DS – сокр. от англ. Debt Sustainability): измеряет соотношение государственного долга к ВВП и способность обслуживать его, не прибегая к чрезвычайным мерам.

В) Внешние балансы (EB – сокр. от англ. External Balances): анализируется баланс текущего счета в процентах от ВВП, что указывает на зависимость от внешнего финансирования.

Макроэкономическая стабильность в итоге равна, формула (2):

$$MS = \frac{1}{IV} * \frac{1}{DS} * EB \quad (2)$$

– Компонент 3 – Структурная экономическая устойчивость (SER):

А) Экономическая диверсификация (ED – сокр. от англ. Economic Diversification): оценивает диверсификацию экономической деятельности и экспортных секторов, снижая зависимость от единых рынков или продуктов.

Б) Человеческий капитал и инновации (HC – сокр. от англ. Human Capital and Innovation): измеряет уровень образования, расходы на НИОКР и внедрение технологий как индикаторы способности экономики к инновациям и адаптации.

В) Системы социальной защиты (SSN – сокр. от англ. Social Safety Nets): оценивает надежность систем социального обеспечения в смягчении воздействия экономических потрясений на население.

Структурная экономическая устойчивость в итоге равна, формула (3):

$$SER = \frac{ED + HC + SSN}{3} \quad (3)$$

Для выполнения расчёта ERI для Республики Беларусь, на основе имеющихся данных мы присваиваем баллы каждому подкомпоненту. Эти баллы нормированы между 0 и 1, где более высокие значения указывают на большую устойчивость.

1. Институциональная устойчивость (IR):

Верховенство закона и права собственности (R): Балл = 0,4 (в Беларуси умеренный уровень защиты прав собственности), что соответствует данным соответствующих подкомпонент глобального инновационного индекса, рассчитываемого Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС).

Стабильность и управление (G): Оценка = 0,3 (проблемы эффективности экономических институтов, по экспертной оценке, ВОИС).

Прозрачность и подотчетность (T): Оценка = 0,3 (средний уровень коррупции и низкая прозрачность, по экспертной оценке, ВОИС).

$$IR = \frac{0,4 + 0,3 + 0,3}{3} = 0,33$$

2. Макроэкономическая стабильность (MS):

Волатильность инфляции (IV): Оценка = 0,6 (Инфляция была волатильной, но не чрезмерно).

Устойчивость долга (DS): Оценка = 0,7 (Умеренный государственный долг по отношению к ВВП).

Внешние балансы (EB): Оценка = 0,5 (Сальдо текущего счета колеблется, но остается в пределах управляемого уровня).

$$MS = \frac{1}{0,6} * \frac{1}{0,7} * 0,5 = 1,19$$

3. Структурная экономическая устойчивость (СЭУ):

Экономическая диверсификация (ED): Оценка = 0,4 балла (экономика в значительной степени зависит от нескольких секторов, особенно от обрабатывающей промышленности и энергетики).

Человеческий капитал и инновации (HC): Оценка = 0,5 (Уровень образования относительно высок, но инновации ограничены).

Системы социальной защиты (SSN): Оценка = 0,4 (Системы социального обеспечения существуют, но финансируются недостаточно).

$$SER = \frac{0,4 + 0,5 + 0,4}{3} = 0,43$$

Наконец, индекс экономической устойчивости (ERI) для Беларуси рассчитывается путем усреднения баллов по трем компонентам:

$$ERI = \frac{(IR + MS + SER)}{3} = \frac{(0.33 + 1.19 + 0.43)}{3} = 0.65$$

С показателем **ERI = 0,65 Беларусь** демонстрирует умеренную экономическую устойчивость. Относительно низкие показатели институциональной устойчивости (IR) и структурной экономической устойчивости (SER) указывают на то, что Беларусь может быть уязвима к внешним потрясениям, особенно связанным с управлением и диверсификацией экономики. Более высокий балл по показателю макроэкономической стабильности (MS) говорит о том, что, хотя краткосрочная стабильность является управляемой, долгосрочная устойчивость требует значительных институциональных и структурных реформ.

Приведём примеры расчёта показателя ERI для Китая на основе анализа и нормирования его компонентов по экспертной оценке Глобального инновационного индекса за 2024 г. [11]).

1. Институциональная устойчивость (IR):

Верховенство закона и права собственности (R): согласно данным Всемирного банка, индекс верховенства закона для Китая составляет 0,52 (в диапазоне от -2,5 до 2,5).

$$IR = \frac{0,604 + 0,44 + 0,29}{3} = 0,4447$$

2. Макроэкономическая стабильность (MS):

Волатильность инфляции (IV): Оценка = 0,1 (Среднегодовая инфляция в Китае за последние 5 лет составляла около 2% с низкой волатильностью).

Устойчивость долга (DS): Оценка = 0,7 (Умеренный государственный долг по отношению к ВВП).

Внешние балансы (EB): Оценка = 0,5 (Сальдо текущего счета колеблется, но остается в пределах управляемого уровня).

$$MS = \frac{1}{0.1} * \frac{1}{0.7} * 0.5 = 7.14$$

3. Структурная экономическая устойчивость (СЭУ):

Экономическая диверсификация (ED): Оценка = 0,8 балла

Человеческий капитал и инновации (HC): Оценка = 0,8 балла

Системы социальной защиты (SSN): Оценка = 0,5.

$$SER = \frac{0,8 + 0,8 + 0,5}{3} = 0,7$$

Наконец, индекс экономической устойчивости (ERI) для Беларуси рассчитывается путем усреднения баллов по трем компонентам:

$$ERI = \frac{(IR + MS + SER)}{3} = \frac{(0.4447 + 7.14 + 0.7)}{3} = 2.762$$

Таким образом, **ERI Китая = 2.762**, что значительно превышает аналогичный показатель для Беларуси. Китай обладает высокой устойчивостью к глобальным финансовым дисбалансам, в то время как Беларусь остается уязвимой экономикой, более зависимой от внешних факторов. В связи с этим, предложим следующие рекомендации для Беларуси по реализации политики повышения устойчивости к глобальным финансовым дисбалансам.

Укрепление институтов: улучшение управления, снижение уровня коррупции и укрепление верховенства закона будут иметь решающее значение для усиления компонента IR в ERI.

Диверсификация экономики: Беларуси необходимо диверсифицировать свою экономику, снизив свою зависимость от отраслей первичного сектора в сторону ориентации на информационный сектор и другие услуги, чтобы снизить риски, связанные с колебаниями мирового спроса. Как подчеркивали Пол Кругман и Джозеф Стиглиц, страны, чья экономика ориентирована на ограниченное число экспортных товаров, подвержены значительным рискам в условиях изменения глобального спроса и волатильности цен на сырьевые товары.

Инвестиции в человеческий капитал: повышение уровня образования и содействие инновациям помогут улучшить долгосрочную экономическую адаптацию страны, что повысит ее рейтинг SER.

Эта модель может быть применена к другим странам для оценки их экономической устойчивости в глобальном контексте, предлагая политикам надежный инструмент для выявления уязвимых мест и разработки стратегий эффективного противодействия глобальным дисбалансам.

В условиях усиливающейся нестабильности глобальной экономической системы, вызванной ростом финансовых дисбалансов, трансграничных рисков и институциональных асимметрий, задача выработки эффективных методологических инструментов для оценки устойчивости национальных экономик приобретает особую актуальность. В рамках данного исследования предложен и теоретически обоснован новый интегральный подход к измерению способности стран противостоять внешним экономическим шокам – индекс экономической устойчивости.

В отличие от существующих подходов, данная методика интегрирует три ключевых аспекта: институциональную устойчивость, макроэкономическую стабильность и структурную экономическую устойчивость, что позволяет более комплексно оценивать способность стран противостоять внешним шокам. Новизна подхода заключается в том, что методика учитывает, как качественные, так и количественные показатели, что расширяет возможности анализа и диагностики экономической устойчивости. Применение ERI для Республики Беларусь выявило её относительную устойчивость в макроэкономической сфере, несмотря на слабые институты и ограниченную структурную устойчивость, что подчеркивает необходимость институциональных и структурных реформ. Методика ERI может быть использована для проведения сравнительного анализа устойчивости других стран и разработки стратегий повышения экономической стабильности, что открывает новое направление в исследованиях глобальных финансовых дисбалансов и их воздействия на национальные экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. World Economic Outlook 2023: Navigating Global Divergences // International Monetary Fund, October 2023. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023> (дата обращения 23.06.2025).
2. Worldwide Governance Indicators // World Bank. – URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators> (дата обращения 23.06.2025).
3. Krugman P. Will there be a dollar crisis? // Economic Policy. – 2007. – Vol. 22, № 51. – P. 436–467.
4. World Development Indicators // DataBank. – URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения 23.06.2025).
5. World Competitiveness Ranking 2024. – URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-competitiveness-ranking/> (дата обращения 23.06.2025).
6. Reinhart C.M., Rogoff K.S. This time is different: Eight centuries of financial folly. – Princeton university press, 2009.
7. SDG Index. – URL: <https://sdgtransformationcenter.org/sdgindex> (дата обращения 23.06.2025).
8. Sachs J., Kroll C., Lafortune G., Fuller G. Sustainable Development Report 2022. – Cambridge University Press, 2022.
9. Alayseri N.H.A., Kadhim R.N., Majeed H.S. Economic reform, structural imbalances and their impact on unemployment in the emerging economy // Journal of Governance and Regulation/Volume. – 2024. – Vol. 13, № 1.
10. Henrikson E. R. A demographic explanation of US and Japanese current account behavior. – Carnegie Mellon University. – 2002. – P. 1–30.
11. Global Innovation Index 2024 // WIPO. – URL: <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/en/> (дата обращения 23.06.2025).

УДК 33.9 (476+510)

ЦИФРОВАЯ ТОРГОВЛЯ В РАЗВИТИИ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА DIGITAL TRADE IN THE DEVELOPMENT OF BELARUSIAN-CHINESE ECONOMIC COOPERATION

Чжао Цинцю,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
Zhaoqingqiu2108@gmail.com

Zhao Qinqiu,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье определена целесообразность активизации развития цифровой торговли в экономическом взаимодействии Беларуси и Китая. Определены ключевые мировые тенденции развития цифровой торговли. Проведен сравнительный обзор состояния развития электронной коммерции в Беларуси и Китае. Сформулированы основные проблемы в развитии цифровой торговли между Республикой Беларусь и КНР, в том числе на региональном уровне (различный уровень цифровизации стран; различия в уровне

технического и организационного обеспечения электронной торговли; отличия в применяемых механизмах поддержки выхода субъектов хозяйствования на мировые цифровые рынки; для белорусских субъектов малого и среднего предпринимательства нехватка компетенций, недостаточное знание законодательства в этой сфере стран-партнёров, а также неразвитость цифрового формата товаров и услуг).

Обоснованы рекомендации в области совместной деятельности КНР и Беларуси по развитию торговых связей в цифровом формате. Они включают: создание в Китайско-Белорусском парке «Великий камень» специальной цифровой зоны по принципу экосистемы; использование опыта КНР в формировании цифровых образов товаров и цифрового брендинга; образование сети консультантов, предоставляющих ряд услуг по переводу бизнеса в сферу электронной коммерции; для включения в цифровую торговлю территориально удаленных и слабо развитых белорусских районов использование китайского опыта «деревни Таобао»; оказание содействия субъектам МСП в создании интернет-витрины с описанием своих товаров и др.

Ключевые слова: Беларусь, Китай, меры государственной поддержки, цифровая экономика, цифровые платформы для малого и среднего бизнеса, электронная торговля.

Abstract. The article defines the feasibility of activating the development of digital trade in the economic interaction of Belarus and China. Key global trends in the development of digital trade are identified. A comparative review of the state of e-commerce development in Belarus and China is conducted. The main problems in the development of digital trade between the Republic of Belarus and China, including at the regional level, are formulated: (different levels of digitalization of countries; differences in the level of technical and organizational support for e-commerce; differences in the mechanisms used to support the entry of business entities into global digital markets; for Belarusian small and medium-sized businesses, lack of competencies, insufficient knowledge of the legislation in this area of partner countries, as well as underdevelopment of the digital format of goods and services).

The recommendations are substantiated in the area of joint activities of China and Belarus to develop trade relations in digital format, including the creation of a special digital zone on the territory of the China-Belarus Great Stone Park based on the ecosystem principle; the use of China's experience in the formation of digital images of goods, digital branding; the creation of a network of consultants providing a range of services for transferring businesses to the sphere of e-commerce; the use of the Chinese experience of the "Taobao village" to include remote and underdeveloped Belarusian regions in digital trade; assistance to SMEs in creating an online showcase with a description of their goods, etc.

Keywords: Belarus, China, government support measures, digital economy, digital platforms for small and medium businesses, e-commerce.

В белорусско-китайских экономических связях период 2024–2025 гг. определен Годом сотрудничества в области науки, технологий и инноваций. Цифровые технологии и сотрудничество в области цифровой экономики является приоритетом во взаимодействии двух стран. Незадействованным резервом и перспективным направлением наращивания взаимного товарооборота между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой следует рассматривать цифровую торговлю.

В числе основных мировых трендов развития цифровой торговли следует отметить следующее:

- доминирование в мировой цифровой торговле КНР и США, которые занимают более 50 % объема совершенных сделок в онлайн-пространстве, при этом на страны ЕАЭС в общемировом объеме покупок приходится менее 1 %;

- формирование мировых лидеров среди цифровых платформ, которыми в настоящее время являются Alibaba (КНР), Amazon (США), eBay (США);

– наиболее выраженная мировая тенденция – это процесс вытеснения традиционных торговых сделок цифровой торговлей, которая демонстрирует большую эффективность;

– усиливающаяся тенденция к формированию глобальных и региональных экосистем на основе цифровых платформ, которые начинают доминировать на мировом рынке цифровой торговли;

– рост в цифровой торговле цифровых двойников и образов, наряду с торговлей физическими товарами;

– увеличение количества потребителей, которые пользуются услугами в специализированных онлайн-офлайн-магазинах, интегрированных с мобильными приложениями;

– стирание границы между товарами и услугами в цифровой торговле, все больше товаров продаются с обязательным набором услуг [1].

Как уже отмечено выше, выступает лидером на мировом рынке электронной торговли Китай, в том числе по участию малого и среднего бизнеса в цифровой розничной торговле.

По информации Канцелярии ЦК КПК и Канцелярии Госсовета КНР прогнозируется, что доля онлайн-услуг в Китае в общем объеме торговли услугами к 2029 г. превысит 45 %, а к 2035 г. достигнет 50 % [2].

Как следует из специальной литературы, рынок электронной торговли в КНР прошел несколько этапов развития. По оценкам экспертов, начальный этап развития цифровой торговли связан с обеспечением доступа в Интернет, появлением первого китайского поисковика Соуху в 1998 г. и формированием крупных интернет платформ, в числе которых известная Alibaba group, а также с развитием интернет-магазинов. В этот же период создается первая китайская платформа С2С (потребитель-потребитель). В последующие годы была создана В2С платформа, называемая «Торговый комплекс Таобао» (бизнес-потребитель), а в 2011 г. на китайском рынке электронной коммерции появилась В2В-компания Cogobuy и В2В-компания Ganglian holdings.

Стремительное развитие электронной коммерции с 2013 г. связано, в первую очередь, с масштабным распространением в стране мобильного интернета. Начиная с этого периода, который в литературе определен как второй этап развития электронной торговли, Китай становится мировым лидером в этой области [3].

Драйверами этого процесса можно назвать: политику привлечения иностранных инвестиций в этот сектор экономики, на государственном уровне были приняты и выполнены ряд стратегий и программ: Национальная среднесрочная программа развития науки и технологий (2006–2020 гг.); Государственная стратегия по развитию информатизации (2006–2020 гг.); программа «Цифровая экономика – 2020: план действия для китайских предприятий». План «Цифровой Китай» (2016–2021 гг.).

В настоящее время продолжают реализацию две программы. Это «Сделано в Китае – 2025», задача которой заключается в повышении производительности с использованием цифровых технологий и «зеленых» стандартов, и «Интернет плюс» – трансформация промышленности с использованием цифровых технологий, мобильного интернета и проведение к 2025 г. компьютеризации всех имеющихся на территории КНР предприятий.

Регулирование данной сферы находится в компетенции Министерства промышленности и информатизации КНР, а также Министерства коммерции КНР. Программными документами для развития электронной торговли являются: «Специальный план по развитию логистики в сфере электронной торговли» (2016–2020 гг.); «Налоговый циркуляр по электронной торговле» (2016 г.).

В соответствии с созданной нормативной и правовой базой, в КНР реализуются следующие механизмы, стимулирующие развитие цифровой торговли: а) освобождение предприятий-разработчиков от части налогов; б) привилегированный доступ отечественных ИТ-компаний к государственным закупкам; в) доступ к банковским кредитам с низкой процентной ставкой; г) инвестиции государства в частные венчурные фонды; д) организация крупных государственных инфраструктурных цифровых проектов, например, платформ для

трансграничной электронной торговли. Кроме этого, Правительство поддерживает такой инструмент как организация соревнований между компаниями в сфере электронной коммерции [4].

В контексте реализации цифровой индустриализации и промышленной цифровизации в качестве приоритетов развития определены отрасли и сферы, тесно связанные с цифровой экономикой. Это электронная промышленность, телекоммуникационная отрасль, производство собственного программного обеспечения.

Существенный вклад в развитие электронной коммерции внесли институциональные преобразования. Речь идет о принятии «Закона об электронной коммерции», который стал первым специальным законом Китая в сфере электронной коммерции. Он вступил в силу 1 января 2019 г. следом за принятием пятилетнего плана по развитию электронной коммерции. Основными нововведениями указанного нормативного правового акта является выделение категорий бизнеса, который подпадает под его действие (три типа операторов электронной коммерции); ужесточение требований к защите прав на интеллектуальную собственность; регулирование недобросовестной конкуренции; более существенная защита прав потребителей, в том числе введение солидарной ответственности за продажу контрафактного товара и др. В целом закон направлен на создание открытой, честной и недискриминационной среды для цифрового развития [5].

В числе практических китайских нововведений в области цифровой торговли можно назвать следующие.

Во-первых, создание международных комплексных экспериментальных зон для развития цифровой торговли.

Такие зоны созданы для работы электронной торговли в таких городах, как: Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Таншань, Хух-Хото, Шэньян, Далянь, Чанчунь, Харбин, Нанкин, Сучжоу, Уси, Ханчжоу, Нинбо, Иу, Хэфэй, Фучжоу, Сямэнь, Наньчан, Циндао, Вэйхай, Чжэнчжоу, Ухань, Чанша, Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Чжухай, Дунгуан, Наньнин, Хайкоу, Чунцин, Чэнду, Гуйян, Куньмин, Сиань, Ланьчжоу, Пинтан и др.

На этих территориях снижены пошлины, упрощены процедуры регистрации товаров, хранения без регистрации иностранного юридического лица. Кроме того, цифровые зоны предоставляют услуги платежных платформ и с конвертацией иностранной валюты, а также логистических услуг.

Для иллюстрации результатов работы международных комплексных экспериментальных зон для развития цифровой торговли можно привести опыт города Шэньчжэнь. В 2023 г. объем внешней торговли в рамках трансграничной электронной коммерции составил 326,53 млрд юаней (около 45,96 млрд долл. США). Количество предприятий, занимающихся экспортными операциями в сфере электронной коммерции в Шэньчжэне, превысило 150 тыс. На их долю приходится почти половина китайских продавцов на таких платформах, как Alibaba.com, AliExpress, Lazada и eBay, и треть китайских продавцов на Amazon. Компания Amazon запустила свой первый в мире инновационный центр в Шэньчжэне [6].

Во-вторых, появление новой тенденции в «китайском интернете» – переход от традиционной интернет торговли к продажам через социальные платформы (e-commerce к social commerce). По оценкам китайских экспертов, объем рынка social commerce составляет 449 млрд долл. США в год, при этом 356 млрд долл. США приходится на рынок лайв-стриминга, аналога «магазина на диване», или продаж в прямом эфире с помощью блогеров и инфлюенсеров [7].

В-третьих, для КНР характерной тенденцией развития цифровой торговли является формирование специальных цифровых платформ для малого и среднего бизнеса.

Речь идет о DHgate – так называемых воротах на китайский рынок для малого и среднего бизнеса. DHgate – это популярная китайская платформа B2B и B2C, а также важный ресурс для малых и средних предприятий (МСП), желающих импортировать товары напрямую из Китая. Пользователи платформы получают выгоду не только от широкого

спектра доступных продуктов, но и от сравнительно низких цен, которые стали возможными благодаря прямым закупкам. Кроме того, DHgate предлагает защиту покупателей, безопасные способы оплаты и удобную платформу для облегчения международной торговли. На площадке Alibaba малые и средние компании также могут осуществлять закупки и продажи, при этом могут воспользоваться беззалоговым кредитом, микрозаймами [8].

В-четвертых, наиболее значимой отличительной чертой китайского рынка электронной торговли является формирование экосистемы и интегрированных экосистем с другими участниками рынка цифровой торговли. В частности, наряду с созданием цифровых торговых платформ в Китае активно развиваются другие цифровые сервисы.

Так, в стране реализуется политика по цифровой модернизации платежных систем. Мобильные платежные сервисы Alipay, WeChat Pay, Unionpay и другие как более удобные и эффективные являются в Китае основным способом оплаты повседневных покупок товаров и оплаты услуг.

По некоторым оценкам, на мобильные платежи в продажах электронной коммерции приходится около 70 % транзакций в Китае (в Соединенных Штатах этот показатель достигает только 30 %). Еще одна развитая в Китае технология, которая упрощает процесс оплаты, – QR-код. Он позволяет продавцам сэкономить на эквайринге и терминалах оплаты, а пользователям – проводить транзакции без комиссии [9].

Китайская экономика характеризуется также быстрым созданием систем цифровой логистики, что обеспечивает рост экспорта транспортных услуг. Трансграничная электронная торговля основана на обширных логистических связях Китая с зарубежными потребителями. Основными формами трансграничной логистики являются международные посылки, международная экспресс-доставка, зарубежные склады.

Относительно Беларуси, необходимо указать, что сектор цифровой торговли находится в стране на стадии становления. Весомой предпосылкой дальнейшего развития электронной торговли выступает формирующийся сектор информационно-коммуникационных технологий. По данным Белстата за 2023 год в стране зарегистрировано 1429 организаций в сфере цифровой торговли, где занято 9 % от общей численности занятых в цифровой экономике. Объем полученной прибыли участниками интернет торговли достиг 38,7 млн белорусских рублей. Доля иностранных инвестиций, поступивших в сектор цифровой торговли, находится на мизерном уровне – 0,02 % от общего объема иностранных инвестиций в стране. Удельный вес розничного товарооборота, реализуемого через Интернет-торговлю, составил 8,1 %. Вклад сектора цифровой торговли в валовую добавленную стоимость находился на низком уровне – 0,3 %. В Республике Беларусь функционирует Парк высоких технологий (ПВТ), который в условиях цифровой трансформации стал драйвером национального экономического роста и экспорта IT-услуг [10].

В Беларуси постепенно формируется институциональная основа развития электронной торговли.

Во-первых, принят ряд законодательных и нормативных правовых актов и разработаны программные документы. В настоящее время в стране реализуется Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси на 2021–2025 гг.», утвержденная Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66. В числе ключевых целей программы провозглашается обеспечение внедрения информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2023 года № 381 «О цифровом развитии» основным подходом в цифровизации страны до 2030 года станет создание и использование цифровых платформ.

Согласно действующему законодательству определена задача создания портала единого окна для внешней торговли, который следует использовать в качестве национальной платформы, объединяющей все информационные системы и обеспечивающей их функциональную совместимость, обмен данными и обработку стандартизированных электронных документов. Обозначена потребность во внедрении единой государственной

архитектуры данных, стандартов, реестра документов для электронной торговли, что отсутствует в настоящее время.

Во-вторых, был разработан проект, который начал реализацию «О создании Национальной системы безбумажной торговли (НСБТ)». Партнером по её созданию стала южнокорейская торговая сеть KTNET – одна из ведущих компаний в области электронного администрирования экономической деятельности в создании национальной системы безбумажной торговли.

В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» электронные документы могут применяться во всех сферах деятельности, где используются технические, программные и программно-аппаратные средства, необходимые для создания, обработки, хранения, передачи и приема информации в электронном виде. Электронный документ приравнивается к документу на бумажном носителе, подписанному собственноручно, и имеет одинаковую с ним юридическую силу.

В-третьих, для осуществления сделок в цифровом пространстве в Беларуси введена новая форма договора, так называемый смарт-контракт. С 28 марта 2018 г. в силу вступил Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики». В соответствии с этим декретом смарт-контракт определен как программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий.

В-четвертых, в Беларуси созданы и функционирует целый ряд торговых цифровых площадок с различными бизнес-моделями. Транзакции между организацией и потребителем (бизнес-модель B2C) осуществляют такие торговые площадки, как kufar.by, deal.by, catalog, onliner.by. Их особенность – ориентация на внутренний рынок.

Обеспечение транзакций между коммерческими организациями (бизнес-модель B2B) входит в круг обязанностей Белорусской универсальной товарной биржи (БУТБ). Электронные биржевые торги на БУТБ осуществляются с помощью Автоматизированной системы обеспечения торговли сельхозпродукцией, лесопродукцией, металлопродукцией, а также проводятся электронные торги промышленными и потребительскими товарами любого ассортимента. Все сделки совершаются в режиме онлайн с использованием электронной цифровой подписи.

Операции купли/продажи товаров онлайн, с помощью электронной цифровой подписи существует и на портале www.export.by, где в главном меню выделено несколько рубрик, в том числе «Бытовая техника», «Сельское хозяйство и продукты питания», «Текстиль и материалы» и др.

Возможности международной электронной торговли белорусских производителей значительно расширились после открытия в июле 2022 г. Национального павильона Беларуси в Китайско-Белорусском индустриальном парке «Великий камень».

Данный павильон размещен на китайской платформе JingDong и площадке Douyin (китайская версия TikTok). На данной площадке предоставлена возможность онлайн торговли белорусским производителям продуктов питания: «Спартак», СОАО «Коммунарка», КПУП «Кондитерская фабрика «Витьба»», ОАО «Лидапищеконцентраты», ООО «Белпродукт», ОАО «Минский молочный завод № 1» и ОАО «Беллакт», ЗАО «Минский завод безалкогольных напитков», ОАО «Гомельский жировой комбинат».

Сравнительный обзор политики цифровизации торговли в Китае и Беларуси позволяет сформулировать основные проблемы в развитии цифровой торговли между Республикой Беларусь и КНР, в том числе на региональном уровне.

Первое, значимым препятствием на пути цифровой торговли между Республикой Беларусь и КНР выступает различный уровень цифровизации стран. Китай является мировым лидером в области развития цифровой экономики и цифровой торговли. Беларусь занимает позиции аутсайдера.

Второе, элементы цифровой инфраструктуры Беларуси и Китая находятся на разном уровне технического и организационного обеспечения.

Бизнес в Китае активно применяет цифровые платежи, большие данные, облачные технологии и Интернет вещей для решения своих повседневных задач и повышения эффективности взаимодействия с пользователями, что положительно сказывается на объемах продаж. Искусственный интеллект рекомендует покупателю не просто аналогичные, а комплементарные товары, которые могут пригодиться пользователю. Анализ больших данных позволяет предоставить клиенту персонализированный сервис на основе данных о его предпочтениях, а также понять, заинтересован ли клиент в приобретении товара и нужно ли стимулировать его к покупке с помощью бонусов и скидок.

Более того, для КНР характерно создание экосистем на уровне различных сегментов цифровой торговли, разработка стратегий интеграции различных экосистем (транспортных услуг, платежной системы, информационных платформ и др.).

В Беларуси наиболее распространена форма онлайн торговли через маркетплейсы и торговые площадки, которые ограничены только интернет-витриной с простыми функциями. Дальнейшее развитие субъектами предпринимательства маркетплейсов входит в противоречие с интересами государства по сохранению поставок товаров через государственные почтовые организации.

Наличие указанной асимметрии приводит к тому, что доходы от цифровой торговли распределяются между участниками неравномерно, большая часть добавленной стоимости приходится на китайскую сторону.

Третье, в странах имеются различия в применяемых механизмах поддержки выхода субъектов хозяйствования, включая МСП, на мировые цифровые рынки. Имеет место несогласованность стран в области технического регулирования и контроля за безопасностью товаров при трансграничной торговле в рамках бизнес-модели B2C.

При этом в Беларуси цифровая торговля в большей мере ориентирована на внутренний рынок. Для белорусских субъектов малого и среднего предпринимательства сдерживающим фактором участия в международной цифровой торговле является недостаток знаний, информации и навыков. В КНР представители МСП являются наиболее многочисленной группой из числа участников цифровой торговли как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

Четвертое, в Беларуси практически не развит цифровой формат товаров и услуг, предназначенный для онлайн торговли. Учитывая, что для этих целей потребуются значительные материальные и финансовые ресурсы, без государственной поддержки МСП становятся практически неконкурентоспособными на рынке цифровой торговли. Имеет место несоответствие национальных классификаторов товаров в Беларуси и КНР, удобного и корректного перевода интерфейса и информации о продуктах соответственно на русский и китайские языки.

Пятое, для субъектов МСП – потенциальных участников цифровой торговли свойственна нехватка компетенций, недостаточное знание законодательства в этой сфере стран-партнёров.

В качестве ключевых направлений совместной деятельности КНР и Беларуси в области активизации развития торговых связей в формате цифровая торговля автором определено следующее.

1. Рекомендуется максимально использовать Республикой Беларусь созданные возможности в Китае для цифровой торговли организациями малого и среднего бизнеса.

Как указано на сайте Посольства Беларуси в КНР, электронная торговля белорусских субъектов может быть реализована по двум моделям [11]:

– первая – «B2C»: белорусская компания напрямую продает товар покупателю в Китае (услуги по доставке, упаковке, таможенному оформлению и иные сопутствующие услуги входят в обязанность продавца);

– вторая – «B2B2C»: белорусская компания реализует товар китайской компании, которая самостоятельно (либо через партнеров) реализует товары конечному покупателю в Китае.

При этом модель «B2B2C» может быть реализована через 4 варианта взаимодействия белорусского и китайского бизнеса:

а) продажа товаров китайской компании с последующей реализацией через электронные площадки;

б) белорусская компания заключает договор купли-продажи с китайской компанией (на практике, мелкооптовые поставки) с непосредственной договоренностью о реализации товара;

в) продажа товаров через Интернет-магазины представительств белорусских компаний в Китае;

г) продажа товаров через белорусскую электронную площадку в Китае. Каждая из этих форм имеет свои преимущества и недостатки. Как отмечают эксперты. Наиболее востребованным и менее затратным являются варианты «б» и «в».

2. Как перспективное направление можно определить развитие цифровой торговли МСП из регионов Беларуси с китайскими провинциями на базе созданной экосистемы цифровой торговли в ЕАЭС. Для реализации этого направления требуется как минимум обеспечение согласования законодательства в Беларуси с наднациональными нормативными правовыми актами в этой области, разработка скоординированной политики в области цифровизации торговли, создание и развитие общей модели данных электронной торговли.

3. Необходимо активнее использовать площадки Цифрового Шелкового пути для активизации цифровой торговли. Так, в странах на маршрутах «Пояса и пути» китайская компания «Алиэкспресс», дочернее предприятие «Алибаба», формирует свою систему маркетплейсов, включающую логистическую составляющую (компанию «Цайняо», участвующую в доставке 70 % всех посылок в Китае), торговые площадки – сеть магазинов с элементами виртуальной реальности, рекламные услуги, электронные платежи (система Alipay).

4. Учитывая, что одним из ключевых объектов китайской инициативы «Пояс и путь» является Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень», представляется целесообразным согласиться с предложениями, содержащимися в литературе, о создании на территории парка специальной цифровой зоны по принципу экосистемы. На территории зоны должен быть обеспечен доступ к таким ресурсам, как платформы электронной торговли, онлайн-платежей, логистики и реализация бизнес-моделей цифровой торговли B2C и B2B.

Модель функционирования такой зоны может базироваться на китайском опыте, где в аналогичных зонах в формате «одно окно» обеспечивается интеграция и взаимодействие таможенных органов, налоговых структур, торгово-промышленных ведомств, почтовых отделений, валютные и государственные ведомства для совместного использования данных, взаимных доступов и подключений [12].

5. Наконец, целесообразно разработать совместные меры государственной поддержки развития цифровой торговли Беларуси и КНР, в том числе ориентированной на малый и средний бизнес. Учитывая существующую асимметрию по участию МСП в цифровой торговле между Беларусью и КНР, основной упор в разработке мер по развитию цифровой торговли и участию в ней МСП должен быть сделан на региональную составляющую с учетом наработанного китайского опыта:

а) активизация белорусско-китайского сотрудничества в области разработок искусственного интеллекта, облачных приложений, технологий сбора и хранения больших объемов данных;

б) разработка мер финансовой и организационной поддержки для создания демонстрационной цифровой площадки для МСП в Беларуси, включая упрощенный порядок создания, предоставление недискриминационного доступа к государственной информации, определенные налоговые и страховые льготы и др.;

в) оказание совместной государственной поддержки на развитие технологической инфраструктуры (высокоскоростной интернет, облачная инфраструктура, цифровые платежные системы), которая направлена на функционирование цифровых торговых платформ и в дальнейшем могла стать технологической основой для формирования цифровых экосистем;

г) для включения территориально удаленных и слабо развитых регионов целесообразно использовать китайский опыт «деревни Таобао» (это устойчивый термин, который характеризует поселение, в котором не менее 10 % жителей занимаются интернет торговлей, что позволяет преодолеть изоляцию жителей, способствует внедрению инноваций в повседневную жизнь; первой было городское поселение, деревня Шанзи провинции Цзянсу, где был открыт интернет-магазин на площадке Alibaba, где стали торговать жители и впоследствии организовали 33 предприятия);

д) разработка с участием белорусских бизнес-сообществ и ассоциаций совместной программы по оказанию образовательных и консультационных услуг представителям МСП Беларуси с участием представителей КНР по организации цифровой торговли и подготовки специалистов в этой области;

е) создание сети консультантов, предоставляющих ряд услуг по переводу бизнеса в сферу электронной коммерции, начиная от прямой помощи конкретной компании до обучения и консультирования в рамках программы;

ж) использование опыта КНР в формировании цифровых образов товаров, цифрового брендинга;

з) подготовка совместных аналитических обзоров по развитию цифровой торговли в странах с развивающейся экономикой;

и) оказание содействия субъектам МСП в создании интернет-витрины с описанием своих товаров.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Доклад о развитии цифровой (интернет) торговли ЕАЭС. – Москва: Евразийская экономическая комиссия, 2019 г. – URL: https://regulation.eaeunion.org/upload/iblock/0f4/69g7un8igbpsbs2xvbbmkz810lhoslw8/pd_06032019_doc.pdf (дата обращения 14.05.2025).

2. Лю Ян. Доклад инновационного развития трансграничной электронной торговли Китая-2019 // Литературное издательство социальной науки. – 2019. – С. 16–68 (на кит. яз.).

3. Гэн Чанцзюнь. Состояние, тенденции и проблемы цифровой торговли Китая // Международная торговля и торговая политика. – 2021. – Том 7, № 2 (26). – С. 62–79.

4. Головенчик Г.Г., Хэ Я. Десять драйверов китайского цифрового чуда // Цифровая трансформация. – 2021. – № 3 (16). – С. 11–25.

5. Закон об электронной коммерции КНР // CNLegal. – URL: https://cnlegal.ru/china_economic_law/china_ecommerce_law_2019/ (дата обращения 09.04.2025).

6. Информационный ресурс Жэньминь Жибао. – URL: <http://russian.peopledaily.com.cn/n3/2024/0115/c31518-20121719.html> (дата обращения 09.08.2025).

7. Трансграничная торговля и феномен e-commerce на территории Китая // Skolkovo. – URL: <http://www.skolkovo.ru/notes/transgranichnaya-torgovlya-i-fenomen-e-sommerce-na-territorii-kitaya/> 02 июня 2022 г. (дата обращения 09.08.2025).

8. Чжао Цинцю. Институциональные основы развития внешнеэкономической деятельности малого и среднего предпринимательства в КНР // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы : сборник научных статей : в двух томах . Т.2 / ред.: Д.В. Муха [и др.] ; Национальная академия наук Беларуси; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2023. – С. 134–139.

9. Головенчик Г.Г., Мэн Ц. Анализ особенностей электронной коммерции в Китае // Вестник Российского университета дружбы народов: Экономика 2024. – Т.32, №4. – С. 687–708. – <https://doi.org/10.22363/2313-23-29-2024-32-4-687-708>.

10. Информационное общество в Республике Беларусь, 2023. Статистический сборник // Национальный статистический комитет – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/informatsionno-telekommunikatsionnye-tehnologii/statisticheskie-izdaniya/index_77688/ (дата обращения 09.08.2025).

11. Посольство Республики Беларусь в КНР. – URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/> (дата обращения 09.08.2025).

12. Ковалев М.М., Хэ Яньхай, Трансграничная электронная торговля Китая // Веснік сувязі. – 2020. – № 4 (162). – С. 58–64.

УДК 339.9

**КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И КУЛЬТУРНЫХ БАРЬЕРОВ ПРИ ВЫХОДЕ НА РЫНКИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
A COMPREHENSIVE ANALYSIS OF INSTITUTIONAL, ECONOMIC
AND CULTURAL BARRIES WHEN ENTERING LATIN AMERICAN MARKETS**

Шведко Павел Владимирович,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
shvedkopavel13@gmail.com

Аксючиц Алиса Васильевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
akalisa@mail.ru

Chvedko Pavel,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Aksiuchyts Alisa,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье анализируется ряд факторов, которые оказывают влияние на эффективность внешнеторгового сотрудничества со странами Латинской Америки, связанные с политическими, экономическими и инфраструктурными условиями. Дан краткий обзор ситуации в регионе, который, несмотря на наличие значительных природных ресурсов, демографических преимуществ и экспортной направленности, сталкивается с системными проблемами. Определены основные риски, включая политическую нестабильность, организованную преступность, коррупцию, макроэкономическую волатильность, слабость правовых институтов, высокие логистические издержки, сложность таможенного регулирования и культурные особенности, воздействующие на деловую коммуникацию. Подчеркивается необходимость использования комплексного подхода к выходу на рынки стран Латинской Америки, включая адаптацию маркетинговых стратегий, сотрудничество с местными партнерами, использование мультимодальных логистических решений и привлечение локальных специалистов для правового и языкового сопровождения,

что особенно актуально для Республики Беларусь в условиях диверсификации внешнеэкономических связей.

Ключевые слова: Латинская Америка, внешнеэкономическая политика, управление рисками, стратегия выхода на рынок.

Abstract. The article analyzes a set of factors influencing the effectiveness of foreign trade cooperation with Latin American countries, related to political, economic and infrastructural conditions. A brief overview of the regional situation is provided, highlighting that despite significant natural resources, demographic advantages and export orientation, Latin America faces system challenges. Key risks are identified, including political instability, organized crime, corruption, macroeconomic volatility, weak legal institutions, high logistics costs, complex customs regulations and cultural factors affecting business communication. The article emphasizes the necessity of applying comprehensive approach while entering Latin American markets, including the adaptation of marketing strategies, cooperation with local partners, the use of multimodal logistics solutions, and the involvement of local experts for legal and linguistic support, which is particularly relevant for the Republic of Belarus in the context of diversifying its foreign economic relations.

Keywords: Latin America, foreign economic policy, risk management, market entry strategy.

Латинская Америка постепенно укрепляет позиции в мировой экономике благодаря демографическому потенциалу, природным ресурсам, экспортной ориентированности и геостратегическому положению, что создает отличные условия для расширения сотрудничества с белорусскими производителями. Однако географическая удаленность, отсутствие у Беларуси выхода к морю и сложность транспортной логистики формируют устойчивые инфраструктурные и экономические барьеры.

Регион отличается выраженной политической, экономической и социальной неоднородностью, при этом ключевым риском остается политическая нестабильность. Усиливающаяся политическая поляризация в странах Латинской Америки затрудняет эффективное государственное управление и снижает способность государственных институтов принимать и реализовывать решения в интересах общества. На фоне напряжения между ветвями власти сохраняется низкий уровень доверия к политическим институтам, связанный с масштабной коррупцией и кризисом партийных систем (особенно в Чили, Сальвадоре, Аргентине и Мексике). В ряде стран фиксируется ослабление независимости судебных инстанций и усиление давления на государственные структуры [1].

Серьезную угрозу представляют транснациональные преступные организации, внедряющиеся в экономику. В отдельных регионах Бразилии, Колумбии, Мексики и Эквадора криминальные группировки выполняют функции параллельной власти. Высокий уровень преступности снижает инвестиционную привлекательность, увеличивает транзакционные издержки и препятствует формированию благоприятного делового климата. При этом в Сальвадоре отмечается положительная динамика на фоне жесткой стратегии борьбы с преступностью [1].

Нарастающее социально-экономическое неравенство усугубляет криминогенную ситуацию, особенно в крупных городах. Помимо насильственных преступлений, распространены мошеннические схемы. Коррупция остается устойчивым институциональным риском даже в странах с относительно эффективным государственным управлением (Уругвай, Чили и Коста-Рика), затрудняя реализацию внешнеэкономических проектов и снижая отдачу от инвестиций. Массовая миграция оказывает давление на социальную инфраструктуру и провоцирует рост напряженности в Колумбии, Чили, Эквадоре и Перу. Вероятность масштабных протестов сохраняется, особенно в Аргентине, где активны профсоюзы, связанные с левыми политическими силами [2].

Экономическая структура большинства стран Латинской Америки базируется на ресурсно-ориентированных отраслях – сельском хозяйстве и горнодобывающей

промышленности. Устойчивое развитие ограничивается совокупностью внутренних и внешних макроэкономических вызовов, среди которых – высокий уровень безработицы, инфляционное давление, фискальные дисбалансы и низкий уровень конкурентоспособности на глобальном рынке.

Социально-экономическая нестабильность проявляется в повсеместной распространенности бедности и масштабной занятости в неформальном секторе. В Колумбии более трети населения живет за чертой бедности, а более половины трудоспособных граждан работают вне формальной экономики. В Бразилии сохраняется один из самых высоких в мире уровней экономического неравенства: на 5 % наиболее обеспеченного населения приходится половина совокупного дохода [3]. Высокая доля теневой экономики подрывает эффективность налоговой системы и ограничивает возможности государства в реализации социальных программ.

Финансовая неустойчивость сопровождается ростом государственного долга. Примером служит Аргентина, где в 2023 г. отношение государственного долга к ВВП достигло 155,4 %, что отражает хронические дисбалансы в государственных финансах, обусловленные слабостью институциональной системы, экспансионистской фискальной политикой и неэффективным управлением [4]. Несмотря на последующее снижение этого показателя, долговая нагрузка остается высокой.

Одной из системных проблем регионального бизнеса является рост просрочек по платежам. В 2024 г. средний срок отсрочки увеличился до 52 дней, а в ряде стран – до 60 и более дней. Причинами выступают ограниченная платежеспособность контрагентов и слабый внутренний спрос. Ухудшение платежной дисциплины негативно влияет на ликвидность предприятий и усиливает кредитные риски [5].

Инфляционные процессы представляют собой устойчивый макроэкономический риск. В отдельных странах, таких как Венесуэла и Аргентина, наблюдались рекордно высокие темпы роста цен, обусловленные преимущественно монетизацией дефицита бюджета и девальвацией национальных валют. Для сдерживания инфляции ряд государств прибегли к долларизации (Эквадор, Сальвадор, Панама), что способствовало стабилизации денежно-кредитной политики, но не решило структурные проблемы [6].

Финансовый сектор региона также характеризуется высокой долей иностранного капитала и институциональной уязвимостью. Долгосрочные последствия высокой инфляции, финансовых кризисов и недостаточной прозрачности банковской деятельности обусловили недоверие населения к банковской системе. Доступ к финансовым услугам ограничен высокой стоимостью обслуживания, недостаточно развитой инфраструктурой и доминированием наличных операций. Как следствие, значительная часть населения обращается к альтернативным, зачастую неформальным источникам финансирования, что увеличивает финансовые риски.

Несмотря на развитую банковскую систему Бразилии, внешнеторговые операции требуют учета валютных рисков и локального регулирования. Валютный контроль и комиссионные издержки снижают эффективность расчетов, поэтому многие экспортеры используют финансовую инфраструктуру не Бразилии, а Уругвая, где действует более либеральное налоговое законодательство, гарантируется банковская тайна и обеспечивается свобода трансграничного движения капитала. В Аргентине, несмотря на усилия по стимулированию инвестиций (например, через налоговые льготы в автопроме), сохраняются жесткие трудовые нормы и нестабильная налоговая политика, ограничивающие приток капитала. Одновременно банки Карибского региона усилили меры контроля за клиентами из стран с высоким санкционным риском, включая Беларусь, что требует пересмотра подходов к организации международных расчетов.

По данным МВФ, низкий уровень развития инфраструктуры остается одним из ключевых барьеров для внешнеэкономической деятельности стран Латинской Америки. Географические особенности и слабая интеграция логистических маршрутов препятствуют

эффективной транспортировке грузов. Изменчивость логистических маршрутов и нестабильность фрахтовых тарифов затрудняют прогнозирование стоимости доставки.

Среди основных структурных проблем логистического сектора можно выделить следующие: недостаточное развитие транспортной инфраструктуры, включая отсутствие современных дорог, портов и аэропортов; сложный рельеф (тропические леса, горные массивы), затрудняющий строительство и эксплуатацию транспортных сетей; бюрократизированные таможенные процедуры, удлиняющие сроки доставки; дефицит квалифицированных кадров в логистике и слабое внедрение современных управленческих практик; отсутствие единой адресной системы; высокий уровень преступности и риски краж. В результате, локальные транспортные издержки превышают мировой уровень в 2–3 раза.

Дополнительные логистические требования, различающиеся по странам, усложняют процессы доставки. В Аргентине, например, необходимо оформление документа Remito в каждой провинции, по территории которой проходит груз. В Чили требуется либо счет-фактура, либо электронный коносамент. Местные почтовые службы характеризуются низкой надежностью, тогда как международные перевозчики обеспечивают стабильность, но их услуги отличаются высокой стоимостью. Колумбия и Мексика являются яркими примерами стран с фрагментированной транспортной системой. В Колумбии лишь незначительная часть дорог имеет твердое покрытие, и основная нагрузка ложится на авиаперевозки. В Мексике автотранспорт доминирует, однако логистические расходы достигают 8–15 % от себестоимости продукции, особенно на маршрутах «восток–запад». Железные дороги используются преимущественно для транспортировки сырьевых товаров.

Логистическая отрасль Латинской Америки находится на этапе технологического перехода, однако внедрение решений Индустрии 4.0 (интернет, автоматизация, блокчейн) остается ограниченным. Большинство локальных операторов не применяют цифровые системы управления запасами, маршрутизации и отслеживания грузов, что усиливает зависимость от международных логистических провайдеров и не обеспечивает интеграцию региона в глобальные цепочки поставок.

Дополнительную угрозу устойчивости логистики представляют природные катастрофы. Ураганы, наводнения и землетрясения (особенно в Колумбии, Перу и Панаме) наносят ущерб инфраструктуре и повышают затраты на восстановление. Так, засуха 2023–2024 гг. снизила пропускную способность Панамского канала, продемонстрировав уязвимость ключевых логистических узлов и актуализировав задачу их адаптации к климатическим рискам.

Правовое регулирование внешнеторговой деятельности в странах Латинской Америки отличается значительной вариативностью, что требует от иностранных компаний глубокого понимания местного законодательства и специфики бизнес-среды. Ведение бизнеса возможно через создание локального юридического лица (корпорации, филиалы, совместные предприятия и др.) либо посредством взаимодействия с местными агентами и дистрибьюторами. Последний формат предпочтителен в условиях высокой регуляторной нагрузки и ограниченного доступа к государственным контрактам без локального присутствия.

Государственные закупки требуют оперативной подачи заявок и регистрации в национальных реестрах. Получение импортных лицензий может предусматривать многоступенчатое согласование с государственными структурами, что замедляет процессы выхода продукции на рынок. Выбор каналов дистрибуции зависит от типа продукции и уровня локального спроса. Поставки промышленного оборудования, как правило, осуществляются через агентов, тогда как потребительские товары – через розничные сети.

Многие южноамериканские импортеры ожидают от зарубежных партнеров инвестиции в маркетинг, обучение персонала и развитие сервисной инфраструктуры. Участие в рекламных и обучающих кампаниях, наличие послепродажного обслуживания и технической поддержки существенно влияют на конкурентоспособность иностранных компаний на местном рынке.

Языковой барьер требует обязательного перевода всей документации и маркировки продукции на испанский или португальский язык. Региональные требования к маркировке строго регламентированы, особенно в пищевой отрасли.

Дополнительные сложности создают лицензионные ограничения и запреты на ввоз бывших в употреблении товаров, как, например, в Бразилии. В Аргентине и Парагвае предусмотрено предварительное согласование импорта ряда товарных позиций.

Ценообразование осложняется системой внутренних налогов, логистическими расходами и ограниченной покупательской способностью, особенно за пределами крупных городов. При этом цена остается ключевым фактором в потребительских предпочтениях.

Культурное, религиозное и языковое разнообразие Латинской Америки существенно влияет на деловое сотрудничество. Низкий уровень владения английским языком в регионе ограничивает межкультурную коммуникацию, что обуславливает необходимость знания испанского и португальского языков либо привлечения местных специалистов. Учитывая различия местных языковых вариаций, предпочтение часто отдается носителям языка, понимающим региональные лингвистические и культурные особенности. В отдельных странах официальными являются также другие языки (английский, французский, нидерландский, креольские, гуарани и др.), что требует дополнительного внимания к языковому многообразию.

Несмотря на доминирование испанского языка, страны региона демонстрируют высокую культурную неоднородность и различия в повседневных и деловых практиках. Для иностранных участников внешнеэкономической деятельности, включая белорусские компании, критически важно учитывать локальные особенности. Для стран региона характерны умеренный жизненный ритм и высокая чувствительность к критике, что предполагает необходимость предварительного планирования при сотрудничестве с внешнеторговыми партнерами и деликатную коммуникативную стратегию.

Таким образом, успешная реализация экспортно-ориентированных проектов в странах Латинской Америки со стороны Республики Беларусь обусловлена необходимостью комплексного управления совокупностью рисков, включая политические, экономические, логистические и культурные факторы.

Учет политических рисков должен стать неотъемлемой частью стратегии внешнеэкономической деятельности в Латинской Америке. Изменчивость политической обстановки, смена режимов и правовая неопределенность требуют предварительного анализа внутренней стабильности стран-партнеров. Рекомендуется использование услуг локальных консалтинговых структур для оценки политических процессов, а также внедрение протоколов обеспечения личной и корпоративной безопасности сотрудников и имущества в нестабильных регионах.

Финансово-экономическая нестабильность в странах региона обуславливает необходимость комплексного анализа макроэкономических параметров, включая валютные колебания, инфляционные процессы и налоговую политику. Эффективная адаптация финансовых стратегий к местной экономической среде, а также диверсификация расчетных инструментов и использование надежных банковских учреждений существенно снижают вероятность убытков. Необходимо также учитывать скрытые издержки, включая логистические и сервисные расходы, влияющие на итоговую рентабельность внешнеторговых операций.

Низкий уровень развития логистической и транспортной инфраструктуры в ряде стран Латинской Америки требует предварительного планирования поставок, выбора проверенных партнеров и внедрения цифровых логистических решений. Для снижения инфраструктурных рисков при выходе на рынки стран Латинской Америки рекомендуется развивать партнерство с локальными логистическими операторами, обладающими знанием региональной специфики, а также выстраивать кооперацию с российскими компаниями, специализирующимися на морских контейнерных перевозках через порты Балтийского и Азово-Черноморского бассейнов. Использование мультимодальных и сборных грузов

позволяет снизить логистические издержки и обеспечить гибкость цепочек поставок. Учитывая значительную стоимость транспортировки, целесообразно фокусироваться на экспорте продукции с высокой добавленной стоимостью и выбирать рынки с низкой ценовой чувствительностью.

Юридическое разнообразие региона требует углубленного изучения нормативно-правовой базы в каждой конкретной стране, включая трудовое, налоговое, экологическое и таможенное законодательство. Эффективное правовое сопровождение экспортных операций возможно при участии квалифицированных местных юристов и предварительной правовой экспертизе контрактов, лицензий и разрешений. Дополнительной мерой снижения рисков является проведение проверки надежности деловых партнеров и внедрение системы внутреннего контроля и соблюдения нормативных требований в зарубежных подразделениях компании.

Межкультурные различия и коммуникативные особенности стран Латинской Америки требуют адаптации деловых стратегий с учетом лингвистических, религиозных и поведенческих норм. Прямое взаимодействие с локальными партнерами должно строиться на доверии, уважении и долгосрочном сотрудничестве. Знание испанского или португальского языка является важным условием успешной деловой коммуникации, но желательно привлечение специалистов – носителей языка. Культурное поведение варьируется по странам, унификация маркетинга и методов ведения переговоров недопустима – для каждого национального рынка требуется адаптированный, индивидуальный подход.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Latin America Country Risk Index and Analysis (Political, Economic, Social, and International Risks) // FIU. – URL: <https://freedom.fiu.edu/wp-content/uploads/2025/02/Latin-America-Country-Risk-Index-and-Analysis> (дата обращения 21.02.2025).
2. Латинская Америка 2024: 10 основных рисков, которые ждут регион // ЛИБЕРТАДОР. – URL: <https://libertador.ru/latinskaja-amerika-2024-10-osnovnyh-riskov-kotorye-zhdut-region/> (дата обращения 21.02.2025).
3. The World Bank in Brazil // The World Bank. – URL: <https://www.worldbank.org/en/country/brazil/overview> (дата обращения 20.05.2023).
4. Валовой государственный долг Аргентины // FRED. – URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/GGGDTAARA188N> (дата обращения 10.06.2025).
- 5 More restrictive credit terms and much longer payment delays in Latin America // Coface for trade. – URL: <https://www.coface.com.au/news-economy-and-insights/more-restrictive-credit-terms-and-much-longer-payment-delays-in-latin-america> (дата обращения 15.04.2025).
6. Цветков Ф. Финтех, крипта, долларизация: как Латинская Америка справляется с валютным хаосом // Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/finansy/518137-finteh-kripta-dollarizacia-kak-latinskaa-amerika-spravlaetsa-s-valutnym-haosom> (дата обращения 21.02.2025).

УДК 364,369

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ON SOME ISSUES OF ENSURING SOCIAL SECURITY IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Шевченко Сабина Олеговна,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
sabinashevchenko97@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается сущность социальной безопасности, что относится к ее субъектам и объектам, а также направления ее обеспечения. Проводится анализ состояния следующих критериев социальной безопасности Китайской Народной Республики на современном уровне: заработная плата и доходы населения, пенсионный возраст и пенсионное обеспечение, система здравоохранения, поддержка людей с инвалидностью. Отмечается, что по многим позициям китайское правительство достигло хороших результатов в обеспечении социальной безопасности. Делается вывод, что Китай уделяет постоянное и серьезное внимание обеспечению социальной безопасности своего государства.

Ключевые слова: социальная безопасность, заработная плата, повышение пенсионного возраста, здравоохранение, защита людей с инвалидностью.

Abstract. The article examines the essence of social security, which relates to its subjects and objects, as well as the directions of its provision. The analysis of the state of the following criteria of social security of the People's Republic of China at the current level is carried out: wages and income of the population, retirement age and pension provision, health care system, support for people with disabilities. It is noted that in many respects the Chinese government has achieved good results in ensuring social security. It is concluded that China pays constant and serious attention to ensuring the social security of its state.

Keywords: social security, wages, raising the retirement age, healthcare, protection of people with disabilities.

Китайская Народная Республика (далее – КНР) является одной из самых удивительных стран мира – одновременно вместе с дешёвой рабочей силой, ежегодным приростом ВВП и миллиардными инвестициями в КНР проживает большое количество населения, требующее социальной защиты.

Особое значение в государственной политике КНР приобретает социальная политика, особое внимание в которой уделяется вопросам заработной платы, пенсий, системе здравоохранения, защите инвалидов [1]. В тоже время, особое внимание в КНР уделяется политике обеспечения социальной безопасности.

Под *социальной безопасностью* понимаем состояние и характеристику меры достижения оптимального уровня безопасности (в каждый текущий момент и на будущее) функционирования, воспроизводства и развития социальной системы, которое обеспечивается совокупностью, осуществляемых государством и обществом, политических, правовых, экономических, идеологических, организационных и социально-психологических мер, позволяющих сохранять существующие в обществе конституционный строй, социальную стабильность, не допуская их ослабления и тем более подрыва.

К *субъектам социальной безопасности* относятся граждане страны, государство в лице законодательной, исполнительной, судебной властей, органы местного самоуправления, партии и другие общественные организации и движения.

Объекты социальной безопасности – государство и общество, система их институтов, проводимая ими социальная политика, узаконенные в обществе формы собственности и сложившаяся на их основе социальная структура – слои, группы, социальные общности и отношения между ними, личность, включая гражданскую сферу жизнедеятельности отдельного человека, права и свободу личности, её здоровье и жизнь, социальные интересы [2].

Социальная безопасность включает следующие *направления*: формирование и регулирование доходов населения, обеспечение занятости и социальную защиту (пенсионное обеспечение, социальная помощь, здравоохранение, образование).

Рассмотрим реализацию государственной политики КНР по *обеспечению социальной безопасности* на современном этапе развития:

– *заработная плата и доходы населения*. По мере роста ВВП Китая за последние десятилетия росли и доходы, и заработная плата его жителей и работников. В 2024 г. средний доход на душу населения от заработной платы достиг 23327 юаней (3217 долл. США), что на 5,8 % больше, чем в 2023 году. Для городских жителей эта цифра увеличилась до 32899 юаней (4537 долл. США), а для сельских жителей составила 9799 юаней (1351 долл. США).

Самые высокие зарплаты как в частном, так и в государственном секторах были зафиксированы в отраслях передачи информации, программного обеспечения и ИТ. В государственном секторе средняя зарплата достигла 231810 юаней (31969 долл. США), в то время как в частном секторе она составила 129215 юаней (17820 долл. США), с увеличением на 5,2 % и 4,3 % соответственно. Второй по величине доходной отраслью была финансовая, где работники зарабатывали 197663 юаня (27260 долл. США) в государственном секторе и 124812 юаней (17213 долл. США) в частном секторе [3].

Активное развитие Китая позволило стране снизить уровень бедности и выйти из затруднительного положения. Строительство современной экономики и устойчивого общества сопровождается изменениями в системе оплаты труда и повышением уровня заработка. За последние 10 лет КНР превратилась из аграрной страны в одну из ведущих мировых держав.

Зарплата в КНР напрямую зависит от текущей экономической ситуации в стране, при этом демонстрирует не только уверенный рост, но и стабильность.

Средняя зарплата в Китае в 2025 г. составляет 1227 долл. США. На оплату труда влияет размер компании, место проживания, квалификация, опыт работы и сфера деятельности.

Люди с высшим образованием по умолчанию могут рассчитывать на более щедрое вознаграждение за свой труд по сравнению теми, кто окончил техническое училище или совсем не имеет никакого профильного образования.

В месяц одному человеку комфортно можно прожить на среднюю заработную плату в размере от 1 тыс. долл. США (около 10 тыс. юаней). Этого количества достаточно для оплаты аренды жилья и коммунальных услуг, покупки продуктов питания и удовлетворения остальных основных нужд жителей Поднебесной [4].

– *пенсионный возраст и пенсионное обеспечение*. 13 сентября 2024 г. официальные китайские СМИ сообщили о том, что Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) одобрил план поэтапного повышения пенсионного возраста с 1 января 2025 года.

Для мужчин он будет поднят до 63 лет по сравнению с 60 годами в настоящее время. Для женщин рабочих профессий возраст выхода на пенсию будет увеличен с 50 до 55 лет, для женщин, работающих в офисах, – с 55 до 58 лет.

Процесс повышения пенсионного возраста займет 15 лет. Это первое подобное изменение с 1950-х годов.

Начиная с 2030 г. минимальный срок уплаты пенсионных взносов, необходимый для получения выплат после выхода на пенсию, будет постепенно повышаться с 15 лет до 20 лет с темпом увеличения на шесть месяцев ежегодно.

Также гражданам КНР разрешено будет с согласия работодателя выходить на пенсию позже установленного срока, но такая отсрочка не должна превышать три года.

В 2024 г. в Китае повышен средний размер базовой пенсии на 3 %. Таким образом, китайское правительство увеличивает размер пенсионных выплат по старости на протяжении 20 лет. Повышение среднего размера ежемесячных пенсионных выплат затрагивает бывших служащих предприятий, госаппарата и бюджетных учреждений непромышленной сферы. В 2023 г. увеличение пенсий составило 3,8 % [5].

– *система здравоохранения*. Эффективность системы здравоохранения является одним из ключевых показателей развития любого государства, отражающим как его экономические

возможности, так и социальную ориентированность политического курса. Последние десятилетия в КНР ознаменовались не просто построением экономической мощи, но и кардинальным пересмотром подходов к здоровью нации. Новые вызовы в виде стремительной урбанизации, старения населения и изменения структуры заболеваемости потребовали от руководства страны беспрецедентного объема вложений в реструктуризацию всей системы здравоохранения.

Система здравоохранения КНР характеризуется сложной структурой, включающей в себя как государственные, так и частные медицинские учреждения. В этой обширной стране с населением более 1,4 млрд человек основная часть медицинских услуг обеспечивается государственными больницами, которые составляют фундамент всей системы.

Примечательной особенностью здравоохранения КНР является существование двух параллельных медицинских систем. Первая ориентирована на современную или западную медицину, использующую новейшие технологии и методики лечения, распространенные в развитых странах. Вторая представлена традиционной китайской медициной (ТКМ), имеющей многотысячелетнюю историю и включающей в себя такие методы как акупунктура, траволечение и массаж. Отношение населения к ТКМ неоднозначно: часть населения считает ее устаревшей и не имеющей научного обоснования, другие ценят ее за доступность, эффективность при определенных заболеваниях и культурную значимость.

Медицинское страхование в Китае претерпело радикальную трансформацию за последние два десятилетия. По данным на 2020 г., около 95 % всего населения КНР имеет как минимум базовое медицинское страховое покрытие, что составляет примерно 1,36 млрд человек. Это существенное достижение, особенно учитывая, что еще в начале 2000-х гг. доступ к медицинскому страхованию имело менее трети населения.

Базовая система медицинского страхования в Китае включает два основных компонента. Первый из них – система страхования работающего населения (UEBMI – Urban Employee Basic Medical Insurance), охватывающая городских жителей, имеющих официальное трудоустройство. Второй компонент представлен страхованием неработающих граждан и охватывает как неработающее городское население, так и многочисленных сельских жителей. Статистика за 2020 г. показывает, что 25 % населения, охваченного базовым медицинским страхованием (около 344 млн человек), участвовало в программе страхования работающих граждан. Остальные 75 % (приблизительно 1,017 млрд человек) были застрахованы в рамках системы для неработающего населения.

Дальнейшее развитие системы медицинского страхования характеризовалось важным изменением в 2013 г., в котором правительство Китая инициировало процесс интеграции системы базового медицинского страхования городских жителей (URBMI) и новой сельской кооперативной медицинской системы. Результатом стало создание единой программы – «Базовое медицинское страхование городских и сельских жителей» (URRBMI). Это решение было направлено на расширение общего пула финансовых ресурсов и улучшение пакета медицинских услуг без существенного увеличения общего объема финансирования [6].

– *поддержка людей с инвалидностью.* Уровень жизни китайских граждан с ограниченными возможностями здоровья повысился. На это указывают данные, которые представило руководство профильной организации по итогам 14-й пятилетки.

Всего в Китае более 80 млн лиц с инвалидностью. И уже в первые годы реализации пятилетнего плана доходы данных семей росли со среднегодовым темпом почти в 7 % – примерно, как ВВП страны. В том числе это связано и с достижениями в сфере занятости.

Заместитель председателя Всекитайской федерации инвалидов Ли Дунмэй заявила о том, что *«в период 14-й пятилетки людям с ограниченными возможностями здоровья ежегодно предлагалось более четырёхсот тысяч новых рабочих мест. Трудоустроенных граждан с инвалидностью стало больше почти на 5 %. При этом количество людей со стабильной работой и высокими доходами увеличилось более чем на 20 %. А свыше 2-х млн человек приняли участие в программах профессиональной подготовки, что также повысило перспективы долгосрочного трудоустройства».*

Представители федерации отметили и прогресс в сфере социального обеспечения. Так, базовую пенсию получают 90 % людей с инвалидностью, 95 % охвачены медицинским страхованием. Почти 12 млн человек получают материальную помощь, а более 16 млн находятся под присмотром социальных работников [7].

Канцелярия Госсовета КНР опубликовала план содействия трудоустройству людей с ограниченными возможностями на 2025–2027 годы. В целях его реализации власти намерены поощрять государственные органы, бюджетные учреждения и предприятия при найме сотрудников с инвалидностью, установлении им гибкого графика работы или перехода на самозанятость, оказании помощи в их трудоустройстве. Правительство также намерено создать единую цифровую платформу, отслеживающую занятость людей с ограниченными возможностями по всей стране. Кроме того, в планах – усовершенствовать системы служб занятости и социальных служб, расширив перечень предлагаемых инвалидам государственных услуг.

На сегодняшний день в Китае насчитывается свыше 85 млн людей с ограниченными возможностями (около 6 % от общей численности населения). Ранее для данной социальной группы в стране был реализован трехлетний план, направленный на улучшение возможностей трудоустройства и открытия собственного бизнеса [8].

Программы социальной поддержки, направленные на инвалидов, были значительно расширены в течение последних пяти лет. В них включены следующие меры: пособия на проживание, субсидии на уход и финансирование доступной инфраструктуры. К июню 2025 г. пособия по жизни получили 11,88 млн человек с инвалидностью, находящихся в затруднительном финансовом положении. Субсидии осуществляющим уход за тяжелобольными были предоставлены 16,4 млн человек, что свидетельствует о значительном охвате и системной поддержке данной категории граждан.

В систему пособий по проживанию официально включены 10,5 млн человек с ограниченными возможностями, что стало результатом выверенной государственной политики и комплексных мер, принятых правительством Китая. Особое внимание также уделяется улучшению условий проживания: кампания по оборудованию жилья элементами безбарьерной среды охватила 1,28 млн домохозяйств, превысив изначально запланированные показатели.

Параллельно растёт уровень финансовой стабильности семей с инвалидами. По данным агентства «Синьхуа», в период 2020–2023 гг. среднегодовой чистый доход данных семей увеличивался в среднем на 6,9 %, что почти полностью соответствует темпам роста ВВП страны. Это показывает не только на устойчивость программ поддержки, но и на растущий вклад в развитие экономики данной категории населения [9].

Таким образом, исследование показывает, что Китай уделяет постоянное и серьезное внимание обеспечению социальной безопасности своего государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Прожиточный минимум в Китае в 2025 году // Визовый центр Visasam.ru. – URL: <https://visasam.ru/emigration/asia/prozhitochnyj-minimum-v-kitae.html> (дата обращения 08.09.2025).
2. Социальная безопасность: сущность, содержание, взаимосвязь с социальной трансформацией // Студопедия. – URL: https://studopedia.ru/11_206470_sotsialnaya-bezopasnost-sushchnost-soderzhanie-vzaimosvyaz-s-sotsialnoy-transformatsiey.html (дата обращения 12.09.2025).
3. Навигация по изменяющемуся рынку труда Китая в 2025 году // Бизнес-идеи. – URL: https://insights.made-in-china.com/ru/Navigating-China-s-Evolving-Labor-Market-in-2025_hTuGKkZIJJDa.html (дата обращения 15.09.2025).

4. Какие зарплаты в Китае в 2025 году // Международный консалтинговый бутик Bespalov Finance. – URL: <https://bespalov-finance.ru/media/articles/tpost/88rigtebj1-kakie-zarplati-v-kitae-v-2025-godu> (дата обращения 18.09.2025).
5. В Китае с 2025 года начнут повышать пенсионный возраст // Сетевое издание «Интерфакс.ру». – URL: <https://www.interfax.ru/world/981862> (дата обращения 19.09.2025).
6. Современная система здравоохранения Китая: структура, достижения и перспективы развития // Портал медицинских статей. – URL: <https://hospital419.ru/articles/general/sovremennaya-sistema-zdravoohraneniya-kitaya/> (дата обращения 19.09.2025).
7. Китайские власти отчитались о поддержке людей с инвалидностью // Электронное издание сайт «Большая Азия». – URL: <https://bigasia.ru/kitajskie-vlasti-otchitalis-o-podderzhke-lyudej-s-invalidnostyu/> (дата обращения 22.09.2025).
8. Китай улучшает условия трудоустройства для граждан с инвалидностью // Электронное издание сайт «Большая Азия». – URL: <https://bigasia.ru/kitaj-uluchshaet-usloviya-trudoustrojstva-dlya-grazhdan-s-invalidnostyu/> (дата обращения 22.09.2025).
9. Китай усиливает страховую и социальную защиту людей с инвалидностью // Казахстанский портал о страховании. – URL: <https://allinsurance.kz/news/mezhdunarodnyj-rynok/24216-kitaj-usilivaet-strakhovuyu-i-sotsialnuyu-zashchitu-lyudej-s-invalidnostyu> (дата обращения 22.09.2025).

УДК 332.142

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOW-ALTITUDE ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGIES IN THE CONTEXT OF REGIONAL INTEGRATION: THE GREATER BAY AREA EXPERIENCE AND ITS GLOBAL IMPLICATIONS
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ НИЗКОВЫСОТНОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ОПЫТ РАЙОНА БОЛЬШОГО ЗАЛИВА И ЕГО ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

An Mingming,
Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Russian Federation, Yekaterinburg
15844826207@163.com

Turgel Irina,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Russian Federation, Yekaterinburg
i.d.turgel@urfu.ru

Ань Минмин,
Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Российская Федерация, г. Екатеринбург

Тургель Ирина Дмитриевна,
доктор экономических наук, профессор,
Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Российская Федерация, г. Екатеринбург

Abstract. This study conducts comparative analysis of four low-altitude economic development models: the European Union's harmonized regulatory framework, the United States'

federal coordination mechanism, the government-driven models of Japan and South Korea, and China's Greater Bay Area cross-border collaborative paradigm. The research reveals that regional development strategies are intrinsically linked to institutional environments, spatial conditions, and industrial foundations. The European Union model suits regional alliances; the United States model leverages the advantages of federal orchestration and local innovation; the Japanese-Korean model enables rapid breakthroughs while remaining dependent on policy continuity; whereas the Greater Bay Area model achieves integration of institutional innovation and spatial coordination within the "One Country, Two Systems" framework, providing insights for inter-urban collaborative development.

Keywords: low-altitude economy; regional integration; synergistic development; comparative analysis; Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area.

Аннотация. В данном исследовании проводится сравнительный анализ четырех моделей развития низковисотной экономики: гармонизированной регуляторной системы Европейского союза, механизма федеральной координации Соединенных Штатов, моделей государственного регулирования Японии и Южной Кореи, а также парадигмы трансграничного сотрудничества района Большого залива Китая. Исследование показывает, что региональные стратегии развития неразрывно связаны с институциональной средой, пространственными условиями и промышленной базой. Модель Европейского союза подходит для региональных союзов; модель Соединенных Штатов использует преимущества федерального управления и местных инноваций; японо-корейская модель обеспечивает быстрые прорывы, оставаясь зависимой от политической преемственности; в то время как модель района Большого залива достигает интеграции институциональных инноваций и пространственной координации в рамках концепции «Одна страна, две системы», предоставляя ценный опыт для межгородского совместного развития.

Ключевые слова: низковисотная экономика; региональная интеграция; синергетическое развитие; сравнительный анализ; район Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао.

The low-altitude economy constitutes emerging economic activities formed through large-scale operations of various low-altitude aircraft, based on the development and utilization of low-altitude airspace resources and supported by the construction of low-altitude aerial route networks and related infrastructure [1]. The term "low-altitude economy" was formally incorporated into China's Government Work Report in March 2024, with the 2025 iteration reaffirming the commitment to foster its "safe and sustainable development," signaling that this strategic emerging industry has gained significant national attention. Within this context of intensifying global competition in low-altitude economic development, China's Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area (GBA) is pioneering an innovative cross-border collaborative trajectory, capitalizing on its distinctive "One Country, Two Systems" institutional arrangement and highly integrated economic ecosystem.

Extant research on the low-altitude economy predominantly concentrates on technological dimensions [2] or nation-specific policy analyses [3], with substantive investigations into inter-urban collaborative development remain underdeveloped. As Porter articulated in industrial cluster theory, geographical proximity, institutional environments, and industrial linkages constitute fundamental determinants of regional competitive advantage formation [4]. This theoretical framework provides essential analytical instruments for examining low-altitude economic development modalities across diverse geographical contexts.

This study seeks to synthesize empirical insights from the Greater Bay Area's inter-urban collaborative development through systematic comparative analysis of low-altitude economic strategies across major global economies, thereby generating transferable developmental pathways and policy implications for other regional contexts.

Comparative Analysis of International Low-Altitude Economic Development Experiences

The European Union has implemented a coordinated execution model among member states operating within a harmonized regulatory framework for low-altitude economic development. Effective January 1, 2021, Regulations (EU) 2019/945 and (EU) 2019/947 have been operationalized across all European Union member states. As of January 1, 2023, all unmanned aircraft operations within the open and specific categories must demonstrate full compliance with these regulatory requirements [5].

Throughout the implementation of this harmonized regulatory regime, European markets have exhibited positive developmental momentum. According to Mordor Intelligence's research report, the European commercial drone market size in 2025 is approximately 7.58 US doll. billion, expected to reach 13.69 US doll. billion by 2030, with the United Kingdom commanding 26.99 % market share leadership. Within sectoral applications, construction and agricultural deployments maintain market dominance, with construction applications accounting for 36.23 % of market share in 2024 [6]. Nevertheless, certain European eVTOL enterprises face developmental challenges, exemplified by German companies Volocopter and Lilium filing for bankruptcy, reflecting persistent challenges.

The European Union model's fundamental characteristic resides in its reduction of transnational trade barriers through standardized technical specifications and certification frameworks; however, heterogeneity among member states regarding industrial foundations, market dynamics, and policy implementation vigor has precipitated developmental divergence.

The United States' low-altitude economic development exhibits multi-tiered governance characteristics integrating federal orchestration with interstate collaboration. The Federal Aviation Administration (FAA) assumes primary policy formulation responsibilities. On October 22, 2024, the FAA promulgated the "Integration of Powered-Lift: Pilot Certification and Operations; Miscellaneous Amendments Related to Rotorcraft and Airplanes – Final Rule" [7], establishing regulatory frameworks for pilot certification and operational requirements, marking a pivotal advancement toward commercial deployment of urban air mobility.

According to FAA documentation, the United States maintains approximately 20,000 landing facilities, encompassing 5,179 public-use installations [8]. This infrastructural advantage creates enabling conditions for technological validation and commercial deployment. Joby Aviation secured the inaugural eVTOL airworthiness certification and executed agreements for a six-year exclusive operational concession for aerial taxi services in Dubai, UAE, achieving breakthroughs in international market expansion. Notably, Chinese enterprises command substantial market share in American commercial unmanned aerial systems.

The American model's distinctive features encompass optimal utilization of federal coordination capabilities alongside state-level innovation dynamism, attracting premier global enterprises and talent through comprehensive infrastructure and liberal market environments.

Japan and South Korea demonstrate pronounced state-led characteristics in low-altitude economic development, accelerating technological advancement through explicit industrial objectives and temporal benchmarks. South Korea's K-UAM Grand Challenge program, launched in February 2024, exemplifies the government-directed paradigm, targeting UAM commercialization by 2025 [9]. Japan has formulated its "Air Mobility Revolution Roadmap" [10]. In March 2024, Japan inaugurated its premier UAM center in Tsukuba, Ibaraki Prefecture, advancing infrastructure development for its aerial transportation industry.

In application scenario development, Japan prioritizes disaster response and unmanned aerial system integration with smart city infrastructure as strategic vectors for low-altitude economic development, reflecting its geographical vulnerability to earthquakes and typhoons. South Korea concentrates on urban air mobility solutions, targeting congestion mitigation in metropolitan areas including Seoul.

Analysis of both nations' developmental trajectories reveals that the Japanese-Korean paradigm features explicit objectives and robust implementation capacity, enabling accelerated

technological breakthroughs and application deployment within relatively compressed timeframes, albeit with substantial dependence on governmental fiscal support and industrial policy continuity.

Regional innovation systems theory emphasizes coordination of financial capacity, institutionalized learning, and production culture (Cooke et al., 1997) [11]. Employing this theoretical framework, comparative analysis of low-altitude economic development strategies across major global economies reveals distinctive characteristics in institutional arrangements, spatial configurations, developmental trajectories, and collaborative mechanisms.

Table 1 – Comparative Analysis of Low-Altitude Economic Development Models Across Major Economies

Region	Governance Model	Institutional Features	Spatial & Infrastructure	Development Pathway	Development Goals
EU	Unified Regulation with Coordinated Implementation	CE Certification System, Unified Regulations	Distributed Layout, Moderate Infrastructure, Member State Autonomy	Application-driven, Sectoral Specialization	Unified Market Construction
USA	Federal Orchestration with Interstate Coordination	FAA Leadership, Flexible State Implementation	Distributed, 20,000 Landing Facilities, Comprehensive General Aviation Network	Technology-driven, Innovation Leadership	Technological Preeminence
Japan / Korea	Government-directed Industrial Advancement	Clear Objectives and Timelines	Concentrated Development, Limited but Focused Infrastructure Investment	Policy-driven, Rapid Breakthrough Focus	2025 Commercialization
Greater Bay Area	Cross-border Collaborative Development	Provincial-Municipal-Cross-border Coordination	Networked "Tripartite Core Linkage", Highly Integrated Regional Network	Technology-Application Balanced, Cross-city Synergistic Innovation	Regional Synergy Demonstration

Note – Source: author compilation based on relevant reports.

As demonstrated in table 1, regional development strategies correlate closely with institutional environments, spatial conditions, and industrial foundations. The European Union's unified regulatory model suits institutionally harmonized regional alliances while necessitating balance between standardization and flexibility; the United States' federal coordination model leverages dual advantages of central orchestration and local innovation; the Japanese-Korean government-directed model achieves rapid breakthroughs while remaining dependent on policy continuity; the Greater Bay Area's cross-border collaborative model achieves organic synthesis of institutional innovation and spatial coordination within the "One Country, Two Systems" framework, providing valuable insights for other regional integration contexts.

Collaborative Development Practice in the Greater Bay Area's Low-Altitude Economy

Low-altitude economic development in the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area exemplifies cross-border collaborative innovation within the "One Country, Two Systems" framework. In May 2024, the Guangdong Provincial People's Government promulgated the "Action Plan for Promoting High-Quality Development of the Low-Altitude Economy in Guangdong Province (2024-2026)," articulating objectives for the provincial low-altitude economy to exceed RMB 300 billion by 2026, establishing an industrial architecture featuring tripartite core coordination among Guangzhou, Shenzhen, and Zhuhai, with multi-nodal support and integrated regional development [12].

Regarding spatial configuration, the Greater Bay Area has established a synergistic pattern of differentiated specialization. Shenzhen, hosting over 1,730 unmanned aerial system enterprises generating RMB 96 billion in annual output, commands significant global market positioning as the low-altitude economy's manufacturing epicenter [13]. Guangzhou encompasses over

1,000 unmanned aerial system-related enterprises, incorporating industry-leading firms including the China Electronics Technology Group Corporation Fifth Research Institute, XPeng AeroHT, and EHang Holdings Limited, positioned as a technological research and application demonstration hub. Zhuhai leverages its "dual airshow" platform advantages to concentrate on general aviation manufacturing and maintenance value chains.

Inter-urban collaborative development in the Greater Bay Area has been empirically validated through multiple concrete initiatives, establishing three archetypal collaborative paradigms: technological breakthrough, commercial application, and extended-range operational models.

Within the technological breakthrough paradigm, AutoFlight's cross-sea eVTOL route achieved successful demonstration in February 2024, marking the world's inaugural transoceanic inter-city eVTOL corridor. This breakthrough compressed the conventional 2-hour surface journey to 20 minutes, achieving a six-fold efficiency enhancement.

Within the commercial application paradigm, Fengyi Technology (SF Holdings subsidiary) has deployed Fengzhou 90 model unmanned aircraft to establish cross-city rapid transport and logistics networks covering Shenzhen to Zhuhai and Zhongshan, achieving transportation efficiency exceeding ground logistics by over 50 %. This case exemplifies market-driven inter-urban value chain synergy, validating economic viability of inter-city low-altitude logistics through commercial operations.

Within the extended-range paradigm, in August 2025, EHang Holdings Limited announced successful completion of Zhuhai-Guangzhou intercity round-trip cargo operations by its VT20 series logistics eVTOL aircraft, establishing the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area's inaugural extended-range unmanned logistics corridor. This initiative extends low-altitude logistics coverage across the Greater Bay Area's core metropolitan cluster, establishing technological foundations for regional low-altitude logistics network architecture.

This investigation, through systematic comparative analysis of low-altitude economic development strategies across Europe, North America, Japan, Korea, and China's Greater Bay Area, reveals pronounced differentiation in regional developmental trajectories. These divergences correlate strongly with regional institutional environments, spatial conditions, industrial foundations, and market dynamics. The European Union's unified regulatory model suits institutionally harmonized regional alliances while necessitating balance between standardization and flexibility; the United States' federal coordination model optimally leverages central orchestration capabilities and local innovation dynamics; the Japanese-Korean government-directed model enables accelerated breakthroughs while demanding policy continuity; whereas the Greater Bay Area's cross-border collaborative model achieves organic synthesis of institutional innovation and spatial coordination within the "One Country, Two Systems" framework, providing multiple cases for exploring institutional arrangements and business model innovations in inter-urban collaboration.

LIST OF SOURCES USED

1. Liao X., Xu C., Ye H. Benefits and challenges of constructing low-altitude air route network infrastructure for developing low-altitude economy // Bulletin of Chinese Academy of Sciences (Chinese Version). – 2024. – Vol. 39. – № 11. – P. 1966–1981.
2. Huang C. et al. Low-altitude intelligent transportation: System architecture, infrastructure, and key technologies // Journal of Industrial Information Integration. – 2024. – Vol. 42. – P. 100694.
3. Shuzhi L. The New Development Trends of China's Low-Altitude Economy and Drone Industry Driven by Policies // Open Regional Studies. – 2025. – Vol. 4. – № 1. – P. 57–74.
4. Porter M.E. et al. Clusters and the new economics of competition. – Boston : Harvard Business Review, 1998. – Vol. 76. – № 6. – P. 77–90.
5. European Union Aviation Safety Agency. What are the applicability dates under EU regulation 2019/947 and 2019/945? – Cologne: EASA, 2024. – URL: <https://www.easa.europa.eu/en/faq/116446> (date of access 21.09.2025).
6. Mordor Intelligence. Europe Commercial Drones Market Size & Share Analysis – Industry Research Report – Growth Trends (2025–2030). – Hyderabad: Mordor Intelligence, 2025. –

URL: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/europe-drones-market> (date of access 21.09.2025).

7. Federal Aviation Administration. Integration of Powered-Lift: Pilot Certification and Operations; Miscellaneous Amendments Related to Rotorcraft and Airplanes – Final Rule. – Washington: FAA, 2024. – URL: <https://www.faa.gov/newsroom/integration-powered-lift-pilot-certification-and-operations-miscellaneous-amendments> (date of access 21.09.2025).

8. Federal Aviation Administration. National Plan of Integrated Airport Systems (NPIAS) 2025–2029. – Washington: U.S. Department of Transportation, 2024. – URL: https://www.faa.gov/sites/faa.gov/files/airports/planning_capacity/npias/current/ARP-NPIAS-2025-2029-Narrative.pdf (date of access 21.09.2025).

9. Korea Herald. Can Korea commercialize UAM in 2025? // Korea Herald. – Seoul, 2024. – URL: <https://m.koreaherald.com/view.php?ud=20240801050592> (date of access 21.09.2025).

10. Business Aviation. Osaka Metro opens Osaka Expo 2025 vertiport to host SkyDrive eVTOL test flights. – 2025. – URL: <https://businessaviation.aero/evtol-news-and-electric-aircraft-news/advanced-air-mobility/osaka-metro-opens-osaka-expo-2025-vertiport-to-host-skydrive-evtol-test-flights> (date of access 21.09.2025).

11. Cooke P., Uranga M.G., Etxebarria G. Regional innovation systems: Institutional and organisational dimensions //Research policy. – 1997. – Vol. 26. – № 4–5. – P. 475–491.

12. 广东省人民政府. 广东省人民政府办公厅关于印发广东省推动低空经济高质量发展行动方案（2024–2026 年）的通知. – 广州: 广东省人民政府办公厅, 2024. – May 21. – URL: http://www.gd.gov.cn/zwggk/wjk/qbwj/yfb/content/post_4427812.html (date of access 21.09.2025).

13. 企业 1730 多家, 产值 960 亿元! 深圳无人机产业全国占比超六成 // 粤港澳大湾区门户网站. – 2024. – May 27. – URL: https://www.cnbayarea.org.cn/city/shenzhen/zxdt/content/post_1244044.html (date of access 22.09.2025).

УДК 338.27

**POLITICAL-ECONOMIC POLICY UNCERTAINTY AND FOREIGN CAPITAL FLOWS
TO BELARUS: A THRESHOLD EFFECT APPROACH**
**ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПОЛИТИКИ И ПОТОКИ
ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА В БЕЛАРУСЬ: ПОДХОД ПОРОГОВОГО ЭФФЕКТА**

Seth Acquah Boateng,
Northwestern Polytechnical University,
People's Republic of China, Xi'an
sethacquahboateng@mail.nwpu.edu.cn

Xi Jiancheng,
Professor,
Northwestern Polytechnical University,
People's Republic of China, Xi'an
xjcheng@nwpu.edu.cn

Kamal Deen Moro,
Northwestern Polytechnical University,
People's Republic of China, Xi'an
Kmalmo041@gmail.com

Frank Agyemang Karikari,
Northwestern Polytechnical University,
People's Republic of China, Xi'an
farikari@gmail.com

Сет Аква Боатенг,
Северо-Западный политехнический университет,
Китайская Народная Республика, г. Сиань

Си Цзяньчэнь,
профессор,
Северо-Западный политехнический университет,
Китайская Народная Республика, г. Сиань

Камаль Дин Моро,
Северо-Западный политехнический университет,
Китайская Народная Республика, г. Сиань

Франк Агйеманг,
Северо-Западный политехнический университет,
Китайская Народная Республика, г. Сиань

Abstract. Foreign direct investment (FDI) inflows rely heavily on world political and economic uncertainties. Belarus, being a small open economy with clear institutional features, becomes a suitable case study to explore the non-linear impact of political and economic uncertainty on capital flows. This study explores the threshold impacts of political and economic uncertainty on FDI inflows into Belarus. The study focuses on whether or not the impact of uncertainty is non-homogeneous in heterogeneous uncertainty regimes. The study uses quarterly data from 1990Q1 to 2024Q1. It employed threshold regression model to identify critical uncertainty levels where FDI behaviour changes. The findings reveal two essential uncertainty thresholds at 0.278 and 0.343 in the Uncertainty, between which exist three regimes. In all regimes, the findings reveal adverse population and inflation impacts on FDI, whereas GDP per capita, income inequality, and exchange rate depreciation have positive impacts on FDI inflows. Surprisingly, FDI requirements of the base scenario increase with higher uncertainty levels, revealing investors demand higher returns to hedge against the raised risk. The threshold model showed a higher fit compared to linear specifications, confirming significant non-linearities in the uncertainty-FDI relationship. These findings suggest policymakers in Belarus should monitor global uncertainty levels closely and implement differentiated strategies across uncertainty regimes. During high uncertainty periods exceeding the 0.343 threshold, authorities should focus on maintaining macroeconomic stability, particularly controlling inflation and exchange rate volatility, while enhancing institutional quality to offset increased investor risk perceptions.

Keywords: political-economic uncertainty, foreign direct investment, threshold regression, investment climate, Belarus.

Аннотация. Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) зависят от мировой политической и экономической неопределенности. Беларусь является подходящим примером для изучения влияния политической и экономической неопределенности на потоки капитала. В данном исследовании рассматриваются пороговые значения влияния политической и экономической неопределенности на приток ПИИ в Беларусь. В исследовании используются данные с первого квартала 1990 года по первый квартал 2024 года. Для определения критических уровней неопределенности, при которых меняется динамика ПИИ, использовалась модель пороговой регрессии. Результаты выявляют два основных пороговых

значения неопределенности: 0,278 и 0,343 в диапазоне неопределенности, между которыми существуют три режима. Во всех режимах результаты демонстрируют негативное влияние на ПИИ со стороны населения и инфляции, в то время как ВВП на душу населения, неравенство доходов и снижение обменного курса оказывают положительное влияние на приток ПИИ. Требования к ПИИ в базовом сценарии возрастают с ростом уровня неопределенности, что свидетельствует о том, что инвесторы требуют более высокой доходности для хеджирования повышенного риска. Эти результаты свидетельствуют о том, что белорусским политикам следует внимательно отслеживать уровень глобальной неопределенности и применять дифференцированные стратегии в зависимости от режима неопределенности.

Ключевые слова: политическая неопределенность, прямые иностранные инвестиции, пороговая регрессия, Беларусь.

1. Introduction

Today's world economy is characterised by record volumes of political and economic uncertainty that qualitatively redefine the investment climates of emerging markets. Financial instability is kept at record levels, and volatility of capital flows is the very core of problems of macro and financial stability of developing economies [1]. Global uncertainties, be it geopolitical tensions, policy changes, etc., are very intricate transmission channels with implications for investment decisions through various channels, generating asymmetric investments under various institutional settings and market conditions [2]. Belarus offers an apt case study in the consideration of uncertainty-FDI dynamics because it finds itself positioned in a special place as a small open transition economy with unique political and institutional structures. The Belarusian investment climate has been affected by raw political instability, such as the 2020 protests, which exposed deep and underlying societal dissatisfaction and erosion of the established social contract between citizens and the state [3]. Belarus's adaptive authoritarianism, to this point, as a prototype for other post-Soviet regimes, has increasingly found itself to be frail and institutionally vulnerable [4].

Despite the numerous studies on uncertainty and FDI, there are limited to no studies focusing on the unique environment of Belarus. Also, most of the empirical studies employ linear model specifications that place equal effects on all levels of uncertainty, potentially suppressing the significant non-linearities in investment choices. Most studies assume linear relationships and overlook threshold effects, where the impact of political uncertainty on foreign investment may fundamentally change once certain critical uncertainty levels are reached. This oversight limits the validity of policy recommendations, as they may not apply across different uncertainty regimes or institutional contexts. Thus, the study seeks to address the following three fundamental research questions: Do threshold effects exist in the political uncertainty-FDI relationship for Belarus? What are the critical uncertainty levels that trigger regime-switching behaviour in foreign investment patterns? How do macroeconomic factors interact differently across various uncertainty regimes?

The study makes an important contribution to international business and economics research as follows. First, uncertainty thresholds provide regime-relevant identification that can be employed in deriving a strategy-driven strategy under prevailing uncertainty conditions. Secondly, policy implications of the study extend beyond the contribution of scholarship since the estimated threshold levels of uncertainty provide precise policy recommendations to policymakers in efforts to maximise investment promotion policies across varied environments of uncertainty. Through the discovery of the differential impact on the same macroeconomic variables under the uncertainty regime, the research provides a more refined appreciation of the management of the investment climate with the capability of maximising the efficiency of interventionist policies under transition economies in highly uncertain global environments of uncertainty.

2. Methodology

2.1 Theoretical Framework

This study draws on Real Options Theory (ROT) as its primary theoretical foundation to understand how uncertainty shapes foreign direct investment decisions in Belarus. This theory is chosen because it explains the non-linear effect of uncertainty on investment behaviour, which is

the centrepiece of our research problem. The theory is relevant to this study because it predicts that uncertainty has a nonlinear effect on investment decisions. According to the theory, there are critical uncertainty thresholds beyond which investor behaviour changes dramatically. Below certain uncertainty levels, investors may proceed with planned investments, but as uncertainty crosses specific thresholds, the value of waiting increases substantially, leading to investment delays or cancellations. This theoretical prediction aligns with our threshold regression approach. ROT gives various key insights that inform our analysis regarding foreign direct investment. First, FDI usually involves large, irreversible capital commitments with uncertain future cash flows, making the option value of waiting of primary importance. According to the theory, different macroeconomic conditions will matter differently for investment decisions depending on the environment of prevailing uncertainty. Therefore, we expect regime-specific parameter estimates in our threshold model. The theory becomes vital for the case of Belarus, given that it is a country classified as a small, open transition economy. These types of economies are more inclined to be hit by shocks of global uncertainty; the higher or lower the institutional setting against such shocks, the higher or lower would be the capacity of uncertainty to affect investment choice [5].

2.2 Data Source and Description

This study examines the threshold effects of political-economic uncertainty on FDI inflows to Belarus using quarterly time series data. The main dependent variable is Foreign Direct Investment Inflows (FDIB), measured in US dollars. This is an indication of the money coming into Belarus from foreign investors. The key uncertainty measure is the World Uncertainty Index (WUNC), which tracks global economic uncertainty on a scale from 0 to 1 [6]. The study also includes other important factors like Population (POP) [7], GDP per capita (GDPC) [8], income inequality measured by the Gini Index (GINI), Inflation Rate (INF1), Exchange Rate (EXCR), showing how many Belarusian rubles equal one US dollar, and Trade Openness (TROP), which measures how much Belarus trades with other countries. The data comes from two main sources: the Federal Reserve Economic Data (FRED) and the World Development Indicators (WDI) databases. The study uses quarterly data from 1990Q1 to 2024Q1, giving us 137 observations total. All variables are transformed to natural logarithm values with the prefix (ln) to make the statistical analysis work better and ensure the data is stable for testing [9].

2.3 Threshold Framework

The threshold regression methodology allows for testing different numbers of thresholds to capture regime-switching behaviour in the uncertainty-FDI relationship. The optimal threshold model was selected based on multiple information criteria, including the Akaike Information Criterion (AIC), Bayesian Information Criterion (BIC), and Hannan-Quinn Information Criterion (HQIC). We specify single, double, and triple threshold models to determine the optimal specification.

Single Threshold Model as Eq. (1):

$$\ln FDIB_t = \begin{cases} \alpha_1 + \beta_1 \ln WUNC_t + \gamma_1 X_t + \varepsilon_t, & \text{if } \ln WUNC_t \leq \tau \\ \alpha_2 + \beta_2 \ln WUNC_t + \gamma_2 X_t + \varepsilon_t, & \text{if } \ln WUNC_t > \tau \end{cases} \quad (1)$$

Double Threshold Model (Selected) as Eq. (2):

$$\ln FDIB_t = \begin{cases} \alpha_1 + \beta_1 \ln WUNC_t + \gamma_1 X_t + \varepsilon_t, & \text{if } \ln WUNC_t \leq \tau_1 \\ \alpha_2 + \beta_2 \ln WUNC_t + \gamma_2 X_t + \varepsilon_t, & \text{if } \tau_1 < \ln WUNC_t \leq \tau_2 \\ \alpha_3 + \beta_3 \ln WUNC_t + \gamma_3 X_t + \varepsilon_t, & \text{if } \ln WUNC_t > \tau_2 \end{cases} \quad (2)$$

Triple Threshold Model as Eq. (3):

$$\ln FDIB_t = \begin{cases} \alpha_1 + \beta_1 \ln WUNC_t + \gamma_1 X_t + \varepsilon_t, & \text{if } \ln WUNC_t \leq \tau_1 \\ \alpha_2 + \beta_2 \ln WUNC_t + \gamma_2 X_t + \varepsilon_t, & \text{if } \tau_1 < \ln WUNC_t \leq \tau_2 \\ \alpha_3 + \beta_3 \ln WUNC_t + \gamma_3 X_t + \varepsilon_t, & \text{if } \tau_2 < \ln WUNC_t \leq \tau_3 \\ \alpha_4 + \beta_4 \ln WUNC_t + \gamma_4 X_t + \varepsilon_t, & \text{if } \ln WUNC_t > \tau_3 \end{cases} \quad (3)$$

Where $\ln FDIB_t$ is the natural logarithm of Foreign Direct Investment inflows, $\ln WUNC_t$ is the natural logarithm of the World Uncertainty Index used as the threshold variable, and X_t is the vector of control variables. The threshold values τ_1 , τ_2 , and τ_3 separate different uncertainty regimes, α_1 to α_4 are regime-specific intercepts, β_1 to β_4 are regime-specific uncertainty coefficients, γ_1 to γ_4 are regime-specific coefficient vectors for control variables, and ε_t is the error term.

2.4 Robustness Checks

In view of the reliability and stability of the threshold model, robustness checks using various alternatives and sensitivity analysis were examined. We performed a sensitivity analysis with different trimming parameters (5 %) to consider the possibility that threshold values might change with sample restrictions. Furthermore, we considered lagged uncertainty specifications, including 1-year (L4) and 2-year (L8) lags with the idea that there may be effects of uncertainty that are delayed on FDI decisions and that also allow to overcome the issue of endogeneity in the model design. These robustness tests validated the main conclusion under different model specifications and lag structures.

3. Empirical Results

This section consists of empirical results of the threshold regression estimation of political-economic uncertainty on FDI flows into Belarus. The result is presented step-by-step, starting with prior-estimation diagnostics such as unit root and cointegration tests, baseline linear estimate of the model, and finally the threshold estimates of threshold effect for ascertaining FDI behaviour.

3.1 Threshold Effect Analysis

The threshold validates that the double threshold specification is superior in information criteria terms with minimum AIC (-231.350) and BIC (-205.070) relative to singular as well as triple threshold options. Superiority of double threshold specification over others validates the fact that FDI behaviour is explained through three uncertainty regimes rather than a linear connection. The result shows two statistically significant threshold points at 0.278 and 0.343 on the baseline measure of uncertainty, determining three regimes: low uncertainty (below 0.278), medium uncertainty (between 0.278 and 0.343), and high uncertainty (above 0.343) regimes. The threshold points are confirmed by highly significant F-statistics as identifying real structural breaks in the FDI-uncertainty connection, verifying non-linear investment reactions to movements in the environment of uncertainty in Belarus.

Table 1 – Threshold Model Selection and Estimation Results

Model Specification	AIC	BIC	HQIC	SSR	Threshold Values (Log)	Original Scale	95% CI	F-stat	p-value
Single	-230.778	-207.418	-221.285	22.617	-1.280	0.278	[-1.285, -1.275]	41.250	0.000***
Double (Selected)	-231.350	-205.070	-220.671	22.196					
Threshold 1					-1.280	0.278	[-1.285, -1.275]	38.950	0.000***
Threshold 2					-1.070	0.343	[-1.075, -1.065]	–	–
Triple	-229.350	-200.150	-217.484	23.052					

Continuation of table 1

Model Specification	AIC	BIC	HQIC	SSR	Threshold Values (Log)	Original Scale	95% CI	F-stat	p-value
Threshold 1					-2.500	0.082	[-2.510, -2.490]	–	–
Threshold 2					-1.280	0.278	[-1.285, -1.275]	–	–
Threshold 3					-1.070	0.343	[-1.075, -1.065]	–	–

Notes:

1 N = 137 observations.

2 Bold items indicate selected model based on lowest AIC and BIC values.

3 *** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1.

4 Threshold values represent World Uncertainty Index levels.

5 AIC = Akaike Information Criterion, BIC = Bayesian Information Criterion, HQIC = Hannan-Quinn Information Criterion, SSR = Sum of Squared Residuals.

The double threshold model output presented in Table 2 provides a more nuanced understanding of how uncertainty really changes the Belarus investment climate, providing empirical validation of the ROT's non-linear prediction of uncertainty-induced investment response [10]. Figure 1 graphically illustrates the regime-shifting character of FDI responses, with three uncertainty regimes providing radically different investment climates challenging traditional linear modelling paradigms. The computation of two threshold values at 0.278 and 0.343 of uncertainty yields three regimes accounting for 70.1 %, 11.7 %, and 18.2 % of observations, respectively, suggesting Belarus had typically seen periods of diminished uncertainty but encountered high periods of high uncertainty. The regime-constant terms, 303.154, 303.516, and 303.287 are of interest in the sense that the baseline rate of FDI attractiveness is deeply constant across uncertainty regimes. That it is constant implies that while uncertainty gives rise to diverse investment behaviour, it changes Belarus's baseline investment inclination for attractiveness not at all, whereas common assumptions have it that increasing uncertainty always discourages investment.

Statistical comparison of regime differences is pertinent to revealing the nature of uncertainty effects. Failure to discern a significant difference between low and medium uncertainty regimes ($\chi^2(1) = 1.69$, $p = 0.194$) indicates that incremental changes in uncertainty do not affect the investment pattern significantly, as He et al. (2025) discovered that modest uncertainty's ability to first stimulate economic activity is found. Highly significant differences between medium and high uncertainty regimes ($\chi^2(1) = 6.46$, $p = 0.011$) and low and high uncertainty regimes ($\chi^2(1) = 9.61$, $p = 0.002$) indicate that there is a threshold of uncertainty beyond which investment behaviour radically alters. Such a response is in line with the very fundamentals of the Real Options Theory that the option value of waiting results under uncertainty, yet such option value increases non-linearly. At low to medium uncertainty, the option value of waiting for investment proceeds more or less on course. But at a high regime uncertainty threshold, the option value of waiting is of an order high enough as to invoke radical changes in investor behaviour.

The process of regime switching, as shown in Figure 1, sheds light on the high-order decision-making of foreign investment under uncertainty. The stability of FDI at the low and medium regimes of uncertainty provides empirical proof that moderate uncertainty can be managed with the common tools of risk measurement. The high regime of uncertainty provides an entirely distinct environment of investment, and common tools of risk measurement do not suffice; investors have to use real options valuation much more.

Table 2 – Double Threshold Model Results with Regime-Specific Constants

Variable/Regime	Coefficient	Std. Error	z-statistic	P-value	95% Confidence Interval
lnPOPNI	-19.976***	7.651	-2.61	0.009	[-34.971, -4.980]
lnGDPC	1.640***	0.206	7.97	0.000	[1.237, 2.044]
lnGINI	8.640***	0.705	12.26	0.000	[7.258, 10.021]
lnINF1	-0.322***	0.059	-5.43	0.000	[-0.438, -0.206]
lnEXCR	0.311***	0.070	4.47	0.000	[0.175, 0.448]
lnTROP	-0.414	0.307	-1.35	0.177	[-1.016, 0.187]
Regime Constants					
Regime 1 (Low)	303.154**	123.822	2.45	0.014	[60.467, 545.842]
Regime 2 (Medium)	303.516**	123.837	2.45	0.014	[60.800, 546.232]
Regime 3 (High)	303.287**	123.814	2.45	0.014	[60.616, 545.959]
Tests for Regime Differences					
Test Comparison	Test Statistic		P-value		
Regime 1 vs 2	$\chi^2(1) = 1.69$		0.194		
Regime 2 vs 3	$\chi^2(1) = 6.46$		0.011**		
Regime 1 vs 3	$\chi^2(1) = 9.61$		0.002***		

Notes:

1 Regime Definitions: Regime 1 (Low): $WUNC < 0.278$ (N = 96, 70.1%), Regime 2 (Medium): $0.278 \leq WUNC < 0.343$ (N = 16, 11.7%), Regime 3 (High): $WUNC \geq 0.343$ (N = 25, 18.2%).

2 *** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1.

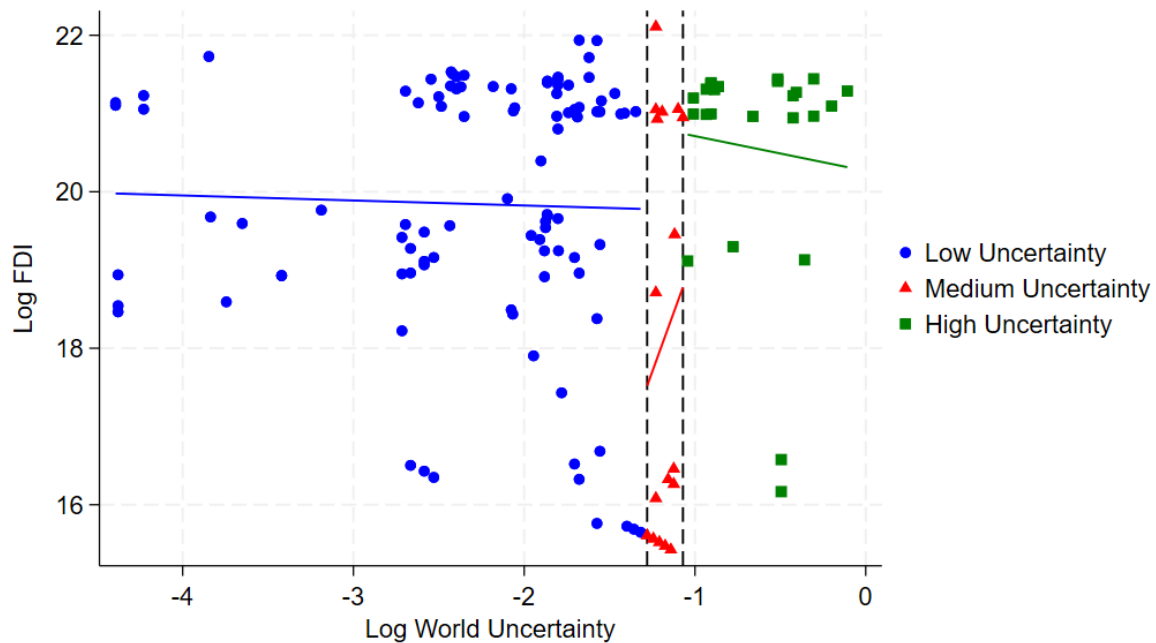

Figure 1 – FDI Response to Uncertainty by Regime

3.3 Robustness Checks with Sensitivity Analysis

Table 3 shows threshold model estimate stability to alternative specifications. The results remain stable in the trim parameter variation of 5% versus 15% and three-year lags, confirming threshold impacts do not occur as artefacts of specific model specifications. The results remain relatively stable across specifications. The impacts of population are always negative (-19.976 through -16.669), impacts of GDP per capita are always strongly positive (1.613 through 1.733), and income inequality is strongly significant (7.975 through 8.640) across specifications. The regime-specific intercepts remain stable through only modest magnitude variation while retaining statistical significance, confirming that the three uncertainty regimes capture real structural characteristics rather than spurious associations.

Table 3 – Robustness Analysis

Variable/Regime	Baseline (5% trim)	1-Year Lag (L4)	2-Year Lag (L8)
lnPOP	-19.976*** (7.651)	-19.774** (7.560)	-16.669** (7.305)
lnGDPC	1.640*** (0.206)	1.641*** (0.203)	1.733*** (0.197)
lnGINI	8.640*** (0.705)	8.217*** (0.703)	8.564*** (0.721)
lnINF1	-0.322*** (0.059)	-0.251*** (0.063)	-0.249*** (0.067)
lnEXCR	0.311*** (0.070)	0.231*** (0.073)	0.247*** (0.078)
lnTROP	-0.414 (0.307)	-0.091 (0.323)	0.379 (0.398)
Regime Constants			
Regime 1	303.154** (123.822)	299.521** (122.296)	245.098** (118.034)
Regime 2	303.516** (123.837)	299.282** (122.280)	245.553** (118.022)
Regime 3	303.287** (123.814)	299.396** (122.293)	245.280** (118.034)
Model Statistics			
Observations	137	133	129

Notes:

1 Standard errors in parentheses.

2 *** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1.

3 Baseline uses 5% trimming.

4 Lagged specifications use 1–2 year lags of the uncertainty variable.

4. Conclusions and Policy Recommendations

This study carries out the first systematic threshold analysis of political-economic uncertainty and FDI inflow into Belarus and finds that uncertainty influences FDI inflow through three regimes instead of linear relationships. It utilised quarterly data from 1990Q1 to 2024Q1 and threshold regression procedures developed in Real Options Theory. The research identifies two uncertainty thresholds of 0.278 and 0.343 to define the low, medium, and high uncertainty regimes. Moderate uncertainty's non-significance for FDI behaviour aside, entry into high uncertainty regimes causes high volatility in investor choice, supporting non-linear predictions of ROT. Population and inflation have negative effects on FDI in all regimes, while GDP per capita, income inequality, and exchange rate depreciation have positive effects on investment inflows. The robust threshold model strongly dominates linear specifications and offers conclusive evidence for policymakers to undertake regime-specific action instead of assuming homogeneous effects of uncertainty.

Belarus should establish robust uncertainty monitoring systems of global and national indicators on real-time scores, with computer-triggered alerts as soon as uncertainty is pushing close to risky thresholds at 0.278 and 0.343. The government should articulate uncertainty-specific policy architectures, with automated release of specific investment support measures on alternative regimes, like accelerated approvals, augmented investor protection, and increased macroeconomic monitoring in high-uncertainty times. A subsequent early strike would be a demonstration of policy predictability and institution-upgrading, capable of offsetting negative uncertainty effects through increased credibility. Regime-conditioned nature of uncertainty influences dictate variation in investment policy. Under the condition of low to medium uncertainty, Belarus needs to focus on traditional investment climate reform, like reducing bureaucracy and enhancing infrastructure. However, under high uncertainty, risk mitigation must be given attention in the form of legal protection enhancement, state-provided investment insurance, and negotiations of bilateral investment treaties. With regime constants being fixed across uncertainty levels, Belarus needs to attract top attractions; the place, natural endowments, know-how, and the complement of which consists of uncertainty-specific instruments of risk mitigation.

This study faces limitations, including reliance on the aggregation of FDI flow data, potentially hiding sectoral effects, mono-country coverage, potentially not allowing for cross-sectional comparability, and global uncertainty indicators potentially ignoring Belarus-specific sources. Future studies should explore sectoral threshold effects, expand the scope to comparative transition economy research, build Belarus-specific uncertainty indicators out of domestic sources, explore microeconomic mechanisms with firm-level data, and test interaction effects with combined domestic as well as global sources of uncertainty.

LIST OF SOURCES USED

1. Pagliari M. S. and Hannan S. Ahmed The volatility of capital flows in emerging markets: Measures and determinants // *J. Int. Money Financ.* – 2024. – Vol. 145. – P. 103095.
2. Sheikh U.A., Asadi M., Roubaud D., and Hammoudeh S., Global uncertainties and Australian financial markets: Quantile time-frequency connectedness // *Int. Rev. Financ. Anal.* – 2024. – Vol. 92. – P. 103098.
3. Krawatzek F. and Langbein J. Attitudes towards democracy and the market in Belarus: what has changed and why it matters // *Post-soviet Affairs.* – 2022. – Vol. 38. – P. 107–124.
4. S. Hall The End of Adaptive Authoritarianism in Belarus? // *Eur. Asia. Stud.* – 2022. – Vol. 75. – № 1. – P. 1–27.
5. Dihle H. and Mentges R. Real options or disaster risk? Distinguishing uncertainty effects on investment // *Appl. Econ.* – 2018. – Vol. 50. – № 34–35. – P. 3771–3786.
6. Liu N. and Gao F. The world uncertainty index and GDP growth rate // *Financ. Res. Lett.* – Oct. 2022. – Vol. 49. – P. 103137.
7. Gbongli K., Xu Y., Amedjonekou K.M. and Kovács L. Evaluation and Classification of Mobile Financial Services Sustainability Using Structural Equation Modeling and Multiple Criteria Decision-Making Methods // *Sustainability.* – Feb. 2020. – Vol. 12. – № 4. – P. 1288.
8. Boateng S.A., Karikari F.A., Fumey M.P., Asmah E.E. and Winful S.A. Understanding Global Commodity Price Shocks on Exchange Rates and Inflation in Emerging Economies: ARDL Perspective // *J. Econ. Manag. Trade.* – Apr. 2024. – Vol. 30. – № 5. – P. 33–47.
9. Keene O.N. The log transformation is special // *Stat. Med.* – Apr. 1995. – Vol. 14. – № 8. – P. 811–819.
10. Trigeorgis L. and Reuer J.J. Real options theory in strategic management // *Strateg. Manag. J.* – Jan. 2017. – Vol. 38. – № 1. – P. 42–63.

РАЗДЕЛ 6. СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК: 330, 332.1

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТРУД В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ INTELLECTUAL LABOR IN THE CONTEXT OF REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT: CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF IDENTIFICATION

Базуева Елена Валерьевна,
доктор экономических наук, доцент,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Российская Федерация, г. Пермь
bazueva.l@mail.ru

Степаненко Влада Андреевна,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, г. Пермь
vladakaz98@yandex.ru

Bazueva Elena,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Perm State National Research University,
Russian Federation, Perm

Stepanenko Vlada,
National Research University Higher School of Economics,
Russian Federation, Perm

Аннотация. В условиях постиндустриального экономического развития повышается значимость интеллектуальной компоненты труда. На текущий момент исследователи преимущественно используют категории капитала для его измерения, в частности, понятия интеллектуального капитала или человеческого капитала. Однако данные стоимостные категории не отражают в полной мере сущность интеллектуальной деятельности, а также обладают методическими сложностями, связанными с высокой вариативностью определений категорий. Предложенная категория интеллектуального труда позволяет рассматривать знания как один из факторов регионального экономического роста не с позиции их накопления, а со стороны их динамического применения в целях инновационного развития, что требует шестой технологической уклад, основанный на NBIC-конвергенции. Разработка региональной политики с использованием категории интеллектуального труда позволит минимизировать риски усиления пространственной дифференциации вследствие создания регионами различных условий для формирования человеческого капитала и его использования в интеллектуальной трудовой деятельности.

Ключевые слова: человеческий капитал, интеллектуальный труд, интеллектуальный капитал, региональное экономическое развитие, постиндустриальная экономическая система.

Abstract. In the context of post-industrial economic development, the importance of considering the intellectual component of labor is increasing. Currently, researchers primarily use capital categories such as intellectual capital or human capital to measure this parameter. However,

these cost categories do not fully capture the essence of intellectual activity and also present methodological challenges associated with the high variability of category definitions. The proposed category of intellectual labor allows us to consider knowledge as a factor in regional economic growth not from the perspective of its accumulation, but from its dynamic application for innovative development, which is required by the sixth technological paradigm, based on NBIC convergence. Developing regional policies using the category of intellectual labor will minimize the risks of increased spatial differentiation due to regions creating different conditions for the formation of human capital and its use in intellectual labor.

Keywords: human capital, intellectual labor, intellectual capital, regional economic development, post-industrial economic system.

На протяжении развития экономической науки исследователей всегда интересовал вопрос о выявлении ключевых факторов создания национального богатства. Определяющую роль в этом, безусловно, играли, используемые на данном этапе технологии производства, которые трансформировали производственную составляющую социально-экономической системы. Если рассматривать данный процесс в контексте этапов общественного развития, то, согласно классификации Э. Тоффлера, рассматривающего эволюцию общественных систем по технико-технологическому параметру, условием для перехода к более сложным технологиям является изменение содержания и характера труда [1]. Значимость технологий в формировании и развитии труда была ранее обоснована в концепциях К. Маркса, Н. Кондратьева, Й. Шумпетера, С.Ю. Глазьева, Д.С. Львова и др., в исследованиях В.В. Кузнецова, И.С. Болюхиной, М.В. Кангро, Ю.Г. Одегова, В.В. Павловой, Л.С. Теленной, Л.А. Кузьминой и др. Так, аграрный тип экономической системы основан на организации трудовой деятельности посредством экстенсивного использования природных ресурсов, труда в результате использования мускульной силы человека [2]. Соответственно, приоритетным является физический труд. В индустриальном типе экономической системы в целях обеспечения функционирования активно развивающегося производственного сектора повышается значимость уровня квалификации труда.

Для постиндустриальной экономической системы характерна доминирующая роль знаний, которые превалируют над капиталом. Соответственно, особую важность приобретает интеллектуальная компонента труда, позволяющая субъектам интеллектуального труда не только выполнять умственные трудовые операции, но и создавать новые знания, технологии, продукты. Трансформационные процессы усложнения характера и содержания труда систематизированы в таблице 1 [3].

Таблица 1 – Динамика усложнения характера труда в процессе развития экономических систем

Основные критерии различия	Виды экономических систем		
	Доиндустриальная	Индустриальная	Постиндустриальная
Основные ресурсы	Природные ресурсы	Труд и капитал	Интеллектуальный капитал и знания, технологии
Доминирующая сфера экономической активности	Сельское хозяйство	Промышленность	Сфера услуг, прежде всего, интеллектуальных
Характеристика технологического развития	Технологии адаптации к плодородию земли, погодным условиям, фитосанитарной обстановке	Внедрение производственных линий поточного производства	NBIC [4] –конвергенция: нанотехнологии (N), биотехнологии (B), информационные технологии (I), когнитивные технологии (C)
Характер труда	Ручной	Сложный квалифицированный	Творческий (интеллектуальный)

Как показывает таблица 1, переход к постиндустриальной экономической системе требует изменения содержания и характера труда в направлении увеличения значимости его интеллектуальной (знаниевой) компоненты, реализация которой в процессе трудовой деятельности проявляется в творческом характере, обеспечивающем создание интеллектуальных товаров и услуг.

В настоящее время для описания базовых условий перехода к постиндустриальной экономической системе в данном контексте чаще используются категории человеческого и интеллектуального капитала. При этом, дефиниции каждой из них меняются в зависимости от предмета и объекта исследования. К примеру, П.Ю. Макаров при проведении анализа атрибутов дефиниции «интеллектуальный капитал» в составе понятия выделяет часто встречаемые в определениях разных авторов атрибуты. К ним относятся: 1) знания (причем знания могут быть как формализованные, так и неформализованные), включающие как сами знания и информацию, так и интеллектуальную собственность; 2) ресурсы системы, к которым автор относит способности и отношения, а также связи. В некоторых исследованиях даны такие специфические его характеристики как нематериальность, субъективность, участие в создании ценности, проявление в результате социальной оценки [5].

Данная категориальная разобщенность в научном сообществе, на наш взгляд, приводит к несопоставимости результатов оценки категорий в зависимости от целей исследования, что затрудняет процесс оценки и выработку управленческих рекомендаций. В этой связи, далее концептуализируем категорию интеллектуального труда, расставив акценты на её отличиях от категорий человеческого и интеллектуального капитала.

Категория человеческого капитала чаще всего используется в экономических исследованиях как компонента человеческой и знаниевой составляющей в моделях экономического роста. Напомним, что теория человеческого капитала была предложена в рамках неоклассической экономической школы, доминирующей на индустриальном этапе экономического развития. Однако в индустриальной экономической системе экономический рост существенно усиливался за счет повышения уровня образования населения, а для обеспечения постиндустриального развития, образование становится базовой компонентой экономического роста. Наиболее часто для измерения человеческого капитала используют только охват высшим образованием населения и показатели, характеризующие уровень здоровья, которые, на наш взгляд, не отражают сущность интеллектуальной деятельности, создающей ценность в постиндустриальной экономике.

Кроме того, как показывает Колганов А.И. применяемый подход к интерпретации категории человеческого капитала позволяет описать накопленные знания и умения, которые не обязательно будут реализованы в производственной деятельности, а следовательно, принесут экономическую выгоду региону, поскольку человеческий капитал только через «активную роль человека как источника и носителя новых знаний – влияет на технологическое, а тем самым и на социально-экономическое развитие» [6]. В этой связи, поскольку труд представляет собой «целесообразную деятельность человека, направленную на ... производство товаров и услуг» [7], на наш взгляд, категория интеллектуального труда позволяет более комплексно измерить результаты его использования в виде созданных интеллектуальных продуктов. Это, в большей степени, позволяет отвечать на вопросы управленческой повестки формирования новых экономических систем, связанные с обеспечением повышения его продуктивности [8]. Соответственно, акцент смещается в сторону процесса труда, который приводит к закономерному результату наращивания интеллектуального капитала региона.

Концепция человеческого капитала интегрирует две концептуально разные категории: труд и капитал, которые являются разными факторами производства. Напомним, что в классической экономической теории труд представляет целенаправленную деятельность человека, направленную на создание стоимости. В то время как капитал – это накопленные ресурсы, используемые в производстве и приносящие доход.

На наш взгляд, это ограничивает возможности управленческих воздействий по причине различной природы данных явлений, особенно в рамках изучения факторов экономического роста на постиндустриальном этапе развития. Известно, что для него характерно не накопление знаний, как требовали условия индустриальной экономической системы, а их динамическое применение, трансформация в целях инновационного развития, что требует шестой технологической уклад, основанный на NBIC-конвергенции [9].

В индустриальной экономической системе рост обеспечивался увеличением квалифицированных работников. При этом умственная деятельность, лежащая в основе квалифицированного труда, характеризуется использованием интеллекта и умственных способностей, она может быть рутинизированной. Интеллектуальный труд представляет собой высшую степень реализации умственного труда, а именно творческую деятельность человека, направленную на создание новых знаний и технологий. В отличие от умственного труда, интеллектуальный труд обладает новаторским (творческим) характером, соответственно, отражает способности, квалификацию, опыт более высокого уровня [10]. Творческий труд плохо поддается алгоритмизации, в то время как умственный труд направлен на решение типовых задач, связан с принятием решений по заданным правилам, и может быть частично автоматизированным.

Кроме того, представляется, что использование категории интеллектуального труда позволяет более точно измерить эффекты для экономических систем разного уровня от использования человеческого капитала в процессе трудовой деятельности и выявить институциональные барьеры, влияющие на его реализацию. Это связано, как подчеркивает А.И. Колганов, с ограничениями измерения вклада человеческого капитала в социально-экономическое развитие на основе стоимостного подхода (инвестиционный подход), реализуемого в теории человеческого капитала, который не учитывает неотчуждаемость способностей человека в отличие от капитала и возможность их реализации только в рамках деятельности конкретного индивида, в т. ч. как части трудового процесса [6].

Понятие интеллектуального капитала в современной интерпретации включает в себя элементы, отражающие научную и инновационную деятельность. Согласно большинству подходов, его основными элементами являются человеческий капитал, выраженный через знания, навыки, компетенции и связи людей, структурный капитал и отношенческий капитал [11]. Обратим внимание, человеческий капитал в структуре интеллектуального капитала не включает компонент здоровья, который является одним из основных его элементов [12]. Одновременно возникают сложности с измерением интеллектуального капитала. Для его оценки применяют показатели, выступающие ресурсами для формирования интеллектуального капитала (например, «затраты на НИОКР», «затраты на сферу образования»), либо являющиеся результатами его использования («экспорт высокотехнологичной продукции», «доля инновационно-активных предприятий» и т. п.). Исходя из описанного выше, интеллектуальный капитал представляет стоимостную категорию запаса интеллектуальных ресурсов, в то время как интеллектуальный труд – категория, описывающая деятельность, соответственно, представляющая собой процесс. Именно в процессе данной деятельности создаются нематериальные и материальные объекты интеллектуального капитала.

Таким образом, резюмируем описанные концептуальные взаимосвязи. Согласно нашему исследованию, человеческий капитал является элементом интеллектуального капитала, а интеллектуальный труд представляет собой часть человеческого капитала, который задействован в процессе трудовой деятельности, направленной на создание интеллектуальных товаров и услуг.

По результатам обзора концепций и выявления отличительных особенностей интеллектуального труда выделим его характеристики, представляющие особую важность в контексте управления региональным развитием:

- креативный, творческий характер труда [13];
- ограниченная возможность алгоритмизации;

- наличие новаторской составляющей в процессе труда, способствующей созданию новых продуктов, отвечающих определенному уровню технологического развития [14];
- последовательное вовлечение знаний в интеллектуальную (знание интенсивную) деятельность [15];
- высокие требования к перманентному обновлению знаний, подтверждающих целесообразность инвестиций в развитие интеллектуальных способностей человека;
- преимущественное распределение результатов труда в пользу носителей интеллектуальных способностей [13].

На наш взгляд, именно категория интеллектуального труда, который может быть рассмотрен через субъектов интеллектуальной деятельности, обладающих определенным уровнем человеческого капитала, действительно используемого для создания знаний и их трансформации посредством инновационной деятельности, направленной на создание интеллектуальных товаров и услуг, позволит разработать конкретные управленческие механизмы, обеспечивающие технологическое развитие, отвечающее условиям шестого технологического уклада. Это создаст возможности для наращивания интеллектуального капитала региона, выраженного в формализованных знаниях, активах и отношениях.

Кроме того, данная политика позволит минимизировать риски усиления пространственной дифференциации вследствие создания регионами различных условий для формирования человеческого капитала и его использования в интеллектуальной трудовой деятельности. Так, по результатам нашего исследования интеллектуального неравенства (понятие предложено авторами ранее – [3]) между регионами на основе применения инструментов кластерного анализа была подтверждена гипотеза о доминирующем влиянии параметра человеческого капитала, задействованного в НИОКР, в объяснение дисперсии регионов РФ по уровню интеллектуального капитала.

Если учесть, что интеллектуальный труд напрямую зависит от новых знаний, обеспечивающих технологическое развитие, а их распространение ограничено присвоенной интеллектуальной рентой, принадлежащей субъектам, задействованным в реализации интеллектуального труда, то концентрация интеллектуального труда в определенных регионах страны без разработки стратегически ориентированной региональной политики может стать основой воспроизводства т. н. вторичного интеллектуального неравенства [6]. Как следствие, усиления пространственной дифференциации, поскольку будут создаваться барьеры для технологического прогресса отстающих регионов. Это ограничит технологическое развитие страны в целом ввиду усиления дифференциации развития регионов по приоритетным направлениям экономики нового типа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. – С. 6–261.
2. Базуева Е.В. Система институтов гендерной власти в экономике России: основы теории и методологии: монография – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т., 2015. – 456 с.
3. Базуева Е.В., Буторина О.В., Степаненко В.А. Человеческий капитал и неравенство: новые управленческие вызовы для экономики регионов России // Проблемы развития территории. Т. 27. – 2023. – № 4. – С. 33–52.
4. Кузьмина Л.А. Изменение содержания труда и занятости под влиянием нового технологического уклада // Евразийский Союз Ученых. – 2021. – № 1–6 (82). – С. 32–38.
5. Макаров П.Ю. Интеллектуальный капитал в понятийно-категориальном аппарате экономической науки: критическое осмысление и систематизация // Вопросы экономики. – 2022. – № (4). – С. 5–25.
6. Колганов А.И. Значение человеческого потенциала как фактора и критерия социально- экономического развития // Экономическая наука современной России. – 2024. – № 3 (106). – С. 7–23.

7. Большой энциклопедический словарь. – URL: <https://bigслоvar.ru> (дата обращения 21.09.2025).
8. Drucker P.F. Knowledge-Worker Productivity: The Biggest Challenge// California Management Review. – 1999. – Vol. 41. – № 2. – P.78–95.
9. Глазьев С. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. («Коллекция Изборского клуба»). – М.: Книжный мир, 2018. – 768 с.
10. Лебединцева Л.А. Инновационная сущность интеллектуального труда и интеллектуальная собственность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2009. – № 3-1. – С. 92–103.
11. Руус Й., Пайк С., Фернстрём Л. Интеллектуальный капитал: практика управления; пер. с англ.; под ред. В.К. Дерманова. – СПб.: Высш. шк. менеджмента. – 2010. – 436 с.
12. Лосева О.В. Формирование методологии оценки человеческого капитала в инновационной деятельности. Автореф. дисс. ... д.э.н. – М.: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2013. – 46 с.
13. Пестова Т.Н. Интеллектуальный труд как фактор трансформации социально-экономических отношений общества // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2014. – № 1. – С. 90–94.
14. Красова Е.В. Неоднородность содержания интеллектуального труда как неотъемлемая черта информационной экономики // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2022. – № 1. – С. 17–29.
15. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. Т. 2: Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы. Изд. 4-е. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 888 с.

УДК 331.5

**ЭФФЕКТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ СОГЛАСОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА
И СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
EFFECTIVE TOOLS FOR HARMONIZING THE LABOR MARKET
AND THE EDUCATION SYSTEM**

Ванкевич Елена Васильевна,
доктор экономических наук, профессор,
Витебский государственный технологический университет,
Республика Беларусь, г. Витебск
vankevich_ev@tut.by

Vankevich Alena,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Vitebsk State University of Technology,
Republic of Belarus, Vitebsk

Аннотация. В статье уточнены теоретические подходы к пониманию видов несоответствия на рынке труда, способов формирования эмпирической базы и показателей для их оценки. Показано, что несоответствия между рынком труда и системой образования в настоящее время перенесены на уровень навыков и являются главной причиной невысокой производительности труда и эффективности занятости, что в совокупности формирует риск потери человеческого капитала страны. Анализ масштабов несоответствий на рынке труда Беларуси позволил сделать вывод об увеличении горизонтального несоответствия (за 2020–2024 гг.), наличии значительных дисбалансов на молодежном сегменте рынка труда, по направлениям подготовки «Естественные науки», «Архитектура и строительство»,

«Общественное питание. Бытовое обслуживание», особенно для выпускников учреждений профессионально-технического образования. Определены причины несоответствий, выявлены противоречия. Предложена совокупность инструментов для согласования рынка труда и системы образования в современных условиях, даны организационно-методические рекомендации для их применения.

Ключевые слова: рынок труда, соответствие навыков, профессионально-квалификационные дисбалансы, система образования.

Abstract. The article clarifies theoretical approaches to understanding the types of mismatches in the labor market, methods for forming an empirical base and indicators for their assessment. It is shown that mismatches between the labor market and the education system are currently transferred to the skills level and are the main reason for low labor productivity and employment efficiency, which together create the risk of losing the country's human capital. An analysis of the scale of mismatches in the labor market of Belarus allowed to conclude that horizontal mismatches are increasing (for 2020–2024), there are significant imbalances in the youth segment of the labor market, in the areas of training "Natural Sciences", "Architecture and Construction", "Catering. Consumer Services", especially for graduates of vocational education institutions. The causes of mismatches are determined, contradictions are revealed. A set of tools for aligning the labor market and the education system in modern conditions is proposed, organizational and methodological recommendations for their application are given.

Keywords: labor market, skills matching, professional and qualification imbalances, education system.

По данным обследования домашних хозяйств по проблемам занятости населения в Республике Беларусь, в 2024 году для 37,1% занятого населения было характерно несоответствие между квалификацией, полученной в системе образования, и выполняемой на рабочем месте работой [1, с. 39]. Это становится одним из основных препятствий для повышения производительности труда и эффективности занятости в стране. Следует отметить, что в стране уделяется много внимания данному вопросу. Так, реализуется ряд направлений для достижения профессионально-квалификационного баланса на рынке труда, особенно на его молодежном сегменте. Например, в контексте формирования Национальной рамки квалификаций по ряду профессий разработаны профессиональные стандарты, регулярно проводится опрос нанимателей, на информационном портале государственной службы занятости организована возможность тестирования для выявления сферы интересов и подбора релевантного комплекса профессий, наиболее соответствующих тестируемому, реализуется Государственная программа «Образование и молодежная политика», принята Концепция развития профессиональной ориентации молодежи в Республике Беларусь, др. Однако масштабы несоответствий сохраняются, а по отдельным направлениям подготовки и уровням образования они достигают критических значений. Учитывая новые вызовы на рынке труда (цифровизация, демографические проблемы, повышение мобильности рабочей силы, др.), возникает необходимость дополнения принимаемых мер по согласованию рынка труда и системы образования, что в свою очередь требует решения следующих научных задач: определение видов несоответствий на рынке труда, анализ их масштабов, причин и последствий; изучение успешных практик преодоления несоответствий между требованиями рынка труда и системой образования; обоснование организационных и методических рекомендаций для применения новых инструментов согласования рынка труда и системы образования в Республике Беларусь.

Масштабы и структура несоответствий на рынке труда

Первоначально соответствие рабочей силы спросу на труд оценивалось количественно, по численности работников и числу рабочих мест. В начале XXI века наниматели стали определять дефицит квалифицированных кадров через набор необходимых навыков у работников (особенно у молодых работников, выпускников) как главное препятствие развития бизнеса, поэтому оценка масштабов несоответствий была перенесена на уровень

навыков и микро-дипломов об образовании (сертификатов, полученных в учреждениях и в системе неформального образования, конкретных компетенций), комбинация которых формирует новые профессии [2]. Многообразные виды несоответствий на рынке труда (таблица 1) можно измерить:

– *количественными методами* – как различия между совокупным предложением и спросом на рабочую силу, измеряемое численностью рабочей силы и количеством рабочих мест. Информацию для оценки такого рода несоответствий дает обследование домашних хозяйств по проблемам занятости населения, проводимое Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь. Но статистики рабочих мест на данном этапе нет, а сам метод такой оценки специалистами относится к косвенному методу, поскольку он оперирует с косвенными агрегированными показателями, не позволяет оценить несоответствия в разрезе видов экономической деятельности, регионов (за исключением областного среза), занятий;

– *качественными методами* – что предполагает оценку различий между навыками, которыми располагает рабочая сила и требованиями нанимателей к работе (или требованиями рабочих мест). Для его измерения нужны сведения о запасе навыков рабочей силы и навыках, формируемых системой образования, с одной стороны, и с другой стороны – о требованиях нанимателей к работникам. Такие несоответствия могут быть измерены двумя способами. Первый метод – прямой объективный – означает сравнение фактического и требуемого уровня владения навыками по единой шкале (по каждому работнику или рабочему месту). Второй метод – прямой субъективный, основан на зеркальном опросе нанимателей (как характеристика спроса на труд) и населения (как характеристика предложения на рынке труда). Для их использования нужно соответствующее методическое и организационное сопровождение: единый классификатор навыков, шкала для объективной оценки уровня владения навыками, проведение опросов.

Таблица 1 – Виды несоответствий на рынке труда, методы и показатели их анализа

Вид несоответствия	Методы формирования эмпирической базы для анализа	Показатели для анализа
Общее несоответствие – несоответствие между спросом и предложением на рынке труда	– обследование домашних хозяйств по проблемам занятости – данные Общереспубликанского банка вакансий – данные онлайн-порталов вакансий	– отношение численности безработных к численности занятых (в разрезе возраста, пола, уровня образования, области) – отношение числа резюме к числу вакансий
Горизонтальное – работа не соответствует специальности	обследование домашних хозяйств по проблемам занятости	– распределение ответов на вопрос о соответствии выполняемой работы полученной специальности (в разрезе направлений подготовки, уровней образования, областей)
Вертикальное – избыток либо недостаток образования	обследование домашних хозяйств по проблемам занятости	– распределение ответов на вопрос о соответствии выполняемой работы полученной специальности (в разрезе направлений подготовки, уровней образования, областей)
Пробелы в образовании – недостаточное владение навыками для успешного выполнения задач	опрос нанимателей, мониторинг трудоустройства выпускников	Нужен классификатор навыков и объективная шкала для оценки уровня владения навыками
Дефицит навыков, моральное устаревание навыков: 1. отсутствие работников с нужными навыками 2. неспособность предприятия привлечь соответствующие навыки (зарботная плата и условия труда)	опрос нанимателей, опрос работников	– уровень заработной платы (в разрезе регионов и видов экономической деятельности), – удельный вес работников, прошедших повышение квалификации, переподготовку (в разрезе видов экономической деятельности)

Примечание – Источник: составлено на основе [2–4].

Часто причина нехватки квалифицированных кадров в организациях Республики Беларусь может быть сформулирована как нехватка средств на выплату соответствующего уровня заработной платы [5, 6]. Также это может быть результатом неэффективных кадровых технологий подбора и развития персонала на предприятиях.

Последствия несоответствия навыков значительны: для экономики в целом; для предприятий; для работников. Они являются фактором потери человеческого капитала и снижения эффективности занятости.

Не все направления и показатели для оценки являются статистически доступными. По имеющимся данным можно сделать следующие выводы о масштабах и структуре несоответствий на рынке труда Республики Беларусь: за 2020–2024 гг. ситуация на белорусском рынке труда улучшилась (то есть общий уровень несоответствий снизился) [1, 7, 8]. Однако в ряде групп он остается значительным: у лиц с профессионально-техническим, общим средним и общим базовым образованием; у молодежи). При этом в возрастной категории 15–19 лет уровень несоответствия вырос при общей тенденции к снижению. Чем ниже уровень образования, тем выше уровень несоответствий на рынке труда. Однако, несмотря на статистическое подтверждение улучшения, на практике эксперты и работодатели утверждают об обратном – что дефицит кадров (навыков) на рынке труда усиливается [5, 6].

Масштабы несоответствий на рынке труда растут за счет горизонтального несоответствия – 18,7 % в 2024 г. (с 15,9 % в 2018 г.) (рисунок 1). Среди выпускников ситуация выглядит несколько лучше, но при этом значительно дифференцируется в разрезе уровней образования (несоответствие для выпускников учреждений профессионально-технического образования выше, чем для выпускников высшего и среднего специального образования), и направлений подготовки (масштабы несоответствия по направлениям «Естественные науки», «Архитектура и строительство» превышают 40%) [1, с. 24, 41; 7, с. 24, 41].

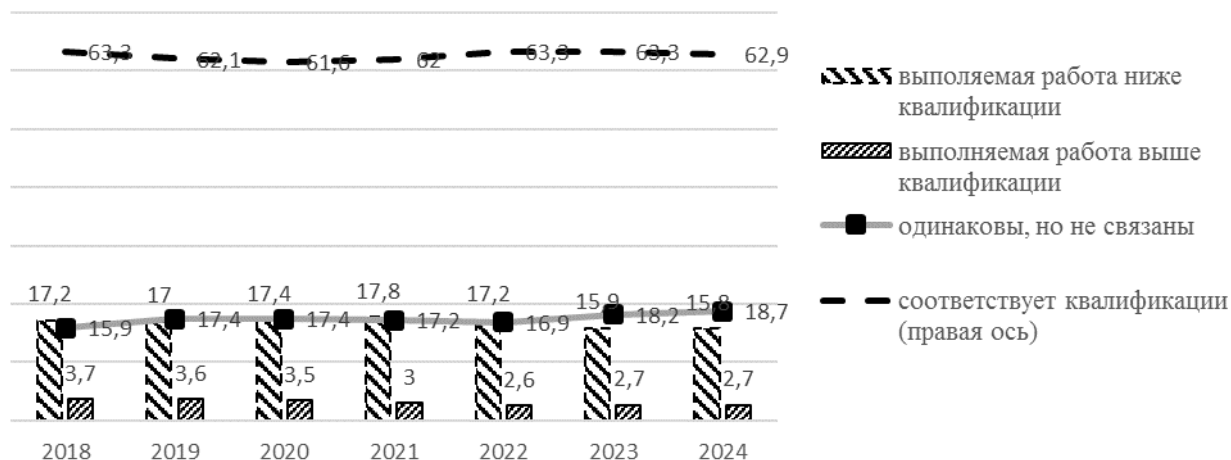

Рисунок 1 – Соответствие выполняемой работы полученной специальности (профессии) у занятого населения Беларуси, %

Примечание – Источник: [1, с. 39; 7, с. 39].

Таким образом, складывается определенное противоречие, поскольку наибольшие несоответствия наблюдаются именно по тем группам специальностей, которые постоянно указываются в группе наиболее дефицитных на белорусском рынке труда [9, 6]. Причинами такого противоречия могут быть новые явления на рынке труда, которые не могут быть учтены и отрегулированы с помощью традиционных инструментов: вступление в трудоспособный возраст поколения Z, имеющих свои профессиональные ориентиры, отраслевые предпочтения в трудоустройстве и особенности трудового поведения – такие, как сверхмобильность, гибкий график работы, тотальное использование гаджетов, мобильных

приложений, др.; фрагментарная цифровизация – то есть расширение использования цифровых технологий при сохранении прежней структуры и качества рабочих мест [10]; повышение мобильности рабочей силы.

Несмотря на то, что в Беларуси уделяется большое внимание трудоустройству молодежи, фактически услуги государственной службы занятости предоставляются либо узкому кругу лиц (обратившихся за содействием в трудоустройстве в органы по труду, занятости и социальной защите), либо преимущественно административно – за счет трудоустройства по распределению. При этом слабо учитываются сигналы онлайн-источников данных о рынке труда, которые дают иную картину о его состоянии. Ситуация дополняется противоречивым переходом к Национальной рамке квалификаций – поскольку она сложно сочетается с принятой в стране системой ЕТКС/ЕКСД. Поэтому анализа рынка труда в разрезе навыков не организовано. В совокупности это приводит к следующим противоречиям: между сокращением удельного веса лиц с профессионально-техническим образованием в численности занятых и ростом масштаба несоответствий в этом сегменте; между ростом числа заявленных вакансий в Общереспубликанском банке вакансий, их неизменной структурой (в которой более 70 % – спрос на рабочие специальности), с одной стороны, и незначительными масштабами повышения квалификации, переподготовки – с другой.

Современные направления согласования рынка труда и системы образования, их организационное и методическое сопровождение

Инструменты согласования рынка труда и системы образования можно условно разделить на 2 направления: качественная подстройка (повышение квалификации, переподготовка, формирование востребованных навыков) и количественная подстройка (количество рабочих мест, заработная плата), а также по механизму действия – финансово-экономические, организационно-административные, социальные, воспитательные (идеологические) и аналитические (таблица 2), не все из которых реализуются в Беларуси. Для их реализации необходим единый классификатор навыков, увязанный с ОКРБ «Занятия» и ОКРБ «Специальности и квалификации», а также шкала для объективной оценки уровня владения навыками.

Таблица 2 – Инструменты согласования рынка труда и системы образования

Направления	Инструменты
Финансово-экономические	– отнесение затрат на повышение квалификации, переподготовку персонала на себестоимость продукции – льготирование налогообложения финансового результата организации при осуществлении затрат на повышение квалификации, переподготовку кадров, модернизацию рабочих мест – пересмотр и аттестация рабочих мест, рабочих задач и функций – введение классификатора навыков – оценка навыков, организация гибких форм оплаты труда в зависимости от навыков и выполняемых функций – экономически обоснованный выбор программ повышения квалификации, переподготовки кадров в зависимости от потребности нанимателя – оценка экономической эффективности программ повышения квалификации и переподготовки для работника и для работодателя
Организационно-административные	– АС «Госзаказ», утверждение контрольных цифр приема в учреждения образования – распределение – целевой набор – организация исследования трудоустройства выпускников – формирование центров карьеры выпускников в учреждениях образования, организационное и методическое обеспечение их деятельности – формирование цифровой экосистемы рынка труда – привлечение иностранной рабочей силы – квотирование и бронирование рабочих мест в дефицитных сегментах рынка труда – разработка программ обеспечения кадрами отдельных видов экономической деятельности (регионов, предприятий)

Продолжение таблицы 2

Направления	Инструменты
Социальные	– социальная реклама – тестирование навыков – примеры успешных практик трудоустройства – профориентационная работа в учреждениях образования – работа с блогерами
Воспитательные (идеологические)	– воспитание патриотизма, нравственности, желания работать в своей стране, не использовать «серые» схемы в бизнесе
Аналитические	– анализ вакансий, резюме, навыков, мобильности рабочей силы – формирование ежегодных национальных отчетов о рынке труда, их публикация, предоставление аналитических результатов всем заинтересованным пользователям

Примечание – Источник: разработка автора.

То, что окончание учебы не всегда приводит к эффективному переходу к работе, отмечается многими исследователями и является общемировой тенденцией [11, 12]. Но потери человеческого капитала в процессе перехода можно минимизировать с помощью дополнения традиционно используемых инструментов согласования рынка труда и системы образования новыми (такими, как исследование трудоустройства выпускников, анализ рынка труда через призму навыков, формирование цифровой экосистемы рынка труда, др. [13]). Дефицит рабочей силы сложился не только под влиянием демографических факторов. Поэтому увеличение возрастных границ найма его принципиально не решит. Основная причина дефицита кадров – некачественная подстройка, основанная на неполной аналитике рынка труда, и наличии непривлекательных рабочих мест.

Универсальный подход, ориентированный на административное трудоустройство выпускников в соответствии с полученной специальностью (профессией) в перспективе будет терять свою результативность. Поэтому целесообразно использовать комплекс инструментов согласования рынка труда и системы образования, дифференцированный по уровням подготовки и включающий: расширение аналитики рынка труда для принятия эффективных решений, анализ востребованных навыков и установление комбинации навыков, формирующих наиболее результативные траектории перехода от учебы к работе, анализ рабочих мест, анализ мобильности рабочей силы; расширение масштабов повышения квалификации, переподготовки, направленных на формирование комбинации востребованных навыков с последующей оценкой эффективности реализации программ дополнительного образования взрослых; улучшение условий труда на непривлекательных (и поэтому труднозаполняемых) рабочих местах; автоматизация рабочих мест; др. Для реализации данного комплекса инструментов необходим единый классификатор навыков, встроенный в Национальную рамку квалификаций и принятый как системой образования, так и нанимателями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Занятость населения в Республике Беларусь в 2024 году (по материалам выборочного обследования). Стат. бюллетень. – Минск, Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2025.
2. Skills mismatch measurement in ETF partner countries. ETF, 2019. – URL: <https://www.etf.europa.eu/en/> (дата обращения 25.08.2025).
3. Измерение несоответствия навыков в странах – партнерах ЕФО. European Training Foundation. 2022. – URL: <https://www.etf.europa.eu> (дата обращения 25.08.2025).
4. Мальцева В.А. Концепция skill mismatch и проблема оценки несоответствия когнитивных навыков. – Москва : Вопросы образования, 2019. – № 3. – С. 44–49.
5. Ванкевич Е.В., Зайцева О.В. Рынок труда Республики Беларусь: развитие в условиях современных вызовов // Белорусский экономический журнал. – 2024. – № 3. – С. 80–94.

6. Боровик Л.С., Привалова Н.Н. Современные тренды рынка труда Беларуси: проблемы и пути решения//Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2024. – № 1 (319). – С. 21–35.
7. Занятость населения в Республике Беларусь в 2020 году (по материалам выборочного обследования). Стат. бюллетень. – Минск, Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2021.
8. Занятость населения в Республике Беларусь в 2022 году (по материалам выборочного обследования). Стат. бюллетень. – Минск, Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2023.
9. Флоринский М.В. Рынок труда Республики Беларусь: меры поддержки молодежи. Материалы для организации профориентационной работы в школе. – URL: <https://nastgaz.by> (дата обращения 30.06.2025).
10. Vankevich A.V., Kalinouskaya I.N. Digitalisation and jobs: The case of organisations in the Vitebsk area of Belarus // Journal of New Economy. – 2024. – Vol. 25. – № 4. – P. 106–126.
11. Варшавская Е.Я., Котырло Е.С. Выпускники инженерно-технических и экономических специальностей: между спросом и предложением. – Москва : Вопросы образования, 2019. – № 2. – С. 98–128.
12. Cedefop (2024). Untangling labour shortages in Europe: unmet skill demand or bad jobs? – URL: <http://data.europa.eu/10/2801/023297> (дата обращения 15.07.2025).
13. Ванкевич Е.В., Калиновская И.Н. Теоретико-методические аспекты формирования цифровой экосистемы рынка труда в Беларуси // Белорусский экономический журнал. – 2025. – №2. – С. 47–62.

УДК 349.2

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИНКЛЮЗИВНОЙ ЗАНЯТОСТИ SOURCES OF FINANCING INCLUSIVE EMPLOYMENT

Маковская Наталья Владимировна,
доктор экономических наук, профессор,
Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова,
Республика Беларусь, г. Могилев
maknata@mail.ru

Makovskaya Natalia,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Mogilev State University named after A.A. Kuleshov,
Republic of Belarus, Mogilev

Аннотация. Актуальность исследования состоит в том, что инклюзивная занятость представляет собой включение, предполагающее совместную трудовую деятельность, работника с ограниченными возможностями в конкретный производственный процесс. Понятие «инклюзивная занятость» является частью общей системы трудовой инклюзии. Трудовая инклюзия предполагает совместную трудовую деятельность, работника с ограниченными возможностями в конкретный производственный процесс. Это форма организации труда, при которой каждому работнику, независимо от имеющихся физических, социальных, эмоциональных, ментальных, языковых, интеллектуальных и других особенностей, предоставляется возможность быть занятым в национальной экономике. Такая организация труда требует специального инклюзивного финансирования с определением его источников. В статье представлен анализ возможных источников финансирования инклюзивной занятости с выделением их характерных особенностей. Представлены направления и особенности финансирования инклюзивной занятости.

Ключевые слова: инклюзивная занятость, работник с ограниченными возможностями, рынок труда, источники финансирования.

Abstract. The relevance of the study is that inclusive employment is the inclusion, which involves joint labor activity, of an employee with disabilities in a specific production process. The concept of "inclusive employment" is part of the general system of labor inclusion. Labor inclusion involves joint labor activity of an employee with disabilities in a specific production process. This is a form of labor organization in which each employee, regardless of their physical, social, emotional, mental, linguistic, intellectual and other characteristics, is given the opportunity to be employed in the national economy. Such labor organization requires special inclusive financing with the definition of its sources. The article presents an analysis of possible sources of financing for inclusive employment, highlighting their characteristic features. The directions and features of financing for inclusive employment are presented.

Keywords: inclusive employment, disabled worker, labor market, sources of financing.

Инклюзивная занятость позволяет говорить об инклюзии в трудовом процессе как о целостной системе, которая направлена на социальную поддержку, адаптацию и развитие работников с ограниченными возможностями. Основу такой системы составляет комплекс условий, форм и методов включенности таких работников в сферу труда.

Инклюзивная занятость – организация совместной трудовой деятельности с включением работников с ограниченными возможностями в конкретные производственные процессы. Это форма организации труда, при которой каждому человеку-работнику, независимо от имеющихся физических, социальных, эмоциональных, ментальных, языковых, интеллектуальных и других особенностей, предоставляется возможность быть занятым в национальной экономике [1].

В целом, инклюзия в трудовой сфере может быть представлена в формате специальных бизнес-моделей на микроуровне. Инклюзивность в бизнесе предполагает создание таких рабочих условий и такой корпоративной культуры, при которых каждый сотрудник мог бы эффективно и комфортно трудиться, независимо от особенностей их физического состояния.

Мировой опыт инклюзивной деятельности не имеет универсальной модели инклюзивной занятости, поскольку сфера инклюзии по своей сути диктует «включение» работников с ограниченными возможностями в социум, т. е. инклюзивная деятельность внедрена в качестве составляющей во все стратегии развития той или иной сфер в государстве.

Мировая практика использует и варианты перераспределения расходов в самой социальной сфере. В некоторых странах осуществляется целый ряд малых программ социальной защиты и сокращения масштабов нищеты, которые зачастую разрознены и порою дублируют друг на друга. Реструктуризация таких программ высвобождает финансовые ресурсы в пользу социальных инклюзивных программ.

Среди актуального перечня социальных задач выделяется содействие инклюзивному трудоустройству. Такая актуальность, прежде всего, связана с тем, что минимизируется иждивенческая нагрузка на государственный бюджет, появляется дополнительный трудовой ресурс на рынке труда, увеличивается спрос на потребительские товары. Данные положительные эффекты влияют на активизацию процессов трудовой инклюзии, как на мировом, так и на локальных рынках труда [2].

Положительным опытом учета данных эффектов является Российская Федерация. В стране сокращается численность населения трудоспособного возраста [3, 4], увеличивается доля населения, страдающего хроническими заболеваниями [5]. Такие условия диктуют необходимость внедрения механизмов трудовой инклюзии для обеспечения экономики дополнительной рабочей силой и для повышения уровня работников с ограниченными возможностями.

Мировой опыт показывает, что развитие политики в сфере содействия трудоустройству инвалидов проходило в несколько этапов. Первоначально государства шли по пути создания рабочих мест для инвалидов в рамках специализированных предприятий. Плюсами такой системы были организационная и финансовая прозрачность, возможность быстрого создания большого числа рабочих мест для людей с одинаковыми нарушениями здоровья [2].

Однако эта система не подходила для тех людей, которые хотели трудиться в обстановке, максимально приближенной к условиям обычного рабочего места, иметь возможности для карьерного роста и общения. Часто у сотрудников таких предприятий среди коллег не было людей без статуса «инвалид», что затрудняло социальную интеграцию. По мере накопления проблем, роста социального недовольства возникло понимание того, что изоляция – далеко не лучшее решение проблемы занятости инвалидов. Возникла идея трудоустройства инвалидов на обычных предприятиях [2]. Появились механизмы квотирования рабочих мест и другие инструменты содействия занятости.

Можно предположить, что были и другие механизмы, которые сокращали уровень безработицы инвалидов. Так, например, появился подход, получивший общее название «поддерживаемое трудоустройство» (ПТ) и распространился практически повсеместно. В настоящее время создано большое количество моделей ПТ, различающихся по спектру предоставляемых услуг, способу и каналам финансирования, охвату клиентов, времени действия программ, принципам предоставления поддержки [2, 6]. Обращение к новым моделям «поддерживаемого трудоустройства» позволило развитым странам заметно сократить разрыв между уровнем занятости населения и инвалидов.

Характеристика источников финансирования трудовой инклюзии

Главным источником финансирования и институционального обеспечения реализации нормативно правовой базы в рамках трудовой инклюзии в Республике Беларусь являются средства государственного бюджета.

В современных условиях внутригосударственной и межотраслевой хозяйственной интеграции, при которой формируется национальная модель инклюзивного роста, с сегментами инклюзивной занятости на рынке труда, актуальным становится [1, 2]:

- во-первых, уровень финансовой вовлеченности как предприятий, так и домохозяйств в финансирование трудовой инклюзии;
- во-вторых, привлечение внешних социальных инвестиций (например, через социальное партнерство);
- в-третьих, увеличение доли инклюзивного финансирования, как фактора повышения качества экономического роста и достижения социальных макроэкономических целей;
- в-четвертых, повышение роли и актуализации финансовых средств (накоплений) домашних хозяйств, частного бизнеса и финансовых структур.

Исходя из этого, целесообразно институционально внедрять принцип финансовой инклюзивности, ориентированный на реципиентов инвестиций (фирм, организаций) финансовых структур, и домохозяйств, как основных источников финансовых ресурсов для реализации политики инклюзивной занятости.

Международный опыт определения источников финансирования инклюзивных процессов (в том числе и занятость) был изучен и обобщен экспертами Всемирного банка [2, 6, 7]. В результате для расчета был предложен показатель Индекса финансовой инклюзии для 54 стран. Данный расчет предполагал использование трех основных аспектов: доступности в части удобства доступа к финансовым ресурсам и услугам, доступности в части наличия соответствующих финансовых ресурсов и услуг и интенсивности использования банковских структур как источника инклюзивных инвестиций.

Поэтому финансовую инклюзивную систему целесообразно представить как механизм вовлечения экономических агентов (прежде всего, домохозяйств и фирм) в финансовые операции, направленные на поддержание инклюзии, в частности трудовой инклюзии. Если речь идет о конкретном виде экономических агентов, вовлекаемых (вовлеченных) в финансирование инклюзивных операций, термин «финансовая инклюзия» может применяться

в отношении данного вида экономических агентов – например, финансовая инклюзия домохозяйств. В этом случае, данный агент выступает как источник финансовых ресурсов.

В качестве источника финансирования трудовой инклюзии может выступить население страны. Для того, чтобы население (физические лица) стали инвестиционными агентами, участвующими в трудовой инклюзии, целесообразно: повысить доступность источников финансовых структур; повысить доступность небанковских финансовых организаций; активизировать возможность финансового рынка в части работы с физическими лицами, увеличить концентрацию сегментов в работе с данной категорией агентов.

В целях повышения участия организаций и домашних хозяйств в финансировании трудовой инклюзии целесообразно:

- отдавать приоритет мерам по повышению уровня финансовой инклюзии как фирмам, так и домохозяйствам;
- максимально стимулировать рост кредитования малых и средних предприятий, в том числе за счет снижения ставки банковского процента под целевые инклюзивные кредиты;
- создать специальные инклюзивные кредитные портфели как источник финансовых ресурсов для трудовой инклюзии;
- стимулировать расширение спектра финансовых программ для формирования специальных инклюзивных сбережений, как у организаций (фирм), так и у домохозяйств;
- стимулировать расширение использования страховых услуг для ликвидации инклюзивных рисков;
- стимулировать максимальный рост числа домохозяйств, участвующих в формировании инклюзивных сбережений в финансовых структурах;
- стимулировать перевод расчетов с участием физических лиц в безналичную форму, включая стимулирование банков к установлению льготных тарифов на открытие и ведение инклюзивных счетов для физических лиц, а также на проведение ими специальных финансовых операций на целеных на инклюзивные процессы;
- стимулировать выпуск специальных инклюзивных корпоративных ценных бумаг, ориентированных на минимизацию инклюзивных кадровых рисков.

Направления и особенности финансирования инклюзивной занятости.

Направления целевого финансирования инклюзивной занятости связаны со следующим [4–7, 9]:

1. С организацией доступности среды, затраты на которую, прежде всего, связаны со строительно-хозяйственным направлением. Целевое финансирование данной группы затрат осуществляется на основе соответствующей нормативной базы.

2. С организацией инклюзивного образования, которое позволяет работникам с ограниченными возможностями быть включенными в трудовой процесс. Организация инклюзивного образования связана с теми, кто реализует образовательный процесс: научно-педагогические работники учреждения высшего образования и вспомогательный персонал. Данное направление затрат может финансироваться как за счет бюджетных средств, выделяемых на выполнение государственного задания по оказанию образовательных услуг, так и корпоративных финансовых источников.

3. С получением консалтинговых услуг работниками с ограниченными возможностями в рамках реализации профессиональных мероприятий, реализации программ дополнительного профессионального образования, сопровождение мероприятий, проводимых для работников с ограниченными возможностями и пр. Затраты на данное направление деятельности финансируются как государственным бюджетом, так и корпоративными бюджетами организаций.

4. С материально-техническим обеспечением организации трудового процесса работников с ограниченными возможностями. Затраты на данное направление деятельности могут иметь целевое назначение и финансироваться через целевые инклюзивные займы.

Особенности финансирования специальных инклюзивных направлений в организации трудового процесса работников с ограниченными возможностями связано и с тем, что данная категория персонала имеет разные виды нарушения здоровья: нарушение зрения, нарушение слуха, нарушение опорно-двигательного аппарата (мобильные), нарушения опорно-двигательного аппарата (на кресле-коляске), соматические заболевания, психические нарушения и т. п.

Поэтому, необходимость целевого финансирования в организации трудового процесса работников с ограниченными возможностями определена, теми направлениями нарушения здоровья к группам, которых относятся эта категория персонала. Так, целесообразно систематизировать и выделить основные направления и группы финансирования:

1. Целевое финансирование закупки и аренды необходимого оборудования для обеспечения трудового процесса инклюзивных работников. Определяется величина затрат на покупку базового комплекта оборудования, необходимого для обеспечения трудового процесса, в разрезе групп инвалидности и конкретных профессий и специальностей таких работников.

2. Количество работников с ограниченными возможностями по каждой группе инвалидности, оценка территориального расположения их рабочих мест (расстояние между зданиями, наличие проезжей части между зданиями, иные особенности, препятствующие безопасному и свободному перемещению работников с инвалидностью), а также проверка возможности / невозможности перемещения между ними для таких работников. В итоге определяется финансирование внутрипроизводственной логистики для таких работников.

3. Утверждение стандартного перечня обязательного оборудования, обеспечивающего трудовой процесс работника с ограниченными возможностями [8]:

- принтер для печати рельефно-точечным шрифтом Брайля, дисплей Брайля, читающая машина, портативный тифлокомпьютер, нагреватель для печати тактильной графики, универсальный электронный видеоувеличитель, видеоувеличитель электронный стационарный, видеоувеличитель портативный, тифлофлэшплеер, электронная трость, говорящий самоучитель брайлевского шрифта, тифломаркер, программа экранного доступа, программа экранного увеличения, программа для печати тактильной графики, программа для создания цифровых говорящих книг в формате DAISY, программа конвертации текста в шрифт Брайля;

- для лиц с нарушениями слуха: система свободного звукового поля, индукционная система портативная, индукционная система стационарная, FM-система (радиокласс), индукционная петля, индуктор заушный, слуховой аппарат с режимом Т, слуховой тренажер, информационно-коммуникационное устройство;

- для лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата: айтрекер, компьютерная мышь-очки, роллер компьютерный, джойстик компьютерный, выносная кнопка мыши, клавиатура с большими кнопками, программируемая клавиатура, головная компьютерная мышь, лестничный гусеничный подъемник;

- для всех категорий: информационный сенсорный аппаратно-программный комплекс со специальными возможностями для людей с ограниченными возможностями здоровья.

При использовании оборудования могут возникать дополнительные расходы, связанные с необходимостью: проведения диагностики и ремонта оборудования, закупки дополнительных комплектов оборудования.

Таким образом, в зависимости от конкретной жизненной ситуации работников с ограниченными возможностями возможны следующие направления финансирования организации их трудовой деятельности: подбор профессии, максимально учитывающей особенности здоровья, ограничения жизнедеятельности; восстановление трудовых и профессиональных навыков в целях возврата на прежнее рабочее место; формирование новых трудовых и профессиональных навыков для выполнения работ, близких по характеру к прежней трудовой деятельности инвалида; формирование новых трудовых и профессиональных навыков в трудовой деятельности, значительно отличающейся от прежней.

Создание возможностей для организации безработными гражданами, имеющими ограничения в труде, предпринимательской и иной приносящей доход деятельности, включая оказание им единовременной финансовой помощи при государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя: обеспечение трудоустройства на открытом рынке труда, в том числе, с частичной и дистанционной занятостью, на специальном рабочем месте с сопровождением наставника; трудоустройство в специализированных организациях, применяющих труд инвалидов; обеспечение сопровождаемой трудовой деятельности инвалидов, трудовая и профессиональная деятельность которых значительно затруднена в силу состояния здоровья [9].

В целях повышения возможностей участия инвалидов в трудовой деятельности целесообразно развитие информационных ресурсов, расширяющих представления инвалидов о возможностях получения профессионального образования, вариантах трудоустройства и поддержки на рабочем месте, вакансиях регионального рынка труда, практиках успешного трудоустройства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Маковская Н.В. Инклюзивная занятость в Республике Беларусь: вектор развития // Социально-трудовые исследования – 2025. – № 2. – С. 49–60.
2. Нацун Л.Н. «Поддерживаемое трудоустройство» инвалидов: обзор мирового опыта // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. – 2017. – Том 16. – № 4. – С. 663–680.
3. Барсуков В.Н. К вопросу о повышении пенсионного возраста в России // Проблемы развития территории. – 2015. – № 5. – С. 111–124.
4. Короленко А.В. Смертность трудоспособного населения России: тенденции, демографические и социально-экономические последствия // Социально-экономические и пространственно-временные особенности развития демографических процессов в регионах России : сб. материалов VI Уральского демографического форума. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2015. – С. 278–285.
5. Будилова Е.В., Лагутин М.Б., Мигранова Л.А. Динамика популяционного здоровья населения России (2005–2013 гг.) // Народонаселение. – 2015. – № 3. – С. 93–104.
6. Новиков М.Л. Поддерживаемое трудоустройство в европейских странах. – Пособие. – Москва, 2008. – 83 с.
7. Sarma, M. (2008), Index of Financial Inclusion, ICRIER Working Paper, August 2008.
8. Глава 3.3. Формирование и использование экономической модели развития инклюзивного высшего образования / Л.А. Гутерман и [др.] // Развитие человеческого потенциала как условие модернизации экономики. – М. : Гос. ун-т управления, 2024. – С. 219–255. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65119803> (дата обращения 20.08.2025).
9. Ванкевич Е.В., Калиновская И.А. Технологии искусственного интеллекта в управлении человеческими ресурсами // Белорусский экономический журнал. – 2020. – № 2. – С. 38–51.

**СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЦУР
В СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ
SYNERGETIC POTENTIAL OF ENVIRONMENTAL SDGS
IN THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT STRATEGY OF BELARUS**

Батова Надежда Николаевна,
кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
nbatava@gmail.com

Batava Nadzeya,
Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. Статья посвящена анализу синергетического потенциала экологически ориентированных Целей устойчивого развития (ЦУР) в контексте стратегических документов и региональной политики Республики Беларусь. Показано, что ЦУР 6, 7, 9, 11, 12, 13, 14 и 15 формируют взаимосвязанную систему, способную оказывать мультипликативное влияние на социально-экономическое развитие страны. Особое внимание уделено сравнительному анализу НСУР-2035 и проекта НСУР-2040, в которых отражается переход от концепции «зелёного роста» к комплексной модели экологизации экономики с развитой цифровой и институциональной инфраструктурой. Рассматриваются стратегические направления: обращение с отходами, циркулярная экономика, климатическая политика, региональные программы. Обоснована значимость региональной дифференциации экологических приоритетов и их адаптации к природно-ресурсным и отраслевым особенностям. Сделан вывод о том, что экологические ЦУР выступают ключевым фактором институциональной трансформации и обеспечивают переход к целостной модели устойчивого развития Беларуси.

Ключевые слова: Цели устойчивого развития, экологизация экономики, циркулярная экономика, Беларусь, региональная политика.

Abstract. The article examines the synergetic potential of environmentally oriented Sustainable Development Goals (SDGs) in the context of strategic documents and regional policies of the Republic of Belarus. It is shown that SDGs 6, 7, 9, 11, 12, 13, 14, and 15 form an interconnected system capable of generating a multiplier effect on the country's socio-economic development. Special attention is given to the comparative analysis of the NSDS-2035 and the draft NSDS-2040, which demonstrate the transition from the "green growth" concept to a comprehensive model of economic greening supported by advanced digital and institutional infrastructure. Strategic directions such as waste management, circular economy, climate policy, and regional programs are discussed. The importance of regional differentiation of ecological priorities and their adaptation to natural resource and sectoral specifics is emphasized. The conclusion highlights that environmental SDGs act as a driver of institutional transformation and provide a basis for a holistic model of sustainable development in Belarus.

Keywords: Sustainable Development Goals, greening of economy, circular economy, Belarus, regional policy.

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. предусматривает 17 Целей устойчивого развития (ЦУР), которые призваны обеспечить сбалансированное

сочетание экономического роста, социального прогресса и охрану окружающей среды. По данным ООН, представленным в Докладе об устойчивом развитии за 2025 г. отмечается, что при сложившихся в течение последнего десятилетия темпах прогресса, ни одна из Целей устойчивого развития, включая экологоориентированные, не будет полностью достигнута к установленному сроку [1].

Важнейшим инструментом анализа прогресса в достижении ЦУР как на глобальном, так и на национальном уровнях, а также для оценки трансформационного потенциала этих целей выступают добровольные национальные обзоры (англ. Voluntary National Reviews – VNRs), предоставляемые государствами в рамках Политического форума высокого уровня по устойчивому развитию при ООН. По данным ООН начиная с 2016 г. 191 страна представила 381 таких обзоров, т. е. в среднем страны подготовили по два отчета, что указывает не только на прочное закрепление системы всеобщей отчетности по ЦУР, но и на признание важности для государств процессов подготовки таких обзоров, презентации их результатов внутри страны и международной арене. Ежегодно выпускается около 40 таких отчетов, исключение составил лишь 2016 г. – первый год реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (далее Повестка дня – 2030) – в котором было подготовлено 22 отчета (рисунок 1).

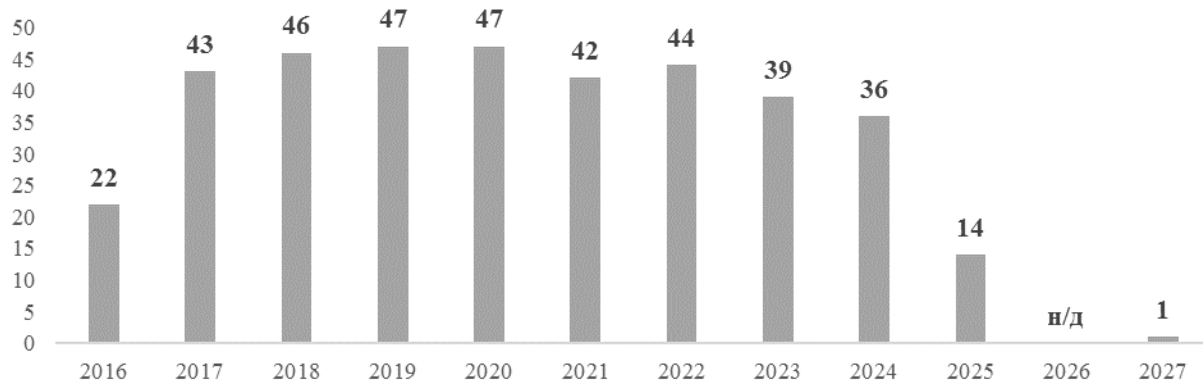

Рисунок 1 – Динамика разработки Добровольных национальных обзоров по годам

Анализ добровольных национальных обзоров позволил выявить нарастающее внимание к экологическим ЦУР, которые на начальном этапе представлялись в отчетах фрагментарно и только с 2019 г. начали системно рассматриваться в качестве приоритетов устойчивого развития. В обзорах, выпущенных в 2020 г. подчеркивалась возросшая уязвимость стран перед экологическими и климатическими рисками, а также необходимость экологически ориентированного восстановления после пандемии [2]. В обзорах 2022 г. отмечается усиление роли так называемого тройного экологического кризиса: изменение климата, утрата биоразнообразия и загрязнение окружающей среды как фактора декарбонизации экономики [3]. Начиная с этого периода, прослеживается институционализация экологических ЦУР в национальные стратегии, программы, планы и нормативные правовые акты. Возрастает акцент на климатическую повестку, развитие циркулярной экономики, внедрение зеленых финансов инструментов, что отражает изменение парадигмы экономической политики.

По ЦУР 6 «Чистая вода и санитария» сохраняются значительные вызовы, связанные с изменением климата, урбанизацией, промышленным ростом и недостаточным уровнем инвестиций в устойчивую водную инфраструктуру. Вместе с тем, добровольные национальные обзоры фиксируют широкий спектр мер, включая внедрение инновационных систем очистки и рециркуляции воды, модернизацию водохозяйственных объектов, совершенствование законодательства и др. Достижение ЦУР 6 оказывает мультипликативный эффект способствуя улучшению здоровья населения (ЦУР 3),

расширению доступа к образованию (ЦУР 4), устойчивому развитию сельского хозяйства (ЦУР 2), энергетики (ЦУР 7) и городов (ЦУР 11).

ЦУР 7 «Недорогостоящая и чистая энергия» характеризуется умеренным прогрессом за счет распространения возобновляемых источников энергии и мер по повышению энергоэффективности. При этом, сохраняются системные проблемы, включая зависимость от ископаемого топлива и фрагментарность энергетической трансформации. Развитие возобновляемых источников энергии способствует снижению углеродоемкости экономики, смягчению последствий изменения климата (ЦУР 13), формированию новых рынков и рабочих мест (ЦУР 8).

ЦУР 9 «Индустриализация, инновации и инфраструктура» демонстрирует умеренное улучшение, обусловленное инвестициями в устойчивую инфраструктуру, цифровизацию и зеленые технологии. Развивающиеся страны концентрируются на строительстве новых объектов (дорог, мостов, энергосетей и др.), тогда как развитые – на модернизации существующей инфраструктуры в соответствии с современными экологическими стандартами. Общим трендом является признание значимости цифровой инфраструктуры как фактора конкурентоспособности и уменьшения разрыва между городскими и сельскими районами. Реализация ЦУР 9 поддерживает экологически безопасную индустриализацию (ЦУР 12), климатическую устойчивость (ЦУР 13), научные исследования и трансформацию политики (ЦУР 17), обеспечивая основу для устойчивого экономического роста (ЦУР 8).

По ЦУР 11 «Устойчивые города и населенные пункты» прогресс ограничен: сохраняется дефицит доступного жилья, транспортной инфраструктуры и экологически благоприятной среды. Основным вызовом остается загрязнение воздуха, подрывающее здоровье жителей (ЦУР 3) и устойчивость городских экосистем. Важное значение придается внедрению принципов рационального потребления ресурсов (ЦУР 12), развитию систем переработки отходов, сохранению зеленых зон и водоемов (ЦУР 6), что повышает качество городской инфраструктуры.

ЦУР 12 «Ответственное потребление и производство» остается одной из наименее проработанных в добровольных национальных обзорах, что связано с низкой осведомленностью бизнеса и общества о ее значении. Однако расширяются инструменты реализации, включая запреты на использование опасных веществ, меры стимулирования внедрения экологических стандартов, развития зеленого финансирования и продвижения принципов циркулярной экономики. ЦУР 12 способна выступить в качестве фундамента перехода к устойчивой модели производства и потребления, обеспечивая сокращение выбросов (ЦУР 13), создание зеленых рабочих мест (ЦУР 8), развитие зеленых технологий и экологических инноваций (ЦУР 9), сохранение экосистем и биоразнообразия (ЦУР 15), снижение уровня загрязнения и потребления природных ресурсов (ЦУР 15).

Наиболее неблагоприятную динамику демонстрирует ЦУР 13 «Борьба с изменением климата». Ограниченный прогресс объясняется низкой амбициозностью национальных стратегий, медленной декарбонизацией и слабым развитием адаптационных мер. Однако усиливается институционализация климатической политики: разрабатываются долгосрочные стратегии декарбонизации, внедряются межведомственные координационные механизмы, расширяются просветительские и образовательные инициативы. Активная климатическая политика рассматривается как условие продовольственной, экономической и энергетической безопасности (ЦУР 2, ЦУР 7, ЦУР 8), укрепления здоровья людей (ЦУР 3) и повышения социальной устойчивости (ЦУР 1, ЦУР 10).

ЦУР 14 «Сохранение морских экосистем» на глобальном уровне характеризуется негативной динамикой, обусловленной сохраняющимся загрязнением, интенсификацией морской деятельности, ростом выбросов пластиковых отходов, нефтепродуктов и химических веществ, а также снижением уровня морского биоразнообразия. При этом прибрежные и островные государства демонстрируют передовой опыт по расширению сети морских охраняемых территорий, внедрению устойчивого рыболовства, разработке систем мониторинга и борьбы с загрязнением морской среды и т. д. Эффективная реализация

ЦУР 14 способствует сохранению морских экосистем и поддержанию морских экосистемных услуг, обеспечивая продовольственную безопасность (ЦУР 2), охрану здоровья (ЦУР 3), развитие занятости и устойчивого морского туризма (ЦУР 8), снижение загрязнения морской среды (ЦУР 6, ЦУР 12) и повышение устойчивости прибрежных территорий у экстремальным погодным явлениям и последствиям изменения климата (ЦУР 13).

ЦУР 15 «Сохранение экосистем суши» также находится в стадии стагнации, что связано с нарастающей деградацией наземных экосистем и биоразнообразия. Вместе с тем, добровольные национальные обзоры содержат широкий спектр мер, включая расширение сети особо охраняемых территорий, восстановление лесов, управление почвенными ресурсами, борьбу с опустыниванием. Леса, почвы и пресноводные ресурсы рассматриваются как естественный капитал критически важный для продовольственной и экономической безопасности (ЦУР 2, ЦУР 8), а также для поддержания здоровья экосистем и биоразнообразия (ЦУР 3, ЦУР 6), снижения климатических рисков (ЦУР 13) и сокращения экологического следа за счет устойчивого землепользования и борьбы с деградацией (ЦУР 12).

Таким образом, международный опыт реализации экологически ориентированных ЦУР (6, 7, 9, 11, 12, 13, 14, 15) в трансформации экономики. Их реализация обеспечивает институциональные, технологические и поведенческие сдвиги в экономике и обществе, усиливает взаимосвязь экологических, социальных и экономических измерений устойчивого развития и формирует предпосылки для перехода к стратегически ориентированной модели экологизации.

Экологические ЦУР и институциональная трансформация в Беларуси. Институциональным ядром экологической повестки Беларуси выступают: Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 г. (далее – НСУР-2035, утверждена Протоколом заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 4 февраля 2020 г. № 3) и проект Национальной стратегии устойчивого развития до 2040 г. (далее – НСУР-2040, представлен на втором Национальном форуме по устойчивому развитию 19 июня 2024 г.). Их сопоставление демонстрирует переход от концепции зеленого роста к комплексной модели экологизации экономики с развитой институциональной и цифровой инфраструктурой. Если в НСУР-2035 акцент был сделан на отдельных экологических направлениях: зеленая экономика, адаптация к климатическим изменениям, восстановление экосистем и сохранение биоразнообразия, то проект НСУР-2040 формирует системную архитектуру, включая количественные индикаторы циркулярной экономики, предусмотрено развитие механизма углеродного регулирования, многоуровневый экологический мониторинг на основе геоинформационных систем (ГИС) и искусственного интеллекта (ИИ), учет экосистемных услуг и др. Таким образом, экологизация становится неотъемлемым элементом социально-экономической стратегии страны.

Одним из ключевых направлений выступает совершенствование системы обращения с отходами и переход к принципам экономики замкнутого цикла [4]. Эволюция законодательства в этой области демонстрирует поступательный переход от традиционной модели санитарно-защитного регулирования к институционализированной системе, ориентированной на повторное использование ресурсов, снижение нагрузки на экосистемы и достижение углеродной нейтральности.

В Стратегии по обращению с отходами производства и потребления до 2040 г. (утверждена Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18.08.2025 № 444) поставлена цель достичь уровня повторного использования не менее 90 % к 2040 г. с учетом принципа углеродной нейтральности. Предусмотрена поэтапная реализация до 2030 г., 2035 г. и 2040 г., предусматривающие модернизацию инфраструктуры и логистики, внедрение цифровых платформ по обращению с отходами и др.

В Стратегии развития экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики) Республики Беларусь на период до 2035 г. отходы рассматриваются как ключевой объект

перераспределения материальных потоков. Выделены основные направления (экодизайн, ресурсоэффективное производство, промышленный симбиоз, сфера упаковки и шеринговая экономика) и приоритетные отрасли для трансформационного перехода (промышленность, строительство, сельское и лесное хозяйство, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство и сфера услуг).

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (утверждена решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5) повышенный уровень образования отходов признан внутренним источником угроз национальной безопасности, а коэффициент эластичности образования отходов по отношению к приросту ВВП включен в перечень основных индикаторов состояния национальной безопасности.

Институционализация экологической повестки приобретает выраженное территориальное измерение. Развитие стратегий устойчивого развития на уровне областей и городов формирует основу для локализации ЦУР. Влияние на процесс оказывают: природно-ресурсный потенциал; социально-демографические и экономические условия; инфраструктурная обеспеченность; институционально-управленческие и финансовые возможности регионов; уровень экологической культуры населения.

Проведенный анализ экологических приоритетов и направлений в региональных стратегических документах указывает на наличие выраженной территориальной дифференциации, обусловленной природными, социально-экономическими, инфраструктурными и институциональными особенностями соответствующих областей и административно-территориальных единиц.

Брестская область характеризуется развитым агропромышленным комплексом и высокой концентрацией перерабатывающих предприятий пищевой промышленности. В этих условиях экологическая политика ориентирована на внедрение циркулярных решений в сельском хозяйстве и пищевой отрасли, развитие промышленных симбиозов и сетевых моделей.

Могилевская область обладает мощной машиностроительной и химической базой, что обусловило выбор комплексной стратегии экологизации в рамках которой определены четыре стратегические цели, включая развитие рациональное природопользование, переход к циркулярной экономике, развитие низкоуглеродной энергетики и адаптацию к климатическим изменениям.

Витебская область ориентируется на развитие промышленного симбиоза в рамках СЭЗ «Витебск», расширение выпуска экологичной продукции и упаковки. Это отражает ее отраслевую специализацию на текстильной и легкой промышленности.

В Гомельской области экологическая устойчивость обеспечивается в соответствии с принципами «зеленой и циркулярной экономики», включая повышение ресурсной и экологической эффективности промышленного комплекса; ускоренное развитие секторов циркулярной экономики – сферы сбора и переработки отходов; внедрение технологий устойчивого сельского хозяйства, а также развитие городов и поселков на основе принципов зеленого градостроительства и устойчивости развития территорий, пострадавших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Минская область демонстрирует комплексный подход с акцентом на ресурсоэффективность, развитие экологоориентированных пространств. Региональные документы предусматривают экологизацию промышленности и коммунальной инфраструктуры, более полное использование вторичных ресурсов и развитие зеленого градостроительства.

Город Минск в условиях высокой плотности населения и антропогенной нагрузки разрабатывает стратегические документы, интегрирующие экологические параметры в систему пространственного и социально-экономического планирования. Генеральный план столицы ориентирован на оздоровление городской среды, развитие водно-зеленого каркаса, электротранспорта и циркулярной экономики.

Проведённый анализ подтверждает, что экологически ориентированные Цели устойчивого развития (ЦУР 6, 7, 9, 11, 12, 13, 14, 15) обладают высоким синергетическим

потенциалом, обеспечивая взаимное усиление экономических, социальных и экологических эффектов и достижение комплексных результатов: от укрепления продовольственной, энергетической и климатической безопасности до повышения качества городской среды, сохранения биоразнообразия и формирования зелёных рынков труда.

В Беларуси институциональная основа экологизации закреплена на уровне национальных стратегий (НСУР-2035 и проект НСУР-2040), где происходит переход от концепции «зелёного роста» к комплексной модели экологизации экономики с развитой цифровой и правовой инфраструктурой. Ключевым направлением трансформации выступает совершенствование системы обращения с отходами, развитие экономики замкнутого цикла и экологически нейтральных решений, что позволяет рассматривать отходы не как фактор риска, а как стратегический ресурс. Региональный уровень устойчивого развития в Беларуси формирует разнонаправленные траектории экологизации, отражающие природно-ресурсные, отраслевые и социально-экономические особенности территорий.

Таким образом, стратегия устойчивого развития Беларуси формируется как многоуровневая система, где глобальные ориентиры Повестки–2030 трансформируются в национальные стратегические документы, а затем локализируются в региональные приоритеты. Синергия экологических ЦУР проявляется в их способности инициировать институциональные, технологические и поведенческие изменения, формируя основу для перехода от фрагментарной экологической политики к целостной модели экологизации экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Sachs J.D., Lafortune G., Fuller G., Iablonski G. Financing Sustainable Development to 2030 and Mid-Century. Sustainable Development Report 2025. Paris; Dublin: Sustainable Development Solutions Network & Dublin University Press, June 2025. – URL: <https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2025/sustainable-development-report-2025.pdf> (дата обращения 02.05.2025).
2. United Nations, Department of Economic and Social Affairs (UN/DESA). Impact of COVID-19: Perspective from Voluntary National Reviews. Policy Brief #85. UN/DESA, 2022. – URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/un-desa-policy-brief-85-impact-of-covid-19-perspective-from-voluntary-national-reviews/> (дата обращения 12.03.2025).
3. United Nations, High-level Political Forum on Sustainable Development. Voluntary National Reviews Synthesis Report 2022. New York: United Nations, 2022. – URL: <https://hlpf.un.org/sites/default/files/2022-10/VNR%202022%20Synthesis%20Report.pdf> (дата обращения 21.04.2025).
4. Батова Н.Н., Точицкая И.Э., Дорошко С.В. Циркулярная экономика как стратегический приоритет устойчивого развития Республики Беларусь // Стандартизация. – 2023. – № 1. – С. 22–27.

УДК 314

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К СОГЛАСОВАНИЮ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН INSTITUTIONAL APPROACHES TO COORDINATION OF FAMILY POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Боброва Анастасия Григорьевна,
кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
nastasiabobrova@mail.ru

Bobrova Anastacia,
Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье проведен сравнительный анализ институциональных основ и мер семейной политики в Республике Беларусь и Республике Узбекистан. Выявлены общие вызовы, такие как снижение рождаемости, старение населения (актуальное для Беларуси) и последствия трудовой миграции (характерные для Узбекистана). Определены национальные особенности политик: Беларусь делает акцент на финансово-жилищной поддержке, Узбекистан – на укреплении традиционных ценностей и развитии женского предпринимательства. Предложены конкретные пути согласования политик, включая гармонизацию законодательства, создание межгосударственных рабочих групп и реализацию совместных социальных программ, что будет способствовать повышению эффективности поддержки семьи в обеих странах.

Ключевые слова: семейная политика, демографические вызовы, социальная поддержка.

Abstract. The article provides a comparative analysis of the institutional foundations and measures of family policy in the Republic of Belarus and the Republic of Uzbekistan. Common challenges have been identified, such as a decrease in the birth rate, an aging population (relevant for Belarus) and the consequences of labor migration (typical for Uzbekistan). National policy features have been identified: Belarus focuses on financial and housing support, Uzbekistan on strengthening traditional values and developing women's entrepreneurship. Specific ways of coordinating policies have been proposed, including the harmonization of legislation, the creation of interstate working groups and the implementation of joint social programs, which will help improve the effectiveness of family support in both countries.

Keywords: family policy, demographic challenges, social support.

Семейная политика является ключевым элементом социальной стабильности и демографического развития любого государства. В условиях глобализации и общих вызовов, таких как трансформация семейных ценностей и мобильность населения, согласование подходов между странами становится особенно актуальным. Республика Беларусь и Республика Узбекистан, несмотря на различия в культурно-историческом контексте, сталкиваются с рядом схожих проблем в области укрепления института семьи. Эффективная семейная политика требует многоуровневого институционального подхода, координирующего действия государственных органов, местного самоуправления и гражданского общества на макро-, мезо- и микроуровнях. Целью данной статьи является анализ институциональных основ семейной политики двух стран и разработка путей их согласования для повышения эффективности поддержки семей.

Институциональный подход к семейной политике предполагает создание устойчивой системы взаимодействия между государственными структурами, научными учреждениями, общественными организациями и частным сектором. На макроуровне формируется стратегия и нормативно-правовая база, на мезоуровне – региональные программы, адаптированные к местным условиям, а на микроуровне – адресная работа с семьями.

Согласованная семейная политика станет не только инструментом решения демографических проблем, но и важным фактором укрепления социальных связей и повышения качества жизни населения.

Ключевые цели институциональных подходов в семейной политике:

- укрепление института семьи как базового элемента общества;
- создание условий для повышения рождаемости и улучшения демографической ситуации;

- поддержка социально уязвимых категорий семей (многодетных, малообеспеченных, семей с детьми-инвалидами);
- обеспечение равных возможностей для мужчин и женщин в совмещении семейных и трудовых обязанностей;
- развитие социальной инфраструктуры и повышение качества жизни семей.

Основные элементы институциональных подходов:

1. Нормативная и правовая база:

- Законы о браке и семье, о социальной защите, о правах детей и родителей.
- Нормативные акты, регулирующие вопросы отпуска по уходу за ребенком, алиментных обязательств и прав детей на образование и здравоохранение.
- Механизмы защиты прав семей в случае конфликтов и разводов.

2. Государственные программы и стратегии:

- Национальные демографические стратегии, включающие меры по стимулированию рождаемости и поддержке молодых семей.
- Программы по охране материнства и детства, включая бесплатную медицинскую помощь и доступ к образованию.
- Социальные программы для поддержки семей в сложной жизненной ситуации (например, в случае инвалидности или безработицы одного из родителей).

3. Институциональные структуры:

- Министерства и агентства, отвечающие за социальную политику, охрану здоровья и защиту прав детей.
- Органы местного самоуправления, реализующие социальные программы на уровне регионов и муниципалитетов.
- Общественные организации и НПО, предоставляющие дополнительные услуги и поддержку семьям.

4. Финансово-экономические инструменты:

- Прямые выплаты и пособия семьям с детьми.
- Налоговые льготы для семей с детьми и многодетных семей.
- Льготные кредиты на жилье для молодых семей.
- Программы субсидирования детских садов, школ и медицинских учреждений.

Механизмы согласования семейной политики между странами

Согласование семейной политики на международном уровне становится особенно важным в условиях глобализации, трансграничной миграции и интеграционных процессов. Это позволяет учитывать права граждан при переезде между странами, согласовывать стандарты социальной защиты и обмениваться лучшими практиками.

Ключевые механизмы согласования семейной политики:

- Международные договоры и соглашения: Конвенции о правах ребенка, документы ООН и рекомендации Международной организации труда создают универсальные стандарты защиты семей и детей.
- Согласование законодательных норм: Создание совместных стандартов в области семейного права и социальной защиты позволяет гармонизировать подходы к вопросам отпуска по уходу за ребенком, алиментных обязательств и прав детей на образование.
- Обмен успешными практиками: Международные форумы, конференции и двусторонние соглашения позволяют странам обмениваться опытом в сфере семейной политики, заимствовать эффективные программы и подходы.
- Создание межгосударственных рабочих групп: для решения общих проблем, например, связанных с демографическим кризисом или поддержкой мигрирующих семей, создаются комиссии и рабочие группы с участием экспертов из разных стран.

Современный институт семьи сталкивается с комплексом демографических, экономических, культурных и правовых вызовов. Беларусь и Узбекистан предпринимают меры для преодоления этих проблем, однако эффективное решение требует внедрения передовых практик, адаптированных к национальным особенностям.

Сравнительный анализ семейных политик Беларуси и Узбекистана показывает, что несмотря на культурные и исторические различия, обе страны сталкиваются с общими вызовами, связанными с демографической ситуацией, экономической нестабильностью и трансформацией семейных ценностей.

В Беларуси акцент делается на социальную поддержку семей через финансовые льготы и развитие социальной инфраструктуры, тогда как Узбекистан сосредоточен на укреплении традиционных семейных ценностей и культурной идентичности [1, 2].

Институциональные подходы к согласованию семейной политики должны учитывать эти особенности и направляться на обмен лучшими практиками, развитие программ социальной поддержки и гармонизацию законодательных норм для улучшения качества жизни семей в обеих странах.

В целом в обеих странах существует потенциал для взаимного обмена опытом, особенно в вопросах микрофинансирования и развития социальной инфраструктуры (таблица 1).

Таблица 1 – Сравнительный анализ семейной политики в Беларуси и Узбекистане

Критерий	Беларусь	Узбекистан
Семейный капитал	Ежегодное увеличение размера выплаты	Нет прямого аналога
Жилищная поддержка	Льготные кредиты, социальное жилье	Государственные субсидии и доступное жилье
Здравоохранение	Бесплатные услуги для матерей и детей	Бесплатное обслуживание беременных и детей
Поддержка многодетных семей	Налоговые льготы, бесплатное школьное питание	Социальные пособия и налоговые льготы
Женское предпринимательство	Развитие через гранты и микрокредиты	Широкие программы микрофинансирования
Социальная инфраструктура	Расширение сети детских садов и школ	Развитие перинатальных центров и учебных учреждений
Реализация новых инициатив	Семейный капитал, поддержка детей с инвалидностью	Программы «Здоровое поколение» и женское предпринимательство

В Республике Беларусь семейная политика рассматривается как ключевое направление социальной политики. Основное внимание уделяется поддержке многодетных семей, стимулированию рождаемости и обеспечению демографической устойчивости.

Институциональная структура семейной политики Беларуси базируется на тесном взаимодействии государственных органов и общественных институтов. Министерство труда и социальной защиты координирует все программы, связанные с поддержкой семей, а Министерство здравоохранения реализует мероприятия по охране материнства и детства. Важную роль играет и Министерство образования, которое обеспечивает доступ к дошкольному и школьному образованию, а также развивает инфраструктуру детских учреждений.

Семейная политика Республики Узбекистан тесно связана с культурными традициями и социальными нормами, подчеркивая важность сохранения семейных ценностей и роли женщины в обществе [3]. Узбекистан демонстрирует многослойный подход к поддержке семьи, сочетая государственные программы с инициативами местных органов власти и неправительственных организаций.

Комитет по делам женщин и семьи играет ведущую роль в формировании государственной семейной политики. В центре внимания – защита материнства и детства, поддержка женщин на рынке труда, развитие системы социальной помощи и укрепление института брака.

Среди наиболее значимых инициатив – программа «Здоровое поколение», направленная на улучшение медицинского обслуживания беременных женщин и детей, а также программы по строительству доступного жилья для молодых семей. Важным

элементом узбекской политики является развитие женского предпринимательства, чему способствует система микрокредитования и образовательных программ для женщин.

Особое внимание в Узбекистане уделяется традиционным ценностям семьи. На государственном уровне поддерживаются инициативы по проведению общественных мероприятий, направленных на укрепление внутрисемейных отношений, а также образовательные программы для будущих родителей [4, 5].

Перспективы согласования семейной политики между Беларусью и Узбекистаном открывают возможности для внедрения комплексных программ, нацеленных на укрепление демографической устойчивости и повышение качества жизни семей.

Согласование семейной политики между Республикой Беларусь и Республикой Узбекистан требует комплексного подхода, включающего обмен успешным опытом, гармонизацию правовых норм и совместные инициативы в социальной сфере.

Совместные усилия могут быть направлены на развитие следующих направлений (таблица 2).

Таблица 2 – Направления согласования семейной политики и ответственные органы и организации за согласование семейной политики

Направления	Ответственные органы и организации
1. Создание межгосударственных рабочих групп	– Министерства труда и социальной защиты – Министерства иностранных дел – Межгосударственные координационные советы
2. Гармонизация законодательства	– Парламенты обеих стран – Министерства юстиции – Совет по семейной политике при правительствах
3. Развитие совместных социальных программ	– Министерства образования, здравоохранения и социальной защиты – Научные и исследовательские институты – Муниципальные органы власти
4. Обмен опытом в сфере поддержки семей	– Академии наук – Университеты и исследовательские центры – Профильные НПО и ассоциации
5. Создание общих платформ для мониторинга и оценки	– Национальные статистические комитеты – Министерства труда и социальной защиты – Центры демографических исследований
6. Развитие культурного обмена	– Министерства культуры и образования – Посольства и культурные центры – Общественные организации
7. Вовлечение общественных организаций и НПО	– Неправительственные организации – Благотворительные фонды – Международные организации (например, ЮНИСЕФ)
8. Укрепление институциональных связей	– Министерства труда и социальной защиты – Специализированные центры по семейной политике – Межгосударственные комиссии

Предложенная выше структура позволит обеспечить комплексную реализацию мер, распределив ответственность между ключевыми органами и институтами обеих стран.

Таким образом, согласование семейной политики между Республикой Беларусь и Республикой Узбекистан может стать важным шагом к укреплению социальной устойчивости и повышению качества жизни населения. Объединение усилий в сфере демографического развития, социальной защиты и поддержки института семьи позволит создать условия для устойчивого роста и укрепления культурных связей между странами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Брак и семья в Узбекистане // Народонаселение. – 2017. – № 4. – С. 66–75.

2. Боброва А., Живица А. Семейная политика в Беларуси – приоритет социальной и демографической политики // Беларуская думка. – 2019. – № 3. – С. 58–65.
3. Семейная политика Республики Беларусь: социологический анализ оценки эффективности // Социология. – 2020. – № 2. – С. 45–56.
4. Формирование и развитие семейной политики как основа демографической и социальной безопасности Узбекистана // Демография и социальная экономика. – 2019. – № 1. – С. 123–132.
5. Палваниязов А.Ю. Основные направления государственной поддержки молодых семей в Узбекистане // Социальная политика и социальное партнерство. – 2018. – № 10. – С. 48–52.

УДК 339.13

ГРИНВОШИНГ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ МАРКЕТИНГОВОЙ ПРАКТИКИ НА ПУТИ ОРГАНИЗАЦИИ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ GREENWASHING AS A MANIFESTATION OF UNFAIR MARKETING PRACTICE ON AN ORGANIZATION'S PATH TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Краенкова Кристина Игоревна,
кандидат экономических наук, доцент,
Витебский государственный технологический университет,
Республика Беларусь, г. Витебск
kristinakraenkova@gmail.com

Krayenkova Kristina,
Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
Vitebsk State Technological University,
Republic of Belarus, Vitebsk

Аннотация. Активное развитие ESG-принципов среди государств, представителей бизнеса, социума привело к положительным результатам и способствует становлению на путь устойчивого развития всех стейкхолдеров. Однако, наряду с позитивными изменениями, есть негативные последствия. Одним из таких последствий является гринвошинг. Гринвошинг как отдельная дефиниция используется в различных областях, сферах деятельности и направлениях, где присутствует акцент на недобросовестную экологичность. Первые элементы гринвошинга в организациях были замечены еще в 20 веке, но пик активности приходится на последнее десятилетие. Распространение гринвошинга способствовало его появлению в разнообразных видах и разной степени (намеренный, вынужденный, неосознанный гринвошинг). Подобное проявление манипулятивной маркетинговой практики приводит к недоверию стейкхолдеров к экологической деятельности организаций и требует принятия мер по идентификации гринвошинга и его последствий: унификации и стандартизации ESG-рейтингов; оценка данных на основе ретроспективного анализа; наличие правовой экспертизы.

Ключевые слова: гринвошинг, ESG-принципы, недобросовестный маркетинг, устойчивое развитие.

Abstract. The active development of ESG principles among governments, businesses, and society has led to positive results and is promoting sustainable development for all stakeholders. However, alongside these positive changes, there are also negative consequences. One such consequence is greenwashing. Greenwashing, as a separate definition, is used in various fields, areas of activity, and areas where there is an emphasis on unfair environmental practices. The first

elements of greenwashing in organizations were noticed back in the 20th century, but the peak of activity occurred in the last decade. The spread of greenwashing has contributed to its emergence in various forms and to varying degrees (intentional, forced, and unconscious greenwashing). This manipulative marketing practice leads to stakeholder mistrust of organizations' environmental activities and requires measures to identify greenwashing and its consequences: unification and standardization of ESG ratings; data assessment based on retrospective analysis; and the availability of legal expertise.

Keywords: greenwashing, ESG-principles, unfair marketing, sustainable development.

Глобальные изменения экономических систем и их постоянная трансформация ведут к поиску устойчивости в развитии, которые нашли свое отражение в Концепции устойчивого развития общества, которая была принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. в г. Рио-де-Жанейро (Бразилия) на уровне глав государств и правительств. В 2000 г. были сформулированы Цели развития тысячелетия до 2015 г., которые в большей степени были сфокусированы на проблемах бедных стран (голод, нищета, болезни), что отражалось в специфике и масштабности самой инициативы. Поэтому в 2015 г. была предложена универсальная модель по достижению устойчивого развития, которая состояла из 17 целей и 169 задач, рассчитанная на реализацию до 31 декабря 2030 г. Акцент в Целях устойчивого развития сделан на сбалансированное развитие экономической, социальной и экологической системы в обществе. Активное становление экономики страны при слабом развитии экологического и социального направлений ведет к нарушению устойчивого развития, так как невозможно обеспечить улучшение условий жизни, если наращивание мощностей экономики не будет сопровождаться уменьшением техногенных нагрузок на человека и решением социальных проблем в жизни общества.

Активная пропаганда Целей устойчивого развития в мировой практике несет положительный результат для бизнеса, государства, общества, соединяя их в единой целое по их достижению. Однако, кроме положительного влияния есть негативные последствия, одно из которых – гринвошинг.

Впервые термин «гринвошинг» был предложен американским экологом Джем Вестервельдом в 1986 г. в эссе о гостиничном бизнесе. В нем он утверждал, что гостиничная индустрия ложно пропагандирует повторное использование полотенец как часть экологической стратегии, хотя на самом деле эта мера была предназначена для сокращения издержек отелей [1, с. 83].

В последнее время явление гринвошинга стало широко распространённым в различных областях от дебатов до реализации инвестиционных мероприятий, и он может определяться как манипулятивная маркетинговая практика, при которой организация создаёт ложное впечатление о своей экологичности, преувеличивая или фальсифицируя достижения в области устойчивого развития.

Следует отметить, что ряд компаний использует гринвошинг осознанно, т. е. намеренно. Ряд компаний вынуждены использовать гринвошинг как средство получения необходимых ресурсов, например, инвестиций. Но в практике также встречается неосознанный гринвошинг, который является последствием недостаточных знаний в области Целей устойчивого развития. Каждый вид гринвошинга несет в себе угрозы, потери и последствия как для самого бизнеса, так и для всех его стейкхолдеров. Следовательно, его идентификация и меры по снижению должны являться важной частью политики по реализации Целей устойчивого развития.

В мировой практике принято выделять виды гринвошинга. В таблице 1 представим наиболее распространенную версию классификации.

Таблица 1 – Классификация гринвошинга

Наименование	Суть
Зелёная толпа – greencrowding	Попытка «скрыться» среди «толпы» других организаций и не попасть под административное воздействие контролирующих органов за несоответствие природоохранному законодательству
Зелёная подсветка – greenlighting	Маркирование только зелёных сторон хозяйственной деятельности организаций, целью которого является отвлечение внимания от наносящей ущерб окружающей среде деятельности
Зелёный стрелочник – greenshifting	Попытка переложить ответственность за нерациональное, чрезмерное использование ресурсов вверх или вниз по цепочке создания стоимости
Навешивание зелёных ярлыков – greenlabelling	Практика отделов маркетинга организаций, вводящих заинтересованные стороны в заблуждение в части экологичности продукции или деятельности путём распространения рекламных или просто безответственных заявлений
Зелёное полоскание – greenrinsing	Регулярная смена целей в области устойчивого развития
Зелёное замалчивание – greenhushing	Занижение показателей, характеризующих ресурсоёмкость производства и (или) эмиссии загрязняющих веществ, или сокрытие информации

Примечание – Источник: [2].

Данная классификация видов гринвошинга описывает способы манипуляций для фальсификации своих действий в области устойчивого развития, которая свойственна именно намеренному и вынужденному гринвошингу. Организации выбирают тот или иной вид гринвошинга в зависимости от цели, которую преследуют топ-менеджеры или ответственные лица. Так, для получения зеленых инвестиций используют следующие виды гринвошинга: «зелёное замалчивание» или «зелёный стрелочник», для активной пиар-кампаний – «зелёная подсветка» или «навешивание зеленых ярлыков» и т. п.

Принципы и последствия гринвошинга системно изучаются учеными и практиками на протяжении практически 40 лет. Так, в 2007 г. канадская фирма TerraChoice Environmental Marketing ввела определение «7 смертных грехов гринвошинга», которое стало классическим понятием в области гринвошинга [3]:

1) «Грех скрытого компромисса» заключается в сокрытии недостатков и выделении преимуществ продукта/услуги или деятельности всей организации в области экологичности.

2) «Грех отсутствия доказательств» предполагает позиционирование экологичности организации, которое строится на основании сложно доказуемых фактов.

3) «Грех неточности» – заявления об экологичности носят общий и неконкретный характер, который непонятен стейкхолдерам.

4) «Грех ложной маркировки» создает у стейкхолдеров впечатления, что продукт/услуга имеет одобрение третьей стороны, но это мнение является ошибочным.

5) «Грех несущественности» заключается в том, что заявления, которые делает организация в области экологичности являются неактуальны для ее продукта/услуги.

6) «Грех «меньшего из двух зол» предполагает, что акционируется внимание на самых экологичных продуктах/услугах, убирая из внимания стейкхолдеров «вредные» продукты/услуги.

7) «Грех лжи» формирование ложных заявлений о сертификации, характеристиках продукции/услуги.

Таким образом, главной проблемой сейчас для любых стейкхолдеров, которые имеют заинтересованность в области становления принципов устойчивого развития – это отличать гринвошинг от настоящей экологичности (таблица 2).

Таблица 2 – Ключевые отличия гринвошинга от экологичности

Направления проверки	Настоящая экологичность	Гринвошинг
Наличие конкретных данных и цифр, сертификатов	Четкие количественные показатели Международные сертификаты Номера сертификатов, которые можно проверить в реестрах	Расплывчатые формулировки: «экологичный», «зеленый», «природный» Отсутствие подтверждающих документов

Продолжение таблицы 2

Направления проверки	Настоящая экологичность	Гринвошинг
Анализ жизненного цикла продукции	Учитывает воздействие на всех этапах: от сырья до утилизации	Акцент на одном «зеленом» аспекте при вредном основном производстве
Прозрачность отчетности	Публикация ежегодных отчетов по международным стандартам Открытые данные по выбросам, отходам, энергопотреблению Признание проблем и планы по их решению	Отсутствие детальной отчетности Скрытие негативного воздействия Отказ предоставлять исходные данные
Проверка соответствия действий и заявлений	Инвестиции в экологические технологии Реальные изменения в производственных процессах	Яркие «зеленые» кампании при отсутствии системных изменений
Доля экологичных продуктов/услуг в общем ассортименте	Устойчивые продукты (услуги) составляют значительную часть портфеля	1–2 «экологичных» продукта / услуги при основном вредном ассортименте
Присутствие в независимых рейтингах и наличие откликов экспертов	Высокие позиции в рейтингах Положительные оценки от экологических организаций	Расхождения между рекламой и оценками экспертов

Примечание – Источник: авторская разработка.

Последствия гринвошинга для организации носит масштабный характер, который может проявляться в репутационных потерях, штрафах и судебных исках, потере доверия инвесторов.

Так, согласно исследованиям, в Европейском союзе было выявлено, что «53 % всех «зеленых» продуктов или услуг содержат вводящую в заблуждение информацию, а половина всех «зеленых» этикеток имеют косвенное отношение к философии «зеленой экономики»» [4]. К самым масштабным антикейсам организаций в области гринвошинга можно отнести одежду коллекции «Conscious» крупного международного производителя H&M, а также лозунги компании Coca-Cola: «Мир без отходов», «100 % перерабатываемая упаковка», учитывая тот факт, что Coca-Cola – это крупнейший пластиковый загрязнитель в мире. Но при правильном подходе и наличии дорожной карты идентификации гринвошинга его последствия можно свести к минимуму, а информационное поле сделать прозрачным и понятным для стейкхолдеров. Следовательно, разработка инструментария позволит свести к минимуму последствия гринвошинга, а предпринятые меры снизить риски его проявления. К таким мерам можно отнести:

1. Унификацию и стандартизацию ESG-рейтингов, прозрачность их оценки. Отсутствие регламентированных правил в отношении отчетности ESG дает возможность организациям предоставлять искаженную информации о своей деятельности, что может привести к ложному представлению о продуктах/услугах в области устойчивости. На практике одна и та же организация может получать существенное расхождение в оценках в разных рейтингах.

2. Оценку данных на основе ретроспективного анализа. Ретроспективный анализ использует исторические данные, которые показывают активность организации в области продвижения ESG за последние несколько лет, а не отражают информации на сегодняшний момент времени. Такой подход может дать комплексную оценку о приверженности организации к ESG-принципам и осознанность ее становления на путь устойчивого развития.

3. Правовую экспертизу. Инвесторы, финансовые консультанты и другие заинтересованные стороны для избежания рисков, связанных с искажением информацией о деятельности организации в области экологичности, вправе оценивать деятельность организации в точки зрения соблюдения ей законодательства не только в области ESG, но и во всех юридических аспектах.

Таким образом, явление гринвошинга стало активно развиваться параллельно с разработкой Целей устойчивого развития и формированием ESG-принципов, т. к. тренд в этом направлении способствует не только повышению имиджа и репутации организации, но

и является возможностью получения дополнительного финансирования. Следовательно, создание унифицированной дорожной карты по идентификации гринвошинга позволит избежать его негативные последствия и сформировать положительную среду для масштабирования ESG-принципов и доверительного отношения стейкхолдеров.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Idowu S.O. Encyclopedia of Corporate Social Responsibility. Berlin: Springer; 2013. – 2770 p.
2. Greenwashing hydra: New report warns of six types of greenwashing from corporates – URL: <https://www.edie.net/greenwashing-hydra-new-report-warnsof-six-types-of-greenwashing-from-corporates/> (дата обращения 20.09.2025).
3. The seven sins of Greenwashing – URL: https://people.chem.ucsb.edu/feldwinn/darby/greenworks/Readings/7_Sins_of_Greenwashing.pdf#:~:text=As%20North%20America's%20premier%20environmental,help%20sustainability%20leaders%20deliver%20results (дата обращения 20.09.2025).
4. Goncharov V.V. Greenwashing in the financial sector – from banking products to «green bonds». Notes on the margins of Bernd Wilgauer's new monograph. – Law and the State. – 2023. – № 3(100). – P. 68–75.

УДК 314.42:311.17

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЯ ДЕТСКОЙ СМЕРТНОСТИ В АРМЕНИИ И ОЖИДАЕМЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЦУР 3.2 STATISTICAL ANALYSIS OF INFANT MORTALITY IN ARMENIA AND EXPECTED TRENDS IN THE CONTEXT OF SDG 3.2

Манучарян Мери Гагиковна,
кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики имени М. Котаяна НАН Республики Армения,
Республика Армения, г. Ереван
mg-meri@mail.ru

Варданян Гоар Вазгеновна,
кандидат экономических наук,
Институт экономики имени М. Котаяна НАН Республики Армения,
Республика Армения, г. Ереван
vardgohar@yandex.ru

Manucharyan Meri,
Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
The Institute of Economics after M. Kotanyan of NAS RA,
Republic of Armenia, Yerevan

Vardanyan Gohar,
Candidate of Economic Sciences (PhD),
The Institute of Economics after M. Kotanyan of NAS RA,
Republic of Armenia, Yerevan

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы касающиеся показателя детской/младенческой смертности в Республике Армения в контексте ЦУР 3.2,

проанализировано динамика данного показателя в период 2000–2025 гг., основываясь на официальные данные Статистического комитета РА. Несмотря на достигнутый прогресс в снижении детской смертности за последние десятилетия, остаются проблемы, связанные с доступом к качественной дородовой и неонатальной помощи, недостаточной осведомлённостью населения в вопросах материнского и детского здоровья, а также региональными различиями в уровне медицинского обслуживания. Основными проблемами остаются следующие причины: 70 % смертей приходится на новорождённых – особая уязвимость первых дней жизни; неравномерный доступ к медицине в сельских регионах (марзах); финансовые барьеры и недостаток квалифицированных кадров в региональных роддомах; уровень смертности высок среди уязвимых групп (бедные, нацменьшинства, сельчане). Есть исследование, показывающее, что на более бедные регионы – особенно Ширак – приходится более высокий риск детской смертности. Возможно, сельские и удалённые марзы, с менее развитой инфраструктурой здравоохранения, большими трудностями доступа к медицинским услугам, хуже обеспечены, что может приводить к более высоким показателям смертности.

Ключевые слова: устойчивое развитие, детская/младенческая смертность, материнское и детское здоровье, статистические показатели.

Abstract. The article examines issues related to the child/infant mortality rate in the Republic of Armenia in the context of SDG 3.2, and analyzes the dynamics of this indicator in the period 2000–2025, based on official data from the Statistical Committee of the Republic of Armenia. Despite the progress made in reducing child mortality in recent decades, challenges remain related to access to quality antenatal and neonatal care, insufficient public awareness of maternal and child health issues, and regional differences in the level of health care. The main problems remain: 70% of deaths occur in newborns, due to the particular vulnerability of the first days of life; uneven access to healthcare in rural areas (marzes); financial barriers and a shortage of qualified personnel in regional maternity hospitals; and a high mortality rate among vulnerable groups (the poor, ethnic minorities, and rural residents). Research shows that poorer regions – especially Shirak – face a higher risk of infant mortality. It is possible that rural and remote marzes, with less developed healthcare infrastructure and greater difficulties accessing medical services, are less well-off, which may lead to higher mortality rates.

Keywords: sustainable development, child/infant mortality, maternal and child health, statistical indicators.

Одной из приоритетных задач глобальной Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года является обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте (Цель 3) [1]. В этом контексте особое значение приобретает задача 3.2, направленная на прекращение предотвратимой смертности новорождённых и детей в возрасте до пяти лет. Известно, что Армения принимает участие в национальных отчётах по ЦУР, в том числе по задаче 3.2, одновременно имеет партнёрство с ЮНИСЕФ, ВОЗ, Всемирным банком. А это значит, что в республике ведётся работа по укреплению перинатальных центров, доступности неонатального ухода и повышения уровня медицинского персонала. Для Армении, как для страны с ограниченными ресурсами, но с твёрдой приверженностью целям устойчивого развития, выполнение данной задачи остаётся актуальной и социально значимой. Несмотря на достигнутый прогресс в снижении детской смертности за последние десятилетия, остаются проблемы, связанные с доступом к качественной дородовой и неонатальной помощи, недостаточной осведомлённостью населения в вопросах материнского и детского здоровья, а также региональными различиями в уровне медицинского обслуживания. В данном исследовании рассматриваются существующие вызовы и возможности Армении на пути к достижению задачи 3.2, а также практические меры, необходимые для дальнейшего снижения показателей детской смертности к 2030 году.

За последние десятилетия в Армении удалось добиться заметного прогресса в снижении детской смертности. Например, показатель смертности среди детей младше пяти лет (under-5 mortality rate) уменьшился с примерно 10,4 на тысячу живорождённых в 2015 году до 7,4 на тысячу в 2024 году. Неонатальная смертность (до 28 дней после рождения) также показывает тенденцию к снижению: например, в 2019 году этот показатель составил около 6,0 случаев на тысячу живорождённых. В 2023 году неонатальная смертность снизилась до примерно 5,3 на тысячу живорождённых [2]. За последние десятилетия в Армении удалось вдвое снизить уровень младенческой смертности, что является результатом интенсивных усилий Министерства здравоохранения и партнёров по улучшению состояния здоровья детей. Однако в последние три года наблюдается некоторая стагнация. Неонатальная смертность составляет 70 % от всех случаев смерти младенцев. Тем не менее остаются проблемы и вызовы. Известно, что около 70 % случаев детской смертности в Армении приходится на новорождённых (неонатальный период). Также есть свидетельства, что снижение показателей замедлилось в последние годы, особенно в послеродовом периоде [3]. Это требует комплексного подхода: от повышения доступности и качества медицинской помощи до улучшения санитарных условий, питания и уровня информированности населения. Реализация данной задачи является не только моральным долгом, но и важным шагом к построению устойчивого, справедливого и здорового мира.

В данном исследовании рассматриваются ключевые факторы, влияющие на детскую смертность, а также меры, необходимые для достижения поставленной цели в установленные сроки. Уровень младенческой и детской смертности является одним из основных показателей здоровья и благополучия населения страны и важным фактором, определяющим приоритеты в области здравоохранения, распределения ассигнований на социальные цели. Младенческая смертность является общепризнанным критерием оценки эффективности репродуктивно-демографического развития. На снижение смертности детей первого года жизни направлены главные усилия системы здравоохранения каждой страны.

Известно, что индекс младенческой смертности (Child Mortality Index) – показатель социально-демографического развития стран мира, который рассчитывается как число случаев смерти детей в возрасте до одного года на 1000 родившихся живыми. Коэффициент младенческой смертности является одним из базовых в оценке общего уровня социально-демографического развития и достаточно точно характеризует социальное положение населения, состояние национальных систем здравоохранения и отношение к человеческой жизни в целом на территории той или иной страны [4]. В нижеследующей таблице 1 нами представлены данные официальной статистики о коэффициенте младенческой смертности на 1000 живорожденных (‰) в Республике Армения за последние 26 лет [5].

Таблица 1 – Коэффициент младенческой смертности в РА за период 2000–2025 гг. (в ‰)

Временной период, год	Абсолютное значение (в ‰)	По сравнению с тем же периодом прошлого года (в %)
2025 с начало года	8.0	129.0
2024	6.2	93.9
2023	6.6	98.5
2022	6.7	97.1
2021	6.9	93.2
2020	7.4	121.3
2019	6.1	87.3
2018	7.1	86.6
2017	8.2	95.3
2016	8.6	97.7
2015	8.8	100.0
2014	8.8	90.7
2013	9.7	89.8

Продолжение таблицы 1

Временной период, год	Абсолютное значение (в ‰)	По сравнению с тем же периодом прошлого года (в %)
2012	10.8	93.1
2011	11.6	101.8
2010	11.4	109.6
2009	10.4	96.3
2008	10.8	99.1
2007	10.9	78.4
2006	13.9	113.0
2005	12.3	106.0
2004	11.6	96.7
2003	12.0	85.7
2002	14.0	90.9
2001	15.4	98.7
2000	15.6	101.3

Примечание – Источник: официальные данные Статистического комитета РА [2].

Как свидетельствуют данные вышеуказанной таблицы 1, в период 2000–2024 гг. коэффициент младенческой смертности на 1000 живорожденных (‰) в Республике Армения имело тенденцию к снижению, причем оно снизилось почти вдвое. Можно сказать, что Армения достигла значительного прогресса за последние 26 лет. Эти показатели ниже целевых уровней ЦУР, что свидетельствует о частичном выполнении задачи 3.2. Но, в 2025 году уже наблюдаются нарастающие данные, с начала года по настоящее время данный показатель составляло 8,0 промиллей, что по сравнению с прошлым годом возросло на 29 %. Армения – среди стран с умеренно низкой детской смертностью, но нуждается в устойчивых усилиях для сохранения прогресса.

Армения демонстрирует устойчивое снижение детской смертности – знак эффективной работы системы здравоохранения, масштабных программ поддержки, вакцинации и улучшения питания. Однако основными вызовами остаются неонатальные смерти, травмы и недостаточная профилактика. Ускорение прогресса требует усиления комплексных мер: усиление поддержки материнства, расширение профилактического ухода, улучшение доступности интенсивного неонатального лечения и системный мониторинг. Если такие меры сохранятся и будут укрепляться, можно ожидать дальнейшего уменьшения детской смертности и продвижения к европейским стандартам. По мнению специалистов, основными проблемами остаются следующие причины: 70 % смертей приходится на новорождённых – особая уязвимость первых дней жизни; неравномерный доступ к медицине в сельских регионах (марзах); финансовые барьеры и недостаток квалифицированных кадров в региональных роддомах; уровень смертности высок среди уязвимых групп (бедные, нацменьшинства, сельчане). Есть исследование, показывающее, что на более бедные регионы – особенно Ширак – приходится более высокий риск детской смертности. Возможно, сельские и удалённые марзы, с менее развитой инфраструктурой здравоохранения, большими трудностями доступа к медицинским услугам, хуже обеспечены, что может приводить к более высоким показателям смертности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте. – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/health/> (дата обращения 18.09.2025).
2. Статистические показатели. – URL: <https://armstat.am/ru/?nid=12&id=11014> (дата обращения 18.09.2025).
- 3 Children survive and thrive. – URL: <https://www.unicef.org/armenia/en/what-we-do/children-survive-and-thrive> (дата обращения 18.09.2025).

4. Рейтинг стран мира по уровню младенческой смертности. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/child-mortality-ranking/> (дата обращения 18.09.2025).

УДК 316.75

**ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПАТРИОТИЗМА
МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕСУРС УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА
FORMATION OF CIVIC IDENTITY AND PATRIOTISM OF YOUTH
AS A SOCIO-ECONOMIC RESOURCE FOR THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT
OF THE MODERN STATE**

Мирюкова Мария Александровна,
кандидат социологических наук, доцент,
Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Российская Федерация, г. Калининград
miryukova-ma@ranepa.ru

Соколова Вера Федоровна,
кандидат философских наук, доцент,
Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Российская Федерация, г. Калининград
sokolova-vf@ranepa.ru

Miryukova Maria,
Candidate of Sociological Sciences (PhD), Associate Professor,
Western Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Russian Federation, Kaliningrad

Sokolova Vera,
Candidate of Philosophical Sciences (PhD), Associate Professor,
Western Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Russian Federation, Kaliningrad

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь гражданской идентичности, патриотизма и устойчивого экономического развития современного государства в условиях глобальных вызовов. Авторы обосновывают тезис о том, что социальная стабильность, обеспечиваемая высоким уровнем гражданской сплоченности, выступает не менее значимым фактором конкурентоспособности страны, чем традиционные экономические показатели. Особое внимание уделяется уязвимости молодежи к экстремистским идеологиям в условиях социально-экономической неопределенности и механизму преодоления этого феномена через деятельностный подход. Статья раскрывает роль государства, образования и гражданского общества в формировании конструктивного патриотизма как основы для профилактики радикализации, а вовлечение молодежи в социальные и экологические инициативы формирует не только гражданскую ответственность, но и создает условия для социально-экономической стабильности, выступая одновременно инструментом профилактики экстремизма и ресурсом экономического роста. В заключение подчеркивается, что интеграция социальных и экологических ценностей в экономическую стратегию через

формирование гражданской идентичности позволяет преодолеть разрыв между глобальными вызовами и локальными действиями, создавая основу для устойчивого развития.

Ключевые слова: гражданская идентичность, деятельностный подход, патриотизм, профилактика экстремизма, социально-экономическое развитие.

Abstract. The article examines the relationship between civic identity, patriotism and sustainable economic development of a modern state in the context of global challenges. The authors substantiate the thesis that social stability, provided by a high level of civic cohesion, is no less important factor in the country's competitiveness than traditional economic indicators. Special attention is paid to the vulnerability of young people to extremist ideologies in conditions of socio-economic uncertainty and the mechanism for overcoming this phenomenon through an activity-based approach. The article reveals the role of the state, education and civil society in the formation of constructive patriotism as a basis for the prevention of radicalization, and the involvement of young people in social and environmental initiatives forms not only civic responsibility, but also creates conditions for socio-economic stability, acting simultaneously as a tool for preventing extremism and a resource for economic growth. In conclusion, it is emphasized that the integration of social and environmental values into economic strategy through the formation of civic identity makes it possible to bridge the gap between global challenges and local actions, creating the basis for sustainable development.

Keywords: civic identity, activity-based approach, patriotism, prevention of extremism, socio-economic development.

Актуальность исследования взаимосвязи гражданской идентичности, патриотизма и устойчивого экономического развития обусловлена трансформацией глобального ландшафта, где социальная стабильность становится не менее значимым фактором конкурентоспособности государства, чем традиционные экономические индикаторы. В условиях многовекторных вызовов – от санкционного давления до цифровой фрагментации общественного сознания – Беларусь и Россия сталкиваются с необходимостью переосмысления роли «мягких» социальных инструментов в обеспечении долгосрочного роста. Сложившаяся парадигма часто рассматривает патриотизм как сугубо идеологическую категорию, игнорируя его функциональную роль в снижении транзакционных издержек экономического взаимодействия и формировании человеческого капитала, готового к инновационной адаптации, это подтверждает анализ научных публикаций большинства исследований последнего десятилетия. Как правило, патриотизм не рассматривается через призму экономической эффективности, тогда как доминирующая парадигма сводит его к культурно-историческому измерению [1].

Таким образом, игнорирование экономической функции патриотизма в научном дискурсе приводит к недооценке его роли в обеспечении устойчивости общества в условиях кризисных явлений, что особенно критично для молодого поколения, выступающего одновременно и как основной ресурс, и как наиболее уязвимый сегмент социальной структуры. Молодежь, находящаяся на этапе формирования профессиональной идентичности и гражданской позиции, становится барометром социальных трансформаций, где разрыв между декларируемыми государством ценностями и реальными возможностями для самореализации приобретает наиболее острую форму. Как пишет в своей статье Л.Г. Невеличко: «...для России проблема социальной идентичности является наиболее болезненной: собственные социокультурные потери в результате распада предыдущей системы, внутреннее преобразование моностилистической культуры в полистилистическую усилились стремительно охватывающими страну основными негативными процессами глобализации мировой экономики.» [2]. Именно в этом контексте социально-экономическая неопределённость, порождённая структурными сдвигами в глобальной экономике и локальными кризисами, трансформирует молодёжь в группу риска, чья уязвимость к экстремистским нарративам обусловлена не столько идеологической подпиткой, сколько

экзистенциальным вакуумом, возникающим при разрыве связей между личными амбициями и реальными возможностями. В условиях, когда традиционные социальные лифты утрачивают эффективность, а цифровое пространство диктует новые, часто деструктивные, модели идентичности, молодые люди, лишённые четкого горизонта событий, склонны искать смыслы в радикальных идеологиях, обещающих не только объяснение несправедливости, но и инструменты её преодоления – пусть даже через насилие или нигилизм [3]. Эта уязвимость многогранна: она проявляется в апатии тех, кто отстраняется от участия в общественной жизни, и в агрессии тех, кто ищет компенсацию утраченного контроля через присоединение к замкнутым сообществам, где простые ответы на сложные вопросы становятся суррогатом социального диалога. Критическим здесь выступает не сама экономическая нестабильность, а её переживание как личной катастрофы, усиленное отсутствием институциональной поддержки и когнитивной неготовности к критическому анализу информации – факторы, которые государство, образование и гражданское общество могут и должны нейтрализовать через синтез профилактических и созидательных стратегий. Необходимость нейтрализации факторов, провоцирующих радикализацию молодежи, обуславливает формирование комплексной стратегии, в которой государство, образование и гражданское общество выступают не как изолированные институты, а как взаимодополняющие элементы единой системы социальной стабилизации. При этом эффективность каждого из этих институтов определяется не столько их отдельными усилиями, сколько способностью к синхронизации действий в условиях многовекторных вызовов, где экономическая нестабильность переплетается с кризисом смыслов.

Государство, осознавая свою роль архитектора социального доверия, должно перейти от декларативных лозунгов к созданию инфраструктуры возможностей, где каждый молодой человек получает не абстрактный патриотический посыл, а конкретный шанс реализовать себя в проектах, напрямую связанных с развитием территории – будь то восстановление исторического наследия, внедрение «зелёных» технологий или цифровизация сельских сообществ. Такие инициативы, будучи органично встроенными в экономические программы, формируют у участников ощущение собственной значимости, превращая патриотизм из пассивного чувства в активную гражданскую позицию. Образование, в свою очередь, призвано стать полигоном для развития «антидотов» против манипуляции: через курсы медиаграмотности, проектное обучение с акцентом на решение локальных проблем, диалог с представителями разных профессий и культур. Здесь важно не навязывать готовые ответы, а учить задавать правильные вопросы, формируя у молодёжи способность видеть сложность мира без страха перед нею – навык, который становится естественным барьером против упрощённых экстремистских схем [4]. Гражданское общество, наконец, играет роль «моста» между государственными программами и повседневной жизнью, транслируя абстрактные ценности в конкретные практики: волонтерские движения, молодежные советы, культурные лаборатории, где патриотизм перестаёт быть словом и становится делом – будь то организация фестиваля ремёсел или создание площадки для межпоколенческого диалога.

Синергия этих трёх элементов рождает конструктивный патриотизм как социальный феномен, где любовь к стране измеряется не громкими лозунгами, а готовностью вкладывать время и силы в её развитие. Такой подход смещает акцент с защиты от внешних угроз на строительство внутренней устойчивости, где экономическое развитие и гражданское единство становятся взаимодополняющими процессами. Ведь только в обществе, где молодой человек видит, что его труд, идеи и инициативы востребованы, исчезает почва для радикализации – не потому, что её подавляют, а потому, что в ней перестаёт быть смысл. Именно эта трансформация, где патриотизм становится не инструментом конформизма, а основой для созидательного диалога между поколениями, институтами и культурами, определяет будущее устойчивого развития – не как абстрактной модели, а как повседневной реальности, выстроенной совместными усилиями. Данная трансформация гражданской идентичности требует не абстрактных деклараций, а системных изменений в институциональной среде, где молодежная политика перестаёт быть изолированной сферой

и интегрируется в комплексную стратегию государственного развития. Эта интеграция становится необходимым условием для преобразования теоретической концепции созидательного патриотизма в практические механизмы устойчивого роста, поскольку только в условиях слаженного взаимодействия экономических, социальных и безопасностных институтов возможно создание среды, где личная реализация молодого человека напрямую связана с национальными приоритетами.

Интеграция молодёжной политики в стратегию национальной безопасности и экономического развития представляет собой не просто тактическую корректировку государственного курса, а фундаментальную переориентацию парадигмы, где молодёжь перестаёт восприниматься как объект социальной поддержки и становится субъектом созидательного преобразования страны. Эта интеграция требует размытия искусственных границ между «экономическим», «социальным» и «безопасностным» блоками стратегического планирования: например, программы поддержки молодёжного предпринимательства в аграрном секторе или возобновляемой энергетике не только стимулируют ВВП, но и снижают риски миграции из депрессивных регионов, устраняя одну из ключевых причин социальной маргинализации. Практические инструменты, такие как воспитательные программы, построенные на принципе «обучение через действие», цифровое просвещение, направленное на формирование критического мышления в онлайн-пространстве, и вовлечение в волонтёрские экологические инициативы, становятся не дополнительными элементами, а системообразующими механизмами профилактики радикализации. Волонтёрские проекты, ориентированные на возрождение исторических объектов или очистку природных территорий, трансформируют абстрактный патриотизм в переживание личной ответственности: молодой человек, участвующий в посадке леса или реставрации памятника, не просто вносит вклад в общее дело, но и формирует внутренний стержень, противостоящий соблазну деструктивных идеологий, – ведь разрушать гораздо сложнее, когда ты сам создал что-то ценное. Экологический патриотизм, выступая новым вектором формирования идентичности, объединяет экономические, культурные и этические аспекты: забота о природе становится не только вопросом устойчивого развития ресурсов, но и метафорой гражданской зрелости, где ответственность за «малую родину» – реку, парк, исторический квартал – переходит в ответственность за государство в целом. Такой подход позволяет преодолеть разрыв между глобальными вызовами и локальными действиями, делая патриотизм не инструментом консервации прошлого, а ресурсом для проектирования будущего. В конечном итоге, именно через синтез экономических возможностей, воспитательных практик и экологической сознательности формируется гражданское общество, способное противостоять не только внешним угрозам, но и внутренней апатии – ведь устойчивое развитие возможно лишь тогда, когда каждый молодой человек видит в своей стране не просто место проживания, а поле для реализации, где его труд, идеи и забота о природе становятся кирпичиками национальной безопасности. Такая модель, где экономика, безопасность и идентичность переплетаются в единый стратегический контур, открывает путь к обществу, в котором патриотизм перестаёт быть декларацией и становится образом жизни – естественным, повседневным и продуктивным. Таким образом, концептуальная модель, в которой патриотизм трансформируется из декларации в повседневную практику через синтез экономических, социальных и экологических аспектов, требует конкретных инструментов реализации в образовательной среде, способных транслировать теоретические положения в практические действия. Эта потребность особенно остра в контексте современных вызовов, когда традиционные методы формирования гражданской идентичности утрачивают свою эффективность перед лицом цифровой фрагментации общественного сознания и идеологической конкуренции.

В условиях глобальной геополитической нестабильности и усиления идеологической конкуренции внедрение образовательного модуля «Обучение служением» в систему высшего образования приобретает стратегическую значимость как инструмент формирования устойчивого патриотизма, способного противостоять деструктивным

тенденциям в молодёжной среде [5]. Его своевременность обусловлена не только необходимостью укрепления исторической преемственности, но и критической потребностью в переосмыслении самой логики гражданского воспитания: если традиционные методы, основанные на передаче готовых ценностей, сегодня сталкиваются с ростом скептицизма со стороны молодёжи, то деятельностный подход модуля трансформирует патриотизм из абстрактного понятия в переживание личной ответственности через участие в реальных проектах. Это особенно актуально в контексте санкционного давления и информационных атак, направленных на дестабилизацию общественного сознания, где молодёжь, лишённая четких ориентиров, становится уязвимой для радикальных идеологий.

Ключевая инновация модуля заключается в его методологической основе – деятельностном подходе, который отвергает пассивное усвоение знаний в пользу созидательной практики. Студенты не изучают патриотизм как предмет, а конструируют его через решение конкретных задач: создание интерактивных музеев, организацию историко-краеведческих экспедиций, разработку экологических проектов, связанных с сохранением памяти о подвигах предков.

Особую ценность модуль представляет как механизм профилактики экстремизма: через вовлечение в созидательные практики он устраняет экзистенциальный вакуум, ставший питательной средой для радикальных идеологий.

Модуль также раскрывает потенциал патриотизма как экономического ресурса: через проектную деятельность студенты учатся видеть связь между личной инициативой и развитием территории.

Таким образом, «Обучение служением» выходит за рамки образовательной дисциплины, становясь инструментом системного изменения: он учит молодёжь не просто любить страну, но действовать ради нее, превращая патриотизм в профессию мысли и поступка. В эпоху, когда внешние и внутренние вызовы требуют не деклараций, а конкретных решений, такой подход позволяет государству не только укреплять гражданское единство, но и формировать поколение, способное видеть в своей стране не ограничение, а пространство возможностей. Именно поэтому интеграция подобных модулей в образовательные стандарты – не вопрос педагогического выбора, а необходимое условие национальной безопасности и экономического роста, где каждый реализованный студентом проект становится кирпичиком в фундаменте устойчивого будущего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабаев Э.В. Научные подходы к формированию и сохранению патриотических ценностей молодежи: теоретический обзор // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2025. – № 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-podhody-k-formirovaniyu-i-sohraneniyu-patrioticheskikh-tsennostey-molodezhi-teoreticheskii-obzor> (дата обращения 18.08.2025).

2. Невеличко Л.Г., Воротилкина И.М. Гражданская идентичность молодежи: теоретические и эмпирические аспекты исследования // Власть и управление на Востоке России. – 2022. – № 1 (98). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-identichnost-molodezhi-teoreticheskie-i-empiricheskie-aspekty-issledovaniya> (дата обращения 20.08.2025).

3. Попков С.Ю., Кирюхин С.В., Смирнов В.М., Вашаломидзе Е.В., Ястребова Е.В. Система социальных лифтов и социальных лестниц в цифровом пространстве: уровни и ступени спусков и подъемов, механизм работы и инструменты развития, надпрофессиональные навыки и личностные характеристики, современные тренды, кадровая политика // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sotsialnyh-liftov-i-sotsialnyh-lestnits-v-tsifrovom-prostranstve-urovni-i-stupeni-spuskov-i-podemov-mehanizm-raboty-i> (дата обращения 20.08.2025).

4. Мирюкова М.А., Соколова В.Ф. Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации путем формирования патриотизма и гражданской ответственности молодежи: деятельностный подход // Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в современных геополитических условиях : Сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Калининград, 29 марта 2025 года. – Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2025. – С. 512–515.

5. Мирюкова М.А. Роль деятельностного подхода в формировании устойчивости студенческой молодежи к идеологии экстремизма и терроризма // Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе : сборник научных статей IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 25–26 февраля 2025 года. – Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. – С. 304–308.

УДК 332.3

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТРЕНДЫ В ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ LONG-TERM TRENDS IN LAND USE IN THE VITEBSK REGION

Чиж Дмитрий Анатольевич,
кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
chyzh@yandex.ru

Chyzh Dzmitry,
Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье дана количественная оценка динамических характеристик земельного фонда Витебской области Республики Беларусь в период с 1970 по 2025 г. Проанализированы земельно-учетные данные, характеризующие распределение по категориям и видам земель. Используемые методы исследований позволили выявить пространственно-временные тренды, ключевые тенденции трансформации земель по категориям и видам земель. В Витебской области прослеживается устойчивая тенденция сокращения земель сельскохозяйственного назначения на фоне увеличения площадей особо охраняемых природных территорий и лесного фонда. На основе анализа сформулированы конкретные рекомендации по оптимизации пространственного размещения различных видов земель.

Ключевые слова: земельный фонд, землепользование, категория земель, вид земель, Витебская область.

Abstract. The article provides a quantitative assessment of the dynamic characteristics of the land fund of the Vitebsk region of the Republic of Belarus in the period from 1970 to 2025. The land accounting data characterizing the distribution by categories and types of land are analyzed. The research methods used made it possible to identify spatial and temporal trends, key trends in land transformation by categories and types of land. In the Vitebsk region, there is a steady tendency to reduce agricultural land against the background of an increase in the area of specially protected natural territories and forest resources. Based on the analysis, specific recommendations have been formulated to optimize the spatial allocation of various types of land.

Keywords: land fund, land use, land category, land type, Vitebsk region.

Изменения в структуре земельного фонда обусловлены сложным переплетением социально-экономических и природно-климатических условий и факторов. Трансформация землепользования является одновременно причиной и следствием глобальных изменений окружающей среды, таких как потеря биологического разнообразия и климатические изменения. Актуальность проведения анализа распределения земель состоит в выявлении устойчивых тенденций в изменении количественного и качественного состава земельных ресурсов, отслеживании тенденций использования земельного фонда и их динамики. Это важный инструмент предвидения альтернативных путей развития, позволяющий улучшить понимание основных процессов изменений в землепользовании.

Целью исследования является анализ особенностей трансформации землепользования в Витебской области и разработка рекомендаций по совершенствованию существующей организации использования земель в схемах и проектах землеустройства. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

- оценить изменения в землепользовании Витебской области за последние 55 лет (в период с 1970 по 2025 гг.);
- рассмотреть основные группы факторов, влияющих на трансформацию земель в Витебской области;
- разработать предложения по регулированию межотраслевого и межвидового перераспределения земель в схемах и проектах землеустройства.

В разные годы исследованиями динамики землепользования Витебской области занимались Картавенков И.Г., Колмыков А.В. и Авдеев А.Н., Пиловец Г.И. и другие ученые [1, 2–4, 5–7]. Однако, в этих работах использовались временные ряды кадастровых данных за период в 10–20 лет.

Самыми распространенными источниками данных о землепользовании являются: материалы спутниковой и аэрофотосъемки, карты, земельные регистры и реестры. Преимущества исследований, основанных на данных Государственного земельного кадастра, заключаются в их официальном статусе, хорошей доступности, охвате всей страны и регулярном ежегодном обновлении. В данном исследовании использованы материалы из Реестра земельных ресурсов Республики Беларусь [8].

За исследуемый более чем полувековой период произошли коренные изменения в политическом устройстве страны, поменялись законодательные основы регулирования земельных отношений, появился институт частной собственности на землю и др. Наибольшие преобразования произошли в землях граждан и землях сельскохозяйственного назначения. Акцент на совершенствование земельных отношений граждан был сделан развитии индивидуальных форм землепользования (расширение приусадебных наделов, увеличение числа и площади земельных участков, предоставленных для садоводства и дачного строительства). Изменение землепользований сельскохозяйственных товаропроизводителей выразилось в появлении крестьянских (фермерских) хозяйств, реформировании организационно-хозяйственной структуры и размеров землепользований бывших колхозов и совхозов.

Не единожды менялась методология и методические подходы к земельно-кадастровому учету. Коренным образом поменялась технология мониторинга и учета земель, которая сейчас строится на материалах дистанционного зондирования Земли и геоинформационных системах. Поэтому, необходимо сразу оговориться, что динамика категорий и видов земель была обусловлена сложной эволюцией социально-экономических условий на фоне изменяющихся климатических изменений и предопределена географическими особенностями территории.

Развитию землепользования всегда присуща инерция, которая обусловлена устойчивостью институтов и сложившихся взаимосвязей между отдельными категориями и видами земель в зависимости от различных факторов на протяжении длительного периода

времени. Основными мегатрендами, которые оказывают влияние на землепользование по данным UNECE, являются демографические изменения, урбанизация, цифровая трансформация, которые в полной мере относятся и к Витебской области [9].

Наиболее динамичные изменения в территориальной структуре земельного фонда, особенно прилегающих к населенным пунктам, зависят от темпов пространственной экспансии городов и инженерной инфраструктуры.

В соответствии с законодательством об охране и использовании земель земельный фонд делится по категориям земель, отражая правовой статус и межотраслевое распределение территории (таблица 1).

Таблица 1 – Динамика и распределение земельного фонда по категориям земель, тыс. га

Категории земель, землевладельцев и землепользователей	1970 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2025 г.
Земли сельскохозяйственных предприятий и граждан	2655,1	2555,1	2483,7	2041,2	1897,0*	1853,0*	1780,6*
Земли общего пользования в населенных пунктах	31,1	36,1	41,6	98,8	–	–	–
Земли промышленности, транспорта, связи, обороны и иного назначения	293,4	293,3	229,3	139,4	88,7**	90,5**	89,3**
Земли государственных лесохозяйственных предприятий	997,6	1093,1	1154,3	1519,1	1642,9	1754,8	1811,5
Земли природоохранного, оздоровительного, рекреационного и историко-культурного назначения	–	–	70,2	165,5	201,7	142,2	143,8
Земли, занятые гидротехническими и др. водохозяйственными сооружениями	0,9	–	–	0,6	–	–	–
Земли запаса	26,8	26,3	25,6	40,0	174,6***	164,5***	181,0***
Всего земель	4004,9	4003,9	4004,7	4004,6	4004,9	4005,0	4006,2

Примечания:

1 Источник: авторская разработка на основе [8];

2 * – за 2010–2025 гг. цифры приведены по следующим категориям землепользователей: сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства, граждане;

3 ** – 2010–2025 гг. цифры приведены по следующим категориям землепользователей: промышленные организации, организации железнодорожного транспорта, организации автомобильного транспорта, организации Вооруженных Сил Республики Беларусь, воинских частей, военных учебных заведений и других войск и воинских формирований Республики Беларусь, организации связи, энергетики, строительства, торговли, образования, здравоохранения и иные землепользователи;

4 *** – за 2010–2025 гг. цифры приведены по следующим категориям землепользователей: земельные участки, не предоставленные землепользователям, и земли общего пользования, не отнесенные к землям иных категорий землепользователей.

Анализ динамических рядов показывает, что на 01.01.2025 из общей площади Витебской области земли сельскохозяйственных предприятий и граждан занимают 1780,6 тыс. га (44,4 % всего земельного фонда области); земли государственных лесохозяйственных предприятий – 1811,5 тыс. га (45,2 %); природоохранного, оздоровительного, рекреационного и историко-культурного назначения – 143,8 тыс. га (3,6 %); промышленности, транспорта, связи, обороны и иного назначения – 89,3 тыс. га (2,2 %); земли запаса и иного назначения – 181,0 тыс. га (4,5 %).

В структуре земельного фонда Витебской области за последние 50 лет произошли существенные изменения:

– отмечается устойчивая тенденция уменьшения площадей земель сельскохозяйственных предприятий и граждан (на 875 тыс. га или на 1/3 относительно 1970 г.). Это связано, в первую очередь, с передачей лесов сельскохозяйственных предприятий в состав государственных лесохозяйственных предприятий, передачей части земель в состав особо охраняемых природных территорий, изъятием земель под новое строительство промышленных и гражданских объектов, инженерной инфраструктуры. Также

значительно сократилось приусадебное землепользование, что вызвано как демографическими изменениями, так и процессами урбанизации. Только начиная с 1990 г. количество сельских населенных пунктов в области [10] уменьшилось на 198 шт. (на 3,1 %), а количество сельского населения сократилось на 276,2 тыс. чел. (в 2,2 раза) [11];

– площадь земель промышленности, транспорта, связи, энергетики, обороны и иного назначения в области составляла в 1970 г. 293,4 тыс. га, а к 2025 г. она уменьшилась на 204,1 тыс. га (69,4 %) и достигла 89,3 тыс. га. Среднегодовое сокращение площади земель данной категории за рассматриваемый период составило 3,7 тыс. га;

– площадь земель государственных лесохозяйственных предприятий в области в 1970 г. составляла 997,6 тыс. га, а к 2025 г. она увеличилась на 813,9 тыс. га (в 1,8 раза) и достигла 1811,5 тыс. га. Максимальное увеличение площадей произошло в период 1990–2000 гг.;

– земли природоохранного, оздоровительного, рекреационного и историко-культурного назначения появились в результате принятия Кодекса Республики Беларусь о земле в 1990 году. Площадь на тот момент составляла 70,2 тыс. га, а к 2025 г. она возросла на 73,6 тыс. га (в 2 раза) и достигла 143,8 тыс. га. Среднегодовой рост площади земель данной категории землепользователей составил 2,0 тыс. га;

– земельные участки, не предоставленные землепользователям, и земли общего пользования, не отнесенные к землям иных категорий землепользователей, в настоящее время занимают площадь в 6,7 раз большую, чем в 1970 г.

Таким образом, за более чем полувековой период сохранилась положительная направленность в динамике площади лесных земель и земель под древесно-кустарниковой растительностью в сторону их увеличения. В то же время площадь сельскохозяйственных земель продолжала планомерно уменьшаться, что в свою очередь связано с отводом сельскохозяйственных земель для несельскохозяйственных целей.

Анализ динамики видов земель был произведен по объединенной категории землепользователей сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства и граждане, поскольку они обеспечивают продовольственную безопасность, оказывают важные экосистемные услуги.

По данным земельного кадастра в период с 1970 по 2025 г. общая площадь сельскохозяйственных земель сельскохозяйственных предприятий и граждан сократилась на 29,1 % (таблица 2).

Таблица 2 – Динамика и распределение земель сельскохозяйственных предприятий и граждан по видам земель, тыс. га

Виды земель	1970 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2025 г.
Пахотные земли	1096,1	1119,6	1117,2	1159,2	908,2	906,7	857,8
Залежь	12,2	–	–	–	–	–	–
Используемые под постоянные культуры	12,3	12,1	8,8	18,1	16,4	15,1	10,9
Сенокосные	436,7	216,1	174,1	186,4	610,3*	489,3*	424,0*
Пастбищные	267,2	311,9	334,7	291,1			
Итого сельскохозяйственных земель	1824,5	1659,7	1634,8	1654,8	1534,9	1411,1	1292,7
Приусадебные земли	88,5	84,3	83,6	–	–	–	–
Лесных и лесопокрытых	480,9	550,2	492,3	185,1	175,5**	274,8**	298,6**
Болот	120,3	137,5	146,6	66,8	56,6	49,6	47,3
Под водой	30,5	27,6	33,5	66,6	62,6	43,3	38,4
Под дорогами	33,5	26,7	24,4	17,5	12,9	9,0	6,2
Под постройками, дворами	30,1	33,9	32,1	29,0	30,0	35,2	63,6
Других несельскохозяйственных	46,8	35,2	36,4	21,4	24,5	30,0	33,8
Всего земель	2655,1	2555,1	2483,7	2041,2	1897,0	1853,0	1780,6

Примечания:

1 Источник: авторская разработка на основе [8];

2 * – за 2010–2025 гг. цифры приведены по луговым землям;

3 ** – 2010–2025 гг. цифры приведены по землям, покрытым древесно-кустарниковой растительностью.

Начиная с 1970 г. по 2025 г. площадь всех сельскохозяйственных земель сократилась с 1824,5 тыс. га до 1292,7 тыс. га, или на 29,1 %. Если сравнивать десятилетними отрезками, то шло неуклонное сокращение этих земель, а наибольшее сокращения произошли в период с 2000 по 2010 гг.

Структура сельскохозяйственных земель изменялась различными темпами. Так, площадь пахотных земель уменьшились на 21,7 %, луговых (сенокосных и пастбищных) на 39,7 %, под постоянными культурами – на 11,3 %.

Уменьшение площади сельскохозяйственных земель вполне объяснимо изъятием их для несельскохозяйственных целей (строительство жилья, транспортных коммуникаций и др.), эрозией земель и другими причинами. В 1999–2001 гг. были проведены работы по оптимизации землепользования, когда значительные площади низкопродуктивных сельскохозяйственных земель были законсервированы и выведены из активного сельскохозяйственного оборота. В целом площадь пахотных земель уменьшались за счет перевода в луговые и лесные земли, отвода под строительство и добычу полезных ископаемых. В некоторой степени компенсировали изъятие земель раскорчевка садов, вовлечения в оборот рекультивированных земель.

Площади луговых земель увеличивались за счет трансформации земель под постоянными культурами, пахотных, несельскохозяйственных земель в луговые земли, а уменьшались за счет зарастания кустарником и мелколесьем, что наиболее распространено в северной части области. В результате потери луговых земель к 2025 г. составили 279,9 тыс. га.

Проведенный количественный и качественный анализ структурных сдвигов в земельном фонде Витебской области позволяет сделать следующие выводы и предложения:

- социально-экономические процессы за последние 55 лет, привели к резким изменениям в эволюции структуры сельскохозяйственного землепользования. Не смотря на принимаемые законодательные и административные меры, продолжают сокращаться площади земель сельскохозяйственных организаций и граждан;

- необходимо отслеживать динамику изменения площадей сельскохозяйственных земель сельскохозяйственного назначения по материалам инвентаризации и мониторинга земель (по данным дистанционного зондирования Земли) в целях недопущения их сокращения;

- целесообразна разработка Государственного (национального) доклада о состоянии и использовании земель в Республике Беларусь, в котором необходимо отражать комплексный анализ состояния и использования земельных ресурсов страны, включая сведения о категориях земель, формах собственности, распределении земель по регионам и их правовом положении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Картавенков И.Г., Двоенко Г.М. Динамика земель сельскохозяйственного назначения в Витебской области в период современной земельной реформы // Геодезия, картография и геоинформационные системы : труды междунар. науч.-техн. конф., 2–4 декабря 2008 г. / Полоцкий гос. ун-т ; под ред. В.П. Подшивалов. – Новополоцк : ПГУ, 2009. – С. 239–254.

2. Колмыков А.В., Авдеев А.Н. Современное состояние земельных ресурсов и землеустройство в Республике Беларусь // Вестн. Белорус. гос. с.-х. акад. – 2022. – № 1. – С. 168–175.

3. Колмыков А.В., Авдеев А.Н. Современное состояние и перспективы использования земель сельскохозяйственного назначения Республики Беларусь // Вестн. Белорус. гос. с.-х. акад. – 2021. – № 1. – С. 184–191.

4. Колмыков А.В., Авдеев А.Н. Основные тенденции динамики земельных ресурсов и планирование землепользования в Республике Беларусь // Вестн. Белорус. гос. с.-х. акад. – 2025. – № 1. – С. 152–161.

5. Пиловец Г.И. Анализ изменения структуры видов земель Витебской области // Почвенные и земельные ресурсы: традиционные и инновационные подходы к изучению и управлению : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21–24 сент. 2023 г. / БГУ; редкол.: А.Н. Червань (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2023. – С. 259–263.

6. Пиловец Г.И. Структура земельного фонда Витебской области и ее изменение (2000–2010 гг.) // Почвенно-земельные ресурсы: оценка, устойчивое использование, геоинформационное обеспечение: материалы междунар. науч.-практ. конф., 6–8 июня 2012 г, БГУ, г. Минск / Под ред. В.С. Аношко, И.И. Пирожника, В.М. Яцухно. – Мн.: Издательский центр БГУ, 2012. – С. 66–68.

7. Пиловец Г.И., Чернявская О.В. Динамика площадей видов земель Витебской области (2010–2015 гг.) // Вопросы наук о Земле в концепции устойчивого развития Беларуси: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 2 / редкол.: А.И. Павловский (гл. ред.) [и др.]. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2017. – С. 184–189.

8. Реестр земельных ресурсов Республики Беларусь // Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь. – URL: http://gki.gov.by/ru/activity_branches-landreestr/ (дата обращения 15.09.2025).

9. Scenario Study on Future Land Administration in the UNECE Region // UNECE. – 2021. – URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-12/Scenario%20Study_E_0.pdf (дата обращения 25.09.2025).

10. Число населенных пунктов на начало периода по территории Республики Беларусь Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10101100001> (дата обращения 25.09.2025).

11. Численность населения на начало периода по территории Республики Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10101100003> (дата обращения 25.09.2025).

УДК 504.03:628:4

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ПО ОБРАЩЕНИЮ С ТВЕРДЫМИ КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ WAYS TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF REGIONAL SOLID WASTE MANAGEMENT SYSTEMS

Шушкевич Александр Михайлович,
кандидат экономических наук, доцент,
Научно-исследовательский экономический институт
Министерства экономики Республики Беларусь,
Республика Беларусь, г. Минск
alx_shushkevich@tut.by

Shushkevich Aliaksandr,
Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
Economic Research Institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье предложен методический подход к анализу и оценке эффективности функционирования региональных объектов по обращению с твердыми коммунальными отходами и вторичными материальными ресурсами: сформирован перечень ключевых индикаторов эффективности хозяйственной деятельности (КПИ), выявлены факторы, оказывающие наиболее существенное влияние на показатели экономической эффективности деятельности данных объектов, на основе корреляционно-регрессионного анализа установлены количественные взаимосвязи между параметрами экологической и

экономической эффективности. По результатам исследования выработаны практические рекомендации по совершенствованию деятельности региональных комплексов по обращению с твердыми коммунальными отходами, в частности по развитию системы раздельного сбора вторичных материальных ресурсов, повышению энерго- и ресурсоэффективности производства на предприятиях данной сферы, углублению переработки извлеченного на линиях сортировки вторичного сырья, снижению объемов потребления неперерабатываемых материалов и упаковки и предотвращению образования отходов и др.

Ключевые слова: твердые коммунальные отходы, вторичные материальные ресурсы, корреляционно-регрессионный анализ, мусороперерабатывающий завод, ресурсоэффективное производство.

Abstract. The article proposes a methodological approach to assessing the performance of regional solid-waste management facilities. A set of key performance indicators (KPIs) is developed, and the factors exerting the greatest influence on the economic efficiency of such facilities are identified. Using correlation and regression analysis, quantitative relationships between environmental and economic performance parameters are established. Based on the findings, practical recommendations are formulated for improving the operations of regional solid-waste management systems, including the development of source-separation schemes, energy and resource conservation at treatment facilities, deeper processing of recyclables recovered at sorting lines, waste prevention, and other measures.

Keywords: solid municipal waste, secondary material resources, correlation and regression analysis, waste processing plant, resource-efficient production.

Одной из важнейших задач социально-экономического развития Республики Беларусь на средне- и долгосрочную перспективу является повышение уровня использования твердых коммунальных отходов (ТКО). В соответствии с действующими программными и стратегическими документами ставится задача по повышению уровня использования ТКО в 2025 г. до 64 % от общего объема их образования, к 2030 г. – до 70 %, к 2035 г. – до 90 % [1–3]. Учитывая, что текущий уровень переработки ТКО составляет 39,6 %, данная задача представляется весьма амбициозной, требующей концентрации ресурсов и использования эффективных управленческих решений [4].

Следует отметить, что в настоящее время при решении данной задачи приоритет отдается экстенсивным факторам роста. Государственной программой «Комфортное жилье и благоприятная среда» на 2021–2025 годы предусмотрено строительство 10 региональных комплексов по обращению с ТКО, совокупные мощности по сортировке которых составят около 1,4 млн тонн в год [1]. В то же время, в проекте подготовленной Правительством Стратегии по обращению с отходами производства и потребления в Республике Беларусь наряду с созданием новых сортировочных и перерабатывающих производств отмечается необходимость обеспечения эффективной работы действующих объектов. В этой связи проведение исследования, посвященного оценке эффективности функционирования региональных объектов по обращению с ТКО (мусороперерабатывающих заводов) и выработке практических рекомендаций по совершенствованию их деятельности, представляется весьма актуальным и своевременным.

В настоящее время в республике функционируют 9 мусороперерабатывающих заводов, мощности которых позволяют сортировать около 654 тыс. тонн ТКО в год. Они расположены в пяти областных центрах (городах Брест, Витебск, Гомель, Гродно, Могилев), а также в Минске, Барановичах, Новополоцке и Орше. В большинстве случаев деятельность данных объектов охватывает полный цикл обращения с ТКО, начиная от их сбора и вывоза и заканчивая захоронением неиспользованной фракции ТКО на полигонах. Помимо этого, заводы оказывают субъектам хозяйствования и населению широкий спектр услуг, связанных со сбором и переработкой отходов (строительных, древесных, растительных, изношенных

шин и др.), что позволяет данным предприятиям диверсифицировать источники поступления доходов и улучшить финансово-экономические показатели деятельности.

Ключевыми показателями, используемыми в настоящее время для оценки эффективности деятельности мусороперерабатывающих заводов, являются: уровень загрузки производственных мощностей, уровень извлечения вторичных материальных ресурсов (ВМР) на линиях сортировки, общий уровень использования (переработки) ТКО, удельные затраты на обращение с ТКО и др. По нашему мнению, в целях более объективной и всесторонней оценки необходимо использовать более широкий перечень индикаторов, охватывающих полный цикл обращения с ТКО и характеризующих две основных стороны эффективности – экологическую и экономическую (таблица 1).

Таблица 1 – Перечень показателей для оценки эффективности работы мусороперерабатывающих заводов в Республике Беларусь

Показатели экологической эффективности	Показатели экономической эффективности
– доля ТКО, собранных отдельно, % от общего объема вывезенных; – доля ТКО, поступивших на сортировку, % от общего объема вывезенных; – уровень извлечения ВМР из состава ТКО, % от общего объема отходов, поступивших на сортировку; – доля ВМР, поступивших на переработку внутри предприятий, % от общего объема извлеченных на сортировочной линии; – доля ТКО, поступивших на захоронение (в конечном итоге), % от общего объема вывезенных	– удельные затраты на обращение с ТКО (по полному циклу), руб./т; – удельные доходы от реализации вторичного сырья и продукции на ее основе, руб./т отходов, поступивших на сортировку; – удельные затраты на сбор ТКО, руб./т вывезенных отходов; – удельные затраты на вывоз ТКО, руб./т вывезенных отходов; – удельные затраты на сортировку ТКО, руб./т отходов, поступивших на сортировку; – удельные затраты на захоронение ТКО, руб./т захороненных отходов; – удельные затраты на переработку отходов (по видам отходов), руб./т; – удельные накладные расходы, руб./т вывезенных отходов

Примечание – Источник: авторская разработка.

Анализ эффективности деятельности региональных объектов по обращению с ТКО, проведенный с использованием вышеуказанных показателей, позволил выявить следующие закономерности:

1. Удельные затраты на вывоз ТКО в значительной степени определяются уровнем развития системы раздельного сбора. По результатам корреляционного анализа было установлено, что с повышением доли раздельно собранных ТКО, в общем объеме вывезенных, на 1 %, удельные затраты на вывоз отходов возрастают на 11 руб./т. Модель имеет достаточно хорошие качественные характеристики. Коэффициент детерминации составляет 70,6 %.

2. Наибольшее влияние на уровень предельных издержек на сортировку ТКО оказывает мощность объектов: с ростом производственных мощностей удельные затраты снижаются, т. е. проявляется эффект масштаба. В ходе исследования была установлена следующая зависимость, формула (1):

$$Z_{уд\_сорт} = 75 - 0,7 \cdot O_{сорт} + 0,9 \cdot Y_{изв}, \quad (1)$$

где $Z_{уд\_сорт}$ – удельные затраты на сортировку ТКО, руб./т;

$O_{сорт}$ – объем ТКО, поступивших на сортировку, тыс. т;

$Y_{изв}$ – уровень извлечения ВМР из состава ТКО на сортировочной линии, %.

Полученная модель может быть интерпретирована следующим образом. С ростом производственной мощности сортировочной линии на 10 тыс. т, удельные затраты на сортировку снижаются на 7 руб./т. Влияние уровня извлечения ВМР из состава ТКО на

удельные затраты не является статистически значимым. Коэффициент детерминации, характеризующий надежность полученной модели, составил 54 %, что можно оценить как средний уровень.

Сравнение фактических данных мусороперерабатывающих заводов об удельных затратах на сортировку ТКО с модельными (прогнозными) позволяет выявить наиболее эффективные (эталонные) предприятия, оценить потенциал (резервы) для повышения ресурсоэффективности для менее эффективных предприятий, выявить некоторые особенности учета и калькуляции затрат на отдельных предприятиях и др.

3. Доход от реализации ВМР, извлеченных на линии сортировки ТКО, формируется под влиянием таких факторов, как доля отдельно собранных отходов, поступающих на объект сортировки, производственная мощность линии, эффективность применяемой технологии, обуславливающей количество и качество извлеченных ВМР и др. Помимо этого, дифференциация показателей, характеризующих доходную часть, может быть связана с накоплением извлеченных на линиях сортировки ВМР перед их поставкой перерабатывающим предприятиям, передачей отобранного вторсырья на собственные объекты по переработке отходов, более высокой долей экспортных (более выгодных) поставок и др.

Количественная взаимосвязь между доходом от реализации ВМР и развитием системы раздельного сбора ТКО может быть установлена на основании фактических данных об извлечении ВМР из состава смешанных и отдельно собранных ТКО. По данным Брестского облисполкома уровень извлечения ВМР из состава ТКО в 2024 г. составил 19,4 %, из состава отдельно собранных ТКО – 46,2 %. По Минской области значение указанных показателей составило 6,1 % и 40,4 % соответственно. Исходя из этого, повышение доли отдельно собранных ТКО на 1 % приводит к увеличению объема извлекаемых ВМР и соответственно доходов от их реализации на 0,3 %.

4. Анализ полных затрат на обращение с ТКО (рисунок 1) показал, что более высокий уровень издержек на ряде объектов (например, в Бресте и Орше) связан с использованием более прогрессивных технологий обработки ТКО, обеспечивающих более высокий уровень использования отходов.

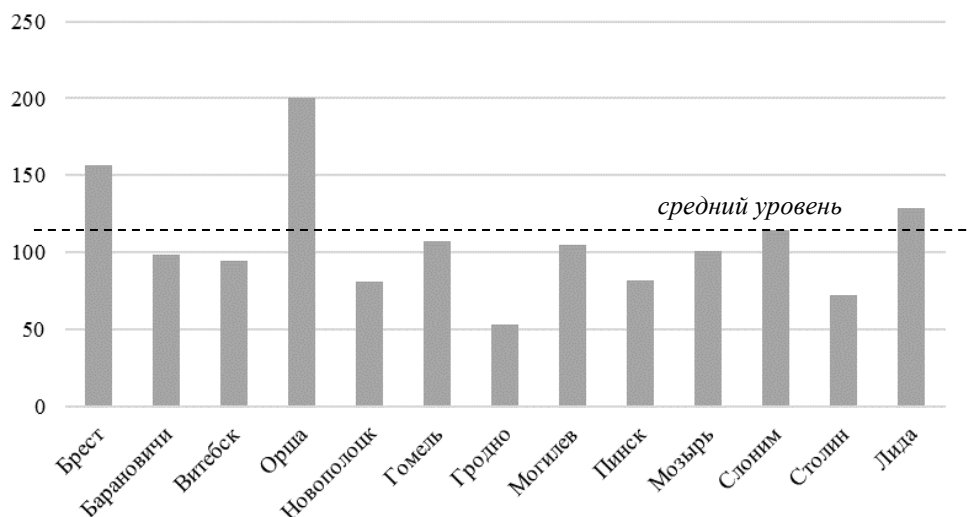

Рисунок 1 – Удельные затраты на обращение с ТКО (полный цикл), руб./т вывезенных ТКО

Примечания:

1 Источник: авторская разработка.

2 Более низкий уровень затрат на Гродненском заводе по утилизации и механической сортировке отходов обусловлен тем, что данное предприятие не осуществляет деятельность по вывозу ТКО.

3 В целях выявления статистически значимых зависимостей и повышения надежности полученной модели перечень мусороперерабатывающих заводов был дополнен рядом крупных сортировочных линий. Общее количество объектов в рассматриваемой выборке составило 13 ед.

Полученная зависимость может быть использована для оценки эффективности деятельности региональных комплексов по обращению с ТКО. Если наблюдается превышение фактического уровня затрат на обращение с ТКО над расчетным (модельным) значением, можно говорить о наличии резерва для повышения ресурсоэффективности на данном предприятии (например, объект А на рисунке 2). В то же время, более низкий уровень затрат на обращение с ТКО в сравнении с прогнозным (например, объект В на рисунке 2) может свидетельствовать, не столько о повышенной эффективности функционирования объекта, сколько о некоторых особенностях калькуляции затрат на предприятии (например, не начислением амортизации в течении 3 лет со дня реализации инвестиционного проекта).

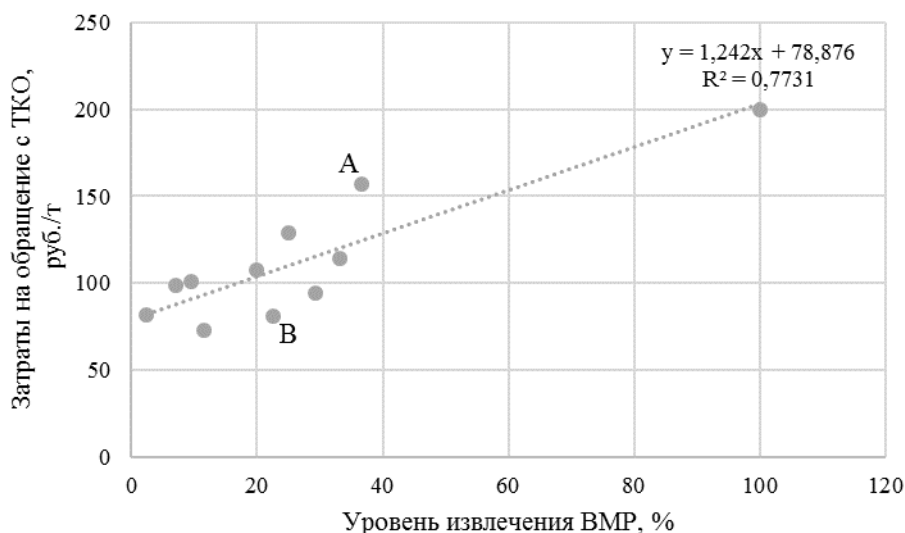

Рисунок 2 – Зависимость между показателями экологической и экономической эффективности деятельности региональных комплексов по обращению с ТКО
Примечание – Источник: авторская разработка.

Таким образом, проведенный в ходе исследования анализ показал, что существуют значительные резервы в повышении ресурсоэффективности действующих мусороперерабатывающих заводов. В этой связи, в целях рационального и эффективного использования ограниченных ресурсов, в первую очередь финансовых и трудовых, при решении задачи максимального вовлечения ТКО в хозяйственный оборот следует исходить из императива обеспечения максимальной эффективности функционирования существующих объектов инфраструктуры обращения с ТКО. Это может быть достигнуто прежде всего за счет развития системы раздельного сбора, обеспечения максимальной загрузки мусоросортировочных производств, углубленной переработки вторичного сырья и производства востребованной продукции на его основе и др.

Предложения по оптимизации и дальнейшему повышению эффективности деятельности существующих региональных комплексов по обращению с ТКО состоят в следующем:

дальнейшее развитие системы раздельного сбора ТКО (повышение доли раздельно собранных ТКО с текущих 10 % до 50 % обеспечит, по нашим оценкам, прирост уровня использования ТКО на 1,2 %):

– стимулирование раздельного сбора ТКО в коммерческом секторе (например, посредством установления дифференцированных тарифов на вывоз отходов, безвозмездного предоставления контейнеров для раздельного сбора, нормирования образования смешанных ТКО и др.);

– создание условий для отдельного сбора органической фракции ТКО, в первую очередь в сельской местности и городской жилой застройке усадебного типа, продвижение практики самостоятельного компостирования отходов;

– введение дифференцированных тарифов на вывоз смешанных ТКО, сухих «ВМР» и органической фракции ТКО;

обеспечение максимальной загрузки существующих мощностей по сортировке и переработке ВМР (вклад в прирост уровня использования ТКО составляет около 0,8–1,5 % в зависимости от доли отдельно собранных отходов):

– расширение зоны обслуживания региональных объектов, строительство перегрузочных станций, совершенствование логистики вывоза ТКО на основе автоматизированных средств контроля и интеллектуальных систем принятия решений;

– техническая модернизация производств, ремонт (замена) устаревших машин и оборудования высокой степени износа в целях исключения простоев производственных линий;

– корректировка графика работы мусоросортировочных линий с «гибким» подходом к трудоустройству и занятости рабочего персонала;

координация деятельности по энерго- и ресурсосбережению, бережливому производству на мусоросортировочных и перерабатывающих производствах:

– бенчмаркинг (сопоставительный анализ эффективности деятельности) предприятий отрасли на основе аудитов ресурсоэффективности производства;

– внедрение автоматизированных информационных систем учета ресурсопотребления, стандартизация практики учета и калькуляции затрат;

– разработка и регулярная актуализация справочников наилучших доступных технических методов и технологий, применяемых в сфере сортировки и переработки ТКО;

– проработка во взаимодействии с Банком развития Республики Беларусь, отдельными финансовыми организациями вопроса о создании специальной кредитной линии (программы) для предприятий мусороперерабатывающей отрасли;

координация деятельности по переработке ВМР, извлеченных из состава ТКО, и производству на их основе качественной и востребованной продукции:

– анализ закупок предприятий жилищно-коммунального хозяйства в целях выявления товарных позиций, которые потенциально могут быть замещены продукцией собственного производства из вторсырья;

– создание информационного портала в целях развития кооперации, обмена передовым опытом и практикой субъектов хозяйствования в сфере сбора, сортировки и переработки отходов;

– регулярная подготовка аналитических отчетов о состоянии рынков основных видов вторичного сырья, информирование предприятий о ключевых тенденциях в данной области в целях принятия обоснованных решений в части производства и сбыта продукции;

– разработка и актуализация стандартов качества вторичного сырья;

усиление государственной политики, направленной на снижение объемов потребления неперерабатываемых материалов и упаковки:

– проведение морфологического анализа «хвостов» сортировки в целях выявления видов материалов (товаров), подлежащих первоэтапному выводу из обращения либо являющихся перспективными с точки зрения организации системы их рециклинга;

– установление нормативного запрета на использование отдельных видов материалов/упаковки, препятствующих широкому и качественному рециклингу материалов;

– введение дифференцированных размеров платы на сбор, использование и (или) обезвреживание отходов упаковки с учетом аспектов ее собираемости, перерабатываемости, востребованности вторичного сырья и др.

Реализация предложенных мер позволит не только повысить уровень использования ТКО и предотвратить их негативное воздействие на окружающую среду, но и снизить общественные издержки на утилизацию отходов, улучшить финансовое состояние

предприятий сферы обращения с ТКО, обеспечить ускоренный переход к циркулярной экономике и устойчивому развитию в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28 января 2021 г. № 50 «О Государственной программе «Комфортное жилье и благоприятная среда» на 2021–2025 годы». – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100050> (дата обращения 08.08.2025).
2. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 8 мая 2025 г. № 254 «Об утверждении Программы деятельности Правительства Республики Беларусь на 2025–2029 годы». – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=C22500254> (дата обращения 08.08.2025).
3. Об утверждении Национальной стратегии по обращению с твердыми коммунальными отходами и вторичными материальными ресурсами в Республике Беларусь на период до 2035 года : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 28 июля 2017 г. № 567 : в ред. от 18 сент. 2024 г. № 683 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения 08.08.2025).
4. Использование отходов // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/okruzhayushchaya-sreda/sovместnaya-sistema-ekologicheskoi-informatsii2/i-othody/i-3-ispolzovanie-otkhodov//> (дата обращения 11.08.2025).

УДК 331.101.3

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ПЕРСОНАЛА КАК ФАКТОР РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА NON-MATERIAL INCENTIVES FOR PERSONNEL AS A FACTOR OF LABOUR PRODUCTIVITY GROWTH

Щемелева Елена Владимировна,
кандидат экономических наук, доцент,
Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске,
Республика Беларусь, г. Минск
A.Shchemeleva@gmail.com

Shchemeleva Alena,
Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
Branch of the Russian State Social University in Minsk,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. Автором исследуется роль и значение системы нематериального стимулирования персонала, которая выступает одним из ключевых элементов управления человеческим капиталом в современных условиях. Рассматриваются теоретические основы мотивации труда, проводится анализ ключевых понятий. В статье исследуется система нематериального стимулирования персонала как один из драйверов эффективности функционирования организации. Исследование опирается на базовые категории: «потребность», «мотив», «стимул». Приводится классификация стимулов трудовой деятельности. Автор подчеркивает, что в условиях, когда материальные стимулы теряют свою исключительную роль, на первый план выходят методы, направленные на удовлетворение высших потребностей сотрудников: в признании, самореализации и

развитии. Обоснована необходимость комплексного подхода к построению мотивационной системы, адаптированной к специфике компании и потребностям персонала, для достижения стратегических целей.

Ключевые слова: мотивация, нематериальное стимулирование, потребности, организационная культура, инструменты.

Abstract. The author studies the role and importance of non-material incentives for personnel, which is a key element of human capital management in the modern world. The theoretical foundations of labour motivation are considered, and the analysis of key concepts is carried out. The article examines the system of non-material incentives as one of the drivers of organisational performance. The study relies on the basic categories of "need," "motive," and "incentive." A classification of labour incentives is provided. The author emphasises that in an environment where material incentives are losing their exclusive role, methods aimed at satisfying the highest needs of employees – recognition, self-realisation, and development – come to the fore. The article substantiates the need for an integrated approach to developing a motivational system tailored to the specifics of the company and the needs of personnel in order to achieve strategic goals.

Keywords: motivation, non-material incentives, needs, organisational culture, tools.

Современный этап развития национальной экономики характеризуется повышенным вниманием к человеческому капиталу как к ключевому источнику конкурентных преимуществ организации. В этой связи в управленческой деятельности вопросы мотивации и стимулирования персонала выходят на первый план. Если ранее доминирующая роль отводилась материальным стимулам, то сегодня все большее значение приобретает нематериальная составляющая, направленная на удовлетворение высших потребностей сотрудников в признании, самореализации, принадлежности и развитии [1].

Актуальность темы обусловлена тем, что для многих организаций проблема текучести кадров и низкой вовлеченности сотрудников остается крайне острой. Зачастую сотрудники уходят не только из-за неудовлетворенности уровнем оплаты труда, но и по причинам, обусловленным неблагоприятным социально-психологическим климатом, отсутствием признания и перспектив профессионального роста. В этих условиях грамотно выстроенная система нематериального стимулирования становится эффективным инструментом формирования стабильного, сплоченного и высокопроизводительного коллектива.

Данное исследование посвящено комплексному анализу системы нематериального стимулирования персонала, определению ее инструментов и роли в повышении эффективности деятельности организации.

В общем виде мотивация человека к деятельности понимается как совокупность движущих сил, побуждающих его к осуществлению определенных действий. Эти силы находятся как вне, так и внутри человека и заставляют его осознанно или неосознанно совершать те или иные поступки [2, 3]. В контексте управления персоналом мотивация представляет собой систему комплексного воздействия внешних и внутренних факторов на сотрудников для достижения как целей организации, так и личных целей работников, удовлетворения их собственных потребностей посредством трудовой деятельности.

Ключевыми категориями для понимания сущности мотивации являются «потребность», «мотив» и «стимул». *Потребность* – это внутреннее состояние индивида, отражающее физиологический или психологический дефицит чего-либо, вызывающий состояние дискомфорта и влияющий на чувства, поведение и мышление человека. Именно потребности являются первоисточником активности. *Мотив* – это осознанная потребность, психологическая причина (порыв, стремление), побуждающая человека к активным действиям, направленным на ее удовлетворение. Мотив не только побуждает к действию, но и определяет, что необходимо сделать и каким образом. Трудовой мотив представляет собой непосредственное побуждение работника к деятельности, связанное с удовлетворением его

потребностей [4]. *Стимул* – это внешнее воздействие на работника со стороны руководства организации с целью побуждения его к эффективной деятельности. Стимулом становится благо (денежное, материальное, моральное), которое предлагается работнику и которое, соответствуя его потребностям, формирует мотив труда. Когда стимулы проходят через сознание человека и преобразуются им, они становятся внутренними побудительными причинами, то есть мотивами [3, 4].

Таким образом, мотивация в управлении выступает как функция руководства, заключающаяся в формировании у работников стимулов к труду и долгосрочном воздействии на них с целью изменения структуры ценностных ориентаций, формирования мотивационного ядра и развития трудового потенциала [3, 5].

К основным задачам мотивации можно отнести:

- формирование у сотрудников понимания ее сущности и значения;
- обучение администрации и персонала психологическим основам корпоративного общения;
- улучшение морального состояния работников через признание их заслуг;
- обеспечение роста трудовой активности;
- формирование у руководителей демократичных подходов к управлению с использованием современных методов мотивации.

Важнейшей особенностью функции мотивации является то, что в ее реализации исполнительский персонал играет самую активную роль, в отличие от других функций управления (планирование, организация, контроль), где его роль чаще пассивна. Цели, ценности и потребности сотрудников являются непосредственными движущими силами деятельности организации.

В основе регулирования трудового поведения лежит система стимулов, которые можно разделить на материальные и нематериальные.

Материальные стимулы могут быть денежными (заработная плата, премии, доплаты, надбавки) и неденежными. Неденежные материальные стимулы, в свою очередь, можно подразделить на две группы: стимулы, связанные с воспроизводством рабочей силы (льготные путевки, обеспечение питанием, содействие в организации досуга и т. п.); и стимулы, связанные с обеспечением нормальных условий труда на производстве.

В составе разнообразных *нематериальных стимулов* можно выделить следующие: социальные (связаны с потребностью в самоутверждении и занятии определенного общественного положения), моральные (связаны с потребностью в уважении со стороны коллектива и руководства, в признании работника как профессионала и личности), творческие (основаны на потребности в самореализации, самовыражении и самосовершенствовании; мотивом выступает сам творческий процесс труда), психологические (вытекают из фундаментальной потребности человека в общении, принадлежности к коллективу, стабильности; ключевое значение здесь имеет социально-психологический климат) [6].

Основываясь на приведенном классическом разделении системы стимулов, можно выделить различные виды мотивации.

По основным *группам потребностей* различают материальную мотивацию (стимулирование с помощью денежного вознаграждения и материальных благ) и нематериальную (с использованием психологических факторов и потребностей, связанных с личностью сотрудника). В свою очередь, в составе нематериальной мотивации можно выделить трудовую (детерминирована непосредственно содержанием, условиями и организацией труда) и статусную (связана со стремлением занять более высокую позицию в иерархии управления, выполнять ответственную работу, иметь высокий статус и авторитет).

По используемым *способам воздействия* можно выделить нормативную мотивацию (побуждение через убеждение, внушение, информирование), принудительную мотивацию (основана на использовании власти и угрозе ухудшения удовлетворения потребностей) и стимулирование (косвенное воздействие через внешние обстоятельства и блага).

По *источникам возникновения* мотивов мотивация может быть классифицирована как внутренняя (возникающая внутри индивида: стремление к достижению цели, познанию, страх) и внешняя (воздействие извне: оплата труда, приказы, правила).

По *направленности на цели* организации можно выделить положительную мотивацию (способствует эффективному достижению целей: поощрения, признание) и отрицательную (препятствует достижению целей: взыскания, понижение статуса).

Эффективное управление мотивацией является сложной задачей ввиду воздействия целого ряда факторов: неочевидность мотивов поведения, изменчивость мотивационного процесса, различия мотивационных структур работников, наличие множества способов удовлетворения потребностей, а также недостаточности во многих организациях внимания к человеческому фактору со стороны руководства [2].

Из всего многообразия представленных видов мотивов наибольший интерес представляют именно нематериальные ввиду их **обращения к «человеческим» пластам психики; способности к построению не транзакционных, а эмоциональных и ценностных отношений между сотрудником и компанией; формирования уникальных конкурентных преимуществ, которые сложно скопировать; креативности и обладания потенциалом подлинной вовлеченности сотрудника в производственный процесс.**

Нематериальное стимулирование – это комплекс мер, направленных на удовлетворение социальных, психологических и духовных потребностей сотрудников, не связанных с прямым денежным вознаграждением. Основная цель нематериального стимулирования – формирование устойчивого позитивного отношения работника к организации, его лояльности и вовлеченности.

В современной практике управления наблюдается рост востребованности именно нематериальных методов стимулирования. Для многих сотрудников становятся важными такие факторы как комфортная атмосфера в коллективе, возможность карьерного роста, признание заслуг, интересное содержание труда. Если компания демонстрирует искреннюю заинтересованность в благополучии и развитии своих сотрудников, они, как правило, отвечают взаимностью: повышается производительность и качество труда, снижается текучесть кадров.

Современные условия организации труда демонстрируют утрату материальным стимулированием главенствующего фактора повышения производительности. С увеличением размера заработной платы ее мотивирующий эффект подчиняется закону убывающей предельной полезности, и на первый план выходят социальные и эмоциональные интересы работников [7]. Персонал, недовольный психологическим климатом, культурой организации или условиями труда, не будет работать эффективно даже при высоком уровне оплаты, что, в конечном итоге, негативно скажется на конкурентоспособности организации. Для успешной деятельности любой организации необходима сбалансированная система, интегрирующая как материальные, так и нематериальные методы стимулирования.

Производительность труда как ключевой экономический показатель эффективности использования трудовых ресурсов напрямую зависит от того, насколько мотивирован сотрудник прилагать усилия, проявлять старание, настойчивость и добросовестность. Нематериальное стимулирование влияет на эти характеристики, создавая среду, в которой работник стремится действовать в полную силу.

К числу факторов, влияющих на эффективность системы нематериального стимулирования, можно отнести:

- 1) индивидуальные особенности сотрудников – необходимо учитывать уникальные потребности, интересы, ценности и ожидания каждого работника;
- 2) цели и стратегию компании – система стимулирования должна быть полностью согласована с миссией, ценностями и видением стратегических задач организации;
- 3) ресурсы и возможности компании – мероприятия по стимулированию должны быть экономически оправданы и оптимизировать использование ресурсов;

4) влияние внешней среды – система должна быть гибкой и адаптивной к изменениям экономической, социальной, политико-правовой и технологической среды.

Нематериальное стимулирование возможно осуществить с помощью широкого спектра инструментов, выбор которых зависит от специфики компании и качественного состава ее сотрудников. Наиболее эффективными инструментами, на наш взгляд, являются: похвала, признание, обратная связь, карьерный рост, обучение и развитие, делегирование полномочий, участие в принятии решений, социальные льготы и корпоративная культура.

Похвала. Доступный инструмент, представляющий собой выражение одобрения и благодарности за достижения, инициативу или ответственность. Чтобы быть действенной, похвала должна быть своевременной, искренней, конкретной и адресной. Она повышает самооценку сотрудника и укрепляет его связь с руководителем.

Признание. Более формализованный инструмент, подтверждающий заслуги и статус сотрудника. Выражается в виде наград, грамот, званий, упоминаний на корпоративных ресурсах и во внешнем контуре. Удовлетворяет потребности в уважении и самореализации. Критически важно, чтобы признание было справедливым, объективным и публичным.

Обратная связь. Регулярное предоставление сотруднику информации о результатах его работы, поведении и компетенциях со стороны руководителя, коллег или клиентов. Эффективная обратная связь способствует профессиональному и личностному росту, должна быть конструктивной, конкретной и доброжелательной.

Карьерный рост. Возможность профессионального и должностного роста является одним из самых мощных мотиваторов. Включает в себя повышение в должности, расширение обязанностей, участие в значимых проектах. Удовлетворяет потребности во власти, достижениях и престиже. Должен основываться на принципах заслуг и компетенций.

Обучение и развитие. Инвестиции в развитие знаний, навыков и качеств сотрудников (семинары, тренинги, конференции, наставничество). Демонстрирует заботу компании о будущем сотрудника, удовлетворяет его потребность в саморазвитии и повышает ценность человеческого капитала.

Делегирование полномочий. Передача подчиненному дополнительных задач и ответственности, выходящих за рамки его обычных обязанностей. Повышает самостоятельность, инициативность и дает ощущение доверия со стороны руководства. Важно не допускать перегрузки сотрудника и делегировать полномочия адекватно его компетенциям.

Участие в принятии решений. Вовлечение сотрудников в процесс обсуждения и выбора решений, касающихся их работы или деятельности компании в целом. Повышает чувство ответственности, причастности и удовлетворяет потребность во влиянии и контроле.

Социальные льготы и корпоративная культура. Создание комфортной рабочей среды и предоставление дополнительных благ: гибкий график, оборудованные зоны отдыха, корпоративные мероприятия, медицинское страхование и т. д. Сплоченный коллектив и благоприятный климат являются фундаментом для применения всех остальных инструментов мотивации.

Эффективное использование этих инструментов требует от руководителя глубокого понимания потребностей подчиненных, творческого подхода и системности. Наиболее действенной является та система, которая сочетает в себе набор инструментов, из которых выбираются подходящие под конкретную ситуацию (проект), сотрудника, коллектив или организацию.

В целом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что нематериальное стимулирование является не вспомогательным, а ключевым элементом современной системы управления персоналом. В условиях, когда материальные стимулы не всегда способны удержать ценных сотрудников и обеспечить их высокую вовлеченность, именно нематериальные методы стимулирования выходят на первый план.

Нематериальное стимулирование – это сложная, многогранная система, направленная на удовлетворение высших потребностей человека в уважении, признании, принадлежности,

самореализации и развитии. Эффективность данной системы напрямую влияет на такие важнейшие показатели как производительность труда, качество продукции, уровень инновационности, лояльность персонала и, в конечном счете, на конкурентоспособность всей организации.

Построение эффективной системы нематериального стимулирования не может быть шаблонным. Она должна разрабатываться с учетом стратегических целей компании, доступных ресурсов и индивидуальных особенностей сотрудников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Генкин Б.М. Мотивация и организация эффективной работы (теория и практика) : монография. – 2-е изд., испр. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 352 с.
2. Шакирова И.В., Будаева А.П., Тарасова А.А. Нематериальное стимулирование персонала предприятия // Молодой ученый. – 2019. – № 50 (288). – С. 243–245. – URL: <https://moluch.ru/archive/288/64934> (дата обращения 02.04.2025).
3. Хохлова Е.Д. Современные подходы к мотивации персонала организации // Молодой ученый. – 2019. – № 46 (284). – С. 364–366. – URL: <https://moluch.ru/archive/284/64030/>. – (дата обращения 12.09.2025).
4. Токарева Ю.А. Мотивация трудовой деятельности персонала: комплексный подход : монография. – Урал. федер. ун-т им. Б.Н. Ельцина, Шадр. гос. пед. ун-т. – Шадринск : ШГПУ, 2021. – 216 с.
5. Тимакова К.С., Юкина Н.А. Особенности использования методов нематериальной мотивации персонала в организации // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 1–4 (69). – С. 268–270.
6. Балаев В.А., Гридчин В.С., Чаплыгин Н.А. Мотивация персонала. Современные подходы в мотивации персонала // Молодой исследователь: вызовы и перспективы : сб. ст. по материалам CLX международной научно-практической конференции, Москва 06 апр. 2020 года. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Интернаука», 2020. – С. 267–271.
7. Andreasen A. Social marketing: its definition and domain // Journal of Public Policy & Marketing. – 2020. – Vol. 13 (1). – P. 108–114.

УДК 331.5.024.5

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ НА ПРОГРАММЫ РЫНКА ТРУДА В СТРАНАХ МИРА И В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ PUBLIC EXPENDITURE ON LABOR MARKET PROGRAMS IN COUNTRIES OF THE WORLD AND IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Андилевко Татьяна Валерьевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск,
andilevkot@mail.ru

Andilevko Tatyana,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. Государственные расходы на программы рынка труда – это расходы на политику, направленную на поддержку соискателей и улучшение ситуации на рынке труда. За последние двадцать лет в развитых странах все более широко стала признаваться

необходимость активной политики на рынке труда для укрепления взаимосвязи между социальной защитой, регулированием рынка труда и занятостью. Такие программы рассматривают как важнейший инструмент в борьбе с безработицей. Активная политика на рынке труда основана на концепции социальных инвестиций, в основе которой лежит идея принятия решений, направленных на повышение благосостояния общества за счёт увеличения возможностей трудоустройства, доходов и производительности. Этот подход рассматривает государственные расходы как инвестиции, которые принесут пользу благосостоянию граждан.

Ключевые слова: государственные расходы, программы рынка труда, рабочая сила, занятость, безработица.

Abstract. Public expenditure on labor market programs is expenditure on policies aimed at supporting job seekers and improving labor market conditions. Over the past two decades, the need for active labor market policies to strengthen the link between social protection, labor market regulation, and employment has become increasingly recognized in developed countries. Such programs are viewed as crucial tools in combating unemployment. Active labor market policies are based on the concept of social investment, which is based on the idea of making decisions aimed at improving societal well-being by increasing employment opportunities, income, and productivity. This approach views public expenditure as an investment that will benefit the well-being of citizens.

Keywords: public expenditure, labor market programs, labor force, employment, unemployment.

Государственная политика на рынке труда представляет собой набор инструментов, с помощью которых Правительства оказывают помощь людям, испытывающим трудности на рынке труда, особенно, но не исключительно безработным. Поэтому объектом политики занятости являются не только безработные, но и всё трудоспособное население. Масштабы и характер государственной деятельности в этой сфере значительно различаются в разных странах и изменяются во времени. В сравнении с другими областями социальной политики, политика на рынке труда уникальна. Она составляет относительно небольшую долю от общих государственных социальных расходов, но имеет важнейшее значение для развития любого государства.

Организация экономического сотрудничества и развития и статистическая служба Европейского союза собирают и предоставляют согласованные данные о государственных расходах на политику на рынке труда в разных странах. Общие государственные расходы делят на три категории: услуги, меры и поддержка. К услугам относят все государственные услуги по трудоустройству, в том числе администрирование мер и поддержки. Меры объединяют ряд программ: обучение, стимулирование занятости, поддержка или защита при трудоустройстве и реабилитация, прямое создание рабочих мест и стимулирование предпринимательства. Поддержка предполагает сохранение дохода в случае потери работы и досрочное пенсионное обеспечение. В соответствии с принятой методологией, «меры» в рамках набора статистической информации относят к активной политике на рынке труда, а «поддержку» – к пассивной. Поддержка «компенсирует ущерб, нанесённый неблагоприятными условиями на рынке труда» [1]. Это деление отражает разницу между социальной защитой и социальными инвестициями: последнее предполагает, что социальная политика должна помогать добиваться успеха на рынке труда, а не просто компенсировать нежелательные рыночные последствия. Главным направлением активной политики на рынке труда во многих странах является профессиональная подготовка, помогающая людям получить знания и навыки, необходимые для успешного трудоустройства.

Данные о государственных расходах на программы развития рынка труда представлены в процентах от ВВП – это относительные расходы, отражающие долю национального богатства, которая приходится на них. При этом надо учитывать, что богатые страны могут мобилизовать большие ресурсы, не тратя значительную часть своего богатства.

Статистическая информация по странам мира представлена по следующим категориям и подкатегориям [2]:

- Государственные службы занятости и администрирование: размещение и сопутствующие услуги, администрирование льгот, другие административные расходы.
- Обучение: институциональное обучение, обучение на рабочем месте, интегрированное обучение, спец поддержка для ученичества.
- Стимулирование занятости: стимулирование найма, стимулы к поддержанию занятости, ротация должностей и разделение должностей.
- Трудоустройство и реабилитация для защищенных и поддерживаемых лиц: защищенная и поддерживаемая работа, реабилитация.
- Прямое создание рабочих мест.
- Стимулирование предпринимательства.
- Сохранение и поддержка доходов вне работы: полное пособие, по частичной безработице, компенсации за избыточность и за банкротство.
- Досрочный выход на пенсию.

Мониторинг и оценка реализуемых программ на рынке труда поддерживается двумя системами: системой государственных служб занятости и информационной системой рынка труда. Эффективная государственная служба занятости играет ключевую роль в реализации, мониторинге и оценке реализуемых программ на рынке труда. В свою очередь хорошо развитая информационная система рынка труда также оказывает существенную поддержку. Она помогает собирать и анализировать ряд ключевых статистических данных для мониторинга и оценки реализуемых мер. Государственные расходы на услуги служб занятости и администрирование в процентах от ВВП в 2022 г. в среднем по странам ОЭСР составляли 0,12 %, однако в отдельных странах мира, например, в Норвегии этот показатель составлял 0,97 %. При этом ряд стран существенно увеличили свои расходы в этом направлении в 2022 г. по сравнению с 2021 г. (рисунок 1).

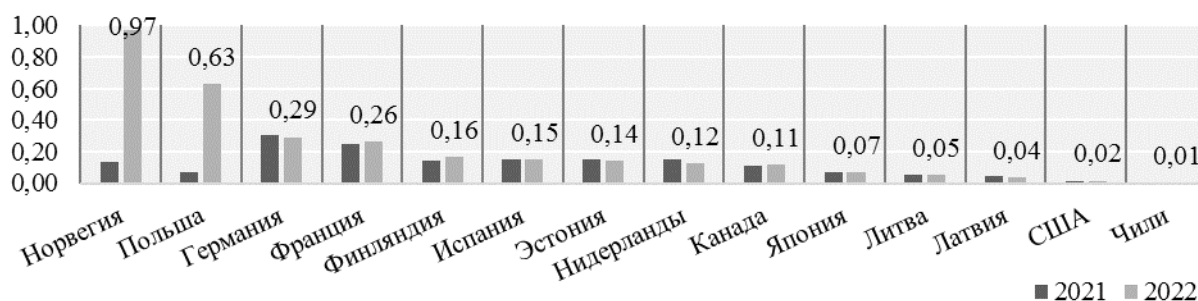

Рисунок 1 – Государственные расходы на услуги государственных служб занятости и администрирование политики на рынке труда в отдельных странах мира в 2021–2022 гг., %
Примечание – Источник: [2].

Государственные расходы на меры активной и пассивной политики на рынке труда в большинстве рассмотренных стран в 2022 г. по сравнению с 2021 г. были сокращены (рисунок 2). Это обстоятельство связано с выходом из пика кризиса пандемии Covid-19. В 2022 г. по сравнению с 2021 г. государственные расходы на меры пассивной политики сократили большинство рассмотренных государств: в среднем на 20–30 % и даже на 60–70 % (в Литве, Польше, Канаде). Однако в структуре государственных расходов на программы на рынке труда по-прежнему в большинстве стран преобладают меры пассивной политики (60–80 %).

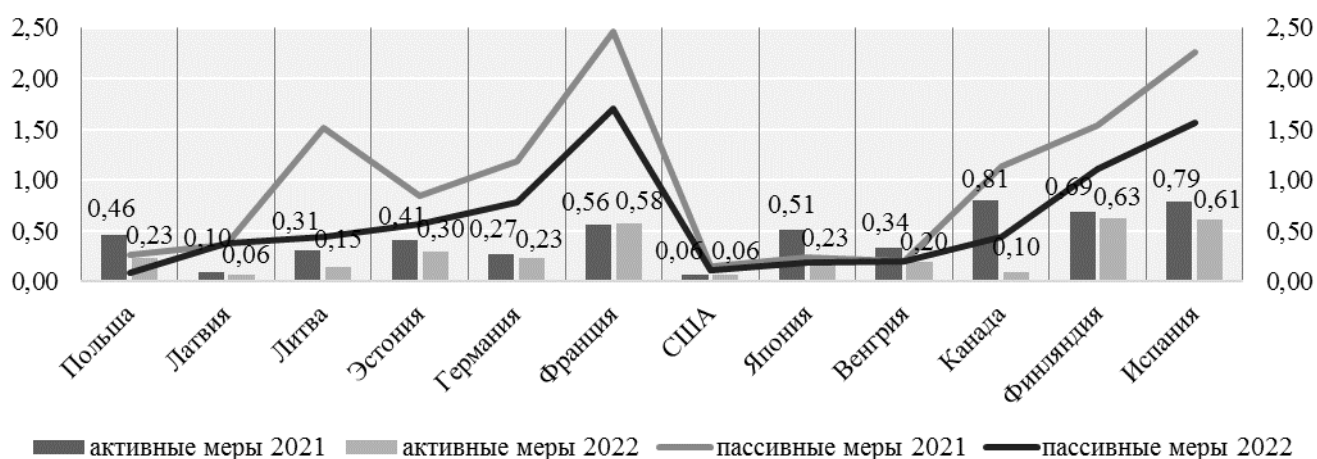

Рисунок 2 – Государственные расходы на меры активной и пассивной политик на рынке труда в отдельных странах мира в 2021–2022 гг., %

Примечание – Источник: [2].

Государственные расходы на меры активной политики в отдельных рассмотренных странах в 2022 г. по сравнению с 2021 г. сократились очень значительно: на 49 % в Польше, на 52 % в Литве, на 56 % в Японии, на 88 % в Канаде. А ведь именно активная политика на рынке труда нацелена на поглощение трудовых ресурсов рынком труда, она включает меры, корректирующие механизм рынка труда, чтобы помочь безработным в поиске работы, а также всем тем, кто нуждается в трудоустройстве. Объем государственных расходов на активную политику на рынке труда суммируется по пяти категориям мер: обучение, стимулирование занятости, поддерживаемая занятость и реабилитация, прямое создание рабочих мест, стимулирование предпринимательства. Анализ данных за 2022 г. показал, что рассмотренные страны существенно различаются по преобладанию тех или иных мер в активной политике на рынке труда. На программы обучения значительные ресурсы в общем объеме расходов выделяют следующие страны: Канада – 74 %, Германия – 68 %, Франция – 60 %, США – 46 %, Финляндия – 44 %, Эстония – 42 %, Литва – 40 %. На программы стимулирования занятости значительную долю средств выделяют: Япония – 90 %, Литва – 52 %, Латвия – 41 %. На программы поддержки занятости и реабилитации более остальных расходуют в Польше – 50 %, в Эстонии – 41 %. Программы по созданию рабочих мест значительную долю в общем объеме расходов занимают в Венгрии – 74 %. Программам по стимулированию предпринимательства отдают приоритет в Польше – 15 %.

Исходя из результатов проведенного анализа можно сделать вывод, что в рассмотренных странах в общем объеме государственных расходов на активную политику на рынке труда преобладают расходы на программы обучения и, по убыванию, программы стимулирования занятости. В целом в 2022 г. на активную политику на рынке труда страны тратили от 0,06 % до 0,9 % от ВВП. В сравнении, в Российской Федерации в 2022 г. государственные расходы на реализацию мер государственной программы «Содействие занятости населения» составили примерно 0,05 % от ВВП [3].

В Республике Беларусь в 2021–2023 гг. расходы на реализацию мер государственной программы «Рынок труда и содействие занятости» (далее – Государственная программа) составили 0,02 % от ВВП. Это значение в разы меньше государственных расходов в этой области в рассмотренных зарубежных странах. Цель Государственной программы – обеспечить реализацию государственной политики в области содействия занятости населения. Эффективность мероприятий Государственной программы запланировано оценивать следующими сводными показателями: уровень безработицы среди населения в трудоспособном возрасте и снижение численности работников, занятых на рабочих местах с вредными и (или) опасными условиями труда. Для достижения этих показателей поставлен

ряд задач: стимулирование экономической активности населения посредством реализации активных мер политики занятости и предоставления социальных гарантий (задача 1); вовлечение в трудовую деятельность экономически неактивного населения (задача 2); обеспечение сбалансированности спроса и предложения на рынке труда (задача 3); улучшение условий и охраны труда (задача 4). Наибольшая доля финансирования в общем объеме государственных расходов, выделенных на реализацию мероприятий Государственной программы на 2021–2025 гг., приходится на задачу 2 – вовлечение в трудовую деятельность экономически неактивного населения (от 54 % в 2021 г. до 48 % к 2025 г.) (рисунок 3). Таким образом, намеченные мероприятия в рамках задачи 2 являются более приоритетными и затратными. На мероприятия в рамках задачи 1 – стимулирование экономической активности населения посредством реализации активных мер политики занятости и предоставления социальных гарантий – выделено от 38 % в 2021 г. с увеличением до 42 % к 2025 г. Далее, в порядке убывания следует задача 3 – обеспечение сбалансированности спроса и предложения на рынке труда (от 5 % в 2021 г. до 9 % к 2025 г.). На задачу 4 приходится не более 2 % в общем объеме финансирования Государственной программы.

Рисунок 3 – Структура финансового обеспечения государственной программы «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 гг. по поставленным задачам, %

Примечание – Источник: [4].

Таким образом, половина и более всех расходов на реализацию Государственной программы направляются на вовлечение экономически неактивных граждан в трудовую деятельность. Еще 40 % – направлены на трудоустройство лиц, обращающихся за помощью в трудоустройстве. При этом менее 10 % в совокупности государственных расходов направлены на обеспечение сбалансированности спроса и предложения на рынке труда, одну из главных проблем, которую отмечают в целом в ряде Государственных программ за прошедшие годы.

Все задачи Государственной программы можно условно отнести к мерам активной политики на рынке труда. При этом каждая задача включает направления и мероприятия, которые должны позволить достигнуть определенного ориентира – показателя эффективности намеченных мер. Эффективность Государственной программы оценивают уровнем безработицы. В 2021–2023 гг. уровень безработицы в Республике Беларусь снижался: с 3,9 % в 2021 г. до 3,5 % в 2023 г. В то же время низкий уровень безработицы – это современный тренд на рынках труда в разных странах мира. Низкий уровень безработицы все чаще связывают с проблемами в сфере занятости, например, с дефицитом кадров. В большой степени кадровый дефицит обусловлен автоматизацией и цифровизацией производственных процессов. Причем требуются работники производственной сферы,

квалифицированные рабочие – токари, слесари, строители и прочие. Отсутствие возможностей у работающего населения своевременно обновлять профессиональные навыки и часто неудовлетворенность условиями труда оказывают влияние на высокую текучесть кадров, миграцию квалифицированных опытных специалистов за рубеж.

Государственные расходы являются ключевым инструментом для достижения целей политики на рынке труда. Однако они имеют разный объем в странах мира. Этот объем зависит в первую очередь от уровня развития страны, но в конечном счете остается эмпирическим вопросом. Активная политика на рынке труда – это финансируемые государством мероприятия, направленные на улучшение функционирования рынка труда путем стимулирования изменений в спросе и предложении рабочей силы. В частности, эта политика направлена на сохранение существующих рабочих мест и создание новых возможностей для трудоустройства, реинтеграцию длительно безработных и неактивных лиц. На практике она нацелена на аутсайдеров рынка труда – всех безработных и неактивных людей. Вместе с тем она должна охватывать все трудоспособное население. Полагая, что активная политика на рынке труда должна быть направлена на конкретные социально-демографические группы, такие как, например, низкоквалифицированные работники, работники пожилого возраста, молодежь, инвалиды или прочие, таким образом она будет способствовать росту экономической активности наиболее уязвимых групп населения и благосостоянию всего общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. René Lehweß Litzmann_Is labour market policy heading for social investment in European countries? // Gruyter Brill. – URL: <https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.1515/zsr-2018-0018/html> (дата обращения 02.06.2025).

2. OECD Employment and Labour Market Statistics // Labour market programmes: expenditure and participants. – URL: https://www.oecd-ilibrary.org/employment/data/oecd-employment-and-labour-market-statistics/labour-market-programmes-expenditure-and-participants_data-00312-en (дата обращения 15.06.2025).

3. Государственная программа Российской Федерации «Содействие занятости населения». – URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/budget/gp-2022/%D0%93%D0%9F-7%D1%81%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B8%CC%86%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B5%20%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%8F%D1%82%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8.pdf> (дата обращения 10.06.2025).

4. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2020 г. № 777 «О Государственной программе «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 годы». – URL: https://mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/flash_files/GP-employment-2021-2025-2.pdf (дата обращения 15.06.2025).

УДК 330.15.504.06

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА ECOLOGICAL MODERNIZATION OF THE ECONOMY AS A FACTOR IN REDUCING SOCIAL RISKS UNDER CLIMATE CHANGE

Аныев Довлетмырат Байгельдыевич,
Туркменский сельскохозяйственный институт,
Туркменистан, г. Дашогуз
dbaygeldi7@gmail.com

Аннотация. Современные климатические изменения ставят перед экономическим развитием задачу поиска устойчивых моделей роста. Одним из ключевых инструментов является экологическая модернизация экономики, которая предполагает внедрение энергоэффективных и ресурсосберегающих технологий, развитие возобновляемых источников энергии и формирование устойчивых моделей производства и потребления. В статье рассматривается роль экологической модернизации как фактора снижения социальных рисков, включая рост безработицы, ухудшение здоровья населения и экологическую миграцию. Показано, что экологическая трансформация экономики способствует социальной стабильности и долгосрочному устойчивому развитию.

Ключевые слова: экологическая модернизация, социальные риски, климатические изменения, устойчивое развитие, «зелёная» экономика.

Abstract. Modern climate change poses the challenge of finding sustainable growth models for economic development. One of the key tools is ecological modernization of the economy, which involves the introduction of energy-efficient and resource-saving technologies, the development of renewable energy sources, and the formation of sustainable models of production and consumption. The article examines the role of ecological modernization as a factor in reducing social risks, including rising unemployment, deteriorating public health, and ecological migration. It is shown that ecological transformation of the economy contributes to social stability and long-term sustainable development.

Keywords: ecological modernization, social risks, climate change, sustainable development, green economy.

Изменение климата является одной из наиболее острых глобальных проблем современности. Рост средней температуры на планете, учащение экстремальных погодных явлений, деградация экосистем и снижение доступности водных ресурсов оказывают прямое влияние не только на природные системы, но и на социально-экономическое развитие государств. В этих условиях встаёт вопрос о поиске новых подходов к организации хозяйственной деятельности, способных минимизировать риски и обеспечить устойчивость общества [1].

Одним из таких подходов выступает концепция экологической модернизации экономики, предполагающая интеграцию экологических факторов в экономическое развитие, а также переход к инновационным технологиям и «зелёным» производственным практикам.

Природные ресурсы благодаря техническому прогрессу и постоянно появляющейся альтернативе в виде дешевого замещающего сырья кажутся безграничными. Однако, это ошибочное суждение, поскольку ни один синтетически разработанный материал не сможет заменить почву, полезные ископаемые, растительность, животный мир, атмосферный воздух, воду и климат [2].

Степень влияния различных технологий на окружающую среду может только человек, его сознательно отношения к этим процессам и, при осознании своей роли в глобальной системе эко сферы. Например, трансформация сознания в таких сферах как цифровизация и формирования стандартов «зеленой» экономики, а именно «рост цифрового взаимодействия и использования данных означает все более высокие выбросы, связанные с ИКТ (информационно-коммуникационные технологии). Только если отрасль справится со своим собственным углеродным следом, цифровые технологии смогут занять свое место – наряду с возобновляемыми источниками энергии, социально-экономической интеграцией, гендерным равенством и уважением к природе – как часть любого жизнеспособного климатического решения [3–11].

Состоянии экологии является животрепещущей темой последних десятилетий, поскольку антропогенное воздействие на атмосферу, совместно с научно-техническим прогрессом достигло предельно допустимого уровня. Преимущественно на экологию мира влияет экономика. Она как бы «невидимой» рукой с каждым днем ухудшает состояние экологической обстановки в мире. Если раньше остро стоял вопрос загрязнения биосферы от естественных источников, а именно: пыльных бурь, лесных пожаров, разложений организмов, извержение вулканов, схождение оползней. Чаще всего они несут катастрофический характер для человечества.

Сейчас – это технические (антропогенные) источники, такие как загрязнение атмосферы от промышленности, теплоэнергетических предприятий выхлопы транспорта сельского хозяйства и бытовых отходов служат результатом негативного влияния рук человека.

Дорожно-транспортный комплекс содержит все виды автотранспорта, компании и организации транспортного комплекса. Выбросы автомобилей опасны не только потому, что содержат большое количество ядовитых элементов, но и потому, что мгновенно поступают в активную зону биосферы: они пребывают на уровне дыхания человека. Антропогенные источники, по своей сути, являются побочным продуктом человеческой деятельности для улучшения своей жизни и прогресса на планете.

В этой связи следует выделить проблемы влияния экономики на экологию, а именно: негативное влияние загрязнения среды на общественное производство и его конечные результаты; нарушение процессов протекания естественных природных процессов; сокращение энергетических ресурсов; кризис земельных ресурсов; вырубка лесов; демографическая ситуация в стране; снижение продолжительности жизни наращивание темпов производства химической продукции отсутствие очистительных сооружений на предприятиях; преднамеренное скрывание реальных показателей загрязнения среды.

К профилактическим мерам по решению экологических проблем можно отнести такие как: введение законодательных мер по охране окружающей среды; ввод запрета на вырубку лесов или введение пороговых значений; сокращение вредных выбросов; установление современных систем фильтрации на промышленных предприятиях; изменения подхода к характеру земледелия, для сохранения плодородности земель; контроль за сдачей отчетов о вредных выбросах и их проверка на действительность; введение экологического воспитания для всех возрастов; сокращение или оптимизация полетов; сдерживание темпов производства химической продукции; снижение экспорта химической продукции и сырья в допустимых пределах; своевременный контроль за здоровьем.

Говоря о влиянии экономических процессов на состояние экологии следует детально проанализировать данные Росстата, которые содержат всю необходимую информацию по ключевым категориям. В разделе «окружающая среда» содержится 10 разделов, а именно: Изменение климата, расходы на охрану окружающей среды, лесоводство, особо охраняемые природные территории, биоразнообразие, водные ресурсы, охрана атмосферного воздуха, отходы производства и потребления, счета системы природно-экономического ресурса.

К этому моменту встанет вопрос о финансировании адаптационных мероприятий. При этом очевидно, что имеющиеся финансовые и кадровые ограничения в реализации действенных программ адаптации к последствиям изменения климата требуют расстановки приоритетов. Мы исходим из того, что приоритет в реализации адаптационных мероприятий должен принадлежать регионам, которые сталкиваются с наибольшим уровнем климатических рисков и, как следствие, – в наибольшей степени нуждаются в адаптации к ним. Необходимость в проведении плановых мероприятий по адаптации в том или ином регионе оценивалась в литературе на основе данных о климатическом воздействии (Гинзбург, Александров, Чернокульский, 2022; Романовская, 2022).

Однако добавление в этот анализ экономических показателей, характеризующих подверженность воздействию и уязвимость к нему, позволит получить более комплексную картину необходимости адаптации. В данном исследовании составлен рейтинг регионов

по уровню физических рисков изменения климата и необходимости адаптации к ним на основе аналитической схемы «воздействие – подверженность – уязвимость» для четырех ключевых типов воздействия изменения климата: влияния аномально высокой температуры воздуха на здоровье городского населения, влияния засух на сельское хозяйство, учащения лесных пожаров, таяния вечной мерзлоты.

Цель исследования – определить роль экологической модернизации в снижении социальных рисков, связанных с изменением климата, и выявить направления её практической реализации.

Теоретические основы экологической модернизации. Концепция экологической модернизации возникла в 1980-е гг. в Европе и с тех пор получила широкое распространение. Её центральная идея заключается в том, что экономический рост и охрана окружающей среды не являются взаимоисключающими явлениями, а могут быть согласованы при условии внедрения инноваций и изменения институциональной среды. Экологическая модернизация предполагает:

- переход к возобновляемым источникам энергии;
- использование энергоэффективных технологий;
- формирование системы экологического менеджмента;
- создание «зелёных» рабочих мест;
- изменение моделей потребления в сторону устойчивости.

Таким образом, экологическая модернизация рассматривается как процесс, обеспечивающий одновременное достижение экологических и социальных целей.

Методологической основой исследования выступили:

- анализ теоретических концепций устойчивого развития и экологической модернизации;
- сравнительный анализ международных практик «зелёной» экономики;
- системный подход, позволяющий рассмотреть взаимосвязь экологических и социальных факторов в условиях климатических изменений.

В качестве эмпирической базы использованы доклады Межправительственной группы экспертов по изменению климата (IPCC), данные Программы ООН по окружающей среде (UNEP), а также результаты научных публикаций по вопросам устойчивого развития.

Социальные риски в условиях изменения климата. Климатические изменения создают целый спектр социальных угроз, среди которых можно выделить:

1. Рост безработицы. Изменение структуры экономики, снижение производительности в сельском хозяйстве и необходимость закрытия неэкологичных производств приводят к потере рабочих мест.

2. Ухудшение здоровья населения. Рост температур, загрязнение воздуха и дефицит качественной воды ведут к увеличению числа заболеваний и росту нагрузки на систему здравоохранения.

3. Экологическая миграция. Население регионов, подверженных засухам, наводнениям и деградации земель, вынуждено перемещаться, что порождает социальное напряжение и усиливает неравенство.

4. Социальное неравенство. Уязвимые группы населения в наибольшей степени страдают от климатических изменений, что углубляет существующие диспропорции в доходах и доступе к ресурсам.

Экологическая модернизация как инструмент снижения рисков. Экологическая модернизация экономики позволяет смягчить указанные социальные риски благодаря следующим механизмам:

– Создание «зелёных» рабочих мест. Развитие возобновляемой энергетики, экологического строительства и переработки отходов способствует трудоустройству населения.

– Повышение качества жизни. Снижение загрязнения воздуха и воды улучшает здоровье населения и снижает нагрузку на систему здравоохранения.

– Сокращение миграционных потоков. Использование устойчивых сельскохозяйственных технологий и управление водными ресурсами позволяют сохранить условия для проживания в уязвимых регионах.

– Социальная стабильность. Экологическая модернизация формирует долгосрочные предпосылки для справедливого распределения ресурсов и снижения социального неравенства.

Таким образом, экологическая модернизация выступает важным направлением адаптации общества к климатическим вызовам.

Экономическое развитие в условиях изменения климата требует поиска новых моделей, способных учитывать как экологические, так и социальные аспекты. Экологическая модернизация экономики является эффективным инструментом снижения социальных рисков, связанных с ухудшением здоровья населения, ростом безработицы, миграцией и социальным неравенством.

Реализация стратегий экологической модернизации должна включать переход к возобновляемым источникам энергии, внедрение ресурсосберегающих технологий, развитие инноваций и формирование «зелёных» рабочих мест. Это позволит обеспечить социальную стабильность и устойчивое развитие общества в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Куликова Е.С. Социальные риски климатических изменений. – М.: Экономика, 2021.
2. Киселева Т. В., Михайлов В.Г. Система экономических санкций за недостоверную информацию о загрязнении водных ресурсов. // Экономика и управление инновациями. – 2018. – № 4. – С. 70–79.
3. Бельков А.В., Козырева М.В., Тарасенко А.А. Влияние аксиосферы культуры и правоприменения на формирование эколого-экономического мышления в промышленно развитых регионах. // Сборник «Экологические проблемы промышленно развитых и ресурсодобывающих регионов: пути решения» : сборник трудов II Всероссийской молодежной научно-практической конференции. 2017. – С. 202.
4. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. – London: SAGE, 1992.
5. WCED. Our Common Future. – Oxford: Oxford University Press, 1987.
6. Daly H. Steady-State Economics. – Washington: Island Press, 1991.
7. Meadows D. The Limits to Growth. – New York: Universe Books, 1972.
8. Stern N. The Economics of Climate Change: The Stern Review. – Cambridge: CUP, 2007.
9. Sachs J. The Age of Sustainable Development. – New York: Columbia University Press, 2015.
10. UNEP. Global Environment Outlook 6. – Cambridge: CUP, 2019.
11. IPCC. Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability. – Geneva: IPCC, 2022.

УДК 331.5

РАЗВИТИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ DEVELOPMENT OF LABOR RESOURCES FOR THE CONSTRUCTION INDUSTRY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Баканова Юлия Александровна,
Белорусский национальный технический университет,
Республика Беларусь, г. Минск
jyl1977@tut.by

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития трудовых ресурсов строительного комплекса в условиях быстроменяющихся технологий и потребительских предпочтений. Современные здания должны отвечать высоким стандартам комфорта, энергоэффективности и экологичности, что предъявляет новые требования к специалистам строительного комплекса. Акцент делается на необходимости постоянного совершенствования профессиональных навыков, включая цифровые компетенции, управленческие навыки и личностные качества специалистов. Важность современных методик управления кадрами, нацеленных на развитие и раскрытие потенциала сотрудников, является ключевой темой. Представлены принципы развития трудовых ресурсов, этапы профессионального развития персонала, включающие диагностику, целеполагание, планирование и оценку результатов. Особое внимание уделяется формированию эффективной системы мотивации, стимулирующей профессиональный рост и повышение производительности. Подчеркивается необходимость тесного сотрудничества с образовательными учреждениями для подготовки квалифицированных кадров, отвечающим актуальным запросам современного рынка труда.

Ключевые слова: развитие персонала, мотивация, профессиональный рост, подготовка специалистов, кадровый резерв.

Abstract. The article discusses the development of labor resources in the construction industry in the context of rapidly changing technologies and consumer preferences. Modern buildings must meet high standards of comfort, energy efficiency, and environmental friendliness, which places new requirements on the specialists in the construction industry. The article emphasizes the need for continuous improvement of professional skills, including digital competencies, management skills, and personal qualities of specialists. The importance of modern personnel management techniques aimed at developing and unlocking the potential of employees is a key topic. The article presents the principles of human resources development, the stages of professional development of personnel, including diagnostics, goal setting, planning, and evaluation of results. Special attention is paid to the formation of an effective system of motivation that stimulates professional growth and increases productivity. The need for close cooperation with educational institutions to train qualified personnel that meet the current demands of the modern labor market is emphasized.

Keywords: personnel development, motivation, professional growth, training of specialists, personnel reserve.

В современном строительстве наблюдается тенденция к возведению объектов с учетом новых требований к комфортности, энергоэффективности и экологичности зданий (сооружений). Достижение поставленных целей обеспечивается за счет применения новых материалов, передовых технологий и усовершенствованных конструкторских решений. Все это требует от специалистов строительного комплекса наличия разносторонних компетенций: профессиональных, цифровых, управленческих, личностных. Кроме того, эти компетенции должны постоянно наращиваться, так как активное развитие технологий, стимулируемое цифровой трансформацией производства, требует постоянного профессионального роста и адаптации к новым условиям. Как утверждают Н.С. Жминько, В.П. Васильев и Т.Р. Коробкина «Инвестиции и инновационные тенденции, взаимосвязанные с актуализацией рынка труда, стимулируют экономический прогресс. Приоритет в этом контексте отдается синергии между ростом экономики и оптимизацией использования человеческих ресурсов... В современной динамике профессиональных требований под влиянием технологических и экономических тенденций отчетливо проявляются

трансформации в структуре спроса на умственную работу и практические навыки» [1, с.203]. А.И. Аджиева и Р.Х. Байрамкулов утверждают, что «в современной ситуации во многих сферах экономической деятельности организация труда расширяет функции работников, что приводит к разделению труда и переходу от узкой специализации к так называемой универсализации. Такая ситуация определяет основную задачу кадровой политики – использование человеческого потенциала. В связи с этим повышаются требования к системе образования в целом и к системе профессионального образования в частности» [2, с.18].

На данном этапе ключевым аспектом успеха становится эффективное использование трудовых ресурсов. Для достижения целевых показателей эффективности необходимо внедрение современных методик управления кадровыми потоками, ориентированных на развитие и максимальную реализацию кадрового потенциала, что включает в себя обучение, переквалификацию и создание благоприятных условий для профессионального роста сотрудников. Профессиональное развитие строится на определенных принципах, которые «позволяют построить систему профессионального развития трудовых ресурсов, которая будет успешно функционировать благодаря адаптации под внешние и внутренние условия организации» [3, с.79].

В то время как «управление трудовыми ресурсами представляет собой стратегический процесс планирования, организации, распределения и использования рабочей силы для достижения социально-экономических целей и решения основных проблем управления трудовыми ресурсами» [4, с. 23].

Деятельность по укреплению и развитию трудовых ресурсов в строительном комплексе в Республике Беларусь регулируется Концепцией государственной кадровой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 3 января 2024 г. № 1; Директивой Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. № 8 «О приоритетных направлениях развития строительной отрасли»; Протоколом заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 04.02.2020 № 3 «Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года»; Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 августа 2022 г. № 572 «О вопросах реализации образовательных программ»; Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2020 г. № 777 «О государственной программе «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 годы».

Структура трудовых ресурсов для строительной организации классифицируется по нескольким признакам (таблица 1).

Таблица 1 – Структура трудовых ресурсов строительной организации

Классификация структуры	Элементы структуры
По функциональному признаку	– производственный персонал – вспомогательный персонал – управленческий персонал
По квалификационному признаку	– рабочие – служащие – специалисты – руководители
По профессионально-квалификационному признаку	– профессия – специализация – квалификация
По социально-демографическому признаку	– пол – возраст – уровень образования – стаж работы – семейное положение
По признаку мобильности	– постоянные – временные (сезонные)

Примечание – Источник: авторская разработка.

Основные принципы развития трудовых ресурсов можно сформулировать следующим образом:

- постоянное совершенствование квалификации имеющихся кадров (переподготовка, повышение квалификации, постоянное обучение и т. п.);
- стратегия развития кадров должна соответствовать основным целям организации (т. е. подготовка кадров должна быть в соответствии с профилем деятельности организации, с ее планами развития, направлена на увеличение производительности как каждого работника в отдельности, так и всего предприятия в целом);
- план развития кадров должен быть рациональным (т. е. расходы предприятия на развитие кадров не должны превышать запланированные);
- стратегия развития трудовых ресурсов должна затрагивать всех сотрудников предприятия (повышать квалификацию должны все от рядового сотрудника до руководства).

В последнее время проводится ряд мероприятий по развитию трудовых ресурсов в строительстве.

Министерство архитектуры и строительства Республики Беларусь совместно с Министерством труда Республики Беларусь разрабатывают профессиональные стандарты.

В организациях существуют программы дополнительного образования сотрудников, система обучения в условиях производства.

Активно развиваются ресурсные центры (с 01.09.2022 переименованы в центры компетенций). В Беларуси сегодня функционирует 38 центров компетенций, осуществляющих повышение квалификации и переподготовку руководителей и специалистов строительного профиля.

Факторы, определяющие направления развития трудовых ресурсов – уровень образования, опыт работы, возраст, стаж работы в организации (таблица 2).

Таблица 2 – Развитие трудовых ресурсов строительной организации

Факторы		Направления развития
Уровень образования	Среднее	Профессиональное обучение, наставничество, адаптация к конкретным задачам на объекте
	Высшее	Углубленная профессиональная специализация, управленческие навыки, лидерство, инновации, стратегическое мышление, повышение квалификации в области BIM-технологий, управления проектами
Опыт работы	0–3 года	Базовые профессиональные навыки, адаптация к корпоративной культуре, освоение стандартов организации, развитие коммуникативных навыков, командная работа
	3–10 лет (специалист)	Повышение уровня профессионализма, развитие управленческих навыков, повышение эффективности работы, освоение новых технологий и методов
	Более 10 лет (руководитель)	Стратегическое лидерство, управление изменениями, развитие персонала, управление рисками, инновации, развитие бизнеса
Возраст	До 30 лет	Быстрое освоение новых технологий, развитие адаптивности, построение карьеры, вовлечение в инновационные проекты
	30–50 лет	Повышение профессионализма, развитие управленческих навыков, передача опыта, поддержание высокой производительности
	Более 50 лет	Наставничество, передача знаний и опыта, поддержание профессиональной активности, адаптация к новым технологиям, консультирование
Стаж работы в организации	До 1 года	Адаптация к корпоративной культуре, освоение бизнес-процессов, формирование лояльности
	1–5 лет	Развитие профессиональных навыков, повышение производительности, подготовка к повышению квалификации
	Более 5 лет	Поддержание мотивации, развитие лидерских качеств, вовлечение в стратегическое планирование, наставничество

Примечание – Источник: авторская разработка.

Профессиональное развитие персонала организации состоит из нескольких этапов.

1. Диагностика существующего уровня развития персонала организации.

Необходимо провести опрос работников организации посредством анкетирования, опроса или тестирования для выявления соответствия текущих навыков и компетенций профилю занимаемой должности. Одновременно необходимо сформулировать перечень знаний, навыков и компетенций востребованных в будущем в связи с планируемыми объемами работ.

2. Формулирование целей и принципов политики организации в области развития персонала, определение содержания и структуры системы развития персонала.

Для данного этапа можно использовать ряд методов целеполагания, таких как SMART, OKR, KPI, BSC и другие. При корректном выборе метода и правильной постановке цели развития персонала будет намного эффективнее.

3. Составление плана развития для каждого работника организации.

Учитывая уровень образования, опыт работы, возраст, стаж работы в организации составляется план развития. Определяются ключевые этапы, на которых целесообразно осуществлять оценку эффективности реализации плана развития персонала; устанавливаются критерии, по которым проводится данная оценка; определяются методы, применяемые для проведения оценки.

4. Оценка результатов.

На данном этапе проводится оценка работника, его профессиональный рост за определенный промежуток времени, разрабатываются рекомендации, направленные на оптимизацию дальнейшего выполнения плана развития работника.

Для успешного развития трудовых ресурсов, повышения их заинтересованности в профессиональном росте и активного вовлечения в производственный процесс необходимо сформировать, поддерживать и адаптировать к изменяющимся условиям систему мотивации, способствующую стимулированию инициативы, ответственности и продуктивности работников. Процесс создания системы мотивации включает следующие этапы:

1. Анализ текущей системы мотивации и стимулов для сотрудников.

2. Определение целей и основных принципов мотивационной политики организации, а также формирование структуры и содержания системы стимулирования персонала.

3. Проектирование механизма материального денежного стимулирования.

4. Разработка системы материального стимулирования в виде социальных льгот и пакетов.

5. Создание системы нематериальных стимулов.

6. Подготовка внутренних нормативных актов, регламентирующих мотивацию и стимулирование.

7. Проведение аудита и оценки эффективности усовершенствованной системы мотивации.

Для эффективного построения системы мотивации труда необходимо предварительно оценить удовлетворенность работников существующими материальными стимулами, льготами, компенсациями, информационными потоками, корпоративной культурой и психологическим климатом. Расчет индекса удовлетворенности позволит выявить проблемные области, требующие дальнейшей проработки и устранения, что станет основой для оптимизации мотивационной системы.

Деятельность по укреплению и развитию трудовых ресурсов в строительном комплексе невозможна без сотрудничества строительного комплекса с образовательными учреждениями, с целью формирования кадрового резерва. Взаимодействие с учреждениями высшего образования (далее – УВО) и колледжами позволяет развивать и внедрять современные образовательные программы, отвечающие потребностям рынка труда. В Беларуси работает более 150 учреждений, которые реализуют подготовку кадров строительной отрасли на уровне среднего специального образования и на уровне профессионально-технического образования, где можно освоить строительные

специальности, поступая после 9 и 11 классов. Наиболее известные профильные строительные колледжи:

- Филиал УО БНТУ «Минский государственный архитектурно-строительный колледж»;
- Архитектурно-строительный колледж в составе Белорусско-Российского университета;
- Бобруйский государственный индустриально-строительный колледж;
- Гомельский дорожно-строительный колледж филиал Республиканского института профессионального образования;
- Минский государственный колледж строительства имени В.Г. Каменского;
- Минский государственный колледж технологий коммунального хозяйства и транспортного обслуживания;
- Мстиславский государственный строительный колледж;
- Рогачёвский государственный индустриально-педагогический колледж.

Высшее образование по строительным специальностям можно получить в следующих УВО страны:

- Белорусский национальный технический университет;
- УО «Белорусский государственный технологический университет»;
- УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»;
- УО «Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия»;
- Белорусский государственный университет транспорта;
- УО «Брестский государственный технический университет»;
- Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой;
- МОУВО «Белорусско-Российский университет».

Как видим, учебные заведения равномерно распределены по территории нашей страны, однако город Минск является явным лидером в этом плане. Это объясняется историческими факторами, которые сформировали уникальное образовательное пространство в столице. Географическое положение, торговые и культурные связи, а также активная государственная политика по развитию образования объясняют преобладание учебных заведений в городе Минске.

Интеграция УВО и реального сектора экономики позволяет представителям организаций участвовать в разработке стандартов образования, учебных программ и учебных планов, внося свои предложения и коррективы. Преподавательский состав может ознакомиться с новыми технологиями, применяемыми в строительстве, с новейшим оборудованием и изменениями в организации процесса строительства. Целевая подготовка становится более популярной, гарантируя приток именно тех специалистов, которые необходимы конкретной строительной организации.

За последние десять лет выпуск специалистов из учебных заведений по профилю образования «Архитектура и строительство» выглядит следующим образом (рисунок 1).

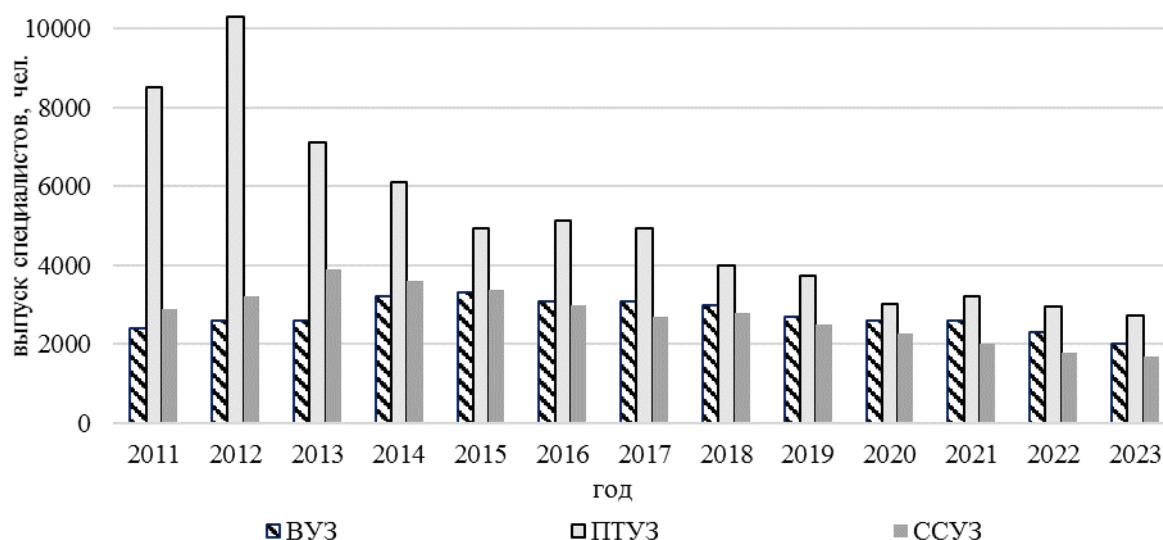

Рисунок 1 – Выпуск специалистов из учебных заведений по профилю образования «Архитектура и строительство» за 2011–2023 годы в Республике Беларусь
Примечание – Источник: [5].

Таким образом, в условиях современных тенденций в строительстве, характеризующихся повышенными требованиями к комфорту, энергоэффективности и экологичности, развитие трудовых ресурсов строительного комплекса Республики Беларусь является критически важным, необходимо постоянное совершенствование компетенций специалистов, включая профессиональные, цифровые, управленческие и личностные навыки. Ключевыми направлениями развития являются непрерывное обучение и переквалификация кадров, разработка стратегий, соответствующих целям организации, рациональное планирование затрат на развитие персонала и вовлечение всех сотрудников в процесс повышения квалификации. Для успешного развития трудовых ресурсов необходимо формирование эффективной системы мотивации, основанной на оценке удовлетворенности сотрудников различными аспектами трудовой деятельности. Существенным фактором является сотрудничество строительных организаций с образовательными учреждениями для формирования кадрового резерва и адаптации образовательных программ к потребностям рынка труда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Жминько Н.С., Васильев В.П., Коробкина Т.Р. Анализ трудовых ресурсов и приоритетные направления их развития // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 3 (62). – С. 202–205.
2. Аджиева А.И., Байрамкулов Р.Х. Интеллектуальное развитие трудовых ресурсов как основа развития экономики предприятия // ЕГИ. – 2023. – № 5 (49). – С. 18–20.
3. Богатырёва М.Р., Марченко Е.Е. Человеческий капитал сквозь призму мотивации и развития трудовых ресурсов // Телескоп. – 2024. – № 3. – С. 78–83.
4. Арыкбаев Д.М. Проблемы и перспективы развития управления трудовыми ресурсами в Республике Казахстан // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 12-1 (118). – С. 21–26.
5. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2024. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_135040 (дата обращения 10.04.2025).

**ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ЕЕ
КОМПОНЕНТОВ В НАЦИОНАЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
COVERAGE OF DEMOGRAPHIC POLICY ISSUES AND ITS COMPONENTS
IN NATIONAL MASS MEDIA**

Богданович Елена Анатольевна,
Научно-исследовательский институт труда Министерства труда
и социальной защиты Республики Беларусь,
Республика Беларусь, г. Минск
bogdanovich1016@gmail.com

Bogdanovich Elena,
Research Institute of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection
of the Republic of Belarus,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье представлены результаты контент-анализа освещения вопросов демографической политики Беларуси в национальных средствах массовой информации за период январь–ноябрь 2024 года. Определен приоритет в освещении основных компонентов демографической политики: вопросы семейной политики и здоровья населения занимают доминирующее положение, миграционной проблематике уделено существенно меньше внимания. Интерес представляют выявленные гендерные асимметрии – женщины значительно чаще ассоциируются с семейными ролями, чем мужчины. Установлена недостаточная представленность в СМИ проблем пожилого населения. Методологической основой исследования послужил автоматизированный контент-анализ с использованием программы MAXQDA, включавший семантическое кодирование по тематическим группам для максимально полного охвата релевантных упоминаний. Полученные результаты имеют практическую значимость для корректировки информационной стратегии при освещении вопросов демографической тематики.

Ключевые слова: демографическая политика, контент-анализ, семья, здоровье, миграция.

Abstract. The article presents the results of a content analysis of the coverage of demographic policy issues in Belarus in the national media for the period January–November 2024. Priority in covering the main components of demographic policy is established: issues of family policy and population health occupy a dominant position; migration issues are given significantly less attention. Of interest are the identified gender asymmetries – women are significantly more often associated with family roles than men. Insufficient representation of the problems of the elderly population in the media is revealed. The methodological framework employed automated content analysis using MAXQDA software, which included semantic coding by thematic groups for the most complete coverage of relevant mentions. The obtained results have practical significance for adjusting information strategies when covering demographic issues.

Keywords: demographic policy, content analysis, family, health, migration.

Демографическая политика является ключевым элементом стратегии национальной безопасности любого государства, определяя его социально-экономическую стабильность и будущее развитие. В Республике Беларусь демографическая политика направлена на регулирование воспроизводства населения, укрепление института семьи, сохранение здоровья граждан и управление миграционными процессами. Эффективность принимаемых мер во многом зависит от того, как они транслируются в общественном дискурсе.

Средства массовой информации играют важнейшую роль в формировании общественного мнения, информировании граждан о государственных инициативах и популяризации ценностей, связанных с демографическим развитием. В связи с этим актуальным представляется анализ того, какие аспекты демографической политики Беларуси получают наибольшее внимание в национальных СМИ, как освещаются вопросы рождаемости, здоровья, миграции и поддержки семьи, а также какие группы населения оказываются в фокусе медиаповестки.

В данной статье представлены результаты контент-анализа публикаций ведущих белорусских СМИ за январь–ноябрь 2024 года, позволившего выявить приоритеты в освещении демографической тематики, определить наиболее обсуждаемые меры государственной поддержки и оценить представленность различных социальных групп в национальном медиапространстве. Исследование не только отражает текущие тенденции в информационном поле, но и позволяет наметить направления для более сбалансированного и адресного освещения демографической политики в перспективе.

Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 утверждена Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. В Концепции обозначены три основных направления нейтрализации источников угроз национальной безопасности в демографической сфере:

- всестороннее стимулирование рождаемости, обеспечивающее простое воспроизводство населения, укрепление института семьи, недопущение ее деградации, сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей;
- снижение смертности, увеличение продолжительности жизни, охрана здоровья матери и ребенка, сохранение репродуктивного и общего здоровья населения;
- оптимизация миграционных процессов, создание условий для уменьшения эмиграции, сохранение интеллектуального и трудового потенциала республики, привлечение высококвалифицированных кадров из-за рубежа, а также активное противодействие незаконной миграции [1].

В целях проведения контент-анализа публикаций белорусских СМИ, освещающих демографические вопросы, с учетом обозначенных выше направлений были выделены три основных компонента демографической политики: 1) семья, как важнейший источник воспроизводства человеческого капитала, 2) здоровье населения, 3) миграция. Предметом анализа также являлась направленность публикаций на отдельные возрастные группы населения: детей, молодежь, взрослых и пожилых. Под взрослым населением в контексте здоровья и миграции подразумевались лица трудоспособного возраста, в контексте семьи – лица с родительскими обязанностями.

Эмпирическую основу исследования составили источники, публикации которых доступны онлайн: интернет-версии наиболее популярных периодических изданий в Беларуси – «СБ. Беларусь сегодня» (<https://www.sb.by/>), «Аргументы и Факты в Беларуси» (<https://aif.by/>), «Комсомольская в Беларуси» (<https://www.belarus.kp.ru/>), региональной газеты «Гродненская правда» (<https://grodnonews.by/>) и крупнейшее государственное информационное агентство – «Белорусское телеграфное агентство» (<https://belta.by/>).

В качестве единицы анализа рассматривались законченные сообщения (статьи, заметки, интервью, репортажи и др.), опубликованные в период с января по ноябрь 2024 года. В ходе анализа отобрано и исследовано 162 текстовых сообщения.

Контент-анализ осуществлялся при помощи программы MAXQDA, предназначенной для автоматизированного анализа разнообразных наборов данных, в том числе текстовых. Кодирование текстов выполнено посредством инструмента «Лексический поиск». Поиск слов для кодирования частично реализован с использованием инструмента «Семантический анализ текста» сервиса «ADVEGO».

Для максимально полного выявления всех случаев упоминания ключевых тем в текстах применялось автоматическое кодирование по семантическим группам. Большинство автокодов объединяло набор связанных по смыслу терминов. Например, для выявления

публикаций молодежной направленности автокод включал не только базовое слово «молодежь», но и его смысловые аналоги («студенты», «старшеклассники»), а также однокоренные производные. Автокод «здоровый образ жизни» включал слова: «спорт», «физкультура», «профилактика», «прививка», «здоровье», «медосмотр» и другие тематически близкие понятия.

Анализ частоты упоминания в сообщениях закодированных слов показал, что наиболее часто в СМИ в течение исследуемого периода освещались вопросы семейной политики (962 упоминания в 93 сообщениях), в центре внимания находились дети (871 упоминание в 108 сообщениях). Несколько меньшее внимания уделялось различным аспектам здорового образа жизни (419 упоминаний в 99 сообщениях). Значительно реже встречались публикации по миграционной тематике (153 упоминания в 35 сообщениях) (рисунок 1).

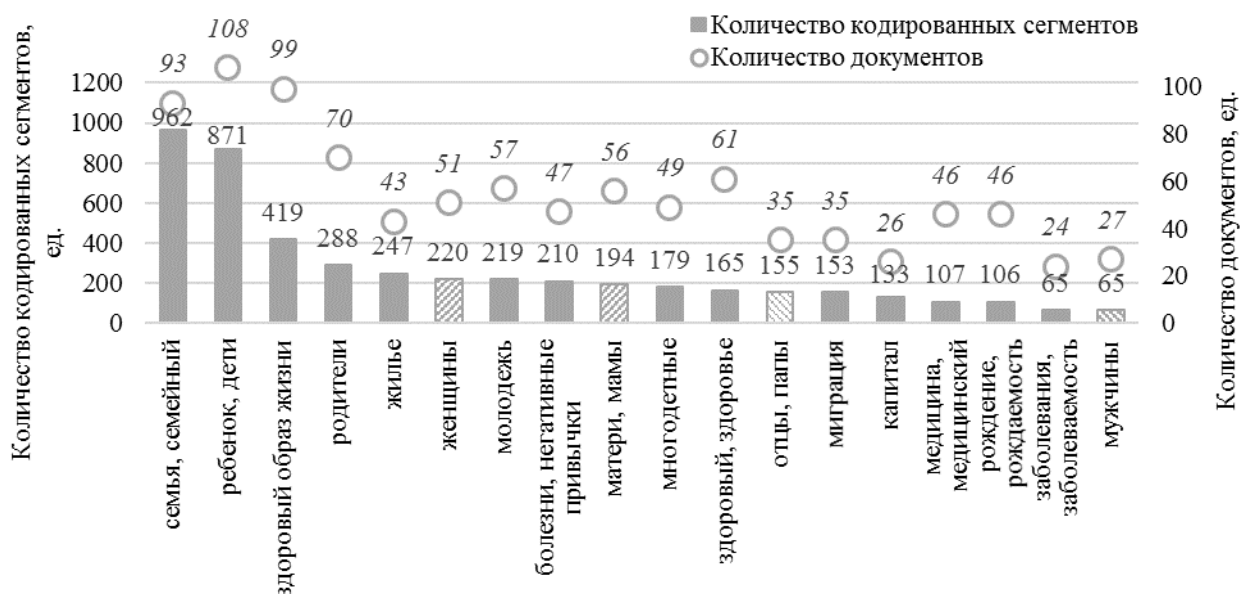

Рисунок 1 – Коды по частоте упоминания, ед.

Примечание – Источник: авторская разработка.

Обращает на себя внимание заметный гендерный дисбаланс в публикациях демографической тематики: женщины в них упоминаются существенно чаще, чем мужчины (51 публикация против 27), а вопросы, связанные с материнством, освещаются чаще посвященных отцовству (56 публикаций против 35). Смещение акцента в сторону материнства отражает устоявшиеся в обществе гендерные стереотипы, в соответствии с которыми основная ответственность за уход за детьми и их воспитание возлагается на мать.

Анализ частоты употребления словосочетаний показал, что основное внимание в публикациях демографической тематики направлено на многодетные семьи, наиболее часто обсуждаемый вид государственной поддержки – семейный капитал, наиболее обсуждаемыми составляющими демографической политики являются медицинская помощь, жилищные условия, семейные ценности, здоровый образ жизни.

Помимо непосредственной кодировки по документам дополнительно был использован второй доступный слой кодировки – по заметкам к документам. Для этого были созданы следующие категории заметок: направление (семья, здоровье, миграция), целевая группа (дети, молодежь, взрослые, пожилые), охват (страна, село, регион, Минск), эмоциональный фон (нейтральный, позитивный, негативный), источник трансляции информации (представитель власти, государственного учреждения или организации, духовенства, гражданского общества, общественных организаций, принятие НПА, освещение события).

Анализ заметок позволил установить рейтинг основных компонентов демографической политики по частоте обсуждения в СМИ: на первом месте – семья (49 % публикаций),

на втором месте – здоровье населения (41 %), на третьем месте – миграция (15 %, в том числе внешняя миграция – 10,5 %, внутриреспубликанская миграция – 4,9 %). В данном случае и далее сумма может превышать 100 %, так как публикация может одновременно охватывать различные аспекты выбранных категорий.

Среди выбранных возрастных групп наиболее часто упоминаются взрослые (59,9 публикаций) и дети (58,6 %). Молодежь упоминается примерно в каждой четвертой публикации (23,5 %), пожилое население – крайне редко (менее 7 %).

Публикации демографической тематики носят преимущественно нейтральный эмоциональный фон (88,3 %), позитивный фон чаще имеют публикации, трансляторами информации в которых являются непосредственно граждане (8,6 %), негативный фон – публикации, освещающие проблемы эмигрантов и чайлдфри (3,1 %).

Преимущественное большинство публикаций отражает состояние рассматриваемого компонента демографической политики в целом для всей страны (75,9 %), около трети публикаций – в региональном аспекте (36,4 %), десятая часть – в г. Минске (10,5 %), незначительная часть акцентируется на сельской местности (6,8 %).

Основным транслятором информации демографической тематики в СМИ являются представители власти (59,3 % публикаций), в более чем четверти публикаций (25,9 %) – представители государственных учреждений или организаций. Комментариям по поводу принятия нового нормативного правового акта, связанного с вопросами демографии, посвящено 4,9 % публикаций, интервью с гражданами содержат 4,3 % публикаций. Позиция представителей общественных организаций по вопросам демографической тематики приведена в 3,7 % публикаций, представителей духовенства – в 1,9 %. События, связанные с вопросами демографии, освещены в 1,2 % публикаций (рисунок 2).

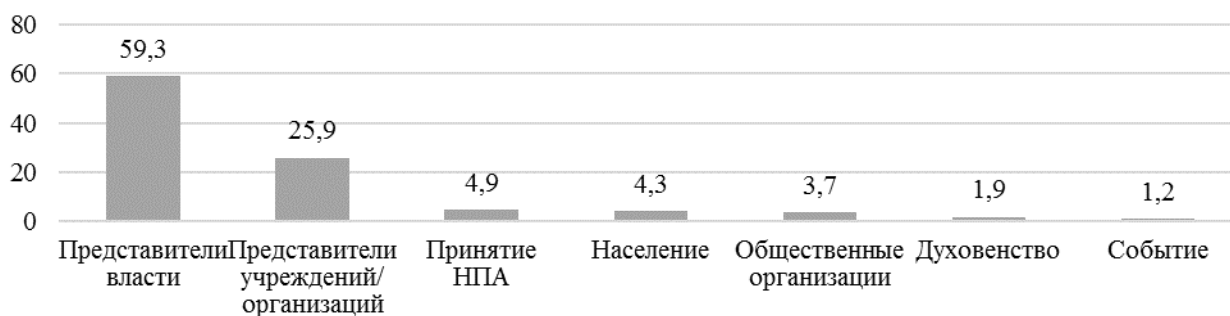

Рисунок 2 – Распределение публикаций по источнику трансляции информации, %

Примечание – Источник: авторская разработка.

В анализируемых публикациях чаще всего цитируются высказывания представителей исполнительной власти (46,3 % публикаций), при этом представителей республиканских органов государственного управления более чем в два раза чаще, чем местных органов исполнительной власти (31,5 % против 13,6 %). Поскольку обеспечение демографической безопасности может быть достигнуто только совместными усилиями республиканских и местных органов власти, предполагается более активное участие последних в обсуждении и решении на местах возникающих демографических проблем.

Высказывания представителей законодательной власти стали отправной точкой для 14,2 % публикаций, судебной власти – 3,1 % публикаций (рисунок 3).

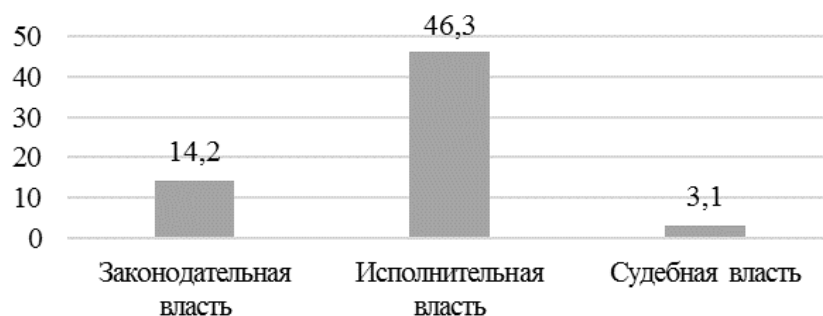

Рисунок 3 – Представленность ветвей власти в публикациях демографической тематики, %
Примечание – Источник: авторская разработка.

Среди республиканских органов государственного управления наиболее часто в публикациях демографической направленности приводится информация представителей Министерства труда и социальной защиты (16,7 %), Министерства здравоохранения (4,9 %) и Национального статистического комитета (3,1 %). Реже (менее 2,5 %) встречаются публикации, основанные на данных, предоставленных специалистами Министерства экономики, Министерства внутренних дел, Министерства образования, Министерства архитектуры и строительства, Министерства по чрезвычайным ситуациям, Национальной академии наук Беларуси, Государственного пограничного комитета.

Анализ отражения в СМИ особенностей выстраивания архитектуры демографической политики в стране, подтвердил, что ключевую роль в ее реализации играют три министерства – Министерство труда и социальной защиты (поддержка семей), Министерство здравоохранения (здоровье населения) и Министерство внутренних дел (миграционные процессы). В то же время задействованность представителей ряда других республиканских органов государственного управления в качестве трансляторов вопросов демографической политики в СМИ отражает ее особенность, заключающуюся во взаимосвязи со смежными областями, в значительной степени влияющими на демографическую ситуацию и вопросы демографической безопасности. В их числе экономическое развитие страны и отдельных регионов, трудовые отношения, перераспределение доходов, пенсионное обеспечение, рынок труда и занятость, жилищная политика, функционирование системы образования, здравоохранения, культуры, спорта, туризма, социальной защиты, политика в сфере информации и связи, миграционная политика и др. Это подтверждает необходимость формирования информационной повестки, направленной на освещения различных аспектов и компонентов демографической политики.

Среди государственных учреждений и организаций наиболее часто в анализируемых публикациях приводится информация представителей учреждений здравоохранения (19,8 %). Существенно реже в качестве источника данных выступают представители учреждений образования (3,1 %), науки (3,1 %), спорта (0,6 %) и культуры (0,6 %).

При помощи инструмента «Stats» программы MAXQDA выполнен корреляционный анализ, построена корреляционная матрица и выявлены статистически значимые взаимосвязи между следующими автокодами: «село, сельский» и «жилье» (коэффициент корреляция Пирсона $r = 0,365$, $p = 0,0000$), «село, сельский» и «молодежь» ($r = 0,300$, $p = 0,0001$), «многодетные» и «жилье» ($r = 0,369$, $p = 0,0000$). Вместе с тем между кодами «молодежь» и «жилье» статистически значимой зависимости не обнаружено.

Выявленные в публикациях СМИ взаимосвязи отражают следующие направления современной государственной политики:

- увеличение и расширение господдержки при строительстве жилья, в частности арендного, в сельской местности, с целью закрепления кадров, в том числе молодых специалистов, на местах, что направлено на дальнейшее развитие сельских территорий;

– нуждающиеся в улучшении жилищных условий малообеспеченные многодетные семьи и молодые семьи, имеющие двоих несовершеннолетних детей, имеют право по их выбору воспользоваться либо льготными кредитами, либо одноразовыми субсидиями на строительство (реконструкцию) или приобретение жилых помещений (до ввода жилого дома в эксплуатацию);

– многодетные семьи имеют право на внеочередное получение указанной выше материальной поддержки. Директивой Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. № 8 «О приоритетных направлениях развития строительной отрасли» предписано с 2021 г. обеспечить направление многодетных семей на строительство жилья в течение одного года со дня их постановки на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий [2].

Также выявлены статистически значимые взаимосвязи между следующими автокодами: «многодетные» и «материальная (помощь, поддержка)» ($r = 0,257$, $p = 0,0010$), «многодетные» и «капитал» ($r = 0,415$, $p = 0,0000$), «семья, семейный» и «рождение, рождаемость» ($r = 0,639$, $p = 0,0000$). Таким образом, публикации в СМИ отражают направленность национальной демографической политики на оказание материальной поддержки семьям с детьми с особым акцентом на многодетные семьи, при этом семейный капитал является наиболее часто обсуждаемым видом поддержки, предназначенным исключительно для многодетных семей.

Выявленная статистически значимая взаимосвязь между автокодами «молодежь» и «вейпы» ($r = 0,290$, $p = 0,0002$) указывает на отражение в СМИ новой растущей проблемы для здоровья в современном обществе, требующей особого внимания, так как основными потребителями вейпов в Беларуси являются молодые люди в возрасте до 30 лет.

Интересные результаты показал статистический анализ гендерного аспекта при освещении в СМИ вопросов семейной тематики. Так, установлены статистически значимые взаимосвязи между следующими автокодами: «женщины» и «семья, семейный» ($r = 0,303$, $p = 0,0001$), «женщины» и «матери, мамы» ($r = 0,476$, $p = 0,0000$), «женщины» и «ребенок, дети» ($r = 0,373$, $p = 0,0000$). И хотя в СМИ имеют место публикации по тематике отцовства, для автокода «мужчины» аналогичных статистически значимых зависимостей не выявлено. То есть в публикациях СМИ женщины чаще всего ассоциируются с семьей и ролью матери, в то время как образ мужчины мало связан с отцовством и семейным образом жизни. Таким образом, в публикациях находит отражение сохраняющееся в обществе доминирование традиционной модели распределения гендерных ролей в семье: женской обязанностью считается забота о доме и детях (так считают 40,3% женщин и 51,2% мужчин), мужской – материальное обеспечение семьи (64,7% женщин и 73,6% мужчин) [3].

Полученные результаты указывают на актуальность более активного продвижения в национальных СМИ тематики вовлеченного отцовства, значимости равного участия отцов и матерей в воспитании детей, что соответствует и запросам современного общества, и целям государственной семейной политики.

Следует отметить некоторые методологические ограничения исследования. Во-первых, эмпирическая база исследования ограничена онлайн-версиями СМИ, что исключает из анализа печатные издания. Во-вторых, выборка не является исчерпывающей по отношению ко всем публикациям по демографической тематике за исследуемый период. Также в базе исследования недостаточно представлены региональные СМИ (9,9 % публикаций).

Проведенный контент-анализ позволяет сделать вывод о том, что в публикациях демографической тематики выбранных СМИ в январе-ноябре 2024 года наиболее часто обсуждались вопросы семейной политики и здоровья населения, значительно реже – вопросы миграции населения. При этом выявлен гендерный дисбаланс: женщины преимущественно ассоциируются с семейными ролями, тогда как мужчины значительно реже представлены в контексте отцовства. При обсуждении вопросов семейной тематики на первый план выходят дети и взрослые – их родители, тогда как молодежь упоминается преимущественно в контексте внутривнутриреспубликанской миграции (в направлении город – село). На фоне демографического старения обращает на себя внимание ограниченное освещение проблем пожилого населения.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости: 1) более сбалансированного освещения гендерных ролей в семье с акцентом на вовлеченное отцовство; 2) расширения контента о пожилых людях и вопросах активного долголетия; 3) разработки адресных информационных материалов для молодежи по вопросам репродуктивного здоровья и семейного планирования; 4) усиления регионального компонента в освещении демографической политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 // Эксперт / ОДО «Экспертцентр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2025.

2. О приоритетных направлениях развития строительной отрасли: Директива Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. № 8 // Эксперт / ОДО «Экспертцентр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2025.

3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Гендерная статистика. – Минск, 2025. – URL: <https://gender.belstat.gov.by/social> (дата обращения 09.07.2025).

УДК 339.982; 339.54.012.435

КИТАЙСКИЙ ОПЫТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА В УСЛОВИЯХ ЭКОЛОГИЗАЦИИ CHINESE EXPERIENCE IN ENSURING TECHNOLOGICAL AND ECONOMIC SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF GREENING

Воронецкая Людмила Григорьевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республики Беларусь, г. Минск
Lu7y@mail.ru

Voronetskaya Ludmila,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье исследуется китайский опыт обеспечения экономического и технологического суверенитета в условиях экологизации. Делается акцент на усилении конкуренции в научно-технической сфере, геополитической напряженности, что дестабилизируют мировую экономику и усложняют международные отношения, особенно в контексте напряженности между Китаем и США. Подчеркивается, что производственная система Китая, опирающаяся на относительно целостную производственную цепочку и высокоорганизованные производственные мощности, продемонстрировала высокую устойчивость. Анализируются преимущества и недостатки глобализированной и локализованной цепочек поставок. Делается акцент на том, что взаимодействие между участниками логистических цепочек позволяет обнаруживать и возлагать ответственность на организации за их углеродный след. С учетом китайского опыта предлагаются ключевые перспективные составляющие технологического и экономического суверенитета Республики Беларусь в условиях экологизации.

Ключевые слова: технологический суверенитет, экономический суверенитет, экологизация, внешнее давление.

Abstract. The article examines the Chinese experience of ensuring economic and technological sovereignty in the context of greening. The emphasis is on increasing competition in the scientific and technical sphere, as well as geopolitical tensions, which destabilize the global economy and complicate international relations, especially in the context of tensions between China and the United States. It is emphasized that China's manufacturing system, based on a relatively complete production chain and highly organized production facilities, has demonstrated high sustainability. The advantages and disadvantages of globalized and localized supply chains are analyzed. The emphasis is placed on the fact that the interaction between participants in logistics chains makes it possible to detect and assign responsibility to organizations for their carbon footprint. Taking into account the Chinese experience, the key promising components of the technological and economic sovereignty of the Republic of Belarus in the context of greening are proposed.

Keywords: technological sovereignty, economic sovereignty, greening, external pressure.

Открытая экономика вынуждена функционировать в условиях экологизации, а также заинтересована в сохранении экономического и технологического суверенитета.

Хотя США и ЕС все еще сохраняют определенное доминирующее положение, подъем развивающихся экономик, таких как Китай и Индия, существенно повлиял на международный баланс сил. Это изменение в соотношении сил сделало конкуренцию между крупными странами более сильной [1].

В последние годы процесс изменения глобальной цепочки поставок значительно ускорился, геополитические риски часто возрастали, а международные экономические и торговые отношения стали более сложными и изменчивыми [2].

Усиление тенденции контрглобализации привело к увеличению глобальных торговых барьеров, страны приняли протекционистские меры для защиты своих собственных интересов, что подорвало свободный поток международной торговли и здоровое развитие мировой экономики [3].

Изменения в китайско-американских отношениях вызывают геополитические последствия. Структурные споры и конфликты великих держав, включая научно-технические, торговые и информационные войны, возрастают [4].

В докладе 20-го Национального съезда партии сделан вывод о том, что глобальная картина претерпела беспрецедентные изменения, и развитие Китая сталкивается с новыми стратегическими возможностями, что требует разумных научно обоснованных стратегий преодоления трудностей на новом историческом пути [4].

Совокупные последствия китайско-американских торговых трений, роста стоимости китайских товаров и эпидемии коронавируса ускорят изменение глобальной системы поставок, ориентированной на Китай, и будут способствовать развитию глобальной цепочки поставок в направлении диверсификации и децентрализации [5].

Определение концепции *устойчивости цепочки поставок* было впервые предложено Кристофером и Пеком. Оно относится к способности цепочки поставок возвращаться в свое первоначальное состояние или переходить в новое и более идеальное состояние после того, как она подверглась риску [6].

Альянс Китай-ЕС отошел от первоначального значения устойчивости цепочки поставок и превратил политику цепочки поставок в инструмент макроэкономической политики. Основная цель заключается в содействии возвращению промышленного (тяжелого) и локализованного производства. В соответствии с этой концепцией «устойчивость цепочки поставок» охватывает ряд критериев оценки, таких как устойчивость (например, защита окружающей среды и прав человека), диверсификация, безопасность и прозрачность, а также ключевые сырьевые материалы, экологически чистая энергия и технологии, цифровые и высокотехнологичные отрасли промышленности и др. [7].

В контексте возросших внешних геополитических рисков и препятствий для внутренней «зеленой» и цифровой трансформации ЕС сформулировал ряд мер торговой

и промышленной политики, в которых особое внимание уделяется устойчивости цепочки поставок, использованию ключевых сырьевых ресурсов, экологически чистой энергии, цифровым отраслям промышленности, медицинскому обслуживанию и другим областям. Учитывая то, что Китай является основным импортером различных товаров из ЕС, китайские компании, вероятно, пострадают от политики ЕС в области цепочки поставок [7].

Согласно статистическим данным Европейской комиссии, более половины из 137 товаров, от импорта которых ЕС в значительной степени зависит, поступают из Китая, включая редкоземельные элементы, фотоэлектрические модули, электронные компоненты, коммуникационное оборудование и другое ключевое сырье, необходимое для «зеленой» и цифровой трансформации ЕС. Снижение риска в цепочке поставок в Китай является скрытой целью политики ЕС в области цепочки поставок [7].

Геополитическая игра коренным образом меняет логику расположения глобальной промышленной цепочки. В ответ на геополитические риски транснациональные компании в целом приняли стратегию «Китай + 1» (перенос производства из Китая в развивающиеся страны) по децентрализации производственных мощностей в регионах с низкими затратами, таких как Юго-Восточная Азия и Мексика [8].

Стратегия «Китай+1» может замедлить борьбу с изменением климата. США стремятся изменить международные правила, фрагментировать существующий порядок и постепенно отказываться от международных обязательств, чтобы сохранить свое доминирующее положение (выход из ряда соглашений и организаций, таких как Парижское соглашение по климату, Ядерное соглашение с Ираном и Совет по правам человека) [9, 10].

Участвуя в международных экономических организациях, таких как ВТО, и в механизмах многостороннего сотрудничества, Китай делает вклад в дальнейшее содействие либерализации глобальной торговли и инвестиций. *Инициатива «Один пояс, один путь»* и *Инициатива глобального развития* предоставили китайцам возможности для экономического роста и устойчивого развития и расширили их право высказываться и влиять на глобальное экономическое управление [3].

Рекомендации ЦК КПК по Четырнадцатому пятилетнему плану национального экономического и социального развития и долгосрочных целей на 2035 год предлагают ускорить развитие внутреннего и международного циклов, опираясь на автономные технологии. В *Коммюнике Пятого пленума 19-го Центрального комитета* вновь упоминается импортозамещение, подчеркивается необходимость создания производственной цепочки, которая может работать сама по себе в экстремальных обстоятельствах, что объясняется как внутренней политикой, так и с международными отношениями [11].

Производственная система Китая, опирающаяся на относительно целостную производственную цепочку, продемонстрировала высокую устойчивость. В 2024 году доля Китая в мировой обрабатывающей промышленности достигла 28 %. В первом квартале 2025 года общий объем импорта и экспорта товаров в торговле Китая достиг 10,3 трлн юаней; добавленная стоимость высокотехнологичного производства сверх масштаба увеличилась на 9,7 % в годовом исчислении, тенденция к высококачественным, интеллектуальным и экологичным преобразованиям становится все более очевидной [2].

В основе китайской экономической политики лежит стратегия «двойного циркулирования», где приоритет отдается развитию внутреннего производства и стимулированию внутреннего спроса, а международная торговля выполняет роль вспомогательного фактора. Такой подход позволил уменьшить уязвимость перед колебаниями мирового рынка и укрепить отечественную экономику.

Реализуется план «Сделано в Китае 2025», целью которого является завоевание лидерства в технологическом плане в ряде стратегических секторов, таких как автомобильная промышленность, ИТ, робототехника, фармацевтика и др. План предполагает замещение импортных товаров отечественными, увеличение инвестиций в научные исследования и разработки, а также формирование собственных, независимых производственных цепочек.

Зависимость Китая от внешней торговли снизилась с 69,8 % в 2004 году до 32,5 % в 2023 году, а общий объем розничных продаж потребительских товаров в 2024 году составил 48,8 трлн юаней, что эквивалентно более чем в 10 раз превышающему объем экспорта в Соединенные Штаты [12].

Внутренний рынок Китая продемонстрировал структурную модернизацию: уровень проникновения новых энергетических транспортных средств достиг 45 %, среднегодовые темпы роста новых продуктов превысили 20 %, увеличился объем трансграничных транзакций электронной коммерции [12].

Тарифные барьеры США оказали прямое влияние на зависимые от экспорта отрасли Китая, а такие отрасли как электроника и машиностроение находятся под давлением из-за снижения чистой прибыли. Однако была продемонстрирована высокая устойчивость производственной цепочки Китая: базовые станции Huawei 5G успешно заменили отечественные 7-нм чипы, а уровень локализации крупных самолетов C919 превысил 60 %. Эти результаты показывают, что способность Китая к технологическому прорыву в ключевых областях значительно повысилась [12].

Китай глубоко интегрирован в глобальную цепочку создания стоимости в двух основных отраслях экспорта – бытовой электронике и производстве новых энергетических транспортных средств. В области бытовой электроники поставки смартфонов в Китай составляют более 70 % от общемирового объема, и более 80 % сборочных подразделений по производству запчастей расположены в Китае [2].

В таблице 1 представлены преимущества и недостатки глобализированной и локализованной цепочек поставок.

Таблица 1 – Преимущества и недостатки глобализированной и локализованной цепочек поставок

Тип цепочки поставок	Преимущества	Недостатки
Глобализированная	– использование сравнительных преимуществ разных стран; – распределение производственных звеньев в наиболее рентабельных областях; – использование глобальной логистической сети для быстрой транспортировки продукции; – гибкое реагирование на изменения рыночного спроса за счет производственных баз в разных регионах; – возможность осуществлять крупномасштабное производство на мировом рынке, разделять постоянные издержки и снижать средние издержки, достигая экономии за счет масштаба; – повышение эффективности за счет диверсифицированных комбинаций продуктов и услуг; – доступ к инновационным технологиям и решениям, благодаря трансграничному сотрудничеству	– высокая зависимость предприятий от внешней среды; – риск сбоев в цепочке поставок; – более сложное управление цепочкой поставок за счет высокой децентрализации и сложного характера глобальной цепочки поставок

Продолжение таблицы 1

Тип цепочки поставок	Преимущества	Недостатки
Локализованная	– низкий уровень влияния внешних рисков; – высокий уровень контроля над ключевыми ресурсами и производственными звеньями; – высокая автономность и безопасность предприятий; – более гибкое реагирование на изменения спроса на внутреннем рынке; – быстрая корректировка производственных планов в чрезвычайных ситуациях; – гарантии, что производство и снабжение предприятий серьезно не пострадают; – высокая стабильность и оперативность цепочки поставок за счет укрепления отношений сотрудничества с местными поставщиками	– невозможность в полной мере использовать глобальные ресурсы и стоимостные преимущества; – невысокая гибкость распределения ресурсов между регионами; – более высокие эксплуатационные расходы за счет производства в областях с более высокими ценами на ресурсы; – ограниченные возможности экономии за счет масштаба; – риск более высоких предельных производственных издержек; – препятствие созданию глобальной экономики; – более высокие затраты на логистику, менее эффективная логистика; – ограниченные возможности по расширению рынка из-за чрезмерной зависимости от локализованных рынков; – ограниченные инновационные возможности

Примечание – Источник: составлено автором по данным [6].

Полный переход к локализованной цепочке поставок может привести к снижению эффективности и увеличению затрат, в то время как чрезмерная зависимость от глобализованной цепочки поставок может привести к риску прерывания цепочки поставок. Благодаря реализации гибридной стратегии «локализация + глобализация» предприятия могут сохранить преимущества эффективности глобализированной цепочки поставок, одновременно повышая автономность и устойчивость локализованной цепочки поставок. Предприятия могут поддерживать диверсифицированную сеть поставщиков в глобальном масштабе, создавая при этом локальные резервные копии ключевых ресурсов и основных производственных мощностей для реагирования на чрезвычайные ситуации. Также с помощью технологических инноваций и цифровых средств также можно повысить эффективность локализованной цепочки поставок и компенсировать издержки, связанные с локализацией [6].

Несмотря на то, что Китай – крупный источник выбросов, он лидирует в развитии возобновляемых источников энергии и электромобилей [9, 10]. Экологические торговые барьеры, такие как углеродные тарифы ЕС, вынудили цепочку поставок Китая перейти к зеленой трансформации и промышленной модернизации, основанной на ESG. Технологические преимущества Китая в таких областях как фотоэлектрические модули (на долю которых приходится 85 % мировой доли) и аккумуляторные батареи обеспечили прочную основу для разработки «зеленых» стандартов. Повышая уровень «зеленого» производства и получая международную «зеленую» сертификацию, предприятия могут справляться с торговыми барьерами, модернизировать промышленность, а также возглавить направление «зеленой» трансформации глобальных отраслей промышленности [12].

Нынешняя взаимосвязь цепочек поставок может приносить пользу. Особенно когда такого рода взаимосвязь может способствовать раскрытию информации о выбросах углерода корпорациями, она может сыграть значительную и активную роль в сокращении глобальных выбросов парниковых газов и, следовательно, может рассматриваться как реальный фактор, меняющий правила игры для коллективной декарбонизации [9].

Республика Беларусь является малой открытой экономикой, в связи с чем вопросы экономического и технологического суверенитета для нее еще актуальнее, чем для большой открытой экономики. Можно выделить ключевые перспективные составляющие технологического и экономического суверенитета Республики Беларусь в условиях экологизации с учетом китайского опыта (рисунок 1).

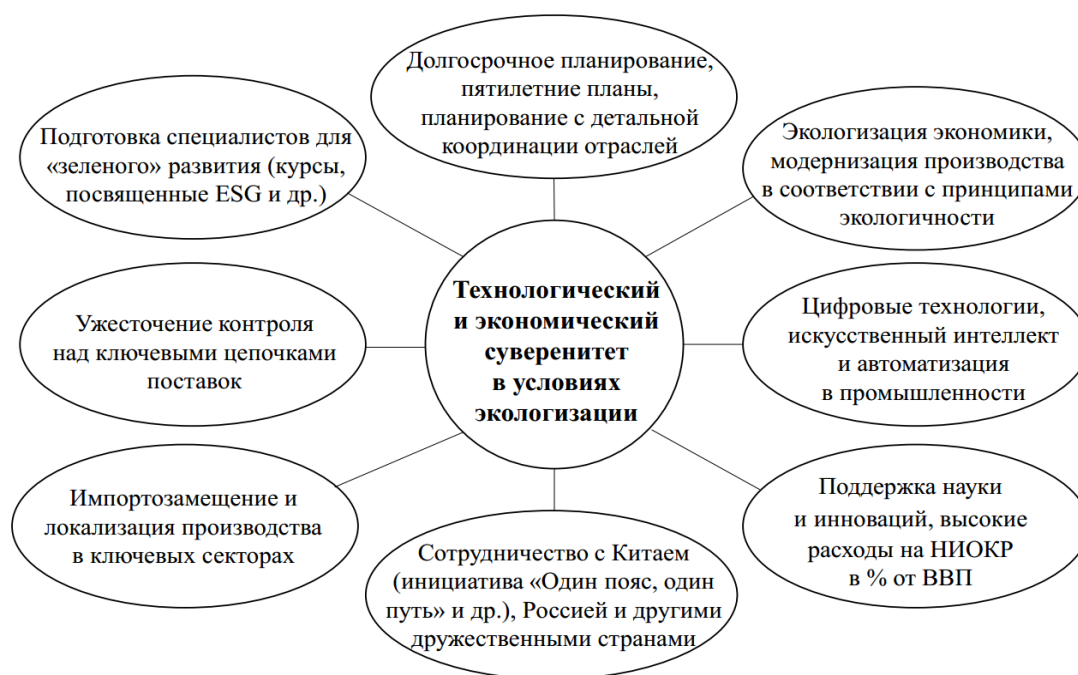

Рисунок 1 – Ключевые перспективные составляющие технологического и экономического суверенитета Республики Беларусь в условиях экологизации

Примечание – Источник: авторская разработка.

Таким образом, нынешняя цепочка поставок претерпела длительный процесс формирования на протяжении десятилетий. Тенденция «местного производства и местных продаж» усиливается из-за ужесточения требований к суверенитету данных, экологии и безопасности. Локализация производства снижает риски и укрепляет устойчивость в условиях глобализации. Чтобы извлечь выгоду из глобализации, компаниям следует оценивать экономические выгоды и риски, связанные с возможными сбоями в поставках. Для повышения надежности цепочки поставок необходимо расширять ее структуру, совершенствовать систему управления рисками и обеспечивать прозрачность и адаптивность.

В контексте климатических изменений существующая взаимосвязь цепочек поставок может оказаться полезной, если будет позволять выявлять объемы выбросов углерода компаниями и привлекать их к ответственности за она может сыграть значительную и активную роль в сокращении глобальных выбросов парниковых газов.

Республика Беларусь, несмотря на отличия в размерах экономики и запасах природных ресурсов, может извлечь выгоду из китайского опыта, адаптировав его под свои реалии. Можно заимствовать некоторые элементы китайской практики, в первую очередь, в вопросах долгосрочного планирования, сочетания природоохранных мер и технологического прогресса, а также сотрудничества с Китаем в приоритетных отраслях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 国际政治与经济格局：大国竞争、地缘政治风险与全球经济调整深度剖析。 – URL: <https://cj.sina.com.cn/articles/view/7830800370/1d2c087f2001026z9q> (дата обращения 10.06.2025).
2. 从被动适应到主动塑造，中国制造业如何把握全球供应链重构窗口期。 – URL: <https://finance.sina.cn/2025-04-22/detail-inetzrau4153443.d.html> (дата обращения 10.06.2025).

3. 新 时 代 中 国 发 展 的 战 略 机 遇 与 挑 战 . – URL: http://views.ce.cn/view/ent/202410/15/t20241015_39168270.shtml (дата обращения 10.06.2025).
4. 朱 锋 : 世界地缘政治和地缘经济双重分裂态势与中国战略选择 . – URL: <https://www.igcu.pku.edu.cn/info/1026/6448.htm> (дата обращения 10.06.2025).
5. 贺 俊 : “ 十 四 五 ” 全 球 供 应 链 调 整 与 中 国 应 对 战 略 . – URL: https://www.sohu.com/a/447467800_120815451 (дата обращения 10.06.2025).
6. 供 应 链 战 略 选 择 : 全 球 化 与 本 地 化 的 平 衡 分 析 . – URL: <https://www.fx361.cc/page/2024/1231/25238252.shtml> (дата обращения 10.06.2025).
7. 欧 盟 “ 供 应 链 韧 性 ” 一 揽 子 政 策 对 中 国 企 业 的 影 响 . – URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=687f2c94-c674-4e07-aa52-7ec01be1163b> (дата обращения 10.06.2025).
8. 全 球 产 业 链 重 构 背 景 下 我 国 供 应 链 韧 性 的 战 略 升 级 路 径 . – URL: http://zw.china.com.cn/2025-05/07/content_117862223.shtml (дата обращения 10.06.2025).
9. “ 与 中 国 脱 钩 ” ？ 中 国 在 全 球 应 对 气 候 变 化 中 的 角 色 不 可 或 缺 . – URL: <https://cn.weforum.org/stories/2023/10/china-indispensable-in-the-global-fight-against-climate-change/> (дата обращения 10.06.2025).
10. 面 对 当 前 国 际 战 略 形 势 , 中 国 如 何 进 行 战 略 选 择 ? – URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_6955329 (дата обращения 10.06.2025).
11. 开 放 是 实 施 “ 进 口 替 代 ” 的 最 佳 路 径 . – URL: <https://www.workercn.cn/c/2021-02-10/6638980.shtml> (дата обращения 10.06.2025).
12. 双 循 环 破 局 : 出 口 转 内 销 如 何 以 “ 中 国 方 案 ” 重 构 全 球 供 应 链 版 图 ? – URL: <https://businesstimescn.com/articles/621187.html> (дата обращения 10.06.2025).

УДК 502.12(476)

**ЗЕЛЕНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ
ДЛЯ БЕЛАРУСИ
GREEN BUDGETING AND ITS APPLICATION POSSIBILITIES FOR BELARUS**

Дрень Светлана Павловна,
Научно-исследовательский экономический институт
Министерства экономики Республики Беларусь,
Республика Беларусь, г. Минск
andrievskaya@bk.ru

Назарова Наталия Владимировна,
Научно-исследовательский экономический институт
Министерства экономики Республики Беларусь,
Республика Беларусь, г. Минск
nnasarova@mail.ru

Dren Svetlana,
Economic Research Institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. Статья посвящена исследованию концепции «зеленого» бюджетирования как одного из важнейших инструментов интеграции экологических приоритетов в бюджетную политику государства. Анализируются современные международные практики внедрения данного подхода на примере стран ОЭСР (Дания, Финляндия, Ирландия, Швеция, Франция), выделяются ключевые механизмы и институциональные особенности реализации. Особое внимание уделено методологии экологической маркировки бюджетных расходов и ее роли в комплексной оценке воздействия фискальных решений на окружающую среду. Подробно обосновывается актуальность применения принципов «зеленого» бюджетирования в Республике Беларусь для решения экологических проблем и выполнения международных обязательств в рамках Парижского соглашения по климату. Особо подчеркивается необходимость адаптации зарубежного опыта с учетом национальной специфики системы государственного управления и бюджетного процесса.

Ключевые слова: бюджет, бюджетная политика, «зеленое» бюджетирование, «зеленый» бюджет, бюджетные расходы.

Abstract. The article is devoted to the study of the concept of "green" budgeting as one of the most important tools for integrating environmental priorities into the budget policy of the state. It analyzes contemporary international practices of implementing this approach using the examples of OECD countries (Denmark, Finland, Ireland, Sweden, France), highlighting key mechanisms and institutional features of implementation. Particular attention is paid to the methodology of environmental tagging of budget expenditures and its role in the comprehensive assessment of the impact of fiscal decisions on the environment. The relevance of applying the principles of "green" budgeting in the Republic of Belarus for solving environmental problems and fulfilling international obligations under the Paris Agreement on climate change is substantiated in detail. The need to adapt foreign experience to the national specifics of the public administration system and budget process is especially emphasized.

Keywords: budget, budget policy, green budgeting, green budget, budget expenditures.

Изменение климата и ухудшение состояния окружающей среды представляют собой серьезные вызовы для глобального прогресса. В ответ на эти угрозы разрабатываются и внедряются новые механизмы устойчивого развития, среди которых большое значение придается экологизации финансовых и бюджетных систем. Поскольку именно через финансовые инструменты можно достичь значительных экологических преобразований. Важно не только направлять ресурсы на экологические проекты, но и оценивать, какое влияние существующие доходы и расходы бюджетов оказывают на окружающую среду. В этой связи значение «зеленого» бюджетирования в мировом контексте продолжает расти.

Согласно определению, «зеленое» бюджетирование (Green Budgeting) – это процесс использования инструментов формирования бюджетной политики для содействия достижению экологических целей, направленных на улучшение климатической ситуации и охрану окружающей среды, в частности сохранение биоразнообразия, улучшение качества воздуха и воды, путем интеграции экологических аспектов в процесс планирования и распределения бюджетных ресурсов [1]. Иными словами, «зеленым» называется экологически ответственное бюджетирование – процесс, в ходе которого экологический вклад бюджетных статей и политик определяется и оценивается по отношению к конкретным показателям эффективности с целью лучшего согласования бюджетной политики с экологическими целями [2].

Не существует универсального подхода к составлению «зеленого» бюджета. Любой подход должен основываться на действующей в стране системе управления

государственными финансами и, таким образом, учитывать сильные и слабые стороны бюджетного процесса. «Зеленое» бюджетирование дает представление об общих экологических и климатических последствиях выбора бюджета в рамках существующей бюджетной политики, что позволяет принимать более обоснованные решения о том, как оптимизировать привлечение доходов и распределение ресурсов для выполнения национальных и международных обязательств по климату.

Внедрение и применение инструментов «зеленого» бюджетирования осуществляется на всех этапах бюджетного цикла:

- планирование бюджета (климатические и экологические цели могут быть определены при установлении макроэкономических приоритетов и общей правительственной стратегии, лежащей в основе бюджета, что обеспечивает не только отражение экологических приоритетов в государственных планах, но и последовательность экологических действий в принятии бюджетных решений);

- подготовка бюджета (проведение предварительной маркировки «зеленого» бюджета и оценки воздействия на окружающую среду позволяет понимать потенциальное воздействие на окружающую среду источников финансирования для общего бюджета, например, меры по доходам, налоговые расходы);

- утверждение бюджета (включение соответствующей информации о «зеленом» бюджетировании позволяет принимать более обоснованные решения);

- наличие системы отчетности о расходах позволяет странам включать «зеленые» аспекты на этапе исполнения бюджета (на этом этапе могут быть реализованы различные инструменты, такие как маркировка «зеленого» бюджета и экологические оценки программы (например, обзоры расходов, анализ эффективности);

- бюджетный надзор, который усиливается благодаря наличию прозрачной отчетности по «зеленому» бюджетированию.

Составление «зеленого» бюджета не заменяет стратегию достижения экологических целей. «Зеленое» бюджетирование является связующим звеном между бюджетной и экологической политикой государства.

«Зеленое» бюджетирование согласовывает фискальную политику государства с национальными и международными экологическими обязательствами, такими как Парижское соглашение об изменении климата и Целей устойчивого развития ООН, вступившее в силу 4 ноября 2016 года. На сегодняшний день к нему присоединились 194 страны и ЕС.

Важным шагом в достижении основной цели Парижского соглашения об изменении климата и Целей устойчивого развития ООН – согласование национальных политических рамок и финансовых потоков на пути к низким выбросам парниковых газов и экологически устойчивому развитию, стал Парижский проект по «зеленому» бюджетированию, запущенный на саммите One Planet в Париже 12 декабря 2017 года, направленный на разработку новых, инновационных инструментов для оценки и стимулирования улучшений в согласовании национальных расходов и доходов с климатическими и другими экологическими целями [3]. Приверженность этой цели подтверждает и тот факт, что с 2017 года Европейская комиссия требует от государств-членов представлять отчеты о государственных расходах на охрану окружающей среды и расходах на деятельность по управлению ресурсами.

Драйвером развития концепции «зеленого» бюджетирования в мире является ОЭСР. Согласно отчету «Green Budgeting in OECD Countries 2024» «многие страны ОЭСР внедрили «зеленое» бюджетирование в свои структуры, политику и практику управления государственными финансами, чтобы способствовать достижению целей в области климата и охраны окружающей среды». Доля стран ОЭСР свидетельствует о серьезной заинтересованности правительств в интеграции климатических и экологических целей в бюджетные процессы. Так по данным на 2022 год более 60 % опрошенных стран ОЭСР (24 из 38 стран) практикуют ту или иную форму «зеленого» бюджетирования (в 2020 году –

14 из 38 стран). Некоторые страны используют «облегченную» форму практики, когда тот или иной подход (например, экологическая маркировка бюджета) не предусматривает проведение всестороннего анализа бюджета [4].

В Дании за подготовку отчета по климатической программе и сотрудничество с другими государственными департаментами ответственным является Министерство климата, энергетики и коммунальных услуг. Новые программы и политики, включенные в отчет, готовятся и представляются на утверждение в датские правительственные комитеты, включая «Зеленый» комитет под председательством министра по климату, энергетике и коммунальным услугам, Экономический комитет под председательством министра финансов или Координационный комитет. «Зеленый» комитет был создан в 2019 году и направлен на обеспечение того, чтобы климатические соображения были интегрированы в государственную политику. Датское энергетическое агентство в сотрудничестве с соответствующими министерствами проводит ex-ante оценки воздействия на климат для новых программ и инициатив в соответствии с руководящими принципами, предоставленными Министерством финансов.

В Финляндии за проведение таких оценок ответственны отраслевые министерства зачастую с привлечением внешних экспертов. Заключительная глава об устойчивом развитии в законопроекте о бюджете разрабатывается Министерством финансов. В целом, меры энергетической и климатической политики координируются между министерствами на подготовительном этапе и включают межведомственную целевую группу для межсекторальной интеграции и обсуждения климатической политики.

В Ирландии «зеленое» бюджетирование проводится с двух разных точек зрения. С одной стороны, подразделение по координации климата в Департаменте государственных расходов, реализации национального плана развития и реформ проводит климатическую маркировку для мер расходов. Департамент дает четкие указания отраслевым министерствам о том, как проводить «зеленую» маркировку, и тесно сотрудничает с теми, кто участвует в процессе. С другой стороны, Департамент финансов отвечает за меры доходов и налоговые расходы, отслеживая их «зеленые» компоненты.

В Швеции за подготовку годовых отчетов, представляющих изменения в целях обеспечения качества окружающей среды, несут ответственность государственные учреждения. Агентство по охране окружающей среды подводит итоги анализа и представляет его Министерству климата и предпринимательства, которое готовит окончательный отчет о влиянии на окружающую среду государственной политики, прилагаемый к законопроекту о бюджете. Агентство по охране окружающей среды также готовит проект отдельного отчета о климате, который завершается Министерством климата и предпринимательства и прилагается к законопроекту о бюджете.

Во Франции процессом «зеленого» бюджетирования руководит межведомственная рабочая группа для руководства, в состав которой включены представители Министерства экономики и финансов и Министерства экологического перехода. С 2020 года при подготовке бюджета во Франции обязательно учитывается «зеленая» составляющая. Ежегодно в качестве приложения к законопроекту о финансах правительство публикует отчет – «зеленый» бюджет, в котором перечисляются все расходы, оказывающие благоприятное или неблагоприятное воздействие на окружающую среду. В бюджете определены 6 экологических целей, на которые государственные доходы и расходы оказывают как положительное, так и отрицательное воздействие: борьба с изменением климата; адаптация к изменению климата и предотвращение природных рисков; управление водными ресурсами; экономика замкнутого цикла, отходы и предотвращение технологических рисков; борьба с загрязнением; биоразнообразие и охрана природных, сельскохозяйственных и лесных территорий. В зависимости от степени воздействия на окружающую среду государственные доходы и расходы маркируются по каждой из этих целей по следующим 3-м категориям: благоприятная (положительное влияние на окружающую среду как минимум по одному экологическому критерию), нейтральная

(положительное влияние на окружающую среду как минимум по одному критерию и негативное – на один или несколько критериев) и неблагоприятная (отрицательное влияние как минимум по одному экологическому критерию без какого-либо положительного воздействия) [4].

«Зеленый бюджет», публикуемый Францией, имеет четыре определяющих характеристики, которые делают его на сегодняшний день во всем мире наиболее полным и полезным для изучения другими странами: оценка «зеленого» воздействия всех расходов государственного бюджета; отражает не только климатические проблемы, но и ряд других экологических, таких как сохранение биоразнообразия и борьба с загрязнением; оценивает не только благоприятные для окружающей среды расходы, но и оказывающие негативное воздействие.

Беларусь, как и многие другие страны, сталкивается с серьезными экологическими проблемами: загрязнение воздуха и воды, истощение природных ресурсов, изменения климата. Зеленое бюджетирование может стать ключевым элементом в решении этих вопросов, поскольку его применение будет способствовать выполнению международных обязательств по снижению выбросов парниковых газов и содействию переходу к низкоуглеродной экономике, определенных Парижским соглашением по климату и рядом других глобальных инициатив, а также снижению давления на природные системы, что позволит обеспечить более устойчивое управление ресурсами, привлечению инвестиций в экологические проекты и технологии. Использование инструментов «зеленого» бюджетирования на основе имеющегося зарубежного опыта является актуальным для нашей страны. Следует рассматривать инструменты «зеленого» бюджетирования не как отдельное дополнение к существующему бюджетному процессу: применение «зеленых» подходов к бюджетированию не требует совершенно новых решений, а предполагает перенастройку уже действующих процессов и инструментов. При правильном применении эти инструменты способны оказать положительное воздействие на качество жизни населения, сохранение природных ресурсов и укрепление позиций страны на международной арене.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Green Budgeting in OECD Countries. OECD, 2021. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2021/08/green-budgeting-in-oecd-countries_01618d8b/acf5d047-en.pdf (дата обращения 28.01.2025).
2. Green budgeting in the EU. – URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/economic-and-fiscal-governance/national-fiscal-frameworks-eu-member-states/green-budgeting-eu_en (дата обращения 18.02.2025).
3. Green budgeting. – URL: <https://www.climatehub.si/en/climate-resilience/innovative-funding-schemes/green-budgeting/> (дата обращения 19.02.2025).
4. Green Budgeting in OECD Countries 2024. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/green-budgeting-in-oecd-countries-2024_9aea61f0-en.htm (дата обращения 19.02.2025).
5. Зеленое бюджетирование – новый инструмент бюджетной открытости и подотчетности. – URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/NEWS/2021/Belenchyk_89042021.pdf (дата обращения 28.01.2025).

**СТАНОВЛЕНИЕ ПОДХОДОВ ОБРАЗОВАНИЯ
ДЛЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
DEVELOPING EDUCATIONAL APPROACHES
FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS**

Климкович Надежда Ивановна,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
Республика Беларусь, г. Минск,
knadini@mail.ru

Klimkovich Nadezhda,
Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье отражены результаты исследования, цель которого состояла в выявлении особенностей образования для обеспечения целей устойчивого развития. Научная новизна заключается в систематизации и проведении сравнительного анализа результатов теоретических исследований и практического опыта, определяющих формирование подходов образования для обеспечения целей устойчивого развития. При написании статьи были использованы методы анализа актуальных источников по теме исследования, синтеза полученной информации, сравнительного анализа, абстрактно-логический и структурно-функциональный. Исследование проводилось на основе анализа теоретической и аналитической информации, практического опыта использования образования для обеспечения целей устойчивого развития. Результаты исследования позволили сделать вывод, что через образование, выступающее начальным элементом трансформации к устойчивому развитию, появляется возможность привития ценностей, воспитания отношения, поведения и стиля жизни, необходимых для обеспечения устойчивого будущего.

Ключевые слова: устойчивое развитие, цели устойчивого развития, Повестка–2030, образование.

Abstract. This article presents the results of a study aimed at identifying the specific features of education for achieving sustainable development goals. The article's scientific novelty lies in its systematization and comparative analysis of theoretical research findings and practical experience that shape the development of educational approaches to achieving sustainable development goals. This article utilized the following methods: analysis of relevant sources on the research topic, synthesis of the obtained information, comparative analysis, abstract-logical, and structural-functional approaches. The study was conducted based on an analysis of theoretical and analytical information, as well as practical experience in using education to achieve sustainable development goals. The results of the study led to the conclusion that education, as the initial element of transformation towards sustainable development, provides the opportunity to instill the values, attitudes, behaviors, and lifestyle necessary to ensure a sustainable future.

Keywords: sustainable development, sustainable development goals, Agenda–2030, education.

В современном мире устойчивое развитие является одной из самых важных тем для всех уровней жизнедеятельности человеческого общества. Одним из первых социальных институтов, не просто воспринявшим значимость идей устойчивого развития, а осознавшим необходимость отражать реальность того, что человечество влияет на окружающую среду способами, потенциально разрушительными как для природных экосистем, так и для людей, стала система образования, находящаяся в уникальном положении, чтобы влиять на

общество. С одной стороны, она предоставляет актуальные навыки и знания, а также производит и распространяет новые знания и исследования, необходимые для общественного и личностного развития и прогресса. С другой – как основной участник ценностей, здоровья и благополучия общества, несет фундаментальную ответственность за обучение, подготовку и проведение исследований в области устойчивого развития.

Первым официальным заявлением, сделанным главами университетов, обеспокоенных небывалым масштабом и скоростью загрязнения и разрушения окружающей среды, истощением природных ресурсов, стала Таллуарская декларация устойчивого развития [1], составленная на международной конференции «Роль университетов в управлении окружающей средой и устойчивом развитии» (Франция, Таллуар, 1990 г.).

Общее количество учреждений-подписантов Таллуарской декларации, по состоянию на сентябрь 2024 г., – 528 из 60 стран мира, в числе которых США – 173 (32,77 %), Бразилия – 52 (9,85 %), Китай – 52 (9,85 %), Канада – 41 (7,77 %), Остальные страны занимают долю менее 6 %, в числе которых и страны СНГ (рисунок 1) [1].

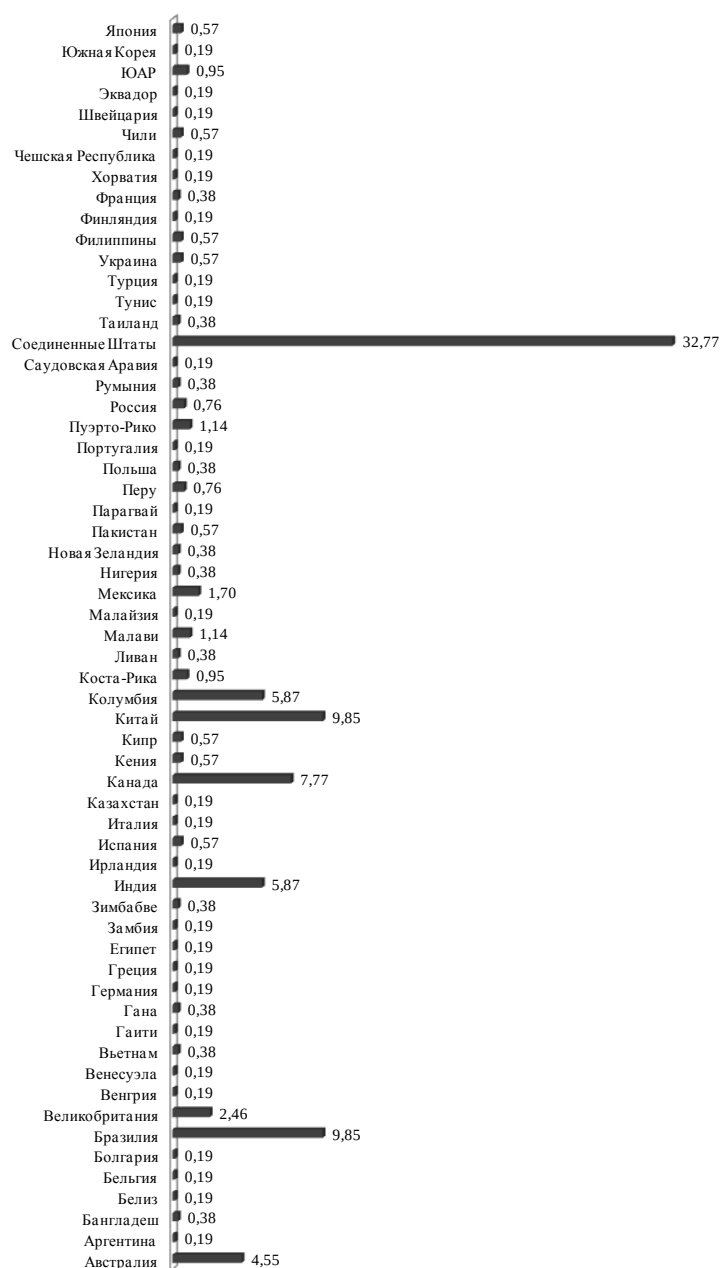

Рисунок 1 – Доля учреждений-подписантов Таллуарской декларации по странам, по состоянию на сентябрь 2024 г., %

Во Всемирной Декларации о высшем образовании для XXI века подчеркивается особая роль высшего образования и научных исследований как «важнейших компонентов культурного, социально-экономического и экологически устойчивого развития человека, сообществ и наций» [2]. Также в ней отмечается, что «перед самым высшим образованием встают грандиозные задачи, требующие его самого радикального преобразования и обновления, <...> с тем, чтобы наше общество, которое ныне переживает глубокий кризис ценностей, могло выйти за рамки чисто экономических соображений и воспринять более глубокие аспекты нравственности и духовности» [2]. При этом следует принимать во внимание, что «существенное изменение и развитие высшего образования, повышение его качества и адекватности, а также решение основных проблем, с которыми оно сталкивается, требует активного привлечения не только правительств и высших учебных заведений, но и всех заинтересованных лиц, включая студентов и их семьи, преподавателей, представителей деловых кругов и промышленности, государственный и частный секторы экономики, парламенты, средства информации, сообщества, профессиональные ассоциации и общество» [2].

К расширению восприятия образования для целей устойчивого развития привел Всемирный Саммит по устойчивому развитию (ЮАР, Йоханнесбург, 2002 г.). В докладе Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию в рамках плана выполнения решений, принятых на этой встрече, отмечена необходимость интеграции вопросов устойчивого развития «в системы образования на всех его уровнях, с тем, чтобы оказывать содействие образованию как ключевому фактору перемен» [3]. В подтверждение этому участники саммита выдвинули предложение о проведении Десятилетия образования в интересах устойчивого развития (Десятилетие ОУР).

Анализ определений ОУР (таблица 1) показывает, что оно представляет собой концепцию обучения, состоящую в приобретении необходимых компетенций для внесения вклада в устойчивое развитие, и основанную на ценностях, дающих возможность людям любого возраста принять на себя обязательства по созданию устойчивого будущего и обладанию им. ОУР связано с концепциями справедливости, равенства, толерантности, достаточности и ответственности. Важным его аспектом является признающий разнообразные источники знаний проблемно ориентированный меж- и трансдисциплинарный подход к познанию.

Таблица 1 – Трактовка понятия «образование для устойчивого развития» разными авторами

Автор	Определение
В.А. Садовничий, Н.С. Касимов, 2006	Предполагает переход от профессионального экологического, экономического, географического и др. видов образования к такой экономически и социально ориентированной модели обучения, в основе которой должны лежать широкие междисциплинарные знания, базирующиеся на комплексном подходе
Д.С. Ермаков, 2013	Процесс и результат прогнозирования и формирования человеческих качеств (знаний, умений и навыков, отношений, компетенций, черт личности, стиля деятельности людей и сообществ), обеспечивающий повышение качества жизни в пределах естественной емкости природных экосистем
Е.Н. Дзятковская, 2015	Направлено на формирование устойчивого вектора в мышлении, мировоззрении, культуре, основанного на аксиоматичности экологических императивов в любых видах и любых сферах деятельности человека, понимании связи сохранения биосферного равновесия с социальной стабильностью и характером экономического развития общества; принятии безусловной ценности сохранения природного и культурного разнообразия на планете как нашего общего природного и культурного наследия; экологической безопасности; формировании морально-этических факторов и принципов действий для устойчивого развития (на всех уровнях – от бытового до государственного) для контроля людьми своего «экологического следа»
А.И. Жук, Н.Н. Кошель, С.Б. Савелова, 2017	Динамическая концепция, которая открывает новый взгляд на образование и направлена на то, чтобы дать возможность людям всех возрастов проявить ответственность за создание устойчивого будущего

Продолжение таблицы 1

Автор	Определение
Образование для устойчивого развития. Декада ООН по образованию для устойчивого развития (2005–2014), 2005	Динамическая концепция, включающая в себя все аспекты информированности общества, образования и подготовки в целях обеспечения или расширения понимания взаимосвязи между вопросами устойчивого развития и развитием знаний, навыков, перспектив и ценностей, которые дадут возможность людям любого возраста принять на себя обязательства по созданию устойчивого будущего и обладанию им
Глобальная программа действий по образованию в интересах устойчивого развития, 2013	Образование, которое позволяет каждому человеку приобретать знания, навыки, ценности и подходы, расширяющие его права и возможности для внесения вклада в устойчивое развитие, принятия компетентных решений и осуществления ответственных действий во имя обеспечения целостности окружающей среды, экономической целесообразности и справедливого общества для нынешнего и будущих поколений
Цели образования в интересах устойчивого развития. Задачи обучения, 2017	Комплексное образование качественно нового уровня с точки зрения содержания учебных программ, результатов обучения, используемых методик преподавания и условий обучения. В нем не просто предусмотрено изучение таких аспектов, как изменение климата, проблемы нищеты и модели устойчивого потребления. Оно предполагает создание интерактивной и ориентированной на интересы учащегося учебно-педагогической среды. Основным отличием ОУР является переход от обучения к изучению. Оно предполагает использование практико-преобразующих методов преподавания, поощряющих самостоятельную работу учащегося, индивидуальное и коллективное участие в занятии, проблемно ориентированный меж- и трансдисциплинарный подход к познанию, сочетание формального и неформального обучения

В соответствии с решением Всемирного Саммита Генеральная Ассамблея ООН в декабре 2002 г. объявила о том, что в 2005–2014 гг. будет проводиться Десятилетие ОУР, главной целью которого заявлена интеграция «принципов и практики устойчивого развития во все аспекты образования и обучения» [4, с. 7]. При этом подчеркивается, что «образование является одним из неотъемлемых элементов обеспечения устойчивого развития» [5].

Следующий шаг для дальнейшего развития ОУР был сделан на пятой конференции министров «Окружающая среда для Европы» (Украина, Киев, 2003 г.), где было принято «Заявление министров окружающей среды стран региона ЕЭК ООН о просвещении в интересах устойчивого развития», в котором устойчивое развитие предлагается отнести «к числу основных целей системы образования в целом <...>, а также к числу мер по повышению осведомленности населения» [6, с. 11]. Также в нем особо подчеркивается, что «устойчивое развитие следует рассматривать как всеобщий необходимый инструмент повседневной жизни», включая во все предметы и учебные дисциплины [6, с. 11]. Кроме того, «его необходимо развивать как отдельную область знаний, особенно в системе высшего образования» [6, с. 11].

На дальнейшее расширение ОУР и ускорение прогресса в направлении устойчивого развития направлена Глобальная программа действий по ОУР (2015–2019 гг.), объявленная на Всемирной конференции ЮНЕСКО по образованию в интересах устойчивого развития (Япония, Айчи-Нагоя, 2014 г.). Всеобъемлющая цель Глобальной программы действий заключается в «осуществлении деятельности на всех ступенях и во всех сферах образования и обучения и расширении ее масштабов в целях ускорения прогресса на пути к устойчивому развитию», предусматривая применение двуединого подхода: интеграцию принципов устойчивого развития в программы обучения и интеграцию образования в процесс устойчивого развития [7].

В дополнение к указанному, Глобальная программа действий стремится внести существенный вклад в осуществление Повестки–2030 по двум задачам: переориентировать образование и обучение таким образом, чтобы каждый человек имел возможность приобрести знания, навыки, ценностные ориентиры и поведенческие установки, дающие возможность внести вклад в устойчивое будущее; повысить роль образования и обучения во

всех повестках дня, программах и мероприятиях, направленных на поощрение устойчивого развития [8].

Отдельно следует отметить, что Глобальная программа действий была подкреплена подробной дорожной картой по ее реализации, дающей пояснения в отношении целей, задач и приоритетных областей деятельности, а так же стратегии их практической реализации и мониторинга [9, с. 3].

Следующим шагом укрепления взаимосвязи образования и устойчивого развития стало одобрение ЮНЕСКО в 2019 г. рамок деятельности по ОУР на период до 2030 г., в соответствии с которыми общая цель ОУР заключается в построении более справедливого и устойчивого мира посредством достижения ЦУР [10, с. 2]. Поэтому ОУР на период до 2030 г. предлагает усилить вклад ОУР во все ЦУР, уделяя при этом особое внимание большему сосредоточению на вкладе содержания обучения в выживание и процветание человечества [10, с. 2]. Рамочная программа действий также содержит «примеры стратегий, которые страны могут использовать при разработке своих планов и стратегий с учетом различных национальных контекстов, возможностей и уровней развития, а также соблюдая национальную политику и приоритеты» [11, с. 23].

Из вышеуказанного следует, что сегодня система образования, в том числе и высшего, находится в процессе переосмысления своей роли в аспекте достижения устойчивого развития. В связи с тем, что ключевой задачей образования является развитие мышления, ориентированного на будущее, через него можно прививать ценности, воспитывать отношение, поведение и стиль жизни, необходимые для обеспечения устойчивого будущего. Чтобы каждый человек мог принимать участие в реализации ЦУР, вузам необходимо не только развивать компетенции и новые направления деятельности в области устойчивого развития, а также реализовывать устойчивые практики, предполагающие преобразование вуза в место получения опыта для устойчивого развития.

Важным фактором в определении того, насколько вузы готовы внедрять практики устойчивого развития является оценка их устойчивости. Внедрение в деятельность вузов принципов устойчивого развития, с одной стороны, влияет на международные рейтинговые механизмы, фиксирующие степень участия вузов в реализации основных направлений в области устойчивого развития, и с другой – позволяет по определенным показателям, выявить ведущие вузы в данной области.

В настоящее время существует ряд международных рейтингов, оценивающих эффективность деятельности вузов в академической и бизнес среде, среди которых особо следует выделить: UI GreenMetric World University Ranking (Индонезия), QS World University Rankings (Великобритания), Times Higher Education World University Rankings (Великобритания), Times Higher Education University Impact Rankings (Великобритания), Academic Ranking of World Universities, также известный как Shanghai Ranking (Китай).

Как правило, при составлении рейтинга анализируются различные параметры эффективности вуза, начиная от условий проживания обучающихся в кампусах, заканчивая уровнем научного цитирования профессорско-преподавательского состава в мировых базах цитирования. Составление рейтингов позволяет улучшить устойчивость вуза, за счет определения: слабых мест и требований, что помогает улучшить показатели в конкретных аспектах и повысить общую устойчивость; лучших практик и инноваций в области устойчивости, что послужит мотивацией для принятия новых и более эффективных практик.

Несмотря на популярность перечисленных международных рейтингов, разрабатываются и национальные рейтинги. Так, в настоящее время в России существуют два национальных рейтинга, оценивающих разные направления ESG-повестки вузов: рейтинг влияния вузов России (RAEX), рейтинг «зеленых» вузов России.

Таким образом, образование, являясь начальным элементом трансформации к устойчивому развитию, обеспечивает людей возможностью претворять свое представление об обществе в реальность. Оно не только дает знания, умения и навыки, но и обеспечивает мотивацию, служит объяснением и оказывает социальную поддержку для развития навыков

и их применения. В связи с тем, что ключевой задачей образования является развитие мышления, ориентированного на будущее, через него можно прививать ценности, воспитывать отношение, поведение и стиль жизни, необходимые для обеспечения устойчивого будущего. В свою очередь вузы, активизируя свою образовательную, исследовательскую и социальную роль в осуществлении целей устойчивого развития, популяризируют их в пределах своей области деятельности, возлагая, таким образом, на себя определенную социальную ответственность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Talloires Declaration // ULSF. – URL: <http://ulsf.org/talloires-declaration/> (дата обращения 12.09.2025).
2. Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901839539> (дата обращения 12.09.2025).
3. Доклад Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию Йоханнесбург, Южная Африка, 26 августа – 4 сентября 2002 года // ООН. – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n02/636/95/pdf/n0263695.pdf> (дата обращения 12.09.2025).
4. Цели образования в интересах устойчивого развития. Задачи обучения // Волонтерлердің бірыңғай платформасы. – URL: <https://qazvolunteer.kz/uploads/19/69/%D0%A6%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%B0%D1%85%D1%83%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B9%D1%87%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%8F.pdf> (дата обращения 12.09.2025).
5. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей [по докладу Второго комитета (A/57/532/Add.1)] 57/254. Десятилетие образования в интересах устойчивого развития Организации Объединенных Наций // ООН. – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n02/556/14/pdf/n0255614.pdf> (дата обращения 12.09.2025).
6. Проект заявления министров окружающей среды стран ЕЭК ООН О просвещении в интересах устойчивого развития : пятая конференция министров «Окружающая среда для Европы», Киев, Украина, 21–23 мая 2003 г. // UNECE. – URL: <https://unece.org/fileadmin/DAM/env/efe/Kiev/proceedings/files.pdf/Item%2011/11Documents/ece.cer.102.add.1.r.pdf> (дата обращения 12.09.2025).
7. Глобальная программа действий по образованию в интересах устойчивого развития (ОУР). Цели и задачи // UNESCO. – URL: <https://webarchive.unesco.org/web/20211222140406/https://ru.unesco.org/node/263842> (дата обращения 12.09.2025).
8. Глобальная программа действий по образованию в интересах устойчивого развития (ОУР) // UNESCO. – URL: <https://webarchive.unesco.org/web/20211222140548/https://ru.unesco.org/node/280943> (дата обращения 12.09.2025).
9. Дорожная карта осуществления Глобальной программы действий по образованию в интересах устойчивого развития // Copyright One Planet Network. – URL: <https://www.oneplanetnetwork.org/sites/default/files/230514r.pdf> (дата обращения 23.09.2025).
10. Рамочная основа деятельности в области образования в интересах устойчивого развития (ОУР) в период после 2019 г. // UNESCO. – URL: <https://gcedclearinghouse.org/sites/default/files/resources/210290rus.pdf> (дата обращения 23.09.2025).

11. Образование-2030. Инчхонская декларация и рамочная программа действий по осуществлению цели 4 в области устойчивого развития // UNESCO. – URL: <https://gcedclearinghouse.org/sites/default/files/resources/245656r.pdf> (дата обращения 23.09.2025).

УДК 314.15.015

**ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БЕЛАРУСИ: ПРИОРИТЕТЫ ПОЛИТИКИ
И ВЕКТОРЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**
**DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF BELARUS: POLICY PRIORITIES
AND IMPROVEMENT VECTORS**

Кот Ульяна Владимировна,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск,
ulyankot@gmail.com

Kot Ulyana,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. Демографическая ситуация в Республике Беларусь характеризуется как сложная, обусловленная долгосрочными негативными тенденциями: сокращением общей численности населения, низким уровнем рождаемости, не обеспечивающим простое воспроизводство, стабильно высокой смертностью, особенно в трудоспособных возрастах, и прогрессирующим старением возрастной структуры. Несмотря на особую актуальность проблемы, в республиканском бюджете не выделены отдельные расходы конкретно на поддержку демографической политики. Её приоритетным направлением остается развитие и поддержка семейной политики, в особенности многодетных семей. Отдельно в рамках государственных программ выделяются расходы на снижение преждевременной смертности и стабилизацию инвалидности населения от неинфекционных заболеваний. Регулирование миграционных процессов, направленное на повышение эффективности управления миграционными потоками и их соответствие перспективам демографического и социально-экономического развития, входит в деятельность Министерства внутренних дел. В современных условиях государственная поддержка призвана обеспечивать социальную защищенность населения и способствовать улучшению качества жизни.

Ключевые слова: семейная политика, демографическая политика, естественное движение населения, государственные программы.

Abstract. The demographic situation in the Republic of Belarus is characterized as difficult, due to long-term negative trends: a decrease in the total population, a low birth rate that does not ensure simple reproduction, a consistently high mortality rate, especially in the working age, and a progressive aging of the age structure. Despite the particular urgency of the problem, the republican budget does not allocate specific expenditures specifically to support demographic policy. Her priority remains the development and support of family policy, especially for large families. Separately, within the framework of government programs, expenditures are allocated to reduce premature mortality and stabilize the disability of the population from non-communicable diseases. The regulation of migration processes, aimed at improving the efficiency of migration flow management and their compliance with the prospects for demographic and socio-economic development, is part of the activities of the Ministry of Internal Affairs. In modern conditions, state

support is designed to ensure social security of the population and contribute to improving the quality of life.

Keywords: family policy, demographic policy, natural population movement, government programs.

Динамика численности населения. За период с 2015 по 2024 год численность населения Беларуси сократилась почти на 3,5 %. Небольшой рост, наблюдавшейся в 2015–2016 годах, был обусловлен вступлением в активный репродуктивный возраст многочисленного поколения 1980-х годов, а также положительным сальдо миграции. Однако впоследствии эта тенденция сменилась на устойчивую убыль, достигшую наибольших значений в 2021 и 2022 годах.

Демографические процессы в городской и сельской местности имеют кардинальные отличия. Если до 2019 года численность городского населения медленно росла (темпы с 0,37 % в 2015 г. до 0,14 % в 2019 г.), то с 2020 года началась ее убыль. Для сельской местности депопуляция является «хронической» проблемой, обусловленной интенсивной урбанизацией прошлых десятилетий и миграцией молодежи, что привело к формированию регрессивного типа возрастной структуры. Убыль сельского населения достигла почти 2 % в 2021–2022 годах.

Рождаемость демонстрирует устойчивое снижение. Период роста рождаемости в 2012–2016 годах, частично связанный с благоприятной возрастной структурой, сменился фазой устойчивого снижения. Общий коэффициент рождаемости (число родившихся на 1000 человек) упал с 9,3 ‰ в 2019 году до 6,5 ‰ в 2024 году. Обобщающий показатель – суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных одной женщиной за всю жизнь) – сократился с 1,733 в 2016 году до 1,382 в 2019 году и до критически низкого уровня в 1,081 в 2024 году, что почти вдвое ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства (2,15). Анализ возрастных коэффициентов рождаемости показывает снижение во всех возрастных группах при сравнении 2018 года с 2015 годом, однако наблюдается рост в группе 40–44 года, что свидетельствует о тенденции к «отложенным рождениям».

Смертность и здоровье населения. Уровень смертности остается стабильно высоким (около 12,6–12,8 ‰ в 2015–2019 гг.) с незначительным снижением к 2024 году. Существует значительный разрыв между показателями смертности в городской и сельской местности (примерно двукратный в большинстве регионов). Основными причинами являются постаревшая возрастная структура и чрезвычайно высокая смертность среди мужчин трудоспособного возраста. Начиная с возрастной группы 25–29 лет, коэффициенты смертности среди мужчин более чем в три раза превышают показатели среди женщин. Это определяет значительный гендерный разрыв в ожидаемой продолжительности жизни, который сохраняется на уровне около 10 лет, несмотря на общий её рост. Такой разрыв объясняется распространенностью неинфекционных заболеваний, нездоровым образом жизни и условиями труда среди мужского населения.

Возрастную структуру населения Беларуси можно охарактеризовать как неблагоприятную, регрессивную, с очень высоким уровнем старения. Доля населения старше трудоспособного возраста на начало 2024 года превысила 24 %. Половозрастные пирамиды наглядно демонстрируют смещение «объема» населения в старшие возрастные группы. Особенно ярко эти процессы выражены в сельской местности, где половозрастная пирамида имеет сильно деформированный вид с резким преобладанием женщин в возрастах 75 лет и старше (рисунок 1) [1].

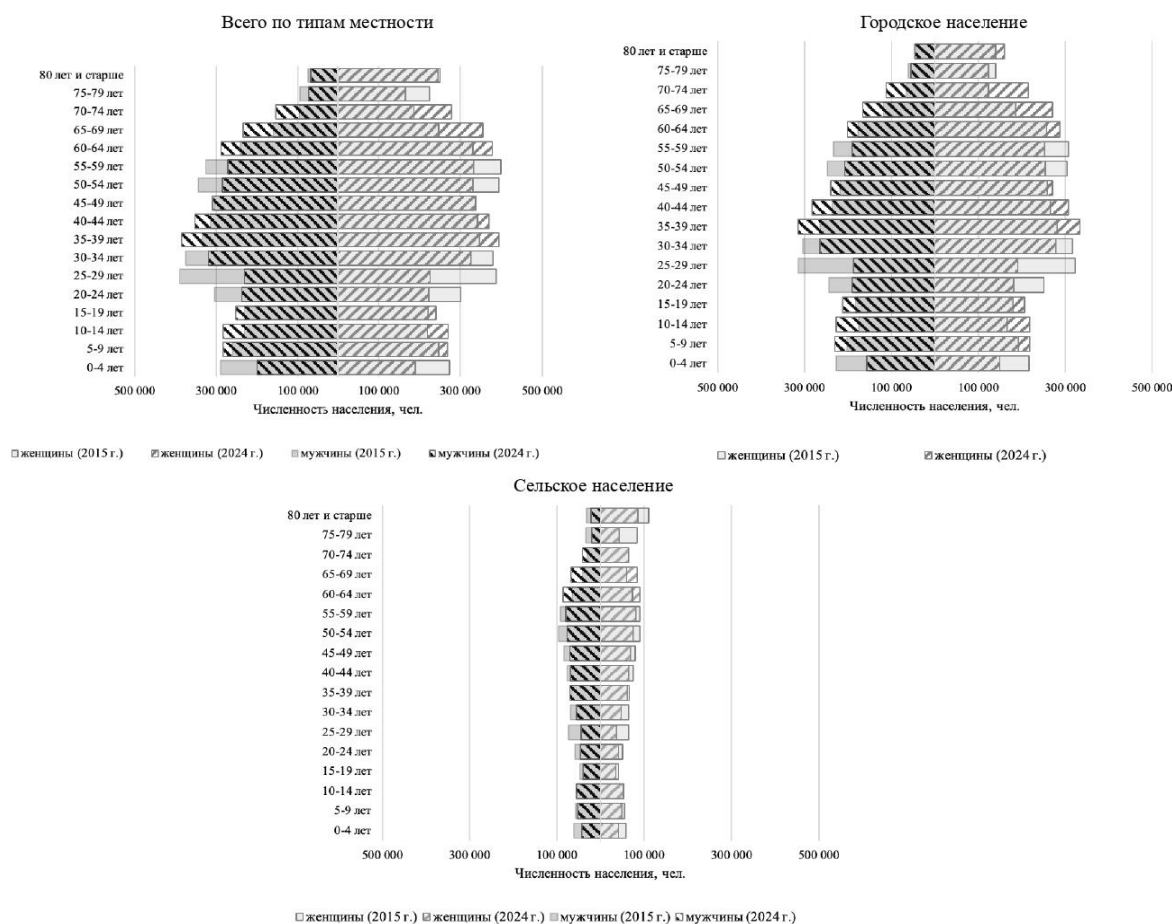

Рисунок 1 – Половозрастные пирамиды населения Беларуси за 2025 и 2024 гг., чел.
Примечание – Источник [1].

В ответ на эти вызовы в республике реализуется Национальная стратегия «Активное долголетие – 2030», направленная на повышение качества жизни пожилых людей и их вовлеченности в социальную и экономическую жизнь [2].

Семейная политика, являясь неотъемлемой частью социальной политики государства, в Республике Беларусь реализуется через разветвленную систему мер. Ключевыми элементами которой являются:

- Предоставление пособий в связи с рождением и воспитанием детей;
- Программа «Семейный капитал»;
- Государственная поддержка при строительстве (реконструкции) жилья;
- Социальное обслуживание семей с детьми;
- Обеспечение бесплатного питания детям первых двух лет жизни;
- Многочисленные гарантии и льготы в сферах образования, здравоохранения, пенсионного, трудового, налогового и жилищного законодательства.

Основным программным документом, определяющим государственную политику в данной сфере, является Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы, в рамках которой подпрограмма 1 «Семья и детство» направлена на создание условий для повышения качества жизни семей и укрепления института семьи, с особым вниманием к многодетным семьям [3].

Анализ динамики государственных расходов позволяет выявить ряд важных тенденций. Доля расходов на социальную политику в общих расходах консолидированного бюджета демонстрирует тенденцию к снижению: с 8,04 % в 2021 году до 7,2 % в 2024 году. Однако в абсолютном выражении объем финансирования непрерывно увеличивается:

с 2062,75 млн руб. в 2021 году до 2804,8 млн руб. в 2024 году. Аналогичная картина наблюдается и в отношении поддержки многодетных семей: абсолютные расходы на формирование «семейного капитала» выросли с 341,5 млн руб. до 382,5 млн руб. за тот же период, но их доля в общих социальных расходах сократилась с 16,6 % до 13,6 %. Если рассматривать расходы в процентах от ВВП, то также видно снижение: расходы на государственную поддержку семей, воспитывающих детей, уменьшились с 3,3 % ВВП в 2020 году до 3,2 % в 2021 году.

Международные сопоставления за 2019 год показывают, что даже с учетом этого снижения уровень расходов Беларуси на семейные пособия (3,2–3,3 % ВВП) остается весьма высоким. Он сопоставим с показателями таких стран, как Франция (3,44 %), Швеция (3,42 %), Люксембург (3,36 %), Польша (3,35 %) и существенно превышает средние значения по Европейскому союзу (2,56 %) и странам ОЭСР (2,29 %). Это свидетельствует о значительных усилиях, которые государство предпринимает для поддержки семей с детьми [4].

Наиболее действенной и известной мерой, направленной на стимулирование рождаемости, является программа «Семейный капитал», реализуемая с 2015 года. Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 9 декабря 2014 года № 572 при рождении (усыновлении) третьего или последующих детей семья получает право на единовременную безналичную выплату в эквиваленте 10 тысяч долларов США. Эффективность данной меры подтверждается статистикой: за период 2015–2019 годов темп роста количества третьих и последующих детей, рожденных за период действия программы, составил 140,7 % по сравнению с периодом 2010–2014 годов [5]. На 1 сентября 2025 года для многодетных семей было открыто более 148,5 тысячи депозитных счетов по программе «Семейный капитал» [6].

Помимо финансовых инструментов, в стране активно развивается система адресной социальной помощи и социального обслуживания, ориентированная на поддержку наиболее уязвимых категорий семей. Эта система включает:

- бесплатные услуги няни по уходу за детьми до 3 лет для определенных категорий (при рождении двойни, тройни, наличии ребенка-инвалида, инвалидности у родителей);
- услугу «социальной передышки» для семей, воспитывающих детей-инвалидов, предоставляемую на базе домов-интернатов на срок до 56 дней в год;
- социальный патронат и временный приют (кризисные комнаты) в центрах социального обслуживания для семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации [5].

Эти меры направлены на комплексное решение проблем семьи и профилактику социального неблагополучия.

Приоритетные направления совершенствования демографической политики. В условиях сложившейся демографической ситуации для её стабилизации и улучшения необходим комплексный, адресный и гибкий подход. Можно выделить шесть ключевых направлений действий:

1. Совершенствование мер по снижению смертности и сокращению гендерного разрыва в ожидаемой продолжительности жизни.

Это предполагает реализацию мероприятий по повышению приверженности населения, особенно мужчин, к ранней диагностике заболеваний (сердечно-сосудистых, онкологических). Целесообразно рассмотреть усиление мер по внедрению обязательного ежегодного медицинского осмотра. Необходимо активно продвигать культуру ответственного отношения к здоровью через информационно-просветительские кампании, направленные на профилактику травматизма, вредных привычек и популяризацию здорового образа жизни во всех возрастах.

2. Ужесточение мер по охране труда. Требуется совершенствование нормативной базы и внедрение комплексного подхода, сочетающего организационные, технические и медицинские меры для профилактики травматизма и профессиональных заболеваний на рабочих местах, что особенно актуально для снижения смертности мужчин трудоспособного возраста.

3. Развитие новых подходов к стимулированию рождаемости. Помимо дальнейшего совершенствования существующих финансовых мер поддержки, ключевым аспектом является создание условий для совмещения родительских обязанностей и профессиональной деятельности (гибкий график, удаленная работа, частичная занятость). Важнейшую роль играет развитие доступной и качественной инфраструктуры для детей раннего возраста (ясли, детские сады). Не менее значимы меры по популяризации семейных ценностей и положительного образа многодетной семьи через СМИ и социальную рекламу, а также поощрение активного отцовства.

4. Развитие мер, направленных на увеличение миграционных потоков. Для компенсации естественной убыли населения необходима стратегия по привлечению трудовых мигрантов, включающая административные меры по защите их прав, обеспечение социальных гарантий, организацию курсов по языку и культурной адаптации. Также важна разработка мер для стимулирования их долгосрочного пребывания (вид на жительство, поддержка переезда семей, признание дипломов об образовании).

5. Усиление роли регионов в демографической политике. Целесообразно расширить полномочия региональных и местных органов власти, предоставив им возможность более активно использовать данные демографической статистики. Это позволит разрабатывать точечные и дифференцированные меры поддержки, максимально учитывающие специфику городских и сельских территорий. Параллельно с этим необходима организация системы мониторинга, которая позволит оценивать эффективность реализуемых мер и оперативно вносить в них коррективы.

6. Внедрение принципа «гибкости» в реализацию политики. Государственные программы должны предоставлять возможности для их адаптации под местные условия и быстро меняющиеся демографические реалии.

В Республике Беларусь создана развитая и финансово обеспеченная система поддержки семей с детьми, масштабы которой сопоставимы с европейскими государствами. Однако устойчивые негативные тренды – снижение рождаемости до крайне низкого уровня, высокая смертность, значительное старение населения – указывают на то, что текущих усилий недостаточно. Для достижения прорыва необходима дальнейшая консолидация усилий на ключевых направлениях, прежде всего на сокращении предотвратимой смертности, особенно среди мужчин, и на создании комплексной среды, благоприятной для рождения и воспитания детей, с акцентом на региональную специфику и адресность принимаемых решений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации. – URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/home-page> (дата обращения 19.09.2025).

2. О Национальной стратегии Республики Беларусь «Активное долголетие – 2030». – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22000693> (дата обращения 19.09.2025).

3. О Государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=c22100028> (дата обращения 19.09.2025).

4. OECD Family Database. – URL: <https://www.oecd.org/en/data/datasets/oecd-family-database.html#123456> (дата обращения 19.09.2025).

5. Семейная политика в Республике Беларусь. – URL: <https://mir.pravo.by/edu/roditel/gosudarstvennaya-podderzhka-semey-/> (дата обращения 19.09.2025).

6. Более 148,5 тыс. депозитных счетов по программе «Семейный капитал» открыто в Беларуси. – URL: <https://belta.by/society/view/bolee-1485-tys-depozitnyh-schetov-po-programme-semejnyj-kapital-otkryto-v-belarusi-736353-2025/> (дата обращения 19.09.2025).

**СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ КИТАЯ
КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
SOCIAL INNOVATIONS IN THE EDUCATION SYSTEM OF CHINA
AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT**

Лебедевич Марина Викторовна,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
lebedevich_marina@mail.ru

Lebiadzevich Maryna,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ социальных инноваций в системе образования Китайской Народной Республики как ключевого инструмента достижения Цели устойчивого развития 4 (ЦУР 4). Исследуются основные стратегические документы и конкретные меры, реализованные на различных уровнях образовательной системы: от дошкольного до высшего. Особое внимание уделено интеграции информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), развитию профессионального образования, взаимодействию с предприятиями, внедрению экологического образования и политике выравнивания образовательных возможностей между городскими и сельскими районами. Выявлены ключевые вызовы, включая региональное неравенство. Определены перспективные направления, такие концепции как «обучение на протяжении всей жизни» и «интернет + образование». Сделан вывод о том, что китайский опыт представляет значительный интерес для стран, разрабатывающих национальные стратегии развития образования в контексте устойчивого развития, и может быть адаптирован с учетом национальных особенностей.

Ключевые слова: социальные инновации, образование, устойчивое развитие, цифровизация, государственная политика.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of social innovations in the education system of the People's Republic of China as a key tool for achieving Sustainable Development Goal 4 (SDG 4). The main strategic documents and specific measures implemented at various levels of the educational system, from preschool to higher education, are examined. Particular attention is paid to the integration of information and communication technologies (ICT), the development of vocational education, interaction with enterprises, the introduction of environmental education, and policies aimed at equalizing educational opportunities between urban and rural areas. Key challenges are identified, including regional inequality. Promising directions such as the concepts of "lifelong learning" and "Internet + Education" are defined. It is concluded that the Chinese experience is of significant interest to countries developing national education development strategies in the context of sustainable development and can be adapted considering national specifics.

Keywords: social innovation, education, sustainable development, digitalization, state policy.

Социальные инновации в образовании представляют собой целенаправленные изменения, вводимые для разрешения проблемных ситуаций, оптимизации учебного процесса, повышения его качества, доступности и эффективности [1]. В современном глобализирующемся мире образовательные системы сталкиваются с необходимостью быстрой адаптации к цифровой трансформации экономики, изменениям на рынке труда.

Опыт Китайской Народной Республики в этой области является одним из наиболее показательных примеров системного подхода, органично встроенного в общенациональные стратегии социально-экономического развития.

Специфика китайских реформ заключается в их глубокой интеграции в общенациональные планы развития: XIII (2016–2020) и XIV (2021–2025) Пятилетние планы и ориентации на построение «социалистической системы образования с китайской спецификой».

Фундаментальным документом, определяющим долгосрочную траекторию развития, является стратегия «Модернизация образования в Китае до 2035 года» (далее – Стратегия), обнародованная в 2019 году [2]. Ее основные принципы включают:

1. Незыблемость руководства Коммунистической партии Китая (КПК) и сохранение китайской специфики, что подразумевает усиление идеологической составляющей.

2. Приоритетность образования как стратегического ресурса национального возрождения.

3. Ориентация на всестороннее развитие личности, включая моральное, интеллектуальное, физическое и эстетическое воспитание.

4. Справедливость и доступность, что предполагает сбалансированное развитие городского и сельского образования, поддержку уязвимых групп.

5. Внедрение инноваций и глубокую интеграцию цифровых технологий на всех уровнях образовательной системы.

Стратегия стала развитием более ранних инициатив, таких как «Проект 211» (создание 100 высококласных университетов) и «Проект 985» (развитие элитных учреждений высшего образования мирового уровня), заложивших основу для качественного скачка в высшем образовании.

Современное высшее образование в Китае характеризуется впечатляющим экстенсивным развитием и быстрым ростом в международных рейтингах. Так, рейтинг Times Higher Education (THE) за 2024 г. показал, что 7 университетов континентального Китая занимают места в сотне лучших УВО мира: Университет Цинхуа (12-е место), Пекинский университет (14-е), Шанхайский университет Цзяо Тонг (43-е), Университет Фудань (44-е), Чжэцзянский университет (55-е), Университет электронных наук и технологий Китая (57-е), Нанкинский университет (73-е) [3, с. 140].

Одной из наиболее заметных инноваций является активная цифровизация образования. Стратегия «Интернет +» (2015) инициировала глубокую интеграцию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в учебный процесс. Это выражается в:

– **Создании национальных образовательных платформ**, таких как массовые открытые онлайн-курсы (МООС), которые обеспечивают доступ к качественному контенту учащимся из удаленных регионов.

– **Использовании искусственного интеллекта (ИИ)** для адаптивного и персонализированного обучения, анализа успеваемости и прогнозирования образовательных траекторий.

– **Внедрении технологий STEAM** (наука, технологии, инженерия, искусство, математика), где акцент делается на междисциплинарности, проектной работе и развитии креативного мышления. План «STEM-2029» нацелен на воспитание инновационных кадров, способных обеспечить технологическое лидерство Китая к 2049 году.

Пандемия COVID-19 стала стресс-тестом для цифровой инфраструктуры, и Китай смог достаточно быстро перевести миллионы студентов на дистанционное обучение, подтвердив гибкость своей системы.

Китай создал крупнейшую в мире систему профессионального образования, насчитывающую около 11,2 тыс. учреждений и более 29 млн учащихся [4]. Ключевой инновацией здесь является модель тесной интеграции **«образование – промышленность – научные исследования»**. Создано более 3000 учебно-производственных предприятий и 24,9 тыс. практических баз. Предприятия активно участвуют в разработке учебных программ,

а новым Законом о профессиональном образовании им предусмотрены налоговые льготы за участие в подготовке кадров. Перечень специальностей регулярно обновляется. За последнее десятилетие было модернизировано или добавлено более 1000 специальностей, что соответствует масштабу обновления свыше 70 %. Это позволяет готовить кадры для нужд новой экономики, цифровизации и зеленого роста.

Для превращения Китая в страну с конкурентоспособным высшим образованием была реализована серия высокоресурсных проектов: «Проект 211», «Проект 985», а также инициатива «Двойного первоклассного» строительства (Double First-Class University Plan), нацеленная на создание университетов и научных дисциплин мирового уровня.

Для борьбы с «утечкой мозгов» и привлечения зарубежных талантов действуют программы, такие как «Тысяча талантов» (Thousand Talents Plan), предлагающие щедрые гранты, высокие зарплаты и современные лаборатории ведущим ученым со всего мира, включая китайских специалистов, желающих вернуться на родину.

Ответом на вызовы старения населения и необходимости непрерывного обновления компетенций стало активное развитие системы образования для взрослых и пожилых людей («третьего возраста»). На сегодняшний день в стране действует около 76 тыс. учебных заведений для пожилых, в которых обучается более 20 млн человек [5]. Содержание программ варьируется от оздоровления и искусств до профессиональных навыков (компьютерная грамотность, уход за больными). Эта система способствует социальной интеграции и реализации политики активного долголетия.

С 1990-х годов Китай последовательно интегрирует принципы устойчивого развития в образовательные программы. Инициативы, подобные «Экологическим учителям для Китая», были направлены на подготовку инструкторов, которые, в свою очередь, воспитывают у молодежи экологическую грамотность и ответственность [6].

Опыт Китая наглядно демонстрирует, что масштабные инвестиции в человеческий капитал, реализуемые в рамках государственной политики, служат ключевым фактором прогресса на пути к достижению Цели устойчивого развития 4 (ЦУР 4) «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех».

К основным международным показателям, по которым оценивается достижение ЦУР 4 относятся:

- процент молодежи в возрасте от 15 до 24 лет, которая может с пониманием прочитать и написать короткое простое высказывание о повседневной жизни;
- показатель завершения неполного среднего образования;
- процент детей официального школьного возраста, зачисленных в начальную школу;
- уровень участия в организованном обучении за год до официального возраста поступления в начальную школу, измеряемый скорректированным чистым коэффициентом охвата организованным обучением.

Достижение ЦУР 4 рассматривается не как изолированная задача, а как часть более широких геоэкономических проектов, таких как «Один пояс – один путь», который выступает инструментом укрепления международного образовательного сотрудничества и экспорта китайских образовательных стандартов.

Согласно национальным отчетам, чистый коэффициент зачисления в начальные школы и общий коэффициент зачисления в неполные средние школы стабильно превышают 99,9 % и 100 % соответственно, а уровень завершения обязательного образования вырос с 93,0 % в 2015 году до 95,5 % в 2023 году. Уровень грамотности взрослого населения является одним из самых высоких в мире, достигая 99,8 % [7].

Однако комплексная оценка выполнения некоторых показателей ЦУР 4 все еще остается затруднительной. На региональном уровне набор отслеживаемых индикаторов существенно уже, чем на национальном, что затрудняет оценку полноты достижения целей и маскирует внутреннее неравенство. Сохраняется значительный разрыв между городскими и сельскими районами, обусловленный, в частности, системой регистрации домохозяйств

(Хукоу), которая исторически ограничивала доступ сельских жителей к качественным образовательным и медицинским услугам в городах. Исследования, включая публикации в China Quarterly, указывают, что в сельских районах до 63 % учащихся могут не завершать обучение в средней школе. Это связано с хроническим недофинансированием сельских школ, нехваткой квалифицированных учителей и недостатком адекватной инфраструктуры. По некоторым оценкам, правительство ежегодно тратит в среднем на 900 юаней больше на ученика городской средней школы, чем на сельского ученика [8].

Таким образом, несмотря на впечатляющие макроэкономические показатели, качественное выполнение ЦУР 4 требует от Китая продолжения усилий по преодолению внутреннего регионального и социального неравенства.

Несмотря на впечатляющие успехи, китайская система образования сталкивается с рядом вызовов:

1. Сохранение регионального и социального неравенства. Разрыв между восточными мегаполисами и западными сельскими регионами остается значительным.

2. Необходимость развития «гибких навыков» (soft skills). Акцент на технических знаниях и стандартизированном тестировании может ограничивать развитие креативности, критического мышления и навыков решения сложных задач.

3. Давление на учащихся. Высокая академическая нагрузка и конкуренция создают серьезную психологическую нагрузку на студентов и школьников.

4. Глобальная конкуренция за таланты. Несмотря на успехи в репатриации, Китай продолжает конкурировать с ведущими западными странами за лучшие умы.

Перспективные направления дальнейшего развития видятся в углублении цифровизации, особенно в сфере искусственного интеллекта и анализа больших данных; дальнейшей гуманизации образования с акцентом на благополучие учащихся; и усилении глобальной роли Китая как поставщика образовательных услуг и научного сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс – один путь».

Опыт Китая в проведении образовательных реформ демонстрирует, что достижение ЦУР 4 требует не разрозненных мер, а комплексной государственной стратегии, основанной на долгосрочном планировании, последовательном финансировании и активном внедрении технологий. Ключевыми факторами успеха стали: увязка образовательной политики с национальными экономическими целями, ставка на цифровизацию, глубокая интеграция профессионального образования с реальным сектором экономики и построение системы непрерывного обучения.

Выделенные социальные инновации – от повсеместной цифровой трансформации до развития образования для пожилых – представляют значительный практический интерес для других стран, включая Беларусь. Адаптация наиболее эффективных элементов китайского опыта, таких как модель тесного взаимодействия «вуз–предприятие» в профессиональном образовании и развитие национальных цифровых образовательных платформ, с учетом национальной специфики, может способствовать оптимизации инструментов развития экономики знаний и человеческого капитала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шишарина Н.В. Инновации в образовании: сущность, функции, свойства и виды // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsii-v-obrazovanii-suschnost-funktsii-svoystva-i-vidy> (дата обращения 22.09.2025).

2. 中共中央、国务院印发《中国教育现代化 2035》. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2019-02/23/content_5367987.htm (дата обращения 15.09.2025).

3. Лебедев М.В. Практика применения социальных инноваций в системе образования Китая // Молодежь в науке – 2025 : тезисы докладов XXII Международной научной

конференции молодых ученых (Минск, 16–18 сентября 2025 г.). В четырех частях. Часть 3. Гуманитарные науки и искусства / Нац. акад. наук Беларуси, Совет молодых ученых ; редкол.: В.Л. Гурский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2025. – 356 с.

4. Цзи Цзюйшэн. Традиции и инновации в профессиональном образовании Китая // Вестник УРНО. – 2025. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-i-innovatsii-v-professionalnom-obrazovanii-kitaya> (дата обращения 22.09.2025).

5. Чжэн Синьли. Об образовании для пожилых людей в Китае. – URL: <https://baike.com/v7680211.htm?from Title> (дата обращения 28.08.2025).

6. Китай создаст экспериментальные зоны под новую реформу зеленого финансирования и инноваций: сайт Министерства экологии и окружающей среды Китайской Народной Республики, 15 июня 2017. – URL: http://english.mee.gov.cn/News_service/news_release/201706/t20170615_416122.shtml (дата обращения 28.08.2025).

7. China's Progress Report on Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. – URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/topics_665678/2030kcxzfzc/202310/P020231018367257234614.pdf (дата обращения 15.09.2025).

8. SDG 4 in China: Ensuring Quality Education // The Borgen Project. – 2023. – URL: <https://borgenproject.org/sdg-4-in-china/> (дата обращения 22.09.2025).

УДК 332.3:314.116(476)

**РОЛЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ИЗМЕНЕНИИ ПЛОЩАДИ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
THE ROLE OF THE DEMOGRAPHIC FACTOR IN CHANGING THE AREA
OF AGRICULTURAL LAND IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

Лемешевский Арсений Александрович,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
lemarsby@gmail.com

Lemiasheuski Arseni,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic Belarus, Minsk

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь между динамикой численности сельского населения и изменением площади сельскохозяйственных земель в Республике Беларусь за период 1990–2024 гг. Установлена устойчивая тенденция депопуляции населения сельских территорий, сопровождающаяся сокращением земель сельскохозяйственного назначения. С помощью методов статистического анализа выявлена сильная положительная корреляция между изучаемыми показателями, что свидетельствует о значительном влиянии демографического фактора на структуру землепользования. В работе проведен регрессионный анализ, установивший меру данной зависимости. Результаты исследования подчеркивают необходимость учета демографических тенденций при совершенствовании аграрной политики и устойчивого управления земельными ресурсами. Сделан вывод о целесообразности перехода от экстенсивной модели сельского хозяйства, требующей значительных трудовых ресурсов, к интенсивной, основанной на технологической модернизации и оптимизации использования наиболее продуктивных земель.

Ключевые слова: сельское население, сельскохозяйственные земли, депопуляция, землепользование, корреляционный анализ, Республика Беларусь.

Abstract. This article analyzes the relationship between rural population dynamics and changes in agricultural land area in the Republic of Belarus from 1990 to 2024. A persistent trend of rural depopulation, accompanied by a reduction in agricultural land, can be identified. Statistical analysis revealed a strong positive correlation between the studied indicators, indicating a significant influence of demographic factors on land use structure. A regression analysis was conducted to determine the extent of this relationship. The results of the study highlight the need to consider demographic trends when developing strategies for agricultural development and sustainable land management. This suggests the feasibility of transitioning from an extensive agricultural model, which requires significant labor resources, to an intensive one based on technological modernization and optimization of the use of the most productive lands.

Keywords: rural population, agricultural land, depopulation, land use, correlation analysis, Republic of Belarus.

Депопуляция сельских территорий является общемировым трендом, обусловленным урбанизацией, структурными изменениями в экономике и социальными факторами. В Республике Беларусь данная тенденция носит выраженный и устойчивый характер, оказывая комплексное воздействие на социально-экономическое развитие регионов. Ключевым ресурсом аграрного производства выступают земельные угодья, динамика которых тесно переплетена с демографическими процессами.

Сельское хозяйство остается важнейшей отраслью экономики Беларуси, вносящей значительный вклад в обеспечение продовольственной безопасности страны. По предварительной оценке, в 2024 г. вклад сельскохозяйственного производства в объем ВВП страны составил 6,1 %. На 1 января 2025 г. в отрасли насчитывалось около 1,5 тыс. сельскохозяйственных организаций и 3,3 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств [1].

Производство сельскохозяйственной продукции на душу населения в Беларуси соответствует уровню развитых стран и по многим позициям превышает показатели, достигнутые в странах СНГ. Белорусский продовольственный сектор не только полностью обеспечивает внутренние потребности населения в продуктах питания, но и является одним из основных источников получения валютной выручки [1].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью подтверждения гипотезы о наличии и силе связей между сокращением численности сельского населения и изменением площади сельскохозяйственных земель. Понимание характера данной зависимости имеет важное практическое значение для формирования обоснованной аграрной и региональной политик, направленных на устойчивое использование земельных ресурсов в условиях негативных демографических тенденций.

Административно-территориальные особенности Беларуси, такие как плотность сельского населения, уровень развития региональных центров, играют значительную роль в дифференциации процессов. Как свидетельствуют данные, различные регионы страны демонстрируют неоднородную динамику изменения численности сельского населения и площади сельхозземель [2]. Региональная специфика требует разработки дифференцированных подходов к управлению земельными ресурсами с учетом местных условий и их потенциала развития.

Согласно последним исследованиям, процесс сокращения сельского населения остается устойчивым трендом, сокращение которого сопровождается не только количественными, но и качественными изменениями его структуры, что необходимо учитывать при разработке мер аграрной политики [3].

Целью статьи является оценка зависимости между численностью сельского населения и площадью сельскохозяйственных земель в Республике Беларусь на основе статистического анализа данных за период 1990–2024 гг.

Для достижения поставленной цели решены следующие задачи:

- проанализировать динамику численности сельского населения;
- проанализировать динамику изменения площади сельскохозяйственных земель;

- провести корреляционно-регрессионный анализ для установления силы и характера связи между изучаемыми показателями;
- интерпретировать полученные результаты в контексте разработки мер аграрной политики.

Для комплексной оценки взаимосвязи между демографическими процессами и землепользованием в сельской местности Республики Беларусь проведен анализ динамики численности сельского населения и площади сельскохозяйственных земель за период 1990–2024 гг. (таблица 1).

Таблица 1 – Динамика численности сельского населения, динамика сельхоз земель, темпы роста по десятилетиям, %

Показатель	1990–2000	2000–2010	2010–2020	2020–2024
Темпы изменения численности сельского населения	-20,2	-11,1	-14,6	-4,5
Темпы изменения площади сельхозземель	-11,3	+0,6	-3,1	-0,2

Примечание – Источник: составлено автором по данным источников [2, 7, 8].

Анализ данных позволяет выявить следующую тенденцию: за весь анализируемый период численность сельского населения сократилась на 43,1 % с 1990 по 2024 год, в то время как площадь сельскохозяйственных земель уменьшилась лишь на 13,7 %. В последнее десятилетие наблюдается относительная стабилизация земельного фонда при продолжающемся сокращении численности сельских жителей, что свидетельствует об оптимизации землепользования.

На динамику площадей сельскохозяйственных земель оказывает влияние комплекс взаимосвязанных факторов, что подтверждается рядом исследований. К числу ключевых факторов относятся:

- природно-климатические условия – изменение температурного режима, распределения осадков, увеличение частоты экстремальных погодных явлений, что влияет на продуктивность земель и их сельскохозяйственного использования [4];
- экономическая эффективность – рентабельность сельскохозяйственного производства, доступность кредитных ресурсов, уровень государственной поддержки, определяющие инвестиционную привлекательность аграрного сектора [2];
- технологическая модернизация – внедрение ресурсосберегающих технологий, точного земледелия, автоматизации, позволяющих поддерживать высокие объемы производства на меньших площадях [5];
- институциональные факторы – государственная аграрная политика, земельное законодательство, механизмы регулирования земельных отношений [6];
- административно-территориальные особенности – региональная специализация сельского хозяйства, плотность населения, развитие инфраструктуры [2];
- экологические ограничения – деградация почв, загрязнение земель, снижение биоразнообразия [4];
- демографический фактор – численность и структура сельского населения, обеспечивающего трудовой потенциал аграрного сектора [3].

В данной статье внимание сосредоточено на демографическом факторе, поскольку он оказывает значительное влияние на структурные изменения в землепользовании в условиях устойчивой депопуляции сельского населения Беларуси.

Для проверки гипотезы о наличии связи между изучаемыми переменными был проведен корреляционный анализ. Расчет коэффициента корреляции Пирсона (r) дал результат $r = 0,851$. Данное значение свидетельствует о наличии сильной положительной линейной связи между численностью сельского населения и площадью сельскохозяйственных земель. Это означает, что уменьшение числа жителей в сельской местности статистически значимо сопряжено с сокращением используемых сельхозугодий.

Для установления количественной меры влияния демографического фактора на изменение земельных ресурсов была построена простейшая линейная регрессионная модель, формула (1):

$$Y = aX + b, \quad (1)$$

где Y площадь сельскохозяйственных земель, тыс. га;

X численность населения, тыс. чел.

В результате расчетов было получено уравнение регрессии, которое показало статистически значимую зависимость между переменными. Коэффициент детерминации (R^2) равен 0,724, указывает на то, что более 72 % изменения площади сельхозземель объясняется изменением численности сельского населения.

Для наглядного представления взаимосвязи между процессами депопуляции сельских территорий и изменением структуры землепользования построен график динамики численности сельского населения и площади сельскохозяйственных земель за период 1990–2024 гг. (рисунок 1). Визуальное расположение точек демонстрирует выраженную тенденцию, свидетельствующую о наличии объективной закономерности в изменении изучаемых параметров. Линия тренда, построенная на основе эмпирических данных, подтверждает системный характер выявленной зависимости.

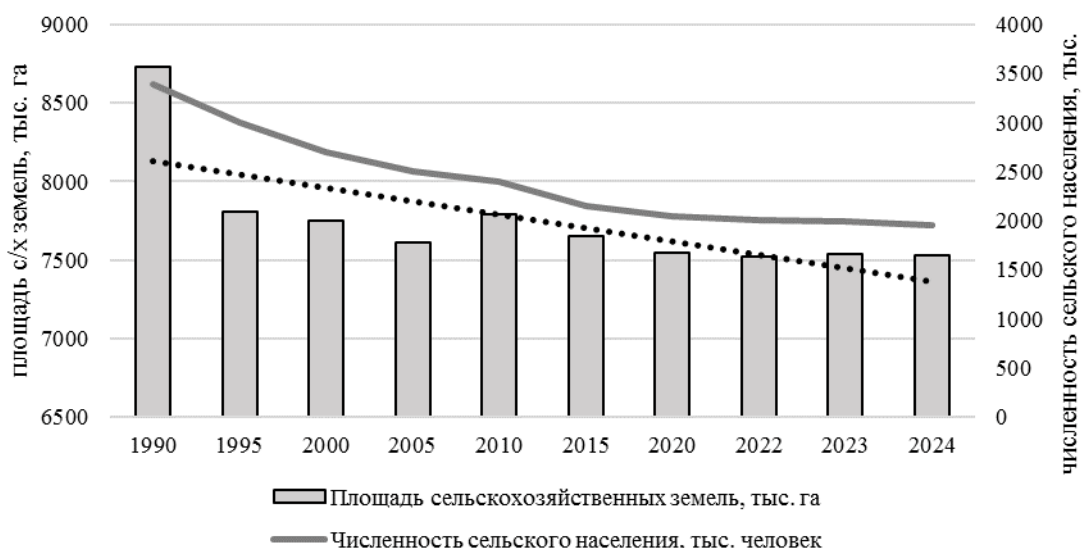

Рисунок 1 – Зависимость между численностью сельского населения и площадью сельскохозяйственных земель в Республике Беларусь

Примечание – Источник: составлено автором по данным источников [2, 7, 8].

Полученные результаты позволяют констатировать соответствие теоретических предпосылок фактическим данным. Выявленная закономерность отражает общие тенденции развития аграрного сектора в условиях современных социально-экономических процессов. Выявленная взаимосвязь представляет практический интерес для дальнейших исследований в области устойчивого развития регионов. Демографический фактор является одним из значимых факторов изменения структуры землепользования в Беларуси. Сокращение сельского населения закономерно ведет к выводу из оборота прежде всего малопродуктивных или труднодоступных земель, что проявляется в общем уменьшении площади сельхозугодий.

Однако наблюдается важная особенность: темп сокращения населения опережает темп сокращения земель. В свою очередь, это свидетельствует о процессах интенсификации сельского хозяйства, концентрации ресурсов на наиболее продуктивных землях, и их технологической модернизации, что позволяет сохранять объемы производства при меньших затратах труда.

Выявленные диспропорции в темпах сокращения населения и сельхозземель имеют не только экономическое, но и эколого-социальное значение. Вывод из оборота малопродуктивных земель создает потенциал для реализации масштабных программ восстановления биоразнообразия территории. Эти земли могут быть переведены в категорию природоохранных территорий местного значения, что будет способствовать:

- повышению биоразнообразия агроландшафтов;
- формированию экологического каркаса сельских территорий;
- развитию рекреационного потенциала и экотуристической привлекательности регионов.

Данный тренд создает предпосылки для трансформации системы расселения. Сокращающееся сельское население концентрируется в населенных пунктах, обладающих развитой инфраструктурой, что позволяет оптимизировать затраты на развитие социальной сферы (образование, здравоохранение, транспорт) через ее концентрацию в крупных деревнях и агрогородках.

С начала 1990-х гг. по настоящее время численность сельского населения Беларуси демонстрировала устойчивую отрицательную динамику. Параллельно с процессом депопуляции населения происходило сокращение площади сельскохозяйственных земель, хотя и менее выраженное. Наиболее интенсивное сокращение показателей наблюдалось первое десятилетие анализируемого периода, дальнейшее снижение замедлилось, что свидетельствует о стабилизации ситуации.

Следует отметить, что наблюдаемые тенденции не являются исключительно негативным явлением, но представляют собой естественный механизм адаптации аграрного сектора и системы расселения к современным вызовам.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно подтверждает необходимость учета демографических трендов при планировании аграрной политики. В условиях продолжающейся депопуляции аграрная политика должна быть направлена на:

- оптимизацию землепользования: целенаправленный вывод из оборота малопродуктивных земель и концентрацию ресурсов на высокопродуктивных угодьях;
- технологическую модернизацию: внедрение трудосберегающих и ресурсосберегающих технологий (точное земледелие, автоматизация), позволяющих эффективно обрабатывать землю при сокращающихся трудовых ресурсах;
- развитие альтернативных форм хозяйствования: агротуризм, органическое сельское хозяйство, что позволяет создавать добавленную стоимость без экстенсивного расширения площадей.

Концептуальные подходы к оценке устойчивости и развития сельских территорий, предложенные современными исследователями, подчеркивают необходимость учета взаимосвязи между демографическими процессами, землепользованием, а также экономическим развитием [5]. Это соответствует выводам исследования о важности комплексного подхода к управлению сельскими территориями в условиях продолжающихся демографических изменений и трансформации земельных отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сельское и лесное хозяйство // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics/osnovnye-otrasli/selskoe-i-lesnoe-hozjajstvo> (дата обращения 15.09.2025).

2. Административно-территориальное устройство Беларуси // Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі. – URL: <https://belarusenc.by/belarus/detail-article.php?ID=405> (дата обращения 15.09.2025).
3. Сельское население Беларуси за 20 лет сократилось почти на треть // Neg.by. – 2025. – 16 июня. – URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/selskoe-naselenie-belarusi-za-20-let-sokratilos-rochti-na-tret/> (дата обращения 15.09.2025).
4. Восьмое национальное сообщение Республики Беларусь в соответствии с обязательствами по Рамочной конвенции ООН об изменении климата / Р.В. Михалевич [и др.] ; руководитель работы И.П. Наркевич. – Минск, 2022. – 171 с.
5. Юдицкая С.Д. Концептуальные подходы к оценке устойчивости развития сельских территорий // Агропанорама. – 2021. – № 4 (146). – С. 44–48.
6. Литвинчук А. Экономико-эколого-социальная оценка конкурентоспособности регионов Беларуси с позиции Целей устойчивого развития // Аграрная экономика. – 2021. – № 12. – С. 54–66.
7. Численность сельского населения // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10101100006?viewType=TABLE> (дата обращения 15.09.2025).
8. Реестр земельных ресурсов Республики Беларусь (по состоянию на 1 января 2025 г.) / Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь. – Минск, 2025. – 60 с.

УДК 330.35

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА:
ОЦЕНКА ДЕКАПЛИНГА В РЕГИОНАХ УЗБЕКИСТАНА
ECONOMIC GROWTH AND ENVIRONMENTAL BURDEN:
AN ASSESSMENT OF DECOUPLING IN THE REGIONS OF UZBEKISTAN**

Мамадалиева Эльвира Ринатовна,
Институт макроэкономических и региональных исследований,
Республика Узбекистан, г. Ташкент
mamadaliyeva.elvira@gmail.com

Mamadaliyeva Elvira,
Institute of Macroeconomic and Regional Studies,
Republic of Uzbekistan, Tashkent

Аннотация. В условиях глобальных экологических вызовов и необходимости перехода к устойчивым моделям роста особое значение приобретает анализ процессов декаплинга, характеризующего разрыв между динамикой экономического развития и экологической нагрузкой. Целью данного исследования является оценка степени и особенностей декаплинга в экономике Узбекистана с акцентом на региональную дифференциацию. В качестве методологической основы применены индекс декаплинга Тапио и методы декомпозиционного анализа, позволяющие выявить факторы изменений в соотношении экономического роста и выбросов загрязняющих веществ. Результаты исследования показывают, что в последние годы в республике наметились позитивные тенденции, связанные с модернизацией промышленности, ростом энергоэффективности и внедрением возобновляемых источников энергии. Полученные результаты позволяют сформулировать выводы о текущем состоянии и перспективах экологизации экономики Узбекистана, а также выработать рекомендации для совершенствования государственной политики в сфере устойчивого развития.

Ключевые слова: экология, экономический рост, коэффициент декаплинга, устойчивое развитие, экологическая нагрузка.

Abstract. In the context of global environmental challenges and the urgent need to transition to sustainable growth models, the analysis of decoupling processes – reflecting the divergence between economic development dynamics and environmental burden – acquires particular importance. The aim of this study is to assess the degree and characteristics of decoupling in Uzbekistan's economy, with a focus on regional differentiation. The Tapio decoupling index and decomposition analysis methods are employed as the methodological basis, enabling the identification of factors driving changes in the relationship between economic growth and pollutant emissions. The findings reveal that in recent years the country has demonstrated positive trends associated with industrial modernization, improvements in energy efficiency, and the adoption of renewable energy sources. These results provide insights into the current state and future prospects of Uzbekistan's economic greening, as well as recommendations for enhancing public policy in the field of sustainable development.

Keywords: ecology, economic growth, decoupling coefficient, sustainable development, environmental burden.

Современные тенденции глобального развития все более отчетливо демонстрируют необходимость перехода к устойчивым моделям экономического роста, ориентированным на минимизацию экологических рисков и рациональное использование природных ресурсов. В этой связи движение к «зеленой экономике» становится не только общемировым приоритетом, но и стратегическим направлением для национальных экономик, стремящихся к интеграции в мировое сообщество на принципах устойчивости и инновационности.

Для Узбекистана, переживающего динамичные социально-экономические преобразования, зеленая трансформация экономики имеет особую значимость. Страна обладает существенным потенциалом в сфере возобновляемых источников энергии, водных и земельных ресурсов, однако одновременно сталкивается с проблемами деградации окружающей среды, высокой ресурсной интенсивностью производства и климатическими вызовами. В этих условиях ключевым индикатором успешности реформ выступает достижение эффекта декаплинга (decoupling) – разрыва устойчивой зависимости между экономическим ростом и негативным воздействием на окружающую среду.

Понимание и оценка процессов декаплинга в Узбекистане позволяют выявить степень экологической эффективности экономического роста, определить драйверы и барьеры перехода к «зеленой экономике», а также сформулировать рекомендации по совершенствованию государственной политики в области устойчивого развития. Анализ данного феномена имеет важное значение как в теоретико-методологическом аспекте, так и в практическом плане, так как он способствует более комплексному осмыслению долгосрочных траекторий развития национальной экономики.

В научной литературе декаплинг определяется как ослабление или разрыв прямой зависимости между экономическим ростом и экологическими давлениями (выбросами парниковых газов, энергопотреблением, потреблением материалов, водопотреблением и т. д.). Широко цитируемым обзором концептуальных подходов является доклад Международной ресурсной группы (UNEP), в котором к 2011 г. были систематизированы идеи и типы декаплинга как элемент политики устойчивого развития [1].

Некоторые исследователи обращают внимание, что убедительных доказательств настоящего («абсолютного») декаплинга пока немного. Это значит, что случаи, когда экономика растет, а использование ресурсов или загрязнение окружающей среды одновременно реально сокращаются, встречаются очень редко.

Изучению эффекты декаплинга посвящены работы таких ученых, как Р.Тарпио (2005) [2], предложивший одну из наиболее распространенных классификаций типов декаплинга на основе индекса эластичности, В.В. Анг (2004; 2015) [3, 4], разработавший и применивший методологию декомпозиционного анализа (LMDI) для оценки факторов изменения выбросов, Stiglitz & Stern 2023) [5], подчеркивавшие роль «зеленого роста» в снижении рисков

изменения климата, а также ряд исследователей под эгидой Программы ООН по окружающей среде, систематизировавших подходы к пониманию относительного и абсолютного декарбонизации на глобальном уровне.

Особый вклад в критику концепции внесли Jackson (2009) [6], утверждавший, что устойчивый рост в условиях ограниченных ресурсов невозможен без глубоких институциональных изменений, и Nickel (2020) [7], который показал, что существующие примеры абсолютного декарбонизации носят ограниченный и временный характер. Эти исследования подчеркивают необходимость комплексного подхода к анализу, учитывающего как производственные, так и потребительские эффекты, а также региональные особенности.

В исследованиях, посвящённых переходным экономикам, особое внимание уделяется специфике процессов декарбонизации в условиях институциональных преобразований и структурной перестройки хозяйства. Так, в странах Восточной Европы после либерализации рынков наблюдались разнонаправленные тенденции: часть государств достигла относительного декарбонизации за счёт модернизации энергетики и внедрения экологических стандартов ЕС, тогда как другие сохранили зависимость от углеродоёмких отраслей. Китай демонстрирует значительный прогресс в сфере повышения энергоэффективности и развития возобновляемых источников энергии, однако исследования указывают на ограниченный характер абсолютного декарбонизации в условиях продолжающегося индустриального роста [8]. В Индии процессы декарбонизации протекают ещё более противоречиво: рост ВВП сопровождается ростом выбросов, несмотря на активное развитие «зелёных» инициатив [9].

Методологической основой для оценки эффекта декарбонизации являются подсчет индекса декарбонизации Тапио, декомпозиционный анализ и производственно-потребительский учет эмиссий. Индекс декарбонизации Тапио (Tapio decoupling index) заключается в соотношении темпов роста экологического давления и ВВП. Он основан на концепции эластичности и определяет, на сколько процентов меняется воздействие на экологию при изменении ВВП на 1 %. В зависимости от значения, индекс может указывать на сильный или слабый «разрыв» между экономическим ростом и экологическим ущербом, или на их взаимное усиление. Применение декомпозиционного анализа позволяет выявлять факторы, которые определяют динамику экологического давления. Наиболее широко используется метод LMDI (Logarithmic Mean Divisia Index), который обеспечивает точное разложение изменения показателя на несколько компонент.

В исследованиях декарбонизации важное значение имеет выбор базы для оценки выбросов парниковых газов и других экологических нагрузок. В мировой практике используются два основных подхода: производственный (production-based) и потребительский (consumption-based) учет. Производственный (территориальный) учет исходит из принципа территориальной привязки, когда в национальную статистику выбросов включаются все эмиссии, возникающие в границах страны. Такой подход является доминирующим в международной отчетности, включая Рамочную конвенцию ООН по изменению климата, и лежит в основе официальных национальных инвентаризаций выбросов. Его основное преимущество – прозрачность и относительная простота расчетов. Альтернативный подход опирается на принцип конечного спроса. В этом случае учитываются выбросы, которые связаны не с местом производства, а с местом потребления товаров и услуг. Такой метод часто реализуется на основе межстрановых межотраслевых таблиц (Multi-Regional Input-Output models), позволяющих отследить «виртуальные потоки» эмиссий через международную торговлю. Он обеспечивает более целостное представление об экологической нагрузке, обусловленной образом жизни и структурой спроса населения и экономики страны.

Коэффициент декарбонизации рассчитывается по формуле (1) [5]:

$$D_t = 1 - \frac{E_t/Y_t}{E_0/Y_0}, \quad (1)$$

где E_0 и E_t – показатели, характеризующие негативное воздействие на экологию в базовом и текущем периодах;

Y_0 и Y_t – показатели, характеризующие экономический результат в базовом и текущем периодах.

В случае, если $D_t < 0$ – это означает, что экономика растет, а экологическая нагрузка снижается. Это наиболее желаемый сценарий для устойчивого развития. При $0 < D_t < 0,8$ экономика растет быстрее, чем экологическая нагрузка, но нагрузка все же увеличивается. Если $D_t = 1$, Экономика и экологическая нагрузка растут одинаковыми темпами. При $D_t > 1$ – экологическая нагрузка растет быстрее, чем экономика.

На основе статистических данных Национального комитета Республики Узбекистан по статистике автором был рассчитан коэффициент декаплинга по показателям ВВП (ВРП) и выброшенных в атмосферу загрязняющих веществ (рисунок 1).

По результатам оценки видно, что в целом по республике в 2020–2021 гг. наблюдался относительный декаплинг, т. е. рост экономики сопровождался увеличением экологической нагрузки. В 2022 г. был достигнут абсолютный декаплинг, а в последующие годы – переходный характер процессов: устойчивого абсолютного декаплинга пока не сформировалось, однако возврата к выраженному ре-каплингу также не наблюдается.

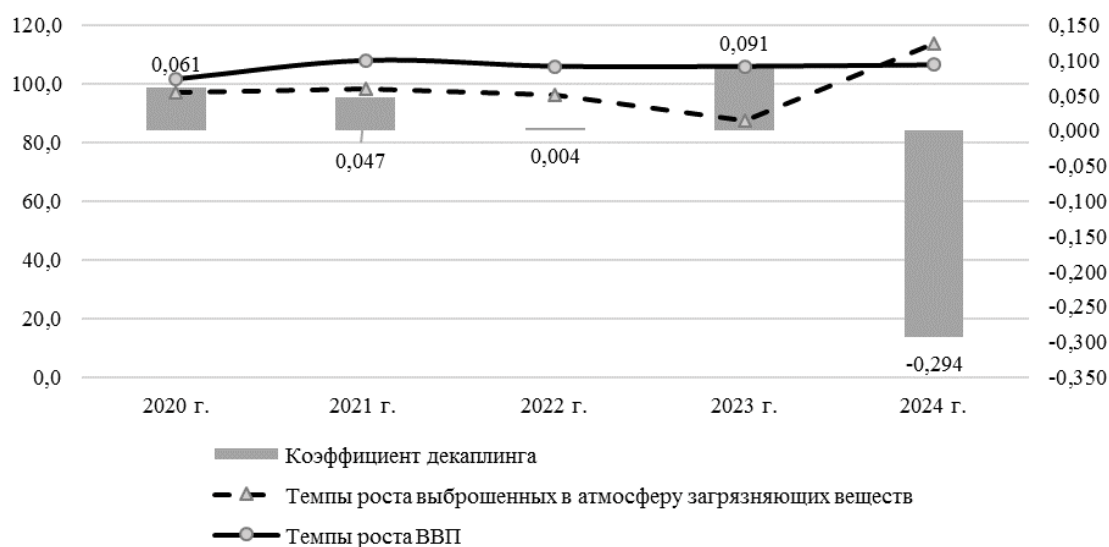

Рисунок 1 – Коэффициент декаплинга для Узбекистана

Примечание – Источник: расчеты автора по данным Национального комитета Республики Узбекистан по статистике.

Региональная картина отличается значительной вариативностью. Так, Джизакская и Бухарская области продемонстрировали крайне низкие значения коэффициента, что может указывать на существенное снижение нагрузки при сохранении или росте ВРП. Навоийская и Кашкадарьинская области, являясь центрами сырьевого и энергетического комплекса страны, характеризуются резкими колебаниями коэффициента, что объясняется высокой зависимостью показателей от объемов добычи и переработки углеводородного сырья. Это указывает на уязвимость данных регионов с точки зрения достижения устойчивого декаплинга.

В Ташкенте динамика более противоречива: в 2020 г. коэффициент был положительным (0,902), что означает ре-каплинг – рост экологической нагрузки опережал рост экономики. Однако в 2024 г. наблюдается отрицательное значение (-0,874), что связано с внедрением программ по модернизации транспорта, коммунальной инфраструктуры и повышением энергоэффективности.

В целом за анализируемый период Узбекистан демонстрирует положительные результаты в сфере экологизации экономики: наблюдаются процессы модернизации промышленного производства, повышения энергоэффективности и расширения использования возобновляемых источников энергии. Существенным показателем этих изменений является рост числа регионов, в которых достигнут эффект абсолютного декарпинга. Если в 2020 г. коэффициент декарпинга $D_t < 0$ фиксировался лишь в 5 регионах, то к 2024 г. их количество увеличилось до 13. Это свидетельствует о постепенном распространении тенденции устойчивого экономического роста, сопровождаемого снижением экологической нагрузки.

Вместе с тем полученные результаты указывают на сохраняющуюся региональную дифференциацию: в ряде областей, преимущественно сырьевых и энергетически ориентированных, наблюдается высокая нестабильность показателей декарпинга, что делает их уязвимыми с точки зрения устойчивого развития. Таким образом, достижение устойчивого абсолютного декарпинга требует комплексных усилий, направленных на снижение ресурсной и энергоемкости экономики, а также на институциональное укрепление механизмов «зеленой трансформации».

Для достижения устойчивого абсолютного декарпинга и формирования основ «зеленой экономики» в Узбекистане целесообразно реализовать ряд стратегических направлений:

- расширение использования возобновляемых источников энергии, включая солнечную и ветровую энергетику, с акцентом на малую распределенную генерацию и привлечение частных инвестиций;

- повышение энергоэффективности в промышленности, транспорте и коммунальном секторе за счет внедрения современных стандартов и энергосберегающих технологий;

- совершенствование экологической политики путем интеграции принципов «зеленой экономики» в государственные программы и усиления механизмов регулирования выбросов;

- развитие системы регионального мониторинга коэффициента декарпинга и экологической нагрузки для своевременной корректировки политики и выявления дисбалансов;

- внедрение «зеленых» финансовых инструментов (облигации, субсидии, льготные кредиты) для поддержки предприятий, инвестирующих в экологические технологии;

- формирование экологической культуры населения, направленной на устойчивое потребление и снижение углеродного следа в повседневной жизни.

Таким образом, переход к устойчивым моделям экономического роста в Узбекистане требует системного подхода, сочетающего структурные преобразования, институциональные реформы и активное вовлечение общества. Реализация предложенных рекомендаций позволит укрепить долгосрочные основы «зеленой экономики», обеспечив баланс между социально-экономическим развитием и сохранением природных ресурсов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Decoupling natural resource use and environmental impacts from economic growth / A Report of the Working Group on Decoupling to the International Resource Panel. – UNEP. – 2011.

2. Tapio P. Towards a theory of decoupling: degrees of decoupling in the EU and the case of road traffic in Finland between 1970 and 2001 // Transport Policy. – March 2005. – Vol. 12, Iss. 2. – P. 137–151.

3. Ang B.W. Decomposition analysis for policymaking in energy: which is the preferred method? // Energy Policy. – 2004. – Vol. 32, Iss. 9. – P. 1131–1139.

4. Ang B.W. LMDI decomposition approach: A guide for implementation // Energy Policy. – 2015. – Vol. 86. – P. 233–238.

5. Stern, N. & Stiglitz, J.E. Climate change and growth // Industrial and Corporate Change. – 2023. – Vol. 32, Iss. 2. – P. 277–303.

6. Jackson T. Prosperity Without Growth: Economics for a Finite Planet. – Earthscan. – 2009.
7. Hickel, J. & Kallis G. Is Green Growth Possible? // New Political Economy. – 2020. – Vol. 25, Iss. 4. – P. 469–486.
8. Cheng H., Li C., Huangmei M. An examination of the decoupling effect and influential mechanisms of energy consumption and economic growth in Chinese urban areas // Sci Rep 15. – 2025. – 31190.
9. Jiao Z., Xing Zh., Zhang G., Ma X., Wang H. Comparing Decoupling and Driving Forces of CO₂ Emissions in China and India // Frontiers in Environmental Science. – 2022. – Vol. 10.

УДК 314.8 + 314.17

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
DEMOGRAPHIC AND SPATIAL TRANSFORMATIONS OF RURAL SETTLEMENT
IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

Мурашко Ольга Юрьевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
olga-rebenok@mail.ru

Murashko Olga,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье рассматриваются особенности демографических и пространственных трансформаций в системе сельского расселения Республики Беларусь в период 2015–2025 гг. На основе статистических данных и отдельных показателей, таких как плотность и средняя людность сельских населенных пунктов, индекс Биллетера, выявлены основные тенденции: сокращение численности сельского населения, его старение, пространственная поляризация и формирование пристоличных ареалов. Установлено, что урбанизация, естественная убыль и миграционные процессы, особенно отток молодежи, ведут к депопуляции и демографическому старению сельских территорий. Анализ региональных различий показывает значительное ухудшение демографической структуры в восточных областях страны и относительную устойчивость территорий в зоне влияния крупных городов. Особое внимание уделено влиянию субурбанизации, снижению привлекательности сельского образа жизни и трансформации социально-экономической инфраструктуры сельской местности.

Ключевые слова: сельское население, плотность населения, средняя людность, демографическое старение, Республика Беларусь.

Abstract. This article examines the demographic and spatial transformations in the rural settlement system of the Republic of Belarus from 2015 to 2025. Using statistical data and selected indicators, such as the density and average population of rural settlements and the Billeter index, the following key trends are identified: a decline in the rural population, its aging, spatial polarization, and the formation of metropolitan areas. It is established that urbanization, natural decline, and migration processes, particularly the outflow of youth, lead to depopulation and demographic aging of rural areas. An analysis of regional differences reveals a significant deterioration in the demographic structure in the eastern regions of the country and the relative stability of territories within the influence of large cities. Particular attention is paid to the impact of suburbanization, the

declining attractiveness of the rural lifestyle, and the transformation of the socioeconomic infrastructure of rural areas.

Keywords: rural population, population density, average population, demographic aging, Republic of Belarus.

Расселение населения представляет собой процесс распределения и организации проживания людей на определенной территории, формирующий структуру поселений и их пространственную конфигурацию [1]. В глобальном контексте расселение населения характеризуется высокой степенью урбанизации: по прогнозам ООН, к 2025 г. более 55 % мирового населения проживает в городах, и эта доля продолжает расти [2]. Городские агломерации становятся центрами экономической активности, инноваций и культурного обмена, привлекая значительные человеческие ресурсы. Тем не менее, сельские территории продолжают играть важную роль в социально-экономическом развитии страны, обеспечивая продовольственную безопасность, сохранение культурного наследия и устойчивое использование природных ресурсов.

В Республике Беларусь, как и в большинстве постсоветских государств, наблюдается интенсивный процесс урбанизации, сопровождающийся оттоком населения из сельской местности. Демографические исследования Беларуси подчеркивают, что урбанизация в стране достигла одного из самых высоких уровней среди стран бывшего СССР – 78,8 % в 2025 г. [3]. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь с середины 1990-х гг. наблюдается устойчивый миграционный прирост населения за счет городов: миграционный прирост городской местности составлял 7,7–38,5 тыс. чел. ежегодно, тенденция сохраняется и в настоящее время. При этом, в сельской местности на протяжении всего периода наблюдалась миграционная убыль населения. Данный миграционный тренд имеет долгосрочные негативные последствия, формируя так называемую «демографическую яму» в сельской местности. Отток населения, особенно молодежи приводит не только к сокращению численности, но и к нарушению половозрастной структуры.

На территории Республики Беларусь насчитывается 22991 сельских населенных пунктов (на 1 января 2024 г.). Наибольшее количество сельских населенных пунктов расположено в Витебской области – 6167, а наименьшее – в Брестской области. Стоит отметить, что в разрезе административных районов количество сельских населенных пунктов также варьируется: от 34 в Наровлянском районе Гомельской области до 591 в Браславском районе Витебской области.

Описанная география размещения сельских населенных пунктов предопределяет значительные различия в расселении людей. Так, среди областей Республики Беларусь, в 2025 г. наибольший удельный вес сельского населения (по отношению к общей численности сельского населения страны) был отмечен в Минской области (34,3 %), наименьший – в Могилевской области (9,4 %) (таблица 1). В целом, количество сельского населения за последние 10 лет снизилось на 13,2 %, с 2,2 млн чел. до 1,9 млн чел. В разрезе областей, сельское население в наибольшей степени сократилось в Гродненской области (-24,2 %). В Минской области произошло некоторое увеличение численности сельского населения (+4,7 %), преимущественно за счет процесса субурбанизации, т. е. перемещение населения в пригород. Данное явление обусловлено несколькими факторами: стремление к улучшению жилищных условий, развитие транспортной инфраструктуры, восприятие экологической и социальной среды пригорода как более благоприятного для жизни и воспитания детей. Однако, данный процесс имеет и обратную сторону. Субурбанизация приводит к поляризации сельского пространства – формирование пристоличного ареала, который фактически является продолжением города, что создает новые вызовы для пространственного планирования.

Таблица 1 – Региональная структура сельского расселения и распределения сельского населения Беларуси в 2015 и 2025 гг.

Область	Сельские населенные пункты				Сельское население				Плотность сельского населения, чел./кв. км.	
	Количество, ед.		Удельный вес, %		Численность на начало года, чел.		Удельный вес, %			
	2015	2025	2015	2025	2015	2025	2015	2025	2015	2025
Брестская область	2161	2148	9,3	9,3	430947	355454	19,4	18,4	41,9	39,7
Витебская область	6259	6166	26,9	26,8	286959	223545	12,9	11,6	29,5	26,8
Гомельская область	2289	2249	9,9	9,8	348603	287349	15,7	14,9	35,0	32,9
Гродненская область	4311	4292	18,6	18,7	287122	217499	12,9	11,3	41,6	39,2
Минская область	5202	5175	22,4	22,5	631328	661096	28,4	34,3	35,9	36,6
Могилевская область	3007	2960	12,9	12,9	235890	181647	10,6	9,4	36,3	33,4
Республика Беларусь	23229	22990	100	100,0	2220849	1926590	100	100,0	45,5	43,9

Примечание – Источник: составлено на основе данных [3].

В настоящее время в сельской местности устойчиво сокращаются значения основных показателей расселения – показателя средней людности и показателя плотности сельского [4].

За 2015–2025 гг. средняя людность одного сельского населенного пункта снизилась на 12,3 %. Среди регионов Беларуси наибольшее снижение данного показателя произошло в Гродненской области – на 23,9 %. Единственным регионом, в котором средняя людность сельских населенных пунктов выросла, является Минская область (на 5,3 %). При этом величина показателя Минской области сопоставима с Гомельской (128 чел.) и уступает Брестской (165 чел.).

Сокращение средней людности сельских населенных пунктов сопровождается снижением плотности сельского населения и повсеместных разуплотнением сельских территорий. Данная тенденция носит пространственно равномерный характер, но в то же время происходит формирование пристоличного ареала с противоположной динамикой – ростом концентрации населения. В системе сельского расселения Минская область является единственным регионом, где показатель плотности населения увеличился на 2 %.

По людности сельские населенные пункты делятся на: мельчайшие – менее 25 чел.; мелкие – 26–50 чел.; малые – 51–100 чел.; полусредние – 101–150 чел.; средние – 151–250 чел.; крупные – 251–500 чел.; крупнейшие – 500–1000 чел.; деревни тысячники – более 1 тыс. чел. [5].

В целом, за десятилетний период (2015–2025 гг.) наблюдается ярко выраженный процесс уменьшения людности районов. Наиболее многочисленные категории смещаются в сторону более мелких (таблица 2), что говорит о происходящем процессе депопуляции сельских территорий.

Таблица 2 – Количество районов Республики Беларусь в зависимости от людности сельских населенных пунктов

Группировка сельских населенных пунктов	2015 г.		2025 г.	
	единиц	в % от общего числа районов	единиц	в % от общего числа районов
Мельчайшие (менее 25 чел.)	1	0,8	5	4,2
Мелкие (26–50 чел.)	19	16,1	37	31,4
Малые (51–100 чел.)	54	45,8	41	34,7
Полусредние (101–150 чел.)	20	16,9	19	16,1
Средние (151–250 чел.)	17	14,4	10	8,5

Продолжение таблицы 2

Группировка сельских населенных пунктов	2015 г.		2025 г.	
	единиц	в % от общего числа районов	единиц	в % от общего числа районов
Крупные (251–500 чел.)	6	5,1	5	4,2
Крупнейшие (500–1000 чел.)	1	0,8	1	0,8
Деревни тысячники (более 1000 чел.)	0	0,0	0	0,0
Всего	118	100,0	118	100,0

Примечание – Источник: составлено на основе данных [3].

Стоит отметить, северные районы (Витебская область) в большей степени относятся к категории мелких и малых населенных пунктов в зависимости от людности, что связано с более высокой естественной убылью и демографическим старением. Несмотря на то, что Брестская и Гомельская области отличаются наименьшим числом сельских поселений, людность в них в целом выше, в сравнении с другими регионами. Так, наибольшая людность сельских поселений (свыше 250 чел.) отмечена в Ганцевичском, Брестском, Лунинецком, Гомельском, Столинском и Минском районах (рисунок 1(а)).

Данные различия в людности сельских поселений тесно связаны с плотностью сельского населения, которая также варьируется в зависимости от региона. Высокая людность в крупных сельских поселениях Минского или Брестского районов, коррелирует с более высокой плотностью населения, обусловленной близостью к крупным городским центрам и развитой инфраструктурой. Наиболее высокую плотность сельского населения имеют – Минский (148,0 чел./км²), Молодечненский (91,5 чел./км²), Лидский (85,3 чел./км²) и Оршанский (81,8 чел./км²) районы. Наименее заселенными являются районы Витебской и Могилевской областей, где показатели плотности сельского населения не превышают 20 чел. на кв. км., за исключением некоторых районов (Полоцкий, Оршанский, Горецкий, Кричевский, Могилевский и Осиповичский) (рисунок 1(б)).

Стоит отметить, что за десятилетний период плотность сельского населения увеличилась в 8 районах Беларуси: Минский, Смолевичский, Островецкий, Дзержинский, Брестский, Логойский, Червенский и Узденский. Все эти районы входят в зону влияния крупных городов (Минск, Брест), а Островецкий район – благодаря строительству Белорусской АЭС.

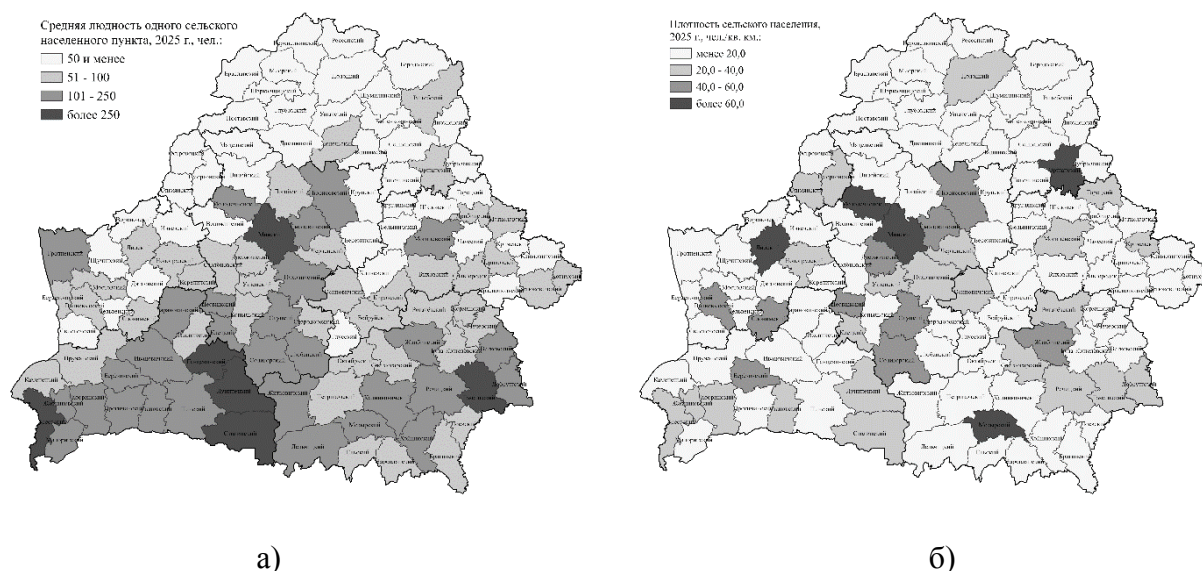

Рисунок 1 – Средняя людность одного сельского населенного пункта (а) и плотность сельского населения (б) в разрезе административных районов Беларуси, 2025 г.

Примечание – Источник: составлено на основе данных [3].

Таким образом, представленные данные демонстрируют устойчивую тенденцию к сокращению численности и плотности сельского населения в Республике Беларусь, а также к структурным изменениям в системе сельского расселения. Эти процессы обусловлены совокупностью различных факторов, оказывающих прямое влияние на трансформацию сельских территорий: природно-географические, социально-экономические, демографические, экологические и культурные факторы [6].

В рамках данной статьи основное внимание уделено именно демографическим факторам, поскольку они формируют фундаментальные параметры воспроизводства населения, определяют возрастную структуру и миграционные потоки. Среди данной группы факторов наиболее значимыми выступают: естественное движение населения, миграционные процессы и демографическое старение.

Естественное движение населения представляет собой соотношение рождаемости и смертности. В течение последнего десятилетия в сельской местности Беларуси отмечается естественная убыль, вызванная рядом причин:

- снижение уровня рождаемости. Так, общий коэффициент рождаемости в сельской местности снизился с 12,3 ‰ в 2015 г. до 6,9 ‰ в 2024 г., что связано как с общим сокращением числа женщин детородного возраста, так и с изменениями репродуктивного поведения;

- сохранение высокого уровня смертности. Особенно это касается пожилого населения, чья доля в структуре сельского населения растет.

В результате естественная убыль населения усиливает депопуляцию сельских территорий, особенно в малолюдных и отдаленных сельских населенных пунктах, где уровень рождаемости недостаточен для простого воспроизводства населения.

Миграционные процессы также играют важную роль в изменении численности и структуры сельского населения [7]. К основным тенденциям миграции в сельской местности относятся следующие: отток сельского населения в города, миграция молодежи, миграция по экономическим причинам [8].

Демографическое старение в сельской местности является следствием как естественного, так и миграционного движения. Данный процесс не только усугубляет демографическую ситуацию, но и влияет на экономическую устойчивость сельских территорий, снижая человеческий капитал и потенциал трудовых ресурсов.

Для более точной оценки масштабов демографического старения целесообразно выполнить анализ с помощью специализированных показателей, одним из которых является индекс Биллетера, позволяющий количественно измерить степень преобладания пожилого населения над молодым поколением в структуре сельского расселения [9].

Индекс Биллетера представляет собой демографический показатель, рассчитываемый как отношение разности численности населения в возрасте 0–14 лет и 50 лет и старше к численности населения в возрасте 15–49 лет, формула (1) [10]:

$$J = \frac{(P_{0-14} - P_{50+})}{P_{15-49}} * 100, \quad (1)$$

где J – индекс Биллетера;

P_{0-14} – численность населения в возрасте 0–14 лет;

P_{50+} – численность населения в возрасте 50 лет и старше;

P_{15-49} – численность населения в возрасте 15–49 лет.

Отрицательные значения индекса указывают на преобладание пожилого населения, сигнализируя о процессах старения, в то время как положительные отражают демографическую молодость. В контексте сельской местности Беларуси этот анализ индекса особенно актуален, поскольку позволяет выявить региональные диспропорции и их влияние на миграционные тенденции. Тем не менее, с учетом современных демографических

тенденций целесообразно скорректировать структуру расчета индекса: использовать возрастную группу 65+ лет вместо 50+ лет, а также расширить категорию экономически активного населения до 15–64 лет [9]. Такая корректировка более точно отражает соотношение между детьми, пожилыми и трудоспособным населением в условиях текущей демографической ситуации в Беларуси.

Расчет индекса Биллетера для сельского населения страны в целом дает отрицательное значение: $J = -12,9$, что свидетельствует о преобладании пожилого населения над детьми, усиливая при этом нагрузку на трудоспособное население.

В региональном разрезе индекс Биллетера демонстрирует выраженные различия. Наиболее «старыми» являются сельские территории Витебской и Гродненской областей, где J достигает $-21,3$ и $-23,5$ соответственно, из-за высокой доли пожилых (свыше 25 % в возрасте 65 лет и старше) и низкой рождаемости. В Минской области, благодаря субурбанизации и притоку молодых людей в пригороды, индекс имеет минимальное отрицательное значение в сравнении с другими областями ($J \approx -6,8$).

Таким образом, анализ демографических и пространственных трансформаций сельского расселения в Республике Беларусь за период 2015–2025 гг. позволил выявить некоторые тенденции. Урбанизация, достигшая в стране 78,8 % сопровождается значительным миграционным оттоком из сельской местности, особенно молодежи, что приводит к депопуляции, демографическому старению и нарушению половозрастной структуры сельского населения. Региональные различия в расселении подчеркивают контраст между областями: Витебская и Могилевская области характеризуются преобладанием мелких и малых сельских населенных пунктов с низкой плотностью, тогда как Брестская, Гомельская и Минская области характеризуются более высокой людностью и плотностью.

Эти процессы создают вызовы для устойчивого развития сельских территорий, включая необходимость совершенствования инфраструктуры, поддержки рождаемости и создания экономических стимулов для удержания молодежи. Разработка адресных мер, учитывающих региональные особенности, таких как развитие агротуризма, цифровизация и улучшение транспортной доступности, является критически важной для смягчения негативных последствий депопуляции и сохранения социальной и экономической устойчивости сельских регионов Беларуси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Демографический энциклопедический словарь / гл.ред. Валентей Д.И. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 608 с.
2. World Urbanisation Prospects // Department of Economic and Social Affairs Population Division. – URL: <https://population.un.org/wup/downloads> (дата обращения 19.09.2025).
3. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10101100003> (дата обращения 14.09.2025).
4. Антипова Е.А., Разжаловец О.А. Географические сдвиги в сельском расселении Беларуси и новые подходы к картографированию этого процесса // Журнал Белорусского государственного университета. География. Геология. – 2023. – № 1. – С. 57–70.
5. Белковская Н.Г., Борисова Н.Л., Ястребова Н.В. Влияние системы расселения населения на формирование территориальной структуры хозяйства Республики Беларусь – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/277251/1/35-37.pdf> (дата обращения 15.09.2025).
6. Кот У.В. Демографическая динамика в сельской местности Беларуси: тенденции и устойчивость // Аграрная экономика. – 2025. – № 1(4). – С. 85–95.
7. Рачкевич В.А. Сравнительный анализ демографического и социального положения городского и сельского населения Республики Беларусь // Координаты современной

урбанистики: дискурсивные трансформации : в 2 томах. – Москва : Издательский Дом «Инфра-М». – 2023. – С. 73–85.

8. О положении молодежи в Республике Беларусь в 2016 году. Национальный доклад // С.А. Кулеш, Е.С. Игнатович, Е.И. Дмитриев. РИВШ, 2017. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/185060/1/Доклад_%20О%20%20положении%20молодежи_2017.pdf (дата обращения 16.09.2025).

9. Антипова Е.А., Чэнь Ли. Использование индекса Биллетера при изучении старения // Материалы I Белорусского географического конгресса: к 90-летию факультета географии и геоинформатики Белорусского государственного университета и 70-летию Белорусского географического общества, Минск, 8–13 апр. 2024 г. В 7 ч. Ч. 2. Социально-экономическая география / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. Г. Кольмакова (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ. – 2024. – С. 27–30.

10. Billeter E.P. Grundlagen der erforschenden Statistik: statist. Testtheorie. – Wien, New York: Springer-Verlag, 1972. – 217 p.

УДК 331.5.024.5

ПРОГРАММНЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ РЫНКОМ ТРУДА В БЕЛАРУСИ A PROGRAM-BASED APPROACH TO LABOR MARKET MANAGEMENT IN BELARUS

Пилецкий Кирилл Владимирович,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
pravo@economics.basnet.by

Piletsky Kirill,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. Одним из подходов комплексного и системного решения важных проблем на рынке труда является государственное программирование. В качестве важнейшего инструмента воздействия на рынок труда и занятость выступают программы содействия занятости населения, через которые государство и социальные партнеры влияют как на объемы и структуру предложения рабочей силы, так и на спрос – непосредственно путем создания рабочих мест, либо косвенно, стимулируя предпринимательство, создающее новые рабочие места. Приведена классификация программных мероприятий регулирования рынка труда.

Учитывая окончание срока реализации государственной программы «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 годы», сделан вывод о необходимости разработки и принятия в Беларуси государственной программы «Содействие занятости и профессиональная подготовка кадров». Обозначены цель, задачи и показатели оценки реализации мер новой государственной программы. Указан краткосрочный и долгосрочный эффект ее реализации. Отмечено, что определение места и роли государственных программ в проведении эффективной политики на рынке труда должно осуществляться в тесной связи с системой народнохозяйственного прогнозирования.

Ключевые слова: рынок труда, занятость, государственная программа, система показателей, эффект реализации.

Abstract. One approach to a comprehensive and systemic solution to important labor market problems is government programming. Employment promotion programs serve as a key tool for

influencing the labor market and employment. Through these programs, the state and social partners influence both the volume and structure of labor supply and demand – directly by creating jobs, or indirectly by stimulating entrepreneurship, which creates new jobs. A classification of labor market regulation programs is provided.

Given the expiration of the state program "Labor Market and Employment Promotion" for 2021–2025, it is concluded that it is necessary to develop and adopt a state program in Belarus "Promoting Employment and Vocational Training." The goal, objectives, and performance indicators for the new state program are outlined. The short-term and long-term impact of its implementation are highlighted. It is noted that the role and place of state programs in implementing effective labor market policies should be closely linked to the national economic forecasting system.

Keywords: labor market, employment, state program, system of indicators, implementation effect.

Успешное развитие экономики государства невозможно без эффективного функционирования рынка труда, поскольку с ним связаны изменения в системе социально-трудовых отношений, которые затрагивают интересы не только экономических субъектов, но и населения в целом.

Необходимость регулирования отдельных аспектов рынка труда обусловлена наличием проблем на этом рынке, к которым следует отнести, прежде всего, структурный дисбаланс спроса и предложения трудовых ресурсов, несоответствие их профессионального уровня потребностям экономики, неравномерное размещение экономически активного населения, его низкая трудовая мобильность. Одним из подходов комплексного и системного решения важных проблем на данном рынке является государственное программирование.

На рынок труда и на воспроизводственную систему экономики в разной степени влияют факторы, влекущие сбои в саморегулирующей системе рынка, в результате чего теряется способность обеспечивать равновесие между спросом и предложением трудовых ресурсов, удерживать безработицу и занятость населения в допустимых пределах.

В такой ситуации требуется государственное управление теми аспектами, которые трудно или несвоевременно поддаются воздействию рыночным механизмом. Это, как правило следующие факторы:

- 1) регулирование уровня занятости и безработицы;
- 2) обеспечение сбалансированности спроса и предложения трудовых ресурсов;
- 3) сглаживание последствий безработицы для экономики.

Таким образом, процесс государственного воздействия на факторы рынка труда должен быть комплексным и разнонаправленным. Поэтому наиболее результативным направлением государственного регулирования рынком труда является программный подход воздействия в кратко-, средне- и долгосрочной перспективах как на объемы и структуру предложения рабочей силы, так и на ее спрос путем создания соответствующих рабочих мест. Программа, по сути, представляет собой «совокупность мероприятий, конкретизированных по срокам и направленных на решение определенных задач, что позволяет максимально эффективно использовать экономические ресурсы, в том числе трудовые» [1, с. 80].

Программный подход является одним из наиболее результативных механизмов государственного управления, с помощью которого решаются наиболее важные, масштабные, системные задачи. Его применение обеспечивает более высокий уровень конкретности, количественную определенность поставленных программных целей [2, с. 226]. Важнейшим инструментом воздействия на рынок труда и занятость являются программы содействия занятости населения, через которые государство и социальные партнеры воздействуют как на объемы и структуру предложения рабочей силы, так и на спрос – непосредственно путем создания рабочих мест, либо косвенно, стимулируя предпринимательство, создающее новые рабочие места.

Широкий спектр программных мероприятий по управлению рынком труда нацелен на активное содействие трудоустройству населения, повышению качества рабочей силы и конкурентоспособности населения, снижению уровня безработицы. В программном подходе мероприятия могут систематически уточняться в соответствии с ситуацией на рынке труда. В зависимости от направления воздействия программные мероприятия можно классифицировать на административные, экономические, организационные, статистические и информационные (таблица 1).

Таблица 1 – Классификация программных мероприятий регулирования рынка труда

Меры регулирования	Содержание мероприятий
Административные	Разработка и внедрение органами государственной власти правовых норм, содержащих запреты, разрешения или принуждения. Обязательны для исполнения участниками рынка труда
Экономические	Создание экономических стимулов у участников рынка труда, корректировка их поведения для достижения эффективной занятости
Организационные	Создание социально-экономических условий для всех участников рынка труда с целью учета интересов работников и системы трудовых ценностей для обеспечения наиболее полных и эффективных способов развития инициативности, ответственности и трудового потенциала
Статистические	Сбор и анализ информации об актуальном состоянии рынка труда для выявления проблем, прогнозирования их развития, мониторинга эффективности программ. Являются вспомогательными
Информационные	Направлены на оказание воздействия на поведение субъектов рынка путем их информирования о конъюнктуре, соотношении спроса и предложения, рыночной цене труда, деловой активности

Примечание – Источник: [1].

Программный подход позволяет усилить или корректировать результативность рыночного механизма в области регулирования трудовых отношений по цепочке:

- 1) определение влияющих факторов;
- 2) выявление программных проблем;
- 3) формулирование целей и задач программы;
- 4) выработка системы критериев для оценки факторов, применяемых мер и ресурсов;
- 5) регулирующее воздействие на соответствующие факторы.

Следовательно, для данного подхода характерна ориентированность на пошаговое выполнение поставленных задач и направлений программы относительно изменяющихся факторов. Такой подход к регулированию рынка труда имеет стратегическую направленность и позволяет сглаживать или устранять изъяны других методов управления.

В современном значении программный подход в государственном управлении содействия занятости населения Республики Беларусь начал формироваться с 2000-х годов, что обусловлено развитием методик программирования, а также необходимостью бюджетной оптимизации и интеграции программирования в стратегическое планирование. Изначально разрабатывались и принимались государственные программы содействия занятости населения ежегодно, в 2008 году была принята программа с аналогичным названием на два года и начиная с 2016 года программы принимаются на пятилетний срок.

Таким образом, основными составляющими государственной программы регулирования рынка труда являются наличие целей и задач в среднесрочном и долгосрочной перспективах, формулирование методов и инструментов их достижения, анализ и оценка показателей состояния рынка, прогноз ожидаемых результатов, а также соответствие программы правовым нормам социально-экономического и инновационного развития страны.

Соблюдение данной последовательности позволит добиться результативности государственного управления в сфере трудовых отношений. Высокий уровень детализации планирования, комплексность и системность позволят решать нестандартные задачи, возникающие в настоящее время.

Одним из направлений государственной политики на рынке труда стала разработка и принятие в 2020 году государственной программы «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 годы» [3]. В ней акцент сделан на стимулирование экономической активности населения посредством реализации активных мер политики занятости и предоставления социальных гарантий; вовлечение в трудовую деятельность экономически неактивного населения; обеспечение сбалансированности спроса и предложения на рынке труда; улучшение условий и охраны труда.

Вместе с тем, завершения этой программы предполагает разработку новой программы с корректировкой существующих мер для решения новых задач рынка труда. Исходя из того, что проблема занятости населения является одной из важнейших, поскольку она во многом определяет экономическую и социальную безопасность, учитывая актуальность проведения системной работы по вовлечению трудовых ресурсов в экономику страны, необходимость обучения на производстве посредством успешных практик, полагаем целесообразно разработать Государственную программу «Содействие занятости и профессиональная подготовка кадров», целью которой будет является обеспечение стимулирования развития эффективной занятости населения.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

- совершенствование законодательства о труде и занятости населения;
- развитие системы прогнозирования потребности экономики в кадрах;
- поддержка людей, которые работают и зарабатывают на жизнь своим трудом;
- поддержка предприятия (малый и средний бизнес) путем предоставления субсидий, компенсаций и льгот по налогам за создание рабочих мест и приверженности концепции социально-ответственного предпринимательства;
- создание возможностей для каждого учиться на протяжении всей жизни;
- обновление требований к компетенциям и квалификациям работников;
- улучшение условий труда и сохранение здоровья занятого населения.

В предлагаемой программе акцент сделан на создание новых рабочих мест, мотивацию к труду, повышение производительности труда и качества рабочей силы. Новая программа направлена на развитие инклюзивности и новых форм занятости. Программа содержит показатели оценки реализации мер, соответствующие поставленным задачам (таблица 2).

Таблица 2 – Задачи государственного регулирования в сфере содействия занятости и профессиональной подготовки кадров и показатели оценки реализации мер

Задачи	Показатели оценки реализации мер
Повышение эффективности работы государственной службы занятости; Развитие новых форм гарантий занятости населения; Развитие практики инклюзивного трудоустройства	Уровень занятости (трудоспособные) Уровень безработицы Доля работающих пенсионеров Удельный вес трудоустроенных из числа обратившихся за помощью по трудоустройству (трудоспособного возраста): лиц в возрасте 16–30 лет; лиц старше 50 лет; лиц, имеющих инвалидность; лиц, имеющих обязанности по уходу за детьми в возрасте до 3 лет, детьми и взрослыми, имеющими инвалидность, за взрослыми пожилого возраста
Улучшение условий труда и снижение численности работников, занятых на рабочих местах с вредными и (или) опасными условиями труда; Разработка возрастных ограничений по условиям труда; совершенствование механизма стимулирования работодателей к выполнению требований безопасности и гигиены труда	Снижение численности работников, занятых на рабочих местах с вредными и (или) опасными условиями труда Число случаев травмирования работников, в том числе со смертельным исходом

Продолжение таблицы 2

Задачи	Показатели оценки реализации мер
Повышение контроля в сфере занятости и развитие концепции социально-ответственного предпринимательства	Уровень неформальной занятости Доля рабочих мест, прошедших аттестацию по условиям труда (ежегодно) Доля предприятий, соответствующих требованиям социально-ответственного предпринимательства
Содействие адаптации навыков и квалификации работников к изменяющемуся рынку труда; Разработка законодательного механизма повышения квалификации работников; Поддержка талантливой рабочей молодежи	Численность работников, прошедших обучение по повышению квалификации или развитию иных профессиональных навыков
Создание условий для подготовки конкурентоспособных рабочих и специалистов	Удельный вес численности выпускников, трудоустроившихся по специальности в год, после окончания учреждения образования, в общей численности выпускников Количество образовательно-производственных центров (кластеров) на основе интеграции учреждений профессионально-технического и среднего специального образования и предприятий Удельный вес выпуска с защитой диссертации в пределах установленного срока обучения из аспирантуры (адъюнктуры), докторантуры
Подготовка (переподготовка), повышение квалификации (проведение стажировок) специалистов в области ядерной энергетики	Доля выпускников с высшим образованием для ядерной энергетики от общей численности принятых на обучение по соответствующим специальностям Доля выпускников со средним специальным образованием для ядерной энергетики от общей численности принятых на обучение по соответствующим специальностям

Примечание – Источник: авторская разработка.

При этом, сводными целевыми показателями, характеризующими достижение цели предлагаемой государственной программы, являются:

- уровень занятости населения, процентов;
- доля прошедших профессиональное обучение от общей численности работников, процентов.

Выбранная система показателей (индикаторов) позволяет анализировать состояние рынка труда и строить прогнозные оценки его развития. Принятие и реализация государственной программы направлены на рост уровня занятости населения и повышения качества жизни населения. Вместе с тем, краткосрочный эффект выражается в:

- росте уровня занятости населения трудоспособного возраста и лиц пенсионного возраста, желающих работать;
- улучшении условий труда, снижении числа случаев травмирования работников, в том числе со смертельным исходом;
- снижении уровня неформальной занятости и росте числа предприятий, соответствующих требованиям социально-ответственного предпринимательства;
- росте численности работников, прошедших обучение по повышению квалификации или развитию иных профессиональных навыков;
- росте числа выпускников, трудоустроившихся по специальности;
- росте числа выпускников со средним специальным и высшим образованием для ядерной энергетики.

Определение места и роли государственных программ в проведении эффективной политики на рынке труда, ее методологических, методических и организационных основ, а также социально-экономической эффективности должно осуществляться в тесной связи

с системой народнохозяйственного прогнозирования – важным звеном государственного регулирования. Только основываясь на адекватной современному этапу системе прогнозирования, государственные программы могут служить эффективным средством достижения высоких конечных результатов в политике занятости и позволяют достичь надлежащей «стыковки» прогнозирования и программирования, направленного на решение узловых социально-экономических задач государственного регулирования рынка труда [4, с. 41].

Это позволит обеспечить выполнение программно-целевых документов, определяющих ориентиры социально-экономического развития страны в долгосрочной перспективе, в том числе направление движения в области модернизации и инновационного развития рынка труда как отдельно взятого региона, так и страны в целом.

Особенности функционирования рынка труда определяются политической и социально-экономической ситуацией на конкретной территории, которая зависит от структуры экономики, отраслевой ее специализации, соотношения уровней занятости и безработицы, доходов населения и иных социально-экономических параметров. Эти особенности рынка труда определяются позитивными или негативными пропорциями между спросом и предложением рабочей силы в стране.

Применение программного метода в течение длительного периода и стабилизация ситуации на рынке труда подтверждает успешность его применения. При этом выбор программных мероприятий должен быть эффективным для решения выявленных проблем и поставленных задач. Это обеспечивается оценкой как результативности мероприятий, так и эффективности самой программы.

При реализации запланированных мероприятий по развитию рынка труда и занятости населения на основе программного подхода к управлению актуальность приобретает проблема качественного улучшения процессов и функций управления, связанных с планированием и отслеживанием достижения целей, а также результативностью деятельности в процессе их достижения. Получить достоверную информацию по этим процессам можно при условии разработки системы показателей и совершенствования оценочных методов и процедур, позволяющих адекватно измерить результаты в ходе реализации программ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Голованова Л.А. Программный подход к управлению рынком труда в регионе // Вестник ТОГУ. – 2022. – № 2. – С. 77–86.
2. Бондаренко Н.А., Лях А.П. Особенности программного регулирования регионального рынка труда // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 4. – С. 226–229.
3. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2020 г. № 777 «О Государственной программе «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 годы». – URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/224242%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%8B#M104190/> (дата обращения 24.09.2025).
4. Золин И.Е. Модернизация государственного регулирования рынка труда на основе программно-целевого планирования // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 20. – Т. 11. – С. 39–51.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА ТРУДА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ DIGITAL TRANSFORMATION OF THE LABOR MARKET: THE MAIN DIRECTIONS

Рачкевич Виктория Александровна,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
zvonovavika5592@mail.ru

Rachkevich Viktoryia,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье представлены основные направления изменений, которые происходят на рынке труда вследствие цифровой трансформации: увеличение роли цифровой грамотности (необходимость формирования в современных условиях новых знаний и навыков, прежде всего в области работы с цифровыми технологиями); повышение гибкости рынка труда (повышение гибкости занятости и рабочих условий); изменения в структуре занятости (появление новых профессий и потенциальное исчезновение существующих в будущем); организационные изменения (изменения в процессе поиска работы и ее выполнения). На основании изучения отечественных и зарубежных научных работ представлены потенциальные преимущества цифровой трансформации рынка труда в соответствии с выделенными направлениями. Установлено, что не во всех странах обнаруживаются положительные аспекты цифровизации рынка труда, что обусловлено наличием иных сопутствующих факторов.

Ключевые слова: рынок труда, цифровая трансформация, удаленная работа, цифровая грамотность.

Abstract. The article presents the main directions of changes that are taking place in the labor market due to digital transformation: increasing the role of digital literacy (the need to form new knowledge and skills in modern conditions, primarily in the field of working with digital technologies); increasing the flexibility of the labor market (increasing the flexibility of employment and working conditions); changes in the employment structure (the emergence of new professions and the potential disappearance of existing ones in the future); organizational changes (changes in the job search process and its implementation). Based on the study of domestic and foreign scientific papers, the potential advantages of the digital transformation of the labor market are presented in accordance with the identified areas. It has been established that not all countries have positive aspects of the digitalization of the labor market, due to the presence of other related factors.

Keywords: labor market, digital transformation, remote work, digital literacy.

О начале процесса цифровой трансформации рынка труда свидетельствуют несколько тенденций. Так, Г.Г. Головенчик отмечает, что для современного рынка труда характерно изменение типа трудовых отношений, что выражается, например, в возможности выполнения работы на дому. Также становятся более востребованными навыки в области работы с ИТ [1, с. 28]. Е.В. Ванкевич выделяет следующие изменения на рынке труда, происходящие под влиянием цифровизации: трансформация рабочих мест, связанная с появлением новых профессий и автоматизацией существующих; появление новых навыков; появление и распространение новых моделей занятости (фриланс, дистанционная работа и др.) [2, с. 162]. О.В. Зайцева делает акцент на развитии платформенной занятости в условиях формирования цифровой экономики [3, с. 105]. Дополнительно стоит отметить,

что для современного рынка труда характерны следующие тенденции: наибольшие темпы роста численности занятых в сфере ИТ; распространение нового способа поиска работы – посредством интернет-ресурсов; увеличение доли занятого населения с высшим образованием; увеличение доли организаций, использующих ИКТ [4, с. 84].

Наблюдаемые изменения на рынке труда, происходящие под влиянием цифровизации, могут быть сгруппированы по следующим направлениям: увеличение роли цифровой грамотности; изменения в структуре занятости; повышение гибкости рынка труда; организационные изменения. Представленные направления не носят положительный или отрицательный характер, а рассматриваются нами как данность, которая может как способствовать более эффективному развитию рынка труда и экономики в целом, так и усугублять уже существующие проблемы или вызывать новые риски, которые необходимо нивелировать (таблица 1).

Таблица 1 – Основные направления цифровой трансформации рынка труда и их потенциальные преимущества

Направление цифровой трансформации рынка труда	Потенциальные преимущества
Увеличение роли цифровой грамотности	Повышение возможностей для получения образования и самообразования
Повышение гибкости рынка труда	– Повышение возможностей для трудоустройства для некоторых категорий экономически неактивного населения (например, лиц с инвалидностью), а также для населения из регионов, в которых предложение труда превышает спрос – Бесперебойность работы для некоторых категорий работников (в случае пандемии, стихийных бедствий и пр.) – Содействие в повышении рождаемости – Содействие в улучшении экологической обстановки – Снижение нагрузки на транспортную систему и уменьшение количества дорожно-транспортных происшествий
Изменения в структуре занятости	Содействие развитию различных отраслей экономики (здравоохранение, обрабатывающая промышленность и пр.)
Организационные изменения	Повышение производительности труда, качества работы благодаря внедрению цифровых технологий

Увеличение роли цифровой грамотности подразумевает необходимость формирования в современных условиях новых знаний и навыков, прежде всего в области работы с цифровыми технологиями. Требование развития цифровой грамотности затрагивает практически всех работников: и тех, чьи рабочие места подвержены низкому риску автоматизации; и тех, чьи рабочие места могут быть автоматизированы с высокой степенью вероятности. Это обусловлено тем, что новые технологии могут частично или полностью заменить человеческий труд. В первом случае новые технологии станут дополнительным средством труда, которое необходимо освоить, чтобы быть востребованным специалистом; во втором – новые технологии будут способствовать полному высвобождению рабочей силы. Так, функцию общения с клиентами частично могут выполнять чат-боты и виртуальные помощники, что может сократить количество специалистов по работе с клиентами; внедрение касс самообслуживания позволяет сократить количество кассиров и т. д. Высвободившаяся рабочая сила может занять новые рабочие места, в том числе и те, которые будут созданы благодаря цифровой трансформации, однако это потребует дополнительных финансовых и временных затрат на переподготовку.

Увеличение роли цифровой грамотности может привести к повышению возможностей для получения образования и самообразования благодаря использованию новых инструментов (от электронных баз данных до виртуальных лабораторий) в этих целях. Расширяются возможности для гибкого обучения посредством получения формального образования дистанционно или самообразования с помощью различных онлайн-платформ (например, Coursera, Российская Национальная платформа открытого образования и др.).

Так, в БГУИР по шести специальностям предусмотрена возможность получения образования в дистанционной форме: «Электронная экономика», «Цифровой маркетинг» «Компьютерная инженерия» и др. В 2023/2024 учебном году на дистанционную форму получения образования в Беларуси было принято около 40 человек в УССО и около 200 человек в УВО [5].

Изменения в структуре занятости, наблюдаемые в ходе цифровой трансформации, связаны, прежде всего, с появлением новых профессий и потенциальным исчезновением существующих в будущем. Отличительной особенностью новых профессий является умение использовать и создавать новые технологии (например, специалисты по машинному обучению, по кибербезопасности). Перечень профессий, которые перестанут существовать, а также оставшиеся для них «сроки» существования остаются дискуссионными. Вместе с тем, исследователи подчеркивают, что данному процессу больше подвержены профессии, не требующие специальных умений и навыков. Соответственно, риск безработицы вследствие цифровизации больше характерен для неквалифицированных работников, чем для других категорий сотрудников.

Увеличение доли работников сферы ИТ в структуре занятости содействует развитию других отраслей экономики, т. к. благодаря труду данной категории работников происходит создание и внедрение цифровых технологий. Например, в сфере услуг функционируют цифровые платформы, упрощающие доступ к получению этих услуг (доставка еды, бронирование билетов, вызов такси, заказ товаров, создание заявок на оказание услуг ЖКХ и пр.); в здравоохранении можно выделить такие направления развития, как телемедицина (предоставление консультаций удаленно), роботизация (использование роботов при проведении хирургических вмешательств, в процессе реабилитации) и др.

Повышение гибкости рынка труда подразумевает как повышение гибкости занятости, так и повышение гибкости рабочих условий (график работы, место работы). Этому поспособствовало развитие ИКТ, благодаря чему стали возможны коммуникация, обмен результатами работы и вознаграждением за труд на расстоянии. Гибкость занятости означает возможность трудоустройства не только в штат определенной компании, но и занятость посредством использования цифровых платформ труда. Гибкость рабочих условий подразумевает, во-первых, возможность самостоятельно определять режим рабочего времени, что, например, характерно для фрилансеров. Во-вторых, снизилась физическая привязанность к месту работы благодаря появлению удаленной занятости, что означает возможность самостоятельно выбирать место для выполнения работы.

Одним из преимуществ гибкого рынка труда, которое было обнаружено на практике, является возможность обеспечения непрерывной работы в непредвиденных обстоятельствах (в случае пандемии, стихийных бедствий и пр.), что было продемонстрировано опытом множества стран в период пандемии. Безусловно, это не может быть одинаково применимо к представителям всех профессий, а лишь к тем, для кого удаленная работа является возможной.

К выводу о том, что повышение гибкости рынка труда может способствовать повышению рождаемости в стране, приходили исследователи разных стран. Как правило, данное предположение выстраивалось исходя из результатов опроса женщин фертильного возраста. Так, в исследовании, проведенном Н.В. Тонких, были получены результаты, согласно которым возможность работать удаленно может привести к увеличению вероятности рождения большего количества детей у 15–28% женщин репродуктивного возраста [6, с. 102]. Б. Братсберг и С. Вальтер обнаружили значительный и устойчивый рост рождаемости спустя 9 месяцев после начала первого карантина из-за COVID-19 в Норвегии. Исследователи отметили, что повышение гибкости работы увеличивает вероятность рождения ребенка, при чем данная вероятность увеличивается больше для женщин, работающих много часов в неделю и имеющих большую заработную плату [7, с. 12]. А. Ариса, С. де ла Рика, А. Угидос, проанализировав влияние неполной занятости на рождаемость в 11 европейских странах, пришли к выводу, что не во всех странах повышение гибкости работы положительно коррелирует с уровнем рождаемости (например, данная

связь не отмечается в Дании, Франции, Греции, Португалии, Великобритании, Испании, но присутствует в Бельгии, Германии, Ирландии, Италии и Нидерландах). Авторы связывают это с разницей в проведении социальной политики [8]. В целом, основная гипотеза, которая была подтверждена в ряде исследований, была связана с тем, что повышение гибкости работы будет способствовать изменению репродуктивных установок благодаря увеличению свободного времени, что особенно актуально для стран с проблемой сверхзанятости.

Также повышение гибкости рынка труда и внедрение дистанционных рабочих мест позволяет повысить возможности для трудоустройства для некоторых категорий экономически неактивного населения (например, лиц с инвалидностью; лиц, осуществляющих уход за нетрудоспособными членами семьи; лиц, находящихся в декретном отпуске, и пр.). Об этом могут свидетельствовать результаты анализа конъюнктуры рынка удаленного труда Беларуси за первое полугодие 2024 года. В среднем на рынке труда было доступно около 2,2 % вакансий для людей с инвалидностью за рассматриваемый период, в то время как на рынке удаленной работы значение составило примерно в 8,5 раз выше – 19,1 % (по данным Rabota.by) [9, с. 378]. Для лиц с инвалидностью, имеющих ограничения в физической мобильности, возможность удаленного труда представляет особую ценность в условиях недостатка доступной среды, в особенности на предприятиях. Для работодателей преимущество найма сотрудника, имеющего инвалидность, на работу в данных условиях может быть связана с отсутствием необходимости создания безбарьерной среды.

В ряде научных работ исследуется влияние удаленной занятости на окружающую среду [10]. С одной стороны, благодаря удаленной занятости наблюдается сокращение количества поездок на работу и, соответственно, выбросов загрязняющих веществ, а также уменьшается энергопотребление в офисных зданиях, что способствует сохранению природных ресурсов. С другой стороны, данное утверждение является спорным. Так, уменьшается энергопотребление в офисных зданиях и, напротив, увеличивается в жилых помещениях. Удаленная работа не всегда предполагает снижение физической мобильности: возможность работать в любом месте по собственному усмотрению может привести к обратной ситуации. Так, в США в период пандемии в некоторых городах наблюдался значительный рост населения из-за притока удаленных работников, в связи с чем они получили название «zoom town» [11]. В связи с этим данное преимущество повышения гибкости рынка труда может быть реализовано только при комплексном подходе к решению экологических проблем.

Исследователи из Бельгии А. Пирдавани, Т. Беллеманс и др. на основе прогнозирования количества аварий при обычном сценарии и сценарии удаленной работы (5 % занятых работают удаленно) пришли к выводу, что реализация сценария удаленной работы приведет к уменьшению годового количества аварий на 2,6 %, что обусловлено сокращением количества поездок [12]. Мнение о том, что одним из преимуществ удаленной работы является снижение нагрузки на транспортную систему и повышение безопасности дорожного движения благодаря снижению количества ДТП, разделяют и другие ученые [13].

Организационные изменения можно разделить на следующие группы: изменения в процессе поиска работы и ее выполнения. Так, стал возможным поиск работы и сотрудников посредством использования интернет-ресурсов: в частности, онлайн-сервисов с базой резюме и объявлений о работе, социальных сетей, электронных ярмарок вакансий и пр. Первичные собеседования могут проводиться посредством видеосвязи. Изменения в процессе выполнения работы связаны с использованием новых технологий, в результате чего видоизменяются трудовые функции, способы взаимодействия, появляются новые инструменты для работы (электронный документооборот, цифровая подпись, программное обеспечение и пр.).

Данные изменения направлены на повышение производительности труда и качества работы. Вместе с тем, И.Г. Паршутина, А.И. Солодовник и А.В. Амелина пришли к выводу, что в научной литературе присутствует противоречивая информация о влиянии цифровизации на производительность труда, что обусловлено разными подходами

к исследованиям. Соответственно, нельзя утверждать, что ключевым фактором повышения производительности труда выступает цифровизация [14, с. 161]. Цифровые технологии являются одним из инструментов достижения этой цели, который необходимо грамотно использовать. В противном случае, может быть получен иной результат. Так, согласно результатам исследования Е.В. Ванкевич и И.Н. Калиновской, повышение производительности труда в результате применения цифровых технологий различается в организациях разного размера и форм собственности. На крупных предприятиях цифровизация зачастую сопровождается увеличением количества рабочих мест, а также трудовых обязанностей, что не согласовывается с такими положительными эффектами, как оптимизация затрат, уменьшение количества рабочих задач и др. [15, с. 120–121].

Таким образом, потенциальные преимущества цифровой трансформации рынка труда не всегда могут обнаруживаться на практике, что обусловлено наличием иных сопутствующих факторов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Головенчик Г.Г. Трансформация рынка труда в цифровой экономике // Цифровая трансформация. – 2018. – № 4 (5). – С. 27–43.
2. Ванкевич Е.В. Развитие рынка труда Республики Беларусь в условиях цифровизации экономики: дополнительные направления анализа // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы : сборник научных статей : в двух томах. Т. 2. / ред. кол.: Д.В. Муха [и др.]; Национальная академия наук Беларуси; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2022. – С. 161–168.
3. Зайцева О.В. Платформенная занятость: сущность, тенденции развития и особенности оценки // Вестник Витебского государственного технологического университета. – 2024. – № 1(47). – С. 105–121.
4. Рачкевич В.А. Этапы развития рынка труда Республики Беларусь // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – 2025. – Вып. 10. – С. 76–84.
5. Образование в Республике Беларусь: статистический буклет. – URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/8df/ab87a3hqzwbuewhugb7s0intg5s9m6nb.pdf> (дата обращения 27.06.2025).
6. Тонких Н.В. Дистанционная занятость и родительство: мнения женщин // Народнонаселение. – 2021. – Т. 24. – № 3. – С. 92–104.
7. Bratsberg B., Walther S. The Impact of Flexibility at Work on Fertility (Working Paper No. W24/27) // Institute for Fiscal Studies, 2024. – 23 p.
8. Ariza A., de la Rica S, Ugidos A. The Effect of Flexibility in Working Hours on Fertility: A Comparative Analysis of Selected European Countries // Public Finance and Management. – 2005. – Vol. 5, Iss. 1. – P. 1–42.
9. Рачкевич В.А. Анализ рынка удаленной работы на территории Беларуси // Стратегия развития экономики Беларуси : вызовы, инструменты и перспективы : сборник научных статей : в двух томах. Т. 2. / ред. кол.: Д.В. Муха [и др.]; Национальная академия наук Беларуси; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2024. – С. 371–381.
10. Countouris N., De Stefano V., Piasna A., Rainone S. The future of remote work. – Brussels : ETUI, 2023. – 237 p.
11. How Remote Work Is Reshaping America's Urban Geography. – URL: <https://www.wsj.com/lifestyle/careers/how-remote-work-is-reshaping-americas-urban-geography-11614960100> (дата обращения 30.06.2025).
12. Pirdavani A., Bellemans T., Brijs T., Kochan B., Wets G. Assessing the road safety impacts of a teleworking policy by means of geographically weighted regression method // Journal of Transport Geography. – 2014. – Vol. 39. – P. 96–110.

13. Lin P.-S., Zhou H., Hagen L., Winters P.L. Effective Teleworking to Reduce Traffic Demand and Energy Consumption. – URL: https://www.researchgate.net/publication/283084039_Effective_Teleworking_to_Reduce_Traffic_Demand_and_Energy_Consumption (дата обращения 30.06.2025).

14. Паршутин И.Г., Солодовник А.И., Амелина А.В. Анализ влияния цифровизации и интернета вещей на производительность труда в экономике // Вестник аграрной науки. – 2023. – № 4(103). – С. 155–163.

15. Ванкевич Е.В., Калиновская И.Н. Цифровизация и рабочие места: пример организаций Витебской области Республики Беларусь // Journal of New Economy. – 2024. – Т. 25, № 4. – С. 106–126.

УДК 330.34+504.062

**ОЦЕНКА ЭКОСИСТЕМНЫХ УСЛУГ КАК ОСНОВА ПЕРЕХОДА
К УСТОЙЧИВЫМ МОДЕЛЯМ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ
ASSESSMENT OF ECOSYSTEM SERVICES AS A BASIS FOR THE TRANSITION
TO SUSTAINABLE LAND USE MODELS**

Самцова Дарья Владимировна,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
samtsova_d@mail.ru

Samtsova Darya,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье рассматривается конфликт между современными моделями экономического развития, основанными на интенсивном освоении территорий, и необходимостью сохранения естественных экосистем. Концепция экосистемных услуг представлена в качестве подхода для разрешения этого противоречия путем оценки вклада экосистем в благополучие населения. Проанализирован методологический процесс интеграции оценки экосистемных услуг в управление землепользованием, основанный на трех ключевых принципах: системности, учете интересов и адаптивности управления. В статье отражены три последовательных этапа данной интеграции: идентификация и количественная оценка услуг, преобразование полученных данных в удобный для принятия решений формат и непосредственное внедрение через экономические механизмы и инструменты планирования. Практическая значимость подхода показана на примере проекта, в котором экономическая оценка экосистемных услуг доказала нецелесообразность осушения болот для добычи торфа. В заключении обозначены основные барьеры на пути практической реализации концепции и предложены пути их преодоления.

Ключевые слова: экосистемные услуги, управление землепользованием, оценка экосистемных услуг, устойчивое развитие, природный капитал.

Abstract. This article examines the conflict between modern economic development models based on intensive land development and the need to preserve natural ecosystems. The concept of ecosystem services is presented as an approach to resolving this contradiction by assessing the contribution of ecosystems to human well-being. The methodological process of integrating ecosystem service assessment into land use management is analyzed, based on three key principles: systematicity, consideration of interests, and adaptive management. The article reflects three successive stages of this integration: identification and quantification of services, transformation of

the obtained data into a decision-friendly format, and direct implementation through economic mechanisms and planning tools. The practical significance of this approach is demonstrated through the example of a project in which the economic valuation of ecosystem services demonstrated the inadvisability of draining bogs for peat extraction. In conclusion, the main barriers to the practical implementation of the concept are identified and ways to overcome them are proposed.

Keywords: ecosystem services, land use management, ecosystem service valuation, sustainable development, natural capital.

Современные модели экономического развития, основанные на интенсивном сельском хозяйстве, масштабном развитии инфраструктуры и добыче природных ресурсов, вступают в противоречие с необходимостью сохранения естественных экосистем. Этот фундаментальный конфликт усугубляется растущим населением, которое все больше зависит от экосистемных услуг для обеспечения продовольствия, энергии, чистой воды и защиты от стихийных бедствий. Однако растущее антропогенное давление снижает способность природных систем поддерживать человечество, что ведет к масштабной деградации земель, потере биоразнообразия и нарушению экосистемных функций.

Концепция экосистемных услуг (ЭУ) – определяемых как условия и процессы, посредством которых природные экосистемы поддерживают и обеспечивают потребности человека – предлагает трансформационный подход к разрешению этого конфликта [1]. Согласно комплексному исследованию «Оценка экосистем на пороге тысячелетия» (Millennium Ecosystem Assessment), дополненному международной классификацией CICES (Common International Classification of Ecosystem Services), все экосистемные услуги подразделяются на четыре категории: обеспечивающие (продовольствие, вода, сырье), регулирующие (регулирование климата, очистка воды, опыление), культурные (рекреационные, эстетические, духовные услуги) и поддерживающие (почвообразование, круговорот питательных веществ) [2]. Эта концепция служит важнейшим связующим звеном, преобразуя функционирование экосистем в измеримые выгоды для человеческого благополучия посредством цепочки взаимосвязанных элементов: экосистема – экосистемные функции – экосистемные услуги – выгоды для человека.

Вместе с этим методологическая сложность количественной и качественной оценки ЭУ по-прежнему остается сложной задачей. Простого стоимостного оценивания или натурального измерения недостаточно. Согласно исследованиям в рамках программ ТЕЕВ (The Economics of Ecosystems and Biodiversity) для интеграции ЭУ в управление земельными ресурсами эти знания должны быть системно встроены в процессы принятия решений через комплексные инструменты политики, пространственного планирования и экономические механизмы, такие как, например, платежи за экосистемные услуги (ПЭУ) [3].

Интеграция оценки экосистемных услуг в практику землепользования представляет собой сложный междисциплинарный процесс, требующий реализации комплексного методологического подхода. Теоретической основой данного процесса выступают три взаимосвязанных принципа: системности, учета интересов заинтересованных сторон и адаптивности управления. Системный подход предполагает рассмотрение территории как целостного социально-экологического комплекса. Данный принцип требует учета взаимосвязей между различными типами ЭУ, поскольку изменение одной услуги неизбежно вызывает цепную реакцию в функционировании всей социально-экологической системы [4].

Принцип учета интересов заинтересованных сторон признает дифференцированное восприятие ценности ЭУ различными группами (местным населением, бизнес-структурами, органами власти), что определяет практическую реализуемость оценок. Для местных сообществ первостепенное значение часто имеют обеспечивающие и культурные услуги, в то время как для бизнеса наиболее значимыми оказываются регулирующие услуги, обеспечивающие минимизацию рисков для инфраструктуры и производственных процессов. Органы власти обязаны учитывать весь спектр услуг.

Адаптивность управления подразумевает необходимость создания непрерывного цикла мониторинга, оценки и корректировки управленческих решений. Этот принцип признает динамический характер социально-экологических систем и требует разработки гибких механизмов управления, позволяющих оперативно реагировать на изменения как в состоянии экосистем, так и в социально-экономических условиях.

Процесс интеграции ЭУ в управление землепользованием включает три последовательных этапа, каждый из которых имеет специфические методологические особенности и решает определенные задачи. Первый этап – идентификация и качественная оценка значимых экосистемных услуг – предполагает применение комплекса методов: экспертного опроса, социологических исследований населения и геоинформационного картографирования. Экспертные опросы позволяют выявить ключевые услуги на основе научного понимания функционирования экосистем, в то время как социологические исследования направлены на выявление воспринимаемой ценности услуг местным населением. Геоинформационное картографирование обеспечивает пространственную привязку и выявление закономерностей распределения ЭУ по территории.

Ключевой задачей данного этапа является количественная оценка услуг, такая как, например, расчет объема депонирования углерода лесными экосистемами, потенциала водно-болотных угодий по фильтрации грунтовых вод или рекреационной емкости ландшафтов. Эти данные формируют объективную основу для последующего принятия решений, позволяя количественно оценить вклад природных систем в экономическое развитие и социальное благополучие. Особое значение имеет оценка взаимовлияния и поиск баланса между различными услугами, поскольку управленческие решения, направленные на усиление одной услуги, могут привести к ослаблению других.

Второй этап заключается в преобразовании полученных оценок в формат, удобный для руководящих лиц. Данный этап представляет собой адаптацию научных данных для практической деятельности. Наиболее эффективными инструментами визуализации выступают картографические материалы, отображающие пространственное распределение ценности ЭУ. Карты позволяют наглядно идентифицировать участки с высокой концентрацией тех или иных услуг, а также зоны потенциальных конфликтов землепользования [5].

Особую значимость имеет разработка сценарных моделей, демонстрирующих последствия различных вариантов землепользования. Сравнительный анализ сценариев текущей модели землепользования и планируемой устойчивой позволяет количественно оценить потери ЭУ при реализации проектов, связанных с преобразованием природных территорий. Например, моделирование последствий осушения болотных массивов показывает не только прямую потерю местообитаний, но и сокращение регуляционных услуг, таких как водорегулирование и очистка воды, что ведет к необходимости значительных инвестиций в инженерную инфраструктуру [6].

В качестве примера следует привести оценку ЭУ, проведенную Институтом экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси в рамках реорганизации заказника «Озёры» в Гродненской области для целей торфодобычи [7]. Подробный анализ проекта потенциального преобразования выявил значительные финансово-экономические риски. В результате оценки были установлены как ежегодные потери в размере 70 тыс. долл. США с гектара от прекращения услуг лесных экосистем, так и совокупные убытки. В их числе стоимостная оценка ежегодного поглощения углекислого газа (73,9 тыс. долл. США в год), ассимиляционного потенциала лесов (316,3 тыс. долл. США в год), водоочистительной функции болот (почти 2 млн долл. США в год) и биологического разнообразия (около 1,39 млн долл. США в год).

Необходимо отметить, что некоторые из этих потерь носят в определенной степени условный характер, поскольку вывод лесных земель из состава заказника автоматически не прекращает их экологических функций. К прямым и безвозвратным потерям следует отнести исключительно последствия полного уничтожения болотных экосистем при разработке

месторождения. К ним относятся утрата поглощения CO₂ болотами (684 долл. США в год), их сорбционной способности (1,9 млн долл. США в год) и уничтожение биоразнообразия (1,4 млн долл. США в год). Таким образом, оценка минимальных экономических потерь от прекращения экосистемных услуг оценивается в 3,39 млн долл. США в год, включая ежегодные убытки в размере около 2 млн долл. США в год.

Для формирования полной финансово-экономической картины эти данные были сопоставлены с расчетами ГПО «Белтопгаз» по потенциальной добыче торфа на данной территории, согласно которым ориентировочные запасы торфа составляют 1500 тыс. т с себестоимостью добычи в 13,83 млн долл. США в год, а стоимость конечной продукции (топливных брикетов) могла бы достичь 40,3 млн долл. США в год за 25 лет эксплуатации.

На заключительном этапе исследований было проведено сравнение двух ключевых сценариев: сохранение заказника и его преобразование для торфодобычи. Стоимостная оценка экосистемных услуг в случае сохранения территории составила 84,8 млн долл. США в год, что более чем вдвое превышает потенциальный доход от реализации торфяных брикетов (40,3 млн долл. США в год).

Кроме того, реализация проекта повлекла бы за собой и другие негативные последствия: сокращение площади заказника на 1,3 тыс. га, риск исчезновения уникальных местообитаний редких видов, ухудшение пожарной обстановки, утрату ресурса сбора дикоросов и неизбежный негативный общественный резонанс. Единственным значимым положительным последствием является обеспечение сырьем Лидского торфобрикетного завода. В итоге комплексный анализ однозначно показал, что сценарий сохранения заказника выступал не только экологически, но и экономически более предпочтительным вариантом.

Третий этап интеграции предполагает непосредственное внедрение оценок в инструменты управления через разработку и реализацию конкретных механизмов. К числу наиболее эффективных механизмов относятся платежи за экосистемные услуги, создающие экономические стимулы для землепользователей сохранять и восстанавливать экосистемы. Данный механизм основан на принципе «пользователь платит», когда получатели выгод компенсируют поставщикам затраты, связанные с устойчивым землепользованием.

Компенсационные мероприятия направлены на возмещение неизбежного ущерба биоразнообразию и функционированию экосистем при реализации проектов развития. Эффективная система компенсаций требует разработки четкой методики оценки ущерба и определения адекватных компенсационных мер, обеспечивающих отсутствие чистых потерь экосистемных услуг. В рамках данного этапа концепция природных решений предлагает комплексный подход к возмещению неизбежного ущерба. В отличие от чисто технических мер, природные решения позволяют не просто нивелировать негативные последствия, но и создавать дополнительные выгоды для биоразнообразия и социального благополучия (таблица 1).

Таблица 1 – Примеры природных решений в рамках компенсационных мероприятий по типам экосистем

Природное решение	Объект	Характеристика
Восстановление деградированных болотных экосистем	Осушенные или нарушенные торфяники	Прекращение выбросов CO ₂ с поверхности осушенного торфа и переход экосистемы в статус поглотителя углерода; Восстановление естественной гидрологической функции; Создание местообитаний для специфических видов флоры и фауны (в т. ч. редких), увеличение биоразнообразия; Снижение пожарной опасности на осушенных торфяниках, поддержание ресурсной базы (ягоды, лекарственные растения)
Агролесомелиорация и создание буферных полос	Деградированные или интенсивно используемые сельскохозяйственные земли, береговые линии водоемов	Предотвращение эрозии почв, фильтрация стоков с полей, связывание почвенного углерода; Повышение биоразнообразия сельскохозяйственных ландшафтов, улучшение микроклимата; Диверсификация доходов хозяйств, потенциальное повышение урожайности основных культур

Продолжение таблицы 1

Природное решение	Объект	Характеристика
Восстановление пойм и естественной гидрологии рек	Зарегулированные русла рек, осушенные пойменные земли	Естественное регулирование паводкового стока, пополнение грунтовых вод, задержание наносов и питательных веществ; Восстановление нерестилищ рыб, местообитаний водоплавающих птиц и околоводных видов; Создание новых рекреационных возможностей (экотуризм, рыбалка)
Преобразование городской зеленой инфраструктуры	Урбанизированные территории	Снижение эффекта «островов тепла», улучшение качества воздуха, управление ливневыми стоками; Улучшение физического и ментального здоровья населения, создание комфортной среды; Сокращение затрат на кондиционирование и ливневую инфраструктуру

Примечание – Источник: авторская разработка на основе [8].

Зонирование территорий с учетом ценности предоставляемых услуг позволяет выделить зоны с особым режимом землепользования, где приоритет отдается сохранению ключевых экосистемных функций. Данный подход должен быть интегрирован в систему территориального планирования на всех уровнях (страна – регион – населенный пункт).

Включение оценки ЭУ в процедуры стратегической экологической оценки и оценки воздействия на окружающую среду обеспечивает учет совокупных последствий проектов развития и принятие более обоснованных решений на ранних стадиях планирования. Это позволяет предотвратить принятие решений, которые могут привести к утрате природного капитала.

Несмотря на очевидные преимущества интеграции оценки ЭУ в управление землепользованием, практическая реализация данного подхода сталкивается с существенными вызовами. Эти препятствия носят комплексный характер и требуют системных решений на различных уровнях управления.

Институциональные барьеры проявляются в недостаточной проработанности законодательной базы, связанной с ЭУ и процедурами их учета в принятии решений. Существенной проблемой остается межведомственная разобщенность: функции управления природными ресурсами распределены между различными профильными ведомствами (лесное, водное, сельское хозяйство), которые действуют в рамках узких интересов без должного межведомственного взаимодействия. Это препятствует реализации комплексного подхода к управлению территориями как социально-экологическими системами [9].

Методологические проблемы связаны со сложностью количественной оценки многих экосистемных услуг, в частности, регулирующих и культурных. Если обеспечивающие услуги (древесина, сельскохозяйственная продукция и т. п.) имеют прямую рыночную стоимость, то оценка услуг по регулированию климата, водорегулированию или поддержанию биоразнообразия требует разработки сложных методик. Проблемой выступает также сама идея перевода ценности окружающей среды в денежный эквивалент, которая воспринимается как этически неприемлемая попытка подчинения природы рыночным отношениям. Это недоверие особенно характерно для местных сообществ, которые рассматривают природу как культурную и духовную ценность, нежели экономический актив.

Экономические барьеры обусловлены отсутствием действенных стимулов для перехода к устойчивым моделям землепользования. Доминирование краткосрочных экономических интересов над долгосрочной экологической стабильностью приводит к тому, что решения принимаются на основе узких экономических расчетов, игнорирующих ценность ЭУ.

Информационные барьеры проявляются в нехватке комплексных данных о состоянии экосистем и предоставляемых ими услугах. Существующие системы мониторинга часто не ориентированы на сбор информации, необходимой для оценки экосистемных услуг. Недостаточный уровень осведомленности лиц, принимающих решения, о концепции ЭУ и методах их оценки приводит к тому, что эти аспекты не учитываются при планировании развития территорий.

Преодоление этих барьеров требует скоординированных усилий на различных уровнях. Необходима разработка комплексной нормативной правовой базы, создание межведомственных координационных механизмов, развитие методик оценки экосистемных услуг с учетом специфики региональных условий и типов экосистем, формирование экономических стимулов для сохранения природного капитала, а также реализация программ повышения осведомленности для лиц, принимающих решения.

Таким образом, интеграция оценки экосистемных услуг представляет собой не только теоретическую концепцию, но практический инструмент перехода к устойчивым моделям землепользования. Проведенный анализ демонстрирует, что учет ценности природного капитала позволяет гармонично сочетать экономическое развитие с сохранением экологических функций территорий. Для реализации этого потенциала необходима последовательная работа на различных уровнях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Millennium Ecosystem Assessment. Ecosystems and Human Well-Being: Synthesis / R.T. Watson [et al.]. – Washington: Island Press, 2005. – 155 p.
2. Common International Classification of Ecosystem Services (CICES). – URL: <https://cices.eu/> (дата обращения 18.09.2025).
3. TEEB implementation – assessment of ecosystem services for holistic and sustainable land management in the agricultural sector. – URL: <https://www.international-climate-initiative.com/en/project/teeb-implementation-assessment-of-ecosystem-services-for-holistic-and-sustainable-land-management-in-the-agricultural-sector-16-iv-066-global-m-teeb-for-agriculture/> (дата обращения 18.09.2025).
4. Land-Use-Oriented Conservation of Ecosystem Services / J. Zhan [et al.] // Impacts of Land-use Change on Ecosystem Services. – 2015. – № 1. – P. 211–260. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-662-48008-3_6 (дата обращения 18.09.2025).
5. Wenbo C., Wei J., Yongli C. Developing an Ecosystem Services-Based Approach for Land Use Planning // Land. – 2021. – № 10 (4). – URL: <https://www.mdpi.com/2073-445X/10/4/419> (дата обращения 18.09.2025).
6. Разработка сценариев для имитационного моделирования экосистемных услуг лесов / Тебенкова Д.Н. [и др.] // Вопросы лесной науки. – 2022. – № 2. – URL: <https://jfsi.ru/5-2-2022-tebenkova-et-al/> (дата обращения 18.09.2025).
7. Практический опыт использования ТКП 17.02-10-2013 (02120) «Охрана окружающей среды и природопользование. Порядок определения стоимостной оценки экосистемных услуг и биологического разнообразия». – URL: <https://www.cbd.int/doc/meetings/nr/rw5nr-ceecasi-01/other/rw5nr-ceecasi-01-belarus-03-ru.pdf> (дата обращения 18.09.2025).
8. Обзор по природным климатическим решениям. – URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/4cc45c240a939c79ffd2ca08b0d57715/071122.pdf> (дата обращения 18.09.2025).
9. Integrating ecosystem-service tradeoffs into land-use decisions / J.H. Goldstein [et al.] // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 2012. – Vol. 109, Iss. 19. – P. 7565–7570. – URL: <https://www.peeref.com/works/15117022> (дата обращения 18.09.2025).

**СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
МСТИСЛАВСКОГО РАЙОНА
MODERN APPROACHES USED IN ENSURING SUSTAINABLE SOCIAL
AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE MSTISLAVSKY DISTRICT**

Судиловская Ольга Николаевна,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
Республика Беларусь, г. Минск
sudi-olya@mail.ru

Sudilovskaya Olga,
Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье рассмотрены подходы в обеспечении устойчивого социально-экономического развития Мстиславского района в рамках современных условий, которые характеризуются высокой степенью неопределенности и изменчивости.

Актуальность рассматриваемой проблемы заключается в том, что современное общество столкнулось с необходимостью обеспечения социальной стабильности и благополучия в обществе, что напрямую связано с социально-экономическим развитием территории, выступающим неотъемлемой частью современного общества и имеющим большое значение для решения социальных проблем, достижения социальной справедливости и обеспечения устойчивого развития.

Главной и определяющей характеристикой устойчивого развития Мстиславского района выступает способность эффективно использовать ресурсы своего развития, непрерывно наращивать показатели своего социально-экономического развития. Поэтому развитие района должно выражаться через его потенциал саморазвития, который во многом определяется социально-экономическим положением территории.

Ключевые слова: устойчивое социально-экономическое развитие, один проект – один регион, сильные регионы, стратегия устойчивого развития, сельские территории, эффективность экономики.

Abstract. This article examines approaches to ensuring sustainable socioeconomic development in the Mstislavsky District in a modern environment characterized by a high degree of uncertainty and variability.

The relevance of this problem lies in the fact that modern society is faced with the need to ensure social stability and well-being, which is directly related to the socioeconomic development of the region, which is an integral part of modern society and is of great importance for solving social problems, achieving social justice, and ensuring sustainable development.

The main and defining characteristic of sustainable development in the Mstislavsky District is the ability to effectively utilize its development resources and continuously improve its socioeconomic development indicators. Therefore, the district's development should be expressed through its self-development potential, which is largely determined by the socioeconomic status of the region.

Keywords: sustainable socio-economic development, one project – one region, strong regions, sustainable development strategy, rural areas, economic efficiency.

Изучение вопросов социально-экономического развития регионов обусловлена практической необходимостью повышения уровня и качества жизни населения Республики Беларусь на основе роста конкурентоспособности экономик административно-

территориальных единиц. Последнее определено целями и задачами Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2035 года, Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы. Знание особенностей социально-экономического развития регионов необходимо также для решения таких крупных социально-экономических задач как рациональное размещение производительных сил, более полное и эффективное использование региональных источников роста производительности труда и других факторов производства, обеспечение комплексного социально-экономического развития территориальных образований.

Одним из основных стратегических национальных интересов, задекларированных в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, является устойчивое экономическое развитие и высокая конкурентоспособность белорусской экономики, а также достижение высокого уровня и качества жизни граждан [1].

Важнейшим приоритетом текущей пятилетки согласно Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы является создание сильных регионов, основные подходы, к развитию которых заложены в проекте Концепции государственной политики регионального развития Беларуси [1].

Мстиславский район расположен на северо-востоке Республики Беларусь. Численность населения составляет 17910 человек, и уменьшилась по отношению к 2019 г. на 2490 человек. Район относится к аграрным районам Республики Беларусь. Наравне с сельскохозяйственным производством в районе осуществляют свою деятельность промышленные предприятия.

Сельское хозяйство района специализируется на выращивании зерновых и кормовых культур, производстве молока, мяса.

Аграрный сектор экономики района включает: 4 перерабатывающих предприятия, 10 сельскохозяйственных организаций и 19 крестьянско-фермерских хозяйств

В рамках выполнения поручения по развитию регионов «Один регион – один проект» в районе реализуется производственный проект «Создание производственно-логистического центра» на ООО «Мстиславская швейная фабрика». В общем, создание данного предприятия уже является наглядным примером применения преференциальных режимов государства по реализации имущества на льготных условиях для инвестиционных проектов российским инвесторам в рамках Декрета Президента Республики Беларусь от 07.05.2012 № 6 «О стимулировании предпринимательской деятельности на территории средних, малых городских поселений, сельской местности».

ООО «Мстиславская швейная фабрика» образована 7 лет назад на объектах бывшего здания «Профессионального лицея № 6». Сегодня на предприятии трудятся 200 человек с достойной заработной платой.

Реализация инвестиционного проекта на фабрике позволяет создать более 25 рабочих мест и инвестировать 1,5 млн руб.

Стабильная работа реального сектора экономики позволяет решать многие социальные задачи. Ежегодно значительные ресурсы направляются на укрепление материально-технической базы учреждений социальной сферы. В районе созданы условия для получения качественной медицинской помощи, хорошего образования, организации досуга и здорового образа жизни. Ежегодно порядка 56 процентов выпускников школ поступают в высшие учебные заведения.

Социально-экономические проблемы района связаны с низким уровнем и невысокой эффективностью развития экономики, низкой предпринимательской активностью населения, слабым развитием социальной инфраструктуры, что в свою очередь влечет за собой демографическую проблему, отток и естественную убыль населения, рост числа сельских населенных пунктов с населением до 10 человек, текучесть кадров, особенно на селе и в социальной сфере (образование и здравоохранение, особенно узкие специалисты в медицине), закрытие объектов социального назначения в сельской местности, преобладание на местном рынке труда низкоквалифицированных кадров.

Достижение главной цели – роста благосостояния и улучшения условий жизни населения предусматривает концентрацию ресурсов на следующих приоритетных направлениях социально-экономического развития района:

- модернизация и повышение эффективности существующих производств, как пример, в 2023–2024 гг. модернизирована производственная линия на Мстиславском филиале ОАО «Булочно-кондитерская компания «Домочай» для выпуска новых видов слабоалкогольных и безалкогольных напитков, воды; в 2025–2026 гг. будет проведена модернизация ОАО «Мстиславльлен»;
- развитие аграрного направления в сфере МСП за счет расширения посевов и использование современных подходов в производстве;
- повышение привлекательности работы субъектов хозяйствования в сфере агротуризма, используя национальный колорит;
- увеличение экспортного потенциала района, которому будут способствовать: создание экспортноориентированных новых предприятий и развитие туристической сферы района, в том числе, брендового мероприятия «Рыцарский Фест».

Развитию в данном направлении способствует богатое историко-культурное наследие. Наличие уникальных духовных объектов создают все предпосылки для организации современной туристической инфраструктуры и развития международного туризма, сельского эко-предпринимательства на территории района.

В демографической политике региона важное значение должно занимать сохранение и укрепление здоровья населения, увеличение роли профилактики заболеваний и формирование здорового образа жизни, а также повышение уровня рождаемости (в том числе за счёт рождения в семьях второго и последующих детей).

Устойчивое развитие сельских территорий предполагает, что будет создана ситуация, когда естественным образом прекратится миграционный поток из города в деревню, поскольку всем будут очевидны преимущества жизни и ведения бизнеса в сельской местности. Для этого необходимо:

- доходы всех видов бизнеса на сельских территориях должны быть достаточными для обеспечения высоких жизненных стандартов в сельских населенных пунктах;
- общая занятость на селе должна расти, в то время как доля занятых непосредственно в сельском хозяйстве должна уменьшаться, это предполагает диверсификацию сельской экономики с развитием промышленных производств и сферы оказания услуг;
- сельскому бизнесу необходимо капитализировать уникальность территории, сформировав на рынке нишу, заполняемую местными товарами и услугами;
- требуется создать активное взаимовыгодное партнерство между городом и деревней;
- сохранение и восстановление красоты ландшафтов, культурных ценностей и исторического наследия сельских территорий должно стать нормой и вносить вклад в формирование стабильных, хорошо развитых и безопасных сельских сообществ.

В районе необходимо достичь сбалансированности возрастной структуры сельского населения и не худшего, чем в городе, качества человеческого капитала. Все вышеперечисленное нашло свое отражение в Концепции Стратегии устойчивого развития Мстиславского района до 2035 г., которая утверждена Мстиславским районным Советом депутатов 30 декабря 2021 г.

Концепция Стратегии устойчивого развития Мстиславского района до 2035 г. позволила комплексно подойти к выявлению проблемных вопросов в сфере развития деловой инициативы и предпринимательства, определить приоритеты и практические шаги, необходимые для обеспечения социально-экономического роста территории на ближайшие десятилетия.

Ключевым методом обеспечения устойчивого развития Мстиславского района является партнерство. В основу чего и легло определение стратегической цели – объединение усилий людей, организаций и структур района по улучшению качества жизни своей и региона в целом.

Для достижения устойчивого развития региона определено пять приоритетных направлений:

- развитие открытой туристической инфраструктуры района;
- развитие человеческого потенциала на основе формирования здорового образа жизни населения и концепции активного долголетия;
- формирование экодружественного образа жизни жителей района;
- становление инновационного сельского хозяйства и бизнес-сообщества;
- обеспечение доступности для каждого и всех образования в интересах устойчивого развития.

Стратегической целью приоритета 1 «Развитие открытой туристической инфраструктуры района» является:

- создание в регионе развитого туристического сектора экономики и обеспечение устойчивого спроса на туристические услуги;
- содействие туристической востребованности района посредством сохранения и развития историко-культурного наследия региона и внедрения эффективного маркетинга в туристическом секторе экономики;
- сохранение богатого неповторимого архитектурного облика города;
- создание благоприятного инвестиционного климата для развития туризма.

Стратегической целью приоритета 2 «Развитие человеческого потенциала на основе формирования здорового образа жизни населения и концепции активного долголетия» является:

- создание условий и инфраструктуры для укрепления здоровья каждого жителя района, развития и востребованности их человеческого потенциала в течении жизни;
- расширение спектра возможностей для самореализации жителей всех возрастов;
- развитие неформального образования на протяжении всей жизни для обеспечения социальной успешности и активного долголетия жителей района, успешной реализации региональных целей устойчивого развития.

Стратегической целью приоритета 3 «Формирование экодружественного образа жизни жителей района» является:

- создание условий для организации жизни с заботой о себе, окружающих людях и окружающей среде;
- внедрение модели рационального потребления населением региона с минимальным влиянием на окружающую среду;
- внедрение в регионе экономической модели, основанной на энергоэффективном, ресурсосберегающем ответственном производстве;
- создание инфраструктуры для развития экодружественного образа жизни населения.

Стратегической целью приоритета 4 «Становление инновационных сельского хозяйства и бизнес-сообщества» является развитие перспективных направлений сельскохозяйственного производства, формирование и продвижение локальных брендов, повышение инвестиционной привлекательности сельских территорий.

Еще 5 лет назад в районе было зарегистрировано 7 крестьянско-фермерских хозяйств. В настоящее время их 19. Кроме фермерских хозяйств в прошедшем году зарегистрировано две частных фирмы основным видом деятельности которых является растениеводство.

Стратегической целью приоритета 5 «Обеспечение доступности для каждого и всех образования в интересах устойчивого развития» является:

- создание развитой региональной инфраструктуры доступного образования для устойчивого развития в течение жизни всех людей;
- совершенствование инклюзивной и безопасной, свободной от насилия и социальных барьеров образовательной среды для каждого и всех;
- воспитание социально-значимой и активной жизненной позиции, предприимчивости и деловитости, ответственности и чувства хозяина.

Сегодня все принимаемые решения и предлагаемые инициативы направлены на созидание, творчество, поиск новых путей взаимодействия и сотрудничества с представителями разных поколений через социальное партнерство, заинтересованный диалог и обмен мнениями.

Благодаря партнерству исполнительной власти, районного Совета депутатов, общественности и бизнеса на территории района в 2021–2024 годы реализовано достаточно большое количество инициатив, которые помогли благоустроить территории, на которых проживают сами граждане, организовать праздничные мероприятия, отремонтировать дороги и колодцы.

Исследовав и изучив теоретические и практические аспекты социально-экономического развития Мстиславского района Могилевской области, выработав предложения по совершенствованию его развития можно сделать следующий вывод, что выявляя внутренние резервы социально-экономического развития и разрабатывая комплексный механизм решения проблем регионального развития при помощи эффективного использования внутренних ресурсов можно определить дополнительные «точки роста» устойчивого развития территории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2003–2025. – URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения 03.09.2025).
2. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года // Министерство экономики Республики Беларусь – URL: <http://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/NSUR.pdf> (дата обращения 12.09.2025).
3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 1998–2025. – URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения 17.09.2025)

УДК 331.1

ТИПОВЫЕ ШТАТЫ И НОРМАТИВЫ ЧИСЛЕННОСТИ – ФОРМА НОРМИРОВАНИЯ ТРУДА В БЮДЖЕТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ОБЗОР ОПЫТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ TYPICAL STAFFING AND STAFFING NORMS – A FORM OF LABOUR NORMATIVITY IN BUDGET ORGANIZATIONS: AN OVERVIEW OF EXPERIENCE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Сухаревич Ольга Олеговна,
Научно-исследовательский институт труда Министерства труда
и социальной защиты Республики Беларусь,
Республика Беларусь, г. Минск
kovaleva.oo@mail.ru

Sukharevich Olga,
Research Institute of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection
of the Republic of Belarus,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. Статья посвящена обзору системы типовых штатов, применяемых в бюджетных организациях Республики Беларусь. В ней рассматриваются правовая основа и ключевые принципы формирования типовых штатов, а также особенности их применения в различных видах деятельности (образование, здравоохранение, культура и др.). Выявляются

основные функции типовых штатов, их роль в обеспечении единообразия в структуре кадров и рационального использования трудовых ресурсов. Вместе с тем выявлены проблемы, связанные с применением типовых штатов, такие как устаревание нормативов, нехватка кадров, перегрузка работников, несоответствие фактической нагрузки установленным нормам и ограниченная гибкость кадровой политики. Особое внимание уделено возможным направлениям совершенствования системы типовых штатов, включая обновление нормативной базы, учет отраслевых и региональных особенностей, расширение управленческих полномочий руководителей и внедрение современных методов планирования численности работников.

Ключевые слова: нормирование труда, типовые штаты, численность персонала, бюджетные организации, Республика Беларусь.

Abstract. This article provides an overview of the standard staffing system used in budgetary organizations in the Republic of Belarus. It examines the legal basis and key principles for developing standard staffing systems, as well as the specifics of their application in various sectors (education, healthcare, culture, etc.). It identifies the key functions of standard staffing systems and their role in ensuring uniformity in personnel structure and the efficient use of labor resources. Furthermore, it identifies problems associated with the use of standard staffing systems, such as outdated standards, staff shortages, employee overload, discrepancies between actual workload and established standards, and limited flexibility in personnel policy. Particular attention is paid to potential areas for improving the standard staffing system, including updating the regulatory framework, taking into account industry and regional specifics, expanding the managerial powers of managers, and introducing modern methods for planning headcount.

Keywords: labor standardization, standard staffing, staff size, budgetary organizations, Republic of Belarus.

Эффективное управление трудовыми ресурсами – один из ключевых факторов устойчивой работы бюджетных организаций. В условиях ограниченного финансирования и, одновременно, растущих требований к качеству услуг бюджетных организаций, особую значимость приобретает рациональное планирование численности персонала. В Республике Беларусь эта задача решается в том числе с использованием типовых штатов как предельно допустимого численного состава работников, установленного законодательством для учреждений одного и того же типа, исходя из наиболее целесообразной организации их работы [1]. В них указывается структура учреждения, перечень должностей и численный состав работников. Типовые штаты выполняют сразу несколько функций: они обеспечивают единообразие в структуре кадров, позволяют контролировать расход бюджетных средств и создают основу для формирования фонда оплаты труда. Однако на практике возникает немало сложностей при их использовании: устаревшие нормативы, ограниченные возможности для оперативного реагирования на изменения.

Цель настоящей статьи – дать обзор существующей системы типовых штатов в бюджетных организациях Республики Беларусь, выделить ее сильные и слабые стороны.

Система нормирования труда и установления типовых штатов в бюджетных организациях Республики Беларусь основывается на ряде нормативных правовых актов. Ключевым документом, определяющим общие принципы регулирования труда, является Трудовой кодекс Республики Беларусь, в котором закреплена обязанность нанимателя по установлению норм труда и обеспечению их замены и пересмотра с участием профсоюза (ст. 87) [2]. Разработкой межотраслевых нормативных материалов для нормирования труда занимается НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. Разработкой отраслевых нормативных материалов для нормирования труда могут заниматься как отраслевые научно- и нормативно-исследовательские организации, так и иные организации-разработчики. Непосредственную регламентацию типовых штатов обеспечивают приказы Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь,

а также нормативные акты, утверждаемые отраслевыми ведомствами (например, Министерством здравоохранения Республики Беларусь, Министерством образования Республики Беларусь, Министерством культуры Республики Беларусь и др.) (ст. 5) [3]. Эти документы утверждают типовые структуры и рекомендуют численность работников в зависимости от профиля учреждения, численности обслуживаемого населения, объема оказываемых услуг и других факторов.

Типовые штаты носят, как правило, рекомендательный характер в том числе и для организаций, финансируемых из государственного бюджета. В ряде случаев допускается отклонение от типовой численности, например, при наличии обоснованных факторов. Однако такие отклонения должны быть согласованы с вышестоящими органами управления или с финансовыми органами, что существенно ограничивает гибкость в принятии кадровых решений на местах. Вместе с тем руководители бюджетных организаций вправе принимать решения о содержании в штате работников, выполняющих вспомогательные функции, в меньшем количестве по сравнению с их численностью, определенной в соответствии с типовыми штатами и нормативами численности (п. 1.2) [4]. Таким образом, законодательство формирует единые правила для формирования штатов, но вместе с тем создает предпосылки для неравномерного распределения трудовых ресурсов, что требует дальнейшего анализа и адаптации к современным условиям.

В бюджетной сфере Республики Беларусь типовые штаты являются основным инструментом формирования численности персонала и действуют в большинстве сфер: в образовании, здравоохранении, культуре, спорте и социальной защите.

В здравоохранении численность персонала (врачей, медицинских сестер и других медицинских работников) зависит от численности обслуживаемого населения, коечного фонда и т. д. Типовые штаты также регламентируют численность административно-управленческого и вспомогательного персонала. Основными особенностями типовых штатов в здравоохранении является учет сменной и круглосуточной работы, специализации подразделений (реанимация, хирургия), применение системы корректирующих коэффициентов для специализированных задач, региональные, сезонные поправки. Типовые штаты утверждены для работников, оказывающих медицинскую помощь в стационарных условиях, медицинских и других работников поликлиник (поликлинических отделений), работников организаций переливания крови и другие.

В сфере образования типовые штаты учитывают контингент обучающихся, наличие специализированных классов, тип учебного заведения и другие параметры. Например, в типовых штатах и нормативах численности учреждений дошкольного образования указывается численность воспитателей, помощников воспитателя, педагогов-психологов на определенное количество групп воспитанников (п. 7, 8, 10) [5]. Типовые штаты учитывают учебную нагрузку и учебные планы. Примером типовых штатов являются типовые штаты и нормативы численности работников учреждений высшего образования, среднего специального образования, дошкольного образования, специальных общеобразовательных школ-интернатов и вспомогательных школ-интернатов, дополнительного образования детей и молодежи (центров, дворцов) и другие.

Типовые штаты и нормативы численности в учреждениях спорта формируют тренерско-педагогический, медицинско-реабилитационный и административный состав работников с учетом численности населения, площади физкультурно-спортивного сооружения, количества специального технического оборудования и инвентаря. Типовые штаты и нормативы численности работников разработаны для государственных организаций физической культуры и спорта (государственные специализированные учебно-спортивные учреждения, училища олимпийского резерва, государственные физкультурно-оздоровительные, спортивные центры, физкультурно-спортивные клубы).

Учреждения культуры формируют свои штаты в зависимости от количества культурно-массовых мероприятий в соответствии с репертуарным планом, составом фондов учреждений. Типовые штаты учитывают специфику работы учреждений культуры.

Действуют типовые штаты и нормативы численности работников театрально-зрелищных организаций, детских школ искусств, библиотек.

В сфере социальной защиты численность персонала регламентируется примерными нормативами численности работников по направлениям деятельности. Например, в территориальных центрах социального обслуживания населения выделяют такие направления как первичный прием, анализ, информирование и прогнозирование, социальная помощь на дому, комплексная поддержка в кризисной ситуации и другие. Численность персонала устанавливается в зависимости от численности граждан, пользующихся услугами [6]. В социальных пансионатах численность персонала устанавливается по направлениям: медицинское обслуживание, бытовое обслуживание, организация питания и другие в зависимости от количества койко-мест [7].

На практике типовые штаты воспринимаются как строгая норма, которую учреждение должно соблюдать. Это приводит к ситуации, при которой даже очевидная потребность в увеличении численности работников (например, из-за роста нагрузки или внедрения новых функций) не может быть оперативно решена без согласований и утверждений на вышестоящем уровне. Часто руководители учреждений вынуждены «укладываться» в типовой штат, перераспределяя нагрузку между сотрудниками или совмещая должности. В небольших населенных пунктах эта проблема чувствуется особенно остро. С другой стороны, в отдельных случаях типовые штаты могут использоваться формально, без учета фактической потребности, что приводит к наличию избыточной численности работников или дублирующих функций. В результате получается разрыв между тем, что на практике, и тем, что рекомендуется нормативами.

Вместе с тем, типовые штаты имеют ряд преимуществ особенно при оптимизации численности, что позволяет снизить расходы на персонал, высвободить средства для стимулирующих выплат работникам, на которых будет возложена дополнительная нагрузка. Пилотные проекты по оптимизации в бюджетной сфере уже проводились в Республике Беларусь в 2023 году [8]. Благодаря типовым штатам учреждения могут ориентироваться на установленные структуры и примеры, что уменьшает риск произвольного увеличения численности работников, способствуя более прозрачному управлению персоналом. Одним из примеров унификации норм является утвержденные Министерством здравоохранения Республики Беларусь подходы по формированию штатной численности работников бюджетных организаций здравоохранения [9].

Несмотря на удобство для централизованного управления, система типовых штатов в бюджетных организациях Республики Беларусь сталкивается с рядом серьезных проблем, снижающих ее эффективность. Когда нагрузка растет, а структура штата остается неизменной, работники не справляются со своими обязанностями, это особенно заметно в здравоохранении и образовании. Врачи и педагоги вынуждены совмещать функции нескольких специалистов, выполнять несвойственные задачи или работать сверх установленной нормы, что может ухудшить качество оказываемых услуг. Как отмечают И.Б. Омельченко и др. «использование типовых штатов вместо штатных нормативов приводит к неравномерному распределению нагрузки медицинских работников при одинаковом объеме работы» [10, с. 31], что подтверждено результатами исследований, проведенными Р.У. Хабриевым, В.М. Шиповой и Е.А. Берсеновой [11, с. 90].

Формирование типовых штатов не является застывшей системой на их изменения влияют процессы, происходящие в экономике и технологиях. Система должна не только обеспечивать нормативную упорядоченность, но и быть гибкой, адаптируемой к условиям конкретного учреждения и ориентированной на результат. Первым и наиболее очевидным шагом является регулярное обновление типовых штатов, в зависимости от фактической нагрузки, изменений в технологиях, появления новых функций и видов деятельности. Примером реализации данного положения может служить практика применения типовых штатов в сфере социальной защиты. А именно, типовые штаты территориальных центров социального обслуживания населения традиционно регулировались постановлениями

Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. Штаты, утвержденные еще в 2013 году, значительно устарели: они не учитывают демографические изменения (увеличение количества многодетных семей), внедрение новых функций (содействие в получении материальной помощи, социальная реабилитация, абилитация инвалидов). Это привело к несоответствию фактической нагрузки работников установленным нормативам. В результате совершенствования к 2024 году типовые штаты уже дополнены новыми направлениями деятельности, скорректирован функционал работников, пересмотрены нагрузки на социальных работников [6].

Типовые штаты должны учитывать разнообразие учреждений в рамках одного вида деятельности – по объему оказываемых услуг, численности обслуживаемого населения, региону, типу учреждения. Например, Министерством культуры Республики Беларусь утверждены типовые штаты и нормативы численности работников театрально-зрелищных организаций, где приведены структура и нормативы численности отдельно для работников драматических и кукольных театров, филармоний, капелл и других.

По нашему мнению, руководителям учреждений следует предоставить больше полномочий в формировании собственного штатного расписания в пределах установленного фонда заработной платы. Благодаря этому они смогут быстрее подстраиваться под изменения, перераспределять ресурсы и повышать эффективность работы. При этом важно сохранить механизмы контроля за целевым использованием средств и соблюдением качества предоставляемых услуг. Так, при контрольных мероприятиях проведенных Министерством финансов Республики Беларусь в 2024 году были зафиксированы случаи превышения утвержденной штатной численности, необоснованного установления доплат и нарушений при использовании фонда оплаты труда в ряде учреждений бюджетной сферы [12]. Также одним из направлений совершенствования системы типовых штатов является внедрение ИТ-решений, с помощью которых можно моделировать потребность в персонале, прогнозировать нагрузки и оценивать эффективность использования трудовых ресурсов. Руководители бюджетных учреждений и специалисты по труду должны владеть современными методами нормирования труда, уметь обосновывать изменения в структуре и использовать аналитические инструменты. Для решения этих задач важна роль профильных семинаров, курсов повышения квалификации и методических рекомендаций.

Типовые штаты являются важным элементом кадровой системы бюджетных организаций Республики Беларусь. Они обеспечивают структурную устойчивость и финансовую прозрачность, что особенно ценно в условиях централизованного финансирования. Для большинства учреждений типовые нормативы служат основой кадрового планирования, позволяя выполнять необходимые функции и соблюдать единые подходы к формированию штатных расписаний. По мере усложнения задач, стоящих перед организациями, типовые штаты нуждаются в пересмотре. Жесткие рамки, устаревшие нормативы и формализм в применении могут тормозить развитие учреждений и снижать качество предоставляемых ими услуг.

Таким образом, оптимальным путем развития системы представляется не отказ от типовых штатов, а их развитие путем регулярного обновления нормативов, учета отраслевых и региональных особенностей, расширения управленческих полномочий руководителей и внедрения современных инструментов для более точного расчета потребности в кадрах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Приказ Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 15 сентября 2023 г. № 81 «Об утверждении рекомендаций по проведению кадровой диагностики бюджетных организаций» – ОДО «Экспертцентр» (дата обращения 19.09.2025).
2. Закон Республики Беларусь от 26 июля 1999 г № 296-З «Трудовой кодекс Республики Беларусь». – ОДО «Экспертцентр» (дата обращения 15.09.2025).

3. Приказ Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 30 декабря 2022 г. № 123 «Об утверждении Рекомендаций по нормированию труда в организациях». – ОДО «Экспертцентр» (дата обращения 15.09.2025).
4. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 января 2020 г. № 43 «О применении типовых (примерных) штатов и нормативов численности работников бюджетных организаций». – ОДО «Экспертцентр» (дата обращения 15.09.2025).
5. Постановление Министерства образования Республики Беларусь от 11 августа 2022 г. № 248 «О типовых штатах и нормативах численности работников учреждений дошкольного образования, специальных детских садов». – ОДО «Экспертцентр» (дата обращения 22.09.2025).
6. Постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 10 января 2013 г. № 4 «Об установлении примерных нормативов численности работников территориального центра социального обслуживания населения и центра социального обслуживания семьи и детей». – ОДО «Экспертцентр» (дата обращения 19.09.2025).
7. Постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 10 января 2013 г. № 6 «Об установлении примерных нормативов численности работников учреждений социального обслуживания, осуществляющих стационарное социальное обслуживание». – ОДО «Экспертцентр» (дата обращения 19.09.2025).
8. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 ноября 2023 г. № 758 «Об оптимизации численности и установлении индивидуальных условий труда работников бюджетных организаций». – ОДО «Экспертцентр» (дата обращения 19.09.2025).
9. Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 28 октября 2021 г. № 114 «О примерных штатных нормативах численности работников организаций государственной системы здравоохранения, финансируемых из бюджета». – ОДО «Экспертцентр» (дата обращения 22.09.2025).
10. Омельченко И.Б., Кошкина В.К., Чудинов К.Ю. Новые подходы к формированию методологических основ нормирования труда в отраслях бюджетной сферы // Социально-трудовые исследования. – 2021. – № 4. – С. 28–40.
11. Шипова В.М., Берсенева Е.А., Кириллов К.В., Куденцова Е.А. Современная нормативно-правовая база по труду: анализ и перспективы // Вестник современной клинической медицины. – 2019. – Т. 12, вып. 6. – С. 88–95.
12. Итоги контрольной работы «Показатели контрольной работы Министерства финансов, его территориальных органов и местных финансовых органов Республики Беларусь за 1 полугодие 2025 года». – URL: https://minfin.gov.by/ru/auditing_activities/results/ (дата обращения 24.09.2025).

УДК 338.43 : 502.131.1 : 658,7

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЗЕЛЕНОЙ ЛОГИСТИКИ
В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ
FEATURES OF GREEN LOGISTICS DEVELOPMENT
IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX**

Цюй Цзиньтун,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск,
nbatava@gmail.com

Qu Jintong,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье раскрываются особенности формирования зеленой логистики в агропромышленном комплексе (АПК) с учетом международного опыта и национальных условий Республики Беларусь. Рассматриваются ключевые инструменты устойчивой логистики: оптимизация цепочек поставок, внедрение экологических видов транспорта и упаковки, цифровизация процессов, развитие кооперативных моделей и мультимодальных центров, а также меры государственной поддержки и подготовки кадров. Особое внимание уделено опыту Китая, где зеленая логистика стала частью стратегии модернизации сельского хозяйства в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Раскрыто как адаптация данных практик к белорусскому АПК может способствовать снижению экологического следа, модернизации инфраструктуры и повышению конкурентоспособности агробизнеса. Сделан вывод о необходимости институциональной поддержки, внедрения стандартов экологической эффективности и развития образовательных программ в области зеленой логистики.

Ключевые слова: зеленая логистика, агропромышленный комплекс, устойчивое развитие, цифровизация, экотранспорт, международное сотрудничество.

Abstract. The article examines the features of developing green logistics in the agro-industrial complex (AIC), considering both international practices and the national context of Belarus. The study identifies the main tools of sustainable logistics: supply chain optimization, the use of environmentally friendly transport and packaging, process digitalization, development of cooperative models and multimodal hubs, as well as state support and professional training measures. Particular attention is given to China's experience, where green logistics has become part of the agricultural modernization strategy within the Belt and Road Initiative. The findings suggest that adapting these practices to Belarusian AIC may reduce the ecological footprint, modernize infrastructure, and enhance the competitiveness of agribusiness. The article concludes that institutional support, environmental performance standards, and educational programs in green logistics are essential for long-term sustainability.

Keywords: green logistics, agro-industrial complex, sustainable development, digitalization, eco transport, international cooperation.

Логистика, будучи системообразующим элементом современных хозяйственных систем, выполняет роль связующего звена между производством, переработкой и конечным потреблением. Она оказывает комплексное воздействие на окружающую среду, формируя как прямой экологический след (выбросы парниковых газов, образование отходов, потребление энергии и природных ресурсов), так и опосредованные эффекты, влияющие на устойчивость национальных и глобальных продовольственных цепочек. В условиях обострения климатических вызовов, ужесточения международных требований и усиления регуляторного давления со стороны глобальных экологических стандартов, переход к зеленой логистике приобретает характер стратегической необходимости и становится ключевым направлением модернизации агропромышленного комплекса (АПК).

Для Республики Беларусь данная проблематика имеет особое значение по ряду причин.

Во-первых, АПК остается одной из ведущих отраслей экономики, формирующей основу продовольственной безопасности страны и обеспечивающей значительную долю экспортных поступлений.

Во-вторых, ресурсоемкость и экологическая чувствительность сельскохозяйственного производства формируют уязвимости устойчивости, которые в некоторой степени могут быть нейтрализованы внедрением экологически ориентированных логистических решений.

В-третьих, Беларусь, находясь на пересечении ключевых транспортных коридоров Евразии, обладает значительным транзитным потенциалом, что предопределяет необходимость интеграции принципов зеленой логистики в национальные и международные цепочки поставок.

Применение логистики для решения экологических проблем и реализации принципов устойчивого развития начало активно развиваться с 1980-х гг., однако до настоящего времени в научной литературе отсутствует единое общепринятое определение термина «зеленая логистика». Различные исследователи акцентируют внимание на отдельных ее измерениях. Так, И.И. Коблянская [1] рассматривает зеленую логистику как научно-практическую деятельность, ориентированную на учет экологических факторов на всех этапах движения материальных потоков с целью оптимизации ресурсопотребления и минимизации деструктивного воздействия на окружающую среду. Т.Н. Скоробогатова определяет ее как элемент корпоративной логистической системы, предполагающий создание специализированной экологической подсистемы, отвечающей за утилизацию отходов и функционирующей во взаимодействии с производственной, транспортной и складской подсистемами предприятия [2].

В ряде научных публикаций авторы подчеркивают потенциал логистики в обеспечении экологического мониторинга транспортных систем, организации процессов переработки продукции, контроле и снижении загрязнения окружающей среды, внедрении энерго- и ресурсосберегающих технологий [3–6]. В частности, в научной литературе подчеркивается, что логистика может выступать не только как обслуживающий элемент хозяйственной деятельности, но и как самостоятельный драйвер устойчивого развития, интегрирующий принципы ESG управления в операционные процессы. Исследования, основанные на концепциях зеленой логистики и зеленого управления цепочками поставок, достигли высокой степени зрелости в странах Европы, США и Азии, где они становятся частью национальных стратегий климатической и продовольственной безопасности.

Зеленая логистика в АПК сочетает системный и прикладной подходы. С одной стороны, она опирается на глобальные концепции устойчивого и циркулярного развития, формирующие универсальные ориентиры для снижения экологического следа и повышения эффективности логистических процессов. С другой – учитывает отраслевую специфику сельского хозяйства и национальные особенности Беларуси, где ключевыми факторами выступают транзитное положение страны, экологическая чувствительность агросектора и высокая роль экспортной ориентации. Тем самым зеленая логистика рассматривается как стратегический инструмент устойчивой трансформации АПК, обеспечивающий не только снижение антропогенной нагрузки, но и укрепление конкурентных преимуществ национального агробизнеса в международных продовольственных цепочках.

Формирование зеленой логистики в агропромышленном комплексе предполагает внедрение целого комплекса управленческих, технологических и организационных решений. Эти инструменты направлены не только на минимизацию негативного воздействия логистики на окружающую среду, но и на повышение эффективности функционирования цепочек создания стоимости. Для систематизации подходов представляется целесообразным выделить десять ключевых направлений (таблица 1).

Таблица 1 – Практические инструменты зеленой логистики в АПК

Направление	Международный опыт	Потенциал адаптации в Беларуси	Ожидаемый эффект
Оптимизация цепочек поставок и экологический выбор партнеров	Швеция – розничная сеть ICA интегрировала стандарты устойчивости при отборе поставщиков овощей; Китай – зеленые биржи поставщиков сельскохозяйственной продукции	Формирование региональных агро-логистических кластеров с сертифицированными поставщиками и производителями	Сокращение углеродного следа, рост доверия экспортных рынков, снижение транзакционных издержек
Экологизация транспорта и маршрутная оптимизация	Франция – компания Danone перевела перевозки молока на ж/д (-46% выбросов CO ₂); Казахстан–Китай – мультимодальные поставки зерна по ж/д	Использование транзитного потенциала Беларуси, развитие мультимодальных перевозок продукции АПК	Снижение выбросов CO ₂ , повышение экспортной конкурентоспособности, оптимизация транспортных затрат

Продолжение таблицы 1

Направление	Международный опыт	Потенциал адаптации в Беларуси	Ожидаемый эффект
Экологичная упаковка и обратная логистика	Германия – многоразовые контейнеры для фруктов и овощей с RFID-метками; Китай – JD.com внедрила биоразлагаемую упаковку	Внедрение биоразлагаемой упаковки в растениеводстве и животноводстве; создание систем возврата тары	Развитие циркулярных практик, сокращение отходов, снижение затрат на утилизацию
Цифровизация и интеллектуальные системы управления	Нидерланды – FrieslandCampina применяет платформу TMS, интегрированную с метеоданными и показателями урожайности; Китай – Alibaba Group внедрила облачные платформы для поставок органической продукции	Разработка национальных платформ управления агрологистикой, объединяющих производителей и перевозчиков	Прозрачность цепочек поставок, снижение логистических потерь, рост энергоэффективности
Кооперация и партнерские модели	Испания – совместная логистика производителей оливок; ЕС/Китай – совместное использование холодильных мощностей и транспорта	Создание кооперативов малых хозяйств для совместного использования транспорта, складов и сервисов	Рост устойчивости малых и средних предприятий, снижение издержек, формирование региональных кластеров
Энергоэффективность и альтернативное топливо	Канада – сельхозкооперативы расширили использование биодизеля и электромобилей; Китай – биогаз из отходов скотоводства	Развитие биогазовой логистики в крупных хозяйствах; электромобили для доставки «последней мили»	Сокращение углеродного следа, энергетическая независимость, снижение затрат на топливо
Экологизация складской инфраструктуры	Дания – зернохранилища с солнечными панелями; США – Organic Valley сертифицирована по LEED	Разработка стандартов энергоэффективных складов, особенно для скоропортящейся продукции	Повышение качества хранения, снижение энергозатрат, инвестиционная привлекательность
Мультимодальные логистические центры с зелеными технологиями	Китай – хаб Ляньюньган соединяет аграрные регионы с портами низкоуглеродным транспортом; Польша – Лодзь для экспорта яблок	Создание региональных мультимодальных агрохабов с интеграцией ж/д, автотранспорта	Расширение экспортных потоков, снижение выбросов, рост эффективности логистики
Регуляторная и государственная поддержка	ЕС – CAP включает экологические условия для субсидий; Китай – национальная программа «Зеленая логистика»	Введение субсидий и льгот на экологизацию логистики в АПК; создание стандартов и систем мониторинга	Институционализация зеленой логистики, снижение барьеров внедрения инноваций, повышение прозрачности процессов
Образование и подготовка кадров	Германия – курсы по устойчивому управлению логистикой в АПК; Китай – кафедры зеленой логистики при аграрных университетах	Адаптация программ аграрных вузов под ESG-логистику; развитие корпоративных тренингов	Формирование компетенций устойчивого развития, подготовка специалистов для модернизации АПК, долгосрочная конкурентоспособность

Примечание – Источник: составлено по данным интернет источников и собственных исследований автора.

Установлено, что зеленая логистика в АПК должна рассматриваться как многоуровневая система трансформации, охватывающая производственные, инфраструктурные и институциональные измерения. Для Беларуси она может стать одновременно инструментом снижения экологического следа и механизмом повышения экспортной конкурентоспособности в условиях ужесточения международных стандартов.

Проведенный анализ показал, что зеленая логистика в агропромышленном комплексе Республики Беларусь является не только инструментом экологической модернизации, но и стратегическим направлением устойчивого развития национальной экономики. Ее значение усиливается в условиях глобальной трансформации продовольственных и транспортно-логистических систем, где ключевыми ориентирами выступают Цели устойчивого развития ООН, Парижское климатическое соглашение и стандарты ESG.

Международный опыт Европейского союза и Китая убедительно демонстрирует, что внедрение зеленых логистических практик позволяет одновременно снижать ресурсную и углеродную интенсивность, оптимизировать производственно-сбытовые процессы и укреплять доверие со стороны потребителей и инвесторов.

Китай развивает зеленую логистику в рамках инициативы «Один пояс – один путь» (BRI), где экологический компонент встроен в транснациональные инфраструктурные проекты. На уровне национальной политики действует программа «Зеленая логистика», предусматривающая налоговые льготы, субсидии и внедрение цифровых систем мониторинга. Особое внимание уделяется аграрному сектору: производители активно реализуют проекты по использованию биогаза из сельскохозяйственных отходов, зеленой упаковки и цифровых платформ для мониторинга поставок органической продукции. Эти меры позволили снизить издержки логистических операторов и повысить устойчивость сельских территорий.

США и Канада акцентируют внимание на развитии возобновляемой энергетики в логистике и зеленых складских технологий. Американская компания Organic Valley внедрила стандарты LEED для хранения скоропортящейся продукции, что позволило сократить энергопотребление на 35 %. В Канаде сельскохозяйственные кооперативы применяют электрифицированный транспорт и биотопливо для внутрискладских операций, демонстрируя успешную интеграцию энергоэффективных технологий в аграрный сектор.

Страны Скандинавии используют комплексный подход: экологические стандарты действуют не только на уровне предприятий, но и в сельскохозяйственных кооперативах, объединяющих производителей, переработчиков и логистов. Например, в Швеции розничная сеть ICA требует от поставщиков овощей соблюдения минимальных норм углеродного следа и устойчивого орошения, что стимулирует экологизацию всей цепочки поставок.

Для Беларуси, где агропромышленный комплекс играет системообразующую роль, формирование зеленой логистики открывает новые возможности интеграции в глобальные цепочки поставок и повышения экспортной конкурентоспособности.

Особое значение имеют:

- интеграция экологических критериев в управление цепочками поставок, что обеспечивает соответствие продукции международным стандартам и снижает барьеры выхода на зарубежные рынки;

- внедрение цифровых и кооперативных моделей, позволяющих повысить прозрачность и устойчивость национальных логистических систем;

- развитие энергоэффективной транспортной и складской инфраструктуры, что способствует снижению углеродного следа и повышению качества продовольственного обеспечения;

- институциональная поддержка и формирование образовательных программ, обеспечивающих долгосрочную подготовку кадров и закрепление зеленой логистики как элемента государственной политики.

В долгосрочной перспективе зеленая логистика может стать катализатором устойчивой трансформации белорусского агропромышленного комплекса, обеспечив синергию экологических, экономических и социальных эффектов. Ее развитие позволит Беларуси не только модернизировать национальную систему продовольственных цепочек, но и позиционировать себя в качестве активного участника глобальных процессов устойчивого развития и международного сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс – один путь» и Европейской зеленой повестки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Коблянская И.И. Структурно-функциональные основы формирования экологоориентированной логистики // Вестник СумГУ. Сер. экономика. – 2009. – № 1. – С. 91–98.
2. Скоробогатова Т.Н. Конкурентоспособность сферы услуг в аспекте экологической логистики // Культура народов Причерноморья, 2001. – Т. 2. – № 18. – С. 153–161.
3. McKinnon A., Browne M., Whiteing A., Piecyk M. Green Logistics: Improving the Environmental Sustainability of Logistics // Kogan Page Limited, 2015. – 426 p.
4. Murphy P.R., Poist R.F. Comparative views of logistics and marketing practitioners regarding interfunction coordination // International Journal of Physical Distribution & Logistics Management, 1996. – Vol. 26. – № 8. – P. 15–28.
5. Rakhmangulov A.N., Sladkovsky A.V., Osintsev N.A., Muravev D.S. Green Logistics: Element of the Sustainable Development Concept // Nase more. – 2017. – Vol. 64, Iss. 3. – P. 120–126.
6. Телегина Ж.А., Тюгай К.Л. Особенности развития «зеленой логистики» в условиях цифровизации сельского хозяйства // Экономика сельского хозяйства России. – 2022. – № 9. – С. 42–48.

УДК 330.15

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДЫ МИНИМИЗАЦИИ УЩЕРБА ПАМЯТНИКАМ ПРИРОДЫ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА SOME METHODS FOR MINIMIZING DAMAGE TO NATURAL MONUMENTS IN THE CONTEXT OF TOURISM DEVELOPMENT

Шумский Кирилл Игоревич,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
kirill777457@gmail.com

Shumski Kiryl,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. Парадокс туризма и окружающей среды заключается в том, что устойчивость и выживание обоих находятся в прямой зависимости друг от друга. Качество окружающей среды и устойчивость биосистемы стимулируют прибытие туристов. Допущение чрезмерного туризма сверх возможностей охраняемой территории с безответственным поведением туристов, отрицательно влияют на окружающую среду и наносят вред экосистеме природы. Экотуризм не является неизбежно устойчивым, если он не является экономически устойчивым и экологически поддерживаемым, а также не является социально-культурно приемлемым. Социально-культурно неприемлемый экотуризм означает деятельность, которая не приносит пользы местному населению и не способствует развитию его социально-культурных ценностей. Таким образом, можно сделать вывод, что экотуризм должен позитивно взаимодействовать с экономикой, окружающей средой и культурой, не ущемляя одно в ущерб другому. Стремление к устойчивому экотуризму – это не самоцель, направленная на удовлетворение мелких потребностей бизнеса, а скорее средство решения проблем устойчивого развития, возникающих из-за непродуманного развития туризма и неуправляемого роста.

Ключевые слова: устойчивый туризм, устойчивое развитие, экотуризм, развитие туризма, памятники природы.

Abstract. The paradox of tourism and the environment is seen in the sustainability and survival of both and they are directly dependent on each other. Environmental quality and the resilience of bioecosystems stimulate tourist arrivals. Excessive tourism, exceeding the capacity of protected areas and irresponsible tourist behavior, negatively impacts the environment and harms the natural ecosystem. Ecotourism is not necessarily sustainable unless it is economically sustainable and ecologically sound, as well as socio-culturally acceptable. Socio-culturally unacceptable ecotourism refers to activities that do not benefit local communities or contribute to the development of their socio-cultural values. Therefore, it can be concluded that ecotourism must positively interact with the economy, the environment, and culture, without compromising one at the expense of the other. The pursuit of sustainable ecotourism is not an end in itself aimed at satisfying petty business needs, but rather a means to address sustainability issues arising from ill-considered tourism development and uncontrolled growth.

Keywords: sustainable tourism, sustainable development, ecotourism, tourism development, natural monuments.

Природные ресурсы и туризм являются предметом постоянного интереса для общества и исследователей самого разного уровня знаний. Общеизвестно, что анализ использования природных ресурсов и их вклада в стратегическое управление, политику принятия решений и устойчивый рост имеет решающее значение для обеспечения прогрессивного развития различных социально-экономических видов деятельности, включая туризм. Как вид экономической деятельности, туризм в значительной степени зависит от окружающей среды и широкого спектра природных ресурсов, включая ландшафты, рельеф, водные ресурсы, климатические особенности, почву, биоразнообразие и другие.

Туризм и природные ресурсы неразрывно связаны между собой посредством различных сложных взаимосвязей. В целом, туризм считается палкой о двух концах, когда речь идёт об использовании и сохранении природных ресурсов. Туризм может способствовать сохранению природных ресурсов и обеспечивать социальные выгоды для сообществ при условии устойчивого управления. Таким образом, природное наследие может обеспечивать социально-экономические выгоды посредством туризма, которые имеют решающее значение для развития общества. В отличие от этого, туризм может разрушать окружающую среду из-за нерационального потребления и использования природных ресурсов. Этот очевидный конфликт между этими двумя функциями требует тщательного управления, учитывающего специфические условия конкретной территории. В этой связи исследования позитивного/негативного влияния туризма способствуют лучшему пониманию связей между туризмом и природными ресурсами и дают важные рекомендации по управлению природными ресурсами.

В последние несколько десятилетий важность рационального использования природных ресурсов, охраны окружающей среды и устойчивого развития туризма особенно подчеркивалась в различных международных и национальных мероприятиях, декларациях и заявлениях. В Повестке дня на период до 2030 года Организация Объединенных Наций (ООН) представила цели в области устойчивого развития, некоторые из которых непосредственно направлены на устойчивое управление природными ресурсами. Организация Объединенных Наций объявила 2017 год Международным годом устойчивого туризма в интересах развития. В 2024 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, объявляющую 2027 год Международным годом устойчивого и жизнестойкого туризма.

Уникальные памятники природы могут привлекать большое количество туристов и становиться ключевым элементом для развития экономических кластеров в регионах. С точки зрения устойчивого развития туризма, улучшение экономической ситуации становится благодатной почвой для бизнесов, основанным на бережном отношении к природе, и, хотя страны и получают доход от экотуризма, основанного на природных

ресурсах, охраняемые природные территории обладают ещё большим потенциалом для достижения целей развития, сохраняя при этом богатую базу биоразнообразия страны.

Модель экономики, базирующейся на экологическом туризме, основана на четырёх основных компонентах: парки, дикая природа, восстановительная экономика и благосостояние местных сообществ. Парки представляют собой охраняемые территории, к которым может быть применена модель экономики природы. Они относятся к этой категории и должны быть преобразованы в направления природного туризма. Парки могут предложить качественную инфраструктуру для общественного пользования, что обеспечивает доступность, при этом уделяя первостепенное внимание опыту посетителей и минимизируя воздействие на окружающую среду. Парки, организованные с учетом поддержания биоразнообразия, помогают сохранять дикую природу, при этом сам парк может являться участком дикой природы, где можно находиться туристам, а местные сообщества могут организовывать свой бизнес. Земли, ранее использовавшиеся для животноводства или лесного хозяйства, могут быть перепрофилированы под экономику, основанную на природопользовании, или парки. Эта трансформация способствует развитию местного сообщества и созданию рабочих мест.

В данной работе представлены некоторые методы увеличения дохода от охраняемых территорий за счёт защиты природных ресурсов, развития и диверсификации туристического бизнеса, информирования местных сообществ. Предлагаемые методы апробированы в Исландии и представляют интерес для нашей страны, так как исходные данные двух стран похожи: а) незначительное количество памятников культуры при разнообразии уникальных памятников природы (данная статья не ставит целью качественное сравнение памятников природы, а учитывает только уникальность, как, например, пуши в Республике Беларусь); б) низкая плотность населения, обладающего достаточно высоким интеллектуальным потенциалом; в) толерантность по отношению к иным культурным и религиозным проявлениям [1]. Данные методы рассматриваются как экотуризм, это явление, которое способствует экологической устойчивости посредством хорошо спланированного и тщательного управления направлением, способного уравновесить конфликтующие интересы роста бизнеса и экологической устойчивости.

Охрана памятников природы в Исландии берет свое начало в 1889 году, когда был основан Исландский институт естественной истории (the Icelandic Institute of Natural History). С тех пор была проделана большая работа, и в некотором смысле их методы являются образцом для многих стран мира, и в том числе могут быть применимы в Республике Беларусь. Проблема охраны памятников природы и окружающей среды является актуальной для нашей республики в связи с разрешением конфликта между охраной и развитием. Сохранение биоразнообразия влечет за собой как экономические издержки, так и выгоды, включая потери от конфликтов между человеком и дикой природой. Результаты работы по развитию экологического туризма в Исландии показывают, что эти издержки невелики по сравнению с общей экономической выгодой от туризма в охраняемых территориях. Однако домохозяйства, несущие расходы на сохранение биоразнообразия, не обязательно получают прямую или косвенную выгоду от туризма, основанного на природных ресурсах. Создание экономических стимулов для сохранения биоразнообразия включает меры по компенсации домохозяйствам и сообществам ущерба от неблагоприятных экономических последствий, включая конфликты между человеком и дикой природой.

Охрана памятников природы в Исландии основана на хорошо развитой законодательной системе, а также на исследовательской работе и последующем ведении базы данных в Исландском институте естественной истории [2, 3]. Информация о природных памятниках собирается и хранится не только в научных и образовательных целях, но и для информирования туристов [4]. Туризм приносит многочисленные выгоды экономике, обществу и людям. Развивая туризм в природоохранных зонах, необходимо понимать, что, если индустрия туризма будет представлена как бизнес-проект, она, скорее всего, предпочтет свои деловые интересы окружающей среде или биоразнообразию. Правительства стран несут

прямую ответственность за обеспечение сохранности окружающей среды, природы и экосистем. Поэтому национальные и местные органы власти несут ответственность за разработку и реализацию планов развития туризма и обеспечение соблюдения ценностей и стандартов развития туризма в соответствии с предпосылками экологической устойчивости. Посредством институционального управления правительства способствуют развитию туризма, предоставляя финансовую и бюджетную поддержку, нормативную базу, землю, физические ресурсы, инфраструктуру и т. д.

Основной проблемой охраны природных памятников Исландии остается конфликт охраны и развития охраняемых территорий. Природа Исландии сильно пострадала в разные исторические периоды, но процесс формирования новых возможных природных памятников все еще продолжается в стране [5]. Таким образом, работа идет в двух направлениях: во-первых, поддержание существующих территорий наряду с решением конфликта охраны и развития и, во-вторых, консультации по поиску и дальнейшему сохранению природных памятников с последующим образованием [3]. Сообщается, что «многие охраняемые территории и популярные туристические направления в настоящее время находятся под серьезной угрозой деградации, и существует дополнительный риск того, что качество впечатлений и удовольствия посетителей снизится» [6]. Также ученые и власти понимают, что туризм в Исландии быстро растет и увеличился в четыре раза в течение XXI века, а в 2015 году он примерно в четыре раза превышал численность коренного населения, что означает высокие денежные потоки в исландской экономике и, следовательно, лучшее финансирование будущих исследований и охраны природных памятников [6]. Дополнительный турист на каждой охраняемой территории генерирует экономическую активность в местной экономике, стимулируя местный спрос на товары и услуги, либо напрямую (например, когда туристы покупают товары и услуги у местных предприятий и домохозяйств), либо косвенно (например, когда владельцы домиков выплачивают заработную плату местным домохозяйствам или закупают товары у местных предприятий, которые, в свою очередь, тратят этот доход на местные товары и услуги). Хотя к 2015 году ответственные органы не внедрили адекватную стратегию [5], работа по созданию инновационных государственных структур и нового законодательства для решения проблемы потребления (от отопления геотермальной энергией до экскурсий) и экологических требований [6].

Новая государственная структура в национальном парке Ватнайёкюдль (Vatnajökull National Parkseeking) менее централизована и имеет «большую местную легитимность и признание со стороны соседних сообществ и местных органов власти» [5]. В этой модели восстановительная экономика связана с туризмом, основанным на наблюдении за дикой природой под руководством местных жителей. Кроме того, может быть разработан территориальный бренд, предлагающий услуги или продукты, производимые в регионе, что способствует снижению угроз для парка и его дикой природы. Получив больше полномочий, местные органы власти уделяют больше внимания устойчивому развитию территории, сохранению природы и экологически чистым мероприятиям. Исландский институт естественной истории выступает в качестве координатора в этой работе и, как уже упоминалось выше, играет образовательную роль. Образование рассматривается как важный аспект в охране природных памятников. Местные сообщества должны знать о своих ресурсах и о том, как их защищать: тщательно охраняемая природа может увеличить местные доходы и, следовательно, принести пользу всей стране.

Сравнивать природные ресурсы и количество туристов в Исландии и Беларуси довольно сложно, но изучение охраны природных памятников в Исландии может дать полезный опыт. Поскольку законодательную систему можно сравнить с белорусской, ключевыми направлениями должны стать образование и местная ответственность [2, 3, 7, 8, 9]. Образовательные программы должны быть доступны всем жителям населённых пунктов, где находятся природные памятники. Местная ответственность, очевидно, станет возможной с увеличением числа компетентных людей. Модель экономики природы выходит за рамки

исключительно экономической выгоды. Это также способствует развитию предпринимательства и формированию исторического интереса и ценностей в местных сообществах, что в конечном итоге способствует расширению прав и возможностей регионов. Помимо создания рабочих мест, это также способствует развитию профессиональной подготовки, доступа к основным услугам и развитию связей.

Во всем мире урбанизация и глобализация привели к увеличению использования природных ресурсов. Устойчивое развитие подразумевает использование природных ресурсов таким образом, чтобы не ставить под угрозу потребности и благополучие будущих поколений. Для сокращения потерь благосостояния, вызванных природопользованием, крайне важно реинвестировать доходы от природных ресурсов в другие формы капитала. Страны с ограниченным человеческим и производственным капиталом имеют возможность реинвестировать часть своих истощенных природных ресурсов, что потенциально может привести к чистому приросту благосостояния. Концепция развития устойчивого и ответственного туризма была предложена в качестве средства обеспечения долгосрочных выгод и минимизации воздействия на окружающую среду.

Таким образом, устойчивый туризм направлен на создание долгосрочных экономических, социальных и экологических выгод для общества. Это конструктивная концепция, призванная смягчить напряженность, возникающую в сложных отношениях между туристической индустрией, окружающей средой и местными сообществами. Способствуя более гармоничному балансу, она стремится содействовать сотрудничеству и взаимной выгоде между этими взаимосвязанными секторами. Устойчивый туризм должен удовлетворять потребности текущих туристов и туристических направлений, а также обеспечивать возможности для будущего развития, сохраняя при этом целостность наследия, экосистем, биоразнообразия и систем жизнеобеспечения. Благодаря такому подходу проблемы, присущие этим отношениям, могут быть решены справедливым и устойчивым образом для всех заинтересованных сторон. Некоторые страны, как, например, Исландия, создали фонды, использующие доходы от туризма, для защиты биоразнообразия и природных ресурсов, тем самым подчеркивая важность устойчивого туризма как подхода, способствующего повышению благосостояния как людей, так и окружающей среды.

Если туризм рассматривается как потенциально устойчивый продукт природы, реализация туристической деятельности должна сопровождаться оценкой воздействия на окружающую среду. Политика, направленная на сохранение природных ресурсов, может значительно стимулировать туристическую деятельность за счет продвижения устойчивых практик и сохранения достопримечательностей, привлекающих посетителей. Кроме того, реализация стратегий устойчивого туризма зависит от стадии развития туристического сектора и действующего экологического законодательства. Устойчивый туризм невозможен без надлежащего планирования, мониторинга, оценки и управления.

Развитие устойчивого природного туризма или экотуризма может быть успешным только тогда, когда действия всех заинтересованных сторон экологически, экономически и этически ответственны, и эти действия должны соответствовать критериям, которые ставят устойчивость во главу угла. Для изучения этих взаимосвязей и условий необходимо продолжать исследования, в том числе и междисциплинарные, в данных областях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Belarus & Iceland. Bilateral Navigator for Diplomats and Business Leaders – 2025.
2. Legislation on the Icelandic Institute of Natural History. – URL: <http://en.ni.is/aboutus/role/legislation/index.html> (дата обращения 18.09.2025).
3. The Role of the Icelandic Institute of Natural History. – URL: <http://en.ni.is/aboutus/role/index.html> (дата обращения: 18.09.2025).
4. Nature highlights / Visit Reykjanes. – URL: <https://www.visitreykjanes.is/en/what-to-see-do/nature> (дата обращения 18.09.2025).

5. Jónasson, Kristján. Iceland geology and geoconservation / Kristján Jónasson, Lovísa Ásbjörnsdóttir / News, No. 1, 2015, p. 1–4. // ProGeo. – URL: http://www.progeo.ngo/downloads/PROGEO_news_2015_1.pdf (дата обращения 18.09.2025).

6. Petursson, Jon Geir. Developing Iceland's Protected Areas: Taking Stock and Looking Ahead / Jon Geir Petursson, Roger Crofts, Gudridur Thorvardardottir / ResearchGate, March 2016. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/301221726> (дата обращения 18.09.2025).

7. Законодательство : Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. – URL: <http://www.minpriroda.gov.by/ru/legislation-ru/> (дата обращения: 22.09.2025).

8. Об особо охраняемых природных территориях : Закон Республики Беларусь от 20 октября 1994 г. № 3335-XII с изменениями и дополнениями – URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3961&p0=V19403335> (дата обращения 18.09.2025).

9. Развитие сети особо охраняемых природных территорий – один из основных национальных интересов страны в экологической сфере. – URL: http://www.minpriroda.gov.by/ru/press_sluzhba-ru/view/razvitie-setiosobo-oxranjaemyx-prirodnix-territorij-odin-iz-osnovnyx-natsionalnyx-interesov-strany-v1644/ (дата обращения 18.09.2025).

УДК 338.27

ENVIRONMENTAL PROBLEMS OF ECONOMIC DEVELOPMENT AND THEIR SOLUTIONS ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ИХ РЕШЕНИЕ

Ryabova Irina,
Belarusian National Technical University,
Republic of Belarus, Minsk
iranya04.09.06@gmail.com

Perepechko Natalia,
Belarusian National Technical University,
Republic of Belarus, Minsk
perepechko@bntu.by

Рябова Ирина Олеговна,
Белорусский национальный технический университет,
Республика Беларусь, г. Минск

Перепечко Наталия Николаевна,
Белорусский национальный технический университет,
Республика Беларусь, г. Минск

Abstract. Environmental problems have a significant impact on economic development. They become a factor of economic loss and instability, worsening the quality of life of society. To solve the problems related to the environment, it is necessary to follow the concept of "green" economy oriented towards sustainable development. Green economy contributes to the distribution of resources of the economy, as well as the introduction and development of innovative activities. The world has now developed an environmental performance index to identify countries that are able to manage their economies positively without harming the environment. One of the problems that is

damaging to the environment is the carbon footprint, which combines emissions of greenhouse gases that significantly degrade the environment. In order to assess the impact on the environment, environmental passports have been introduced, which are not only a means of control but also an incentive for further development of ecological innovations.

Keywords: environmental problems, green economy, carbon footprint, environmental passport.

Аннотация. Экологические проблемы оказывают значительное влияние на развитие экономики. Они становятся фактором экономических потерь и нестабильности, ухудшая качество жизни общества. Для решения проблем, связанных с экологией, следует придерживаться концепции «зеленой» экономики, направленной на устойчивое развитие. Зеленая экономика способствует распределению ресурсов экономики, а также внедрению и развитию инновационной деятельности. На данный момент в мире разработан индекс экологической эффективности для определения стран, способных положительно управлять экономикой без вреда для окружающей среды. Одной из проблем, приносящей вред экологии, является углеродный след, сочетающий в себе выбросы парниковых газов, значительно ухудшающих состояние окружающей среды. Для оценки влияния на окружающую среду введены экологические паспорта предприятий, которые являются не только средством контроля, но и стимулом к дальнейшему развитию экологических инноваций.

Ключевые слова: экологические проблемы, зеленая экономика, углеродный след, экологический паспорт.

Environmental problems of economic development include pollution, depletion of natural resources, loss of forest cover, freshwater shortages, and increasing waste. Intensive economic development leads to increased consumption of energy and raw materials, which causes ecosystem degradation, disruption of biodiversity, and a deterioration in the quality of life. These problems affect the rate and structure of economic growth, require significant resources to address, and create a contradiction between economic progress and environmental sustainability.

The main environmental problems of economic development include:

- air, water, and soil pollution due to industrial activities and unsustainable use of technology, leading to illness and reduced productivity;
- depletion of non-renewable natural resources such as oil, gas, coal, and metals, leading to difficulties in securing raw materials and slowing economic growth;
- deforestation, which reduces natural reserves of food, energy, and raw materials, as well as destroys ecosystems and reduces biodiversity;
- increasing waste volumes and waste disposal problems, causing additional environmental pollution;
- a shortage of fresh water, which has a negative impact on industry and agriculture [1, p. 22].

Ecology and the economy are closely interrelated: the state of the environment directly influences economic well-being, and economic activity, in turn, shapes the ecological environment. Negative environmental impacts (pollution, resource depletion) lead to economic losses through reduced productivity and damage to infrastructure and natural systems. On the other hand, environmental sustainability and the transition to a green economy open up new opportunities, increase competitiveness, attract investment, and create incentives for innovation.

The economy depends on the environment for several key reasons:

1) The economy uses natural resources (water, land, minerals, energy, etc.) as raw materials, fuel, and a medium for the production of goods and services. Without stable and sufficient natural resources, the economy can't function.

2) Economic activity directly impacts the environment, causing pollution, ecosystem destruction, and resource depletion. This negatively impacts public health and quality of life, which, in turn, affects labor productivity and economic potential.

3) The modern economy is increasingly focused on sustainable development, where environmental considerations are an integral part of economic policy, as long-term growth can't occur without preserving natural capital.

Economic development depends on natural resources, yet it also has negative environmental consequences. This creates a fundamental contradiction between the need for economic growth and maintaining environmental sustainability. Addressing these challenges requires international cooperation, significant investment, and the implementation of sustainable and environmentally friendly technologies [2, p. 426].

Innovations that help address environmental challenges in the economy include eco-innovations and sustainable development technologies aimed at minimizing the harmful impact of production and consumption on the environment. These include:

- eco-innovations, which include new products, technologies, and production methods that reduce pollution and use resources efficiently, while increasing economic efficiency. They play a key role in sustainable development and enhancing the competitiveness of companies and countries;
- green innovative technologies that ensure environmental safety, such as low-waste and zero-waste production, increased energy efficiency, automation and analytics to optimize processes in manufacturing and construction, waste recycling, and material reuse;
- renewable energy technologies and environmentally friendly solutions, including the use of cloud services, IoT (internet connectivity and data exchange), smart control systems, and modern waste recycling methods that reduce greenhouse gas emissions and energy intensity of production;
- organizational and economic innovations and new management models, such as the "cleaner production" system, partnerships between the state and business, promoting the development of a sustainable ecological economy [3, p. 3].

Environmental development promotes economic growth, which is implemented within the framework of the "green" economy concept, which is aimed at sustainable development. A green economy involves the wise and rational use of natural resources, the reduction of harmful emissions, the creation of new jobs in environmentally friendly industries, and an improved quality of life.

Today, a "green" economy is generally defined as those types of economic activity whose development helps preserve and improve the environment. Distinctive features of a "green" economy include:

- efficient use of natural resources;
- reduced pollution;
- low carbon emissions;
- increased income and employment, etc.

Environmental economic management is a system of measures and actions aimed at ensuring the coordinated development of society and nature, which implies the integration of environmental principles and approaches into economic activity at all levels. This is achieved through the implementation of environmental policies, oversight, management, and reporting systems in both business and government to minimize negative impacts on the environment and promote sustainable development.

Environmental economic management promotes greater environmental responsibility among enterprises, reduces pollution, and promotes the rational use of natural resources, ultimately ensuring stable and high-quality economic development while preserving natural resources for future generations.

The Nordic countries of Norway, Sweden, Denmark, Finland, and Iceland are considered successful in environmental economic management. These countries implement comprehensive environmental policies aimed at reducing greenhouse gas emissions, promoting the widespread use of renewable energy sources, developing green technologies, and promoting sustainable development. For example, Denmark ranks first among the most environmentally friendly countries in the world. The Norwegian environmental regulatory system is actively developing carbon capture technologies and providing tax incentives for reducing carbon dioxide emissions (CO₂) [4, p. 89].

The Environmental Performance Index (EPI) can help identify countries capable of managing their economies sustainably.

The Environmental Performance Index (EPI) is a method for quantitatively assessing and comparatively analyzing environmental policy indicators across countries. The EPI ranks countries by their performance in several categories, which are grouped into two categories: ecosystem viability and ecological health.

The 2024 EPI combines 58 indicators across 11 issue categories, ranging from climate change mitigation and air pollution to waste management, sustainability of fisheries and agriculture, deforestation, and biodiversity protection. Countries ranking high in these indicators are presented below (table 1).

Table 1 – Top 10 countries by the Environmental Performance Index 2024

Rank	Country	Score
1	Estonia	75.7
2	Luxembourg	75.1
3	Germany	74.5
4	Finland	73.8
5	United Kingdom	72.6
6	Sweden	70.3
7	Norway	69.9
8	Austria	68.9
9	Switzerland	67.8
10	Denmark	67.7

Note – Source: [5].

It should be noted that Belarus ranks 32nd with a score of 58.2 (where a score of 100 indicates 100% environmental preservation), and 19th in ecosystem viability, which is associated with high rankings in such indicators as the Species Protection Index, Terrestrial KBA Protection, and Red List Index [5].

The key areas for ensuring economic growth while preserving the environment are:

- investments in environmentally friendly technologies and renewable energy;
- implementation of circular economy principles, reuse, and recycling of resources;
- state support for "green" enterprises and stimulation of low-carbon production;
- creation of a favorable social environment for sustainable growth;
- reducing the carbon footprint and pollution through innovative solutions.

A carbon footprint is the sum of all greenhouse gas emissions produced directly and indirectly by an individual, organization, event, or product. It is measured in CO₂ equivalents and reflects the impact of an activity on climate change.

A carbon footprint takes into account not only emissions from fuel combustion (e.g., in vehicles or manufacturing), but also indirect emissions generated during the production of goods and services consumed by that individual or organization (e.g., electricity, transportation, agriculture). The carbon footprint concept helps assess environmental responsibility and take measures to reduce emissions.

The global climate change challenge requires an urgent response from organizations operating industrial facilities and performing agricultural and forestry operations. Measuring greenhouse gases is the first step in ensuring environmental protection.

More and more countries are recognizing the need to take action to reduce greenhouse gas emissions and are developing new carbon regulation mechanisms. Currently, 40 countries have established carbon footprint reporting requirements. Mandatory reporting has already been introduced in the United States, the European Union, Australia, Japan, Kazakhstan, Switzerland, and elsewhere. China also plans to reduce carbon intensity by 65% by 2030 compared to 2005 levels and to introduce a border carbon tax in the future. The Republic of Belarus also adheres to carbon footprint regulation [6, p. 96].

For the development of the economy under ecological conditions, it is necessary to introduce a document that has an impact on the environment. An "environmental passport" could be such a document. It is already being used in various countries, including Belarus.

An environmental passport for an enterprise is a document that records all the data reflecting how a specific enterprise's activities impact the environment and describes the resources (natural and secondary) used by the enterprise. It specifies all the key parameters and quantitative indicators of the enterprise's economic activity that have a direct or indirect impact on the environment. The main sections of the passport are:

- general information about the user of natural resources;
- production characteristics of the user of natural resources;
- air protection;
- use of land resources;
- water consumption and wastewater disposal;
- industrial waste management;
- information about the enterprise's transport;
- measures for the rational use of natural resources and environmental protection.

Having an environmental passport contributes to:

1) Reducing the harmful impact of enterprises on the environment by identifying and monitoring sources of pollution.

2) Optimizing resource use and energy consumption, leading to savings and increased production efficiency.

3) Improving the environmental situation, which positively impacts public health and reduces the costs of medical treatment and environmental disasters.

4) Attracting investment through data transparency and compliance with environmental standards.

5) Improving the competitiveness of enterprises in domestic and foreign markets through the implementation of environmentally friendly technologies and practices.

Thus, an environmental passport is an important tool for the sustainable development of a country's economy, allowing economic growth to be combined with environmental protection and improved quality of life [7].

LIST OF SOURCES USED

1. Ergashev U.A., Umurzakov A.M. Problems of the impact of environmental problems on human life // Экономика и социум. – 2020. – № 8. – С. 22–25.

2. Штебнер С.В. Взаимосвязь экологии и экономики // Бюллетень науки и практики. – 2022. – № 8. – С. 424–428.

3. Kuppens L. Economic growth and its environmental impact: Can they coexist? // Journal of Economics and Economic Education Research. – 2025. – № 26(2). – P. 1–3.

4. Mamedov G., Babych N. Green economy: global development priorities // Baltic Journal of Economic Studies. – 2020. – № 1. – P. 87–91.

5. Environmental Performance Index. – URL: <https://epi.yale.edu/measure/2024/epi> (дата обращения 18.09.2025).

6. Саушева О.С. Экологический след современных социально-экономических систем: измерение и тенденции // Экономика и экологический менеджмент. – 2020. – № 3. – С. 89–96.

7. РУП «Лидский центр стандартизации, метрологии и сертификации». – URL: <https://csmslida.by/otdel-ekologicheskogo-normirovaniya/perechen-uslug/razrabotka-ekologicheskogo-pasporta-predpriyatiya> (дата обращения 20.09.2025).

ESG COLLABORATIVE GOVERNANCE AND HIGH-QUALITY CORPORATE DEVELOPMENT: MULTIDIMENSIONAL INTEGRATION PATHWAYS OF SOCIAL EQUITY AND ECOLOGICAL EFFICIENCY – BASED ON THE PRACTICAL EXPLORATION OF CHINESE ENTERPRISES
СОВМЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ESG И ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ: МНОГОАСПЕКТНЫЙ ПУТЬ ИНТЕГРАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ – НА ОСНОВЕ ПРАКТИК КИТАЙСКИХ КОМПАНИЙ

Zhao Chun,
Tomsk State University,
Russian Federation, Tomsk
zhaochunboshi@163.com

Чжао Чунь,
Томский государственный университет,
Российская Федерация, г. Томск

Abstract. Against the backdrop of global sustainable development, ESG has become a core framework for assessing corporate sustainability, with global sustainable investment reaching 30.7 US doll. trillion by 2020 (GSIA). China has incorporated ESG into its national strategy, with policies evolving through three phases: 2008–2019 (voluntary ESG disclosure), 2020–2023 (dual-carbon-driven emission disclosure), and 2024–present (mandatory standardized governance), as evidenced by 2024 stock exchange reporting guidelines. Chinese enterprises have made progress: Baowu cut steel carbon emissions by 12 %, State Grid achieved 48 % clean energy share, Huawei promoted supply chain equity, and many established ESG committees. However, issues like insufficient cross-dimensional coordination, low equity-efficiency integration, and weak differentiated practices persist. This paper proposes multidimensional pathways – centering on ecological efficiency (environment), orienting to social equity (social), safeguarding with institutional development (governance), and adopting industry/ownership-specific strategies – to help Chinese enterprises achieve high-quality development.

Keywords: ESG collaborative governance, high-quality corporate development, social equity, ecological efficiency, Chinese enterprises.

Аннотация. В контексте глобального устойчивого развития ESG стал ключевым инструментом для оценки корпоративной устойчивости, и объем устойчивых инвестиций в 2020 году составил 30,7 трлн долларов США. Китай интегрировал ESG в национальную стратегию и развивается в три этапа: добровольное информирование (2008–2019), раскрытие выбросов в рамках двойного углеродного стандарта (2020–2023) и обязательное стандартизованное управление (с 2024 года). Прогресс достигнут: Baowu снизила выбросы углерода на 12 %, State Grid – доли чистой энергии до 48 %, Huawei – справедливость в цепочке поставок. Остается проблема недостаточной координации, низкой интеграции справедливости и эффективности, слабой дифференциации практик. Статья предлагает многомерные стратегии для высококачественного развития китайских предприятий с акцентом на экологическую эффективность, социальную справедливость, институциональное развитие и отраслевые/собственнические специфики.

Ключевые слова: совместное управление ESG, высококачественное корпоративное развитие, социальная справедливость, экологическая эффективность, китайские предприятия.

Globally, sustainable development has become a shared consensus among nations, with ESG emerging as a core framework for assessing corporate sustainability capabilities, its significance increasingly paramount. According to data from the Global Sustainable Investment Alliance (GSIA), by 2020, the scale of global sustainable investment had reached 30,7 US doll. trillion, marking the gradual shift of ESG investment principles from a "niche choice" to a "mainstream allocation" [1]. In China, with the introduction of the "carbon peak and carbon neutrality" objectives and the deepening of ecological civilisation development, ESG advancement has been incorporated into the national strategic level. The 2024 Government Work Report explicitly states: "Vigorously develop a green and low-carbon economy, and actively and steadily advance carbon peak and carbon neutrality" [2]. In April 2024, the Shanghai, Shenzhen, and Beijing stock exchanges jointly issued the Guidelines for Sustainable Development Reporting by Listed Companies (Trial), mandating that constituent companies of indices such as the SSE 180 and SZSE 100 must disclose ESG reports from 2026 onwards. This marks China's entry into a new phase of standardised and mandatory ESG disclosure [3].

High-quality corporate development necessitates balancing financial performance, ecological conservation, social value, and governance optimization [4]. Chinese enterprises face challenges in ESG implementation, including low ecological efficiency, social equity issues, and insufficient coordination. Exploring ESG synergistic governance to integrate social equity with ecological efficiency is crucial for enterprises to overcome developmental bottlenecks and achieve high-quality growth [6].

Evolution of ESG Policies: From Voluntary Disclosure to Mandatory Regulation. China's ESG development has progressed through three distinct phases: the initial phase (2008–2019), where policy focus centred on corporate social responsibility (CSR), encouraging voluntary disclosure of ESG information; The development phase (2020–2023) saw the dual carbon goals accelerate the implementation of ESG policies, driving corporate carbon emissions disclosure; The standardisation phase (2024 to present) has established mandatory disclosure systems, with policies now focusing on collaborative governance and requiring enterprises to comprehensively address all ESG dimensions.

Significant Enhancement in Ecological Efficiency, High-energy-consuming industries have reduced carbon intensity through technological upgrades and energy structure adjustments. Taking the steel sector as an example, China Baowu Group achieved a 12 % reduction in carbon emissions per tonne of steel in 2023 compared to 2020. It established the world's first 1.2 million-tonne hydrogen-based blast furnace production line, with renewable energy utilisation rising to 25 % [10]. Within the power sector, State Grid Corporation of China achieved a 48 % share of clean energy generation in 2023, establishing the world's largest renewable energy grid integration and consumption system, with ecological efficiency reaching internationally leading standards [11].

Progressive Deepening of Social Equity Practices. Enterprises have continuously increased investments in safeguarding employee rights, rural revitalisation, and supply chain equity. Huawei released its 2023 Supply Chain Social Responsibility Report, mandating suppliers to adhere to "zero child labour, zero discrimination" principles, with female managers in its supply chain rising to 32 %; BYD implemented "green employment" initiatives in Yunnan and Guizhou, creating 12,000 new energy vehicle manufacturing and maintenance positions in rural areas, boosting local per capita income by 15 % [8]. State-owned enterprises actively responded to the rural revitalisation strategy; by the end of 2023, central SOEs had cumulatively invested over 100 billion yuan in designated assistance counties, establishing more than 5,000 industrial support projects [9].

Continuous Improvement in Governance Structures. An increasing number of enterprises have established dedicated ESG governance mechanisms. By 2023, 62.13 % of central SOEs and 41.66 % of local SOEs listed on the A-share market had established ESG committees, with this proportion reaching 35 % among private enterprises (Guolian Securities, 2024). Enterprises such as Ping An of China and Tencent have linked ESG performance to executive remuneration, establishing a closed-loop mechanism of "ESG assessment – remuneration incentives – strategic implementation" to strengthen governance's support for ESG practices.

Insufficient Cross-Dimensional Coordination with Pronounced Fragmentation. Some enterprises treat ESG as a "compliance exercise", lacking integrated planning across environmental, social, and governance dimensions. For instance, a high-energy-consuming enterprise invested heavily in constructing a carbon emissions monitoring system (environmental dimension) yet failed to establish employee carbon emissions education and incentive mechanisms (social dimension) or create an ESG oversight role on its board (governance dimension), rendering carbon reduction targets difficult to implement. Certain internet companies prioritise employee welfare (social dimension) while exhibiting significant shortcomings in data security governance (governance dimension) and server energy consumption control (environmental dimension).

Low Integration of Social Equity and Ecological Efficiency, Firstly, a tendency to "prioritise ecology over equity" has seen some enterprises close high-energy-consuming subsidiaries without adequately re-employing staff to meet carbon reduction targets, triggering labour disputes. Secondly, an inclination to "prioritise equity over efficiency" has led certain enterprises to invest indiscriminately in rural revitalisation projects, neglecting ecological benefits and sustainability, resulting in resource wastage. Furthermore, integration at the supply chain level remains notably inadequate, with approximately 30 % of enterprises failing to incorporate social equity (e.g., supplier labour standards) and ecological efficiency (e.g., supplier carbon emissions) into unified supply chain management systems (Haitong International, 2024).

Insufficient Differentiated Practices, Industry and Ownership Characteristics Underexploited. State-owned enterprises demonstrate stronger ESG disclosure and ecological investment, yet lag in social equity practices (e.g., market-based remuneration mechanisms, employee innovation incentives). Private enterprises exhibit greater dynamism in social innovation (e.g., flexible employment safeguards), but require improvement in ecological efficiency and governance standardisation. At the industry level, energy-intensive sectors focus on environmental dimensions while asset-light industries prioritise social dimensions, yet neither has developed ESG synergistic models aligned with their sectoral characteristics. For instance, the logistics industry has failed to effectively integrate "green transport (ecological efficiency)" with "delivery personnel rights protection (social equity)", thereby missing synergistic opportunities.

Environmental Dimension: Establishing Foundational Synergy through Enhanced Ecological Efficiency. As the fundamental underpinning of corporate ESG collaborative governance, ecological efficiency necessitates technological innovation, optimisation of energy structures, and the establishment of circular economy models. This approach enables the coordinated advancement of "carbon reduction, pollution mitigation, ecological expansion, and economic growth", while simultaneously providing resource safeguards and implementation space for social equity practices. In technological innovation, focus on breakthroughs in high-energy-consuming sectors. For instance, the steel industry drew upon China Baowu Group's "hydrogen-based blast furnace" technology, achieving a 12 % reduction in carbon emissions per tonne of steel in 2023 while driving the hydrogen energy industry chain to create over 5,000 green jobs [10]. In the power sector, reference is made to State Grid's 'new energy grid integration and consumption system, which enabled clean energy to account for 48 % of total power generation in 2023. Future development will focus on integrated "source-grid-load-storage" technologies to enhance clean energy consumption rates. Regarding energy structure optimisation, photovoltaic and wind power bases were established in western regions, leveraging ultra-high voltage transmission for "West-East Power Transfer". By 2023, cross-regional clean energy allocation reached 1.2 trillion kilowatt-hours, establishing a nationwide benefit-sharing framework [11]. In the circular economy sector, manufacturing has adopted Gree's "full life-cycle management" model to generate output value and employment, while agriculture has promoted models such as "photovoltaic + cultivation". For instance, BYD's Yunnan project achieved a win-win outcome by generating electricity while increasing farmers' incomes [12].

Social Dimension: Strengthening Collaborative Bonds with Social Equity as the Guiding Principle. Social equity constitutes the core value of ESG collaborative governance. It necessitates safeguarding stakeholder rights and promoting equal opportunities [5] to foster a stable social

environment conducive to enhancing ecological efficiency. Concurrently, it drives the refinement of governance mechanisms, establishing a virtuous cycle where "equity empowers efficiency, and efficiency in turn reinforces equity". Regarding labour rights protection, enterprises may draw inspiration from Huawei's 'employee shareholding + green skills training' model. In 2023, Huawei employees received an average remuneration of 680,000 yuan, with over 80 % of technical personnel acquiring low-carbon skills. High-energy-consuming industries may reference Baowu Group's "retraining + green job placement" mechanism, which facilitated the redeployment of over 3,000 employees in 2023. Regarding supply chain governance, Sinopec has integrated ESG standards into its supply chain management, driving emissions reductions across over a thousand suppliers in 2023. Walmart (China) has supported female suppliers, increasing their proportion to 25 %. In rural revitalisation, Yili established "green milk source bases" boosting incomes for 50,000 farming households, while State Energy Group's Yunnan photovoltaic project generates annual electricity revenues of 120 million yuan and provides over 3,000 jobs, achieving dual empowerment of social equity and ecological efficiency.

Governance Dimension: Ensuring Synergistic Momentum Through Institutional Framework Development. The governance dimension lies at the core of ESG collaborative governance. In terms of organisational structure, state-owned enterprises may draw upon State Grid's "ESG Committee + specialised task force" model to clarify division of responsibilities. Private enterprises could adopt Tencent's "Sustainability Department + business unit collaboration" mechanism to integrate ESG objectives into product design. Regarding assessment mechanisms, ESG performance should be incorporated into evaluations – for instance, Ping An of China includes it in management KPIs, while Baowu Group establishes "ecological-social synergy indicators". Regarding disclosure, enterprises should provide detailed reporting on ESG collaborative governance practices, establishing dedicated "Collaborative Governance" sections and undergoing third-party verification. BYD's enhanced disclosures, for instance, bolstered investor confidence and optimised management.

Differentiated Synergy: Tailoring Integration Pathways to Industry and Ownership Characteristics. Tailored ESG strategies must be developed for different enterprises. State-owned enterprises should strengthen social equity and governance coordination, such as State Grid's "clean energy + rural revitalisation" model, while optimising market-based incentives. Private enterprises must enhance ecological efficiency and governance standards, synergising green technologies with flexible employment arrangements – as exemplified by BYD's initiatives – while refining ESG governance frameworks. Energy-intensive sectors should prioritise environmental-governance coordination to elevate ecological efficiency. Asset-light industries should focus on social-governance synergies, such as the logistics sector's "green transport + courier rights protection" model. Internet firms must optimise data security governance alongside server energy consumption controls.

Against the backdrop of global sustainable development, ESG has emerged as the core framework for corporate sustainability, with its significance increasingly paramount. China has incorporated ESG into its national strategy, driving the standardisation and mandatory implementation of information disclosure. Corporate ESG practices have yielded preliminary results, with enhanced ecological efficiency, deepened social equity initiatives, and continuously refined governance structures. Nevertheless, challenges persist, including insufficient coordination, low integration levels, and inadequate differentiated practices. To address this, the paper proposes an integrated pathway for ESG collaborative governance and high-quality corporate development: centring on ecological efficiency within the environmental dimension, orienting towards social equity in the social dimension, and ensuring institutional development as the safeguard in the governance dimension. Differentiated coordination tailored to industry and property rights characteristics will drive high-quality corporate development.

LIST OF SOURCES USED

1. Global Sustainable Investment Review. 2020. – URL: <https://www.gsi-alliance.org/trends-report-2020/>.
2. China Government Website. 2024 State Council Government Work Report. 2024. – URL: https://www.jingtai.gov.cn/zfxxgk/fdzdgknr/ggqsydwxxgk/jyjx/art/2024/art_cec5271717204f88985ae2b96ec4bcfc.html.
3. Shanghai Stock Exchange, Shenzhen Stock Exchange, Beijing Stock Exchange. Guidelines for the Sustainability Reporting of Listed Companies (Trial). 2024. – URL: https://www.sse.com.cn/aboutus/mediacenter/hotandd/c/c_20250117_10770282.shtml.
4. Berg, F., Kölbel, J.F. & Rigobon, R. Aggregate Confusion: The Divergence of ESG Ratings // Review of Finance. – 2022. – Vol. 26. Iss. 4. – P. 1315–1344.
5. Khamisu M.S., Paluri R.A., Sonwaney V. Stakeholders' Perspectives on Critical Success Factors for Environmental Social and Governance (ESG) Implementation // Journal of Environmental Management. – 2024. – Vol. 365. Iss. 8. – 121583.
6. Zhang D.Y., Meng L., Zhao J.T. Environmental subsidy disruption, skill premiums and ESG performance // International Review of Financial Analysis. – 2023. – Vol. 90. Iss. 11. – 102862.
7. Billio M., Costola M., Hristova I. et al. Inside the ESG Ratings: (Dis) Agreement and Performance // Corporate Social Responsibility and Environmental Management. – 2021. – Vol. 28, Iss. 5. – P. 1426–1445.
8. Guolian Securities. ESG Disclosure: China's Policy and Practice. 2024. – URL: <https://www.sdyanbao.com/detail/756498>.
9. Haitong International. ESG Theme Report II: Research into Core Underlying Data for ESG Investment and Expansion Instructor. 2024. – URL: <http://tanwenku.cc/view/13156>.
10. China Baowu Group. 2023 Corporate Social Responsibility Report. – URL: https://www.baowugroup.com/social_responsibility/csr_report.
11. State Grid Corporation of China. 2024 Corporate Social Responsibility Report. – URL: http://www.sgcc.com.cn/html/sgcc_main/gb/sdzc/sdzrej/index.shtml.
12. BYD Company Limited. 2024 Sustainability Report. – URL: <https://www.szse.cn/disclosure/listed/bulletinDetail/index.html?ca7c7217-7681-42dd-bb33-1bbc773d44d6>.

УДК 330

GREEN FINANCE REFORM AND URBAN AIR QUALITY: EVIDENCE FROM CHINA'S PILOT ZONES РЕФОРМА ЗЕЛЁНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ И КАЧЕСТВО ГОРОДСКОГО ВОЗДУХА: ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЗ ПИЛОТНЫХ ЗОН КИТАЯ

Zhao Yanan,
Tomsk State University,
Russian Federation, Tomsk
Zhaoyanan123@mail.ru

Чжао Янань,
Томский государственный университет,
Российская Федерация, г. Томск

Abstract. This paper studies the environmental effects of China's Green Finance Reform and Innovation Pilot Zones (GFRIPZ) on urban air quality from 2010 to 2023. The focus is on PM_{2.5} concentrations, a key measure of air pollution and public health risk. The study uses a spatial difference in differences framework with a large panel of city level data to compare changes

between pilot and non pilot cities. Results show that the pilot zones reduced PM2.5 levels in a significant and meaningful way, with benefits also reaching nearby cities. To ensure robustness, the study applies three spatial econometric models, which confirm the main findings and highlight the importance of spatial dependence. The evidence shows that financial policies can improve the environment when integrated into regional strategies, and that green finance can support both pollution control and sustainable growth.

Keywords: green finance, pilot zones, air pollution, spatial econometrics, difference in differences.

Аннотация. В данной статье изучаются экологические эффекты создания пилотных зон реформы и инноваций в области зеленого финансирования Китая (GFRIPZ) в 2010–2023 гг. Основное внимание уделяется концентрации PM2.5, которая является важным показателем загрязнения воздуха и риска для общественного здоровья. Используется пространственный метод разностей разностей на панели данных по городам для сравнения изменений между пилотными и непилотными городами. Результаты показывают, что пилотные зоны существенно и значимо снизили уровень PM2.5, а часть положительного эффекта распространилась и на соседние города. Для проверки надежности применяются три пространственные эконометрические модели, которые подтверждают основные выводы и подчеркивают важность пространственной зависимости. Полученные данные свидетельствуют о том, что финансовая политика может улучшать состояние окружающей среды, если она встроена в региональные стратегии, а зеленое финансирование способствует как снижению загрязнения, так и устойчивому росту.

Ключевые слова: зеленое финансирование, пилотные зоны, загрязнение воздуха, пространственная эконометрика, метод разностей разностей.

China has committed to a path of green and low-carbon development. In 2020, the government announced the dual targets of reaching peak carbon emissions by 2030 and achieving carbon neutrality by 2060. These commitments reflect a strong determination to address environmental challenges while sustaining economic growth. Achieving such goals requires policy tools that align financial incentives with environmental objectives. Green finance has emerged as a key instrument. By directing credit and investment toward clean energy, low-carbon technologies, and pollution control projects, it supports both structural economic transformation and environmental protection [1].

A milestone in this process was the establishment of the Green Finance Reform and Innovation Pilot Zones (GFRIPZ) in 2017. Five provinces and municipalities were designated as testing grounds for innovative practices that integrate sustainability concerns into financial decision-making. These pilot zones aimed to promote environmental risk assessment in financial institutions, expand the use of green bonds, and stimulate green credit to help local industries transition. Beyond financial reforms, they were also designed to deliver ecological benefits by improving air quality and public health [2].

The environmental effects of green finance are still an emerging area of research. Existing studies show that instruments such as green credit, carbon markets, and ESG-based investment can reduce emissions and encourage innovation. However, most evidence comes from developed economies or national-level indicators. City-level evidence from emerging markets is scarce. Moreover, while previous work has focused mainly on CO₂ emissions or energy intensity, fewer studies have assessed the role of green finance in reducing PM2.5, which is a critical source of urban air pollution and a direct threat to public health [3].

Methodologically, prior research often relies on standard difference-in-differences (DID) frameworks. While effective, these approaches overlook spatial interactions across cities. Air pollution crosses administrative boundaries, and financial reforms in one city may affect its neighbors. Spatial econometric models, such as the Spatial Autoregressive (SAR) model and the

Spatial Error Model (SEM), allow researchers to capture both direct effects in treated cities and spillover effects on surrounding areas [4].

This study evaluates the environmental effectiveness of China's GFRIPZ policy using a spatial DID framework. We draw on panel data from 298 prefecture-level cities between 2006 and 2023, comparing air quality trends in pilot zones with those in non-pilot cities. City and year fixed effects are applied to control for unobserved heterogeneity. Spatial models address dependence in pollution outcomes, while event-study specifications test the parallel trends assumption and trace the dynamic path of policy effects. By combining quasi-experimental identification with spatial econometrics, this paper provides new evidence on how financial policies can function as instruments of environmental governance. The findings highlight the effectiveness of China's green finance reforms and offer lessons for other emerging economies seeking to reconcile growth with ecological sustainability [5].

Green finance has become an important subject in environmental economics and policy studies. A large body of research highlights the role of financial instruments in guiding resources toward sustainable activities. Green credit policies, green bonds, and ESG-based investments have been found to reduce emissions, stimulate green innovation, and promote structural adjustment in many economies [6]. These instruments can help align financial markets with environmental objectives by lowering financing costs for clean projects and raising risks for polluting industries. In the Chinese context, studies on green credit guidelines and environmental regulation have shown that financial tools can improve firm-level environmental performance and accelerate green technology adoption [7]. Research has also explored the links between green finance and broader goals such as carbon emission reduction, industrial upgrading, and sustainable growth [7]. However, most of these studies remain at the provincial or national level, focusing on aggregate indicators such as CO₂ intensity or energy efficiency.

Recent work has started to examine spatial dimensions of environmental policies. Since air pollution and financial activities can generate externalities across administrative boundaries, scholars have applied spatial econometric models to capture spillover effects [9]. For instance, spatial difference-in-differences (DID) approaches have been used to study carbon markets, environmental regulations, and renewable energy policies [3]. These studies show that policies often have both direct effects within targeted regions and indirect effects on neighboring areas. Despite these advances, the environmental impact of green finance at the city level remains underexplored. Evidence on PM_{2.5} concentrations, which are highly relevant to urban air quality and public health, is especially limited. Moreover, few studies have systematically assessed whether financial reforms in pilot zones produce spatial spillovers, leading to coordinated improvements across regions [10]. Addressing this gap is crucial for understanding how green finance can contribute not only to local pollution control but also to regional convergence in air quality. This paper builds on the existing literature by integrating spatial econometrics into the evaluation of China's Green Finance Reform and Innovation Pilot Zones. By focusing on PM_{2.5} outcomes at the city level, it contributes new evidence on both the direct and spillover effects of financial policy interventions.

This study adopts a spatial difference-in-differences (DID) framework to evaluate the environmental impact of China's Green Finance Reform and Innovation Pilot Zones (GFRIPZ) on urban air quality. The empirical analysis is based on an unbalanced panel dataset of 298 prefecture-level cities covering the period from 2006 to 2023. The dependent variable is the natural logarithm of the annual average concentration of PM_{2.5}, measured in micrograms per cubic meter, which reflects the intensity of urban air pollution. The key explanatory variable is a policy dummy that equals one for cities included in the pilot zones after 2017 and zero otherwise, thus allowing us to compare pollution trends in pilot cities with those in non-pilot cities before and after the reform. To mitigate potential omitted-variable bias, we control for a range of socioeconomic factors. Per capita GDP is introduced in logarithmic form to capture the level of economic development and income, the share of secondary industry in GDP reflects the industrial structure and the pollution

intensity of local production, while population density is included to proxy for the scale of urbanization. These variables are obtained from the National Bureau of Statistics of China.

The baseline specification is a two-way fixed effects DID model, formula (1):

$$\ln(PM2.5) = \alpha + \beta(Pilot \times Post) + \gamma X + \mu_i + \tau_t + \varepsilon_{it} \quad (1)$$

where X_{it} denotes the set of control variables;

μ_i are city fixed effects controlling for time-invariant heterogeneity across locations;

τ_t capturing national shocks and macroeconomic fluctuations;

the coefficient of interest is β , which identifies the average treatment effect of the policy on PM2.5 levels.

Since air pollution does not respect administrative boundaries, spatial dependence must be taken into account [9]. To this end, we further estimate the Spatial Autoregressive (SAR) and SEM models. The SAR model incorporates a spatial lag of the dependent variable to capture the influence of neighboring pollution levels, while the SEM model accounts for spatial autocorrelation in the error term that may arise from unobserved regional shocks [9]. Spatial weight matrices are constructed using the K-nearest neighbor (KNN) approach based on the geographic coordinates of city centers, with the number of neighbors selected according to model fit criteria such as the Akaike Information Criterion. To verify the validity of the identification strategy, we complement the baseline analysis with an event-study specification. This framework introduces a set of relative year dummies around the treatment year, which provides a visual test of the parallel trends assumption and reveals the dynamic pattern of policy impacts following the establishment of the pilot zones [3].

The empirical results are summarized in table 1. The baseline OLS with two-way fixed effects shows that the Green Finance Reform and Innovation Pilot Zones significantly reduced PM2.5 concentrations in treated cities. Both the SAR and SEM models confirm this finding, while also highlighting spatial interactions. The SAR model captures not only improvements in pilot cities but also spillover benefits to neighboring regions, whereas the SEM specification indicates that unobserved regional shocks are an important source of spatial dependence. Control variables behave largely as expected: higher per capita GDP is linked to better air quality, secondary industry share contributes to more pollution, and population density exhibits a stronger effect once spatial dependence is considered.

Table 1 – Core regression results (OLS, SAR, SEM)

Variable	OLS (FE)	SAR (k=10)	SEM (k=10)
Policy	-0.1519**	-0.1209***	-0.2657***
ln_gdp	-0.0834**	-0.1018***	-0.2066***
Industry share	0.0005	0.0964***	0.1151***
Population density	-0.0003	0.0434***	0.0956***

Notes:

1 Source: author's calculations.

2 Robust standard errors are omitted, p-values have been converted into significance stars.

3 *, **, *** denote significance at the 10 %, 5 %, and 1 % levels, respectively.

4 SAR denotes the spatial lag model (ρ), and SEM denotes the spatial error model (λ).

Further evidence from the SAR decomposition is reported in table 2. The results show that the indirect effects are larger in magnitude than the direct effects, suggesting that the policy's benefits were not confined to the pilot zones themselves but spread to surrounding cities through spatial linkages. This indicates that green finance reforms can generate regional public goods characteristics, amplifying their environmental effectiveness beyond the targeted jurisdictions.

Table 2 – SAR model effects (direct, indirect, and total effects)

Variable	Direct effect	Indirect effect	Total effect
Policy	-0.1209***	-0.4289***	-0.5498***
ln_gdp_std	-0.1018***	-0.3612***	-0.4629***
Industry_share_std	0.0964***	0.3422***	0.4386***
Pop_density_std	0.0434***	0.1540***	0.1974***

Notes:

1 Source: author's calculations.

2 Significance stars follow the same convention as in table 1.

3 The results indicate that the policy produced significant direct and indirect effects, suggesting that the green finance pilot zones not only improved local air quality but also generated positive spillovers to neighboring cities.

The dynamic pattern is illustrated in figure 1, which presents event-study estimates. The pre-treatment coefficients are statistically insignificant, confirming the parallel trends assumption. From 2018 onwards, the policy effects become increasingly negative and statistically significant, showing that improvements in air quality emerged within two years of policy implementation and persisted thereafter.

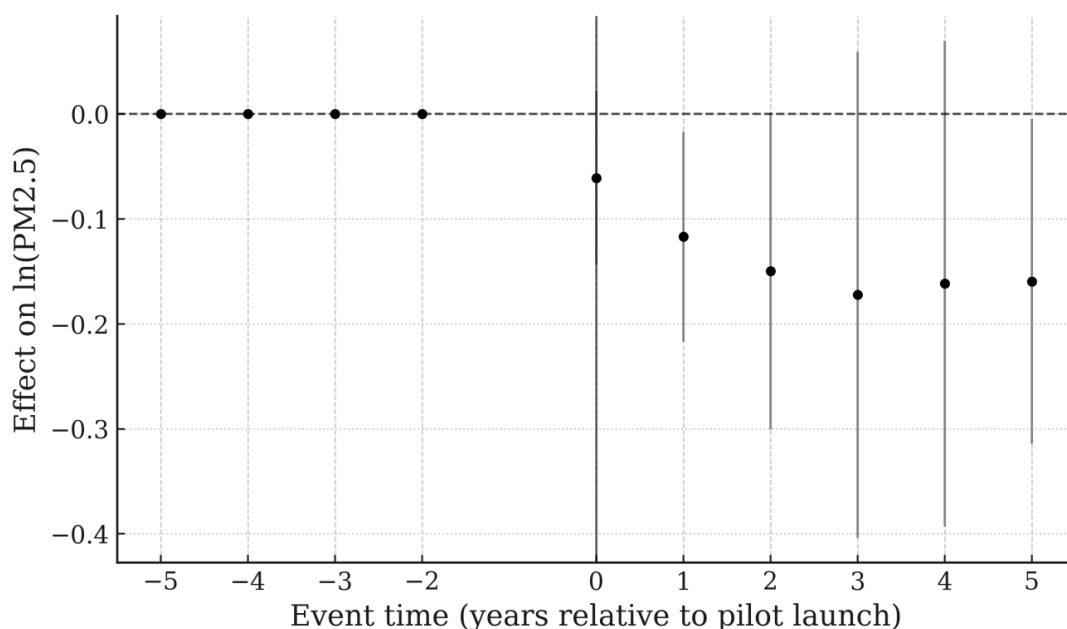

Figure 1 – Event-study estimates of policy effect on PM2.5

This study shows that China's Green Finance Reform and Innovation Pilot Zones (GFRIPZ) reduced PM2.5 levels and changed the way financial development interacts with environmental governance. The results confirm that financial reforms can improve air quality without harming economic growth. By guiding credit and investment to cleaner industries, the pilot zones aligned growth incentives with ecological goals and created positive spillovers for nearby cities. This means that green finance can serve not only as a driver of capital allocation but also as an instrument for environmental protection. The Chinese case provides useful lessons for other emerging economies. Economic development and environmental protection do not need to be in conflict. With well designed policies, finance can support structural transformation and deliver regional environmental benefits at the same time. Future research should study other outcomes such as carbon reduction, biodiversity, and financial stability. Overall, the results suggest that the economy and the environment can move forward together when financial systems embed sustainability in their core functions.

LIST OF SOURCES USED

1. Zhao D., Xu H., Zhang Z., Lyu Y., Lu Y., Duan H. Whether Green Finance Improves Green Innovation of Listed Companies – Evidence from China // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2022. – № 17. – P. 10882.
2. Xu X., Xie Y., Obobisa E.S., Sun H. Has the Establishment of Green Finance Reform and Innovation Pilot Zones Improved Air Quality? Evidence from China // *Humanities & Social Sciences Communications*. – 2023. – № 1. – P. 1–14.
3. Chen J., Luo W., Ren X., Liu T. The Local-Neighborhood Effects of Low-Carbon City Pilots Program on PM2.5 in China: A Spatial Difference-in-Differences Analysis // *Science of The Total Environment*. – 2022. – № 857. – P. 159511.
4. Xiao Y., Chen K. Green Finance, Natural Resource Dependence and Environmental Quality: Evidence from China // *Resources Policy*. – 2024. – № 92. – P. 104977.
5. Zhao L., Wang D., Wang X., Zhang Z. Impact of Green Finance on Total Factor Productivity of Heavily Polluting Enterprises: Evidence from Green Finance Reform and Innovation Pilot Zone // *Economic Analysis and Policy*. – 2023. – № 79. – P. 765–785.
6. Xie Y. The Interactive Impact of Green Finance, ESG Performance, and Carbon Neutrality // *Journal of Cleaner Production*. – 2024. – № 442. – P. 142269.
7. Lei Z. Research on the Impact of China's Green Credit Policy on the ESG Level of Enterprises // *Advances in Economics, Management and Political Sciences*. – 2024. – № 19447.
8. Kong X., Li Z., Lei X. Research on the Impact of ESG Performance on Carbon Emissions from the Perspective of Green Credit // *Dental Science Reports*. – 2024. – № 14. – P. 10478.
9. Wang K.-y., Liu Y., Wang S.-C., Li C. The Spatial Spillover Effect of Higher SO₂ Emission Tax Rates on PM2.5 Concentration in China // *Dental Science Reports*. – 2023. – № 13. – P. 31663.
10. Li Y., Xu Y. Impact of Green Finance on China's Pollution Reduction and Carbon Efficiency: Based on the Spatial Panel Model // *International Review of Economics & Finance*. – 2024. – № 94. – P. 103382.

РАЗДЕЛ 7. РАЗВИТИЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В НОВЫХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

УДК 346.5

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ INVESTMENT POLICY AND LEGAL REGULATION OF INVESTMENTS

Каменков Виктор Сергеевич,
доктор юридических наук, профессор,
Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
v.kamenkov@gmail.com

Куницкая Ольга Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
volhakun@mail.ru

Kamenkov Viktor,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk

Kunitskaya Olga,
Candidate of Legal Sciences (PhD), Associate Professor,
Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В рамках настоящей статьи внимание сконцентрировано на анализе принятой инвестиционной политики, ее структуры, действующей системы правового регулирования инвестиций и возможных в ней изменений. Используются элементы сравнительного анализа законодательных подходов на примере Российской Федерации. Обращается внимание на разрозненность и не системность в отношении обеспечения реализации единой государственной политики в сфере инвестиций в Беларуси.

Проводится оценка инвестиционной политики и эффективности функционирования комплекса правовых режимов привлечения инвестиций в экономику, предлагаются формулировки основных направлений совершенствования правового блока разработки и реализации инвестиционной политики. Указывается на необходимость выработки системы взглядов, идей и принципов, лежащих в основе трактовки и разработки инвестиционной политики через призму правовых механизмов.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная политика, привлечение инвестиций, правовые режимы осуществления инвестиций.

Abstract. This article focuses on the analysis of the adopted investment policy, its structure, the current system of legal regulation of investments, and potential changes to it. Elements of a comparative analysis of legislative approaches are used, using the example of the Russian Federation. The fragmented and unsystematic nature of the implementation of a unified state investment policy in Belarus is highlighted.

An assessment of investment policy and the effectiveness of the legal framework for attracting investment into the economy is conducted, and key areas for improving the legal framework for developing and implementing investment policy are proposed. The need for a system of views, ideas, and principles underlying the interpretation and development of investment policy through the lens of legal mechanisms is emphasized.

Keywords: investments, investment policy, attracting investments, legal regimes for implementing investments.

Инвестиционная политика упоминается в правовом поле Республики Беларусь неоднократно. Правда, в Конституции Республики Беларусь этого понятия нет. В Основном законе достаточно емко провозглашено на уровне конституционных принципов предоставление государством всем равных прав для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантии на равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности. Кроме того, установлены государственные гарантии равных возможностей свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 13 Конституции). Нет сомнения, что здесь подразумеваются также осуществление инвестиций и инвестиционная политика.

Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» (далее – Закон об инвестициях) (ст. 11) установил, что республиканский орган государственного управления, осуществляющий регулирование и управление в сфере инвестиций, другие республиканские органы государственного управления, иные организации, подчиненные Совету Министров Республики Беларусь, местные исполнительные и распорядительные органы *обеспечивают реализацию единой государственной политики в сфере инвестиций* в пределах своей компетенции [1].

В соответствии со ст. 9 Закона об инвестициях Президент Республики Беларусь в сфере инвестиций *определяет единую государственную политику*.

Помимо того, что обращает на себя внимание множественность субъектов, которые осуществляют (обеспечивают реализацию) единой государственной инвестиционной политики, не совсем ясной является формулировка о единой государственной инвестиционной политике.

К примеру, в Российской Федерации, где нет отдельного правового акта, посвященного государственной инвестиционной политике, на законодательном уровне определено, что «...Правительство вырабатывает государственную структурную и инвестиционную политику, принимает меры по ее реализации» (ст. 18) [2]. Как видно, нет упоминания о единой инвестиционной политике, и функции по разработке и реализации государственной инвестиционной политики вменены Правительству.

Согласно положениям Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 424-З «О Совете Министров Республики Беларусь» Совет Министров Республики Беларусь «...обеспечивает проведение единой экономической, финансовой, кредитной и денежной политики, государственной политики в области науки и инноваций, культуры, образования, здравоохранения, физической культуры, спорта и туризма, экологии, социального обеспечения и оплаты труда, государственно-частного партнерства, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, *в сферах инвестиций, концессий, цифрового развития и иных*» (ст. 10-1) [3].

То есть из приведенного текста не вытекает, что Совет Министров Республики Беларусь вырабатывает инвестиционную политику. Также не совсем понятно, относится ли словосочетание «обеспечивает проведение единой политики» к инвестициям.

Не проясняют этого вопроса, а создают обратное впечатление и примеры иных законодательных актов Беларуси. Примечательно, что, например, в соответствии с Кодексом Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности от 17 июля 2023 г. № 289-З Министерство архитектуры и строительства Республики Беларусь

(а не Правительство), являющееся специально уполномоченным государственным органом в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, в пределах своей компетенции «разрабатывает и реализует основные направления государственной градостроительной политики Республики Беларусь, направления государственной политики в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, в области промышленности строительных материалов, строительных изделий и строительных конструкций, *обеспечивает реализацию единой государственной политики в сфере инвестиций*» (ст. 22) [4].

В соответствующих нормах Закона Республики Беларусь от 10 октября 2022 г. № 208-З «О регулировании безопасности при использовании атомной энергии» мы находим следующее положение: «...иные республиканские органы государственного управления при осуществлении государственного регулирования в области обеспечения безопасности при использовании атомной энергии в пределах своей компетенции *разрабатывают предложения по формированию и проведению единой государственной научно-технической и инвестиционной политики*» (ст. 18) [5].

Возникают вопросы: 1) что нужно понимать под государственной инвестиционной политикой? 2) кто из государственных органов ее вырабатывает? 3) является ли она единой государственной политикой и что может значить термин «единая» в отношении инвестиционной политики?

Решая важнейшие задачи по привлечению инвестиций в экономику Беларуси и формированию эффективных правовых режимов осуществления инвестиций, вряд ли будет обоснованным и оправданным оставлять формулировки правовых норм о государственной инвестиционной политике размытыми и не определенными. Как равно не целесообразно распределять данные нормы по различным актам законодательства в отсутствие системности. Пока наблюдается разбросанность по разнообразным правовым актам и отсутствие координации. Это не лучшим образом сказывается на впечатлении о государственном отношении к инвестициям и инвесторам.

Имеется острая необходимость в изменении отношения к инвестиционной политике, ее правовому регулированию и, параллельно, формировании указанных выше правовых режимов привлечения и осуществления инвестиций.

Как обоснованно указывают российские исследователи, «...под **государственной инвестиционной политикой** понимается взаимосвязанная система мероприятий, которые организуются государством в целях обеспечения благоприятных условий для субъектов экономической жизни и направленных на развитие экономической активности, стимулирование национальной экономики, а также повышение эффективности инвестиционных вложений» [6, с. 51]. Сюда можно добавить, что такая система должна состоять не просто из взаимосвязанных мероприятий, но и не противоречащих между собой, подчиненных единой цели.

Нужно согласиться и дополнить, что важны не только «...первичность государственной инвестиционной политики по отношению к государственному регулированию инвестиционных отношений», но и ее первостепенность «...поскольку такая политика определяет стратегию и приоритетные направления, подчиненные целевым установкам социально-экономического развития, а государственное регулирование направлено на реализацию ее целей и приоритетов с использованием специальных средств, форм и методов» [7]. Все это относится и к правовому регулированию инвестиционных отношений. Поэтому при разработке соответствующего нормативного правового акта об инвестициях, необходимо в обязательном порядке уделить в нем место инвестиционной политике.

Отметим, что инвестиционная политика, как представляется, может и должна иметь несколько уровней. Она может проводиться не только конкретным государством, но и определенными отраслями экономики и иных сфер, а также конкретными регионами и организациями. Система мер и решений, направленных на определение приоритетных направлений, объемов и форм инвестиций может иметь свои специфические особенности

в конкретной отрасли или отдельном регионе при обеспечении их эффективного развития и достижения стратегических целей.

По этой причине обязанности по выработке инвестиционной политики в зависимости от уровня и целей могут возлагаться на разные субъекты: органы исполнительной власти республиканского (государственного) и местного уровня, и с привлечением субъектов хозяйствования. Такую обязанность нужно закрепить законодательно. При этом желательно взаимодействие данных субъектов с бизнес-структурами со стадии выработки и планирования инвестиционной политики.

Инвестиционная политика должна опираться не на какие-то абстрактные категории и понятия, а опять же на конкретные и официально утвержденные социальные программы, стратегические планы развития соответственно государства, отрасли, региона, субъекта.

Однако в любом случае должна быть единая целевая координация инвестиционной политики. То есть, не обязательно единая инвестиционная политика, но обязательно единая координация инвестиционной политики, подчиненная единым целям.

Не в пользу единой государственной инвестиционной политики говорит и ее возможная срочность, то есть ее действие может быть рассчитано на определенный срок, этап, либо для решения какой-либо приоритетной масштабной задачи. А по окончании его или достижения результата, возможна иная инвестиционная политика. Цель же может сохраняться.

Важно также понимание, соответствующее отношение и регулирование на государственном и иных уровнях того, что частные инвестиции являются «...дополнительным источником финансирования решения государственно и общественно значимых задач» [7]. Можно выразиться и точнее на перспективу: иногда добавочным, а порой и основным источником стимулирования совместного решения задач государством и обществом, сувереном, его народом и бизнесом.

Но переход от теории к реальной практике такого сотрудничества во многом зависит от эффективности системного подхода к правовому регулированию (моноотраслевому или разноотраслевому).

Однако нужно критично отнестись к предложению отдельных авторов рассматривать «...в рамках бизнес-ориентированного (прагматического) подхода социальные программы как бизнес-проекты, направленные на долгосрочное устойчивое развитие компании, создание благоприятной среды для ведения бизнеса и поддержание социальной стабильности в отраслях и регионах деятельности» [8]. Такой подход в условиях рыночной экономики возможен и может быть достаточно эффективным, но он не должен быть единственным.

Следует согласиться, что в инвестиционной политике нужно использовать различные инвестиционные инструменты, которые не всегда пересекаются между собой: «...реальные инвестиции оформляются концессионными соглашениями, соглашениями о государственно-частном партнерстве, соглашениями о защите и поощрении капиталовложений, специальными инвестиционными контрактами. Финансовые инвестиции в основном осуществляются на рынке ценных бумаг с помощью традиционных для такого рынка инструментов, в том числе акций, облигаций, производных финансовых инструментов, инвестиционных паев» [9].

Более того, нужно стремиться развивать в инвестиционной сфере не только прагматические интересы бизнеса, но и его понимание своей роли в социальном правовом государстве, его социальной ответственности наряду с государством и иными участниками данного процесса.

В противном случае с инвестициями будет не просто в таких не быстро окупаемых сферах, как образование, медицина, спорт, фундаментальные научные исследования, венчурные инвестиции, стартапы и другие. Пример же краудфандинга, теория его становления и развития, практика применения в разных государствах и сферах деятельности человека подтверждает реальную возможность в инвестиционной политике максимально, гибко и творчески учитывать интересы самых широких слоев участников.

Так, в теории «...выделяется несколько видов краудфандинга: 1) краудфандинг на основе пожертвований (donation-based crowdfunding); 2) краудфандинг на основе вознаграждения (reward-based crowdfunding); 3) краудфандинг на основе заемных отношений (lending-based crowdfunding); 4) краудфандинг на основе участия в уставном капитале (equity-based crowdfunding)» [10]. Данные виды и формы краудфандинга используются на практике в банковской, строительной и иных видах деятельности.

Другие исследователи называют ряд конкретных тенденций развития современного российского законодательства в сфере иностранных инвестиций: тенденция на обеспечение публичных интересов, упрощение юридической процедуры аккредитации иностранных филиалов и представительств, упрощение ряда миграционных процедур как стимул к деятельности иностранных инвесторов на территории России [11].

Приведенные выше и другие примеры из теории и практики инвестиционной деятельности подтверждают с уверенностью, что инвестиционной политикой не только можно, но и обязательно нужно постоянно отрабатывать, отслеживать ее на предмет адекватности и соответствия существующим экономическим, социальным и политическим процессам, сверять с происходящими аналогичными процессами в иных государствах, координировать и прилагать усилия, чтобы оставаться в тренде развития в инвестиционной сфере, по возможности адаптировать свои подходы и возможности с этими тенденциями.

Инвестиционная политика – система мер, направленных на правовое регулирование, установление структуры и масштабов инвестиций, направлений их использования и источников получения в соответствующих сферах и отраслях.

Поиск эффективных правовых режимов, способов и форм привлечения инвестиций в экономику государства, отрасли, отдельно взятой организации на концептуальном уровне означает говорить об инвестиционной политике. Необходима система взглядов, идей и принципов, лежащих в основе трактовки и разработки инвестиционной политики через призму правовых механизмов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об инвестициях: Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З: в ред. от 08.01.2024 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 10.01.2024, 2/3070.
2. О Правительстве Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 23.09.2025).
3. О Совете Министров Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 424-З: в ред. от 12.07.2023 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 21.07.2023, 2/3002.
4. Кодекс Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности от 17 июля 2023 г. № 289-З : в ред. от 28.06.2024 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 22.07.2023, 2/3009.
5. О регулировании безопасности при использовании атомной энергии: Закон Республики Беларусь от 10 октября 2022 г. № 208-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 13.10.2022, 2/2928.
6. Белицкая А.В. Правовое обеспечение государственной инвестиционной политики: монография. – М.: Юстицинформ, 2018. – 560 с.
7. Белицкая А.В., Гуркин А.С. Финансово-правовые средства привлечения инвестиций в обеспечение благополучия человека // Юрист. – 2023. – № 3. – С. 41–47.
8. Белицкая А.В. Правовые стимулы инвестирования в устойчивое развитие // Право и бизнес. – 2023. – № 1. – С. 41–47.
9. Илюхина Д.Ю. Правовые формы инвестирования в цифровой экономике // Юрист. – 2024. – № 8. – С. 11–18.

10. Габов А.В., Хаванова И.А. Краудфандинг: законодательное оформление web-модели финансирования в контексте правовой доктрины и зарубежного опыта // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – Вып. 47. – С. 28–44.

11. Овсянникова М.В. Тенденции развития современного российского законодательства в сфере иностранных инвестиций // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 10. – С. 28–37.

УДК 346.1, 346.5

**СТАБИЛЬНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАК ПРИНЦИП
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ
НЕЗАВИСИМОСТИ ТЭК В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
REGULATORY STABILITY AS A PRINCIPLE OF ENSURING ENERGY SECURITY
AND TECHNOLOGICAL INDEPENDENCE OF THE FUEL AND ENERGY COMPLEX
IN MODERN CONDITIONS**

Салиева Роза Наильевна,
доктор юридических наук, профессор,
Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан,
Российская Федерация, г. Казань
sargus6@yandex.ru

Salieva Rosa,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Institute of Ecology and Subsoil Use Problems of the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan,
Russian Federation, Kazan

Аннотация. Современный мир характеризуется высокой степенью зависимости от энергоносителей, поэтому обеспечение энергетической безопасности становится одной из ключевых задач любого государства. Особенно остро эта проблема стоит перед Россией, обладающей богатыми запасами углеводородов и играющей важную роль на мировых рынках энергоресурсов. Одним из основополагающих аспектов поддержания энергетической безопасности является стабильность правового регулирования, которое позволяет создать условия для эффективного функционирования топливно-энергетического комплекса (ТЭК) и повышения его технологической независимости.

Ключевые слова: принципы, стабильность правового регулирования, энергетическая безопасность, технологическая независимость, топливно-энергетический комплекс.

Abstract. The modern world is characterized by a high degree of dependence on energy resources, therefore, ensuring energy security is becoming one of the key tasks of any state. This problem is particularly acute for Russia, which has rich hydrocarbon reserves and plays an important role in global energy markets. One of the fundamental aspects of maintaining energy security is the stability of legal regulation, which allows creating conditions for the efficient functioning of the fuel and energy complex (fuel and energy complex) and increasing its technological independence.

Keywords: principles, stability of legal regulation, energy security, technological independence, fuel and energy complex.

Энергетика является одной из ключевых отраслей экономики любого государства, обеспечивая основу для устойчивого экономического роста и национальной безопасности.

Современная ситуация характеризуется возрастающей зависимостью государств от энергоресурсов, повышением роли альтернативных видов энергии и развитием технологий добычи, транспортировки и переработки углеводородов. Стабильность правового регулирования выступает важнейшим условием эффективного функционирования топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Именно четкое и стабильное правовое регулирование позволяет обеспечить долгосрочные инвестиции в отрасль, минимизировать риски неопределённости и создать условия для технологического прогресса и инноваций.

Кроме того, правовые нормы играют ключевую роль в поддержании энергетической безопасности, гарантируя бесперебойное снабжение энергией потребителей и защиту национальных интересов. Это особенно важно в условиях глобализации, усиливающейся конкуренции на мировых рынках энергоносителей и угрозы санкционных ограничений.

К принципам обеспечения энергетической безопасности относятся законность, приоритет внутреннего рынка, стабильность налоговой политики и нормативно-правового регулирования в сфере энергетики, сырьевая, финансовая и кадровая обеспеченность организаций топливно-энергетического комплекса, рациональное природопользование и энергетическая эффективность, государственно-частное партнерство, учет интересов всех субъектов энергетической безопасности и населения [1].

К задачам по обеспечению технологической независимости топливно-энергетического комплекса и повышению его конкурентоспособности отнесены:

а) планомерное осуществление импортозамещения в критически важных для устойчивого функционирования топливно-энергетического комплекса видах деятельности, в том числе локализация производства иностранного оборудования или создание его отечественных аналогов, разработка технологий (в том числе информационно-телекоммуникационных) и программного обеспечения;

б) развитие отечественного научно-технологического потенциала, создание и освоение передовых технологий в сфере энергетики, в том числе технологий использования возобновляемых источников энергии, наращивание производства на территории Российской Федерации конкурентоспособного основного и вспомогательного оборудования, создание центров компетенций и др. [1].

В Российской Федерации большими вызовами в современных условиях названы, в частности, возрастание антропогенных нагрузок на окружающую среду до масштабов, угрожающих воспроизводству природных ресурсов, и связанный с их неэффективным использованием рост рисков для жизни и здоровья граждан; качественное изменение характера глобальных и локальных энергетических систем, рост значимости энерговооруженности экономики и наращивание объема выработки и сохранения энергии, ее передачи и использования. Приоритетными признаются те направления, которые позволяют получить научные и научно-технические результаты и создать технологии, которые обеспечат, в частности, переход к экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике, повышение эффективности добычи и глубокой переработки углеводородного сырья, формирование новых источников, способов транспортировки и хранения энергии [2].

Для обеспечения стабильности правового регулирования в сфере энергетики необходимо наличие четкой и прозрачной законодательной базы. В России такая база представлена рядом законов и нормативных актов, включая: Гражданский кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, Земельный кодекс РФ, Бюджетный кодекс РФ и др. Например, Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», который устанавливает организационно-правовые основы обеспечения безопасности объектов ТЭК и антитеррористической защищённости таких объектов [3].

Эти нормативные акты формируют общую правовую платформу, на которую опирается деятельность предприятий ТЭК. Одним из важных элементов стабильности правового регулирования является регулярное обновление и адаптация законодательства к изменяющимся реалиям. Помимо законов, большое значение имеет нормативно-правовая

база, включающая постановления правительства, приказы ведомств и инструкции. Однако даже самая продуманная нормативно-правовая база требует регулярного пересмотра и обновления. Так, в последние годы в связи с изменением внешних и внутренних условий возникла необходимость внесения изменений в действующие нормативные акты. Например, Указом Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 утверждена Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации. Таким образом, стабильность правового регулирования предполагает не только наличие четких и понятных законов, но и их соответствие актуальным потребностям общества и экономики.

Одним из ключевых аспектов стабильности правового регулирования является его влияние на экономику. Четкие и предсказуемые правила игры позволяют инвесторам принимать обоснованные инвестиционные решения, снижая риски неопределенности. Это особенно актуально для ТЭК, где проекты часто характеризуются длительным сроком окупаемости и высокими капитальными затратами.

Ещё одним важным аспектом стабильности правового регулирования является социальная справедливость. Законы и нормативные акты должны обеспечивать справедливый баланс интересов различных социальных групп. Например, тарифы на электроэнергию и тепло должны быть установлены таким образом, чтобы население имело доступ к этим ресурсам по приемлемым ценам. Нарушение этого баланса может привести к социальным протестам и недовольству граждан.

Политика играет ключевую роль в обеспечении стабильности правового регулирования. Государственная власть должна создавать благоприятные условия для развития ТЭК, обеспечивая прозрачность и предсказуемость регуляторной среды. Отсутствие такого подхода может привести к конфликтам между различными ветвями власти и ухудшению инвестиционного климата.

Распоряжением Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р утверждена Концепция технологического развития на период до 2030 года. Реализация Концепции направлена на развитие высокотехнологичных отраслей экономики Российской Федерации. В Концепции определено, что «вызовы технологического развития это объективно требующая реакции со стороны государства и общества совокупность проблем, угроз и возможностей в области разработки и внедрения технологий, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы без структурных изменений исключительно за счет увеличения ресурсов».

К числу вызовов и угроз энергетической безопасности, а также рисков отнесено, в частности, недостаточное развитие нормативно-правовой базы, сдерживающее внедрение инновационных технологий, в том числе технологий использования возобновляемых источников энергии, распределенной генерации электрической энергии и цифровых технологий в сфере энергетики. В связи с этим одним из основных направлений деятельности по обеспечению энергетической безопасности является, в частности, обеспечение технологической независимости топливно-энергетического комплекса и повышение его конкурентоспособности.

В связи с этим важной составляющей реакции со стороны государства и общества на существующие вызовы в ТЭК является создание стабильного нормативно-правового регулирования, закрепление на уровне законов в качестве принципа обеспечение энергетической безопасности и технологической независимости ТЭК.

Развитие и формирование стабильной нормативно-правовой базы в области обеспечения безопасного, надежного и устойчивого функционирования инфраструктуры и объектов ТЭК относится к задачам по совершенствованию государственного управления в области обеспечения энергетической безопасности.

Как показывает анализ нормативных правовых актов и правоприменительной практики, в современном российском законодательстве пока не сложился системный единообразный подход нормативно-правового регулирования в отраслях ТЭК. В целях систематизации законодательства, направленного на обеспечение технологической независимости ТЭК,

включая нефтегазовый сектор, и обеспечения его стабильности представляются обоснованными предложения о целесообразности разработки специального системообразующего закона [5, 6, 7]. В целом, по мнению академика РАН В.А. Крюкова, «в основе создания и развития цепочек создания добавленной стоимости в отечественной экономике лежит научно-технологическая политика, основанная на кооперации усилий государства, науки и бизнеса» [8].

Для повышения стабильности правового регулирования можно предложить ряд мер:

- регулярное проведение экспертиз действующих нормативных актов.
- повышение квалификации сотрудников государственных органов, занимающихся разработкой и внедрением нормативных актов.
- активное привлечение общественности и экспертов к процессу разработки и обсуждения проектов нормативных актов.
- использование цифровых технологий для упрощения процедур согласования и внедрения нормативных актов.

Реализация этих предложений позволит повысить качество и устойчивость правового регулирования, что положительно скажется на функционировании ТЭК и экономике страны в целом.

Полагаем, что в целях повышения стабильности законодательства и совершенствования системы управления в сфере использования результатов научно-технической деятельности целесообразно было бы использовать опыт Республики Казахстан в сфере создания специального уполномоченного органа в области государственной поддержки индустриально-инновационной деятельности [9, 10]. Целесообразно дальнейшее развитие международного сотрудничества в научно-технологической сфере, особенно с государствами, входящими в состав ЕАЭС, СНГ. Имеются предпосылки объединения усилий для формирования общей научно-технологической политики как в целом, так и по отдельным направлениям научных исследований [11].

В соответствии со Стратегией научно-технологического развития одной из задач для России является содействие формированию модели международного научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития, позволяющей защитить идентичность российской научной сферы и государственные интересы в условиях интернационализации науки и повысить эффективность российской науки за счет взаимовыгодного международного взаимодействия.

Стабильность правового регулирования является ключевым фактором обеспечения энергетической безопасности и технологической независимости ТЭК. Наличие четких законов и нормативных актов создаёт условия для эффективного функционирования организаций ТЭК, привлекает инвестиции и способствует росту экономики. Вместе с тем, стабильность правового регулирования требует постоянного мониторинга и адаптации к меняющимся внешним и внутренним условиям. Только при таком подходе возможно достичь поставленных целей и обеспечить долгосрочную конкурентоспособность отечественной энергетики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 // Собрание законодательства РФ, 20.05.2019. – № 20. – Ст. 2421.
2. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 // Собрание законодательства РФ, 05.12.2016. – № 49. – Ст. 6887.
3. О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса : Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ : в ред. от 07.07.2025 // Собрание законодательства РФ, 25.07.2011. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4604.

4. Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года») : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р // Собрание законодательства РФ, 29.05.2023. – № 22. – Ст. 3964.

5. Клеандров М.И. Нефтегазовое законодательство в системе российского права. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. – С. 68.

6. Белых В.С. Государственное регулирование предпринимательской деятельности в РФ // Российский юридический журнал. – 2007. – № 1. – С. 46.

7. Занковский С.С. Конституции и бизнес: взгляд на историю и современность // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2014. – № 1. – С. 27.

8. Крюков В.А. О взаимосвязи и взаимодействии экономической, промышленной и научно-технологической политик // Управление наукой: теория и практика. – 2020. – Т. 2. – № 2. – С. 15–46.

9. О недрах и недропользовании : Закон Республики Казахстан от 27 декабря 2017 г. № 125-VI // ПАРАГРАФ: официальный портал. – URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения 01.09.2025).

10. Баймишев Р.Н. Эффективные международные подходы в государственном управлении недрами // Горные науки и технологии. – 2020. – № 5. – С. 162–184.

11. Теоретико-правовые основы формирования модели правового регулирования научно-технического сотрудничества Российской Федерации и стран СНГ, ЕАЭС в отраслях ТЭК по проблемам рационального природопользования, экологии и охраны окружающей среды в рамках единой научно-технической политики: монография / Ю.В. Волков, Т.В. Ефимцева, А.А. Дьяконова и др. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 255 с.

УДК 340.07: [001.895+004]

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ON THE LEGAL NATURE OF NEW TECHNOLOGIES

Шахрай Ирина Сергеевна,
доктор юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
shakhray@bsu.by

Shakhray Irina,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье анализируются юридические признаки новых технологий и тенденции их развития, обуславливающие потребность изменения подходов к правовому регулированию. Обосновывается необходимость расширения понятия новых технологий с целью придания ему значения обобщающей правовой категории. Делается вывод о назревшей потребности формирования межотраслевого массива правовых норм, имеющего сквозное действие для уже сложившихся отраслей права, регулирующего общественные отношения, обладающие признаком однородности ввиду особенностей их объекта – новых технологий.

Ключевые слова: новые технологии, правовое регулирование, конвергенция, междисциплинарность.

Abstract. The article analyzes the legal characteristics of new technologies and their development trends, which necessitate changes in approaches to legal regulation. The necessity of expanding the concept of new technologies in order to give it the meaning of a general legal category is substantiated. The conclusion is made about the urgent need to form an interdisciplinary array of legal norms that has a cross-cutting effect on already established branches of law, regulating social relations that have a feature of homogeneity due to the characteristics of their object – new technologies.

Keywords: new technologies, legal regulation, convergence, interdisciplinarity.

Ускоренное технологическое развитие и проникновение новых технологий во все сферы жизнедеятельности государства и общества требует модернизации правовых подходов, обеспечивающих легальную основу использования новых возможностей и преимуществ. Сложности правовой регламентации складывающихся при этом общественных отношений обусловлены тем, что новые технологии образуют весьма нетрадиционный для правового регулирования объект в силу их существенных отличий от классических объектов правоотношений, в том числе нематериального характера. Разработка, внедрение и использование новых технологий представляют собой многостадийный процесс, сопровождающийся существенной трансформацией всех элементов возникающих при этом общественных отношений. Однако правовая система может быть не готова к упорядочению таких видоизмененных отношений. Сказанное актуализирует формирование концептуальной основы развития права и законодательства в условиях технологизации. В связи с этим определение новых технологий в качестве объекта правового регулирования является принципиальным, поскольку выступает условием обеспечения комплексного подхода к правовому регулированию общественных отношений, возникающих на всех этапах обращения таких технологий.

Спецификой современного этапа технологического развития является, во-первых, усложнение, взаимопроникновение и переплетение как самих технологий (информационно-коммуникационных, био-, нано-, когнитивных технологий и иных, что послужило основой концепта «конвергентные технологии» или «NBIC-технологии» [1, с. 96; 2, с. 29]), так и общественных отношений, переживающих «невиданное ускорение развития» [3, с. 11], в том числе в связи с появлением новых высокотехнологичных объектов таких отношений. Во-вторых, происходит массированное проникновение («невероятная и во многих аспектах непредсказуемая» интервенция [4, с. 44]) новых технологий и высокотехнологичных устройств во все сферы социальной жизни (включая сферы жизнедеятельности, здоровья, личной жизни человека, ранее недоступные для внешнего влияния).

Конвергенция технологий, имеющих разное происхождение и входящих при этом в тесное соприкосновение, имеет результатом их срабатывание как частей единого целого. Такие процессы конвергенции обуславливают межсистемные эффекты, для преобразования которых в общий междисциплинарный дискурс требуется «включение в действие механизмов коммуникативной самоорганизации» [1, с. 167–168]. С учетом сказанного конвергенцию технологий и их проникновение во все сферы жизни общества ученые рассматривают в качестве фундамента междисциплинарности нового типа [5], суть которой состоит «не в синергетическом объединении интенсивно развивающихся областей знания, а в создании динамических междисциплинарных границ» [1, с. 168].

Данный вывод, сформулированный применительно к развитию науки в целом, также является актуальным для правовой науки и нормотворчества. В частности, в свете взрывного характера технологического прогресса и отмеченной выше конвергенции технологий особое значение приобретает формирование комплексных межотраслевых юридических конструкций, отвечающих вызовам технологизации. Технологический прогресс, как отмечает В.Н. Синюков, требует пересмотра ряда базовых понятий права, правовых процедур, включая относящиеся к классическим правовым институтам [3, с. 11]. Решение данной проблемы возможно, в том числе, посредством создания *универсальных правовых*

конструкций, применимых к общественным отношениям с вновь возникающими высокотехнологичными объектами и дающих возможность опережающего развития регулятивной и охранительной функций права [6].

Таким образом, особенностью современного этапа развития технологий и права является проникновение новых технологий во все сферы жизнедеятельности социума, в результате чего происходит изменение, в том числе, правовой природы самих общественных отношений. Это еще раз подтверждает объективную потребность *формирования единой концептуальной основы* развития правового регулирования общественных отношений в сфере новых технологий в Республике Беларусь, цель которой – поощрение разработки, приобретения, внедрения таких технологий (вне зависимости от их вида, сферы приложения и способа производства). Вместе с тем необходимо признать чрезвычайную сложность реализации таких комплексных правовых подходов, обусловленную, в первую очередь, проблемами *определения самого объекта* рассматриваемых отношений – новых технологий, для которых, как отмечено выше, характерно опережающее воздействие на общественные отношения по сравнению с уровнем развития законодательства.

Термин «технология» широко вошел в научный, нормотворческий и правоприменительный обиход. Так, международным и национальным законодательством регулируются отношения, связанные с разработкой технологий и правами на них, трансфером и иным обращением технологий, их воздействием на окружающую среду, здоровье человека и др. При этом в нормативных правовых актах, стратегических и программных документах данный термин употребляется как устоявшийся, но его содержание четко не раскрывается. Законодательством Республики Беларусь названный термин используется как самостоятельно, так и с различными уточнениями, отражающими сущность технологии (цифровые, информационные технологии, технологии блокчейн и др.), новизну (новые, новейшие, инновационные, высокие технологии), эффективность (энерго- и ресурсосберегающие технологии и др.), сферу применения (медицинские, банковские, производственные технологии и др.). В научной литературе технологии рассматриваются как совокупность формализованных представлений (технических описаний, чертежей, схем, инструкций, наставлений и т. п.) и концентрированное выражение научных знаний и практического опыта, позволяющие рациональным образом организовать производственный, информационный или социальный процесс [7, с. 474]. Для целей правового регулирования учеными предлагается понимание технологии как методов, способов, этапов, операций, инструментов или их совокупности, позволяющих успешно разрешать поставленную практическую задачу [8] и являющихся частью последовательного технологического процесса [9, с. 252–253].

Следует отметить, что в Республике Беларусь правовая основа формирования условий для распространения новых технологий начала создаваться еще в первое десятилетие становления национального законодательства. Так, правовая сущность таких понятий, как «новые технологии» и «высокие технологии», была определена в связи с реализацией норм Указа Президента Республики Беларусь от 8 июля 1996 г. № 244 «О стимулировании создания и развития в Республике Беларусь производств, основанных на новых и высоких технологиях», что способствовало распространению данных терминов в качестве самостоятельных правовых категорий в действующем законодательстве и позволило, помимо прочего, выстраивать правовую основу для государственной поддержки производств, основанных на новых и высоких технологиях, привлекать инвестиции в эту сферу [10, с. 17].

После этого попытки законодательно определить понятие «новые технологии» предпринимались в Республике Беларусь неоднократно. При этом, во-первых, такие попытки всегда носили ограниченный характер, затрагивая узкий круг субъектов, обусловленный целями принятия того или иного нормативного правового акта; во-вторых, анализируемая правовая категория ни разу не была представлена на уровне закона. Несмотря на это, подход законодателя к определению понятия «новые технологии» на протяжении всего времени,

по сути, не менялся и нашел отражение в действующем в Положении о порядке формирования перечня высокотехнологичных товаров, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 июля 2022 г. № 435. В названном Положении под новыми технологиями понимается «система производственных и иных операций, методов и процессов, обладающая более высокими качественными характеристиками по сравнению с лучшими аналогами, доступными на внутреннем рынке, на определенном сегменте рынка или рыночной ниши, для которых эти технологии являются новыми». На основе анализа приведенного определения к ключевым юридическим признакам новых технологий можно отнести существенное отличие значимых характеристик таких технологий по сравнению с имеющимися аналогами.

Примечательно, что наряду понятием «новые технологии» в нормативных правовых актах, программных документах и стратегиях упоминается целый спектр правовых понятий, имеющих близкое содержание: «инновации», «новшества», «новые (новейшие) технологические решения», «новые технологические процессы», «высокие технологии», «критические технологии», «наилучшие доступные технические методы» и иные.

В частности, заслуживают внимания понятия «инновации» и «новшества», закрепленные Законом Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности». Так, к инновациям в том числе отнесены новые или усовершенствованные технологии, введенные в гражданский оборот или используемые для собственных нужд, а в качестве признаков новшества названы новизна по сравнению с существующими аналогами для определенного сегмента рынка, практическая применимость, способность принести положительный экономический или иной полезный эффект. Как видим, указанные понятия частично пересекаются с вышеприведенным понятием «новые технологии», однако регулируемые названным Законом отношения (осуществление государственной инновационной политики и инновационной деятельности) не затрагивают все сферы, в которых происходит обращение новых технологий и которые испытывают влияние технологизации.

Схожими признаками, как следует из контекста ряда нормативных правовых актов (например, п. 15 Положения о порядке взаимодействия операторов электросвязи, поставщиков услуг электросвязи и владельцев интернет-ресурсов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 18 октября 2022 г. № 368), обладают «новые технологические решения», определение которых законодательство не содержит.

Через сравнение с имеющимися аналогами сформулировано и понятие «наилучшие доступные технические методы», определяемое согласно п. 16 ст. 1 Закона Республики Беларусь в редакции от 17 июля 2023 г. № 294-З «Об охране окружающей среды» через возможность обеспечения уменьшения и (или) предотвращения поступления загрязняющих веществ в окружающую среду, образования отходов производства по сравнению с применяемыми методами и наибольшей эффективности для обеспечения нормативов в области охраны окружающей среды при условии экономической целесообразности и технической возможности их применения.

Приведенные примеры множественности и неоднородности близких понятий, обладающих схожими признаками и определяемых для целей конкретных сфер правового регулирования и нормативных правовых актов, являются еще одним подтверждением необходимости обобщающей правовой категории, закрепление которой позволит устранить имеющуюся в настоящее время разобщенность правового регулирования рассматриваемых общественных отношений. Так, из приведенных законодательных определений видно, что они в большей степени ориентированы на внедрение новых технологий (новшеств, инноваций, новых технологических решений, наилучших доступных технологий и т. п.) в рыночный оборот. Именно поэтому законодатель, как правило, акцентирует внимание на положительном влиянии, более высоких качественных характеристиках и экономической эффективности таких технологий. Однако очевидно, что новые технологии ввиду их

всеобъемлющего характера в условиях современных технологических преобразований выступают объектом более широкого круга общественных отношений.

Вопросы сущности новых технологий как комплексной правовой категории, социально-правового явления и объекта правового регулирования представлены в белорусской юридической науке немногочисленными исследованиями, в том числе являющимися результатом работы авторского коллектива по НИР 7.04.4 по теме «Теоретико-методологические основы формирования регулятивных и охранительных правовых механизмов использования новых технологий» в рамках ГПНИ на 2021–2025 гг. [10, 11, 6]. С учетом содержащихся в названных работах выводов следует отметить, что понятие «новые технологии» должно определяться *в наиболее широком контексте*, как объективная реальность, обусловленная всеобъемлющим характером их проникновения во все сферы функционирования общества и государства [10, с. 18]. Это вытекает из глобального масштаба воздействия новых технологий на общественные отношения, что влечет (и в значительной мере уже повлекло) за собой трансформацию системы права и законодательства, которая затрагивает в том числе форму и содержание самих норм и нормативных правовых актов. При этом авторами отмечается, что новые технологии «предполагают форму технологии, которая больше развита и автоматизирована относительно предшествующей в определенном социальном контексте»; их разработка, развитие, практическое применение «до сих пор в значительной степени не реализованы» [11, с. 322]. В качестве характерных юридически значимых черт новых технологий называют принципиальную новизну, интенсивный (прогрессирующий) рост, согласованность, существенное влияние, а также некоторую неопределенность [11, с. 322].

Как известно, технологическое развитие может существенно преобразовывать объекты общественных отношений не только в позитивном ключе, но и иметь негативное влияние на права и интересы их субъектов. С учетом сказанного полагаем, что *ключевым признаком* новых технологий – существенное отличие по сравнению с имеющимися аналогами – следует формулировать в более широком, универсальном для правовой системы, значении, а именно через наличие у новых технологий не только более высоких качественных характеристик, но и более существенных возможностей воздействия на субъекты, объекты и содержание общественных отношений по сравнению с имеющимися аналогами.

Таким образом, в качестве юридических признаков новых технологий предлагается выделять:

- *принципиальную новизну*, которая проявляется в существенном отличии по сравнению с имеющимися аналогами (в том числе в наличии более высоких качественных характеристик, эффективности в решении задач, проявлений технологической конвергенции, конкурентного преимущества, способности принести положительный эффект в экономической, политической, социальной и иных сферах);

- *более высокую степень воздействия на общественные отношения* (их содержание, объекты, субъекты, модели взаимодействия последних) по сравнению с имеющимися аналогами;

- *практическую применимость*.

С учетом сказанного приведенное выше определение новых технологий, содержащееся в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 1 июля 2022 г. № 435, нуждается, во-первых, в *расширении* – с целью придания данному понятию значения обобщающей правовой категории, а во-вторых, в *закреплении на уровне нормативного правового акта более высокой юридической силы*.

При этом вхождение новых технологий в оборот должно быть обеспечено правовой и технической составляющей. Иными словами, разработка, внедрение и использование технологий, обладающих признаками новизны по сравнению с имеющимися аналогами, должно сопровождаться подготовкой не только технических документов (технических регламентов, технических стандартов, алгоритмов и др.), но и соответствующей правовой основы (помимо технических нормативных правовых актов), формирование которой занимает

длительное время и нередко осложняется проблемами существования объективных и субъективных пределов правового регулирования рассматриваемых отношений [10, с. 20–21].

Сказанное позволяет сделать вывод о назревшей потребности преодоления разрозненности, фрагментарности правовых норм и отражения в праве процессов развития новых технологий в различных сферах, что может быть обеспечено принятием *консолидирующего законодательного акта*, объектом регулирования которого является максимально широкий круг общественных отношений в сфере новых технологий. При этом важен охват таким комплексным актом всего спектра указанных отношений: начиная от научной разработки или приобретения новых технологий, внедрения инноваций до использования новых технологий конечными потребителями и обеспечения защиты прав и интересов участников вновь возникших общественных отношений.

По нашему мнению, придание правовому понятию «новые технологии» всеобщего характера является важнейшим условием упорядочения всей совокупности отношений, объектом которых выступают такие технологии, и *формирования межотраслевого массива правовых норм*, имеющего *сквозное действие* для уже сложившихся отраслей права. Это возможно посредством закрепления универсальных правовых конструкций, применимых ко всем общественным отношениям в сфере новых технологий, в том числе к отношениям с вновь возникающими высокотехнологичными объектами, и дающих возможность опережающего развития регулятивной и охранительной функций права [6, с. 7–8]. Для определения эффективности технологий, предоставляющих новые возможности решения стоящих перед обществом задач, требуется разработка системы методов сравнительной оценки и оптимизации технологий, критериев их эффективности, а также принципов проектирования перспективных средств для реализации эффективных технологий нового поколения, что является задачей ряда новых направлений фундаментальной науки, одним из которых является формирование науки о технологиях [12, с. 46].

Таким образом, на современном этапе технологического развития сформировались общественные отношения, обладающие признаком однородности ввиду особенностей их объекта – новых технологий. Юридическая сущность последних может быть выражена через признаки принципиальной новизны и более высокой степени воздействия на общественные отношения по сравнению с имеющимися аналогами, практической применимости. Правовое упорядочение таких общественных отношений, обеспечение защищенности их субъектов и повышение уровня стабильности правовой системы может быть обеспечено лишь при условии реализации системных мер, направленных на инновационное развитие государства, общества и национальной экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция: под ред. проф. Д.И. Дубровского. – М.: ООО «Изд.-во МБА», 2013. – 272 с.
2. Петрова Е.А. Механизм конституционного правотворчества в США как проявление конвергенции в праве // Вестник РУНД. Серия: Юрид. науки. – 2017. – Т. 21. – № 1. – С. 28–52.
3. Синюков В.Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica (Русский закон). – 2021. – № 2. – С. 9–20.
4. Ключанова Л.Г. К вопросу о правовой институализации биотехнологий в целях обеспечения устойчивого развития // Биоэкономика: доктрина, законодательство, практика / отв. ред. А.А. Мохов, О.В. Сушкова. – М.: Проспект, 2021. – С. 42–56.
5. Кравченко А.И. Конвергентные технологии и междисциплинарность нового типа // Мировая наука. – 2019. – № 1 (22). – С. 165–171.
6. Шахрай И.С. Юридическая ответственность в условиях развития новых технологий: некоторые межотраслевые проблемы // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. – 2025. – Т. 11. – № 1. – С. 6–15.

7. Колин К.К. Технология как наука: социальные критерии эффективности новых технологий // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Материалы XIX Национальной научной конференции «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». – М.: ИНИОН РАН, 2020. – С. 473–477.
8. Рожкова М.А., Исаева О.В. Понятие «технология» в контексте российского права // Хозяйство и право. – 2021. – № 3. – С. 21–29.
9. Шарно О.И. Соотношение категорий «техника» и «технология» в контексте правореализации // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. – 2012. – № 1 (16). – С. 251–257.
10. Шахрай И.С., Кузьмич И.П. Право в эпоху новых технологий: тенденции и перспективы развития // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2022. – № 1. – С. 16–23.
11. Минько Н.С., Слижевская О.В. Сущность и особенности новых технологий как социально-правовых явлений // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений: Сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редколл.: О.И. Чуприс (гл. ред.) [и др.]. – Минск: ИВЦ Минфина, 2022. – Вып. 4. – С. 321–330.
12. Колин К.К. Технология как наука: социальные критерии эффективности новых технологий // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление: электронное научное издание. 2020. – Т. 16. – № 1 (46). – С. 39–48.

УДК 347.412.8:347.42

**НЕУСТОЙКА КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ЕЕ
СООТНОШЕНИЕ С ДРУГИМИ СПОСОБАМИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
PENALTY AS A WAY OF ENSURING THE FULFILLMENT OF OBLIGATIONS, ITS
RELATIONSHIP WITH OTHER WAYS OF ENSURING OBLIGATIONS**

Бородина Жанна Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП),
Российская Федерация, г. Казань
borodinazhn@yandex.ru

Олимова Роза Мукумовна,
кандидат юридических наук, доцент,
Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП),
Российская Федерация, г. Казань
olimova-roza@mail.ru

Borodina Zhanna,
Candidate of Legal Sciences (PhD), Associate Professor,
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML),
Russian Federation, Kazan

Olimova Rosa,
Candidate of Legal Sciences (PhD), Associate Professor,
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML),
Russian Federation, Kazan

Аннотация. В статье проводится соотношение неустойки с другими способами обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств, такими как, удержание вещи, поручительство, независимая гарантия, задаток, обеспечительный платеж. В результате анализа данных способов обеспечения исполнения обязательств, авторы приходят к выводу о том, что, несмотря на общие черты, присущие неустойке и другим способам обеспечения исполнения обязательств, между ними имеются отличия. В частности, различия неустойки и удержания вещи заключаются в предмете и основании возникновения. От поручительства неустойка отличается по правовым последствиям и кругу обеспечиваемых обязательств. Независимая гарантия отличается от неустойки по субъектному составу. В отличие от неустойки задаток вносится до обеспечиваемого обязательства и является частью суммы основного обязательства. Обеспечительный платеж призван обеспечивать не только договорные, но и внедоговорные обязательства. На этом основании делается вывод об уникальности неустойки, поскольку она приспособлена только для обеспечения договорных обязательств. Другие же способы свою универсальность проявляют в обеспечиваемых обязательствах, не ограничивающихся договорным основанием возникновения.

Ключевые слова: неустойка, удержание, поручительство, независимая гарантия.

Abstract. The article compares the penalty with other methods of ensuring the fulfillment of civil obligations, such as retention of property, surety, independent guarantee, earnest money, and security payment. As a result of the analysis of these methods of ensuring the fulfillment of obligations, the authors come to the conclusion that, despite the common features inherent in the penalty and other methods of ensuring the fulfillment of obligations, there are differences between them. In particular, the differences between the penalty and retention of property lie in the subject and basis of occurrence. The penalty differs from the surety in legal consequences and the range of secured obligations. An independent guarantee differs from the penalty in the subject composition. Unlike the penalty, the earnest money is paid before the secured obligation and is part of the amount of the main obligation. The security payment is intended to secure not only contractual, but also non-contractual obligations. On this basis, a conclusion is made about the uniqueness of the penalty, since it is adapted only to secure contractual obligations. Other methods demonstrate their universality in secured obligations that are not limited to the contractual basis of occurrence.

Keywords: penalty, retention, surety, independent guarantee.

Правовой институт способов обеспечения исполнения обязательств представляет собой комплекс мер имущественного характера, возникающих как на основе закона, так и договора, призванных побудить должника к надлежащему исполнению и направленные на соблюдение требований кредитора при ненадлежащем исполнении обязательства или вовсе его неисполнение. Способы обеспечения добавляют в инструментарий кредитора дополнительные инструменты по стимулированию к надлежащему исполнению обеспеченного обязательства [1, с. 209].

Ст. 329 ГК РФ регламентирован перечень способов обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств, который включает: неустойку, залог, удержание вещи, поручительство, независимую гарантию, задаток, обеспечительный платёж. Стоит отметить, что приведённый перечень не является закрытым, то есть законом или договором могут быть предусмотрены и иные, так называемые непоименованные способы обеспечения исполнения обязательств (к примеру, товарная неустойка, титульное обеспечение, государственная или муниципальная гарантия).

Способам обеспечения исполнения обязательств характерны стимулирующая и компенсационная функции. Каждый способ обеспечения, при отдельном рассмотрении, включает в себя ещё несколько функций. Так, задаток несёт под собой доказательственную, платежную и обеспечительный функции. Но в рамках сравнительного анализа их объединяют именно компенсация и стимуляция.

Итак, рассмотрим, как неустойка соотносится с другими способами исполнения обязательств. Одним из способов обеспечения исполнения обязательств ГК РФ называет удержание имущества должника. Под удержанием вещи в отечественном гражданском законодательстве понимается способ обеспечения исполнения обязательства, при котором «кредитор, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику, либо лицу, указанному должником, вправе, в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи или возмещению кредитору этой вещи, вправе удерживать её до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено».

Исходя из определения удержания вещи, уже можно определить заметные различия с неустойкой. Предметом удержания является, прежде всего, вещь и расходы на её содержание, тогда как неустойка признаётся только в денежной форме. Товарная неустойка, которая позволяет сменить денежные средства на вещи, определяемые родовыми признаками, выделяется лишь в качестве непоименованного способа обеспечения [2, с. 24].

Удержание вещи по своему механизму воздействия зависит от субъектного состава основного обязательства. Если в нём участвуют лица, не осуществляющие предпринимательскую деятельность, то удержанием будут обеспечиваться сугубо требования по стоимости вещи и затрат на её содержание.

В свою очередь, для субъектов предпринимательской деятельности, удержанием могут обеспечиваться любые обязательства, так или иначе, исходящие из основного. Так, например, в соответствии со ст. 712 ГК РФ подрядчик обладает правом удержания результата работ, оборудования заказчика, использованного в ходе осуществления договора подряда, а также неиспользованного материала, в случае неисполнения обязанности кредитора по уплате установленной договором цены.

Учитывая также и то, что удержание вещи может быть применимо как к договорным, так и внедоговорным обязательствам, вырисовывается второй отличительный признак, в сравнении с неустойкой это различия по основанию возникновения. Неустойка характерна для обеспечения только договорных обязательств [3, с. 97].

Конечно, можно усмотреть и факт сходства в исчислении сравниваемых способов обеспечения, поскольку сам момент перехода вещи должника во временное владение кредитора может быть расценён как аналог неустойки в форме штрафа, поскольку происходит единовременно, а издержки по содержанию вещи неустойки в форме пени в силу исчисления определённой суммы за промежуток времени. Что весьма похоже на исчисление товарной неустойки. Однако в отношении удержания вещи она приобретает комбинированный характер, тогда как для неустойки необходим выбор одной из перечисленных форм.

Следующий способ обеспечения исполнения обязательства – это поручительство, то есть способ обеспечения исполнения обязательств, подразумевающий элемент посредничества в обеспечительных мерах, а именно – поручителя. Суть поручительства состоит в возможности кредитора, в случае нарушения основного обязательства, возложить ответственность как на должника, так и на поручителя. В то же время, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником своего обязательства, у поручителя, по отношению к кредитору, возникает обособленное обязательство по исполнению обязательства, не удовлетворённого должником, полностью или в части.

На стадии формирования понятийного аппарата поручительства, можно заметить характерные отличия в правовых последствиях сравниваемых способов обеспечения. Если неустойка предполагает сугубо денежную форму ответственности, то поручительство представляет собой иной субъектный состав обеспечения, предусматривающий наличие третьего лица (поручителя), у которого, при определенных обстоятельствах, возникает самостоятельная ответственность перед кредитором.

Хотя в ГК РФ и не зафиксировано, распространяются ли положения о поручительстве на внедоговорные обязательства, прибегая к разъяснениям, установленным в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 45 «О некоторых

вопросах разрешения споров о поручительстве», согласно которым вышеупомянутый способ обеспечения исполнения обязательств может на равной основе применяться как к договорным обязательствам, так и обязательствам, возникающим из иных оснований (деликтные обязательства, обязательства из неосновательного обогащения) [4]. На этом основании можно установить второе отличие от неустойки, характерное и для удержания вещи – это спектр обеспечиваемых обязательств, подразумевающий регулирование как договорных, так и внедоговорных обязательств, тогда как последняя категория не относится к неустойке.

Поручительство и неустойка имеют идентичные основания возникновения: закон и договор. Однако, если по механизму действия законная неустойка мало отличается от договорной только в части касающейся её размера, поручительство предполагает особый случай при обеспечении, поскольку должник, будучи субъектом основного обязательства, не является субъектом в договоре поручения в виду того, что между кредитором и поручителем зарождается иное обязательственное правоотношение. Законное поручительство, в свою очередь, не предполагает такого механизма и заранее определяет лицо, которое будет являться поручителем.

Стоит также отметить и схожесть в форме заключения договоров неустойки и поручительства, которые, вне зависимости от формы основного обязательства, должны быть заключены в письменной форме. В ином случае, оба способа обеспечения признаются недействительными [5, с. 5].

Не отходя далеко от тематики посредников при обеспечении исполнения обязательств, невозможно не упомянуть и независимую гарантию. По своей сути, она является более проработанной и детализированной версией поручительства, обусловленной тем, что гарантом в таких правоотношениях всегда должны быть банки или иные кредитные организации, а также коммерческие организации. Однако закон допускает и выдачу гарантии некоммерческой организацией, при этом перенося подобные гарантии в рамки поручительства.

Ссылаясь на норму ст. 368 ГК РФ, согласно которой «гарант принимает на себя по просьбе другого лица (принципала) обязательство уплатить указанному им третьему лицу (бенефициару) определенную денежную сумму в соответствии с условиями данного гарантом обязательства независимо от действительности обеспечиваемого такой гарантией обязательства», можно сказать, что всё же порядок действия, по сравнению с поручительством имеет несколько иной характер.

Независимая гарантия, исходя из названия, не предполагает какой-либо связи с основным обязательством, которое она призвана обеспечить, и скорее, играет роль финансового инструмента, позволяющего кредитору без какой-либо претензионной, исковой работы и судебных разбирательств взыскать сумму, подлежащую уплате должником в случае нарушения обязательства.

Проводя аналогию с неустойкой, параллельную сравнению неустойки с поручительством, налицо очевидный факт, что различия в субъектном составе всё также остались, однако ещё прибавились и специальные требования к гарантам, предусмотренные п. 3 ст. 368 ГК РФ.

Исходя из сути независимой гарантии, представляющей из себя требование, выраженное в денежной форме, что невольно навеивает на мысль о сходстве с неустойкой. Не стоит забывать и про норму п. 5 ст. 368 ГК РФ, которая допускает не только денежное выражение, но и передачу ценных бумаг или вещей, определённых родовыми признаками, что в случае с неустойкой, недопустимо.

Однако они схожи в компонентах обеспечиваемых обязательств в контексте их содержания. И неустойка, и независимая гарантия могут обеспечивать как денежные, так и неденежные обязательства (например, работы по договору подряда). Прибегая к расширительному толкованию п. 1 ст. 368 ГК РФ, мы полагаем, что независимая гарантия может обеспечивать только договорные отношения несмотря на то, что обязательство

гаранта перед принципалом при выплате денежной суммы не может быть оговорено гарантом, это не исключает того, что должник не укажет на разные основания выплаты гарантии. Из этого следует, что требования по внедоговорным обязательствам не могут быть обеспечены независимой гарантией, что, безусловно «роднит» её с неустойкой.

Ст. 380 ГК РФ в качестве способа обеспечения исполнения обязательства называет также и задаток. Так, «задатком признаётся денежная сумма, выдаваемая одной из договаривающихся сторон в счёт причитающихся с неё по договору платежей стороне, в доказательство заключения договора и в обеспечение его исполнения» [6, с. 111].

Форма соглашения о задатке письменная, однако, в отличие от всех остальных обеспечительных мер, в отношении задатка не предусмотрена его недействительность в случае несоблюдения формы соглашения. Соответственно, при несоблюдении формы соглашения задатка, применяются общие последствия несоблюдения простой письменной формы сделок, а именно: лишает стороны возможности ссылаться на показания свидетелей в случае возникновения гражданско-правового спора.

Суть обеспечительной функции задатка раскрывается при неисполнении договора. Если договор не исполнен по вине стороны, давшей задаток, то он остаётся у другой стороны. Если договор не исполнен по вине стороны, взявшей задаток, то он должен быть возвращён, причём в двойном размере. Таким образом, можно сказать, что данный способ обеспечения исполнения обязательств является таковым для обеих договаривающихся сторон, а не только для кредитора. Интересен также и тот факт, что при возникновении убытков, вызванных неисполнением обязательства, они взыскиваются в размере, не покрытым задатком, что напоминает, по своему механизму, зачетную неустойку, где убытки возмещаются в аналогичном порядке. Однако задаток служит обеспечением исполнения обязательств только в случае неисполнения. Не предусмотрено его действие в случае ненадлежащего исполнения обязательства.

Помимо обеспечительной функции, у задатка выделяют ещё две функции: доказательственная, то есть получение задатка служит доказательством заключения договора, что обуславливает обеспечение сугубо договорных обязательств; и платёжная, заключающаяся в том, что задаток – часть основной суммы, подлежащей уплате по договору. Производится это до получения товара, получения результатов работ, либо оказания услуг. В последующем лицо, выдавшее задаток, уплачивает оставшуюся сумму за вычетом задатка.

По своей природе, задаток очень похож на неустойку, ведь он также предусмотрен только в денежной форме и обеспечивает только договорные обязательства. Однако те обстоятельства, что он вносится до обеспечения обязательства и является частью суммы основного обязательства, выделяют его из сравнения с неустойкой, приобретая некоторые черты аванса.

Еще один способ обеспечения исполнения обязательства – обеспечительный платеж. Под обеспечительный платеж, в соответствии со ст. 381.1 ГК РФ, понимается денежная сумма, предусмотренная соглашением сторон, и уплачиваемая должником при заключении денежного обязательства, в его обеспечение [7, с. 16]. Денежное обязательство может быть проявлено в совершенно разных формах, например, обязанность возмещения убытков или обязанность по выплате других способов обеспечения.

Все названные обязательства объединяет один фактор, то есть они с одинаковой вероятностью могут наступить или не наступить. В случае их наступления причинённые убытки оплачиваются из обеспечительного платежа, в обратном случае обеспечительный платёж подлежит возврату, если иное не предусмотрено соглашением сторон.

С учётом оговорки законодателя на то, что обеспечительный платёж может выполнять свою функцию и относительно обязательств, которые возникнут в будущем, что, кстати, вытекает из сути данного способа обеспечения, резонно предположить, что помимо договорных правоотношений, в нём могут присутствовать и внедоговорной элемент, например, причинение вреда несовершеннолетним или деликтные обязательства, что не противоречит букве закона.

Исходя из этого, можно сказать, что в сравнении с неустойкой, обеспечительный платёж также выражен в денежной форме, однако призван обеспечивать не только договорные, но и внедоговорные обязательства и представляет совершенно уникальную конструкцию. Проводя аналогию с простыми вещами, можно назвать его «кубышкой», из которой, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, кредитор сможет компенсировать материальные потери.

Завершая список поименованных способов обеспечения исполнения обязательств, залог как обеспечительная мера понимается законодателем в п.1 ст. 334 ГК РФ, так: «в силу залога кредитор по обеспеченному залогом обязательству (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества (предмета залога)» [8, с. 115].

Из понятия залога можно выделить два основных определяющих фактора, отличающих залог от неустойки. Во-первых, вещная форма обеспечения, поскольку предметом залога является строго определённая вещь. Но в этой связи стоит отметить, что материальные убытки, вызванные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, компенсируются не переходом права собственности на предмет залога или его части, а его стоимостному эквиваленту. Во-вторых, из понятия следует, что залоговым обязательством могут быть обеспечены все обязательства, предметом которых является уплата денежных средств. В этом плане залог не имеет привязки к основанию возникновения обязательства, он может быть как договорным, так и внедоговорным.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно заключить, что в сравнении с другими способами обеспечения исполнения обязательств, неустойка в своём роде является уникальной, поскольку приспособлена только для обеспечения договорных обязательств, и в этом ей нет равных, в силу невероятной гибкости условий и порядка начисления. Другие же способы свою универсальность проявляют в обеспечиваемых обязательствах, не ограничивающихся договорным основанием возникновения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бевзенко Р.С. Акцессорность обеспечительных обязательств. – М.: Изд-во Статут, 2013. – 313 с.
2. Белов В.А. Уменьшение неустойки: Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1. Извлечение. Комментарии // Банковское право. – 2000. – № 3. – С. 19–38.
3. Гришин Д.А. Неустойка: теория, практика, законодательство. – М.: Статут, 2005. – 172 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве». – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/29544/?ysclid=m8wwacoy82110241510> (дата обращения 25.08.2025).
5. Жиленкова Т.В. Признаки способов обеспечения исполнения обязательств // ГлаголЪ правосудия. – 2020. – № 2 (24). – С. 3–6.
6. Комиссарова Е.Г. Непоименованные способы обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве России. – М.: Юстицинформ, 2022. – 184 с.
7. Полоус Е.А. Обеспечения обязательств как способ снижения риска их неисполнения // Международный бухгалтерский учёт. – 2011. – № 46. (196). – С. 18.
8. Ряховская Я.О., Тверитинова О.Г. Неустойка как форма гражданско-правовой ответственности // Экономика. Социология. Право. – 2021. – № 2 (22). – С. 113–116.

**ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ КРИТЕРИЕВ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
INTENSIFICATION OF CIVIL-LEGAL MEANS OF ENSURING NATIONAL
ECONOMIC SECURITY THROUGH THE PRISM OF CRITERIA OF EFFECTIVENESS
OF CIVIL LEGISLATION**

Гладкая Екатерина Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
gladkaya@economics.basnet.by

Gladkaya Ekaterina,
Candidate of Legal Sciences (PhD), Associate Professor,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. Содержание научной статьи построено на исключительной важности правовых (в том числе гражданско-правовых) средств в вопросах обеспечения национальной экономической безопасности. На основании сформированных представителями отечественной и российской правовой науки выводов относительно классификации правовых средств обеспечения экономической безопасности, показателей оценки их качества, а также критериев эффективности гражданского законодательства автором внесены рекомендации и предложения по видам гражданско-правовых средств обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь и направлениям их совершенствования.

По мнению автора, изменения должны затронуть гражданско-правовые средства обеспечения экономической безопасности в сфере интеллектуальной собственности, в сфере защиты нематериальных благ, в сфере правового регулирования наследственных отношений, вещно-правовые и обязательства-правовые средства обеспечения экономической безопасности. Выработанные рекомендации и предложения предусматривают систематизацию, дополнение и повышение стабильности гражданско-правовых норм в указанной сфере.

Ключевые слова: экономическая безопасность, правовое обеспечение экономической безопасности, гражданское право, гражданско-правовые средства обеспечения экономической безопасности, гражданские правоотношения.

Abstract. The content of the scientific article is based on the exceptional importance of legal (including civil law) means in matters of ensuring national economic security. Based on the conclusions formed by representatives of domestic and Russian legal science regarding the classification of legal means of ensuring economic security, indicators for assessing their quality, as well as criteria for the effectiveness of civil legislation, the author made recommendations and proposals on the types of civil law means of ensuring economic security of the Republic of Belarus and areas for their improvement.

According to the author, the changes should affect civil law means of ensuring economic security in the sphere of intellectual property, in the sphere of protection of intangible assets, in the sphere of legal regulation of inheritance relations, property and obligation-law means of ensuring economic security. The developed recommendations and proposals provide for the systematization, supplementation and increase in the stability of civil law norms in this area.

Keywords: economic security, legal support for economic security, civil law, civil law means of ensuring economic security, civil legal relations.

В современных геоэкономических условиях правовые средства обеспечения экономической безопасности имеют ничуть не меньшее значение наряду с политическими, экономическими и другими средствами. Вместе с тем отечественными учеными вопросы их совершенствования в достаточной степени не изучены.

Российскими учеными правовые средства обеспечения экономической безопасности, как правило, классифицируются по отраслевой принадлежности. Так, с точки зрения И.Х. Еркеева, государственно-правовой механизм обеспечения экономической безопасности составляют конституционно-правовые, уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, финансово-правовые, административно-правовые, гражданско-правовые и другие средства обеспечения экономической безопасности [1, с. 35]. Поскольку вопросы обеспечения экономической безопасности преимущественно имеют имущественный характер, в рамках данного исследования будет уделено внимание классификации гражданско-правовых средств обеспечения экономической безопасности и выявлению проблем, существующих в сфере их применения.

А.В. Трофименко предлагает гражданско-правовые средства обеспечения экономической безопасности классифицировать по следующим основаниям: вещно-правовые средства обеспечения экономической безопасности; обязательственно-правовые средства обеспечения экономической безопасности; гражданско-правовые средства обеспечения экономической безопасности в сфере интеллектуальной собственности; гражданско-правовые средства обеспечения экономической безопасности в сфере правового регулирования отношений с иностранным элементом [2, с. 254–262]. Полагаем, что данная классификация не является универсальной и должна быть дополнена общими гражданско-правовыми средствами обеспечения экономической безопасности (основные начала гражданского законодательства), гражданско-правовыми средствами обеспечения экономической безопасности в сфере защиты нематериальных благ и гражданско-правовыми средствами обеспечения экономической безопасности в сфере правового регулирования наследственных отношений.

Представителями российской юридической науки также предложены показатели для оценки качества гражданско-правового регулирования обеспечения экономической безопасности. В частности, Т. В. Казанина, Р. В. Шагиева к ним относят:

1. данные, характеризующие динамику числа индивидуальных предпринимателей;
2. данные, характеризующие динамику числа коллективных образований, занимающихся предпринимательской деятельностью;
3. данные судебной статистики о количестве дел, рассматриваемых арбитражными судами за год;
4. статистические данные по защите прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в административном порядке [3, с. 96–102].

Из анализа выделенных Т.В. Казаниной и Р.В. Шагиевой показателей, следует вывод о том, что их применение может способствовать формированию представления об эффективности гражданско-правового регулирования обеспечения экономической безопасности, но лишь в части осуществления предпринимательской деятельности и защиты интеллектуальной собственности. Формирование целостного представления о качестве гражданско-правового обеспечения экономической безопасности невозможно без комплексного исследования и оценки гражданско-правовых средств обеспечения экономической безопасности, при которых требуется исходить из выработанных отечественной правовой наукой критериев эффективности гражданского законодательства – стабильность, достаточность и системность [4, с. 3].

Законодательство Республики Беларусь, закрепляющее гражданско-правовые средства обеспечения экономической безопасности, в период с 2021 по 2025 гг. претерпело

существенные изменения (в новой редакции изложен Раздел V «Интеллектуальная собственность» Гражданского кодекса Республики Беларусь [5] (далее – ГК Республики Беларусь), внесены изменения в Раздел VI «Наследственное право» ГК Республики Беларусь и прочее). Таким образом сделаны первые шаги на пути к систематизации гражданского законодательства в этой сфере. Вместе с тем нельзя сделать вывод о его достаточной системности. Критерии стабильности и достаточности также не выдерживаются (пример – гл. 8 ГК Республики Беларусь). Это влечет за собой возникновение ряда правоприменительных проблем, а также наличие «неработающих» норм (например, п. 1 ст. 387 ГК Республики Беларусь). В этой связи требуется констатировать недостаточный уровень эффективности гражданского законодательства в вопросах обеспечения экономической безопасности.

Принимая во внимание главным образом имущественный характер отношений, регулируемых гражданским законодательством, в качестве основного направления совершенствования гражданско-правовых средств обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь предлагается определить уточнение категории «имущество», имеющей системообразующую роль в гражданском праве, но не используемой в едином, общепринятом значении. Данное обстоятельство затрудняет ее применение и влечет за собой необходимость установления значения указанного понятия в каждом конкретном случае, путем толкования нормы, в которой оно содержится.

В настоящее время категория «имущество» применима к большинству групп гражданских правоотношений – вещным; обязательственным; отношениям, основанным на праве интеллектуальной собственности; наследственным правоотношениям и другим. По этой причине выработка единого понимания категории «имущество» позволит решить проблемы, возникающие в ходе осуществления субъектами гражданских правоотношений, носящих имущественный характер, взятых на себя прав и обязанностей. Другими словами, уточнение категории «имущество» задаст вектор совершенствования гражданско-правовых средств обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь.

По нашему мнению, вся совокупность объектов гражданских прав должна быть разделена на две группы – простые объекты гражданских прав и комплексные объекты гражданских прав, к числу которых предлагается отнести имущественный комплекс, а также имущество (как совокупность вещей, находящихся на праве собственности у субъекта гражданских правоотношений). Соответствующий подход предлагается закрепить путем внесения изменений в ст. 128 ГК Республики Беларусь.

Статью 132 ГК Республики Беларусь требуется дополнить понятием «имущественный комплекс» в следующей редакции: «имущественный комплекс – это совокупность имущества, обязательственных и исключительных прав, нематериальных благ, имеющих денежную оценку, находящаяся в собственности субъекта гражданских правоотношений или принадлежащая ему на праве хозяйственного ведения или оперативного управления».

В качестве известных правовой системе Республики Беларусь имущественных комплексов предлагается рассматривать казну Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц; предприятие – единый имущественный комплекс юридического лица – коммерческой организации, предназначенный для осуществления предпринимательской деятельности; имущественный комплекс юридического лица – некоммерческой организации; имущественный комплекс организации без статуса юридического лица; домохозяйство.

Поскольку категория «имущество» выступает базовой для вещных правоотношений, а последние в свою очередь являются основой для возникновения обязательственных, наследственных и иных видов гражданских правоотношений, предлагается исходить из изменения подходов к определению категории «имущество» именно в данном контексте.

К иным направлениям совершенствования гражданско-правовых средств обеспечения экономической безопасности требуется отнести:

– дальнейшую систематизацию правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере интеллектуальной собственности; исключение дублирования правовых норм ГК Республики Беларусь в иных нормативных правовых актах, регулирующих схожие общественные отношения.

Отличительной особенностью и одновременно недостатком гражданско-правового закрепления средств обеспечения экономической безопасности в сфере интеллектуальной собственности является значительное количество правовых норм (например, ст. 979, 981, 990, 998, 1008 ГК Республики Беларусь), указывающих на необходимость применения при использовании объектов интеллектуальной собственности иных актов законодательства (Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» [6], Закона Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 214-З «О правовой охране топологий интегральных микросхем» [7], Закона Республики Беларусь от 17 июля 2002 г. № 127-З «О географических указаниях» и прочих). Вследствие этого можно констатировать отсутствие системообразующей роли ГК Республики Беларусь в вопросах закрепления средств обеспечения экономической безопасности в сфере интеллектуальной собственности, что, по нашему мнению, негативным образом сказывается на эффективности гражданско-правового обеспечения экономической безопасности в целом. Наряду с этим часть норм, закрепленных в ГК Республики Беларусь, практически дословно дублируется в иных нормативных правовых актах, регулирующих отношения, основанные на интеллектуальной собственности, что не соответствует принципу нормативной экономии.

Решение обозначенных проблем видится в применении так называемой «регуляторной гильотины», которая позволяет пересмотреть и при необходимости отменить нормативные правовые акты, оказывающие негативное влияние на эффективность правового регулирования тех или иных групп отношений. При этом в решении вопросов, касающихся правового регулирования отношений, основанных на праве интеллектуальной собственности, считаем, что системообразующая роль должна быть возвращена ГК Республики Беларусь.

Полагаем, что совершенствование гражданско-правового регулирования отношений, основанных на праве интеллектуальной собственности, позволит обеспечить непрерывность процесса создания и внедрения инноваций, что, как отмечают В.А. Клименко, В.Л. Гурский, О.М. Мазуренко, является «<...> важнейшим условием достижения и сохранения высокой конкурентоспособности национальных экономик и коммерческих организаций <...>» [8, с. 310];

– внесение комплексных изменений в гл. 8 ГК Республики Беларусь «Нематериальные блага» и отражения в ней правового режима основных нематериальных благ (в том числе относящихся к биометрическим персональным данным); разработка специальных способов охраны и защиты прав на них, отвечающих современным вызовам и угрозам, обусловленных стремительным развитием технологий.

Основу правового регулирования общественных отношений, складывающихся по поводу нематериальных благ, составляют нормы гл. 8 ГК Республики Беларусь. В действующей редакции данная глава включает в себя три статьи (ст. 151–153), в которых закреплён открытый перечень нематериальных благ, определены основания и условия компенсации морального вреда, основания и порядок защиты чести, достоинства и деловой репутации. Наряду с этим не установлен правовой режим нематериальных благ в отдельности, не определены особенности их правовой охраны и защиты. Поэтому в действующей редакции указанная глава представляется незавершённой.

Развитие технологий искусственного интеллекта, в том числе дипфейк-технологий, усугубляет проблему отсутствия должного правового регулирования использования, охраны и защиты нематериальных благ. В этом контексте наиболее уязвимыми к незаконному использованию представляются права на изображение, голос, иные биометрические данные;

– расширение практики применения положений п. 1 ст. 387 ГК Республики Беларусь как правовой нормы, включающей в себя одно из основных обязательственно-правовых средств обеспечения экономической безопасности.

Согласно п. 1 ст. 387 ГК Республики Беларусь если в результате издания акта государственного органа исполнение обязательства становится невозможным полностью или частично, обязательство прекращается полностью или в соответствующей части. Стороны, понесшие в результате этого убытки, вправе требовать их возмещения в соответствии с законодательством. Заметим, что приведенная норма приобретает особое значение в складывающихся неблагоприятных условиях развития экономических отношений между Республикой Беларусь и отдельными зарубежными странами.

– рассмотрение вопроса о выделении отдельной очереди наследников по закону для административно-территориальных единиц, определяемых по месту нахождения наследуемого имущества, что исключит необходимость признания наследства выморочным. Внесение соответствующих изменений также потребуются в п. 1 ст. 1037 ГК Республики Беларусь.

На основании Закона Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З «Об изменении кодексов» [9] в новой редакции была изложена ст. 1039, внесены изменения в п. 1 ст. 1086 ГК Республики Беларусь. Согласно внесенным изменениям, выморочным признается не имущество (как это было в предыдущей редакции), а наследство в целом, в том числе права и обязанности, принадлежавшие наследодателю на момент открытия наследства, существование которых не прекращается его смертью, которое переходит в собственность административно-территориальной единицы по месту нахождения соответствующего имущества, входящего в состав наследства, и признается принадлежащим административно-территориальной единице со дня открытия наследства (п. 3 ст. 1039 ГК Республики Беларусь). Административно-территориальная единица, в собственность которой перешло выморочное наследство, отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к ней наследственного имущества, определяемой на день открытия наследства (п. 1 ст. 1086 ГК Республики Беларусь). В результате механизм универсального правопреемства, характерный для наследования по закону и по завещанию, был распространен на переход выморочного наследства в собственность административно-территориальной единицы (отсутствие которого ранее исключало погашение долгов наследодателя за счет выморочного имущества).

Внесенные изменения фактически приравнивали административно-территориальные единицы к наследникам по закону, тем самым поставив под сомнение необходимость существования института выморочного имущества как такого (напомним, что значение института выморочного имущества заключается во включении в гражданский оборот бесхозяйного имущества с целью его дальнейшего эффективного использования).

Таким образом, тезисно рекомендации по интенсификации гражданско-правовых средств обеспечения экономической безопасности можно изложить в следующем виде:

1. для повышения эффективности гражданско-правового обеспечения экономической безопасности исключить дублирование правовых норм, регулирующих сходные правоотношения, закрепленные в нормативных правовых актах разной юридической силы;
2. разработать механизм применения «регуляторной гильотины» к нормативным правовым актам, оказывающим негативное влияние на эффективность применения гражданско-правовых средств обеспечения экономической безопасности;
3. вернуть ГК Республики Беларусь системообразующую роль в вопросах гражданско-правового обеспечения экономической безопасности;
4. провести систематизацию и дополнительную проработку норм гл. 8 Раздела I, гл. 13–20 Раздела II ГК Республики Беларусь с учетом внесенных предложений в рамках проведенного исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Еркеев И.Х. Право государственной собственности как средство обеспечения экономической безопасности Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – № 4. – С. 35–37.
2. Трофименко А.В. Гражданско-правовые средства обеспечения экономической безопасности РФ // Экономическая безопасность России: вызовы XXI века: Материалы межд. научно-практ. конф. / г. Саратов, (15 марта 2016 г.). – Саратов, 2016. – С. 254–263.
3. Казанина Т.В., Шагиева Р.В. Актуальные показатели качества гражданско-правового регулирования в контексте обеспечения экономической и социальной безопасности Российского государства // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2017. – № 1 (44). – С. 96–102.
4. Бондаренко Н.Л. К вопросу об эффективности гражданского законодательства // Общество, право, личность: вопросы взаимодействия в современном мире: выпуск второй: Сб. ст. междунар. науч.-практ. заоч. конф. / г. Минск, (6–10 апреля 2016 г.). – Минск, 2017. – С. 3–5.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь: 7 декабря 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г. (ред. от 17.02.2025) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
6. О географических указаниях: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2002 г. № 127-З (ред. от 09.01.2023) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
7. Об авторском праве и смежных правах: Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З (ред. от 09.01.2023) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
8. Клименко В.А., Гурский В.Л., Мазуренко О.М. Теоретические основы трансфера технологий // Экономическая наука сегодня. – 2017. – № 5. – С. 309–317.
9. Об изменении кодексов: Закон Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

УДК 316.775.4:330.1:340.115.5(476)

ВНЕСУДЕБНЫЕ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ EXTRA-JUDICIAL FORMS OF CONSUMER RIGHTS PROTECTION: FOREIGN AND NATIONAL EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION

Горуца Татьяна Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Республика Беларусь, г. Брест
taharupa21@gmail.com

Gorupa Tatyana,
Candidate of Legal Sciences (PhD), Associate Professor,
Brest State A.S. Pushkin University,
Republic of Belarus, Brest

Аннотация. В статье автор исследует зарубежный опыт правового регулирования использования внесудебных форм защиты нарушенных прав потребителей и выявляет их перспективные формы для применения в Республике Беларусь. По мнению автора, анализ нормативного регулирования отдельных зарубежных стран (Российской Федерации, Армении, Казахстана, Великобритании, Латвии) показывает общемировую тенденцию развития всех внесудебных форм защиты прав потребителей, что обуславливают необходимость создания национальной нормативной основы для внедрения новых альтернативных способов разрешения потребительских споров. Автор приходит к выводу, что в Республике Беларусь необходимо создание единого негосударственного субъекта, наделенного полномочиями по рассмотрению потребительских споров, правовое положение которого целесообразно закрепить в действующем законодательстве. Кроме того, автор считает, что в случае использования сторонами процедур разрешения спора во внесудебном порядке, срок исковой давности должен быть приостановлен, так как использование таких способов не может препятствовать сторонам воспользоваться судебной защитой, что требует соответствующих изменений п. 3 ст. 203 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Ключевые слова: права потребителей, внесудебные формы защиты, претензия, медиация, экспертиза.

Abstract. In this article, the author examines international experience in regulating the use of extrajudicial forms of protection of violated consumer rights and identifies promising extrajudicial forms of consumer protection in the Republic of Belarus. According to the author, an analysis of the regulatory framework of individual foreign countries (the Russian Federation, Armenia, Kazakhstan, the United Kingdom, and Latvia) reveals a global trend in the development of all extrajudicial forms of consumer protection, which necessitates the creation of a national regulatory framework for the implementation of new alternative methods of resolving consumer disputes. The author concludes that the Republic of Belarus needs to establish a single non-governmental entity empowered to consider consumer disputes, the legal status of which should be enshrined in current legislation. Furthermore, the author believes that if the parties use out-of-court dispute resolution procedures, the statute of limitations should be suspended, since the use of such methods cannot prevent the parties from seeking judicial protection, which requires appropriate amendments to paragraph 3 of Article 203 of the Civil Code of the Republic of Belarus.

Keywords: consumer rights, extrajudicial forms of protection, claims, mediation, examination.

В гражданском обороте потребитель как человек, потребляющий товары (работы, услуги), реализуемые (выполняемые, оказываемые) лицами, осуществляющими хозяйственную деятельность, в том числе юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями либо лицами, осуществляющими самостоятельную профессиональную деятельность, а также деятельность в сфере агроэкотуризма, обладает специальным правовым статусом.

Общепринята мировым сообществом необходимость предоставления потребителю дополнительных средств правовой защиты в виду того, что он является слабой стороной договора. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 70/186 «Защита интересов потребителей» государствам-членам рекомендовано содействовать созданию механизмов для справедливого, действенного, прозрачного и беспристрастного рассмотрения претензий потребителей с использованием административных, судебных и альтернативных методов урегулирования споров, в том числе в отношении трансграничных случаев» [1]. Резолюция так же определяет, что государствам-членам следует устанавливать или сохранять в силе правовые и/или административные меры, позволяющие потребителям или – в зависимости от обстоятельств – соответствующим организациям прибегать к средствам правовой защиты на основе применения официальных или неофициальных процедур, которые должны быть оперативными, справедливыми, прозрачными, не сопряженными со значительными расходами и доступными.

В современном научном дискурсе используются различные наименования внесудебных форм защиты участников гражданского оборота – примирительные процедуры, альтернативные способы разрешения споров, альтернативы гражданскому правосудию и т. д. Но, как правильно отметила О.Н. Здрок в своей докторской диссертации, исследуя методологию таких форм, что они направлены на деюридизацию любого конфликта «за счет 1) неюрисдикционного характера деятельности лиц, принимающих участие в процедуре; 2) отказа от состязательности и установления коммуникации по переговорному (дискурсивному) типу; 3) возможности урегулирования конфликта не только на основе норм права, но и иных социальных норм, а также самостоятельно вырабатываемых сторонами конфликта моделей поведения» [2, с. 5]

Внесудебные формы разрешения потребительских споров как раз и являются теми процедурами, которые участники гражданского оборота могут использовать в виду их оперативности, доступности.

В рамках данного исследования на основе обобщения прежде всего зарубежного опыта правового регулирования использования внесудебных форм защиты нарушенных прав потребителей, имеющего длительную историю, выявим перспективные внесудебные формы защиты прав потребителей, которые применимы в Республике Беларусь.

Зарубежная практика демонстрирует различные внесудебные формы разрешения потребительских споров: комиссия, арбитраж, медиация, экспертные разбирательства, омбудсмены, третейское разбирательство и другие. Каждый из способов имеет свои плюсы и минусы, но все они достаточно активно используются потребителями. К примеру, в Шотландии потребители могут обратиться в Службу разрешения споров Шотландской коллегии адвокатов и выбрать способ урегулирования споров, ознакомившись на официальном сайте организации с полным перечнем ее возможностей. При этом адвокат считается предпочтительным не только как представитель в судебном процессе, но и как медиатор, а также нейтральный посредник, арбитр и т. д. [3].

В Латвии в 2015 году принят закон «О внесудебном разрешении споров потребителей» [4] с целью установления единых требований к поставщикам услуг по внесудебному урегулированию споров, чтобы обеспечить потребителям возможность реализовывать и защищать свои законные права посредством независимого, объективного, прозрачного, эффективного, быстрого и справедливого внесудебного урегулирования споров. Согласно вышеназванному закону, а также закону «О защите прав потребителей» [5] создана специальная Комиссия по разрешению потребительских споров, которая является коллегиальным органом, принимающим решения по спору между потребителем и продавцом или поставщиком услуг. Работу Комиссии обеспечивает Центр защиты прав потребителей при министерстве экономики. Членами комиссии являются представители ассоциаций по защите прав потребителей и ассоциаций предпринимателей, а также специалисты в области, в которой рассматривается спор, либо имеющие соответствующий опыт разрешения таких споров. При этом разрешение спора в Комиссии является бесплатным для сторон спора, но важным моментом для популяризации внесудебных форм является возможность для общественных объединений потребителей получать финансирование из средств государственного бюджета для участия в работе Комиссии [5, ст. 26⁶]. Комиссия рассматривает спор на своем заседании без присутствия сторон спора, но может их вызвать, если это является более эффективным для разрешения спора. Решение такой Комиссии носит рекомендательный характер, исполняется добровольно в течение 30 дней и не может быть оспорено или обжаловано. Однако в случае невыполнения такого решения в сети Интернет может размещаться такая информация на сайте Центра по защите прав потребителей.

В государствах – членах Европейского Союза достаточно популярными для разрешения потребительских споров являются арбитражи, когда «конкретный спор передан одному или нескольким частным лицам арбитрам – с целью его авторитетного разрешения». Конечно же, отличительным свойством арбитража для потребителей является его состязательность. Так, арбитражи по потребительским спорам создаются в Австрии

[6, с. 209], Бельгии [6, с. 215], Болгарии [6, с. 217]. Кроме того, создаются и действуют третейские суды, согласно соответствующим национальным законам, которые рассматривают различные виды споров постоянными и временными судами.

В государствах – членах ЕАЭС созданы институты уполномоченных по правам потребителей финансовых услуг (в России [7], в Армении [8]). Более того, на основании Закона Республики Казахстан от 18 декабря 2000 г. № 126-ІІ «О страховой деятельности» [9] созданы и действуют уполномоченные в отдельных финансовых сферах – банковском, страховом. Например, страховым омбудсманом является независимое в своей деятельности физическое лицо, осуществляющее урегулирование разногласий, в том числе между страхователями (застрахованными, выгодоприобретателями) и страховыми организациями, возникающих из договоров страхования (ст. 86). При этом обязательное для сторон решение принимается страховым омбудсманом единолично и в письменной форме доводится до сведения сторон, участвующих в споре. Однако в случае неисполнения страховой организацией решения страхового омбудсмана в установленный им срок страховой омбудсман обязан не позднее трех рабочих дней информировать об этом уполномоченный орган с приложением документов, подтверждающих факт нарушения требований нормативных правовых актов, при этом стороны спора вправе обратиться в суд и обжаловать решение.

Анализ нормативного регулирования отдельных зарубежных стран показывает явную общемировую тенденцию развития и популяризации всех внесудебных форм защиты прав потребителей. И сложность судебной процедуры, необходимость развить более упрощенные порядки разрешения в особенности споров на небольшую сумму денег обуславливают создание национальной нормативной основы для внедрения новых внесудебных форм разрешения споров. И одним из позитивных моментов данного процесса необходимо отметить возможность стимулирования сторон конфликта в налаживании коммуникации, взятии на себя ответственности в его разрешении, что в целом положительно скажется на повышении правовой культуры гражданского общества.

Рассмотрим наиболее перспективные внесудебные формы разрешения споров в Республике Беларусь.

Медиация, согласно Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации», – это переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения.

Институт медиации активно используется во многих странах, в том числе и ЕАЭС, хотя авторы отмечают, что в данном интеграционном союзе «между национальными законодательными актами существует разобщенность в сроках проведения медиации, степени детализации процедурных правил, правовом статусе организаций медиаторов, требованиях к медиаторам и в ряде других аспектов медиации» [10, с. 32], но представляется, что такие различия не принципиальны, так как в вопросах применения внесудебных форм защиты прав потребителей вполне могут сохраняться национальные традиции правового регулирования.

В Республике Беларусь министерство юстиции выдает свидетельства медиаторам. И, пожалуй, самая важная гарантия для потребителей, предоставленная законом – это возможность в случае использования медиации приостановить течения срока исковой давности со дня заключения сторонами соглашения о применении медиации до дня прекращения медиации, о чем мы еще скажем ниже.

Претензия – следующий внесудебный способ защиты нарушенных прав, используемый потребителями как самостоятельно, так и общественными объединениями потребителей. В Республике Беларусь, например, Белорусское общество защиты прав потребителей подало в 2024 году 150 претензий [11]. Главное, что преследует такой порядок – это устранение нарушений прав потребителей посредством подачи претензии потребителем к нарушителю, который либо удовлетворяет претензию, либо дает мотивированный ответ, в которой излагает позицию в споре. Отказ в удовлетворении претензии является уже основанием для подачи иска в суд.

Независимая экспертиза – это альтернативный способ, основанный на проведении исследований товаров (работ, услуг) высококвалифицированными и независимыми специалистами, которые могут дать заключение о причинах недостатков товаров (работ, услуг). В Республике Беларусь независимая экспертиза не является полноценной и самостоятельной формой разрешения потребительского спора, так как эксперт либо организация, которую он представляет не предпринимает меры для разрешения спора, а всего лишь предоставляет факты (экспертное заключение), которые обосновывают/не обосновывают позицию потребителя в споре.

Основными проблемами, на наш взгляд, здесь являются высокая стоимость услуг экспертов (стоимость 1 часа работы эксперта Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь составляет в среднем 70 белорусских рублей). Вполне может сложиться ситуация, когда стоимость товара (работы, услуги) может быть гораздо меньше стоимости услуг эксперта, что ставит потребителя перед обоснованным отказом от использования данной формы защиты своих прав. Проведение платной экспертизы товара (работ, услуги) потребителем по собственной инициативе не является препятствием для проведения уже судебной экспертизы в случае, если спор не будет урегулирован сторонами самостоятельно, и он окажется на рассмотрении суда. Вместе с тем целесообразность/нецелесообразность ее проведения будет определяться ходом судебного разбирательства.

В настоящее время национальное законодательство не определяет уполномоченных по защите прав потребителей (омбудсменов), в том числе и в финансовой сфере, несмотря на активное обсуждение возможности его введения ранее, а также отсутствует официальная статистика по рассмотрению потребительских споров, созданными третейскими судами (по всей видимости из-за отсутствия прецедентов).

Таким образом, можно определить, что внесудебные формы защиты прав потребителей – это формы урегулирования споров, осуществляемые уполномоченными субъектами внесудебного урегулирования споров в соответствии с законодательством, определяющим его порядок.

Представляется, что в Республике Беларусь назрела необходимость системного решения вопросов более активного применения перспективных внесудебных форм разрешения потребительских споров. С этой целью необходимо проводить не только разъяснительную работу о пользе применения таких форм в спорах потребителей и их контрагентов, хотя это, безусловно, важно и актуально. На наш взгляд, необходимо внести соответствующие коррективы в действующее национальное законодательство. Ведь основными минусами действующих форм являются их высокая стоимость, отсутствие указаний в законодательстве на приостановление сроков исковой давности при их применении (кроме медиации), отсутствие механизмов принудительного исполнения.

Важным является определение в национальных актах законодательства более гибких механизмов размера цены услуг посредников, экспертов. В судах иски потребителей освобождены от уплаты государственной пошлины и это является важной процессуальной гарантией судебной защиты потребителей. Поэтому конкурировать с судебным иском будут скорее всего бесплатные либо не дорогие внесудебные формы.

Если стороны воспользовались одним из альтернативных способов разрешения споров, то, конечно же, срок исковой давности должен быть приостановлен, так как использование таких способов не может препятствовать сторонам воспользоваться судебной защитой. В настоящее время только п. 3 ст. 202 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит такое основание приостановления для всех альтернативных способов. В сравнение – п. 1 ст. 203 Гражданского кодекса Республики Беларусь закрепляет возможность приостановления сроков исковой давности только в отношении претензии, медиации.

Кроме того, на наш взгляд, следует воспользоваться позитивным опытом ряда зарубежных стран относительно функционирования единого негосударственного субъекта, наделенного полномочиями по внесудебному рассмотрению споров. Представляется, что

такой субъект может быть создан при Министерстве по антимонопольному развитию и торговле Республики Беларусь, который будет состоять из представителей гражданского общества (представители предпринимательских, профессиональных и потребительских общественных организаций) и финансироваться за счет таких объединений. Такой субъект прежде всего должен первоначально рассматривать специфические споры в финансовой сфере, онлайн торговле цифровыми товарами и цифровыми услугами, а в последствии расширить свою деятельность и рассматривать и другие споры. Необходимо нормативно закрепить порядок, сроки вынесения решения таким субъектом, а также процедурные требования к содержанию заявлений потребителей, основания для отказа в его рассмотрении, возможность обжалования решений и т. д.

Таким образом, в настоящее время ряд внесудебных форм защиты прав потребителей используется в Республике Беларусь, хотя и не весьма активно по объективным (несовершенство законодательства) и субъективным (недоверие потребителей) причинам, но в перспективе как показывает зарубежная практика необходимость введения новых внесудебных форм защиты обусловлено ростом онлайн торговли, финансовых услуг, появлением специфических цифровых товаров и услуг, что требует и расширения субъектов, обладающих компетенцией по разрешению споров.

Подготовлена в рамках выполнения НИР «Теоретико-методологические основы защиты прав потребителей товаров (работ, услуг) в механизме правового обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь в условиях региональной интеграции и цифровизации» (номер госрегистрации 20211412) при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О защите интересов потребителей: Резолюция Генеральной Ассамблеей ООН от 22 декабря 2015 г. – URL: www.docs.cntd.ru/document/902300274 (дата обращения 25.09.2025).
2. Здрок О.Н. Примириительные процедуры в цивилистическом процессе: автореф. дис. ... док. юрид. наук: 12.00.15. – URL: <https://vak.gov.by/sites/default/files/2019-10/%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%84%20%D0%97%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%BA.pdf> (дата обращения 25.09.2025).
3. Faculty of Advocates Dispute Resolution Service. – URL: www.fdrs.advocates.org.uk/ (дата обращения 25.09.2025).
4. О внесудебном урегулировании потребительских споров: Закон Латвийской Республики от 18 июня 2015 г. – URL: <https://likumi.lv/ta/id/275063> (дата обращения 25.09.2025).
5. О защите прав потребителей: Закон Латвийской Республики от 18 марта 1999 г. – URL: <https://likumi.lv/ta/en/en/id/23309> (дата обращения 25.09.2025).
6. Белоглазев А. Защита прав потребителей в арбитраже. – К.: Таксон, 2012. – 640 с.
7. Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг: Федеральный закон от 4 июня 2018 г. №123-ФЗ. – URL: <https://base.garant.ru/71958414/> (дата обращения 25.09.2025).
8. О примирителе финансовой системы: Закон Республики Армения от 17 июня 2008 г. – URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/64647> (дата обращения 25.09.2025).
9. О страховой деятельности: Закон Республики Казахстан от 18 декабря 2000 г. № 126-ІІ. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021136&pos=3834;-54#pos=3834 (дата обращения 25.09.2025).
10. Шляхтин И.С. Альтернативное разрешение споров с участием потребителей в ЕС и ЕАЭС // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – № 10. – С. 29–34.
11. Беларусь сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/beloruskoe-obshchestvo-zashchity-potrebitelov-v-2024-m-pomoglo-vozместit-grazhdanam-bolee-720-tysya.html> (дата обращения 25.09.2025).

**ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ
ПРИЗНАКОВ МОШЕННИЧЕСТВА
PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF OBJECTIVE SIGNS OF FRAUD**

Дедковский Андрей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
Международный университет «МИТСО»,
Республика Беларусь, г. Минск
a.dziadkouski@gmail.com

Dedkovsky Andrey,
Candidate of Legal Sciences (PhD), Associate Professor,
International University "MITSO",
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. Осуществлен анализ форм мошенничества и особенностей законодательной конструкции предмета указанного преступного посягательства. Предложено авторское определение понятий «обман» и «злоупотребление доверием» как способов мошенничества. Разработаны конкретные предложения по совершенствованию диспозиции состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Ключевые слова: мошенничество, обман, злоупотребление доверием, предмет преступления, приобретение права на имущество.

Abstract. An analysis of the forms of fraud and the specific features of the legislative structure of the subject of the said criminal offense was carried out. The author offers a definition of the concepts of "deception" and "breach of trust" as methods of fraud. Specific proposals for improving the provisions of the crime under Part 1 of Article 209 of the Criminal Code of the Republic of Belarus have been developed.

Keywords: fraud, deception, breach of trust, subject of the crime, acquisition of property rights.

В силу диспозиции ч. 1 ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) объективная сторона мошенничества представлена действием по завладению чужим имуществом или правом на него путем обмана или злоупотребления доверием». Указанные способы мошенничества настолько тесно взаимосвязаны, что в подавляющем большинстве случаев провести четкую и однозначную грань между ними оказывается достаточно сложно. Злоупотребление доверием часто переплетается с обманом: обман может служить средством для завоевания доверия, а доверие, в свою очередь, используется как инструмент для облегчения обмана и достижения противоправной цели. Несмотря на их взаимосвязанность, каждый из этих способов обладает своей специфической характеристикой и признаками, которые позволяют разграничить их между собой в теории и практике уголовного права. Подтверждением самостоятельного статуса и необходимости различать эти способы мошенничества служит формулировка диспозиции ст. 209 УК, в которой между этими способами стоит разделительный союз «или», что ясно указывает на то, что законодателем они рассматриваются как отдельные альтернативные варианты преступного деяния.

Законодатель не раскрывает понятие «обман». В теории уголовного права и на практике «под обманом понимают умышленное искажение или сокрытие истины с целью ввести в заблуждение лицо, в ведении которого находится имущество, и таким образом добиться от него передачи имущества, а также сообщения с этой целью заведомо ложных сведений» [1, с. 234].

«Обман – это ложное представление, основанное на вымышленных фактах, используемое мошенником для введения потерпевшего в заблуждение с целью получить имущество» [2, с. 75]. Он проявляется в активной форме (сообщение заведомо ложных сведений) или пассивной (умолчание важных фактов), касающихся личности преступника, предмета мошенничества или других обстоятельств. Обман может выражаться устно, письменно или через действия, формируя у потерпевшего искреннее доверие, что способствует передаче имущества.

Так, А., реализуя свой преступный умысел, используя мобильный телефон "Huawei", разместил в глобальной сети И. на сайте k. под именем Н. объявление о продаже мобильного телефона торговой марки "Apple" модели "iPhone 11", которого фактически не имел и реализовать не мог и, вступив при этом в период с 21.12.2024 по 22.12.2024 посредством переписки на сайте "kufar.by", в мессенджере V. и телефонных разговоров в общение с потерпевшим К., предложил последнему приобрести у него мобильный телефон "iPhone 11" стоимостью 395 рублей, чем ввел в заблуждение потерпевшего по отношению своих намерений осуществить указанную сделку и фактического наличия реализуемого им товара, то есть сообщил потерпевшему заведомо ложные сведения, и, с целью доведения своего преступного умысла до конца, уверил потерпевшего о своих намерениях совершить в адрес последнего поставку указанного мобильного телефона путем почтового отправления, после чего, потерпевший, действуя под влиянием обмана, перевел на банковскую карту, на имя обвиняемого денежные средства в сумме 50 рублей в качестве предоплаты, которыми последний мошенническим путем завладел, а обвиняемый с целью имитации подтверждения намерении заключить указанную выше сделку, используя в качестве средства совершения преступления жесткий диск торговой марки "Samsung" модели SP1624N, не имеющий материальной ценности как для самого обвиняемого, так и для потерпевшего, направил его в адрес квитанции об отправке товара, введя таким образом потерпевшего в заблуждение, после чего потерпевший перевел на банковскую карту на имя обвиняемого денежные средства в сумме 345 рублей, которыми последний мошенническим путем завладел и распорядился ими по своему усмотрению [3].

В следующей ситуации имеет место пассивная форма обмана (А. умолчал о том, что купюра была поддельной), выраженная устно. А. примерно в 13:00 10.09.2024, находясь в состоянии алкогольного опьянения по месту жительства в жилом доме у заведомо престарелой К., путем обмана, под предлогом размена денежной купюры достоинством 500 рублей Национального Банка Республики Беларусь на более мелкие купюры, передал ей купюру с надписью «Пятьсот Цублеў», не являющуюся средством платежа, выдав ее путем грубого обмана К. за настоящую, получив при этом от последней денежные средства в сумме 500 рублей Национального Банка Республики Беларусь более мелкими купюрами, которыми завладел [4].

Кроме того, ложные сведения могут подаваться под разнообразными предложениями, которые служат прикрытием для мошеннических действий. Это могут быть предложения, связанные с обменом имущества – когда жертве обещают выгодный обмен. К примеру, обвиняемая К., имея умысел на завладение имуществом путем обмана, под предлогом обмена имущества последней на свое имущество, заранее не намереваясь и не имея возможности исполнять принятые на себя обязательства по передаче своего имущества П., завладела принадлежащим последней имуществом, а именно: ноутбуком Л. в комплекте с зарядным устройством и компьютерной мышью, общей стоимостью 350 рублей, что эквивалентно не менее 8,75 базовой величины, после чего принятые на себя обязательства по передаче своего имущества не выполнила, имущество, принадлежащее П., обратила в свою собственность и распорядилась им по своему усмотрению, тем самым причинила потерпевшей П. имущественный вред [5].

Вышесказанное позволяет предложить формулировку обмана как способа совершения мошенничества – введение в заблуждение лица путем сообщения заведомо ложных сведений (активная форма) либо несообщения сведений (пассивная форма) с целью хищения,

выраженное устно, письменно или через действия, формируя у потерпевшего искреннее доверие.

Вторая форма мошенничества – злоупотребление доверием, как показывает правоприменительная практика, основана на использовании доверительных отношений между лицом, совершающим действия (обвиняемым), и потерпевшим. При этом в основе данного способа лежит факт существования доверия, которое формируется на базе определенных взаимоотношений, и именно это доверие становится инструментом для совершения противоправных действий в корыстных целях. Доверительные отношения могут иметь как фактическую, так и юридическую природу. Фактические обстоятельства – это отношения, основанные на личных связях, которые складываются в повседневной жизни между людьми. К ним относятся: родственные отношения; дружеские связи; иные близкие контакты, которые сопровождаются взаимным доверием.

Так, Е., имея умысел на умышленное противоправное безмездное завладение чужим имуществом с корыстной целью в примерный период времени с 22:00 до 23:00 16.07.2024, находясь возле отделения ОАО А., путем злоупотребления доверием, используя особые доверительные отношения, основанные на дружбе, под предлогом оказания помощи в осмотре автомобиля, а также внесения продавцу задатка за его приобретение, завладел у З. принадлежащий ей имуществом, а именно наличными денежными средствами в сумме 7000 рублей, которые потерпевшая добровольно, по устной договоренности, передала Е., для внесения задатка продавцу автомобиля, который она намеревалась приобрести, однако Е., свои обязательства по осмотру автомобиля, а также внесению задатка за приобретение автомобиля не выполнил, при этом похищенным имуществом распорядился по своему усмотрению, чем умышленно причинил З. имущественный вред на сумму 7000 рублей; что момент совершения преступления составило 175 базовых величин [6].

В приведенных случаях потерпевшие добровольно и сознательно предоставляли лицу возможность распоряжаться своим имуществом, рассчитывая на честность и добросовестность.

Юридические обстоятельства – это те, которые оформлены официальными договорами, доверенностями, контрактами и другими правовыми документами. В таких случаях доверие выражается через предоставление определенных прав и полномочий, например, управление имуществом, ведение финансовых операций или представительство интересов. Злоумышленник, используя эти полномочия, направляет свои действия не в интересах доверителя, а в корыстных целях, что и квалифицируется как злоупотребление доверием. Так, Р., находясь по адресу: г. Г., ул. Б., умышленно, из корыстных побуждений, путем злоупотребления доверием, под видом осуществления предпринимательской деятельности, не имея права ее осуществления, заведомо не намереваясь исполнять принятые на себя обязательства, заключил с Г. договор на изготовление модуля кухонного линейного с антресолями и ресепшном на общую сумму 5 260 рублей, после чего, находясь по адресу: г. Г., ул. Б., получил от потерпевшей в качестве предоплаты денежные средства в размере 200 долл. США, что по курсу Национального Банка Республики Беларусь составило 525,24 рублей, и вытяжку кухонную достоверно неустановленной марки стоимостью 420 рублей, а всего на общую сумму 945,24 рублей, которыми завладел и распорядился по своему усмотрению, причинив Г. имущественный вред на указанную сумму [7].

Ключевая особенность данного способа заключается в том, что потерпевший не подозревает о корыстных намерениях злоумышленника, поскольку его действия основаны на доверительных отношениях и на начальном этапе не вызывают никаких подозрений. В результате потерпевший добровольно передает имущество, финансовые средства или другие ценности, не осознавая, что этим он подвергает себя ущербу. Более того, в некоторых случаях мошенники дополнительно вводят в заблуждение, сообщая заведомо ложные сведения о реальной сути сделки и ее возможных последствиях.

Исходя из изложенного, под злоупотреблением доверием предлагается понимать умышленное с целью хищения использование лицом доверительных отношений, основанных

на юридических или фактических обстоятельствах, во вред правам и законным интересам собственника или иного законного владельца.

Уголовно-правовая наука в качестве объекта мошенничества рассматривает отношения собственности, ключевые стороны которых, в свою очередь, регламентируются гражданским законодательством. В соответствии со ст. 213 Гражданского кодекса Республики Беларусь «субъектами права собственности выступают Республика Беларусь и административно-территориальные единицы, физические и юридические лица». Субъективное право собственности включает в себя три основных правомочия собственника: владение, пользование и распоряжение имуществом. В случае мошенничества указанные конкретные правомочия нарушаются, поскольку виновный безвозмездно завладевает имуществом или приобретает права на него путем обмана или злоупотребления доверием, при этом у него отсутствуют законные основания для владения, пользования или распоряжения данным имуществом.

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 209 УК, предметом мошенничества может быть «имущество и право на имущество». Имущество как предмет мошенничества обладает тремя взаимосвязанными сторонами: физической, экономической и юридической. Физическая сторона отражает материальный, вещественный аспект имущества – конкретные вещи или объекты, которыми владеет собственник. Экономическая сторона выражается в стоимости и имущественной выгоде, которую можно получить от владения или распоряжения этим имуществом, то есть в его ценности и способности приносить доход или иные экономические блага. Юридическая сторона связана с правами собственника на имущество, включая владение, пользование и распоряжение, которые обеспечиваются законом и защищают имущественные интересы. При этом, как верно отмечают Ю.Т. Рахатко и В.В. Хилюта, «не могут быть предметом мошенничества так называемые бесхозные вещи, поскольку они не имеют собственника или собственник которых неизвестен, либо вещи, от права собственности, на которые собственник отказался» [8, с. 94].

Однако «объектами имущественных прав, следовательно, предметом мошенничества могут быть не только имущество, но и результаты деятельности, связанной с их созданием или улучшением, а также любая другая деятельность, производящая социально значимый эффект, к числу таких социальных ценностей относятся работы и услуги» [9, с. 16]. Например, «развитие экономики и расширение хозяйственной деятельности, включая внешнеэкономическую, приводят к появлению новых объектов права собственности», таких как товарные знаки, ноу-хау и охраняемая информация, которые не всегда учтены в уголовном законодательстве. Поскольку эти нематериальные права могут использоваться в хозяйстве и часто становятся товаром, они становятся объектами мошенничества и имущественных потерь, что требует совершенствования уголовно-правовой защиты интеллектуальной собственности [10, с. 38].

В этой связи справедливым является правоприменительный подход широкого трактования предмета мошенничества – не только имущества и права на него.

Особый научный интерес представляет криптовалюта как предмет мошенничества. Декрет Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» «придал правовой статус цифровым знакам (токенам), криптовалютам, ICO (первичное размещение знаков) и технологии блокчейн» [11]. Ключевыми понятиями Декрета № 8 являются определения криптовалюты и токена: «цифровой знак (токен) – запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой; криптовалюта – биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена».

В условиях глобализации и стремительного развития электронной торговли, новых цифровых средств платежа, преступные посягательства, связанные с оборотом криптовалюты, приобретают массовый и системный характер. Токены, являясь децентрализованными цифровыми активами, обеспечивают анонимность и быстроту

транзакций, что создает благоприятные условия для мошенничества. Так, в Республике Беларусь в 2017 г. решался вопрос о возбуждении первого уголовного дела о хищении биткоина [12]. Ситуация с правовой оценкой подобных действий осложняется тем, что неизвестно к предмету какого состава преступления отнести биткоин.

В юридической литературе нет единого мнения относительно рассматриваемого вопроса. Представляется, что криптовалюта, являясь объектом гражданского оборота, выступает в качестве самостоятельного предмета преступления. Вместе с тем, имеющиеся в практике случаи квалификации мошеннического хищения криптовалюты по ст. 349 УК (несанкционированный доступ к компьютерной информации, совершенный из корыстной заинтересованности) являются крайне дискуссионными, поскольку подобные деяния в полном объеме содержит признаки хищения.

На основании изложенного представляется возможным сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Под обманом как способом совершения мошенничества предлагается понимать введение в заблуждение лица путем сообщения заведомо ложных сведений (активная форма) либо несообщения сведений (пассивная форма) с целью хищения, выраженное устно, письменно или через действия, формируя у потерпевшего искреннее доверие. Злоупотребление доверием – умышленное с целью хищения использование лицом доверительных отношений, основанных на юридических или фактических обстоятельствах, во вред правам и законным интересам собственника или иного законного владельца.

2. Несовершенство диспозиции ч. 1 ст. 209 УК в части регулирования предмета мошенничества (имущество, право на имущество) приводят в ошибочной квалификации мошеннического хищения криптовалюты по ст. 349 УК.

3. Обман или злоупотребление доверием в ходе хищения криптовалюты ни физически, ни юридически не связаны ни с завладением имуществом, ни с приобретением права на него. При этом налицо получение иной материальной выгоды, поскольку у злоумышленника возникает возможность по своему усмотрению распорядиться данным цифровым объектом в отсутствие воли потерпевшего (собственника) – продать, обменять, хранить и т. д.

4. Поскольку мошенническое хищение криптовалюты влечет материальной выгоды лица, совершившего указанное преступление, то для корректной квалификации подобного деяния ч. 1 ст. 209 УК после слов «приобретение права на имущество» предлагается дополнить формулировкой «получение иной материальной выгоды».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть: учеб. пособие / А.И. Лукашов [и др.]; под общ. ред. А.И. Лукашова. – Минск: Изд-во Гревцова, 2009. – 960 с.
2. Веремеенко М.Д. Мошенничество: некоторые дискуссионные вопросы способов его совершенствования // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. – 2013. – № 1. – С. 74–80.
3. Приговор от 13 июня 2025 г. № 37У25166 / Банк данных «Судебные постановления» // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 10.09.2025).
4. Приговор от 22 ноября 2024 г. № 58У24112 / Банк данных «Судебные постановления» // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 11.09.2025).
5. Приговор от 11 июля 2024 г. № 101У24298 / Банк данных «Судебные постановления» // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 12.09.2025).
6. Приговор от 10 января 2025 г. № 51У24476 / Банк данных «Судебные постановления» // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 12.09.2025).
7. Приговор от 4 декабря 2024 г. № 74У24364 / Банк данных «Судебные постановления» // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 14.09.2025).
8. Рахатко Ю.Т., Хилота В.В. Порядок определения ущерба при хищении чужого имущества: правоприменительный аспект // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы: навукова-тэарэтычны часопіс. – 2016. – Т. 6, № 5. – С. 88–98.

9. Хилjuta В.В. Понятие и признаки хищения в уголовном праве: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 623 с.
10. Михайловская Ю.В. Мошенничество и его профилактика. – Минск: Беларус. навука, 2011. – 180 с.
11. О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8: в ред. от 18 марта 2021 г. № 1 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 12.08.2025).
12. Брестские милиционеры проводят проверку по обращению о хищении криптовалюты. – URL: <https://www.belta.by/incident/view/brestskie-militsionery-provodjat-proverku-po-obrascheniju-o-hischenii-kriptoaljutu-280362-2017/> (дата обращения 14.08.2025).

УДК 343.955

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРИ ПОДБОРЕ КАНДИДАТОВ
НА ДОЛЖНОСТЬ СУДЬИ
PSYCHOLOGICAL ASPECT IN THE SELECTION OF CANDIDATES
FOR THE POSITION OF JUDGE**

Зюзина Мария Васильевна,
кандидат юридических наук,
Западный филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Российская Федерация, г. Калининград
zuzina_m@mail.ru

Zyuzina Maria,
Candidate of Legal Sciences (PhD),
Western Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Russian Federation, Kaliningrad

Аннотация. В статье исследуются вопросы о психологических качествах кандидатов на должность судьи. Исследуется вопрос о том, какими чертами характера должен обладать судья для успешного рассмотрения дела, качественно и в установленные сроки. Рассматриваются поведенческие типы судей при рассмотрении дел. Затрагивается вопрос о возможных судебных ошибках в виду наличия или отсутствия тех или иных психологических качеств у судьи. Рассматриваются ситуации и условия, с которыми могут сталкиваться судьи, разрешая различные категории дел, и необходимость наличия конкретных черт характера и психологических особенностей, при которых они преодолеют возникающие обстоятельства. Предлагаются пути оптимизации процедуры психологического отбора судей.

Ключевые слова: психологические качества, кандидаты на должность судьи, пути оптимизации.

Abstract. The article discusses questions about psychological qualities candidates for the position of judge. The question of what character traits a judge must have to successfully consider a case, efficiently and within the established time frame is explored. The issue of possible judicial errors due to the presence or absence of certain psychological qualities in a judge is raised. Examines the situations and conditions that judges may encounter when deciding different categories of cases, and the need for specific character traits and will enable them to overcome emerging circumstances. The behavioral types of judges when considering cases are studied. Way to optimize the procedure for psychological selection of judges are proposed.

Keywords: psychological qualities, candidates for the position of judge, the ways to optimize.

Роль судьи в обществе занимает обособленное место, поскольку именно от его решения зависит исход рассматриваемого дела, а в уголовном деле зачастую и судьба человека, в связи с чем требования к личности судьи обоснованно высоки как со стороны закона, так и со стороны населения. Для того, чтобы судья мог принять справедливое решение, он должен обладать не только высоким профессионализмом, но и в том числе рядом личностных качеств, способствующих своевременному и качественному рассмотрению дел.

Законом определены четкие требования, предъявляемые к судье, касаясь неукоснительного соблюдения законов, избегания всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинства судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности [1].

Вместе с тем следует обратить внимание и на психологические особенности личности судьи. Психологический отбор на должность судьи – это один из важных частей всей многосторонней и многоступенчатой процедуры подбора кандидатов на данную должность. Главной задачей судей является принятие решения по делу, а для того, чтобы это осуществить, судья должен обладать рядом как профессиональных качеств, так и личностных. Судья должен обладать высоким правосознанием, пониманием ответственности за каждое промежуточное и итоговое решение по делу, быть уравновешенным и тактичным, честным. Также судья должен быть рассудительным, гуманным, обладающий жизненным опытом, эрудированным, с высоким уровнем культуры и морали, обладать организаторскими способностями.

Всесторонне оценивая собранные и представленные суду доказательства, применяя вышеуказанные качества, принимается итоговое решение по делу. Именно суд призван решить дело по существу – это его основная и исключительная функция [2, с. 239].

К основным особенностями судебной деятельности относятся: правовая регламентация профессиональной деятельности судьи, властный, обязательный характер профессиональных полномочий судьи, нестандартный, творческий характер деятельности, процессуальная самостоятельность и высокая степень персональной ответственности. Высокий уровень ответственности судьи перед обществом является ведущим фактором профессиональной успешности судьи.

Поведение судьи в рабочей и нерабочей обстановке регулируется Кодексом судейской этики, отступление от выполнения положений которого может вести к умалению авторитета судебной власти и быть признаком недостаточной профессиональной компетенции.

Объем информации в ходе рассмотрения дела зачастую крайне велик, а срок для ее анализа у судьи ограничен, что влечет повышенные требования к интеллектуальной деятельности судьи, к сосредоточенности, к устойчивости, к умению распределять внимание и систематизировать деятельность. При этом следует учитывать, что решения нередко принимаются в конфликтных ситуациях, на высоком эмоциональном уровне, которые требуют от судьи наличия таких качеств, как способность к детальному анализу различных явлений, настойчивость и принципиальность при принятии решений, смелость брать на себя ответственность за свои действия и решения, эмоциональная устойчивость, толерантность, адекватная критичная самооценка.

Судья должен уметь анализировать и устную информацию, которую излагают участники процесса, в связи с чем должен уметь выделять из полученной в переполненных лишними деталями сообщениях основное, отделять факты от эмоций. Это требует от судьи высокой познавательной активности, и предполагает наличие таких качеств личности, как широкий кругозор и эрудиция, гибкое и творческое мышление, высокий показатель умственной работоспособности, сообразительность, способность прогнозировать, умение выделять главное, активность и подвижность мыслительных процессов (восприятие, память, продуктивное мышление, внимание), развитое воображение, интуиция, способность к абстрагированию.

Принимая разные промежуточные или итоговые решения по делу, судья, используя процессуальную самостоятельность, влекущую персональную ответственность, должен быть гармонично адаптирован в своей профессиональной деятельности и быть социально зрелым, психически и эмоционально устойчивым, смелым и решительным, уверенным в себе, настойчивым при высоком уровне самокритичности, с адекватной самооценкой, с устойчивой мотивацией на достижение успеха.

Среди практиков и в ученой среде возникает вопрос о необходимости предварительной подготовки кандидатов на должность судей. Одни выступают за создание такой системы, а вот другие, в частности, председатель Совета судей Российской Федерации, В.В. Момотов считает, что отсутствие в России системы предварительной подготовки судей обусловлено фундаментальным характером российского юридического образования, не свойственным зарубежным государствам [3].

Вместе с тем не вызывает сомнения вопрос о том, что психологический аспект подбора кандидатов на должность судей с использованием различных методик психодиагностики должен быть тщательно проработан и использован на практике, во избежание последствий неспособности судьи при наличии несовместимым с занимаемой должностью психологических особенностей личности, исполнять возложенные на него обязанности. Так, например, ряд типов личности, неподходящих для занятия должности судьи, выделяет И. Шевченко [4]. К ним он относит психопатические, нарциссические, шизоидные, параноидные, депрессивные, маниакальные, мазохистические, обсессивные, компульсивные, истеричные и диссоциативные.

Отдельные ученые выделяют пять типов поведения судьи, в зависимости от фиксации на какой-либо одной стороне судебного процесса: а) режиссерский – акцентированного на публичной стороне судебного процесса; б) менторский – акцентированного на участниках судебного разбирательства; в) статусный – акцентированного на своем процессуальном статусе; г) «конвейерный» – акцентированного на сроке рассмотрения дел; д) следственный – акцентированного на исследовании доказательств [5].

С правовой точки зрения судья – это субъект, наделенный определенными правами и обязанностями, а его человеческие качества не важны для лиц, участвующих в деле, но, однако, именно эти качества зачастую влияют на быстроту и качество рассматриваемого дела. Допущение на должность судьи того, кто обладает качествами несовместимыми с данной должностью, будет влечь негативные последствия как для конкретного дела в частности, так и для репутации судебной системы в целом. Это может быть и нарушение границ формализма, вступление судьи с участниками спора в дискуссии в ходе судебного разбирательства, а также в личные, внепроцессуальные отношения, влекущие нарушение независимости судей.

Психологические особенности каждого из судей, например, боязнь принятия решения или ответственности за уже принятое решение, также влекут за собой и судебные ошибки. Зачастую ошибки, допускаемые судьями при рассмотрении дел, связаны именно с психологической неготовностью конкретного судьи брать на себя ответственность, оперативно в рамках закона реагировать на возникающие провокации со стороны участников процесса и пр.

Эмоциональная энергоресурсность ввиду существующей на протяжении уже длительного периода времени высокой нагрузки на судей также является важным критерием отбора кандидатов. Значительные нагрузки на судей неизбежно влекут эмоциональное выгорание, снижение интереса к выполняемой работе, что приводит к различного рода ошибкам на всех этапах нахождения дела в суде. Необходимо более тщательно и углубленно осуществлять работу специалистам-психологам на стадии отбора кандидатов на должность судьи.

В настоящее время разработаны и применяются методические рекомендации по организации, психологическому сопровождению работы по отбору кандидатов на должность судьи, утвержденные приказом Судебного департамента при ВС РФ от 17 марта 2009 г. № 44

в ред. от 6 декабря 2018 г., целью которой является формирование судейского корпуса, комплектованию его людьми, в максимальной степени отвечающими высоким требованиям статуса судьи.

Необходимость психологического изучения кандидатов вызвана тем, что судья при отправлении правосудия участвует в сложнейших социально-правовых отношениях, а допущенные судьей ошибки влекут высокую ответственность и последствия, ведущих к подрыву авторитета судебной власти. Немаловажным является и тот факт, что из федерального бюджета выделяются значительные финансовые средства, связанные с назначением и отстранением судей, оказавшихся неспособными адаптироваться к работе. Важность психологического обследования связана также и с тем, что судьи обладают правом на хранение и ношение огнестрельного оружия.

Проведенное психологическое исследование кандидата дает возможность провести анализ индивидуально-психологических особенностей личности, которые могут оказывать как потенциально благоприятное, так негативное влияние на работу в должности судьи, выявить лиц с нервно-психической неустойчивостью, находящихся в состоянии дезадаптации, с асоциальными установками, корыстно-утилитарной мотивацией.

Подводя итог, следует отметить, что дальнейшее изучение и более детальный анализ психологических качеств при подборе кандидатов на должность судьи, разработка и принятие соответствующих усовершенствованных методик, направленных на выявление типов и особенностей личности, позволят существенно повысить уровень осуществляемой судьями деятельности и поднимет авторитет судебной власти в обществе.

СПИСОК ИСПОЛЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О статусе судей в Российской Федерации: Федеральный закон от 26 июня 1992 г. № 3132-1: в ред. от 27.11.2023 // КонсультантПлюс.Россия: справ. правовая система (дата обращения 11.09.2025).
2. Шиханцов Ю.В. Юридическая психология. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 312 с.
3. Момотов В.В. У России есть собственная модель формирования судейского корпуса // Независимая газета от 08.11.2018. – URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2018-11-08/3_7348_blansh.html (дата обращения 05.09.2025).
4. Шевченко И. О необходимости психологического отбора кандидатов на должность судьи // PSY.media, электронный журнал о психологии и психоанализе от 11 мая 2022. – URL: <https://psy.media/o-neobhodimosti-psihologicheskogo-otbora/> (дата обращения 02.09.2025).
5. Цветков Ю.А. Профессионально-психологические типы судей // Уголовный процесс. – 2013. – № 11. – С. 19–25.

УДК [346.51/.54(476)]

ПРАВОВОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ LEGAL FORECASTING AS A TOOL FOR IMPROVING THE EFFICIENCY OF REGULATING ECONOMIC RELATIONS

Кочурко Юлия Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Национальная академия наук Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
kochurko@presidium.bas-net.by

Kochurko Yulia,
Candidate of Legal Sciences (PhD), Associate Professor,
National Academy of Sciences of Belarus
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье рассматривается понятие и сущность юридического прогнозирования, его функции и значение в социально-экономическом развитии страны. Автором на основе проведенного анализа нормативных правовых актов и научной литературы представлены понятие юридического прогнозирования; его уровни и структура; виды юридических прогнозов.

Ключевые слова: юридическое прогнозирование, экономические отношения, нормативная правовая база.

Abstract. The article examines the concept and essence of legal forecasting, its functions, and its significance in the socio-economic development of the country. Based on an analysis of regulatory legal acts and scientific literature, the author presents the concept of legal forecasting; its levels and structure; and the types of legal forecasts.

Keywords: legal forecasting, economic relations, and the regulatory legal framework.

Важнейшей предпосылкой государственного регулирования экономики является разработка прогнозов. Государственное прогнозирование представляет собой систему научно обоснованных представлений о тех или иных направлениях социально-экономического развития страны. В условиях перехода к рыночным отношениям прогнозирование приобретает весьма большое значение и становится начальной стадией, основой всей системы управления. Это обусловлено тем, что в условиях рынка меняются траектории развития, возрастает альтернативность его вариантов, усиливается интенсивность поиска выходов из нежелательных, негативных ситуаций. Развитая система альтернативных прогнозов позволяет сопоставлять, сравнивать возможные варианты, выбирать оптимальные из них. Кроме того, в рыночной экономике увеличивается число субъектов, которые самостоятельно, под свою ответственность принимают те или иные решения. Каждому из этих субъектов необходимо предвидеть изменения рыночной конъюнктуры, возможные последствия своих решений. Государственное прогнозирование не только позволяет предвидеть перспективы развития, но и предоставляет информацию предприятиям, компаниям о намерениях государства, является координирующим звеном для всех других форм регулирования.

Суть прогнозирования состоит в выявлении тенденций развития событий, возможных их сценариев, факторов и последствий. Это позволяет установить возможности и условия реализации близкого к оптимальному сценарию и концентрации на нем стратегического управления [1, с. 199].

Прогнозирование – это деятельность участников стратегического планирования по разработке научных представлений о социально-экономических рисках, о показателях и результатах социально-экономического развития страны.

Юридическое прогнозирование является саморегулируемой частью правовой системы, определяющей ее мониторинг, а также наблюдение за параметрами правовых явлений и процессов в сопоставлении с их должным состоянием в целях закрепления позитивных тенденций в правовой сфере. Совершенствование нормативной базы регулирования общественных отношений является предпосылкой, и фактическим материалом формирования прогностических оценок развития всей правовой системы. Прежде чем вторгнуться в регулирование общественных отношений, законодатель должен смоделировать, насколько оно будет эффективным. Правовая система призвана не только восполнять пробелы в регулировании общественных отношений и устранять недостатки действующих нормативных правовых актов, но и развиваться опережающими по отношению к общественным интересам темпами.

Прогностический этап законотворчества включает в себя вывод об эффективности законопроекта, что предполагает анализ прогностических данных о возможном поведении субъекта реализации права.

Правовое регулирование экономических отношений – это одна из форм регулирования взаимодействия, возникающего в обществе. Она в полной мере обеспечивает поведение субъектов предпринимательских отношений в соответствии с требованиями действующих на территории государства норм права.

Функционирование правовой системы развивается в циклических границах прогрессивного правообразования, законотворчества, правореализации и правоприменения, которые квалифицируют ее как подвижную структуру. Соответственно, юридическое прогнозирование как совокупность научных гипотез о направлениях совершенствования социально-правовых связей, обеспечивающих эффективное функционирование механизма государственного управления, предполагает реализацию прогностических разработок на следующих уровнях осуществления, анализа и оценки: стратегических векторов модернизации правовой системы и системы законодательства; развития отраслей права и отраслей законодательства; деятельности правовых организаций и учреждений; процессов формирования права и нормотворчества; поведения субъектов права.

Эти уровни неразрывно связаны и отражают соответственно законодательное, институциональное, правообразовательное и нормотворческое, правореализационное и правоприменительное прогнозирование.

Типология уровней осуществления юридического прогнозирования дает возможность сформулировать понятие правовых моделей как прогностических потенциалов правового регулирования и воспроизвести их по функциональному значению в правовой системе в виде стратегических, институциональных, правообразующих, нормотворческих, правореализационных и правоприменительных моделей [2, с. 21]. Функции юридического прогнозирования – это вектора воздействия на правовую систему. В их числе выделяют: теоретическая, мировоззренческая, нормативная, институциональная, правореализационная, правоприменительная. Прогнозными ориентирами являются: развитие национальной правовой системы со специфическим правовым механизмом, направленным на поддержку и реализацию непрерывного характера функционирования государственных и общественных институтов в заранее очерченных границах; гарантии охраны, защиты и реализации прав и свобод человека и гражданина; систематизация и оптимизация национального нормативно-правового массива исходя из международных стандартов.

При совершенствовании нормативной правовой базы следует применять принцип историзма, который выражается в аккумуляции исторических традиций организации правовых форм функционирования власти на основе поэтапности и непрерывности происходящих в обществе процессов.

Важность законодательной и правоприменительной деятельности предопределяет включение в структуру правового поведения следующих понятий:

- законодательное поведение – разновидность правовой деятельности государства по разработке плана законодательных работ на базе прогностического этапа законотворческой деятельности;

- правоприменительное поведение – существенный вариант властной деятельности полномочных государственных учреждений по разрешению конкретных споров о праве, установлению юридических фактов [3, с. 15], возложению исполнения обязанностей и возложению исполнения обязательств, а также применению мер защиты и мер ответственности.

Правоприменительное поведение оказывает серьезное влияние на фундаментальные права и свободы человека и гражданина, соблюдение которых служит основным критерием правового государства, и должно осуществляться в рамках общепринятых демократических процедур. Если же оно выходит за их пределы, то необходимо принимать срочные законодательные меры для возврата в правовое поле.

Необходимость совершенствования правового воздействия на социальные отношения, в том числе на их правоприменительную компоненту, отмечалась еще в советское время [4, с. 4]. Это совершенствование не следует сводить исключительно к повышению надежности законодательных предписаний. Оно должно распространяться также и на оптимизацию уровня правовой культуры, функционирования нормотворческих и правоприменительных учреждений.

Юридическое прогнозирование – это разновидность социального прогнозирования. Задачей юридической науки является описание, объяснение, прогнозирование государственно-правовых явлений и их развитие. Юридические прогнозы разрабатываются при системе фундаментально-теоретических исследований, которые направлены на развитие государственных и правовых явлений. Прогнозирование в юридической науке рассматривается как области научного предвидения. Если только обосновать цель, план, программу, проект и решение, то тогда прогнозирование может быть результативно применено.

Юридическое прогнозирование имеет существенное значение для законотворчества, ибо на нем основывается планирование развития законодательства. Прогнозные оценки законотворческой деятельности преследуют цель получить определенную информацию о направлениях и тенденциях дальнейшего развития законодательства, данные о том или ином его будущем состоянии.

Прогнозирование должно предусматривать планы, включать оценку хода, последствий их выполнения или невыполнения и все что невозможно спланировать, решить. Вероятностное описание возможного или желательного – это прогнозирование. Прогноз составляется отдельно от плана. В целом прогнозирование и планирование являются необходимыми элементами развития права, которое включает в себя элементы непрерывности (плановости) и элементы прерывного (дискретного) развития [5, с. 103]. Для прогнозирования должно быть уделено длительное время, а планирование имеет конкретный план действий в ближайшее время.

При юридическом прогнозировании необходимо учитывать: экономические, политические, социальные, психологические и иные явления, а также правовые средства. Факторы, которые необходимо учитывать при прогнозировании: внешние и внутренние. Внешние факторы – экономическая политика, научно-технический прогресс, социальные факторы и географические условия. Внутренние факторы – масштабы производства, маркетинг, инвестиционный потенциал, технологические условия, кадровая политика, особенности организации. Учитываются также экономические и социально-политические факторы развития, которые способны оказывать значительное влияние на качество юридических прогнозов.

В сферу исследования юридического прогнозирования включены: правовые явления и процессы прошлого; не урегулированные правом социальные явления и процессы; действующие правовые явления и процессы; тенденции и перспективы развития действующих правовых явлений и процессов; желательное развитие действующих правовых явлений и процессов; регулятивный и пострегулятивный контроль за отклонениями действующих правовых явлений и процессов от заданных параметров; пострегулятивное направление, состоящее в исследовании ценностных характеристик действующих правовых явлений и процессов для системной модернизации и долгосрочной стратегии развития общества; определение комплекса целеустановок для практической работы по модернизации всей правовой системы.

Сфера юридического прогнозирования определяет следующие виды юридических прогнозов: ретроспективный, фильтрующий, текущий, поисковый, нормативный, контролирующий, постюридический, комплексный [6, с.12].

Уровни юридического прогнозирования определяются комплексным подходом к совершенствованию правовой системы. На первом уровне (прогностическая оценка стратегии развития законодательства в целом) особое внимание уделяется влиянию

социальных проблем на развитие правовой системы, их взаимосвязь и общая взаимозависимость. Второй уровень (прогностическая оценка развития и совершенствования отраслей законодательства, его институтов и норм) требует безукоризненного владения отраслевым законодательством. Третий уровень юридического прогнозирования, находящийся на стыке права и социологии (прогнозирование правового поведения), включает социальный механизм действия права, основанный на закономерностях и причинно-следственных связях как правомерного, так и отклоняющегося правового поведения. Таким образом, объектом юридического прогнозирования является не только нормативное правовое регулирование, но и правовое поведение как действие по реализации закона, претворению его в жизнь.

Юридическое прогнозирование способствует реализации целостной конструкции, необходимость выстраивания которой отмечается в исследованиях, представляющей собой теоретическую и практическую модель для дифференциации и понимания соотношения правовой теории, философии права, отраслевых юридических наук и смежных с ними обществоведческих дисциплин во главе с социологией, располагающей элементами прогнозирования социальных явлений и процессов управления ими.

Юридический прогноз является функцией от двух аргументов: теоретического знания и эмпирических данных; он продуцируется знаниями о системе социально-правовых закономерностей и сопутствующих им условиях, без учета которых невозможно прогнозирование правовых явлений и процессов. Теоретический элемент структуры (знание о социально-правовых закономерностях) в юридическом прогнозе является главным. Эмпирические посылки, сопутствующие реализации социально-правовых закономерностей, находятся в зависимости от последних.

В структуре процесса юридического прогнозирования выделяются следующие основные этапы: изучение свойств (состояния) правовой системы в данный момент времени; изучение свойств внешней среды в исходный момент и прогнозируемый момент времени; задание либо свойство правовой системы в прогнозируемый конечный момент времени, либо структуры процесса, приводящего к конечному прогнозируемому состоянию; построение максимально полной модели объекта юридического прогнозирования и его поведения; получение результата прогноза и оценка.

Юридическое прогнозирование направлено на непрерывный мониторинг того, что есть, того, что движется, того, что должно быть и того, чего не должно быть, отражает непрерывность права и может быть выражено в новой правовой категории «синехеология права» – учение о непрерывности права, венчающее триаду «онтология права – гносеология права – аксиология».

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы. Юридическое прогнозирование представляет собой теоретическую и практическую деятельность в социально-правовой сфере, направленную на выявление тенденций развития правовой системы на заданную перспективу с целью выработки предложений по ее совершенствованию. Юридическое прогнозирование как направление научной деятельности представляет собой переход от юридической догматики к юридической аналитике, выводящей на исследование правовых явлений и процессов во всем их многообразии в целях совершенствования правового регулирования и результативного воздействия на общественные отношения. Оно направлено на получение выводов о тенденциях и путях дальнейшего развития законодательства; определение важнейших проблем социального развития, взаимосвязанных с основными направлениями деятельности государства и совершенствованием действующего законодательства; определение общественных отношений, которые требуют законодательного регулирования; выработку предложений по первоочередной подготовке нормативных правовых актов; получение прогнозов в конкретных областях экономических и общественных отношений в процессе планирования законодательства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабашкина А.М. Государственное регулирование национальной экономики. – М.: Финансы и статистика, 2013. – 480 с.
2. Агамиров К.В. Юридическое прогнозирование: актуальность, организационно-институциональный аспект и методологические основы // Журнал российского права. – 2019. – № 10. – С. 15–29.
3. Исаков В.Б. Юридические факты в российском праве : учебное пособие. – М.: Юстицинформ, 1998. – 48 с.
4. Правовая система социализма: проблемы функционирования и развития // Советское государство и право. – 1986. – № 8. – С. 3–10.
5. Сафаров Р.А. Прогнозирование и юридическая наука // Советское государство и право. – 1969. – № 3. – С. 93–102.
6. Иванов Р.Л. Пределы правового регулирования: понятие и виды // Вестник Омского ун-та. Серия: Право – 2011. – № 4 (29). – С. 12.

УДК 341.2

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ПРАВОВОМ ПОЛЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ LEGAL BASIS FOR SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT IN THE LEGAL FIELD OF INTERSTATE REGIONAL INTEGRATION

Кузьмич Ирина Петровна,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
i.kuzmich@mail.ru

Kuzmich Iryna,
Candidate of Legal Sciences (PhD), Associate Professor,
Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье анализируется созданная правовая основа для развития науки и новых технологий в рамках различных межгосударственных интеграционных образований, таких как СНГ, ЕАЭС и Союзное государство. Отмечается разная степень воздействия интеграционных норм на национальное законодательство, созданной институциональной среды, возможностей для участников данных отношений. Обращается внимание на общую декларативность и фрагментарность правового регулирования отношений в области развития науки и новых технологий, отсутствие прямой взаимосвязи с нормами национального законодательства в указанной сфере.

Ключевые слова: наука, национальное законодательство, научно-технологическое развитие, новые технологии, право Евразийского экономического союза, Содружество Независимых Государств, Союзное государство.

Abstract. This article analyzes the legal framework established for the development of science and new technologies within various interstate integration entities, such as the CIS, the EAEU, and the Union State. It notes the varying degrees of influence of integration norms on national legislation, the institutional environment created, and the opportunities available to participants in these relationships. It also highlights the overall declarative and fragmented nature

of legal regulation of relations in the field of science and new technologies, as well as the lack of direct correlation with national legislation in this area.

Keywords: science, national legislation, scientific and technological development, new technologies, law of the Eurasian Economic Union, Commonwealth of Independent States, Union State.

В современном мире актуальность вопросов, связанных с обеспечением научно-инновационной безопасности и укреплением технологического суверенитета государств, возрастает с каждым днем [1]. В этой связи процессы межгосударственной интеграции открывают новые потенциальные возможности для всех субъектов хозяйствования и увеличения объема инвестирования в наиболее приоритетные для государства направления, создавая в том числе условия для участия в реализации проектов «мегасайенс».

Вне зависимости от глубины и уровня интеграционного процесса, Союзное государство, СНГ или ЕАЭС, формирование единого научно-технологического пространства является одним из приоритетных направлений межгосударственной интеграции, о чем свидетельствуют уже созданная правовая основа и многочисленные стратегические документы, принятые за последнее время с целью обеспечения технологического суверенитета, независимости и конкурентоспособности государств.

Например, в рамках Содружества Независимых Государств еще в 1995 году были сформулированы основные принципы сотрудничества в сфере науки и научно-технической деятельности [2], а в качестве приоритетных направлений в Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств определены:

- разработка межгосударственных программ по техническому перевооружению, инновационным технологиям;
- взаимодействие на передовых направлениях научно-технического сотрудничества, в том числе путем создания производственно-технологических и сбытовых альянсов между предприятиями государств – участников СНГ;
- развитие и укрепление полномасштабной инвестиционной и научной кооперации;
- принятие совместных мер по разработке и ускоренному внедрению новых технологических укладов, в том числе по коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности [3].

Важным инструментом гармонизации законодательства государств – участников СНГ в области развития науки и новых технологий выступает модельное законотворчество. Только на ближайшую перспективу запланирована разработка модельных законов: «О технологиях искусственного интеллекта», «О целевых фондах поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности», «О научной и научно-технической деятельности» (новой редакции), «Об основах регулирования Интернета» (новой редакции), а также формирование Глоссария в сфере искусственного интеллекта для государств – участников СНГ [4]. А среди ранее принятых актов, нельзя не отметить такие как: Декларация об этических принципах научной деятельности [5], модельный Инновационный кодекс для государств – участников СНГ [6], модельные законы: «Об инновационно-инвестиционной инфраструктуре» [7], «О научных парках» [8], «О трансфере технологий и мерах по его поддержке и регулированию в государствах – участниках СНГ» [9], «О коммерциализации прав на результаты интеллектуальной деятельности в сфере науки и технологий» [10] и др.

Наличие модельного законотворчества позволяет государствам не только выстроить оптимальную и эффективную модель правового регулирования отношений в той или иной сфере, но и уловить и предвидеть основные тенденции развития правовой системы с учетом, быстро меняющегося под воздействием новых технологий правового пространства.

В рамках Договора о создании Союзного государства развитие науки отнесено к совместному ведению Союзного государства и государств-участников (ст. 18), что означает проведение по указанному направлению согласованной политики (ст. 46) [11].

Важным шагом в обеспечении безопасности и укреплении научно-технологического суверенитета государств-участников данного объединения стала разработка базового документа стратегического планирования, нацеленного на формирование единого научно-технологического пространства [12]. Так, в соответствии с принятой Стратегией научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года предполагается создание и использование прорывных технологий, и производство высокотехнологичной продукции. При этом единое научно-технологическое пространство включает как кадровый потенциал, так и исследовательско-технологическую инфраструктуру, а также комплекс законодательных, нормативных, организационных и финансовых механизмов, направленных на обеспечение научно-технологического развития Союзного государства. А среди приоритетов обозначены те направления, которые обеспечат: развитие природоподобных технологий, основанных на воспроизведении систем и процессов живой природы; переход к передовым цифровым технологиям, к новой экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике, к высокопродуктивному и экологически чистому агро- и аквахозяйству и др.

Гармонизация нормативной правовой базы в сфере науки и образования, формирование единого правового поля в этой области названы в качестве одной из основных задач научно-технологического развития Союзного государства. При этом создание не только организационных, финансовых, но и законодательных механизмов, обеспечивающих гармонизацию научной, научно-технической, инновационной, промышленной, экономической и социальной политики государств, предполагается уже на первом этапе реализации Стратегии. Однако План мероприятий по реализации первого этапа (2025–2030 годы) Стратегии, утвержденный Постановлением Совета Министров Союзного государства от 26 марта 2025 г. № 9 [13], каких-либо существенных законодательных мер не предусматривает, упоминая лишь внесение изменений в законодательство сторон по вопросам деятельности головных научных организаций (и то при необходимости), а также определение перечня требующих актуализации или разработки документов национальной системы стандартизации в научно-технической сфере.

Обращает на себя внимание и тот факт, что отношения, связанные с развитием науки и новых технологий, не были обозначены среди Основных направлений реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы [14], в рамках которых приняты многочисленные программы и начался ощутимый процесс по гармонизации законодательства. Однако, только в Союзной программе по формированию единой аграрной политики имеется такой этап, как определение единых направлений (приоритетов) научно-технического развития, включая разработку наднационального акта в виде Соглашения о направлениях (приоритетах) научно-технического развития сельского хозяйства Союзного государства. При этом все остальные программы каких-либо конкретных правовых мер по развитию науки и новых технологий не содержат.

Таким образом, на повестке дня стоит вопрос о существенном изменении роли науки и технологий в развитии общества, экономики и государства, что вряд ли возможно без качественной гармонизации, а при необходимости и унификации нормативной правовой базы в рассматриваемой сфере, когда речь идет об участии страны в процессах межгосударственной интеграции. В данном контексте наиболее эффективным представляется интеграционное сотрудничество государств в рамках Евразийского экономического союза, где степень воздействия на национальное законодательство заметно выше, так как юридическая основа формируется в более детализированном и конкретизированном правовом формате, обязательном в большинстве своем для участников интеграционного процесса, базирующемся на разветвленной институциональной среде и вовлеченности в него более широкого круга субъектов хозяйствования.

Однако и в правовом поле ЕАЭС можно обозначить пока лишь только отдельные элементы формирующегося механизма по обеспечению развития науки и технологий, а именно:

- наличие фрагментарной правовой основы на уровне Договора о Евразийском экономическом союзе, затрагивающей частично вопросы, связанные с развитием науки и новых технологий;
- формирование определенной институциональной среды в отдельных сферах экономических отношений;
- обозначение приоритетных для развития и поддержки видов технологий;
- создание относительно обособленной правовой основы для развития отдельных видов новых технологий (например, цифровых технологий);
- установление порядка и источников финансирования (государственного и частного) совместных проектов по созданию (приобретению) и внедрению новых технологий в различных отраслях экономики [15].

В то же время, наиболее оптимальным вариантом представляется модель, базирующаяся на едином и универсальном подходе регулирования рассматриваемых отношений, вне зависимости от отрасли экономики, в части создания полноценного органа, отвечающего за данную сферу, закрепления ключевых направлений и приоритетов инновационного и научно-технического развития, определения ключевых механизмов и объектов инновационной инфраструктуры, иных элементов институциональной среды и обеспечения доступа к ним для всех заинтересованных субъектов государств-членов ЕАЭС. В этой связи развитие науки и технологий в праве ЕАЭС должно быть выделено в качестве самостоятельного, а не второстепенного направления интеграционного сотрудничества, что существенно упростит правовое регулирование данных отношений, позволит избежать дублирования механизмов и инструментов в рамках проводимой согласованной экономической политики, обеспечит доступ к инновационной инфраструктуре всем заинтересованным субъектам, а также создаст наиболее благоприятные условия для установления взаимосвязи с нормами национального законодательства.

Ключевое значение в указанном процессе должно отводиться таким принципам, как принцип кооперации субъектов в части создания новых технологий (осуществления научно-инновационной деятельности), обеспечения равного доступа к ним государств-членов, закрепления приоритета в части финансирования, приобретения, ввоза на территорию ЕАЭС новых технологий и интеграции в национальную правовую систему норм, в части установления терминологического единства и взаимосвязей с основными элементами создаваемого общего механизма обращения на рынке ЕАЭС новых технологий, развития науки, научно-технической и инновационной деятельности. Это потребует разработки общей концепции развития науки в ЕАЭС и стратегии по гармонизации ключевых правовых институтов на национальном уровне, включая формирование правовой основы, обеспечивающей взаимосвязь с институциональной средой, созданной для развития науки и технологий в рамках ЕАЭС.

Следует добавить, что доступность результатов исследований и способность преобразования их в инновации, востребованные участниками экономических отношений, быстрое распространение среди них – важный фактор конкурентоспособности отечественных производителей и основа формирования технологического суверенитета страны.

Формирование необходимой инфраструктуры и особого правового режима функционирования для субъектов хозяйствования в части разработки и продвижения новых технологий – необходимый и важный этап трансформации экономических отношений. Однако, в рамках общего правового пространства, распространение новых технологий в различных сферах экономической деятельности требует закрепления определенного комплекса правовых гарантий и для обычных субъектов хозяйствования, выступающих конечными потребителями (пользователями) новых технологий, вне зависимости от вида осуществляемой деятельности и правового статуса самих субъектов, с одновременным обеспечением сквозного характера действия данных норм в правовой системе. При этом в своей совокупности правовые гарантии должны состоять из: институциональных, экономико-правовых и отраслевых, а именно – гарантировать создание институциональной

среды, адаптированной к субъектам хозяйствования, содержать реальные механизмы экономического стимулирования (при необходимости государственной поддержки) посредством проведения соответствующей бюджетной, кредитной, налоговой, таможенной политики и устанавливать при необходимости взаимосвязь с отраслевым законодательством.

Таким образом, уже на данном этапе интеграционного сотрудничества в сфере науки и новых технологий, необходимо:

- уточнение норм Закона Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности» в части обеспечения взаимосвязи с нормами права ЕАЭС о трансфере технологий, а именно: формирование национальных сегментов евразийской сети (определения уполномоченных органов), разработка на национальном уровне комплекса мер по стимулированию развития трансфера технологий, включая планирование и координацию мероприятий по поддержке проектов по трансферу технологий в рамках ЕАЭС;

- создание правовых предпосылок для участия субъектов в функционировании Евразийских технологических платформ и формировании Евразийских инжиниринговых центров;

- формирование эффективной правовой основы в части возможного участия в предоставлении грантовой поддержки (для целей проведения фундаментальных и прикладных исследований, создания новых технологий, внедрения инноваций) не только со стороны государства, но и заинтересованных субъектов хозяйствования различной организационно-правовой формы и формы собственности (предусматривая в том числе предоставление для них определенных преференций);

- максимальное сближение цифровой повестки в области правового обеспечения развития науки и новых технологий в целях «цифровой трансформации» экономических отношений: при использовании режима «регулятивной песочницы», создании «цифровых платформ» и «цифровых экосистем», применении «кросс-отраслевых процессов» и т. п.;

- формирование активной целенаправленной информационной повестки со стороны государства (создание специализированной консультационной службы) для вовлечения заинтересованных субъектов в отношения в сфере науки и новых технологий в контексте новых возможностей, обусловленных преимуществами межгосударственной интеграции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гусаков: развитию науки, росту ее потенциала и инструментария в ЕАЭС придается ключевое значение годы. – URL: <https://www.belta.by/society/view/gusakov-razvitiju-nauki-rostu-ee-potentsiala-i-instrumentarija-v-eaes-pridaetsja-kljuchevoe-znachenie-509079-2022/> (дата обращения 20.08.2025).

2. О рекомендательном законодательном акте «Об основных принципах сотрудничества государств – участников СНГ в сфере науки и научно-технической деятельности»: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств: принято в г. Санкт-Петербурге 13 мая 1995 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

3. О Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств и Плана основных мероприятий по ее реализации: Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств: принято в г. Душанбе 5 октября 2007 г.: в ред. от 18.12.2020 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

4. О Перспективном плане модельного законодательства в Содружестве Независимых Государств на 2023 – 2025 годы: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 28 октября 2022 г. № 54-33: в ред. от 16.11.2023 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

5. О Декларации об этических принципах научной деятельности: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств № 37-6: принято в г. Санкт-Петербурге 17 мая 2012 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
6. О модельном Инновационном кодексе для государств – участников СНГ: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств № 41-23: принято в г. Санкт-Петербурге 28 ноября 2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
7. О модельном законе «Об инновационно-инвестиционной инфраструктуре»: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств № 9-11: принято в г. Санкт-Петербурге 8 июня 1997 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
8. О модельном законе «О научных парках»: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств № 39-7: принято в г. Санкт-Петербурге 29 ноября 2013 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
9. О модельном законе «О трансфере технологий и мерах по его поддержке и регулированию в государствах – участниках СНГ»: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств № 55-6: принято в г. Санкт-Петербурге 14 апреля 2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
10. О модельном законе «О коммерциализации прав на результаты интеллектуальной деятельности в сфере науки и технологий»: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств № 54-13: принято в г. Самарканде 28 октября 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
11. Договор о создании Союзного государства: подписан в г. Москве 8 декабря 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
12. О Стратегии научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года: Постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства № 2: принято в г. Санкт-Петербурге 29 января 2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
13. О Плане мероприятий по реализации первого этапа (2025–2030 годы) Стратегии научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года: Постановление Совета Министров Союзного государства № 9: принято в г. Москве 26 марта 2025 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
14. Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы: Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6: совершен в г. Минске 4 ноября 2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
15. Кузьмич И.П. Совершенствование правового регулирования отношений в сфере развития науки и новых технологий в условиях воздействия процессов межгосударственной интеграции // Развитие регулятивных и охранительных правовых механизмов в экономической сфере / Н.С. Минько [и др.]; под общ. ред. Н.С. Минько, Е.Н. Гладкой; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск: Беларуская навука, 2024. – С. 137–158.

**К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ
ON THE QUESTION OF INCREASING THE EFFICIENCY OF LEGAL REGULATION
OF PUBLIC RELATIONS RELATED TO THE USE OF NEW TECHNOLOGIES
IN THE ENVIRONMENTAL SPHERE**

Курилович Мария Петровна,
кандидат юридических наук,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
kurilovich@economics.basnet.by

Kurylovich Maryia,
Candidate of Legal Sciences (PhD),
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. Правовое регулирование общественных отношений, связанных с использованием новых технологий, характеризуется разрозненностью, обусловленной спецификой каждой отдельной сферы. Особенности правового регулирования использования новых технологий имеет и сфера экологических отношений, анализ которых позволил: определить сотрудничество государства, бизнеса и общественности при реализации проектов, прямо или косвенно оказывающих влияние на окружающую среду, в качестве неотъемлемого элемента механизма оптимизации правового регулирования использования новых технологий в экологической сфере; выделить факторы, подлежащие учету при повышении эффективности правового регулирования экологических отношений, связанных с использованием новых технологий. В результате внедрения современных технологий в разные сферы появляются многочисленные угрозы и вызовы экологической безопасности, в связи с чем огромное значение обретает и управление рисками (в частности экологическими) при реализации хозяйственной и иной деятельности. В рамках обоснования управления экологическими рисками в качестве одного из инструментов, повышающих эффективность контроля за соблюдением экологических требований, в т. ч. при внедрении новых технологий, автором определены признаки экологических рисков при осуществлении хозяйственной деятельности с возможным привлечением общественности к принятию экологически значимых решений, выделены стадии управления такими рисками.

Ключевые слова: правовое регулирование, новые технологии, экологические отношения, экологические риски.

Abstract. Legal regulation of social relations related to the use of new technologies is characterized by fragmentation due to the specific nature of each individual sphere. The sphere of environmental relations also has its own specific features in the legal regulation of new technologies. An analysis of these relations has allowed us to identify cooperation between the state, business, and the public in the implementation of projects that impact the environment as an integral element of the mechanism for optimizing legal regulation of the use of new technologies in the environmental sphere. We have also identified factors that must be taken into account for improving the effectiveness of legal regulation of environmental relations related to the use of new technologies. The introduction of modern technologies in various spheres gives rise to numerous challenges to environmental safety, making risk management (particularly environmental risks) in the implementation of economic and other activities of great importance. In substantiating

environmental risk management as a tool for increasing the effectiveness of monitoring compliance with environmental requirements, including the introduction of new technologies, the author identifies the signs of environmental risks in the implementation of economic activities with the possible involvement of the public in making environmentally significant decisions, and identifies the stages of managing such risks.

Keywords: legal regulation, new technologies, environmental relations, environmental risks.

Признавая первичность общественных отношений, связанных с использованием новых технологий, относительно их правового регулирования и обусловленную этим необходимость их вызревания в конкретном государстве, заметим, что стремительное развитие технологий и приверженность развитию инноваций все же ставит на повестку дня вопросы правового регулирования данной группы общественных отношений. При этом, правовое регулирование таких общественных отношений характеризуется разрозненностью, обусловленной спецификой каждой отдельной сферы, нередко отраслевые особенности находят свое отражение не на уровне законов, а на уровне программных документов. Специфику правового регулирования использования новых технологий имеет и сфера экологических отношений, поскольку тесная взаимосвязь экологической и экономической функций природных ресурсов оказывают влияние на выбор государством экономических моделей, что влечет и поиск новых технологий, способных обеспечить экологизацию хозяйственной деятельности при сохранении экономической выгоды. Среди видов новых технологий, развитие и внедрение которых оказывает влияние на регулирование экологических отношений, выделяют: «информационно-коммуникативные цифровые технологии, используемые в сфере государственного управления; системы обработки полученных данных о состоянии природных ресурсов и ведения информационных систем; автоматизированное ведение государственных природоресурсных кадастров, создание электронных баз данных реестров и регистров» [1]. Вместе с тем, для правового обеспечения внедрения и использования новых технологий во все сферы жизни и деятельности общества (в т. ч. и для решения экологических проблем), необходимо межотраслевое регулирование, позволяющее связать отраслевые нормы в единую систему.

При закреплении дефиниции понятия «новые технологии» в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 1 июля 2022 г. № 435 (далее – Постановление № 435), активном его использовании в нормативных правовых актах – в постановлении Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь и Министерства экономики Республики Беларусь от 12 июня 2024 г. № 9/7; Указе Президента Республики Беларусь от 3 января 2007 г. № 1 и др., в документах программного и стратегического характера, существует проблема трактовки названного понятия, вбирающего в себя ряд иных терминов: инновационная деятельность, цифровизация, искусственный интеллект и т. д. (каждый из которых имеет свою специфику правового регулирования). Отсутствуют в законодательстве и конкретные критерии отнесения технологий к новым, что не позволяет считать такое правовое регулирование достаточным [1, с. 18].

Задачи по созданию надлежащих правовых, организационных и экономических условий для развития новых технологий, позволяющих реализовывать экологические приоритеты, как правило, возложены на государство. Так, оно закрепляет механизмы, содействующие достижению результата, устанавливает средства его достижения (т. к. публичные обсуждения, формирование экологической культуры граждан, норм ответственности); закрепляет правовые механизмы выявления и оценки рисков, влекущих за собой развитие новых технологий (в т. ч. экологических); создает правовые возможности для реализации гражданами своего права на участие в принятии экологически значимых решений, в реализации проектов, которые оказывают или могут оказать воздействие на окружающую среду; создает условия для стимулирования субъектов экономической деятельности к внедрению экологически чистых технологий: определяет суть таких технологий, порядок их приобретения, внедрения, льготы при их использовании; закрепляет

возможные механизмы взаимодействия с государством, обеспечивает правовые механизмы вовлечения бизнеса в данные процессы (в т. ч. посредством государственно-частного партнерства); поддерживает научные исследования в соответствующих сферах [2, 3]. Одним из способов воздействия государства на исследуемые общественные отношения является и установление ответственности субъектов. При этом важно сочетать меры позитивного поощрения и правоограничительное стимулирование, так как меры ответственности должны выступать стимулом правомерного поведения, но не должны лишать субъекта общественных отношений потенциального желания осуществлять деятельность. Особенностью юридической ответственности в сфере экологических отношений является презумпция противоправности (см. общие основания ответственности за причинение вреда – ст. 933 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 дек.1998 г. № 218-3 с изм. и доп.); разрешительная система природопользования; наличие комплекса мероприятий, направленных на восстановление вреда, причиненного окружающей среде.

В результате внедрения современных технологий в разные сферы появляются многочисленные угрозы и вызовы национальной безопасности, в т. ч. экологической безопасности (включая кумулятивное отрицательное воздействие таких технологий на окружающую среду) [4, с. 131; 1]. Неотъемлемым элементом механизма повышения эффективности правового регулирования использования новых технологий в экологической сфере является сотрудничество государства, бизнеса и общественности при реализации проектов, прямо или косвенно оказывающих влияние на окружающую среду (государственно-частное партнерство). Подобный инструмент может стать методологической основой для использования существующих правовых механизмов в качестве форм партнерства для чего потребуются включение в Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII (ред. от 17.07.2023) «Об охране окружающей среды» (далее – Закон «Об охране окружающей среды») статьи, обеспечивающей возможность участия физических и юридических лиц в партнерстве в экологических отношениях. В то же время фактором, указывающим на предупреждение вредного воздействия на окружающую среду, является необходимость соблюдения экологических требований, закрепленных в Законе «Об охране окружающей среды», нарушение которых может повлечь причинения вреда окружающей среде. В связи с чем огромное значение обретает управление рисками при реализации хозяйственной и иной деятельности, в частности экологическими. В контексте сказанного согласимся с тем, что «инновационный и экологический факторы в настоящее время являются базисом устойчивого развития, обеспечивающим субъектам хозяйствования «сильную конкурентную позицию» [5, с. 18], а экологические риски – неотъемлемым атрибутом любой деятельности, включая инновационную» [6, с. 287].

В продолжение вышесказанного выделим признаки экологических рисков при осуществлении хозяйственной деятельности (с возможным привлечением заинтересованной общественности к принятию экологически значимых решений, связанных с этой деятельностью): 1) недостаточный уровень технической безопасности объекта, включающий: а) недостаточное развитие технологий, б) недостаточный уровень технической оснащенности объекта. С правовой точки зрения существует неоднозначность понимания дефиниций «новая технология», «экологически чистая технология», «экологическая инновация», что затрудняет их внедрение субъектами экономической деятельности. Так, Закон «Об охране окружающей среды» использует термин «*наилучшие доступные* технические методы» (ст. 1, ст. 32). При этом национальным законодательством «не определяется место таких методов и технологий в системе экологических инноваций» [6]. Под экологическими инновациями, как правило, понимают производство, распространение или использование новшеств в продукции, производственных процессах, услугах или менеджменте и методах ведения бизнеса, позволяющие снизить негативное воздействие на окружающую среду и/или оптимизирующие использование ресурсов в течение жизненного цикла соответствующей экономической деятельности [7]. Закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-3 (ред. от 06.01.2022) «О государственной инновационной политике и инновационной

деятельности в Республике Беларусь» (далее – Закон «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь») раскрывает понятия «инновации» и «новшество» через дефиницию «новая технология» (ст. 1), определение которой содержится в ранее упомянутом Постановлении № 435. Таким образом, важной задачей является работа по установлению единого регулирования применения новых технологий в законодательстве, в т. ч. обеспечивающих снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в целях создания универсальной правовой основы для их использования субъектами таких отношений.

Недостаточный уровень технической оснащенности объекта имеет место, когда состояние оборудования ставит под вопрос безопасность осуществления на нем определенной деятельности. Для своевременного устранения вероятности наступления подобных ситуаций законодатель устанавливает требования к осуществлению отдельных видов деятельности (гл. 13 Закона «Об охране окружающей среды»); выполнение отдельных видов работ или оказание услуг требует получения разрешений (Указ Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2011 г. № 528 с изм. и доп. «О комплексных природоохранных разрешениях»);

2) вероятность причинения вреда здоровью граждан, имуществу граждан, юридических лиц и государства посредством загрязнения окружающей среды, загрязнения или уничтожения природных ресурсов, результатом чего может стать снижение качества жизни населения, увеличения заболеваний, смертности населения. При этом вред здоровью и имуществу рассматривается в контексте экологического вреда, исходя из определения, содержащегося в ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды», т. е. причиняемого в результате вредного воздействия на окружающую среду. Такой вред «<...> подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред, в соответствии с гражданским законодательством» (ст. 110 того же закона);

3) риски в связи с деятельностью «недовольной» общественности. При планировании хозяйственной деятельности важно учитывать мнение заинтересованной общественности, привлекать ее представителей к процессам принятия экологически значимых решений (правовую основу чего составляют нормы Конституции Республики Беларусь 1994 г. в ред. от 04.03.2022 и Закона «Об охране окружающей среды») [8].

Для своевременного предупреждения или устранения рисков важно грамотное управление ими (с целью сведения к минимуму отрицательного воздействия такой деятельности) [9, с. 107], которое включает в себя следующие стадии: выявление рисков для конкретного проекта; оценку экологических рисков; распределение рисков; действия по предотвращению и (или) снижению рисков; мониторинг выявленных ранее рисков и появления новых. Обезопасит субъектов от значительных финансовых потерь при управлении рисками: создание субъектами экономической деятельности специальных резервных фондов, из которых будет производиться компенсация убытков при причинении вреда; закрепление надлежащего правового регулирования обязательного экологического страхования (определение в законодательстве Республики Беларусь перечня видов деятельности, для которых оно должно осуществляться). Для чего потребуется уточнение понятия «экологическое страхование» в Законе «Об охране окружающей среды» с указанием на наличие экологических рисков при заключении договоров страхования: «экологическое страхование – страхование гражданской ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей с учетом экологических рисков в целях защиты имущественных интересов граждан и юридических лиц, а также Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц на случай причинения экологического вреда». Так, управление экологическими рисками является одним из инструментов, повышающих эффективность контроля за соблюдением экологических требований, в т. ч. при внедрении новых технологий.

Таким образом, понимая необходимость взаимодействия государства, субъектов хозяйственной и иной деятельности, заинтересованной общественности в той или иной

форме для развития технологий, инноваций и эффективного использования существующих правовых механизмов одним из способов такого сотрудничества может быть государственно-частное партнерство. Реализация такого подхода в сфере развития экологических инноваций потребует закрепления в Законе «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности» положения обеспечивающего осуществление государственно-частного партнерства, определение особенностей и способов его осуществления в сфере инновационной деятельности, а также включение в Закон «Об охране окружающей среды» статьи, обеспечивающей возможность участия физических и юридических лиц в сотрудничестве в экологических отношениях, с пониманием необходимости совершенствования концепции партнерства, закреплённой в национальном законодательстве и развития данного правового средства в качестве не только способа привлечения инвестиций в экономику, но и инструмента финансирования исследований и научно-технической деятельности.

Для повышения эффективности правового регулирования экологических отношений, связанных с использованием новых технологий необходим учет следующих факторов: понимание неизбежности изменения общественных отношений с образованием новых общественных связей под воздействием разнообразных факторов; осознание, что не все общественные отношения, связанные с использованием новых технологий, могут быть урегулированы правом или же регулирование их может отставать по времени от возникающих общественных отношений; влияние особенностей конкретной сферы использования новых технологий на разработку правового регулирования для их применения; важность комплексного подхода к правовому регулированию смежных общественных отношений; необходимость учета воздействия, оказываемого на окружающую среду и возникающих при этом рисков (в т. ч. экологических), связанных с использованием новых технологий; влияние интеграционных процессов на разработку правовых подходов к регулированию исследуемых общественных отношений и невозможность полной изоляции эффектов воздействия на окружающую среду в отдельном государстве; необходимость проявления инициативы государства при смене подходов к производству, переоборудованию предприятий; важность привлечения субъектов хозяйственной деятельности и заинтересованной общественности к взаимодействию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шахрай И.С., Кузьмич И.П. Право в эпоху новых технологий: тенденции и перспективы развития // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2022. – № 1. – С. 16–23.
2. Седаш Т.Н., Тютюкина Е.Б., Лобанов И.Н. Направления и инструменты финансирования «зеленых» проектов в концепции устойчивого развития экономики // Экономика. Налоги. Право. – 2019. – № 12 (5). – С. 52–60.
3. Курилович М.П. Правовые меры, стимулирующие внедрение экологически чистых технологий субъектами хозяйствования, в контексте согласования публичных и частных интересов // Развитие регулятивных и охранительных правовых механизмов в экономической сфере / Н.С. Минько [и др.]; под общ. ред. Н.С. Минько, Е.Н. Гладкой; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск: Беларуская навука, 2024. – С. 208–218.
4. Овчинников А.И., Фатхи В.И. Право и цифровая экономика: основные направления взаимодействия // Философия права. – 2018. – № 3. – С. 128–134.
5. Саенко К.С. Инновационные и экологические риски: организационно-методологические подходы к учетному отражению их последствий в системе управления хозяйствующими объектами // Экономический анализ: теория и практика. – 2009. – № 32 (161). – С. 17–27.
6. Шахрай И.С. Экологические аспекты инновационной деятельности: некоторые проблемы правового регулирования в Республике Беларусь // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 3 (152). – С. 285–292.

7. Батова Н.Н. Экологические инновации и их роль в зеленой трансформации экономики // Наука и инновации. – 2024. – № 10. – С. 48–53.

8. Курилович М.П. Правовые аспекты управления экологическими рисками при реализации проектов публично-частного партнерства // Проблемы систематизации комплексных отраслей законодательства: сборник науч. статей по материалам круглого стола с междунар. уч., посвящ. 30-летию принятия Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», Минск, 17 марта 2023 г. / БГУ, юридич. фак., каф. экол. и аграр. права; редкол.: Т.И. Макарова (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2023. – С. 151–154.

9. Фурсов В.А., Лазарева Н.В. Управление рисками при реализации проектов государственно-частного партнерства // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2016. – № 1 (52). – С. 103–108.

УДК 346.5

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КОНТЕКСТЕ ВАЖНЕЙШИХ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРЫ**
**SOME ISSUES OF ORGANIZATIONAL AND LEGAL SUPPORT FOR THE USE
OF NEW TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF THE MOST IMPORTANT
SOCIO-ECONOMIC PRIORITIES AND IMPROVEMENT OF THE SCIENTIFIC
AND TECHNICAL SPHERE**

Минько Наталья Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт правовых исследований Национального центра законодательства
и правовой информации Республики Беларусь,
Республика Беларусь, г. Минск
Natallia.Minko@gmail.com

Минько Леонид Францевич,
кандидат технических наук,
Республиканский центр по гидрометеорологии, контролю радиоактивного загрязнения
и мониторингу окружающей среды,
Республика Беларусь, г. Минск
leonid.minko@mail.ru

Minko Natallia,
Candidate of Legal Sciences (PhD), Associate Professor,
The Institute of Legal Studies of the National Center of Legislation and Legal Information
of the Republic of Belarus,
Republic of Belarus, Minsk

Minko Leanid,
Candidate of Technical Sciences (PhD),
Republican Center for Hydrometeorology, Radioactive Pollution Control
and Environmental Monitoring,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье раскрываются актуальные вопросы организационно-правового обеспечения использования новых технологий в контексте важнейших социально-

экономических приоритетов и совершенствования научно-технической сферы. Отмечается необходимость стратегического программирования научно-технического прогресса: закрепление ориентиров будущих изменений в науке, технологиях и инновациях в актах стратегического планирования; суверенизация правового регулирования; укрепление конституционно-правовой основы научной политики; циклизация нормативного правового массива: институционализация новых, ранее нетипичных отраслей права, таких как цифровое право, право науки и формирующееся технологическое право, формирование инновационной юридической культуры.

Ключевые слова: организационно-правовое обеспечение, использование новых технологий, технологический суверенитет, социально-экономические приоритеты, цифровизация.

Abstract. The article describes topical issues of organizational and legal support for the use of new technologies in the context of the most important socio-economic priorities and the improvement of the scientific and technical sphere. The need for strategic programming of scientific and technological progress is noted: consolidation of guidelines for future changes in science, technology and innovation in acts of strategic planning; sovereignty of legal regulation; strengthening the constitutional and legal basis of scientific policy; cyclization of the normative legal array: institutionalization of new, previously atypical branches of law, such as digital law, the law of science and the current technological law, formation of innovative legal culture.

Keywords: organizational and legal support, use of new technologies, technological sovereignty, socio-economic priorities, digitalization.

Государство стремится обеспечить баланс между эффективностью развития новых технологий и необходимостью их оптимального правового регулирования. В условиях стремительных технологических изменений государство, бизнес и научное сообщество сталкиваются с новыми вызовами, требующими оперативных правотворческих решений и грамотной правоприменительной деятельности. В трудах отечественных и зарубежных авторов (М.В. Алексеева, Н.А. Антанович, М.С. Арапова, И.Н. Баранов, А.А. Бержанин, Д.А. Боева, Е.Л. Богдан, А.В. Бондарев, В.В. Бондаренко, М.А. Васильев, А.Г. Гладышев, М.Б. Добробаба, И.А. Добровольская, А.М. Еремеева, М.В. Залоило, А.В. Золотарева, А.А. Карцхия, Т.М. Киселёва, М.А. Козак, В.Б. Криштаносов, Б.Б. Лиджи-Гаряев, С.Г. Луговский, Л.В. Магдилова, А.В. Михнюк, А.А. Орешенков, В.В. Осмоловский, Е.А. Погребцова, Д.Б. Урганова, Е.А. Филимонова, С.В. Шлычков, С.Е. Чаннов, О.И. Юркевич, Е.А. Яковлева и др.) имеется определенный научный задел по вопросам организационно-правового обеспечения использования новых технологий в различных сферах жизнедеятельности общества, однако динамика общественного развития, система обновленных социально-экономических приоритетов предполагают дальнейшие научные изыскания и интерес к проблематике.

В настоящее время в стратегических документах Республики Беларусь в числе *важнейших социально-экономических приоритетов обозначены следующие.*

В Конституции Республике Беларусь в качестве социально-экономических приоритетов закреплены базовые конституционно-правовые начала: свободы экономической деятельности; равной защиты и равных условий для всех форм собственности; равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; регулирования экономической деятельности в интересах человека и общества; обеспечение направления и координации государственной и частной экономической деятельности в социальных целях; улучшение социально-экономического уровня жизни (ст. 13) [1]. В Концепции правовой политики предусмотрена согласованность проводимой правовой, экономической, социальной и других видов государственной политики (п. 5) [2]. В п. 4 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь предусмотрено, что

экономическая безопасность белорусского государства предполагает состояние защищенности отраслей и сфер экономики от воздействия угроз, препятствующих устойчивому социально-экономическому развитию Республики Беларусь [3].

Президент Беларуси Александр Лукашенко 1 апреля 2025 г. подписал Указ № 135, которым утверждены приоритетные направления научной, научно-технической и инновационной деятельности в стране на 2026–2030 годы [4]. В качестве таких направлений определены наиболее перспективные и востребованные для государства сферы деятельности, позволяющие в среднесрочной перспективе обеспечить актуальные результаты в наукоемких и высокотехнологичных секторах экономики, конкурентные преимущества и технологическую безопасность страны. Это цифровые технологии и искусственный интеллект, инновационные технологии в промышленности, биологические и медицинские технологии, инновационные технологии в агропромышленном комплексе и пищевой промышленности, научное и научно-техническое обеспечение безопасности человека, общества и государства. В соответствии с приоритетами будут сформированы и утверждены государственные программы научных исследований, научно-технические программы, Государственная программа инновационного развития Беларуси на 2026–2030 годы.

Вопрос определения долгосрочного концептуального видения развития страны на основе преимущественно интеллектуального фактора предусмотрен в утвержденной постановлением Президиума Национальной академии наук Беларуси 26.02.2018 № 17 Стратегии «Наука и технологии: 2018–2040», (далее – Стратегия) [5].

С учетом указанного цель работы заключается в следующем: в результате систематизации сложившихся в науке теоретико-методологических и прикладных подходов по проблематике сформулировать рекомендации и предложения, направленные на повышение эффективности отраслевых и межотраслевых регулятивных и охранительных правовых механизмов использования новых технологий в свете важнейших социально-экономических приоритетов в условиях совершенствования научно-технической сферы.

Для обеспечения инновационного развития экономики необходимо создать новый механизм управления научно-технологическим и инновационным развитием, гармонично сочетающий методы государственного регулирования и рыночные инструменты. Важно сформировать систематизированную, кодифицированную нормативную правовую базу, позволяющую реализовать полный цикл инновационной деятельности: от формирования спроса на научную и научно-техническую продукцию, проведения исследований и разработок, до внедрения новшеств, производства и коммерциализации инновационной продукции. Актуальной задачей становится создание современного скоординированного экономического и организационно-правового механизмов, которые за счет интеграции управленческих подходов государства и рыночных регуляторов будут стимулировать реальный спрос на научные, научно-технические и инновационные решения.

В условиях стремительного развития цифровых коммуникационных технологий наблюдается определенное несоответствие действующего правового регулирования и юридико-технических механизмов требованиям цифровой среды, что влечет за собой ряд системных проблем. К числу актуальных правовых вызовов относятся: необходимость нормативного закрепления и обеспечения эффективного правового регулирования общественных отношений, возникающих с применением современных цифровых технологий; обеспечение гарантированной защиты прав и свобод личности, а также фундаментальных ценностей в цифровом пространстве; урегулирование новых форм социальной и политической коммуникации, включая виртуальные сообщества, интерактивные форматы взаимодействия и пр.; формирование и реализация правовых механизмов кибербезопасности, предполагающих разработку и внедрение превентивных и ответных мер противодействия киберпреступлениям.

Дальнейшая цифровизация общества обуславливает рост объема информации и трансформацию общественных связей, что, в свою очередь, требует качественного обновления правовой системы. В правовой доктрине обозначены два ключевых направления

преодоления структурного отставания нормативного регулирования: формирование обновленной модели правопонимания и правовой культуры, отвечающей реалиям цифровой эпохи; адаптация сложившихся правовых институтов и механизмов к новым технологическим и коммуникационным условиям. При этом законодательное закрепление понятия «цифровые технологии» позволит значительно улучшить юридическую технику в вопросах формирования правового регулирования цифровизации экономики.

Одним из актуальных направлений цифровой трансформации государственного управления является разработка и внедрение интегрированных платформ, обеспечивающих консолидированный сбор, обработку и анализ данных, поступающих из различных источников, включая органы государственной статистики, результаты социологических исследований, мониторинг информационного пространства (включая социальные сети) и открытые государственные (правительственные) ресурсы. Чтобы оценить эффективность системы управления, целесообразно законодательно установить понятие «критерий эффективности», обозначающий признак или совокупность признаков управленческой деятельности, посредством анализа которых можно определить качество управления, его соответствие потребностям общества.

В целях обеспечения эффективного межгосударственного взаимодействия в области цифровой медицины назрела необходимость выработки единых правовых и технических подходов на пространстве государств – участников СНГ. Создание общего цифрового контура позволит государствам – участникам СНГ разработать и внедрить интегрированные платформы для сбора, обработки и хранения некоторых медицинских данных, обеспечить проведение мультицентровых научных исследований с применением цифровых инструментов; реализовать программы повышения квалификации медицинского персонала; укрепить механизмы коллективной безопасности и реагирования в чрезвычайных ситуациях. Особое внимание следует уделить вопросам правового регулирования использования технологий искусственного интеллекта в части обеспечения надлежащей защиты персональных данных. В этой связи требуется актуализация положений Закона Республики Беларусь от 07.05.2021 № 99-З «О защите персональных данных» с целью регламентации обработки персональных и обезличенных данных, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта; определения порядка хранения и обеспечения конфиденциальности медицинской информации, допускаемой к использованию исключительно медицинским работником и самим пациентом; закрепления права субъекта персональных данных на отзыв согласия на их обработку, а также механизма удаления таких данных, включая ранее собранную и анонимизированную информацию, подлежащую анализу. Вопросы использования технологий искусственного интеллекта и робототехнических решений в здравоохранении требуют совершенствования правовых механизмов страхования гражданско-правовой ответственности и медицинских рисков.

В области образования требуют первоочередного внимания вопросы организации образовательного процесса на базе учреждений высшего образования в дистанционном формате, где необходимым условием является наличие электронных образовательных ресурсов, разработанных в соответствии с учебными стандартами и планами по специальностям; интегрированной системы электронного обучения, включающей программно-техническую инфраструктуру и информационные ресурсы образовательного назначения; механизмов организации и проведения промежуточной и итоговой аттестации обучающихся; средств фиксации цифрового следа (идентификации) преподавателя – структурированного массива достоверных цифровых данных, отражающих результаты его педагогической деятельности. В порядке систематизации правоотношений, возникающих в процессе цифровой трансформации образовательной сферы, представляется целесообразным включение в Кодекс Республики Беларусь об образовании отдельного раздела, посвященного правовому регулированию электронного обучения.

В области трудовых отношений современные информационно-коммуникационные технологии, а также цифровые решения, основанные на них, включая технологии

распределенных реестров (блокчейн) и облачные вычисления, создают предпосылки для комплексной автоматизации всех этапов кадровой работы на уровне организаций различных форм собственности и ведомственной принадлежности. В рамках такой трансформации реализуются процессы прогнозирования потребности в кадрах; отбора и подбора кандидатов, обладающих требуемыми профессиональными компетенциями; проводится оценка результативности трудовой деятельности; управление системой мотивации; организации обучения и повышения квалификации персонала. В указанных условиях складываются правовые основания для формирования централизованных государственных информационных ресурсов, предназначенных для стратегического управления кадровым потенциалом.

В сфере строительства перспективным направлением развития является разработка веб-портала с открытым доступом к части данных геоинформационных систем (ГИС) и градостроительного кадастра, с соблюдением требований законодательства о защите персональных данных и коммерческой тайны. Целесообразным представляется внедрение онлайн-сервиса, предназначенного для согласования проектной документации, включая ее повторное утверждение при внесении изменений. Предоставление возможности осуществления данных действий через личный кабинет позволит оптимизировать процесс получения проектной документации и снизить административную нагрузку на должностных лиц. Поэтому принятие Закона Республики Беларусь «О пространственных данных» представляется актуальным и необходимым для правового обеспечения указанных процессов.

В целях обеспечения устойчивого развития энергетики требуется дальнейшее совершенствование нормативной правовой базы, включая ужесточение экологических стандартов; внедрение инструментов правового и экономического стимулирования использования возобновляемых источников энергии. Дополнительным элементом устойчивого развития энергетического сектора следует считать международное (межгосударственное) взаимодействие, предусматривающее обмен передовыми технологиями, знаниями и правоприменительной практикой в области обеспечения экологической безопасности. Создание единой электронно-цифровой платформы для учета потребления топливно-энергетических ресурсов в Республике Беларусь – важная задача, требующая соответствующего организационно-правового решения.

В финансовой сфере уровень развития цифрового финансового рынка предполагает реализацию комплекса правовых мер, направленных на: создание благоприятных условий для внедрения цифровых бизнес-моделей в финансовой сфере; развитие действующих и формирование новых интегрированных финансовых экосистем, обеспечивающих предоставление качественных, дифференцированных и совместимых по функциональным параметрам финансовых продуктов и услуг; содействие формированию безопасных и эффективных цифровых платежных систем, обеспечивающих расширение доступа к национальной финансовой системе посредством создания соответствующей инфраструктуры, нормативного регулирования, а также разработки современных продуктов и сервисов; нормативное закрепление вопросов цифровой безопасности в финансовом секторе с учетом таких актуальных технико-экономических концепций, таких как: FinTech, цифровая валюта центрального банка, система валовых расчетов в режиме реального времени, краудфандинг, мобильные платежные решения, цифровое страхование, технологии распределенного реестра, криптовалюты, регуляторные технологии, а также механизмы цифровой идентификации.

Технологии искусственного интеллекта существенно трансформируют транспортную отрасль и модель транспортно-логистических отношений, обеспечивая повышение их безопасности, эффективности и устойчивости. К основным направлениям применения новых технологий в транспортной (логистической) деятельности относятся: управление дорожным движением, в том числе анализ трафика в режиме реального времени, прогнозирование заторов и оптимизация маршрутов; интеллектуальные транспортные системы, в том числе

интеграция разнородных данных для координированного управления городской мобильностью; автоматизированные транспортные средства, включая использование технологий искусственного интеллекта для обработки данных с датчиков, распознавания объектов и принятия решений в автономном режиме. Развивается инфраструктура умного города, предполагающая обеспечение взаимодействия транспорта с городской инфраструктурой и экстренными службами, а также анализ поведения участников дорожного движения.

Итак, современная технологическая парадигма функционирования правовых регуляторов нацелена на преодоление проблемы недостаточной оперативности нормативного реагирования на динамичные изменения социального и технологического характера. При этом остается нерешенным вопрос о систематизации и кодификации законодательства, регулирующего правоотношения в сфере цифровизации. Предложение о принятии Цифрового кодекса сопряжено с потенциальными рисками, включая возможность возникновения нормативных коллизий, противоречий, а также сохранение фрагментарного характера правового регулирования рассматриваемых общественных отношений. В то же время объективно подтверждена потребность в упорядочении правового массива, регулирующего цифровую (и в целом технологическую) сферу, что может быть реализовано, например, в форме нормативной консолидации. Технологический императив становится определяющим в эволюции правовой сферы и смещает достижения антропоцентризма в сторону технологоцентризма.

Развитие правового регулирования в сфере обеспечения технологического суверенитета государства может осуществляться по следующим направлениям: стратегическое программирование научно-технического прогресса: закрепление ориентиров будущих изменений в науке, технологиях и инновациях в актах стратегического планирования; суверенизация правового регулирования: системное укрепление национального нормативного пространства в ответ на трансформацию интеграционных процессов и потребность в обеспечении стратегической автономии государства; укрепление конституционно-правовой основы научной политики: развитие нормативного регулирования посредством конкретизации конституционных положений в стратегических и подзаконных актах, регламентирующих меры государственной поддержки научной сферы; циклизация нормативного правового массива: институционализация новых, ранее нетипичных отраслей права, таких как цифровое право, право науки и формирующееся технологическое право, обеспечивающее нормативный фундамент технологической независимости; технологизация правовой терминологии: формирование междисциплинарного подхода к языку нормативных актов, развитие понятийного аппарата цифрового и технологического регулирования; расширение законодательной и подзаконной базы: закономерное увеличение объема регулирования за счет детализации нормативного содержания и разнообразия подходов; развитие экспериментальных правовых режимов: апробация правовых моделей, адаптированных к новым технологическим реалиям, в условиях ускоренной цифровизации общественных отношений; цифровая трансформация правотворческого процесса: внедрение современных цифровых решений в практику подготовки, обсуждения и принятия нормативных актов, формирование инновационной юридической культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Республики Беларусь = Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь = Constitution of the Republic of Belarus: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. – 192 с.

2. Концепция правовой политики Республики Беларусь: по состоянию на 2 окт. 2023 г. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2023. – 23 с.

3. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 26.07.2025).

4. О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026–2030 годы: Указ Президента Республики Беларусь от 1 апреля 2025 г. № 135 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 26.07.2025).

5. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040»: утв. постановлением Президиума Национальной академии наук Беларуси от 26 февраля 2018 г. № 17 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 26.07.2025).

УДК 347

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХИЩЕНИЮ ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ LEGAL AND ORGANIZATIONAL MEANS TO COUNTER THEFT BY ABUSE OF OFFICIAL POWER

Слижевская Оксана Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
slizhevskaya@economics.basnet.by

Slizhevskaya Oksana,
Candidate of Legal Sciences (PhD), Associate Professor,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. Хищения, совершаемые должностными лицами, наказываются строже, чем такие же преступления, совершаемые рядовыми гражданами. Для эффективной уголовно-правовой борьбы с хищением, совершаемым путем злоупотребления служебными полномочиями, которое относится к коррупционным, в современных условиях требуется решение новых актуальных вопросов, связанных с отграничением этой формы хищения от других – мошенничества, присвоения либо растраты. При этом следует исходить из того, что ни один из критериев или признаков в отдельности не может считаться решающим при отграничении преступления, предусмотренного ст. 210 УК Республики Беларусь, от смежных. Только соответствующая оценка всех признаков в совокупности может дать возможность правильно провести разграничение указанных составов и верно квалифицировать содеянное.

Ключевые слова: хищение, должностное лицо, причина, способ, ответственность, деятельность.

Abstract. Embezzlement committed by officials is punished more severely than similar crimes committed by ordinary citizens. Effective criminal prosecution of embezzlement committed through abuse of office, which is classified as corruption, in today's environment requires addressing new pressing issues related to distinguishing this form of theft from others such as fraud, misappropriation, or embezzlement. It should be recognized that no single criterion or element can be considered decisive in distinguishing the crime under Article 210 of the Criminal Code of the Republic of Belarus from related offenses. Only an appropriate assessment of all elements taken together can enable the proper differentiation between these offenses and the correct classification of the offense.

Keywords: embezzlement, official, cause, method, liability, activity.

В юридической литературе противодействие преступности чаще всего определяется как многоаспектная деятельность общества и государства, включающая в себя выявление, пресечение подготавливаемых и совершаемых преступлений, адекватные меры реагирования на совершенные преступления, а также иные меры по предупреждению преступности [1, с. 46–49].

В монографиях, диссертационных исследованиях и научных статьях по рассматриваемой проблеме отмечается, что наиболее эффективным направлением противодействия преступлениям, в том числе и анализируемому нами, является устранение причин и условий, способствующих их совершению, их предупреждение [2, с. 139; 3, с. 75–79; 4, с. 49; 5, с. 264; 6, с. 196]. «Предупреждение преступности, – отмечает Э.А. Саркисова, – это прежде всего воздействие на причины и условия, способствующие совершению преступлений ...» [6, с. 23].

Что же касается предупреждения хищений, то, как верно отмечает А.П. Севрюков, это «...многоуровневая система мер и осуществляющих их субъектов, направленная на: выявление, устранение либо ослабление и нейтрализацию причин хищений, а также способствующих им условий» [7, с. 11]. Следовательно, прежде всего необходимо выяснить эти причины. Причины хищений – это те социальные явления, факторы, которые опосредованно или непосредственно воздействуют на сознание и поведение людей и при определенных условиях порождают у личности установку на незаконное завладение чужим имуществом или создают благоприятную обстановку для этого [4, с. 115].

Учитывая, что исследуемое преступное деяние относится к коррупционным, меры противодействия ему, как нам представляется, следует рассматривать как в рамках борьбы с коррупцией в целом, так и с учетом его особенностей.

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что существование хищения путем злоупотребления служебными полномочиями во многом предопределяется общими для всей коррупционной преступности криминогенными факторами. К их числу относятся экономические, социальные и нравственно-правовые [7, с. 127–130].

К факторам субъективного характера относятся обстоятельства, связанные с личностью преступника. Существующие в настоящее время условия работы ряда должностных лиц, связанные с наличием ситуативного, а не нормативного типа управления, позволяющего решать многие вопросы по своему усмотрению, зачастую влияют на формирование корыстной мотивации, провоцируют их на совершение хищений. Большое значение в системе детерминант этого преступления имеют и негативные личностные характеристики должностных лиц. В.М. Веремеенко пришел к выводу, что причинами, способствующими совершению исследуемого деяния, являются низкая духовная культура расхитителей и отсутствие нравственных принципов. В то же время для них характерны такие черты, как антиобщественная установка, корысть, зависть, карьеризм, готовность принести в жертву материальной выгоде закон, нормы морали, профессиональную честь. На формирование этих черт существенное влияние оказывают: изначальная настроенность должностных лиц на использование своего положения в личных корыстных интересах; некоторое снижение достигнутого ранее уровня материальной обеспеченности и желание поднять его с помощью совершения хищения; ориентированность на высокие стандарты жизни сослуживцев; наличие дорогостоящих привычек и интересов [4, с. 191].

Помимо факторов, влияющих на совершение хищений путем злоупотребления служебными полномочиями, выявленных в процессе проведенного исследования, следует рассмотреть и иные факторы. Так, О.И. Годунов обоснованно отмечает низкий уровень заработной платы ряда должностных лиц, которые в таких условиях все чаще склоняются к хищениям и должностным злоупотреблениям с бюджетными средствами [7, с. 182]. А.С. Касимова справедливо относит к группе рассматриваемых факторов резкое расслоение населения по размерам имеющейся собственности и доходам, значительное увеличение имущественного расслоения населения и нарастание имущественного неравенства как одного из основных компонентов в детерминации хищений [8, с. 148–149]. Таким образом,

возникновение и существование преступлений коррупционной направленности, в том числе и хищения путем злоупотребления служебными полномочиями, обусловлено рядом причин и условий. В связи с этим противодействие исследуемой форме хищения может быть обеспечено путем соответствующего воздействия на них.

Полагаем, что наиболее эффективными средствами противодействия преступлению, предусмотренному ст. 210 УК Республики Беларусь, являются правовые. Правовые средства представляют собой совокупность мероприятий, направленных на разработку и совершенствование законодательства, способствующего повышению сохранности имущества, улучшению работы правоохранительных органов по борьбе с преступлением рассматриваемого вида. Учитывая, что эффективные меры противодействия возможны только на основе предыдущего опыта, представляется необходимым вначале остановиться на характеристике того, что уже сделано. В Республике Беларусь создана прочная законодательная база, определяющая систему мер и принципы борьбы с коррупционными преступлениями, в том числе и исследуемым нами. Нормативная правовая база в этой сфере определена международно-правовыми актами и актами национального законодательства Республики Беларусь. Важнейшими международно-правовыми актами в области борьбы с коррупционными преступлениями является Конвенция ООН против коррупции и Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию. Конвенция ООН против коррупции была ратифицирована Законом Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. В ней в ст. 17 и 22 наряду с другими правонарушениями получили закрепление хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом, а также хищение имущества в частном секторе [8, с. 375–376].

Кроме ратифицированных Республикой Беларусь названных конвенций ООН международно-правовую основу борьбы с коррупцией в нашей республике составляют акты, принятые в рамках Содружества Независимых Государств. Основными из них являются Модельный закон о борьбе с коррупцией от 3 апреля 1999 г. и Модельный закон от 15 ноября 2003 г. «Основы законодательства об антикоррупционной политике». В них раскрыто содержание антикоррупционной политики, определены ее цели, задачи, принципы, дано понятие коррупционных правонарушений и их классификация, определены меры по их предупреждению и пресечению, а также меры ответственности за их совершение [7, 8].

Действующее законодательство Республики Беларусь о борьбе с хищением путем злоупотребления служебными полномочиями включает в себя соответствующие нормы УК Республики Беларусь. Базовым документом, на основе которого организуется антикоррупционная деятельность в Беларуси, является Закон Республики Беларусь № 305-З «О борьбе с коррупцией», принятый 15 июля 2015 г. Он установил правовые основы в сфере борьбы с коррупционными преступлениями, в том числе и с хищением путем злоупотребления служебными полномочиями, определил государственные органы и иные организации, участвующие в борьбе с ними, закрепил систему мер по предупреждению данных деяний [9].

Наряду с указанным Законом основными нормативными правовыми актами, направленными на противодействие коррупции, в том числе и преступлению, предусмотренному ст. 210 УК Республики Беларусь, являются также Законы Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь», «О государственной службе в Республике Беларусь», «О декларировании физическими лицами доходов и имущества», «О борьбе с организованной преступностью». Таким образом, в Республике Беларусь создана прочная законодательная база, определяющая систему мер и принципы борьбы с коррупционными преступлениями, в том числе и с хищениями путем злоупотребления служебными полномочиями, а также предусматривающая уголовную ответственность за их совершение. Однако мероприятия, проводимые по противодействию преступлению, предусмотренному ст. 210 УК Республики Беларусь, хотя и создали предпосылки для его сокращения, не являются достаточными. В связи с этим необходимо дальнейшее совершенствование законодательства [4, с. 119].

Зачастую хищения путем злоупотребления служебными полномочиями совершаются посредством умышленного искажения бухгалтерского учета. Представляется необходимым ввести ответственность за подобного рода нарушения. В связи с этим полагаем необходимым дополнить Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях статьей, предусматривающей ответственность за нарушение правил бухгалтерского учета. В случаях повторного совершения подобного деяния либо в случаях, когда это деяние повлекло тяжкие последствия, целесообразно установить за него уголовную ответственность, дополнив УК Республики Беларусь статьей соответствующего содержания.

Полагаем, что включение данных статей в Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь и в УК Республики Беларусь и их применение позволит устранить условия совершения исследуемого деяния, которые зачастую порождаются преднамеренным нарушением правил бухгалтерского и других видов учета, а также предотвратить совершение хищений и тем самым сохранить материальные ценности или денежные средства.

В последнее время в юридической литературе одной из важных и действенных мер предупреждения коррупционных преступлений, в том числе и хищения путем злоупотребления служебными полномочиями, называют декларирование должностными лицами (госслужащими) сведений об их доходах и имуществе [8, с. 27; 2, с. 58–59; 5, с. 9–10]. Однако в процессе изучения уголовных дел об исследуемом преступлении не было установлено ни одного случая, когда бы должностное лицо декларировало доход, полученный в результате хищения. Декларируют легальные, нескрываемые доходы и имущество. В то же время должностные лица, совершающие хищения, стараются скрыть истинный размер своего состояния, оформляя доходы и имущество, полученные преступным путем, на совершеннолетних детей, на бывшего супруга, брак с которым расторгнут формально, на сожителя или иных доверенных людей. При этом крайне затруднительно установить и нормативно определить круг этих лиц в целях установления обязанности должностных лиц декларировать их доходы.

В связи с вышеизложенным полагаем, что задача контроля за уровнем доходов должностных лиц состоит в получении достоверной документированной информации, свидетельствующей не столько о декларируемом, сколько о фактическом уровне доходов должностных лиц. С этой целью важно осуществлять контроль за приобретением должностными лицами и их близкими недвижимости, транспортных средств, иного дорогостоящего имущества как на территории Республики Беларусь, так и за ее пределами, за расходами на отдых за рубежом и т. п. Этот контроль может осуществляться в форме налогового контроля за крупными расходами всех физических лиц, международного сотрудничества в сфере обмена информацией. Такой контроль способен продемонстрировать несоответствие расходов того или иного должностного лица уровню его доходов [4, с. 122].

Несмотря на то, что в республике сложилась достаточно развитая система правовых норм, регламентирующих порядок декларирования доходов и имущества физическими лицами, она еще не оказывает существенного влияния на сферу противодействия хищениям путем злоупотребления служебными полномочиями, а ряд ее норм требует уточнения и корректировки. Как показывает практика, лиц, уличенных в злоупотреблении служебными полномочиями, как правило, увольняют с работы. Формальным основанием увольнения является собственное желание должностного лица. В этом случае нет никаких гарантий в том, что общество и его интересы будут ограждены от последующих деяний этого лица, в том числе и от совершения хищений.

Обозначая итоговые положения настоящей статьи, полагаем уместным выделить следующие основные моменты.

1. Наибольший эффект в противодействии преступлению, предусмотренному ст. 210 УК Республики Беларусь, дает предупредительная деятельность, воздействующая на сами источники данного преступления, его причины и условия.

Механизм противодействия данному преступлению должен постоянно совершенствоваться, реагировать на изменяющийся характер его проявлений. Результаты данного исследования свидетельствуют о том, что приоритет в создании правовой основы противодействия принадлежит уголовному праву. Как отмечает Э.А. Саркисова, «...осуществление процесса предупреждения преступлений невозможно без уголовного права... Поэтому и на развитие и совершенствование уголовного законодательства следует смотреть и с позиции того, насколько оно в состоянии обеспечить задачу предупреждения преступлений, насколько весомы все его средства, используемые в этих целях, какова степень предупредительной эффективности той или иной нормы уголовного права в общем процессе профилактики преступлений» [3, с. 42].

Высказанные предложения по совершенствованию правовых и организационных средств противодействия хищению путем злоупотребления служебными полномочиями направлены на замедление темпов его роста, уменьшение и преодоление его социальных предпосылок и последствий.

2. Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать, что в противодействии преступлению, предусмотренному ст. 210 УК Республики Беларусь, важная роль принадлежит разнообразным видам наказаний, закрепленным в санкциях указанных правовых норм. Санкции содержат как основные, так и дополнительные виды наказаний. Установленный ими диапазон выбора вида и размера наказания позволяет в целом дифференцировать уголовную ответственность и индивидуализировать наказание.

Так, одним из наиболее распространенных видов наказания за совершение рассматриваемого преступного деяния остается лишение свободы. И хотя оно обусловлено необходимостью противодействия наиболее опасным преступным проявлениям, к которым относится и преступление, предусмотренное ст. 210 УК Республики Беларусь, обществу следует изыскивать возможность максимального сокращения сферы использования этого наказания, с одной стороны, и совершенствования его эффективности – с другой.

Среди дополнительных наказаний, назначаемых за совершение хищений путем злоупотребления служебными полномочиями, лидирующая позиция принадлежит лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Практика его применения выявила ряд недостатков, устранению которых могут послужить высказанные предложения.

Конфискация имущества также довольно широко применяется за совершение анализируемого деяния. Ряд вопросов законодательного регулирования и правоприменения этого наказания носит спорный характер.

3. В целях повышения эффективности мер уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших хищение путем злоупотребления служебными полномочиями, смещения акцентов от чисто карательных средств воздействия на виновных к предупредительным и восстановительным предлагается:

а) сбалансировать санкции ст. 211, 424 УК Республики Беларусь с санкциями ст. 210 УК Республики Беларусь таким образом, чтобы ликвидировать имеющиеся в них диспропорции, восстановить логику в законодательной оценке различных по степени общественной опасности преступлений и усилить эффект наказания;

б) повысить минимальный и максимальный сроки наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, предусмотрев его в пределах от трех до семи лет при его назначении в качестве основного вида наказания и от двух до пяти лет – в качестве дополнительного и внесении соответствующих изменений в ст. 51 УК Республики Беларусь;

в) в целях повышения роли восстановительно–компенсационной функции уголовной ответственности, недопущения привыкания осужденных к жизни в условиях продолжительной изоляции, снижения бюджетных расходов на содержание такого числа осужденных в местах лишения свободы вносятся предложения о сокращении сферы использования такого наказания, как лишение свободы, о необходимости оптимизации

сроков его назначения и расширении возможности судов по применению мер уголовно-правового воздействия, не связанных с изоляцией от общества;

4. Существование хищения путем злоупотребления служебными полномочиями во многом предопределяется общими для всей коррупционной преступности криминогенными факторами. Поэтому, представляется, наиболее важным направлением противодействия рассматриваемому преступлению, предусмотренному ст. 210 УК Республики Беларусь, являются правовые. В связи с этим вносятся конкретные предложения по дальнейшему совершенствованию законодательства. В их числе: введение административной и уголовной ответственности за нарушение правил бухгалтерского учета, внесение дополнений в ст. 47 ТК Республики Беларусь и в Закон Республики Беларусь «О декларировании физическими лицами доходов и имущества» и др.

Среди организационных средств противодействия хищению путем злоупотребления служебными полномочиями следует выделить совершенствование контроля за работой должностных лиц и аппаратов управления предприятий, организаций, повышение уровня контроля над сохранностью денежных средств и материальных ценностей и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кутякин С.А. Некоторые аспекты современного состояния разработки понятия «противодействие преступности» в юридической науке и законодательной практике // Юрид. наука и правоприменительная практика. – 2019. – № 2. – С. 40–51.

2. Воронин М.Ю. Уголовно-правовые и криминологические средства борьбы с должностными хищениями: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М.: 2020 – 212 с.

3. Перминов О.Г., Кипман Н.Н. О профилактике преступлений // Рос. юстиция. – 2019. – № 2. – С. 48–50.

4. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология: учеб. – 3-е изд. – М.: Юрист, 2024. – 734 с.

5. Басецкий И.И. Преступность: опыт координации и противодействия: монография / И.И. Басецкий, И.В. Капелько, Ю.Л. Сиваков. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2021. – 827 с.

6. Саркисова Э.А. Предупредительная роль уголовного закона. – Минск: Наука и техника, 2019. – 146 с.

7. Севрюков А.П. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с хищениями в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08; Науч.-исслед. Ин-т проблем укрепления законности и правопорядка при Ген. прокуратуре Рос. Федерации. – М.: 2024. – 60 с.

8. Касымова А.С. Хищение чужого имущества с использованием служебного положения: уголовно-правовые и криминологические аспекты (по материалам Республики Казахстан): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2022. – 197 с.

9. О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-3: в ред. от 24 мая 2024 г. № 7-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь 9 июля 1999 г. № 275-3: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.: в ред. от 17 февраля 2025 г. № 61-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

НОРМА ТРУДА С ПРАВОВОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ LABOR STANDARD FROM A LEGAL POINT OF VIEW

Цыганков Дмитрий Георгиевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Научно-исследовательский институт труда Министерства труда
и социальной защиты Республики Беларусь,
Республика Беларусь, г. Минск
dtsyhankou@gmail.com

Tsyhankou Dzmitryi,
Candidate of Legal Sciences (PhD), Associate Professor,
Research Institute of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection
of the Republic of Belarus,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В данной статье обосновывается важность внесения в Трудовой кодекс Республики Беларусь юридически закреплённых определений терминов «нормирование труда» и «норма труда», что рассматривается как существенный шаг в совершенствовании правового регулирования трудовых отношений. Проводится анализ действующих норм трудового права, регулирующих нормирование труда работников. Исследуются различные точки зрения ученых, представляющих юридическую и экономическую науки, на сущность нормирования труда, с акцентом на современные теоретико-правовые тенденции в этой области. Подчеркивается, что понятие «нормирование труда» носит не только экономический, но и правовой характер. Оценивается роль данной группы норм в рамках национальной системы трудового права. Предлагаются рекомендации по совершенствованию трудового законодательства Республики Беларусь, а также авторские формулировки рассматриваемых понятий.

Ключевые слова: норма труда, нормирование труда, правовое регулирование, трудовое правоотношение.

Abstract. This article substantiates the importance of introducing legally fixed definitions of the terms "rationing of labor" and "labor standard" into the Labor Code of the Republic of Belarus, which is considered as a significant step in improving the legal regulation of labor relations. The analysis of the current norms of labor law governing the rationing of workers' work is carried out. The article explores various points of view of scientists representing legal and economic sciences on the essence of labor rationing, with an emphasis on modern theoretical and legal trends in this field. It is emphasized that the concept of "rationing of labor" is not only economic, but also legal in nature. The role of this group of norms within the national labor law system is assessed. Recommendations on improving the labor legislation of the Republic of Belarus are proposed, as well as the author's formulations of the concepts under consideration.

Keywords: labor standard, rationing of labor, legal regulation, employment relationship.

Нормирование труда является одним из главных инструментов в осуществлении внутриорганизационных управленческих функций и представляет собой предмет исследования экономической науки, на что неоднократно указывали многие отечественные учёные-экономисты, такие как Л.Р. Бартунаев, Б.М. Генкин, В.П. Пашуто, Е.Н. Синянская и др. Так, например, В.П. Пашуто отмечал: «Нормирование труда представляет собой процесс установления величины затрат рабочего времени в виде нормы труда на выполнение определённой работы в наиболее рациональных для данного производства организационно-технических условиях» [1, с. 113].

При этом ещё в 70-е годы прошлого века белорусский ученый-юрист Л.Я. Островский подчеркивал, что «нормирование труда – это технико-экономическая, организационная и правовая деятельность, состоящая в обосновании и юридическом оформлении норм труда и сопровождаемая выявлением резервов снижения трудоемкости и повышения производительности труда» [2, с. 8], то есть указал на то, что нормирование труда рассматривается как предмет исследования не только экономики, но и права. Однако необходимо отметить, что в юридической науке вопросам нормирования труда уделяется недостаточно внимания. Важность исследования правовых аспектов нормирования труда, недостаточная их разработанность в юридической науке, а также отсутствие легального закрепления дефиниций «нормирование труда» и «норма труда» обуславливает актуальность рассматриваемой темы.

Понятия «нормирование труда» и «норма труда» в законодательстве Республики Беларусь встречаются довольно широко, а в структуре Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) данному вопросу посвящены нормы главы 8 «Нормы труда и сдельные расценки» и ряда других норм, но несмотря на это имеет место полное отсутствие их легальных определений, что недопустимо, т. к. законодательство базируется на точности формулировок, требует однозначности содержащейся в нем информации. Как верно подчеркивает Е.Н. Редикульцева: «Отсутствие законодательного определения ряда понятий, условий, процедурных положений в правовом регулировании нормирования труда затрудняет реализацию целей и задач трудового законодательства в целом, в частности порождает проблемы в регулировании вопросов установления и введения норм труда, определения содержания трудовой функции и продолжительности рабочего времени» [3, с. 114].

Рассматривая вопросы нормирования труда в контексте нашего исследования, правовое регулирование можно определить как отдельный вид социального регулирования, при котором, с помощью системы юридических средств, государство целенаправленно воздействует на общественные отношения с целью их упорядочивания. В свою очередь, правоотношения представляют собой юридическую форму общественных отношений, возникающих на основе взаимосвязи субъектов права, обладающих взаимными субъективными правами и обязанностями и, как справедливо отмечал Г.Б. Шишко: «Правовые формы отношений по труду отличаются от неправовых форм общественных отношений тем, что они неразрывно связаны с государством, его юрисдикционной деятельностью. Указанные правоотношения возникают лишь постольку, поскольку нормами трудового права предусмотрена связь между участниками общественных отношений по применению и организации труда и государством как политической организацией» [4, с. 141].

При этом структура правовых отношений включает в себя четыре элемента, а именно наличие:

- 1) не менее двух взаимодействующих субъектов права, обладающих правосубъектностью;
- 2) объектов правоотношения, представляющих собой определенные блага, на достижение которых направлены интересы субъектов правоотношения;
- 3) взаимных субъективных прав и обязанностей сторон правоотношения;
- 4) реального поведения субъектов правоотношения по реализации ими их взаимных субъективных прав и обязанностей [4, с. 52].

Рассматривая приведенные элементы, можно сразу отметить, что ТК регулирует трудовые отношения, связанные с деятельностью профсоюзов и объединений нанимателей; взаимоотношениями между работниками (их представителями) и нанимателями (ст. 4 ТК). Таким образом, и в отношениях, связанных с нормированием труда, имеет место три взаимодействующих субъекта права наниматель, работник и профсоюзы. При этом, как и в остальных трудовых правоотношениях, работник является его обязательным субъектом, без которого данное правоотношение не может существовать.

Объектом правоотношений, в рассматриваемом нами контексте, будет установление обоснованных норм труда. К благам, на которые направлены интересы нанимателя в процессе нормирования труда можно отнести:

- обеспечение рационального использования трудового потенциала работников, определение оптимальной их численности и эффективной нагрузки;
- повышение производительности и эффективности труда;
- регламентация труда разных категорий работников;
- обеспечение равной напряженности норм труда и обоснованной дифференциации в оплате труда;
- снижение трудоемкости работ с целью экономии трудовых затрат и средств на оплату труда [5, с. 177].

А уже интересы работника будут направлены на материальное вознаграждение, а также иные льготы и преимущества, связанные с выполнением норм труда.

Следующим элементом правоотношения, как уже отмечалось выше, является взаимные субъективные права и обязанности сторон правоотношения. Касательно нормирования труда законодатель их точно прописал в нормах трудового права.

Так, к обязанностям нанимателя относятся:

- установление, замена и пересмотр норм труда только с участием профсоюза (ч. 1 ст. 87 ТК);
- письменное извещение работников об установлении, замене и пересмотре норм труда не позднее чем за один месяц (ч. 3 ст. 87 ТК);
- обеспечение нормальных условий для выполнения работниками норм труда (ст. 89 ТК).

В свою очередь, на работника возлагается обязанность добросовестно исполнять свои трудовые обязанности, в том числе выполнять установленные нормы труда (ст. 53 ТК).

Несмотря на то, что обязанности профсоюзов в области нормирования труда прямо в законодательстве не прописаны, анализируя трудовое и профсоюзное законодательство, к ним можно отнести: **участие в разработке и согласовании норм труда, защиту прав работников**, общественный контроль за нормированием труда и т. д.

В неразрывной связи с обязанностями находятся права, которые кратко, в части нормирования труда, можно представить следующим образом:

- наниматель имеет право устанавливать, пересматривать, изменять нормы труда и требовать от работников их выполнения;
- работник – на справедливые нормы труда, информацию о нормах труда, участие в разработке норм труда, защиту от необоснованных норм труда, соответствующую оплату труда;
- профсоюзы – на участие в разработке норм труда, контроль за соблюдением норм труда, защиту прав работников в сфере нормирования труда, представление интересов работников, требование устранения нарушений норм труда.

Что касается реального поведения субъектов правоотношения по реализации ими их взаимных субъективных прав и обязанностей, то здесь мы подробно останавливаться не будем, т. к. оно вытекает из всего вышесказанного. Другими словами, правоотношение, результатом которого является согласованная норма труда, возникает из так называемых правомерных действий.

Подытоживая, можно сказать, что отношения по поводу нормирования труда представляют собой правоотношения, имеют свое правовое регулирование и, соответственно, должны иметь легальное определение таких ключевых дефиниций как «нормирование труда» и «норма труда».

Согласно положениям экономической науки, нормирование труда имеет два значения:

- 1) метод организации труда, наряду с организацией технологических процессов и организацией управления [6, с. 12];
- 2) способ определения меры затрат труда [6, с. 23].

С точки зрения науки трудового права, можно видеть широкий разброс мнений относительно определения рассматриваемого понятия. Так, с точек зрения отечественных ученых-юристов «нормирование труда» можно определить как:

– «обязательное для исполнения работником и установленное в определенном законодательством порядке задание по выполнению работ, операций или функций» [7, с. 278];

– «установление меры интенсивности труда работника, которая: научно обоснована; определена с учетом экономических, а также физиологических и половозрастных факторов; заранее установлена в порядке, предусмотренном законодательством; обязательна для выполнения работником» [7, с. 282];

– «разновидность организационно-управленческой деятельности работодателя, государства, направленной на определение и закрепление наиболее оптимального соотношения особенностей технологического процесса и возможностей человека» [8, с. 61];

– «часть организационно-управленческих отношений по установлению обоснованной меры труда, обеспечивающей правовые гарантии сторон трудовых отношений по реализации норм продолжительности рабочего времени, объема трудовой функции и норм труда» [9, с. 7];

– «определение необходимых затрат труда на выполнение работ (изготовление единицы продукции, оказание услуг) отдельными работниками (группами работников) и установление на этой основе норм труда» [10, с. 121];

– «процесс проектирования, обоснования и правового закрепления норм» [11, с. 117];

– «организационно-управленческие отношения по установлению обоснованной меры труда, обеспечивающей правовые гарантии сторон трудовых отношений по реализации норм продолжительности рабочего времени, объема трудовой функции и норм труда» [3, с. 115] и т. п.

Формулируя авторское определение дефиниции «нормирование труда», мы взяли за основу приведенное выше определение Л.Я. Островского. Таким образом, по нашему мнению, нормирование труда необходимо определить как деятельность нанимателя, государства, в лице уполномоченных органов, состоящая в расчете, обосновании и принятии, в порядке, предусмотренном законодательством, норм труда.

Ключевым понятием процесса нормирования труда является норма труда. Несмотря на то, что данный термин включен в ТК (гл. 8), определение самого понятия «норма труда» в законодательстве отсутствует. В ст. 86 ТК оно раскрывается через экстенциональное определение, т. е. путем перечисления видов норм: «Нормы труда – нормы выработки, времени, обслуживания, численности, нормированные задания...». Статья 86 ТК, давая определение норм труда, оговаривает, что устанавливаются они в соответствии с достигнутым уровнем техники, технологии, организации производства и труда. Иными словами, нормы труда находятся в причинно-следственной связи с организационно-техническими условиями труда.

Говоря о легитимизации в законодательстве дефиниции «норма труда» необходимо отметить, что попытка юридически уточнить рассматриваемую категорию была сделана в Методических рекомендациях по установлению норм и нормативов для нормирования труда рабочих, утвержденных постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 26.11.2004 № 134 (в настоящее время отменены): «Нормы труда определяют величину и структуру затрат труда, необходимых для выполнения конкретной работы, и являются эталоном, с которым сравниваются фактические затраты труда». Однако и это определение нельзя назвать корректным, т. к. определить что-то, значит раскрыть его сущность, а в приведенной цитате речь идёт о том, для чего нужны нормы труда.

Также имеет место и некоторое расхождение взглядов различных ученых на данное понятие. Так, Т.М. Пономарева рассматривает его в двух значениях:

– широко – «это совокупность предписаний, правил, установленных мер, регламентирующих трудовую деятельность»;

– узком – «это величины, определяющие наиболее оптимальное соотношение особенностей технологического процесса и физиологических возможностей большинства работников в определенных организационно-технологических условиях» [8, с. 61].

Отдельные авторы склоняются к тому, что норма труда с юридической точки зрения представляет собой установленный объем работы, который работник должен выполнить в определенный период времени. Она регулируется трудовым законодательством и может варьироваться в зависимости от отрасли, профессии, условий труда и других факторов. Например, «нормы труда представляют собой объем трудового задания, которое должен выполнить работник в течение установленной продолжительности рабочего времени» [10, с. 121].

В свою очередь, Е.Н. Редикульцева утверждает, что «нормы труда являются основными измерителями интенсивности меры труда, способом нормирования труда. Правовой характер нормы труда позволяет реализовать гарантии сторон трудовых правоотношений по определению загруженности работника и соответствующей оплате его труда, а также по выполнению работником его трудовых обязанностей, норм труда на основе принципов обоснованности норм труда, равной напряженности норм труда на одинаковых работах в идентичных условиях, сохранения основной производительной силы общества – работников, участия работников в установлении норм труда, соответствия норм труда достигнутому уровню техники, технологии, организации производства и труда, государственного участия в регулировании норм труда, обеспечения нормальных условий для выполнения норм труда» [3, с. 116].

Юридическое значение нормы труда заключается в том, что она служит основой для определения заработной платы работника. Работодатель обязан обеспечить такие условия труда, которые позволяют работнику выполнять установленные нормы. Невыполнение норм труда может служить основанием для применения мер дисциплинарного воздействия к работнику, но только в том случае, если работодатель доказал, что работнику были созданы все необходимые условия для выполнения нормы.

Поэтому мы можем выделить определенные признаки нормы труда, как правового понятия, а именно:

- норма труда может быть выражена в количественных или временных показателях;
- порядок установления норм труда регулируется законодательством;
- нормы труда должны учитывать условия труда, включая физические, психические и эмоциональные нагрузки, а также безопасность на рабочем месте;
- нормы труда подлежат пересмотру и изменению в зависимости от технологических изменений, повышения квалификации работников или изменений в организации труда;
- работники, выполняющие нормы труда имеют определенные социальные гарантии;
- наниматель имеет право контролировать выполнение норм труда и применять меры дисциплинарной ответственности к работникам их невыполняющим.

Исходя из сказанного, мы можем сформулировать дефиницию «норма труда» как установленная величина затрат рабочего времени для выполнения единицы работы либо объем работы, выполняемый в единицу рабочего времени, либо численность работников, необходимая для выполнения конкретных производственных функций (объемов работ), либо количество производственных объектов, которые необходимо обслужить в течение единицы рабочего времени в определенных организационно-технических условиях.

Для единого и правильного понимания терминов «нормирование труда» и «норма труда» представляется необходимым закрепить в ТК их определения:

– нормирование труда – это деятельность государства в лице уполномоченных органов, нанимателя и профсоюза, включающая в себя расчет, обоснование, принятие и утверждение в порядке, предусмотренном законодательством, норм труда;

– норма труда – установленная величина затрат рабочего времени для выполнения единицы работы либо объем работы, выполняемый в единицу рабочего времени, либо численность работников, необходимая для выполнения конкретных производственных

функций (объемов работ), либо количество производственных объектов, которые необходимо обслужить в течение единицы рабочего времени в определенных организационно-технических условиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Пашуто В.П. Организация, нормирование и оплата труда на предприятии: учебно-практическое пособие. – М.: КНОРУС, 2005. – 320 с.
2. Островский Л.Я. Нормирование труда рабочих и служащих (правовые основы). – Минск: Беларусь, 1976. – 128 с.
3. Редикульцева Е.Н. Современные тенденции в правовом регулировании нормирования труда // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 9. – С. 114–117.
4. Правоотношения: теоретические и практические проблемы / В.И. Берестень [и др.]. – Минск: Академия МВД, 2016. – 315 с.
5. Миронова Т.Н., Алексеенко Л.Ф. Система управления нормированием труда в Республике Беларусь // Организация и нормирование труда: наука, образование, практика: Сб. науч. трудов. – Минск: БНТУ, 2018. – С. 176–185.
6. Организация и нормирование труда: учеб. для вузов / под ред. Ю.Г. Одегова. – М.: Экзамен, 2003. – 464 с.
7. Чичина Е.В. Отражение подходов к нормированию труда в нормах международного права // Организация и нормирование труда: наука, образование, практика: Сб. науч. труд. – Минск: БНТУ, 2018. – С. 277–285.
8. Пономарева Т.Н. Правовые вопросы нормирования труда работников // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2015. – № 2. – С. 61–65.
9. Редикульцева Е.Н. Правовое регулирование нормирования труда: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. – Екатеринбург: ГУО ВПО «Уральская госуд. юрид. академия», 2009. – 24 с.
10. Филонова В.Е., Валькович О.Н. Экономико-правовые аспекты нормирования труда работников и пути его совершенствования // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 12-3. – С. 121–124.
11. Филющенко Л.И. Гарантии прав работников при нормировании труда // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 1. – С. 116–123.

УДК 342.7

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ SELECTED ISSUES OF APPLICATION OF LEGISLATION ON PERSONAL DATA IN THE DIGITAL AGE

Швед Надежда Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
Национальный центр защиты персональных данных,
Республика Беларусь, г. Минск
metodolog2@cpd.by

Shved Nadezhda,
Candidate of Legal Sciences (PhD), Associate Professor,
National Personal Data Protection Center,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. Создание условий для защиты персональных данных граждан является одной из ключевых задач государства в современных условиях. В условиях цифровизации экономики регулирование правового режима персональных данных ставит более сложные задачи сочетания интересов личности и целей экономического развития. Вопросы правовой защиты персональных данных являются одним из приоритетов государственной информационной политики и преодоления угроз национальной безопасности. В Республике Беларусь сформировано законодательство о персональных данных, принят Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», нарабатывается правоприменительная практика. В этой связи рассматриваются отдельные проблемы применения законодательства о персональных данных на практике.

Ключевые слова: персональные данные, базы данных, защита информации, конфиденциальность, цифровая экономика, цифровая трансформация.

Abstract. Creating conditions for protecting citizens' personal data is one of the key tasks of the state in modern conditions. In the context of digitalization of the economy, regulating the legal regime of personal data poses more complex challenges of combining individual interests and economic development goals. The legal protection of personal data is one of the priorities of state information policy and overcoming threats to national security. The Republic of Belarus has developed legislation on personal data, adopted the Law of the Republic of Belarus No. 99-Z dated May 7, 2021, «On Personal Data Protection» and is developing law enforcement practices. In this regard, we consider certain issues related to the practical application of legislation on personal data.

Keywords: personal data, databases, information protection, confidentiality, digital economy, digital transformation.

Стремительная цифровизация общества, накопление значительных объемов информации о гражданах, как государственными органами и организациями, так и в сфере бизнеса, формируют серьезные риски злоупотреблений и утечек персональных данных. При этом в условиях цифровой экономики ценность персональных данных определяется по тому, какие экономические блага способно принести их использование [1].

В связи с этим представляет актуальность проблема создания надежных механизмов обеспечения конфиденциальности обрабатываемых персональных данных, в том числе и правовыми средствами. Можно констатировать, что в настоящее время правовая система защиты персональных данных формируется в двух направлениях.

Первое направление представлено специализированным законодательством о персональных данных, которое обеспечивает регулирование проблем, связанных с обработкой персональной информации, комплексно и скоординированно. Так, Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон о защите персональных данных) направлен на защиту прав и свобод физических лиц при обработке их персональных данных. В нем закреплены базовые требования к обработке личной информации граждан и механизм защиты прав субъектов персональных данных.

Вместе с тем Закон о защите персональных данных не привнес в национальное законодательство принципиально новых требований и не установил каких-либо ограничений для операторов. Ряд положений, касающихся обработки информации распространение и (или) предоставление которой ограничено, к которой отнесены информация о частной жизни физического лица и персональные данные, был предусмотрен Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2000 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации». Использование такой информации должно было осуществляться с согласия физического лица либо вытекать из требования законодательного акта.

Соблюдение Закона о защите персональных данных предполагает, таким образом, в первую очередь неукоснительное соблюдение требований отраслевого законодательства, ведь именно в нем и устанавливаются особенности, пределы и основания обработки персональных данных в тех или иных ситуациях. Таким образом, второе направление

регулирования персональных данных представлено актами отраслевого законодательства (банковского, трудового, налогового, о здравоохранении, об образовании и др.), которое содержит правовые нормы, регламентирующие обработку персональных данных и обеспечивающие их защиту.

Как отмечается авторами постатейного комментария к Закону о персональных данных, в целом, в качестве акта законодательства о персональных данных может рассматриваться любой нормативный правовой акт, в той или иной степени регулирующий действия с персональными данными, независимо от использования в самом акте данного термина, а также от отраслевой принадлежности самого акта [2].

В условиях активной трансформации экономических отношений в цифровую форму важное место отведено информационной составляющей. Можно говорить о том, что цифровизация экономики стала причиной стремительного роста сбора, обработки и хранения персональных данных, а сами данные сегодня являются важнейшим ресурсом экономического роста.

Рассматривая с точки зрения современной экономики, основанной на знаниях и данных, сами данные, в том числе и персональные данные, отмечается, что они являются «наиважнейшим, если не сказать неотделимым, ресурсом, без которого не может нормально функционировать цифровая экономика» [3, с. 76]. Однако такое положение порождает ряд проблем правоприменения. Часть из них обусловлена неверной интерпретацией положений Закона о защите персональных данных, а также незнанием особенностей отраслевого регулирования. Так, например, широкий законодательный подход в определении персональных данных вызывает многочисленную критику, связанную с отсутствием формальной определенности данного понятия [4, с. 60; 5, с. 34].

На практике операторы зачастую испытывают затруднения в отнесении той или иной информации к персональным данным, что может повлечь непринятие обязательных мер по их защите, нарушение либо нереализацию прав субъектов персональных данных, иные негативные последствия. Однако чаще операторами или уполномоченными лицами не выполняются общие требования к обработке персональных данных, закрепленные в статье 4 Закона о защите персональных данных. Рассмотрим некоторые нарушения этих требований, встречающиеся на практике.

Пунктом 2 статьи 4 Закона о защите персональных данных определено, что обработка персональных данных должна быть соразмерна заявленным целям их обработки и обеспечивать на всех этапах такой обработки справедливое соотношение интересов всех заинтересованных лиц.

В самом упрощенном виде обработку можно признать соразмерной, когда цель обработки «стоит» использованных для ее достижения персональных данных и без их обработки (иными методами) данная цель достигнута не будет или ее достижение будет серьезно затруднено.

Довольно распространенной на практике является ситуация, когда для достижения вполне легальной цели могут использоваться персональные данные в то время, как цель может и должна быть достигнута иным образом. Обработка считается соразмерной, когда без обработки персональных данных данная цель достигнута не будет или ее достижение будет серьезно затруднено. На практике же обеспечение баланса между интересами операторов и субъектов персональных данных, зачастую, решается не в пользу последних, когда их интересы попросту игнорируются. Несоразмерность обработки при этом также может присутствовать.

Согласно части первой пункта 3 статьи 4 Закона о защите персональных данных обработка персональных данных осуществляется с согласия субъекта персональных данных, за исключением случаев, предусмотренных Законом и иными законодательными актами. Вместе с тем эту норму не следует воспринимать как безусловное требование получать согласие субъекта персональных данных на обработку. Хотя согласие и является базовым правовым основанием для обработки, его наличие не является универсальным или обязательным условием для обработки персональных данных [2].

Действительно, Законом о защите персональных данных в статьях 6 и 8 предусмотрено значительное число случаев, когда обработка осуществляется без согласия субъекта персональных данных. В этой связи его получение при наличии иных оснований рассматривается как избыточная обработка персональных данных.

Достаточно часто на практике встречается нарушение требования, закрепленного в пункте 5 статьи 4 Закона о защите персональных данных, когда содержание и объем обрабатываемых персональных данных должны соответствовать заявленным целям их обработки, а обрабатываемые персональные данные не должны быть избыточными по отношению к заявленным целям их обработки.

Например, на практике это может проявляться в истребовании большего объема документов или сведений для совершения в отношении субъекта персональных данных какого-либо действия, изготовлении и хранении копии документа, удостоверяющего личность, в случае, когда требуется только лишь его предъявление.

На практике встречаются нарушения и иных положений статьи 4 Закона о защите персональных данных. Кроме того, помимо нарушений, касающихся процессов обработки персональных данных, операторами не выполняются или не в полной мере выполняются требования по защите персональных данных. Так, статьей 17 Закона о защите персональных данных определены основные требования к мерам по защите персональных данных, которые должны применяться операторами. При этом в Законе заложен риск-ориентированный подход, когда конкретные меры по защите прав субъектов персональных данных и достаточность этих мер определяет сам оператор, исходя из целей обработки персональных данных. Вместе с тем как показывает анализ проводимой Национальным центром защиты персональных данных контрольной деятельности, на практике операторы продолжают допускать нарушения при реализации обязательных мер по обеспечению защиты персональных данных. Многие из таких нарушений носят типичный характер, поскольку выявляются у операторов (уполномоченных лиц) вне зависимости от масштабов обработки персональных данных, сфер их деятельности, а также имеющихся ресурсов [6, с. 11].

Между тем надлежащая реализация обязательных мер по обеспечению защиты персональных данных имеет важное практическое значение, поскольку способствует обеспечению прав и законных интересов субъектов персональных данных, минимизирует возможность утечек персональных данных, снижает риски привлечения к ответственности и репутационных издержек.

Как отмечается в научной литературе, рост значимости персональных данных в развитии бизнеса в условиях цифровой экономики ставит задачу достижения наиболее оптимальных параметров рискованности и эффективности их использования [7, с. 326].

Как было обозначено выше, персональные данные могут не только внести существенный вклад в экономическое развитие, но и быть предметом естественно-научных и социальных исследований и т. д. Фактически, экономические возможности применения персональных данных безграничны, что, однако, не отменяет тот факт, что их использование должно осуществляться в соответствии с требованиями законодательства и принципами этики.

И это также порождает ряд вопросов. Так, коммерциализация персональных данных общемировой тренд. При этом спрос на базы персональных данных характерен для разных сфер (маркетинг, банковская сфера, трудовые отношения и др.). В условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта спрос на массивы персональных данных, необходимых для обучения и анализа в рамках таких технологий, также возрастает.

Сегодня пользователи социальных сетей активно и самостоятельно распространяют различные персональные данные, как свои, так и третьих лиц. Это могут быть сведения о фамилиях пользователей сетей, об их месте работы или учебы, месте проживания, потребительских предпочтениях и т. п. Кому они станут доступны, кто и для каких целей сможет ими воспользоваться, об этом многие субъекты даже не задумываются.

Современный человек использует достаточно большое количество умных устройств в повседневной жизни и оставляет значимый цифровой след, что позволяет не только идентифицировать его самого, но и систематизировать большой спектр потребительских данных о нем.

Граждане не всегда знакомятся с предлагаемыми им социальными сетями, цифровыми платформами, иными сервисами политиками в отношении обработки персональных данных и пользовательскими соглашениями. Это объясняется большим объемом этих документов, сложными формулировками, использованием юридической терминологии, не понятной лицам, не имеющим юридического образования, а также желанием быстрее завершить регистрацию, не тратя на это много времени и не погружаясь в детальное изучение документации.

Как следствие, субъекты не могут контролировать, какие данные и каким образом могут быть использованы организациями в дальнейшем, и кто будет нести ответственность в случае нарушения прав субъектов персональных данных.

Отмечается, что проблема возникает при использовании персональных данных пользователей социальной сети третьими лицами (коммерческими организациями) в своих целях, при этом разрешения на это использование данных коммерческие организации от пользователей и от социальной сети не получают и не платят за пользование данными [5, с. 40].

О коммерциализации данных говорит и тот факт, что, пользуясь «бесплатными» сервисами в сети Интернет, пользователи на самом деле расплачиваются своими персональными данными, которые необходимы в том или ином объеме для регистрации в соответствующем сервисе, приложении и др. Между тем правовые условия для обеспечения коммерческого оборота персональных данных на сегодняшний день отсутствуют. И это закономерно обусловлено рядом причин, в том числе и наличием связи («персонализации») с конкретным физическим лицом [1]. С другой стороны, полученные в результате несанкционированного доступа, иным неправомерным способом, базы персональных данных становятся объектом спекулятивной торговли и злоупотребления.

Рассматривая проблемы правоприменения в сфере защиты персональных данных, нельзя не упомянуть следующее. Одним из последствий цифровизации является тотальный переход к современным технологиям (всевозможные формы обратной связи, чат-боты и др.), предполагающим оптимизацию взаимодействия между субъектом и оператором. При этом несовершенство таких технологий, неприменение к ним мер системы защиты информации приводит к росту правонарушений или преступлений в отношении граждан. В этой связи справедливо отмечается, что законодатель и правоприменительная практика забыли об опасности самих технологий и того вреда, который причиняется правам и законным интересам граждан при отсутствии контроля за применением этих технологий [8, с. 147].

Но наряду с правовыми проблемами, обработка персональных данных сопровождается и этической составляющей. Например, при автоматизированной обработке большого количества персональных данных с целью осуществления выбора и принятия на основании него административного, управленческого решения могут иметь место дискриминация и несправедливость, поскольку способы принятия решений на основе полученных данных могут быть необоснованными и предвзятыми [9, с. 223].

В результате граждане могут быть отнесены к той или иной социальной группе, которая может не удовлетворять определенным требованиям или критериям. Действительно, опасность ошибочных выводов (если результат профилирования, скоринга способен повлиять на статус субъекта, осуществление им прав и обязанностей) влечет риски дискриминации (например, отказ в приеме на работу, предоставлении каких-либо услуг, выдаче кредита и т. п.). И такие примеры ошибочных выводов, основанных исключительно на автоматизированной обработке при заранее заданных алгоритмах, уже встречались на практике. Кроме того, результатом массовой и сплошной обработки персональных данных, полученных с нарушением требований законодательства, может явиться нарушение

неприкосновенности частной жизни, личной или семейной тайны, его финансовой безопасности и благополучия либо распространение информации о субъекте без его ведома.

Таким образом, несмотря на сложившееся в республике правовое регулирование персональных данных и условий их обработки, зачастую на практике применение Закона о защите персональных данных вызывает ряд вопросов и проблем. Операторами не в полной мере выполняются базовые требования к обработке персональных данных, допускаются нарушения отраслевого законодательства, устанавливающего отдельные особенности и требования к обработке персональных данных, игнорируются либо недостаточно полно реализуются меры защиты персональных данных.

В условиях цифровизации экономики, активного внедрения различных цифровых технологий и цифровых сервисов в процессы взаимодействия с гражданами, вызывает необходимость урегулирования отдельных аспектов обработки персональных данных, например, связанных с технологиями искусственного интеллекта, автоматизированного принятия решений и других вопросов. При этом необходимо обеспечивать приоритет прав и законных интересов субъектов персональных данных, а также предусмотреть действенный механизм их защиты при использовании таких технологий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Магомедова О.С., Коваль А.А., Левашенко А.Д. Торговля данными: разные подходы, одна реальность // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovlya-dannymi-raznye-podhody-odna-realnost/viewer> (дата обращения 25.08.2025).
2. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» // iLex: информ. правовая система (дата обращения 23.08.2025).
3. Крутова Н.А., Крутов А.Н., Иванчина О.В., Казыева А.Р. Проблема защиты персональных данных в условиях цифровизации экономики России // Вестник СамГУПС. – 2022. – № 4. – С. 76–88.
4. Ипатов В.Д., Саванович Н.А. Проблемы применения законодательства о персональных данных в свете развития информационных технологий // Право.by. – 2021. – № 5. – С. 60–65.
5. Солдатова В.И. Защита персональных данных в условиях применения цифровых технологий // Lex russica. – 2020. – Т. 73. – № 2. – С. 33–43.
6. Диско В.И. Типичные нарушения законодательства о персональных данных // Юстиция Беларуси. – 2024. – № 10. – С. 11–14.
7. Казаренкова Н.П., Звягинцева П.Ю., Бондарева А.А., Требухова И.А. Персональные данные как инновационный актив цифровой экономики // Естественные гуманитарные исследования. – 2024. – № 1. – С. 323–327.
8. Степанян А.С. Проблемы правовой охраны персональных данных в эпоху перехода к цифровой экономике // Вестник Российской правовой академии. – 2023. – № 1. – С. 145–152.
9. Цхададзе Н.В. Вызовы цифровой экономики и обеспечение информационной и экономической безопасности в России // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 1. – С. 220–225.

**О СПЕЦИАЛЬНЫХ РЕГЛАМЕНТАХ (ПРАВИЛАХ) АРБИТРАЖА
КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ
ON SPECIAL REGULATIONS (RULES) FOR ARBITRATION OF CORPORATE
DISPUTES**

Ананевич Елена Владимировна,
Белорусский государственный экономический университет,
Республика Беларусь, г. Минск
elena-an@tut.by

Ananevich Elena,
Belarus State Economic University,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье предпринята попытка общего обзора специальных правил рассмотрения корпоративных споров в международном коммерческом арбитраже. Автором выделены базовые особенности таких регламентов международного коммерческого арбитража: функциональное назначение, наличие соответствующих специфике споров положений арбитражных регламентов, проблема консолидации арбитражных разбирательств. Исследуемая проблематика рассмотрена в сравнительном аспекте. Интересной областью, за которой стоит следить в будущем, станет выяснение того, как арбитражные суды и стороны арбитражного разбирательства будут справляться с различающимися подходами к объединению арбитражных требований, особенно в случае пересекающихся юрисдикций.

Ключевые слова: корпоративный спор, международный коммерческий арбитраж, арбитражный регламент, консолидация арбитражных разбирательств.

Abstract. This article attempts to provide a general overview of the specialized rules for resolving corporate disputes in international commercial arbitration. The author highlights the key features of such international commercial arbitration rules: their functional purpose, the existence of provisions in the arbitration rules that address the specifics of the disputes, and the problem of consolidating arbitration proceedings. The issues under study are examined from a comparative perspective. An interesting area to monitor in the future will be how arbitral tribunals and parties to arbitration proceedings will address differing approaches to consolidating arbitration claims, particularly in cases of overlapping jurisdictions.

Keywords: corporate dispute, international commercial arbitration, arbitration rules, consolidation of arbitral proceedings.

Международный коммерческий арбитраж в настоящее время является краеугольным камнем институциональной системы разрешения трансграничных коммерческих споров. Возрастающая от года к году интенсификация международных коммерческих операций, принятие отдельными государствами односторонних ограничительных экономических и правовых мер, экстенсивное внедрение новых информационных технологий (blockchain, AI, нейросети) порождает необходимость как постоянной адаптации уже существующих процедур международного коммерческого арбитража, так и поиск новых процедурных инструментов разрешения трансграничных споров. Об этом можно однозначно судить по следующим направлениям трансформации в деятельности международного коммерческого арбитража:

1) увеличение степени гибкости и дискретности применяемых норм арбитражных регламентов;

- 2) постоянное расширение сферы арбитрабельности споров;
- 3) рост специализации арбитражных институтов (как негласно у существующих арбитражных институций, так и открытие новых международных арбитражных институтов, специализирующихся на рассмотрении конкретной группы споров). К примеру, доменные споры, споры в нефтегазовом секторе, споры в строительной сфере, споры в сельскохозяйственной сфере и др.;
- 4) принятие специализированных арбитражных регламентов (правил) для разрешения конкретной группы коммерческих споров;
- 5) совершенствование отдельного процедурного инструментария, применяемого международным коммерческим арбитражем в целях повешения эффективности и исполнимости результатов арбитражного разбирательства (специальные правила об ускоренной процедуре, о чрезвычайном арбитре, об online разбирательствах *joinder and intervention rules*, *consolidation of arbitral proceedings*);

На текущий момент времени в Республики Беларусь существует и функционирует нормативная правовая основа для международного коммерческого арбитража [1]. Белорусское государство является участником базового международного договора по трансграничному арбитражу – Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.) (далее – Нью-Йоркская конвенция) [2]. Вместе с этим, развитие арбитражного рассмотрения корпоративных споров в Беларуси изначально столкнулось с рядом проблемных вопросов: скептицизм в отношении арбитрабельности данной категории споров, характерный для всего постсоветского правового пространства; неразвитость механизмов принудительного исполнения решений о присуждении неденежных требований и так называемых «декларатонных» решений; комплекс неразрешенных вопросов процедурного характера в части многостороннего характера таких споров (консолидация споров, присоединение к арбитражу третьей стороны и др.), в том числе, отсутствие специализированных процедурных положений в арбитражных регламентах действующих постоянных арбитражных институтов в Республике Беларусь.

Функциональное назначение специальных правил (регламента) по арбитражу корпоративных споров. Первым европейским арбитражным институтом, разработавшим и утвердившим специальные правила арбитражного разбирательства для корпоративных споров, стала Немецкая институция по арбитражному делу (DIS) [3]. В 2018 году принятый DIS регламент претерпел изменения: обновленный вариант специальных правил о корпоративных спорах был включен в состав Арбитражного регламента Немецкой институции по арбитражному делу 2018 года в рамках Приложения 5 [4]. Следует отметить, что далеко не все институциональные арбитражи имеют специальные правила о корпоративных спорах в качестве отдельного документа или соответствующие специальные положения в рамках общего арбитражного регламента. Анализ показывает, что во многих правовых юрисдикциях, имеющих многолетний опыт работы с различными видами споров в рамках арбитражных разбирательств, а также придерживающихся проарбитражного («дружественного») подхода, арбитражные суды, изначально ориентировались на рассмотрение корпоративных споров по общим регламентам. Как правило, такие общие правила (регламенты) содержат достаточно развитый и гибкий процедурный инструментарий, позволяющий адаптировать все процессуальные аспекты конкретного разбирательства по корпоративному спору к специфике соответствующего вида разбирательства, а именно – многостороннему характеру корпоративного спора. Отметим, также, что среди базовых моментов, предопределяющих принятие любого специального регламента для отдельной категории споров может выступать: 1) необходимость оптимизации и повышения эффективности арбитражного разбирательства; 2) специфические особенности конкретного вида спора, требующие детализации или, в принципе, разработки новых правил арбитражной процедуры (к примеру, инвестиционные споры с участием государства, споры в сфере ведения электронной коммерции, споры в области венчурного инвестирования); 3) совершенствование и повышение качества осуществления арбитражных

процедур как инструмент конкуренции среди постоянных арбитражных институций. Назначение же специальных регламентов о корпоративных спорах в большинстве случаев предопределяется особенностями правовой традиции в рамках конкретной национальной правовой юрисдикции в части разрешения вопросов арбитрабельности в целом и арбитрабельности так называемых внутренних корпоративных споров, в частности. В правовых системах с высокой степенью императивности корпоративного законодательства признание арбитрабельности в отношении споров, связанных с участием в корпоративном юридическом лице, как правило, сталкивается на уровне законодательного регулирования и правоприменительной практики, в отличие от дискурса в научных кругах, изначально, если не с полным отрицанием допустимости передачи таких споров в арбитраж, то точно с высокой степенью скептицизма по данному вопросу. В конечном итоге такие правовые системы все же приходят к постепенному и поэтапному положительному разрешению вопроса арбитрабельности данной категории споров. Окончательное признание арбитрабельности на уровне законодательства и правоприменительной практики в таких случаях связано с признанием необходимости разрешения целого комплекса существенных проблемных аспектов, сопровождающих процедурные аспекты рассмотрения корпоративных споров в арбитраже. С позиции юридической техники данная проблема разрешается во многих правовых юрисдикциях за счет формулирования дополнительных требований, как к арбитражным соглашениям, так и к процедуре (регламентам) арбитражного разбирательства, в том числе посредством принятия специальных регламентов по разрешению корпоративных споров.

В этом контексте следует обратить внимание, что наличие детализировано проработанных правил арбитражных разбирательств применительно к корпоративным спорам, в том числе в форме принятия отдельного документа – специального регламента – не должно рассматриваться и выдвигаться в соответствующей правовой системе в качестве элемента (условия) арбитрабельности корпоративного спора. В науке и правоприменительной практике понимание арбитрабельности тесно связано с характером («природой», «имманентными свойствами») самого спора, об арбитрабельности которого ставится вопрос. Т.е. возможность для определенной категории споров быть переданной для разрешения в международный коммерческий арбитраж не должна зависеть ни от содержания арбитражного соглашения, ни от некоторых «внешних» аспектов (факторов), например, от наличия каких-либо специальных процедурных регламентов арбитражного разбирательства. Более того, современное понимание концепта арбитрабельности базируется на строгом разграничении понятий «допустимости» спора для рассмотрения в международном арбитраже, «наличием» и «действительностью» арбитражного соглашения, а также стандартом (стандартами) арбитражного разбирательства. Особенно явно эти сущностные различия прослеживаются при исследовании и решении правоприменительных проблем выбора правопорядка, которому будут подчиняться (в рамках которого будут регулироваться) вопросы арбитрабельности спора, действительности арбитражного соглашения и применимых правил арбитражного разбирательства. Формально-юридическим аргументом в пользу такой точки зрения может выступать следующее: на текущий момент времени принятые национальные и международные правовые документы четко разграничивают основания для отмены арбитражного решения, отказа в признании и приведении его в исполнение по мотивам «неарбитрабельности» спора, существенного нарушения стандартов арбитражной процедуры, а также несоблюдения требований предъявляемых к арбитражному соглашению (к примеру, статья IV Нью-Йоркской конвенции) [2].

Общая характеристика специальных правил арбитража корпоративных споров. Проведенный анализ таких специальных регламентов позволяет выявить общие содержательные составляющие (вопросы), характерные для специальных правил арбитражных процедур корпоративных споров и в том или ином масштабе находящие свое отражение в текстах регламентов, а именно: 1) определение сферы применения специальных

правил; 2) установление детализированных процедур уведомления, информирования и предоставления документов для участников арбитражного разбирательства корпоративного спора; 3) закрепление особенностей процедур формирования состава арбитража; 4) спецификация процедуры выражения согласия на арбитраж, в том числе в части особенностей включения арбитражной оговорки в учредительный документ юридического лица; 5) детализация процедур участия третьих (заинтересованных лиц) в арбитражном разбирательстве корпоративных споров, в том числе возможность присоединения к арбитражному разбирательству, объединение (консолидация) нескольких арбитражных разбирательств в одно; 6) конкретизация совершения распорядительных процедурных действий (отказ от иска, признание иска, заключение мирового соглашения); 7) спецификация режима конфиденциальности арбитражного разбирательства; 8) определение особенностей обязательности и окончательности арбитражного решения по корпоративному спору. При этом, сравнение специальных правил арбитража корпоративных споров позволяет выявить следующие базовые особенности правовых моделей, лежащих в основе таких документов. А именно: 1) ограниченный характер сферы действия специальных правил; 2) локализация арбитражного разбирательства в отношении определенной части корпоративных споров в рамках конкретного национального правопорядка; 3) дополнительный характер таких правил (регламентов); 4) адаптивный характер специальных регламентов: изначально присутствует значительная диспозитивность в части применения соответствующих положений регламента.

Кросс-институциональное объединение арбитражных разбирательств. В своем большинстве действующие регламенты постоянных арбитражных институтов содержат достаточно гибкий и развитый процедурный инструментарий, позволяющий разрешать вопросы присоединения и вступления в арбитражное разбирательство третьих лиц, объединения параллельных разбирательств и т. п. Тем не менее, такие механизмы являются доступными только в рамках одного постоянного арбитражного института. Передача или объединение арбитражных разбирательств, хоть и взаимосвязанных между собой, но ведущихся в разных арбитражных судах, как в рамках одной правовой системы, так и в различных правовых юрисдикциях, не предусмотрено ни национальными законодательствами об арбитраже, ни международными правовыми актами. В последние несколько лет одной из самых примечательных тенденций – инициативы самих арбитражных центров по трансграничному объединению (консолидации) арбитражных разбирательств, рассматриваемых в различных арбитражных институциях (cross-institution consolidation).

Так, 19 сентября 2017 года Сингапурский международный арбитражный центр выпустил меморандум по кросс-институциональному сотрудничеству в части объединения (консолидации) трансграничных арбитражных разбирательств [5]. В основу положены две альтернативные модели кросс-институциональной консолидации: либо создание объединенного комитета для применения процессуального механизма консолидации, при этом указанный комитет формируется в составе представителей соответствующих арбитражных судов; либо принятие только одним из арбитражных центров всех действий по применению данного процессуального механизма и критериям консолидации арбитражных разбирательств. Обращает внимание на себя тот факт, что меморандум не предусматривает право сторон арбитражного разбирательства исключить механизм кросс-институционального объединения при наличии ссылки на соответствующий арбитражный регламент, содержащий положения о таком процедурном механизме. Принципиально противоположное решение по данному вопросу отражено в Межинституциональном арбитражном регламенте 2023 г. Ташкентского международного арбитражного центра (TIAC) и Гонконгского международного арбитражного центра (HKIAC) (TIAC-HKIAC Cross-Institutional Rules of Arbitration) [6]. Данный регламент вступил в силу 11 сентября 2023 года и, по сути, является первым специальным регламентом по кросс-институциональной консолидации арбитражных разбирательств между двумя арбитражными судами. Соответствующие нормы объединены в качестве отдельного специального регламента,

который подлежит применению только на основе прямой ссылки на него сторон арбитражного разбирательства согласно ст. 2 данного регламента.

Рассматриваемая возможность по трансграничному объединению арбитражных разбирательств с точки зрения формирования правового регулирования данного вопроса находится в самом начале, но уже сейчас представляет собой огромный интерес, т.к. может дать серьезный толчок к образованию основы для унифицированной, и в принципе даже единообразной, системы процедурных механизмов, позволяющих выстраивать своеобразное «сетевое» (net-working) функционирование международного коммерческого арбитража. При этом данный аспект существенен не только в контексте повышения эффективности арбитражных разбирательств в отношении отдельных видов (групп) споров, что напрямую относится и к корпоративным спорам, но также обладает огромным потенциалом для выстраивания своеобразной децентрализованной системы международного коммерческого арбитража в условиях интеграционных процессов на региональном уровне (ЕЭС, ШОС и др.) на основе принципа полицентричности. Кросс-институциональная консолидация арбитражных разбирательств также может послужить неплохим фундаментом для преодоления правовых противоречий и межинституционального взаимодействия арбитражных центров в разрезе всё возрастающего санкционного давления.

В целом по итогам настоящего обзорного исследования можно заключить, что проблематика рассмотрения корпоративных споров в международном арбитраже всегда теснейшим образом связана со всеми ключевыми доктринальными проблемами понимания и правоприменения базовых концептов международного арбитража (арбитрабельность, арбитражное соглашение, стандарты арбитражного разбирательства, исполнимость арбитражного решения и др.). Разрешение же таких проблемных аспектов сохраняет специфику институциональных различий между соответствующими системами частного права (гражданского, корпоративного), а также обуславливается особенностями историко-правовых традиций становления конкретной правовой системы, в том числе в контексте подходов к арбитражному разбирательству корпоративных споров. Использование корпоративных юридических лиц в качестве основной «модели» привлечения инвестиций и ведения хозяйственной (предпринимательской) деятельности предопределяет, в том числе, необходимость адаптации соответствующего национального (в том числе белорусского) законодательства и правоприменительной практики к современным потребностям коммерческого (гражданского) оборота в условиях трансграничного (интеграционного, регионального) взаимодействия при ведении бизнеса и осуществлении инвестиционных вложений. Международный коммерческий арбитраж, представляющий собой самостоятельную унифицированную систему разрешения трансграничных споров, в идеале должен являться нейтральным и доступным механизмом защиты интересов участников коммерческого оборота, а обеспечение возможности прибегнуть к арбитражному разбирательству корпоративного спора, в том числе в рамках национальной правовой юрисдикции, выступает в качестве одной из базовых задач любого правового государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О международном арбитражном (третейском) суде: Закон Респ. Беларусь 9 июля 1999 г. № 279-З: с изм. и доп. от 17 июля 2020 г. № 42-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 25.07.2025).
2. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений: принята Конференцией ООН по международному торговому арбитражу, Нью-Йорк, 10 июня 1958 г., E/CONF.26/8/Rev.1. // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://undocs.org/ru/E/CONF.26/8/Rev.1> (дата обращения 25.07.2025).

3. DIS-Supplementary Rules for Corporate Law Disputes 09 (SRCoLD). – URL: <http://www.dis-arb.de/en/16/regeln/dis-supplementary-rules-for-corporate-law-disputes-09-srcold-id1> (дата обращения 06.08.2025).

4. Арбитражный регламент Немецкого Арбитражного Института 2018 г. – URL: https://www.disarb.org/fileadmin//user_upload/Werkzeuge_und_Tools/2018_DIS-Schiedsgerichtsordnung_Russland_082021.pdf (дата обращения 06.08.2025).

5. Memorandum Regarding Proposal on Cross-Institution Consolidation Protocol. – URL: <https://siac.org.sg/wp-content/uploads/2023/04/Memorandum-on-Cross-Institutional-Consolidation-with-annexes.pdf> (дата обращения 23.08.2025).

6. TIAC-HKIAC Cross-Institutional Rules of Arbitration 2023. – URL: https://www.hkiac.org/sites/default/files/ck_filebrowser/2023%2BTIAC-HKIAC%2B-%2BCross-Institutional%2BRules%2Bof%2BArbitration.pdf (дата обращения 23.08.2025).

УДК 339.187.44.025.3

**РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ПО ФРАНЧАЙЗИНГУ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF CONTRACTUAL RELATIONS
ON FRANCHISING IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

Андриевский Дмитрий Валентинович,
Национальный центр интеллектуальной собственности,
Республика Беларусь, г. Минск
d.andryeuski@ncip.by

Бессарабова Виктория Викторовна,
Национальный центр интеллектуальной собственности,
Республика Беларусь, г. Минск
v.bessarabova@ncip.by

Andrievsky Dmitriy,
National Center of Intellectual Property,
Republic of Belarus, Minsk

Besarabova Victoria,
National Center of Intellectual Property,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 г. (ч. 4 гл. 2) законодатель рассматривает франчайзинг как один из наиболее эффективных механизмов управления интеллектуальной собственностью. В работе авторами рассматриваются особенности и перспективы развития правового регулирования договорных отношений по франчайзингу в Республике Беларусь. Вносятся предложения по совершенствованию правового регулирования договорных отношений по франчайзингу в Республике Беларусь, направленные на развитие малого и среднего предпринимательства, расширение практики использования договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) национальными и иностранными франчайзерами (правообладателями), упрощение порядка регистрации договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) в Национальном центре интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: франчайзинг, комплексная предпринимательская лицензия, франчайзер (правообладатель), франчайзи (пользователь).

Abstract. In the Strategy of the Republic of Belarus in the field of intellectual property until 2030 (part 4 of chapter 2), the legislator considers franchising as one of the most frequently used mechanisms for managing intellectual property. In the work, the authors consider the features and prospects of the development of legal regulation of contractual relations on franchising in the Republic of Belarus. Proposals are being made to improve the legal regulation of contractual relations on franchising in the Republic of Belarus, aimed at developing small and medium-sized businesses, expanding the practice of using a comprehensive entrepreneurial license agreement (franchising) by national and foreign franchisors (copyright holders), and simplifying the procedure for registering comprehensive entrepreneurial license agreements (franchising) with the National Center for Intellectual Property.

Keywords: franchising, comprehensive business license, franchisor (copyright holder), franchisees (user).

Одним из ключевых направлений совершенствования законодательства в сфере интеллектуальной собственности продолжает оставаться институт франчайзинга. Нормотворческая деятельность в данной области, в первую очередь, направлена на создание условий для эффективной коммерциализации объектов интеллектуальной собственности, развитие договорных отношений по созданию и использованию таких объектов, в том числе развитие института франчайзинга (абз. 5 ч. 6 гл. 5) [1].

Пунктом 21 Плана мероприятий по реализации Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 г. на 2021–2023 гг. [1] было предусмотрено принятие мер по расширению практики применения договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) в деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе оказание консультативных услуг по организации деятельности на основе франчайзинга. Данное мероприятие было выполнено, о чем, в частности, свидетельствует постоянно увеличивающееся количество зарегистрированных в Национальном центре интеллектуальной собственности договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга): с 109 договоров в 2019 г. – до 539 договоров в 2024 г. (всего за период с 1993 г. (фактически с 2006 г., когда в НЦИС впервые был зарегистрирован договор комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга), заключенный на территории Республики Беларусь) [2, с. 19] по 2024 г. включительно Национальным центром интеллектуальной собственности было зарегистрировано 1590 договоров франчайзинга [3, с. 31]).

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 декабря 2023 г. № 906 «Об изменении постановления Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2021 г. № 672» [4] Стратегия Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 г. была дополнена приложением 2 «План мероприятий по реализации Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 г. на 2024–2025 гг.», которое не предусматривает мероприятий по развитию правоотношений, касающихся комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга).

Вместе с тем анализ функционирования системы интеллектуальной собственности за период с 2021 г. по настоящее время, а также анализ выполнения первоочередных мероприятий по реализации Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 г. в 2021–2023 гг. и в 2024–2025 гг. (до настоящего времени) позволил с целью разработки научно обоснованных предложений по развитию системы интеллектуальной собственности Республики Беларусь и повышению эффективности ее функционирования выработать следующие комплексные предложения по актуализации положений Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 г. в части развития правового регулирования договорных отношений по франчайзингу в Республике Беларусь.

В рамках совершенствования законодательства Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности предлагается:

- продолжить развитие правового регулирования договорных отношений по франчайзингу в Республике Беларусь путем корректировки (дополнения) предмета договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) в части возможности использования товарного знака (знака обслуживания) наряду с фирменным наименованием (в качестве альтернативы обязательного включения в лицензионный комплекс, право использования которого предоставляется по договору франчайзинга пользователю), так как не всегда на практике правообладатель (франчайзер) использует товарный знак (знак обслуживания) в своем фирменном наименовании, хотя такая возможность прямо предусмотрена законодательством Республики Беларусь в п. 3 ст. 1014 Гражданского кодекса Республики Беларусь [5], а зачастую для потребителей именно товарный знак (знак обслуживания), а не фирменное наименование позволяет индивидуализировать конкретный товар (работу, услугу) (ст. 1) [6]; при этом возможность распоряжения товарным знаком (знаком обслуживания) путем заключения договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) уже рассматривается субъектами хозяйствования в качестве эффективного инструмента для масштабирования бизнеса и получения дополнительной прибыли за счет получения роялти [7] (периодического платежа, как вида лицензионного вознаграждения за использование товарного знака (знака обслуживания), в виде процента от прибыли или в виде фиксированной денежной суммы);

- закрепить законодательно в ст. 910-3 Гражданского кодекса Республики Беларусь [5] «Обязанности правообладателя» приоритетное право пользователя (франчайзи), надлежаще исполнившего свои обязательства по срочному договору комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга), на заключение договора франчайзинга на новый срок;

- разработать примерную форму договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) для субъектов малого и среднего предпринимательства [8];

- принять меры по совершенствованию порядка регистрации договоров франчайзинга в патентном органе (Национальном центре интеллектуальной собственности) путем корректировки положений постановления Совета Министров Республики Беларусь от 21 марта 2009 г. № 346 «О регистрации лицензионных договоров, договоров уступки прав на объекты права промышленной собственности, договоров о залоге имущественных прав, удостоверяемых свидетельством на товарный знак, знак обслуживания, и договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга)» [9] и Инструкция о порядке регистрации лицензионных договоров, договоров уступки прав на объекты права промышленной собственности, договоров о залоге имущественных прав, удостоверяемых свидетельством на товарный знак, знак обслуживания, и договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга), утвержденная постановлением Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь от 15 апреля 2009 г. № 6 [10], включая:

- установление форм заявлений о регистрации договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга), о регистрации изменений в договор комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) и о расторжении договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга);

- дополнение перечня фактов, проверяемых в отношении объема передаваемых прав и срока действия договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга);

- определение обстоятельств, проверяемых при оценке предмета договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) в части определения и оформления «нераскрытой информации», являющейся в настоящее время в соответствии с п. 1 ст. 910 Гражданского кодекса Республики Беларусь [5] одним из обязательных элементов лицензионного комплекса, предоставляемого франчайзи (пользователю) по договору комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) для использования им при осуществлении предпринимательской деятельности;

– дополнение перечня документов, прилагаемых к заявлению о расторжении договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга), документом, подтверждающим уплату патентной пошлины.

Таким образом, особо отметим, что совершенствование правового регулирования договорных отношений по франчайзингу в Республике Беларусь продолжает оставаться актуальным и в настоящее время. Включение рассмотренных мероприятий в соответствующие планы по реализации Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 г. и их выполнение на практике будут способствовать развитию малого и среднего предпринимательства в Беларуси, расширению практики использования договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) национальными и иностранными франчайзерами (правообладателями), упрощению порядка регистрации договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) в Национальном центре интеллектуальной собственности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года (вместе с «Планом мероприятий по реализации Стратегии на 2021–2023 годы»): постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2021 г. № 672: в ред. от 20.12.2023 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 22.09.2025).

2. Гурко В.Б., Бессарабова В.В. Юридический и учетный аспекты лицензионных договоров // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2023. – № 6 (103). – С. 18–22.

3. Годовой отчет 2024 г. – URL: <https://ncip.by/upload/iblock/215/6ldigqcl3z2ehl720eymwdup9occ1wjx.pdf> (дата обращения 22.09.2025).

4. Об изменении постановления Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2021 г. № 672: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 20 декабря 2023 г. № 906 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 22.09.2025).

5. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 22.09.2025).

6. О товарных знаках и знаках обслуживания: Закон Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. № 2181-ХІІ: в ред. от 09.01.2023 № 243-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 22.09.2025).

7. Ответы на частые вопросы. Вопрос № 11. – URL: https://ncip.by/otvety-na-chastye-voprosy/kakie-konkurentnye-preimushchestva-mogut-obespechit-biznesu-tovarnye-znaki-skolko-vremeni-zanimaet-p/?special_version=Y (дата обращения 22.09.2025).

8. Бланки договоров. Примерная форма договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга). – URL: https://ncip.by/odno-okno/blanki/blanki-dogovorov/?clear_cache=Y (дата обращения 22.09.2025).

9. О регистрации лицензионных договоров, договоров уступки прав на объекты права промышленной собственности, договоров о залоге имущественных прав, удостоверяемых свидетельством на товарный знак, знак обслуживания, и договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга): постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 марта 2009 г. № 346: в ред. от 20.11.2023 № 791 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 22.09.2025).

10. Об утверждении Инструкции о порядке регистрации лицензионных договоров, договоров уступки прав на объекты права промышленной собственности, договоров о залоге имущественных прав, удостоверяемых свидетельством на товарный знак, знак обслуживания, и договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга): постановление Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь от 15 апреля 2009 г. № 6 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 22.09.2025).

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
РЕГУЛИРУЮЩЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ ИНВАЗИВНЫХ
ВИДОВ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**
**SOME ASPECTS OF IMPROVING THE LEGISLATION REGULATING THE SPREAD
AND NUMBER OF INVASIVE SPECIES IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

Ашарчук Янина Владимировна,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
yanina.asharchuk@gmail.com

Asharchuk Yanina,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы регулирования распространения и численности инвазивных видов на территории Республики Беларусь. Автором проведена оценка состояния законодательной базы по борьбе с инвазивными видами через призму международно-правовой охраны окружающей среды, а также анализ национальных организационно-правовых механизмов борьбы с инвазивными видами; выявлены пробелы в правовом регулировании, на основе чего предложено введение новых инструментов позволяющих регулировать распространение инвазивных видов на территории Республики Беларусь, таких как, оценка воздействия на окружающую среду. Обусловленность проникновения инвазивных видов осуществлением экономической деятельности при учете природных процессов как факторов распространения данных видов легла в основу предлагаемых автором правовых механизмов борьбы с инвазивными видами и позволила сформулировать предложения по совершенствованию законодательства, которые могут быть учтены в рамках ведущейся работы по систематизации экологического законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: инвазивные виды, охрана окружающей среды, охрана биологического разнообразия, осуществление экономической деятельности.

Abstract. The article views the issues of regulation of the spread and number of invasive species in the Republic of Belarus. The author has conducted an assessment of the status of the legislative framework for combating invasive species through the lens of international legal protection of the environment, as well as analysis of national institutional and legal mechanisms to combat invasive species; gaps in legal regulation have been identified, on the basis of which it is proposed to introduce new tools for regulating the spread of invasive species in the Republic of Belarus, such as environmental impact assessment. Extent to which invasive species are subject to economic activity considering natural processes as factors in the spread of these species, formed the basis for the legal mechanisms proposed by the author to combat invasive species and made it possible to formulate proposals on the improvement of legislation, which can be considered within the framework of ongoing work to systematize environmental legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: invasive species, environmental protection, protection of biodiversity, implementation of economic activities.

Одной из основополагающих Целей устойчивого развития (далее – ЦУР), направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, выступает ЦУР 15 «Сохранение экосистем суши», сформулированная в Резолюции

№ 70/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». ЦУР 15 включает в себя различные объекты охраны: земля, леса, недра, болота, растительный и животный мир в его видовом разнообразии. Особая роль в сохранении окружающей среды отводится биоразнообразию. Среди принципов охраны окружающей среды, закрепленных в Законе Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон), установлен запрет на осуществление экономической деятельности, которая изменяет и (или) уничтожает генетический фонд объектов растительного и животного мира (ст. 4). Такая же позиция поддерживается в научной литературе: Д.Г. Вильмак и М.А. Кравцова подчеркивают, что сохранение животного мира «очень значимо для поддержания экологического равновесия в природе» [1]. Так, живые организмы подразделяются на те, популяция которых регулируется, однако они могут подвергаться браконьерству, незаконному вылову и изъятию – дикие животные и дикорастущие растения. Когда такая проблема выходит из-под контроля, живые организмы из этой категории переходят в другую категорию – редкие или исчезающие виды, заносимые в Красную книгу и охраняемые согласно Закону. При этом есть отдельная категория живых организмов, которая влияет на деятельность вышеуказанных двух категорий, это инвазивные виды. Таким образом, на сохранение биологического разнообразия оказывается воздействие не только человеком при осуществлении экономической деятельности, нарушении законодательства об охране окружающей среды в ходе незаконной охоты, вылова рыбы, но и в результате естественных условий, например, путем проникновения инвазивных видов на конкретную территорию.

В Республике Беларусь на уровне законодательных актов дано определение инвазивным видам. Так, Закон Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-З «О животном мире» под такими видами понимает организмы, которые селятся в экосистеме не характерной для них, тем самым создают угрозу для животных, обитающих в ней. Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-З «О растительном мире» закрепляет понятие инвазивные растения, помимо угрозы биологическому разнообразию, такие виды могут причинить вред здоровью человека и отдельным отраслям экономики. Так, к 2025 году в Беларуси выявлено «свыше 50 видов инвазивных растений» [2]. Причинами распространения таких видов являются изменение климата, экономическая деятельность человека, интенсивное развитие торговых отношений, а также географическое положение и трансграничный характер речных бассейнов [1]. Актуальность вопроса регулирования распространения инвазивных видов подтверждается в Концепции национальной безопасности, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, рассматривающей проникновение инвазивных видов как внешний источник угрозы национальной безопасности; в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 [3], кроме того, рассматривается в научной литературе [1]. Следовательно, проблема инвазивных видов является насущной и требует конкретных действий, в том числе совершенствования правового регулирования.

Рассмотрим инструменты борьбы с инвазивными видами, закрепленные в национальном законодательстве. Контроль видов гарантируется с помощью регулирования их распространения и численности (ст. ст. 15, 19 Закона «О животном мире», ст. 18 Закона «О растительном мире»). На подзаконном уровне регулирование распространения обеспечивается постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 января 2008 г. № 126 (далее – постановление № 126). Согласно Закону Республики Беларусь «Об особо охраняемых природных территориях» от 15 ноября 2018 г. № 150-З борьба ведется путем установления требований в рамках режима охраны и использования ООПТ (ст. 24): заповедника (ст. 26), национального парка (ст. 27), памятника природы (ст. 29). Помимо указанных механизмов, В.В. Ерин и Д.Г. Попова замечают, что для эффективной борьбы с инвазивными видами «должен существовать базовый документ». Авторы упоминают про разработку и обновление «Черной книги», аналога Красной книги [4].

В положении, утвержденном постановлением № 126, содержится перечень растений и животных, которые подпадает под так называемую «Черную книгу». Таким образом, отнесем данную меру к механизмам по борьбе с инвазивными видами, но введение перечня не решает проблему на практике, точно также, как и закрепленная в Законе норма о деятельности общественных объединений и органов территориального общественного самоуправления по пропаганде граждан на тему предупреждения проникновения в естественные экологические системы инвазивных видов растений и животных. Бесспорно, информирование, планирование, экологическое воспитание играет свою роль в обеспечении экологической безопасности, но только лишь таких механизмов недостаточно.

Помимо нехватки правовых и организационных механизмов в законодательных актах существуют нормы, содержание которых полностью не раскрывается. Например, в Законе «О животном мире» среди мер по охране животного мира предусматривается принятие мер по предотвращению вредного воздействия на объекты животного мира и среду их обитания, оказываемого инвазивными чужеродными дикими животными (пп. 1.16 ст. 15). Перечень мер, их характер или направления не раскрываются. Проект Экологического кодекса Республики Беларусь (далее – проект Экологического кодекса) [5] оставляет эти нормы без изменений, что является, на наш взгляд, необоснованным, поэтому необходимо в подзаконном акте или в самом Законе/Экологическом кодексе отразить их суть. Стоит уточнить, что регулирование распространения и численности предусматривается в качестве отдельного механизма среди мер охраны объектов животного мира. С принятием Экологического кодекса, который является новым этапом совершенствования и систематизации законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов, к мерам по охране биологического разнообразия добавятся нормы о проведении мониторинга растительного и животного мира в контексте выявления популяций инвазивных видов, следовательно, расширится дефиниция экологической информации, в которую будут входить обобщенные данные о динамике численности и состоянии популяций видов инвазивных растений, создающих угрозу жизни или здоровью физических лиц, сохранению биологического разнообразия, причинения вреда отдельным отраслям экономики [5].

Пробел в анализируемой области также имеется в положениях Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП). Так, в ч. 3 ст. 16.23 КоАП речь идет о нарушении требований вселения (расселения), интродукции, реинтродукции, скрещивания дикий животных, а в ч. 4 – о нарушении регулирования численности и распространения этих животных. Примечание к этой статье в Кодексе не содержится. Трактовка в узком смысле содержания понятия «дикие животные» не позволяет относить к таковым инвазивные виды в силу того, что согласно ч. 2 ст. 1.3 КоАП нормативный акт не подлежит расширительному толкованию, возникает правовая неопределённость, так как в Законе «О животном мире» тоже запрещены эти действия в отношении инвазивных видов. Поэтому законодателю следует дополнить Кодекс об административных правонарушениях в этих частях либо сделать примечание к ст. 16.23.

Безусловно, распространение инвазивных видов является не только национальной, но и международной проблемой, что доказывает наличие задачи 15.8 ЦУР 15, которая направлена на предотвращение проникновения инвазивных видов. Также государства, являющиеся участниками Конвенции о биологическом разнообразии, должны направлять свои силы на сохранение биоразнообразия, разрабатывать и внедрять инструменты охраны. Тем не менее инвазия схожих видов характерна для сопредельных территорий, что говорит о региональности проблемы или о ее транснациональном (трансграничном) характере, например, в рамках СНГ. Однако отмечается, что в Республике Беларусь «успехи по борьбе с инвазивными видами довольно значительные по сравнению с соседними странами, хотя до победы еще далеко» [6]. В силу специальных принципов международно-правовой охраны окружающей среды в рамках суверенного права государств на использование собственных ресурсов, регламентация вопросов охраны биоразнообразия решается самостоятельно каждым государством. Однако выработка единого подхода борьбы необходима, так как

охрана данных объектов, как и окружающей среды в целом, невозможна без совместных усилий всех государств. Так, Межпарламентская Ассамблея государств-членов Содружества Независимых Государств (далее – МПА СНГ) разрабатывает модельные законы с целью гармонизации регулирования общественных отношений, создания единых подходов охраны окружающей среды. В ст. 20 постановления МПА СНГ от 20 мая 2016 г. № 44-9 «О сохранении, устойчивом использовании и восстановлении биологического разнообразия» оценка воздействия на окружающую среду (далее – ОВОС) должна включать рассмотрение «потенциальных последствий появления инвазивных чужеродных видов, связанного с планируемой хозяйственной деятельностью, в пределах или вблизи предполагаемого места реализации плана». В нашем законодательстве в объекты ОВОС не включается рассмотрение таких вопросов. В ч. 2 ст. 7 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2016 г. № 399-З «О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду» сказано, что другие объекты ОВОС могут устанавливаться иными актами или международными договорами. Но в отношении инвазивных видов ничего не находим. Стоит отметить, что введение такого объекта оценки воздействия на окружающую среду будет одним из механизмов восполнения ранее указанного принципа на запрет хозяйственной деятельности, угрожающей генетическому фонду объектов биоразнообразия. Уместность введения данного механизма в отношении инвазивных видов подтверждается в Национальном плане действий по сохранению и устойчивому использованию биологического разнообразия на 2021–2025 год, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 декабря 2021 г. № 733: разработка прогноза потенциальных угроз экологического и экономического характера от проникновения новых инвазивных видов. Следовательно, осуществление экономической деятельности может стать основанием для проникновения новых инвазивных видов. При этом появление такого инструмента ставит обеспечение экологического интереса в противовес экономическому, так как при наличии последствий появления инвазивных видов, будет и соответствующая оценка воздействия на окружающую среду, а когда проведение такой оценки обязательно, отрицательный результат становится препятствием для планирования деятельности.

Таким образом, на охрану биологического разнообразия оказывает воздействие не только человек при осуществлении экономической деятельности, нарушении законодательства об охране окружающей среды в ходе незаконной охоты, вылова рыбы, но и в результате естественных условий, например, путем проникновения инвазивных видов на конкретную территорию. В целях совершенствования правового регулирования численности и распространения инвазивных видов на территории Республики Беларусь необходимо отнесение к объектам оценки воздействия на окружающую среду потенциальных последствий появления инвазивных чужеродных видов, связанных с планируемой хозяйственной деятельностью, в пределах или вблизи предполагаемого места реализации плана. Также необходимо дополнить ст. 16.23 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь в ч. 3 и 4 и добавить к диким животным инвазивные чужеродные дикие животные; уточнить в проекте Экологического кодекса содержание мер по предотвращению вредного воздействия на объекты животного мира и среду их обитания, оказываемого инвазивными животными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вильмак Д.Г., Кравцова М.А. Понятие животного мира как объекта комплексного правового регулирования // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2024. – № 2. – С. 49–53.
2. Свыше 50 видов инвазивных растений выявлены в Беларуси. – URL: <https://belta.by/society/view/svyshe-50-vidov-invazivnyh-rastenij-vyjavleny-v-belarusi-713388-2025/> (дата обращения 22.09.2025).

3. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года. – URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.pdf> (дата обращения 19.09.2025).

4. Ерин В.В., Попова Д.Г. К вопросу о правовом регулировании ограничений чужеродных (инвазивных) видов растений, животных и микроорганизмов // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 2(218). – С. 79–81.

5. Проект Экологического кодекса Республики Беларусь // Официальный правовой портал Республики Беларусь. – URL: https://forumpravo.by/upload/pdf/2025-09-11_proekt_ecolog%20code_Minprirody.pdf?ysclid=mfnxm3if56577418121 (дата обращения 16.09.2025).

6. НАН: по сравнению с соседними странами, успехи в борьбе с инвазивными видами в Беларуси значительные. – URL: <https://belta.by/society/view/nan-po-sravneniju-s-sosednimi-stranami-uspehi-v-borbe-s-invazivnymi-vidami-v-belarusi-znachitelnye-632198-2024/> (дата обращения 19.09.2025)

УДК 347.191

**«СНЯТИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ»: ТЕНДЕНЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ
В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ
CORPORATE VEIL-PIERCING: TRENDS IN ENVIRONMENTAL RIGHTS
PROTECTION**

Белоусова Снежана Дмитриевна,
Национальный центр законодательства
и правовой информации Республики Беларусь,
Республика Беларусь, г. Минск
snezhana_belousova_1998@mail.ru

Belousova Snezhana,
National Center of Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье рассматривается доктрина «снятия корпоративной вуали», которая служит правовым инструментом для привлечения к ответственности учредителей и контролирующих лиц юридического лица в случаях злоупотребления его имущественной обособленностью. Особую актуальность снятие корпоративной вуали приобретает в сфере возложения ответственности на материнские компании за экологические правонарушения, совершенные их дочерними компаниями в других юрисдикциях. Делается вывод, что, несмотря на исключительный характер, доктрина «снятия корпоративной вуали» является необходимым инструментом противодействия злоупотребления привилегией ограниченной ответственности юридического лица, особенно в контексте защиты прав человека и окружающей среды.

Ключевые слова: юридическое лицо, имущественная обособленность, снятие корпоративной вуали, экологические права.

Abstract. The article examines the doctrine of corporate veil-piercing, which serves as a legal instrument for holding accountable the founders and supervisors of a legal entity in cases of abuse of its property isolation. Corporate veil-piercing is particularly relevant in the area of holding parent companies of integrated structures accountable for environmental and social offenses committed by their subsidiaries in other jurisdictions. The author concludes that, despite its exceptional nature, the doctrine of corporate veil-piercing is a necessary tool for countering the abuse of the privilege of

limited liability of a legal entity, especially in the context of protecting human rights and the environment.

Keywords: legal entity, property isolation, corporate veil-piercing, environmental rights.

Традиционно имущественная обособленность (принцип отделения имущества юридического лица от имущества его учредителей/ участников) выступает одним из ключевых признаков при характеристике юридического лица [1, с. 143; 2, с. 182]. По утверждению Е.А. Суханова, «на этом основополагающем принципе базируется и ограничение ответственности учредителей (участников) корпорации по ее долгам их вкладами в ее имущество, составляющее смысл самой конструкции юридического лица как корпоративного щита, защищающего личное имущество его участников от требований третьих лиц (кредиторов корпорации)» [2, с. 182].

В данном контексте статья 52 Гражданского кодекса Республики Беларусь провозглашает, что:

1) юридические лица, кроме учреждений, отвечают по своим обязательствам всем своим имуществом (п. 1);

2) учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечают по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами либо учредительным документом юридического лица (ч. 1 п. 3) [3].

Принцип отделения характерен не только для Беларуси; он закреплен в корпоративном законодательстве как в странах общего права, так и в странах романо-германского права. Например, согласно ст. 56 Гражданского кодекса Российской Федерации юридическое лицо отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом. Учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечает по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации или другим законом [4].

В США содержится аналогичное положение, в частности, если иное не предусмотрено учредительным договором, акционер корпорации не несет личной ответственности за действия или долги корпорации, за исключением случаев, когда он может стать лично ответственным в силу своих собственных действий или поведения (§ 6.22(b)) [5].

Вместе с тем, используя «защитную архитектуру корпоративной формы», акционеры могут манипулировать корпоративными структурами, чтобы скрыть принадлежность активов, избежать долгов или оградить себя от ответственности за неправомерные действия [2, с. 182–183].

Ввиду этого, как отмечает Е.А. Суханов, законодатели ряда стран в целях недопущения злоупотребления привилегией ограниченной ответственности, предоставленной юридическим лицам, наделяют кредиторов юридического лица возможностью распространять ответственность на личное имущество его участников путем проникновения кредиторов к такому имуществу, т. е. снимая корпоративную вуаль [2, с. 183]. Особую актуальность данная концепция приобретает в отношении интегрированных структур. Как показывает практика, дочерние компании, расположенные в юрисдикциях, отличных от юрисдикций их материнских компаний, совершают такие правонарушения, как загрязнение окружающей среды, выпуск некачественной продукции, опасные условия труда и т. д. Примерами таких дел являются: утечка токсичного газа на дочернем предприятии Union Carbide, в результате которой погибло более 10 000 человек в Бхопале (Индия); обрушение фабрики Rana Plaza, в результате которого погибли 1 134 рабочих швейных фабрик в Бангладеш, поставлявших продукцию известным западным брендам, и др. [6].

Наряду с термином «корпоративная вуаль» используются такие термины, как «корпоративная форма» (corporate form), «маска» (sham), «ткань» (web), «фасад» (façade)

и др. Тем не менее, по утверждению А.Н. Артемовой, термин «снятие корпоративной вуали» является на настоящий момент общепризнанным и наиболее употребляемым [7, с. 27].

Республика Беларусь, как и Российская Федерация, принадлежит к романо-германской правовой семье. Поэтому, как указывает Л.А. Ачкасов, в отличие от стран общего права, здесь отсутствует право справедливости. Соответственно, правовые нормы, аналогичные доктрине снятия корпоративной вуали, следует искать не в судебной практике, а в законодательных положениях [8].

В российском законодательстве содержатся следующие институты, схожие по содержанию со снятием корпоративной вуали:

1. Привлечение главного общества к ответственности по сделкам дочернего общества (абз. 2 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ, абз. 2 п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», абз. 2 п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об акционерных обществах»);

2. Привлечение главного общества к субсидиарной ответственности при банкротствах дочернего (абз. 3 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ, абз. 3 п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», абз. 3 п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об акционерных обществах»);

3. Привлечение контролирующих лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве (ст. 10 Федерального закона «О банкротстве») [8].

Аналогичные положения имеются в белорусском законодательстве. Так, ч.ч. 2 и 3 п. 2 ст. 105 ГК указывают, что основное общество (товарищество), которое имеет право давать дочернему обществу, в том числе по договору с ним, обязательные для него указания, отвечает солидарно с дочерним обществом по сделкам, заключенным последним во исполнение таких указаний. В случае банкротства дочернего общества в результате виновных (умышленных) действий основного общества (товарищества) последнее несет субсидиарную ответственность по долгам дочернего общества [3].

Пункт 1 ст. 9 Закона Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности» устанавливает, что собственник имущества унитарного предприятия, признанного банкротом, учредители (участники) юридического лица, признанного банкротом, или иные лица, в том числе руководитель юридического лица, имеющие право давать обязательные для этого юридического лица указания либо возможность иным образом определять его действия, несут солидарно субсидиарную ответственность по обязательствам такого юридического лица при недостаточности у него имущества только в случае, если банкротство юридического лица было вызвано виновными (умышленными) действиями таких лиц, если иное не установлено данным Законом и иными законодательными актами [9].

Исследователи подчеркивают, что доктрина снятия корпоративной вуали имеет свою национальную специфику и зависит от государства и той правовой семьи, к которой оно принадлежит. В США применение рассматриваемого института является частым явлением, что обусловлено доминированием судейского усмотрения в регулировании права и правом справедливости, позволяющее использование тех средств правовой защиты, которые необходимы в конкретных делах с учетом всех его обстоятельств. В странах континентального права судьи, в первую очередь, руководствуются действующим законодательством [8].

Особую актуальность доктрина «снятия корпоративной вуали» приобретает в сфере защиты экологических прав. «Право на благоприятную окружающую среду является одним из фундаментальных прав человека, которое затрагивает основы его жизнедеятельности в обществе, связанные с поддержанием нормальных экологических, экономических и социальных условий его жизни» [10, с. 129].

Белорусским законодательством в этой связи определены основные принципы охраны окружающей среды и установлено, что хозяйственная и иная деятельность юридических лиц и граждан, оказывающая воздействие на окружающую среду, должна осуществляться на

основе принципов: соблюдения права граждан на благоприятную окружающую среду и возмещение вреда, причиненного нарушением этого права; обеспечения благоприятных условий для жизни и здоровья граждан; научно обоснованного сочетания экологических, экономических и социальных интересов граждан, общества и государства в целях обеспечения благоприятной окружающей среды; рационального использования природных ресурсов и их воспроизводства как необходимых условий обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности; гласности в работе; ответственности за нарушение законодательства об охране окружающей среды; международного сотрудничества Республики Беларусь в области охраны окружающей среды и др. [11].

С наступлением глобализации интегрированные структуры, в том числе транснациональные корпорации, распространились по разным странам, а их бизнес часто организован через отдельные юридические лица. Материнские компании, как правило, располагаются на глобальном Севере и осуществляют деятельность через свои дочерние компании, что часто приводит к экологическому и социальному ущербу на глобальном Юге. Поскольку материнские компании пользуются преимуществами как принципа ограниченной ответственности, так и принципа самостоятельности юридических лиц, которые разграничивают или создают «корпоративный щит» между ними и их дочерними компаниями, иностранные истцы сталкиваются с многочисленными препятствиями в доступе к средствам судебной защиты и, соответственно, возмещению причиненного ущерба. В ответ на это в ряде случаев суды возлагают ответственность на материнские компании за ущерб, причиненный их зарубежными дочерними компаниями [12].

Так, в деле *Vedanta Resources plc. против Lungowe* (2019) заявитель Доминик Лисванисо Лунгове и еще 1 825 граждан Замбии заявили, что *Vedanta Resources plc.* не выполнила свои обязательства по обеспечению того, чтобы ее дочерняя компания *Konkola Copper Mines Plc.*, базирующаяся в Замбии, не наносила вред окружающей среде и местным сообществам. В результате Верховный Суд Великобритании постановил, что истцы могут подать иск напрямую против *Vedanta Resources plc.* несмотря на то, что дочерняя компания не была создана с целью мошенничества, а материнская компания не осуществляла «повседневный контроль» над своей дочерней компанией. Основной довод состоял в том, что материнская компания несет общеправовую обязанность заботиться о тех, кому причинен вред ее дочерними компаниями, в зависимости не только от осуществляемого ею контроля, но и от осуществляемого ею надзора или предоставляемых ею консультаций [13].

Аналогичный подход был применен Верховным Судом Великобритании в деле *Okpabi против Royal Dutch Company (RDS)* (2021). Истцы, являющиеся членами общин в Нигерии, которые насчитывают в общей сложности 42 500 человек, утверждали, что разливы нефти из трубопроводов, эксплуатируемых *Shell Petroleum Development Company of Nigeria Ltd (SPDC)*, зарегистрированной в Нигерии, нанесли обширный ущерб окружающей среде, включая загрязнение воды и почвы. В единогласном решении Верховный суд Великобритании постановил, что *RDS*, зарегистрированная в Лондоне, была обязана проявить осмотрительность по отношению к истцам, базирующимся в Нигерии, в отношении деятельности своей местной дочерней компании *SPDC* [14].

Тем не менее, ученые справедливо подчеркивают, что, поскольку снятие вуали противоречит основополагающему принципу корпоративной обособленности, его применение является и должно оставаться строго ограниченным [15].

Таким образом, фундаментальный признак имущественной обособленности юридического лица, служащий основой корпоративного права и ограничения предпринимательских рисков, может быть использован для недобросовестного ухода от ответственности. В ответ на это правовые системы различных стран выработали комплекс доктринальных обоснований и законодательных норм, позволяющих в исключительных случаях привлечь к ответственности конечных бенефициаров и контролеров бизнеса, – доктрину «снятия корпоративной вуали».

Несмотря на то, что «снятие корпоративной вуали» остается исключением из основополагающего принципа отделения имущества юридического лица от имущества его учредителей/ участников и его использование должно оставаться строго ограниченным, в ряде случаев его применение оправданно. Особую актуальность снятие корпоративной вуали приобретает в связи с многочисленными правонарушениями материнскими компаниями экологических прав человека их дочерними компаниями, которые зачастую расположены в отличных от материнских компаний юрисдикциях. Ввиду этого зарубежная судебная практика идет по пути возложения ответственности на материнские компании за ущерб, причиненный их зарубежными дочерними компаниями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве (Понятие, виды, государственные юридические лица). – М.: Юрид. изд-во, 1947. – 364 с.
2. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут, 2014. – 454 с.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 09.09.2025).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 09.09.2025).
5. Model Business Corporation Act (MBCA). – URL: <https://nscpolteksby.ac.id/ebook/files/Ebook/Business%20Administration/The%20Law%20Of%20Business%20Organization%20-%20John%20E.%20Moye/Appendix%20G%20-%20Model%20Business%20Corporation%20Act.pdf> (дата обращения 09.09.2025).
6. Petrin M. Corporate Groups: Toward Corporate Group Accountability. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4064308 (дата обращения 09.09.2025).
7. Артемова А.Н. Злоупотребление правом на управление корпорацией со стороны контролирующих ее лиц: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03; ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет». – Новосибирск, 2021. – 206 л.
8. Ачкасов Л.А. Доктрина снятия корпоративной вуали: законодательное регулирование // Вестник арбитражной практики. – 2021. – № 4 // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения 09.09.2025).
9. Об урегулировании неплатежеспособности: Закон Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 09.09.2025).
10. Фицай Д.А. Защита экологических прав: некоторые проблемы теории и практики // Журнал российского права. – 2018. – № 3. – С. 127–135.
11. «Окружающая среда и права человека» (выступление заместителя Председателя Конституционного Суда Сергеевой О.Г. на 5-ом Международном форуме по правам человека, 14–15 ноября 2012 г., г. Пекин, Китай) // Конституционный Суд Республики Беларусь. – URL: <http://www.kc.gov.by/document-36013#:~:text=Право%20на%20благоприятную%20окружающую%20среду,проблем%2C%20делает%20людей%20социально%20уязвимыми> (дата обращения 09.09.2025).
12. Spotorno P. Vedanta and Okpabi: A Step Forward in Corporate Group Accountability? – URL: <https://kluwerlawonline.com/journalarticle/Business+Law+Review/45.1/BULA2024001> (дата обращения 09.09.2025).
13. Vedanta Resources PLC and another (Appellants) v Lungowe and others (Respondents). – URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2017-0185> (дата обращения 09.09.2025).
14. Case Comment: Okpabi and others v Royal Dutch Shell Plc and another [2021] UKSC 3. – URL: <https://ukscblog.com/case-comment-okpabi-and-others-v-royal-dutch-shell-plc-and-another-2021-uksc-3/> (дата обращения 09.09.2025).

15. Cheng P. Reassessing Corporate Veil-Piercing in China: Judicial Trends under the New Company Law. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=5358809 (дата обращения 09.09.2025).

УДК 346.7

**НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В ОБЛАСТИ ОБРАЩЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ЗНАКОВ В КОНТЕКСТЕ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ
ПРЕСТУПНЫМ ПУТЁМ**
**SOME DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF LEGISLATION IN THE FIELD OF
CIRCULATION OF DIGITAL SIGNS IN THE CONTEXT OF COUNTERING THE
LAUNDERING OF CRIMINAL PROCEEDS**

Бондарь Дарья Алексеевна,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
bondaran24@gmail.com

Bondar Daria,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы совершенствования законодательства Республики Беларусь в сфере обращения цифровых знаков (токенов) в контексте противодействия легализации доходов, полученных преступным путем. Анализируются последние изменения нормативной правовой базы, выявляются сохраняющиеся криминогенные риски, связанные с деятельностью нелегальных криптообменников и использованием сервисов анонимизации криптовалютных транзакций (криптомиксеров). На основе изучения зарубежного опыта, доктрины национального и международного права, автор предлагает закрепить нормативно дифференциацию финансовых требований к операторам криптоплатформ и обмена криптовалют, а также по включению в национальное законодательство определения криптомиксера и определения правового режима деятельности криптомиксеров. Предлагаемые меры направлены на развитие цифровой экономики и повышению эффективности национальной системы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма.

Ключевые слова: обращение цифровых знаков, противодействие легализации преступных доходов, криптомиксеры, сервисы анонимизации криптовалютных транзакций, криптообменники.

Abstract. The article discusses topical issues of improving the legislation of the Republic of Belarus in the field of circulation of digital signs (tokens) in the context of countering the legalization of proceeds from crime. The latest changes in the regulatory framework are analyzed, and the remaining criminal risks associated with the activities of illegal crypto exchanges and the use of anonymization services for cryptocurrency transactions (cryptomixers) are identified. Based on the study of foreign experience, the doctrine of national and international law, the author proposes to consolidate the regulatory differentiation of financial requirements for operators of cryptoplatforms and cryptocurrency exchanges, as well as the inclusion in national legislation of the definition of a cryptomixer and the definition of the legal regime for the activities of cryptomixers. The proposed measures are aimed at developing the digital economy and improving the

effectiveness of the national system for countering the legalization of proceeds from crime and the financing of terrorism.

Keywords: circulation of digital signs, countering money laundering, crypto mixers, cryptocurrency transaction anonymization services, crypto exchangers.

На сегодняшний день общественные отношения в сфере обращения цифровых знаков урегулированы законодательством Республики Беларусь, которое постоянно трансформируется по мере усложнения данных общественных отношений. Среди последних тенденций развития сферы обращения цифровых знаков в Республике Беларусь отмечаются рост числа криптобирж и криптообменников, появление первых криптообменников, рассматриваются вопросы о создании криптофондов и национальной криптовалюты [1]. Относительно недавно был принят Указ Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024 г. № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)», направленный на совершенствование порядка совершения сделок (операций) с цифровыми знаками (токенами) (далее – Указ № 367).

Хотя приоритетным направлением государственной политики является развитие цифровых технологий в Республике Беларусь и установлен достаточно свободный режим обращения цифровых знаков, тем не менее, целесообразным представляется отслеживание криминогенных рисков осуществления такой деятельности и внесение необходимых изменений в законодательство Республики Беларусь.

Так, в доктрине активно обсуждается проблема широкомасштабного предоставления услуг по обмену криптовалютой в нелегальном режиме физическими лицами и индивидуальными предпринимателями [2, 3]. На данный момент введён запрет на совершение сделок с токенами физическими лицами и индивидуальными предпринимателями между собой без участия резидентов Парка высоких технологий (далее – ПВТ), осуществляющих соответствующие виды деятельности, что однозначно позволяет рассматривать такую деятельность как незаконную (пп. 1–2 Указа № 367).

Однако данный запрет рассматривается исследователями как один из возможных путей противодействия возникшей неблагоприятной ситуации, характеризующийся применением инструментария административно-деликтного и уголовного права. До принятия соответствующего Указа высказывались иные позиции по совершенствованию законодательства в данной сфере, направленные на адекватное урегулирование спроса на услуги по обращению криптовалют и развитие приобретённых гражданами компетенций в области технического обеспечения необходимых процессов. Предлагался комплексный пересмотр правового статуса индивидуального предпринимателя как резидента Парка высоких технологий и соответствующих нормативных требований для приобретения такого статуса в контексте минимизации криминогенных рисков осуществления деятельности в сфере цифровых знаков [2].

Так, предлагалось «направить деятельность организаторов «серых» криптообменников в правовое русло» путём создания наиболее благоприятных условий для осуществления такой деятельности индивидуальными предпринимателями, зачастую не располагающими нормативно установленным объёмом инвестиций и структурными возможностями. Среди таких условий назывались: «упрощенные требования к деятельности (выполнение которых не предполагает такого объёма инвестиций, какой необходим для запуска в ПВТ оператора обмена криптовалют), обусловленные определенными ограничениями по масштабу и (или) характеру деятельности (например, предельный размер дневного или месячного оборота, перечень допустимых к обороту токенов); содействие в выполнении определенных требований, которые могут представлять сложность для ИП (например, в осуществлении мер ПОД/ФТ)» [2].

Согласимся с данным подходом и обратим внимание на ч. 1 пп. 2.3 п. 2 Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8), устанавливающую минимальный размер денежных

средств, наличие которых должны обеспечить на счетах в банках Республики Беларусь операторы криптоплатформ, операторы обмена криптовалют: соответственно не менее 1 млн белорусских рублей и не менее 200 тыс. белорусских рублей. Данное требование называется некоторыми практикующими юристами среди причин существования рынка нелегальных криптообменников, поскольку не все физические лица располагают в полной мере такими денежными средствами, хотя и готовы проявить инициативу в развитии криптовалютного рынка [4]. В связи с этим целесообразным представляется дифференцировать минимальный размер денежных средств по субъектному признаку. Например, установить для индивидуальных предпринимателей, желающих получить статус оператора криптоплатформы или оператора обмена криптовалют, минимальный размер денежных средств соответственно в размере не менее 500 тыс. белорусских рублей и не менее 100 тыс. белорусских рублей, облегчив финансовую составляющую на первоначальных этапах организации деятельности. Представляется, что такое изменение будет способствовать противодействию осуществлению криминального предпринимательства в сфере обращения цифровых знаков в целом и легализации преступных доходов посредством использования рынка криптовалют, в частности. Прежде всего, это обусловлено необходимостью для профессиональных участников криптовалютного рынка в Республике Беларусь применять Правила внутреннего контроля резидентов ПВТ, являющиеся частью законодательства в области противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения.

В исследованиях Управления ООН по наркотикам и преступности уделено отдельное внимание новым механизмам устранения связей между источником происхождения цифровых знаков и конечным получателем средств – криптовалютным миксером (далее – криптомиксеры).

Криптомиксер представляет собой специальный сервис, который за определённый процент вознаграждения отправляет токены с разных адресов клиентов на один специальный адрес, где они смешиваются между собой, а затем направляются на разные адреса, запрошенные клиентом [5]. На данный момент деятельность криптомиксеров напрямую не урегулирована в законодательстве Республики Беларусь, что не учитывает сложившиеся в мире негативные тенденции использования рынка цифровых знаков для «отмывания» преступных доходов.

Практика использования криптомиксеров в целях «отмывания» средств, добытых преступным путём, уже известна. Так, в начале 2023 года Министерство юстиции США предъявило обвинение криптомиксеру ChipMixer и его учредителю в отмывании денег, управлении нелегальным сервисом обмена валюты и отсутствии регистрации в Сети по борьбе с финансовыми преступлениями США, а также краже личных данных. Министерство юстиции США заявило, что ChipMixer способствовал отмыванию сотен миллионов долларов в биткоинах, полученных при осуществлении преступной деятельности [6].

Ещё один случай использования криптомиксеров в противоправных целях связан с деятельностью Bitcoin Fog, который известен как популярный сервис по отмыванию денег для преступников, пытающихся скрыть свои противоправные доходы от правоохранительных органов, и, по данным специалистов, обработал транзакции с участием более 1,2 миллиона биткоинов, что на момент совершения транзакций оценивалось примерно в 400 миллионов долларов. Как было установлено правоохранительными органами США, данные транзакции инициировались преимущественно представителями даркнета и были связаны с отмыванием преступных доходов, полученных при осуществлении деятельности по обороту наркотических средств, краже личной информации, преступлений в сфере кибербезопасности [7].

«Осторожный» подход к правовому регулированию общественных отношений по использованию сервисов анонимизации криптопереводов, в том числе криптомиксеров, криптовалют, сохраняющих конфиденциальность, анонимных криптокошельков, избрали

регуляторы Европейского союза. Такой подход предполагает соблюдение баланса интересов пользователей криптосервисов в сохранении конфиденциальности транзакций и государств-членов Европейского союза в императивном исполнении принципов противодействия «отмыванию» преступных доходов, в том числе в сфере обращения цифровых знаков. В п. 160 Преамбулы Регламента (ЕС) 2024/1624 Европейского Парламента и Совета от 31 мая 2024 г. «О предотвращении использования финансовой системы в целях отмывания денег или финансирования терроризма» отмечается, что «анонимные счета криптоактивов, а также другие анонимизирующие инструменты не позволяют отслеживать переводы криптоактивов и затрудняют выявление связанных между собой транзакций, которые могут вызвать подозрения, и препятствуют применению должных мер проверки пользователей криптосервиса. Для обеспечения эффективного применения требований AML/CFT к сфере обращения криптовалют необходимо запретить предоставление и хранение анонимных счетов криптоактивов или счетов, позволяющих анонимизировать или усилить сокрытие транзакций поставщиками услуг криптоактивов, в том числе используя цифровые знаки, сохраняющие конфиденциальность». Такой запрет не применяется в отношении поставщиков оборудования и программного обеспечения или поставщиков автономных криптокошельков, если они не имеют доступа к этим криптокошелькам или контроля над ними.

Несмотря на намерение европейских регуляторов соблюсти баланс интересов разных сторон криптовалютного рынка при разработке новой нормативной правовой базы, непосредственные участники данного рынка выражают обеспокоенность. По мнению экспертов отрасли, принятые меры не снизят уровень преступности в сфере «отмывания преступных доходов», а станут сдерживающим фактором развития инноваций и препятствием на пути обеспечения конфиденциальности и приватности частных транзакций [8].

Какие субъекты в Республике Беларусь потенциально могут предоставлять услуги криптомиксера на сегодняшний день? Согласно п. 3 Положения о Парке высоких технологий, утверждённого Декретом Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12 «О парке высоких технологий» (в ред. от 18.03.2021 № 1) (далее – Положение о ПВТ), в перечень видов деятельности, разрешённых для осуществления резидентами ПВТ, непосредственно связанных с обращением цифровых знаков, входят оказание услуг, связанных с созданием и размещением цифровых знаков (токенов) с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, включая услуги по продвижению цифровых знаков (токенов), консультационные и иные сопутствующие услуги; деятельность оператора криптоплатформы; деятельность оператора обмена криптовалют; иная деятельность с использованием цифровых знаков (токенов), в том числе содержащая признаки профессиональной и биржевой деятельности по ценным бумагам, деятельности инвестиционного фонда, секьюритизации, а также осуществление операций по созданию и размещению собственных цифровых знаков (токенов). Деятельность криптомиксеров по своей функциональной сущности может входить в содержание понятия «иная деятельность с использованием цифровых знаков (токенов)», поскольку перечень её подвидов не является исчерпывающим. Исходя из буквального толкования данного термина, резиденты ПВТ вправе предоставлять услуги криптомиксеров.

Что касается физических и юридических лиц, не являющихся резидентами Парка высоких технологий, оказание ими содействия иным лицам в совершении и исполнении операций с токенами признаётся незаконной предпринимательской деятельностью и запрещается (подп. 2.6 п. 2 Декрета № 8).

Тем не менее, данные субъекты могут выступать потребителями услуг криптомиксеров, поскольку операции по обмену токенов на иные токены на зарубежных криптоплощадках не запрещены при соблюдении положений, установленных законодательством Республики Беларусь [9].

Таким образом, необходимо чётко определить, что входит в содержание термина «криптомиксер», а также какие услуги и при каких условиях могут быть оказаны данным сервисом. Закрепление определения данного термина видится целесообразным в Перечне используемых терминов и определений, утверждённом Приложением 1 к Декрету № 8.

Для выработки определения понятия «криптовалютный миксер» представляется целесообразным обратиться к зарубежному опыту и рассмотреть определения понятий "convertible virtual currency mixing" и "convertible virtual currency mixer", предложенные Сетью по борьбе с финансовыми преступлениями Министерства финансов США (FinCEN), активно участвующей в разработке мер противодействия легализации преступных доходов в сфере оборота криптовалюты. FinCEN предлагается следующее определение смешения криптовалюты: содействие в проведении криптовалютных транзакций таким образом, что скрывается источник происхождения, место назначения или сумму, вовлеченную в одну или несколько транзакций, независимо от типа используемого протокола или сервиса, например: 1) объединение или агрегирование криптовалюты от нескольких лиц, кошельков, адресов или счетов; 2) использование программного или алгоритмического кода для координации, управления или манипулирования структурой транзакции; 3) разделение криптовалюты для передачи и передача её через серию независимых транзакций; 4) создание и использование одноразовых кошельков, адресов или счетов, а также отправка криптовалюты через такие кошельки, адреса или счета посредством серии независимых транзакций; 5) обмен между типами криптовалют или другими цифровыми активами; 6) содействие в осуществлении задержек, инициированных пользователем, в транзакционной активности. Определение выработано на основании методов работы таких сервисов, изученных FinCEN и кратко изложенных в тексте «Предложения о специальной мере в отношении смешивания конвертируемых виртуальных валют как класса транзакций, представляющих основную опасность с точки зрения отмыwania денег» [10, с. 7, 31].

FinCEN также предлагается следующее определение криптовалютного миксера: любое лицо, группа лиц, услуга, код, метод, функция которые содействуют смешиванию криптовалюты (в оригинале – содействуют осуществлению всех видов деятельности, входящих в понятие "convertible virtual currency mixing"). FinCEN также отмечает в своём предложении, что признаёт «широту» данного определения, однако с учётом содержательной «широты» понятия смешивания криптовалюты считает такое определение целесообразным [10, с. 31].

Таким образом, проведённое исследование показало, что существенными проблемными аспектами в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путём, на рынке цифровых знаков остаются деятельность нелегальных криптообменников и отсутствие правового регулирования сервисов анонимизации транзакций (криptomиксеров). В целях минимизации данных рисков и формирования сбалансированного регулирования предлагаются дифференциация финансовых требований к операторам криптоплатформ и обмена криптовалют для субъектов разной организационно-правовой формы, а также разработка четких дефиниций и определение правового режима деятельности криптомиксеров с учетом передового зарубежного опыта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Какие сделки законны, какие налоги нужно платить: все о криптовалюте в Беларуси в 2025-м // Майфин.бай. – URL: <https://myfin.by/article/blogi/kakie-sdelki-zakony-kakie-nalogi-puzno-platit-vse-o-kriptovalute-v-belarusi-v-2025-m-35398> (дата обращения 21.05.2025).
2. Чайчиц В.И., Шевченко А.П. О «серых» криптообменниках в Республике Беларусь и ответственности их организаторов // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
3. Хилута В.В. Арест криптовалюты // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
4. Криптовалюта в Беларуси: продажа и риски. – URL: <https://e-sud.by/useful/blog/pereprodazha-kriptovaluty-tretim-licam#close> (дата обращения 11.06.2025).

5. Money laundering through cryptocurrencies // United Nations Office on Drugs and Crime. – URL: <https://syntheticdrugs.unodc.org/syntheticdrugs/en/cybercrime/laundryingproceeds/moneylaundering.html> (дата обращения 15.05.2025).
6. Cracking Down on Money Laundering By Cryptocurrency Mixers // Phillips & Cohen. – URL: <https://www.phillipsandcohen.com/cracking-down-on-mixers/> (дата обращения 15.05.2025).
7. Bitcoin Fog Operator Sentenced for Money Laundering Conspiracy // Archives U.S. Department of Justice. – URL: <https://www.justice.gov/archives/opa/pr/bitcoin-fog-operator-sentenced-money-laundering-conspiracy> (дата обращения 15.05.2025).
8. EU to Track Crypto Transfers Under New AML Rules: Eurogroup President. – URL: <https://decrypt.co/318577/eu-to-track-crypto-transfers-under-new-aml-rules-eurogroup-president> (дата обращения 15.05.2025).
9. Операции с токенами в Беларуси: налогообложение физических лиц в 2025 году пояснили в МНС. – URL: <https://ilex.by/news/operatsii-s-tokenami-v-belarusi-nalogooblozhenie-fizicheskikh-lits-v-2025-godu-poyasnili-v-mns/> (дата обращения 15.05.2025).
10. Proposal of Special Measure Regarding Convertible Virtual Currency Mixing, as a Class of Transactions of Primary Money Laundering Concern. – URL: https://www.fincen.gov/sites/default/files/federal_register_notices/2023-10-19/FinCEN_311MixingNPRM_FINAL.pdf (дата обращения 15.05.2025).

УДК 341.16

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ВОИС
INTELLECTUAL PROPERTY IN INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION. INTERACTION WITH WIPO

Бударина Наталья Анатольевна,
Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
ur_otdel_academii@mail.ru

Budaryna Natallia,
Centre for System Analysis and Strategic Research of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье исследуется роль интеллектуальной собственности в международном научно-техническом сотрудничестве. Отдельное внимание уделяется деятельности ВОИС и вопросам взаимодействия Республики Беларусь с ВОИС. Рассматривается ход реализации Национального проекта в сфере интеллектуальной собственности для учреждений высшего образования и научных организаций под эгидой ВОИС. Проведенная в качестве национального эксперта ВОИС работа позволяет автору сделать вывод, что в деятельности академических организаций вопросы интеллектуальной собственности, в том числе при реализации международного научно-технического сотрудничества, недостаточно проработаны. Подготовлены предложения по правовому обеспечению международного научно-технического сотрудничества НАН Беларуси. Предлагается разработать проект документа стратегического характера для НАН Беларуси в сфере международного научно-технического сотрудничества.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, международное научно-техническое сотрудничество, ВОИС, правовое регулирование, академические организации.

Abstract. In the article, the author examines the role of intellectual property in international scientific and technical cooperation. Special attention is paid to the activities of WIPO and issues of interaction between the Republic of Belarus and WIPO. The progress of the implementation of the National project in the field of intellectual property for higher education institutions and scientific organizations under the auspices of WIPO is examined. The work carried out as a national WIPO expert allows the author to conclude that in the activities of academic organizations, issues of intellectual property, including in the implementation of international scientific and technical cooperation, are not sufficiently developed. Proposals for the legal support of international scientific and technical cooperation of the National Academy of Sciences of Belarus have been prepared. It is proposed to develop a draft document of a strategic nature for the National Academy of Sciences of Belarus in the field of international scientific and technical cooperation.

Keywords: intellectual property, international scientific and technical cooperation, WIPO, legal regulation, academic organizations.

Формирование эффективного механизма, ориентированного на создание и использование объектов интеллектуальной собственности (далее – ОИС), является неотъемлемым условием реализации интеллектуального потенциала государства. Именно интеллектуальная собственность (далее – ИС) может открыть новый горизонт возможностей и придать импульс развитию экономики в современных условиях.

Грамотная политика в сфере ИС способствует активизации международного взаимодействия. Консолидация интеллектуальных ресурсов помогает эффективно противостоять внешним вызовам и способствует усилению стратегической позиции государства на мировой арене.

Особое значение ИС приобретает в эпоху цифровых технологий. Развитие цифрового пространства обуславливает распространение таких явлений, как киберпреступность и пиратство, что делает особенно актуальным защиту авторских прав в сети Интернет. Цифровой контент (тексты, изображения) может быть уязвим для кибератак и использоваться без разрешения правообладателя. К тому же обмен цифровыми материалами и защиту информации (научных данных) затрудняет отсутствие унифицированных стандартов DRM. В этой связи могут возникать проблемы, связанные с применением норм права разных стран.

ИС играет ключевую роль в международном научно-техническом сотрудничестве. Правовые механизмы защиты ОИС стимулируют участников сотрудничества делиться научными достижениями и технологиями, не опасаясь их неправомерного использования. В совместных проектах также важно определить принадлежность права на результаты исследований, и договоры о сотрудничестве, как правило, включают положения об ИС. Таким образом, ИС, по сути, представляет собой инструмент, который позволяет безопасно обмениваться знаниями и разработками на глобальном уровне.

Управление ИС на глобальном уровне осуществляет Всемирная организация интеллектуальной собственности (далее – ВОИС). С 1974 года ВОИС является специализированным учреждением системы Организации Объединенных Наций (далее – ООН).

В соответствии с Соглашением между ООН и ВОИС [1], одной из основных целей данной организации выступает содействие творческой интеллектуальной деятельности. ВОИС разрабатывает международные договоры, направленные на защиту ИС, управляет базами данных ОИС, предоставляет техническую помощь государствам-членам организации и др. Все это создает надежную основу для развития партнерских связей и обмена результатами исследований между странами.

Республика Беларусь стала членом ВОИС 26 апреля 1970 года [2]. В настоящее время сотрудничество Беларуси с ВОИС успешно реализуется по ряду направлений, в том числе в части совершенствования национального законодательства, подготовки кадров и развития инфраструктуры в сфере ИС, отвечающей актуальным и перспективным потребностям экономики и общества [3].

Беларусь также является участницей международных договоров, функционирующих под эгидой ВОИС (Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года, Бернской конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года и др.).

Договоры ВОИС обеспечивают механизмы защиты патентов, авторских прав и других ОИС за пределами национальных границ и способствуют гармонизации национального законодательства в соответствии с мировыми стандартами, что имеет существенное значение для защиты интересов участников научно-технического сотрудничества.

11 июня 2003 года нашу страну посетил Генеральный директор ВОИС д-р Камил Идрис, результатом визита которого стало подписание Меморандума о взаимопонимании между Правительством Республики Беларусь и ВОИС. Меморандум заложил основу для дальнейшего плодотворного сотрудничества и совершенствования системы ИС в Республике Беларусь. В настоящее время сотрудничество в сфере ИС между Республикой Беларусь и ВОИС основывается на Меморандуме о взаимопонимании между Правительством Республики Беларусь и ВОИС, подписанном 5 июня 2019 г. [4]. В рамках развития положений данного документа были предусмотрены меры, направленные на содействие осуществлению Национального проекта по развитию институциональной политики в области ИС для учреждений высшего образования и научно-исследовательских организаций Беларуси (далее – Национальный проект).

В состав рабочей группы по подготовке проекта Институциональной политики в области ИС для научно-исследовательских организаций и учреждений высшего образования (далее – Политика) вошли специалисты Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь (ГКНТ), Национального центра интеллектуальной собственности Республики Беларусь (НЦИС), Национальной академии наук Беларуси (НАН Беларуси), Белорусского государственного университета, Белорусского государственного экономического университета, Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники и др. (приказ ГКНТ от 23 сентября 2019 г. № 272).

Для обмена практическим опытом НЦИС также привлекались специалисты Московского государственного университета, Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, Новосибирского государственного университета, руководитель Агентства защиты интеллектуальных прав «ИНКО» и др.

Состоялось три основных заседания рабочей группы, в ходе которых обсуждался спектр вопросов, связанных с определением согласованных подходов министерств и ведомств к механизмам формирования и реализации политики в области ИС в научно-исследовательских организациях и учреждениях высшего образования Республики Беларусь, а также к содержательному наполнению документа. Являясь членом рабочей группы, автор принимал непосредственное участие в его подготовке.

В качестве основной цели Политики можно рассматривать повышение эффективности управления ИС в национальных университетах и научных организациях.

Политика учреждения в области ИС представляет собой официальный документ, в котором обычно изложено следующее:

- право собственности на интеллектуальные активы и право пользования ими;
- процедуры идентификации, оценки и охраны ИС, а также управления правами ИС;
- порядок сотрудничества с третьими сторонами;
- принципы распределения прибыли, полученной в результате успешной коммерциализации ИС;
- механизмы, обеспечивающие соблюдение прав ИС третьих сторон [5].

Формирование и совершенствование правовой базы, ориентированной на эффективное решение имеющихся у научных организаций вопросов, связанных с ИС, является обязательным условием для их успешного развития. Игнорирование вопросов ИС может привести не только к фактическим убыткам организации, обусловленным нарушением прав на ОИС, но и к потере перспективных ниш на мировом рынке.

Реализация второго этапа Национального проекта предполагала разработку и принятие документов в области ИС на уровне отдельных субъектов – учреждений высшего образования (УВО) и научно-исследовательских организаций (НИО). Было предусмотрено взаимодействие отобранных национальными ведомствами и ВОИС экспертов с закрепленными за ними УВО и НИО, перечень которых согласовывался с Министерством образования Республики Беларусь и НАН Беларуси.

УВО и НИО были разделены на 2 группы:

1) группа УВО и НИО, в которой будет проводиться разработка и внедрение политик в первую очередь (базовая группа);

2) группа УВО и НИО, в которой будет проводиться разработка и внедрение политик в последующем (расширенная группа).

За автором, выступающим в качестве эксперта ВОИС, были закреплены 3 академические организации: ГНУ «Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси» (в качестве базовой организации), ГНУ «Объединенный институт машиностроения НАН Беларуси» и ГНУ «Объединенный институт проблем информатики НАН Беларуси» (расширенная группа).

Прежде всего, автором была осуществлена работа, направленная на сбор данных об исследуемых организациях, и выполнен анализ их нормативной базы, регламентирующей вопросы ИС.

Следует отметить, что уровень правового обеспечения вопросов, связанных с ИС в исследуемых организациях, отличался. Наиболее продвинутой оказалась база Объединенного института машиностроения НАН Беларуси. В указанном институте были разработаны и приняты отдельные локальные акты, направленные на стимулирование авторов и защиту ОИС. Но в научных учреждениях отсутствовали документы комплексного характера, регулирующие вопросы ОИС. Таким образом, разработка документа стратегического характера, который бы определял цели, базовые принципы и концептуальные подходы к управлению ИС, включая сферу научно-технического сотрудничества, была более чем актуальна.

Автором был подготовлен и направлен в организации НАН Беларуси (базовой и расширенной группы) документ (шаблон) Институциональной политики в области ИС (далее – Политика для НИО).

Необходимо подчеркнуть, что при разработке национальной Политики не принималась во внимание специфика академических организаций (в первую очередь, связанная с НИР), что обусловило важность подготовки отдельного шаблона для научных организаций. Институты рассматривали его лишь как дополнительный источник информации. Обратим внимание, что итоговые локальные нормативные акты институтов отличались и от исходного варианта, и между собой, что объясняется, в том числе, профилем деятельности данных организаций (например, гуманитарная направленность; техническая направленность).

С сожалением констатируем отсутствие во многих академических институтах специалистов, способных самостоятельно разработать проект необходимого документа. В большинстве случаев у организаций возникали вопросы практического характера: процедурные аспекты оформления прав, меры стимулирования авторов и др. (*Примеч.:* полученные материалы были частично апробированы в рамках доклада национального координатора по проекту на Форуме «Интеллектуальная собственность в Беларуси», организованном при поддержке ВОИС и Евразийской патентной организации (27–28 апреля 2022 г.)).

В контексте рассматриваемой темы отдельного внимания заслуживают следующие вопросы: 1) распределение прав на ОИС, полученные в ходе реализации совместных программ и проектов (как правило, при оформлении договорных отношений учитываются вклад сторон, их обязательства и возможность обеспечения правовой охраны); 2) соблюдение сторонами норм конфиденциальности информации и определение условий

доступа к ней. Но нехватка, а порой и отсутствие квалифицированных специалистов в сфере ИС, негативно сказывается на состоянии правового обеспечения сотрудничества.

В дальнейшем считаем целесообразным разработать Методические рекомендации для организаций НАН Беларуси, более детально регулирующие исследуемую сферу взаимодействия.

К настоящему времени проект Политики для НИО успешно реализован. Все организации, закрепленные за автором, как за экспертом ВОИС, разработали и приняли свои проекты документов в области ИС. К концу 2025 года все научные организации НАН Беларуси будут должны разработать свои проекты Политики в области ИС. Разумеется, что исследуемая сфера является довольно сложной для регламентации и требует последовательной и постоянной работы. В этом направлении автором уже были предприняты некоторые шаги.

Нормы, касающиеся вопросов ИС и международного сотрудничества академических институтов, были отражены автором в проекте Декларации о развитии Международной ассоциации академий наук (далее – МААН) на период до 2030 года (утверждена Постановлением Совета МААН от 20 сентября 2019 года № 293 «Об утверждении Декларации о развитии МААН на период до 2030 г.») [6]. В частности, коммерциализация и защита ОИС были выделены в качестве отдельного направления деятельности ассоциации.

Положения о сотрудничестве и взаимодействии в области ИС получили развитие в рамках Стратегической инициативы о дальнейшем развитии МААН. В указанном документе автором в том числе были закреплены предложения относительно разработки Этического кодекса МААН.

НАН Беларуси является базовой организацией МААН. В ее состав уже входят 27 полноправных членов (включая академии наук КНР, Российской Федерации, Вьетнама, Кубы). Закономерным результатом расширения международного сотрудничества в области исследований и разработок станет увеличение количества ОИС.

Принятие Этического кодекса будет способствовать установлению единых стандартов профессиональной деятельности и повышению эффективности управления научно-технической сферой, включая аспекты, связанные с формированием ответственного поведения в области ИС.

Также положения в области ИС были отражены автором при подготовке проекта Соглашения о координации межгосударственных отношений в области фундаментальных исследований государств-участников Содружества Независимых Государств (далее – Соглашение) [7]. Соглашение разрабатывалось во взаимодействии с Советом по сотрудничеству в области фундаментальной науки государств-участников СНГ. В конечный вариант документа вошли положения относительно регистрации, охраны и совместного использования прав на ОИС, обеспечения конфиденциальности информации, полученной в результате совместной деятельности (статья 8 Соглашения). Соглашение вступило в силу для Республики Беларусь 15 июля 2020 года.

Отметим, что на межгосударственном уровне, как правило, принимаются документы рамочного характера, а конкретизировать положения, касающиеся ИС, необходимо на уровне субъектов (организаций), принимающих участие в сотрудничестве. В этой связи, считаем целесообразной разработку проекта документа, регламентирующего международное научно-техническое сотрудничество НАН Беларуси (в контексте стратегии развития НАН Беларуси на долгосрочную перспективу).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Agreement between the United Nations and the World Intellectual Property Organization // WIPO. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/305623> (дата обращения 11.08.2025).
2. Всемирная организация интеллектуальной собственности // Постоянное представительство Республики Беларусь при Отделении ООН и других международных

организациях в Женеве. – URL: https://geneva.mfa.gov.by/ru/interorg/BLR_WIPO/ (дата обращения: 18.08.2025).

3. Беларусь успешно сотрудничает с ВОИС по подготовке кадров и развитию инфраструктуры // ГКНТ. – URL: https://www.gknt.gov.by/news/2024/belarus_ushpeshno_sotrudnichaet_s_vois_po_podgotovke_kadrov_i_razvitiyu_infrastruktury/ (дата обращения 02.09.2025).

4. 20 лет назад был подписан Меморандум о взаимопонимании между Правительством Республики Беларусь и ВОИС // Национальный центр интеллектуальной собственности. – URL: <https://www.ncip.by/o-centre/novosti/interesnoe/20-let-nazad-byl-podpisan-memorandum-o-vzaimoponimanii-mezhdu-pravitelstvom-respubliki-belarus-i-vois/> (дата обращения 02.09.2025).

5. Политика в области ИС для университетов и научно-исследовательских учреждений // WIPO. – URL: <https://www.wipo.int/ru/web/technology-transfer/ip-policies> (дата обращения 16.08.2025).

6. Об утверждении Декларации о развитии МААН на период до 2030 г.: постановление Совета МААН от 20 сентября 2019 года № 293. – URL: <http://www.int-maan.by/resolutions/pdf/293.pdf> (дата обращения 16.09.2025).

7. Соглашение о координации межгосударственных отношений в области фундаментальных исследований государств – участников Содружества Независимых Государств // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=N01900036> (дата обращения 16.09.2025).

УДК 346

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF DIGITAL ENTREPRENEURSHIP

Жилинская Виктория Дмитриевна,
Международный университет «МИТСО»,
Республика Беларусь, г. Минск
zhilvika19@gmail.com

Zhilinskaya Victoria,
International University "MITSO",
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. Исследование, представленное в статье, фокусируется на изучении особенности цифровизации экономики и предпринимательства в Республике Беларусь. В рамках работы проведен анализ ряда нормативных правовых актов в сфере цифрового развития, а также рассмотрены дефиниции «смарт-контракт», «цифровое предпринимательство». Особое внимание уделено сравнительному анализу правового регулирования смарт-контрактов в Республике Беларусь и Российской Федерации. Определены основные проблемы, связанные с обеспечением суверенитета Республики Беларусь в контексте цифрового развития, а также разработаны рекомендации по развитию международного взаимодействия в сфере цифрового предпринимательства.

Ключевые слова: смарт-контракт, предпринимательство, смарт-системы, цифровое развитие.

Abstract. The research presented in this article focuses on the digitalization of the economy and entrepreneurship in the Republic of Belarus. This paper analyzes several regulatory legal acts in the field of digital development and examines the definitions of "smart contract" and "digital entrepreneurship". Particular attention is paid to a comparative analysis of the legal regulation of smart contracts in the Republic of Belarus and the Russian Federation. The key challenges

associated with ensuring the sovereignty of the Republic of Belarus in the context of digital development are identified, and recommendations for the development of international cooperation in the field of digital entrepreneurship are developed.

Keywords: smart contract, entrepreneurship, smart systems, digital development.

Сегодняшнее общество ставит перед государствами задачу приоритетного развития цифровой экономики, и Республика Беларусь активно следует данному направлению. В эпоху использования искусственно интеллекта и стремительного технологического прогресса появляется новое научное направление, непосредственно связанное с информационными технологиями. В частности, в сфере предпринимательства появилось новое направление – цифровое предпринимательство, основанное на процессах цифровизации.

По мнению Н.В. Пантелеева, под цифровым предпринимательством необходимо понимать «область общественных отношений, реализуемых с использованием возможного и допустимого уровня цифровых технологий, критериями которого является стремление и способность субъекта предпринимательства к созданию, организации бизнес-активности и последующего системного управлению ею с целью получения прибыли и продуктивного эффекта» [1, с. 67].

Ю.В. Королевич, в свою очередь, под цифровизацией предпринимательства понимает «процесс изменения бизнеса за счет пересмотра бизнес-стратегии и внедрения моделей, операций, продуктов и маркетингового подхода на основе digital-технологий и data-driven подходов. Сама цифровизация является двухсторонним процессом, поскольку именно современный потребитель выступает в качестве определённого двигателя для цифровизации бизнеса» [2, с. 170].

Для успешного функционирования такого направления как цифровое предпринимательство, необходимо наличие у государства надежного и современного регулирования данной сферы. В настоящее время нормативная правовая база, регламентирующая цифровую сферу, включает в себя:

1. Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8). Данный декрет определяет: правовой режим Парка высоких технологий; льготы и преференции для участников отношений, связанных с применением современных технологий; правовое регулирование внедрения в экономику Республики Беларусь блокчейн и иных схожих технологий; особенности правовой защиты определенных участников; положение о Парке высоких технологий и иное.

Согласно п. 9 приложения 1 Декрета № 8, смарт-контракт – программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) совершения сделок либо совершения иных юридически значимых действий [3]. Согласно Закону Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», под электронным документом понимают: «документ в электронном виде с реквизитами, позволяющими установить его целостность и подлинность, которые подтверждаются путем применения сертифицированных средств электронной цифровой подписи с использованием при проверке электронной цифровой подписи открытых ключей организации или физического лица (лиц), подписавших этот электронный документ» [4]. Как указывает К.А. Жуков, смарт-контракт представляет собой разновидность простой письменной формы договора [5]. Подлежит уточнению, что смарт-контракт по своей правовой природе является формой договора, для формирования которой, как и для заключения договора, необходимо согласие двух сторон. Данное согласие достигается посредством размещения смарт-контракта на определенной платформе с использованием уникальных криптографических ключей.

Следует отметить, Н.А. Примакова, В.Д. Жилинская, О.М. Куницкая также квалифицируют смарт-контракт как форму договора. В этой связи, они указывают на необходимость дополнить ст. 404 Гражданского кодекса Республики Беларусь нормой

следующего содержания: «4. Договор в форме смарт-контракта может быть заключен посредством совершения конклюдентных механических действий (проставления галочки, нажатия на согласие оплатить и т. д.)» [6].

Правовое регулирование смарт-контрактов базируется на постановлении Правления Национального банка Республики Беларусь от 24 декабря 2020 г. № 428 «О совершенствовании и (или) исполнении юридически значимых действий посредством смарт-контрактов» (далее – постановление № 428). Согласно п. 3 данного постановления, участники системы идентификации, Национальный банк вправе создавать собственные смарт-системы либо использовать уже имеющиеся. В свою очередь, под смарт-системой понимают: «информационная система, функционирующая с использованием технологии реестра блоков транзакций (блокчейн), иная распределенная информационная система, предназначенные для автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок, иных юридически значимых действий посредством смарт-контракта и обеспечивающие информационное и другое взаимодействие участников смарт-системы, а также хранение информации о сделках, иных юридически значимых действиях, совершенных и (или) исполненных посредством смарт-контракта» [7].

Правовое регулирование использования смарт-контрактов в Российской Федерации базируется на Федеральном законе Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором регламентируются особенности заключения и исполнения смарт-контрактов, однако определения данного понятия, его правового статуса не содержится в данном акте не содержится.

Несмотря на это, как отмечает В. Гавриленко, использование смарт-контрактов позволит использовать их в разных сферах: интернет-продажи, страхование, логистика и перевозки, интеллектуальная собственность и иные [8].

2. Указ Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации». В данном указе возложен на Министерство связи и информатизации ряда функций в сфере цифрового развития: регулирование деятельности по созданию и развитию государственных цифровых платформ, информационных систем и ресурсов; организация и осуществление международного сотрудничества в сфере цифрового развития; участие в разработке содержания образовательных программ в данной сфере и иные.

Согласно пункту 7.1 рекомендаций о сотрудничестве государств-участников СНГ в сфере цифрового развития, принятыми Межпарламентской Ассамблеей государств – участников Содружества Независимых Государств от 26 ноября 2021 г. № 53-12 (далее – рекомендации), основным направлением государств-участников СНГ в сфере цифрового развития является формирование общего информационного пространства. Важным составляющим данного сотрудничества является поддержка предпринимательства в области информационно-коммуникационных технологий и содействие цифровой трансформации.

В качестве одного из инструментов развития международного сотрудничества представляется целесообразным создание регулярно действующих диалоговых площадок между субъектами предпринимательства, представителями органов власти. Также представляется эффективным поощрять активных предпринимателей через премии, конкурсы и иные формы общественного и административного поощрения.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 4 ноября 2022 г. № 757 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136» утверждено положение о головной организации по реализации мероприятий в сфере цифрового развития и операторе государственных цифровых платформ и информационных систем.

3. Указом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2023 г. № 381 «О цифровом развитии» определены основные направления цифрового развития Республики Беларусь до 2030 года: организация обмена данными в рамках Евразийского экономического союза;

внедрение информационных и иных платформ в различные сферы, в том числе, создание государственных цифровых платформ.

Решением Евразийского Межправительственного совета от 21 октября 2022 г. № 2 была утверждена Целевая программа развития интегрированной системы Евразийского экономического союза до 2027 года (далее – целевая программа). Данная интегрированная система предназначена для «обеспечения межгосударственного обмена данными и электронными документами в рамках Союза, а также с третьими странами, международными организациями и интеграционными объединениями для создания общих для государств-членов информационных ресурсов, реализации общих процессов, а также обеспечения деятельности органов Союза».

В этой связи видится перспективным создание единой платформы для стран Евразийского экономического союза, СНГ, направленной на сотрудничество и функционирование не только государственных органов и международных организаций, но и в целях поддержки малого и среднего предпринимательства. Основой правового регулирования функционирования данной платформы могут стать рекомендации, а также целевая программа, что, в свою очередь, будет способствовать цифровому развитию, а также поспособствует новым направлениям сотрудничества между странами.

4. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 «О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы» и иные.

Так же в настоящее время идет подготовка Стратегии цифрового развития на 2026–2030 годы и на перспективу до 2035 года.

Наряду с цифровизацией, важно уделять внимание вопросу обеспечения информационной и общей безопасности. В период с 2024 по начало 2025 год законодателем Республики Беларусь была пересмотрена нормативная правовая база в области развития цифровой экономики. В частности, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2024 г. № 1074 «О Концепции обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года» определено, что основной целью является формирование механизма обеспечения цифрового суверенитета, что является неотъемлемой составляющей информационной безопасности Республики Беларусь.

В свою очередь, проблемами обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития являются:

- 1) низкие темпы развития экономики данных;
- 2) неравномерное развитие цифровых технологий в различных отраслях экономики и организаций, которое обусловлено недостаточной цифровой грамотностью управленческого персонала и сотрудников, фрагментарной автоматизацией бизнес-процессов, а также применением устаревших и несовместимых ИТ-систем;
- 3) недостаточное понимание и проблемы с внедрением государственной политики в области цифровизации в некоторых секторах экономики и организациях, что, в свою очередь, обуславливает отсутствие унифицированной методологической базы для формирования отраслевых стратегий цифровизации и программ трансформации корпоративного сектора [9].

Кроме того, ввиду динамичного развития инноваций, появления новых технологий, законодатель не успевает урегулировать данные отношения с правовой стороны. Несмотря на это, внедрение и использование современных технологий необходимо, в том числе и в сфере предпринимательства.

По мнению Н.А. Дубко, в Республике Беларусь цифровизация предпринимательства может быть реализована посредством:

- постепенной трансформации государственного управления в электронный формат;
- стимулирования предпринимательской инициативы, доступности электронных платформ, высокого уровня консультирования специалистами соответствующих служб;
- признания информатизации в качестве одного из национальных приоритетов устойчивого развития и совершенствования правового регулирования ее процессов;

- развитой собственной информационной индустрии, стимулируемой государством;
- высокого образовательного уровня населения и т. д. [10]

Как отмечает А.В. Барышев, «цифровая трансформация взаимодействия власти и предпринимателей должна быть направлена на создание цифровых платформ, которые в свою очередь будут способствовать обмену уже существующими управленческими решениями, бизнес моделями, технологиями между бизнесом и властью, а также между собой отдельным бизнес единицам» [11].

Цифровая трансформация субъектов предпринимательства требует комплексного подхода, который включает в себя как внутренние преобразования, так и государственную поддержку, и регулирование. Особую актуальность приобретает государственная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства с использованием цифровых механизмов. Данные цифровые механизмы могут быть реализованы в виде специализированных платформ и инструментов. В этой связи видится необходимым развитие международной платформы, направленной на содействие развитию предпринимательства с использованием новых инструментов, в том числе смарт-контрактов, специальных площадок.

Таким образом, в Республике Беларусь предпринимаются меры для развития цифрового предпринимательства, однако проблема «отставания» правового регулирования данной сферы от темпа развития информационных технологий существует. Вместе с тем, данное направление развития экономики и предпринимательства является одним из перспективных и актуальных в настоящее время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Пантелеева Н.В., Колотилкин Ю.А. Предпосылки к развитию цифровизации предпринимательства: правовые и социально-экономические аспекты // Вестник Могилевского института МВД. – 2022. – № 2 (6). – С. 63–68.
2. Королевич Ю.В. О цифровизации субъектов малого и среднего бизнеса в Республике Беларусь // Бизнес. Образование. Экономика: Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: В.В. Манкевич [и др.]. – Минск: Институт бизнеса БГУ, 2021. – С. 169–172.
3. О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 20.09.2025).
4. Об электронном документе и электронной цифровой подписи: Закон Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 20.09.2025).
5. Жуков К.А., Мартюнюк А.И. Смарт-контракт в Республике Беларусь. – URL: <http://elib.mitso.by/bitstream/edoc/642/1/12-15.pdf> (дата обращения 20.09.2025).
6. Примакова Н.А., Жилинская В.Д., Куницкая О.М. К вопросу о правовом регулировании смарт-контрактов. – URL: <https://www.internauka.org/authors/zhilinskaya-viktoriya-dmitriyevna> (дата обращения 20.09.2025).
7. О совершенствовании и (или) исполнении юридически значимых действий посредством смарт-контрактов: постановление Правления Национального банка Республики Беларусь от 24 декабря 2020 г. № 428 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 20.09.2025).
8. Гавриленко В. Электронная форма сделок и «смарт-контракты»: что это такое и как может повлиять на привычное правоприменение. – URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/gavrilenko/1299018/> (дата обращения 20.09.2025).
9. Лузгина А. Цифровая трансформация национальной экономики: вызовы и перспективы развития. – URL: <https://www.nbrb.by/bv/pdf/articles/10738.pdf> (дата обращения 20.09.2025).
10. Дубко Н.А. Цифровая бизнес-платформа как инструмент регионального развития малого и среднего предпринимательства. – URL: <https://elib.psu.by/bitstream/123456789/29964/1/58-70.pdf> (дата обращения 20.09.2025).

11. Барышев А.В. Развитие государственной поддержки предпринимательства на основе цифровой трансформации // ЕГИ. – 2020. – № 2 (28). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-gosudarstvennoy-podderzhki-predprinimatelstva-na-osnove-tsifrovoy-transformatsii> (дата обращения 23.09.2025).

УДК 346.1

**РОЛЬ МОНЕТАРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЕАЭС
THE ROLE OF MONETARY REGULATION IN ENSURING
ECONOMIC SECURITY OF THE EAEU**

Козловская Валерия Александровна,
Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
foxleri.99@gmail.com

Kozlovskaya Valeria,
Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. Говоря о денежно-кредитной политике ЕАЭС, традиционно поднимается вопрос проблемы координации национальных денежно-кредитных политик стран ЕАЭС в долгосрочном периоде, исследуются всевозможные экономические показатели, такие как уровень инфляции, показатели развития финансового рынка, вопросы координации денежно-кредитной и валютной политики, анализ макроэкономических условий и многое другое, что неслучайно, поскольку термин «денежно-кредитная политика» принадлежит экономической науке. В то же время денежно-кредитная (монетарная) политика ЕАЭС не исследуется в широком смысле юридической наукой. Некоторые исследователи полагают, что такая ситуация не является следствием нежелания каких-либо действий в данном направлении, а связано с пониманием всех сложностей, возникающих на пути решения данного вопроса. В этой связи в статье предлагается рассмотреть денежно-кредитную политику Союза с точки зрения ее связи с отношениями, складывающимися по поводу обеспечения экономической безопасности ЕАЭС.

Ключевые слова: ЕАЭС, экономическая безопасность, монетарное регулирование, денежно-кредитная политика.

Abstract. When discussing the monetary policy of the EAEU, the issue of coordinating the national monetary policies of EAEU countries over the long term is traditionally raised. Various economic indicators are examined, such as inflation rates, financial market development indicators, the coordination of monetary and exchange rate policies, the analysis of macroeconomic conditions, and much more. This is no coincidence, as the term "monetary policy" belongs to economic science. At the same time, the monetary policy of the EAEU has not been broadly studied by legal scholars. Some researchers believe that this situation is not a consequence of a reluctance to take action in this direction, but rather stems from an understanding of all the complexities that arise in resolving this issue. In this regard, this article proposes to examine the Union's monetary policy in terms of its connection with the relationships developing to ensure the Union's economic security.

Keywords: EAEU, economic security, monetary regulation, monetary policy.

ЕАЭС создавался для функционирования общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также для проведения скоординированной, согласованной или единой

политики в отраслях экономики, определенных Договором о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 (далее – Договор). По данным Евразийской экономической комиссии, рамками единого рынка услуг в ЕАЭС сегодня охвачено порядка 50 % объема оказываемых услуг (без учета финансовых услуг) [1]. Расшифровка понятий «скоординированной», «согласованной» и «единой» также приведена в Договоре, суть которых сводится к разработке общих подходов, в рамках которых предполагается интеграция стран-участников Союза. Достижение данной цели требует разработки согласованной макроэкономической политики посредством реализации монетарной (денежно-кредитной) политики.

Согласно Основным направлениям экономического развития ЕАЭС, утвержденным решением Высшего Евразийского экономического совета от 16.10.2015 № 28 [2], достижение макроэкономической устойчивости обеспечит стабильность макроэкономических показателей, определяющих устойчивость экономического развития государств-членов, предсказуемость проводимой экономической политики, даст представление о наличии у государств-членов достаточных ресурсов и инструментов для своевременного реагирования на возникающие дисбалансы.

Отметим, что в соответствии с положениями Договора страны-участницы взяли на себя обязательства по формированию общего финансового рынка в банковской и страховой сферах, во исполнение чего решением Высшего Евразийского экономического совета от 01.10.2019 № 20 утверждена Концепция формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза, в рамках которой предусмотрено развитие общего платежного пространства, защита прав и интересов инвесторов и потребителей финансовых услуг на общем финансовом рынке, формирование общего биржевого пространства и др.

В условиях санкционного давления и нестабильной геополитической обстановки активно обсуждаются вопросы развития платежно-расчетных отношений на евразийском пространстве, а также использования цифровых валют в государствах-членах Союза. Исследователи полагают, что подобная интеграция благоприятным образом скажется на взаимной торговле и взаимодействии стран в различных секторах экономики [3], принимая во внимание тот факт, что введение цифровой валюты сформирует прозрачную среду для осуществления инвестиций и продолжит стратегию курса по цифровизации экономики ЕАЭС, а также позволит снизить потребность в иностранной валюте в ходе осуществления трансграничных расчетов субъектами хозяйственной деятельности.

Традиционно поднимается вопрос и о создании единой валюты ЕАЭС, однако, ввиду того что товарооборот в рамках объединения выгодно обеспечивается национальными деньгами (превышает 90%) [4], данное направление не находится в стадии активной разработки. Отметим по данному вопросу и то, что существует мнение относительно отсутствия необходимости в создании единой валюты, в том числе и по причине того, что уровень развития экономик стран Союза различен [5].

Относительно самой денежно-кредитной политики ЕАЭС следует сказать, что превалирует мнение о том, что такая политика должна находиться в ведении самих стран-участниц, что и происходит по причине нежелания данных стран отдавать свои полномочия в руки единого регулятора Союза. В то же время нельзя забывать о том, что денежно-кредитная политика напрямую связана с такой категорией, как экономическая безопасность. Под экономической безопасностью ЕАЭС следует понимать состояние защищенности национальных экономик стран от угроз, обеспечиваемое экономическим суверенитетом каждого отдельного государства, входящего в Союз, благодаря которому удовлетворяются различные потребности государств-участников и в конечном итоге достигается конкурентоспособность экономической системы Союза [6]. В существующем экономическом пространстве ЕАЭС отсутствуют какие-либо показатели и критерии оценки, позволяющие определить уровень экономической безопасности Союза. И это на фоне того, что перед экономиками стран Союза стоит ряд глобальных вызовов не только политического характера, но и экономического, правового, социального. В этих условиях критически необходимым становится определение формата осуществления экономической безопасности.

Полагаем необходимым разделить конструкцию экономической безопасности ЕАЭС на два элемента: субъективный (совокупность угроз, обусловленных целенаправленным воздействием на экономику и социальную сферу ЕАЭС) и объективный (совокупность угроз, возникновение которых обусловлено факторами объективного характера, такими как недостатки регулирования экономики Союза и др.). Объективный элемент, имеющий более весомое влияние на экономику Союза, чем субъективный, формирует своеобразную «защиту». Таким образом, можно говорить о появлении нового типа общественных отношений – отношений, складывающихся по поводу обеспечения экономической безопасности Союза. Полагаем, что монетарное (денежно-кредитное) регулирование и есть своего рода установление минимальных экономических стандартов, которое обеспечивает функционирование денег в экономике Союза. Здесь отметим, что данный взгляд является нестандартным по той причине, что термин «денежно-кредитная политика» и «монетарное регулирование» характерен для экономической науки, чем для правовой. Так, направления денежно-кредитной политики состоят из всевозможных прогнозных показателей, которые и составляют сферу денежно-кредитного обращения. В их основе лежат макроэкономические расчеты внешних и внутренних условий сбалансированного развития экономики отдельно взятой страны. Однако вопросы правовой политики интеграционного объединения в этой сфере в совокупности с необходимостью обеспечения экономической безопасности остаются малоизученными в современной юридической науке.

Не являясь сторонниками мнения о том, что денежно-кредитная политика должна находиться исключительно в компетенции национальных органов государств-участников Союза и не рассматриваться в контексте формирования общих подходов к ее построению на уровне интеграционного объединения, затронем тезис о том, что на протяжении всего периода существования ЕАЭС ключевой целью его развития являлись вопросы обеспечения полномасштабной координации монетарной политики как составляющей части макроэкономической политики [7]. Так, недавно состоялось обсуждение актуальных вопросов денежно-кредитной политики руководителями центральных банков государств-членов ЕАЭС, где стороны рассмотрели вопрос разработки методологии контрциклического буфера капитала, обсудили динамику и факторы формирования инфляции и развития экономической активности в странах ЕАЭС [8]. Отметим, что центральные банки государств в целом являются субъектами, реализующими денежно-кредитную политику. В Республике Беларусь, например, данная политика реализуется Национальным банком в режиме монетарного таргетирования, одной из ключевых характеристик которого выступает закрепление ценовой стабильности как основной цели денежно-кредитной политики.

На сегодняшний день имеется вышеупомянутая Концепция формирования общего финансового рынка, которая регулирует лишь вопросы формирования общего финансового рынка ЕАЭС, не затрагивая вопросы реализации денежно-кредитной политики. В Договоре также отсутствуют какие-либо минимальные юридические механизмы в части монетарного регулирования, за исключением того, что в п. 1 ст. 62 Договора сказано о проведении в рамках Союза согласованной макроэкономической политики, предусматривающей разработку и реализацию совместных действий государств-членов в целях достижения сбалансированного развития экономики государств-членов. Согласно п. 2 ст. 1 Приложения № 14 к Договору основные ориентиры макроэкономической политики государств-членов – это программный документ, определяющий наиболее важные для экономики государств-членов кратко- и среднесрочные задачи, направленный на достижение целей, установленных основными направлениями экономического развития Союза, а также включающий рекомендации по решению указанных задач. Разработка основных ориентиров макроэкономической политики государств-членов проводится на ежегодной основе. Подготовленный и согласованный всеми государствами – членами Союза документ утверждается Высшим Евразийским экономическим советом [9].

Согласно решению Высшего Евразийского экономического совета от 25.12.2023 № 26 «Об основных ориентирах макроэкономической политики государств-членов Евразийского

экономического союза на 2024-2025 годы» в период с 2024 по 2025 год государствам–членам для решения задач, поставленных в данном документе, необходимо реализовать, в том числе меры по созданию благоприятных макроэкономических условий для наращивания объемов инвестиций, в том числе поддержание стабильности цен, развитие использования национальных валют государств-членов для осуществления расчетов во взаимной торговле и др. Если проанализировать соответствующий отчет о реализации Основных ориентиров макроэкономической политики государств-членов ЕАЭС на 2022-2023 годы, можно прийти к выводу о том, что там исследуются в большей степени экономические показатели денежно-кредитной политики.

Действительно, как обозначено выше, термин «денежно-кредитная политика» отражает экономическую действительность. С учетом необходимости обеспечения экономической безопасности Союза возникает объективная потребность в формировании отдельной концепции, посвященной непосредственно вопросам монетарного регулирования как основы экономической безопасности и институционального явления, порождающего финансовые правоотношения. Однако для этого становится очевидной задача в исследовании правовой природы и сущностных характеристик монетарных правоотношений. Как справедливо отмечают некоторые авторы, «вопросы обеспечения экономической носят межотраслевой характер, поэтому подход к ее обеспечению должен быть комплексным» [10].

Итак, коренная проблема заключается в том, что в любой экономической литературе, посвященной финансам, в отношении категории «деньги» утверждается, что это институт финансовый. Перенос аналогии в юридическую науку, правоведы также склоняются к тому, что денежно-кредитные явления должны исследоваться применительно с позиции финансово-правовых институтов. При этом такая точка зрения является ошибочной по причине смешения двух понятий: «деньги» и «средства». При этом на фоне появления новых форм денег вопросам определения их сущности и природы придается второстепенное значение, однако ясным является уже то, что традиционная цивилистическая концепция денег не способна отвечать на все вызовы, возникающие в рамках правового поля. Простой пример – деятельность центрального банка стран-участниц ЕАЭС, которую следует рассматривать с позиции публично-правового регулирования.

Суть самой экономической безопасности ЕАЭС заключается не в том, что будет существовать некая «защитная» оболочка от внутренних и внешних угроз, а в том, что экономика Союза будет ориентирована на достижение максимального эффекта, что и закладывалось Договором в качестве цели создания данного интеграционного объединения. Монетарное регулирование в этом смысле посредством использования юридических механизмов позволяет установить минимальные экономические стандарты для обеспечения процесса «производства» денег и их «использования» в экономике ЕАЭС.

Таким образом, становится очевидным, что никакой экономический механизм не будет эффективным без надлежащего правового регулирования. Процессы, связанные с функционированием экономики евразийского пространства, должны изучаться в комплексе, исследования должны носить междисциплинарный характер. Экономическое взаимодействие внутри регионального объединения не может являться предметом исследования лишь экономической науки. Определенно, основные ориентиры макроэкономической политики государств-членов ЕАЭС и иные подобные документы будут содержать в себе экономические показатели. Однако глубинное понимание механизма функционирования денег и денежного обращения в рамках Союза в современных условиях приобретает ключевое значение. Возможно, текущая потребность в создании отдельного кодифицированного акта, посвященного монетарному регулированию ЕАЭС, отсутствует. Однако вопрос гармонизации законодательства в сфере монетарной политики является актуальным с учетом исследования монетарного регулирования с позиции обеспечения экономической безопасности ЕАЭС, а также оценки особенностей разграничения монетарного и финансового регулирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Официальный сайт Министерства экономики Республики Беларусь. – URL: <https://economy.gov.by/ru/ersop-ru/> (дата обращения 06.09.2025).
2. Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b09/3a3c2sp484n5g6mm1auip68la88c9aye/ONER-2035.pdf> (дата обращения 06.09.2025).
3. Семеко Г.В. Региональная платежная интеграция: мировой опыт и уроки для ЕАЭС // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 3. – С. 78–93.
4. На единую валюту ЕАЭС и Союзного государства нет спроса. Почему? – URL: <https://myfin.by/article/money/na-edinuu-valutu-eaes-i-souznogo-gosudarstva-net-sprosa-pocemu-35125> (дата обращения 06.09.2025).
5. Авторская статья Министра по экономике и финансовой политике ЕЭК Тимура Сулейменова РБК: «Денежный вопрос: почему Евразийскому союзу не нужна единая валюта». – URL: <https://eec.eaeunion.org/news/speech/18-07-2016-4/> (дата обращения 06.09.2025).
6. Пак Х.С., Ушакова Е.В., Борисова Т.А. Страны ЕАЭС: оценка экономической безопасности // Экономика и управление. – 2020. – Т. 26, № 5. – С. 455–463. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strany-eaes-otsenka-ekonomicheskoy-bezopasnosti/viewer> (дата обращения 06.09.2025).
7. Vinokurov E. Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results // Russian Journal of Economics. – 2017. – № 3 (1). – Р. 54–70.
8. Центральные банки стран – участниц ЕАЭС обсудили актуальные вопросы денежно-кредитной политики. – URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/news/informacionnye-soobshcheniya/17778> (дата обращения 06.09.2025).
9. Основные ориентиры макроэкономической политики государств – членов Евразийского экономического союза. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dep_makroec_pol/orientiry.php (дата обращения 06.09.2025).
10. Саттарова Н.А., Гараев И.Г., Гафарова Г.Р. Правовая политика государства в сфере публичных финансов как средство обеспечения экономической безопасности // Хозяйство и право. – 2024. – № 12. – С. 36–54.

УДК 347.77:658.84:004.77(476+470+571)

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ СОВМЕСТНОГО МАРКЕТПЛЕЙСА ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ PROSPECTS FOR JOINT MARKETING OF INDUSTRIAL PROPERTY WITHIN THE UNION STATE OF REPUBLIC OF BELARUS AND RUSSIAN FEDERATION

Козловская Виолетта Викторовна,
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
Республика Беларусь, г. Витебск
vioguk@yandex.by

Kozlovskaya Violetta,
Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
Republic of Belarus, Vitebsk

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся правового фундамента и национальных режимов охраны промышленной собственности, существующего опыта интеграции в рамках ЕАЭС, а также концептуальных основ и механизмов гармонизации законодательства Беларуси и России посредством предполагаемого создания маркетплейса промышленной собственности. Обосновывается идея о том, что создание и функционирование такого маркетплейса станет практическим шагом по реализации целей, заложенных в многочисленных программах Союзного государства, направленных на сближение и гармонизацию законодательства в сфере промышленной собственности и других смежных областях. Предлагается разработка и принятие отдельного правового акта Союзного государства, который будет регулировать создание и функционирование совместного маркетплейса, а также устанавливать единые правила регистрации, оборота и защиты прав на промышленную собственность.

Ключевые слова: промышленная собственность, Союзное государство, сближение законодательства, гармонизация законодательства, маркетплейс промышленной собственности, цифровые платформы.

Abstract. The article discusses issues related to the legal foundation and national regimes for the protection of industrial property, the existing experience of integration within the EAEU, as well as the conceptual foundations and mechanisms for harmonizing the legislation of Belarus and Russia through the proposed creation of an industrial property marketplace. The idea is substantiated that the creation and operation of such a marketplace will be a practical step towards achieving the goals set out in numerous programs of the Union State aimed at the convergence and harmonization of legislation in the field of industrial property and other related areas. It is proposed to develop and adopt a separate legal act of the Union State, which will regulate the creation and operation of a joint marketplace, as well as establish uniform rules for registration, turnover and protection of industrial property rights.

Keywords: industrial property, Union State, convergence of legislation, harmonization of legislation, industrial property marketplace, digital platforms.

В условиях ускоряющейся глобальной технологической конкуренции и углубления интеграционных процессов вопрос об эффективном обороте объектов промышленной собственности приобретает стратегическое значение. Для Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации, чья экономическая интеграция закреплена Договором от 8 декабря 1999 года, создание единого рынка промышленной собственности является логичным и необходимым шагом. Этот рынок не может полноценно функционировать без унифицированных правил, прозрачных процедур и, что особенно важно, без современной цифровой инфраструктуры. Совместный маркетплейс промышленной собственности, представляющий собой цифровую платформу для оборота исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, видится одним из ключевых инструментов для достижения этих целей.

Вопрос о цифровом сопровождении процессов учета, реализации и охраны, и защиты исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации с помощью цифровых технологий становился объектом исследования в работах О.С. Болотаевой, В.П. Камышанского, Л.А. Новоселовой, О.А. Рузаковой, Е.Е. Фроловой и Е.В. Купчиной, Б.А. Шахназарова и др. [1–6]. Однако проблема создания совместного маркетплейса промышленной собственности в рамках Союзного государства на уровне доктрины не рассматривалась.

Актуальность темы исследования обусловлена не только экономическими, но и геополитическими факторами. Развитие общего рынка промышленной собственности будет способствовать укреплению технологического суверенитета и промышленной кооперации. Однако реализация столь масштабного проекта невозможна без глубокой правовой проработки. Как отмечает А. В. Егоров, несмотря на наличие широкой договорно-правовой

базы между Россией и Беларусью, «концепция системного взаимодействия элементов общей правовой системы Союзного государства до сих пор не определена» [7, с. 14]. В целях формирования единого научно-технологического пространства в 2024 г. принята Стратегия научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года (далее – Стратегия) [8]. Согласно п. 13 Стратегии на ближайшие 10–15 лет приоритетами научно-технологического развития Союзного государства являются направления, которые позволят получить новые научные и научно-технические результаты, создать прорывные технологии, обеспечивающие ответы на большие вызовы, определенные Стратегией, и являющиеся основой инновационного развития внутреннего рынка продуктов и услуг, устойчивого положения Союзного государства на внешнем рынке, и обеспечат, в частности, переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, создание систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта, развитие экономики в рамках цифровых технологий общего назначения [8].

Настоящая статья ставит своей целью проведение комплексного правового анализа перспектив создания и функционирования совместной цифровой платформы – маркетплейса промышленной собственности в рамках Союзного государства Беларуси и России.

Маркетплейс является одной из самых известных разновидностей цифровых платформ – платформой электронной коммерции, предоставляющей информацию о продукте или услуге третьих лиц [9, с. 5]. Специфика такой формы коммерции заключается в том, что маркетплейс сам по себе ничего не продает, главная его функция – служить витриной товаров, работ, услуг и «местом встречи», площадкой для заключения сделок между продавцом и покупателем.

В свою очередь, маркетплейсы промышленной собственности – это цифровые платформы, на которых можно приобретать, реализовывать интеллектуальные права, искать партнеров для использования объектов промышленной собственности. На таких маркетплейсах могут быть размещены сведения о любых объектах промышленной собственности, даже тех, которые еще находятся на этапе разработки. Суть такой модели заключается в том, что правообладатели предлагают свои результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации широкому кругу лиц для сотрудничества, в том числе реализации прав на них. Маркетплейсы промышленной собственности обеспечивают оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, но не материальных носителей объектов промышленной собственности. Это фундаментальное отличие от обычных маркетплейсов обуславливает необходимость формирования специальных правовых механизмов для создания, работы и регулирования маркетплейсов промышленной собственности.

В резолюции XVI Международного Форума «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности», состоявшегося в апреле 2025 года, для стран, осуществляющих сотрудничество в рамках ЕАЭС и Союзного государства, было выдвинуто предложение о создании и развитии «совместных международных маркетплейсов ИС и цифровых платформ по управлению ИС на основе технологий ИИ и блокчейн» [10, с. 23]. Такая рекомендация была высказана в целях обеспечения успешного развития экономических отношений на региональном и национальном уровнях, в т. ч. в рамках инновационного сотрудничества и безопасного цифрового развития [10, с. 23].

Действительно, для работы таких цифровых платформ задействуются технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ), блокчейна (технологии распределенных реестров с использованием механизмов криптографии), а также ряд других, с помощью которых можно решать множество самых разных задач, связанных с созданием объектов промышленной собственности, правовой охраной, коммерциализацией и защитой прав на них. ИИ играет все более значимую роль в функционировании маркетплейсов промышленной собственности. Роспатент, например, использует ИИ для поиска патентной информации, включая многоязычный полнотекстовый поиск и поиск на основе патентных классификаторов [11].

ИИ также предоставляет ценные аналитические данные о рыночных тенденциях и деятельности конкурентов. Как отмечает Б.А. Шахназаров, «блокчейн-технология может быть использована разработчиками патентуемых объектов и секретов производства посредством создания цифровой записи, подтверждающей правообладание, существование и целостность объекта или части патентной информации на определенную дату» [6, с. 121].

Договор о создании Союзного государства закладывает основополагающие правовые принципы, которые могут служить фундаментом для создания совместного маркетплейса промышленной собственности. Согласно Договору, Союзное государство базируется на принципах суверенного равенства и добровольного выполнения взаимных обязательств [12]. К совместному ведению Союзного государства и государств-участников относятся: гармонизация и унификация законодательства государств-участников, формирование общего научного, технологического и информационного пространства [12].

Эти положения являются краеугольным камнем для взаимного стремления государств-участников к гармонизации и сближению законодательства, но не решают проблему отсутствия единообразного правового регулирования в данной сфере. Различия в национальных системах права Беларуси и России продолжают сохраняться, несмотря на десятилетия успешного сотрудничества в рамках Союзного государства. Несмотря на схожесть базовых принципов, существуют процедурные и содержательные различия, которые могут стать препятствием для создания единой цифровой платформы по реализации интеллектуальных активов. Например, сроки проведения экспертизы при регистрации товарных знаков в Беларуси могут достигать 28 месяцев, из которых до 24 месяцев отводится на экспертизу по существу; в Российской Федерации такой срок короче – 18 месяцев. Это создает значительную асимметрию, которая должна быть учтена при разработке общих правил функционирования маркетплейса.

Вышесказанное создает трудности на пути к единству правового регулирования отношений, выстраиваемых с участием субъектов хозяйствования обоих государств. С учетом того, что значительная часть экономического оборота обеспечивается деятельностью в сети Интернет, в этой сфере тоже необходимы шаги к сближению правового регулирования. Полагаем, что реальные шаги к сближению могут осуществиться именно тогда, когда такое сближение станет средством, а не целью. Например, это может иметь место в случае возникновения потребности в реализации совместного проекта, на пути реализации которого станет понятно, что без приведения механизмов правового регулирования наших стран к единому знаменателю обойтись невозможно. Видится, что создание совместного российско-белорусского маркетплейса промышленной собственности способно дать толчок к сближению законодательства наших стран в этой сфере и шагом в направлении создания общего между Беларусью и Россией научно-технологического пространства.

Обсуждение вопроса о перспективах создания совместного маркетплейса промышленной собственности невозможно без сопоставления национальных систем права промышленной собственности Беларуси и России. В рамках данной публикации невозможно подробно осветить результаты анализа, поэтому охарактеризуем картину в целом, расставив некоторые акценты.

В Российской Федерации основным источником права в этой области является Четвертая часть Гражданского кодекса (далее – ГК РФ). В Республике Беларусь охрана промышленной собственности регулируется Гражданским кодексом Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) и специализированными законами, регламентирующими отношения в сфере создания, использования различных объектов промышленной собственности, охраны и защиты прав на них. Законодательство обеих стран задействует концепцию исключительного права, при этом в Российской Федерации исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации охватываются категорией интеллектуальных прав (ст. 1226 ГК РФ), и оба государства являются участниками Парижской конвенции по охране промышленной собственности.

Закон Республики Беларусь от 3 января 2023 года № 241-З «Об ограничении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности» (далее Закон № 241-З) регулирует отдельные вопросы, связанные с ограничением исключительных прав. Цели этого закона включают обеспечение функционирования информационно-коммуникационной инфраструктуры, цифровое развитие и повышение уровня информационной безопасности. Документ допускает использование без согласия правообладателя из «недружественных иностранных государств» компьютерных программ, аудиовизуальных и музыкальных произведений при условии выплаты вознаграждения, которое перечисляется на счета патентного органа. Более того, закон легализует параллельный импорт товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, если эти товары включены в перечни «существенно важных для внутреннего рынка».

В Российской Федерации также существует практика так называемого «принудительного лицензирования» или «параллельного импорта». Например, в ст. 1229 ГК РФ было внесено примечание, согласно которому не является нарушением исключительного права использование результатов интеллектуальной деятельности, выраженных в товарах, определенных Федеральным Законом Российской Федерации от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Эта схожая, на первый взгляд, практика в действительности создает правовую асимметрию, которая прямо влияет на функционирование единого маркетплейса. Белорусский закон № 241-З является временным (первоначально он действовал до 31 декабря 2024 года, в последствии срок действия ст.ст. 1, 3 и 4 Закона № 241-З был продлен на два года – до 31 декабря 2026 г. включительно) и касается строго определенных объектов и перечней правообладателей и товаров. Российская практика регулируется другими нормативными актами. Это означает, что товар, легально ввезенный в Беларусь по правилам параллельного импорта, может считаться контрафактным в России, и наоборот. Единая цифровая платформа, созданная без учета этой правовой асимметрии, будет подвержена значительным юридическим рискам. Необходимость гармонизации законодательства по вопросам принудительного лицензирования и параллельного импорта становится ключевым условием для бесперебойной работы маркетплейса.

Опыт интеграционных объединений, таких как ЕАЭС, может служить прототипом для Союзного государства. Наиболее успешным примером является Евразийская патентная система. Она предоставляет возможность получить единый евразийский патент, действующий на территории 9 государств-участников Евразийской патентной конвенции. Аналогичный подход реализуется и в отношении товарных знаков. С 2020 года в ЕАЭС создается единая система регистрации товарных знаков и наименований мест происхождения товара. Предприниматель может подать заявку в патентное ведомство любой из пяти стран ЕАЭС, а выданное свидетельство будет действовать на территории всех пяти государств, что значительно снижает временные и финансовые затраты.

Модель ЕАЭС наглядно демонстрирует, что для эффективного функционирования наднациональной системы охраны интеллектуальной собственности необходимы три основных компонента: наднациональный правовой акт (конвенция), наднациональный управляющий орган и единые правила, и процедуры. Эта модель может быть адаптирована для Союзного государства, учитывая глубокий уровень интеграции между Россией и Беларусью. Отсутствие в Союзном государстве специализированного наднационального органа в сфере промышленной собственности указывает на необходимость либо его создания, либо передачи соответствующих полномочий существующим институтам.

Технический фундамент для создания совместного маркетплейса уже закладывается в рамках двусторонних программ по цифровизации. Россия и Беларусь активно сотрудничают в этой сфере. В частности, на рабочих встречах представителей профильных министерств обсуждаются вопросы использования электронных документов в формате QR-кодов, а также разработка совместных решений в области цифровизации [13–14]. Примером является обмен опытом по работе Единого портала госуслуг, а также совместная разработка программного

обеспечения для технологического суверенитета. Комплексные программы российско-белорусского сотрудничества в области цифровых и телекоммуникационных технологий уже находятся в стадии реализации.

Это сотрудничество является прямым техническим и организационным фундаментом для создания совместного маркетплейса. Оно демонстрирует готовность стран к обмену данными и совместной разработке программного обеспечения, что значительно упрощает техническую реализацию проекта. Но если не будут решены правовые вопросы, о которых говорилось выше, то цифровая платформа, созданная на базе таких проектов, не сможет выполнять свои основные функции, связанные с юридически значимыми операциями, такими как лицензирование, передача прав или их залог, которые являются ядром маркетплейса промышленной собственности. Таким образом, техническая готовность опережает правовую, что требует приоритетного внимания к вопросам гармонизации законодательства.

Маркетплейс промышленной собственности – это не просто база данных, а ключевой инструмент для реализации стратегических задач Союзного государства. Он обеспечит открытый доступ к инновационным решениям и снизит транзакционные издержки для бизнеса. Платформа станет инструментом консолидации интеллектуальных активов и развития совместных проектов в рамках промышленной кооперации. Примером успешной международной платформы может служить WIPO GREEN, созданный Всемирной организацией интеллектуальной собственности [15]. WIPO GREEN служит площадкой для обмена экологически чистыми технологиями, объединяя изобретателей, инвесторов и партнеров. Это показывает, что маркетплейс должен быть не просто реестром, а полноценной экосистемой для обмена и монетизации интеллектуальной собственности.

Исходя из анализа правовых режимов и опыта ЕАЭС, оптимальным представляется поэтапный, гибридный подход к созданию и регулированию маркетплейса. На первом этапе необходимо сосредоточиться на взаимном признании и объединении данных или показателей в обобщенные формы для упрощения их анализа и интерпретации. На следующем этапе – перейти к гармонизации процедур и правил, а в долгосрочной перспективе – к полной унификации, по аналогии с ЕАПС.

Создание единой платформы автоматически влечет за собой необходимость решения ряда проблем правоприменения. Помимо уже упомянутых различий в процедурах регистрации и правовых коллизий, связанных с параллельным импортом, важным вопросом является разрозненность национальных реестров. На данный момент существуют только национальные реестры, которые ведутся соответствующими органами. Маркетплейс должен будет синхронизировать данные из этих разрозненных систем, что сопряжено с техническими и правовыми сложностями. Кроме того, в случае возникновения спора о правах на один и тот же объект, зарегистрированный в обеих странах, возникает вопрос о приоритете и подсудности. Отсутствие единого подхода к разрешению таких споров может подорвать доверие к платформе.

Национальные системы защиты исключительных прав в Беларуси и России имеют схожую двухуровневую структуру: административную (досудебную) и судебную. В Российской Федерации действует специализированный Суд по интеллектуальным правам (далее – СИП) – специализированный арбитражный суд, который рассматривает дела в качестве первой и кассационной инстанций. Кроме СИП, подобные споры рассматривают Арбитражные суды. Отличия заключаются в подсудности конкретного дела и полномочиях судов. При Роспатенте существует Палата по патентным спорам для досудебного урегулирования возражений против решений экспертизы. В Республике Беларусь судебная защита осуществляется в Судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь. Эта коллегия является частью высшей судебной инстанции страны. Административная защита также может быть реализована через Апелляционный совет при Национальном центре интеллектуальной собственности.

Несмотря на наличие этих специализированных органов, национальные суды могут оказаться неэффективными для рассмотрения трансграничных споров, которые неизбежно возникнут в результате функционирования единой платформы. В связи с этим, можно говорить о рассмотрении необходимости создания специализированного наднационального органа по разрешению таких споров. Такой орган мог бы рассматривать дела, касающиеся нарушений прав, возникших на территории (в том числе интернет-пространства) Союзного государства.

Создание совместного маркетплейса промышленной собственности обеспечит значительный экономический эффект для субъектов хозяйствования Беларуси и России. Единая платформа позволит белорусским и российским компаниям выходить на рынок соседней страны с минимальными правовыми и административными барьерами, снижая транзакционные издержки на регистрацию, поиск, лицензирование и защиту исключительных прав. Упорядоченный рынок промышленной собственности повысит инвестиционную привлекательность инновационных компаний, обеспечивая им доступ к новым источникам финансирования и партнерствам. Упрощение процедур оборота прав и снижение рисков также будет способствовать активизации научно-технического обмена и кооперации между предприятиями.

Создание и функционирование маркетплейса будет иметь фундаментальное стратегическое значение для Союзного государства. Это станет практическим шагом по реализации целей, заложенных в многочисленных программах Союзного государства, направленных на сближение и гармонизацию законодательства в различных сферах, включая промышленную собственность, создание единых правил конкуренции. Консолидация интеллектуальных активов на одной платформе станет инструментом для реализации концепции технологического суверенитета, что особенно важно в условиях глобальной конкуренции. Совместные проекты, финансируемые из бюджета Союзного государства, охватывают широкий спектр областей, от промышленности до космоса, и маркетплейс может стать центральным узлом для коммерциализации и оборота результатов этих проектов.

Создание совместного маркетплейса промышленной собственности в рамках Союзного государства является не просто перспективным, но и стратегически необходимым проектом. Однако, как показал проведенный анализ, для его успешной реализации необходимо преодолеть существенные правовые и институциональные барьеры. Главными из них являются правовой дисбаланс, обусловленный различиями в подходах к правовому регулированию отношений в сфере создания, использования объектов промышленной собственности, охране и защите исключительных прав на такие объекты.

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие ключевые рекомендации для дальнейших действий. Необходимы разработка и принятие отдельного правового акта Союзного государства, который будет регулировать создание и функционирование совместного маркетплейса, а также устанавливать единые правила регистрации, оборота и защиты прав на промышленную собственность. Гармонизация национальных законодательств по ключевым вопросам, включая процедурные сроки, основания для отказа в регистрации и положения о принудительном лицензировании позволит устранить существующие правовые коллизии и создать предсказуемую правовую среду для бизнеса. Разработка и внедрение гибридной модели маркетплейса, сочетающей взаимное признание на начальном этапе с постепенной гармонизацией и унификацией процедур обеспечит постепенный, но устойчивый переход к полноценному единому рынку. Изучение возможности создания специализированного наднационального органа по разрешению споров в сфере промышленной собственности, по аналогии с СИП. Это повысит эффективность защиты прав и доверие к платформе.

Полагаем, что дальнейшие исследования по данной проблематике могут быть сосредоточены на изучении механизмов финансирования совместного маркетплейса (на основе бюджета Союзного государства или национальных бюджетов), а также технических

аспектов его интеграции с существующими национальными цифровыми платформами. Реализация этих рекомендаций позволит Союзному государству не только создать высокотехнологичный инструмент для бизнеса, но и сделать значительный шаг в сторону углубления интеграции и укрепления общего технологического суверенитета.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Болотаева О.С. Применение технологии блокчейн в сфере интеллектуальной собственности // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6. – С. 206–208.
2. Камышанский В.П. Некоторые особенности регистрации права на результаты интеллектуальной деятельности при реорганизации правообладателя в условиях цифровизации экономики // Власть Закона. – 2022. – № 2 (50). – С. 25–33.
3. Новоселова Л.А. Об активных системах учета интеллектуальных прав // Пермский юридический альманах. – 2018. – № 1. – С. 248–257.
4. Рузакова О.А. Законодательство об интеллектуальных правах в Российской Федерации, странах Евросоюза и Евразийского экономического союза: сравнительный анализ // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2019. – № 1. – С. 111–121.
5. Фролова Е.Е., Купчина Е.В. Цифровые инструменты защиты прав на интеллектуальную собственность: на примере блокчейн и искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – Выпуск 3(61). – С. 479–498.
6. Шахназаров Б.А. Комплексная взаимосвязь блокчейн-технологии и объектов интеллектуальной собственности в трансграничных частноправовых отношениях // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 5. – С. 121–148.
7. Егоров А.В. К вопросу о формировании правовой системы Союзного государства Беларуси и России // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 6. – С. 14–26.
8. О Стратегии научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года: Постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства от 29 января 2024 г. № 2 // КонсультантПлюс.Россия: справ. правовая система (дата обращения 11.09.2025).
9. Международные маркетплейсы. Анализ возможностей для продвижения белорусских товаров. – Минск: ОАО Агентство внешнеэкономической деятельности, 2022. – 93 с.
10. Шестнадцатый международный Форум «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности». Программа и материалы // Под науч. ред. д-ра юрид. наук, профессора Лопатина В.Н. – М.: РНИИИС, 2025. – 28 с.
11. Роспатент запустил новую цифровую платформу // Роспатент. Федеральная служба по интеллектуальной собственности. – URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/novaya-cifrovaya-platforma-rospatenta>(дата обращения 18.09.2025).
12. Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 18.09.2025).
13. О планах госорганов по в сфере электронного документооборота // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 18.09.2025).
14. Беларусь и Россия: стратегическое сотрудничество в сфере цифровизации. – URL: <https://mpt.gov.by/ru/belarus-i-rossiya-strategicheskoe-sotrudnichestvo-v-sfere-cifrovizacii?ysclid=mfxypj81n3541469230> (дата обращения 19.09.2025).
15. WIPO Green – The Marketplace for Sustainable Technology. – URL: <https://www3.wipo.int/wipogreen/en>. (дата обращения 19.09.2025).

**ОСОБЕННОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА, ВОЗНИКШЕГО
В СВЯЗИ С СОВЕРШЕНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ
СУЩЕСТВУЮЩИХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ
FEATURES OF RESOLVING THE SOCIAL CONFLICT THAT HAS ARISEN
IN CONNECTION WITH THE COMMISSION OF A CRIME IN THE CONTEXT
OF EXISTING GEO-ECONOMIC CHALLENGES**

Колесень Николай Георгиевич,
Национальный центр законодательства
и правовой информации Республики Беларусь,
Республика Беларусь, г. Минск
kolesen_nick@rambler.ru

Kolesen Nikolai,
National Center of Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые отличительные особенности разрешения социального конфликта, возникающего в результате совершения преступления. Делается акцент на взаимосвязи причин возникновения отдельных уголовно-правовых конфликтов с геоэкономическими вызовами. Анализируются теоретические подходы к пониманию данного конфликта, освещаются его отличительные признаки. Особое внимание уделяется подходам к разрешению такого конфликта с позиции правовых, криминологических и общесоциальных мер. Делается вывод, что восстановления социальной справедливости при разрешении конфликта, возникшего в результате совершения преступления, можно достигнуть только при применении всех указанных выше мер в комплексе. Также отмечается, что исследуемая в настоящей статье проблема, ввиду своей специфики, требует постоянной научной актуализации.

Ключевые слова: социальный конфликт, геоэкономические вызовы, преступление, уголовные правоотношения, социальная справедливость.

Abstract. The article examines some distinctive features of the resolution of social conflict resulting from the commission of a crime. The emphasis is placed on the interrelation of the causes of individual criminal law conflicts with geo-economic challenges. Theoretical approaches to understanding this conflict are analyzed, and its distinctive features are highlighted. Particular attention is paid to approaches to resolving such a conflict from the perspective of legal, criminological and general social measures. It is concluded that the restoration of social justice in resolving the conflict that arose as a result of the commission of a crime can be achieved only by applying all the above measures in a complex. It is also noted that the problem studied in this article, due to its specificity, requires constant scientific updating.

Keywords: social conflict, geo-economic challenges, crime, criminal law relations, social justice.

Существующие в настоящее время геоэкономические вызовы в широком смысле характеризуются своей сложностью, многообразием и конфликтностью. Усложнение международного экономического взаимодействия между отдельными странами, глобальные экологические проблемы, стремительное рост отдельных направлений преступности, имеющей экстерриториальный характер (в частности, киберпреступность), требуют от государств наличия действенных механизмов защиты своих национальных интересов. В свете сказанного особую значимость приобретает необходимость в постоянной оценке

и актуализации законодательства с позиции его готовности реагировать на подобные вызовы. При этом необходимо учитывать, что порождаемые глобальными процессами геополитические вызовы, как непосредственно, так и опосредованно, оказывают влияние и на формирование в обществе условий для возникновения крайне негативных социальных конфликтов, побуждающих к совершению преступлений. В свою очередь, своевременное противодействие подобным проявлениям невозможно без использования охранительного законодательства, требования которого выработаны на основе всестороннего понимания сущности таких конфликтов. Соответственно, интерес представляет анализ данного законодательства с позиции возможности его реагирования на описанные социальные вызовы.

В литературе теоретические подходы к пониманию как самого преступного социального конфликта, так и его разрешению, рассматриваются в трудах отечественных и зарубежных специалистов в области уголовного права и процесса, криминологии, социологии, конфликтологии, среди которых Е.С. Бородулькина, А. Васильченко, Ю.В. Голик, И.О. Грунтов, Е.А. Дераж, Л.Л. Зайцева, К.Б. Калиновский, Ю. . Климович, Л.В. Павлова, Е.В. Попаденко, И.В. Орловская, Л.Г. Орловская, Н.Н. Рыбушкин, Т.С. Судимова и другие. Вместе с тем освещаемая проблема исследуется авторами преимущественно с позиции конкретной отрасли научного знания. Соответственно, возникает объективная необходимость в комплексном осмыслении настоящего вопроса.

В своей сущности социальные конфликты являются распространенным явлением и могут быть вызваны различными обстоятельствами, а также включать в себя широкий круг участников. Часть споров решается в ходе переговоров или обычных бесед, часть – в результате нахождения взаимовыгодного решения, а некоторые конфликтные ситуации могут остаться вовсе не разрешенными. При этом, в зависимости от своего предмета и специфики, отдельные конфликты способны приобретать юридический характер. Решение подобного спора предполагается уже в правовой плоскости. В действительности практически любой спор может приобрести правовой характер, поскольку чаще всего причина возникновения конфликтной ситуации связана с нарушением прав одной из сторон. В качестве примера можно привести имущественные споры между физическими и (или) юридическими лицами (как между собой, так и в любой вариации), семейные конфликты, влекущие правовые последствия (развод, выплата алиментов, установление порядка общения с ребенком одним из родителей, споры о наследстве и т. д.), конфликты в связи с некачественно оказанными услугами и др. При этом крайней и наиболее исключительной формой юридического конфликта можно считать совершение преступления, т. е. общественно опасного деяния, за совершение которого предусмотрена уголовная ответственность в соответствии с требованиями Уголовного кодекса Республики Беларусь. Описываемая форма юридического конфликта является наиболее сложной для понимания и оценки, поскольку в результате совершения преступления не просто нарушаются права человека, но и наступают серьезные общественно-опасные последствия, предполагающие также и социальные риски.

В тоже время разрешение рассматриваемого конфликта является особенно значимым и для отдельных социальных процессов, происходящих в обществе. Лицо, совершая преступления, своим поведением не просто нарушает общественные отношения, но и создает объективную опасность для окружающих. Закономерным следствием описываемых действий является возникновение напряженности в тех слоях общества, интересы которых были прямо или косвенно нарушены совершенным преступлением. При этом отдельные преступления, обладающие наибольшей степенью общественной опасности (например, терроризм), ввиду своей специфики фактически посягают на интересы общества в целом. Поэтому особенно важным является погашение общественной напряженности, возникшей в результате совершения подобного деяния. В этой связи актуальность приобретает анализ подходов к разрешению подобного социального конфликта с целью определения наиболее действенных способов его решения.

Рассмотрение основных путей разрешения уголовно-правового конфликта невозможно без понимания его сущности. В большинстве тематических трудов авторы сходятся во мнении, что уголовно-правовой конфликт возникает в сфере общерегулятивных уголовно-правовых отношений. Их содержание составляет законопослушная деятельность граждан, направленная на реализацию своих прав и обязанностей [1]. Любое преступление затрагивает интересы участников тех или иных общественных отношений, вызывает противоречие между интересами лица, совершившего преступление, и лиц, пострадавших в результате противоправного поведения виновного лица. Поэтому уголовно-правовые отношения носят изначально конфликтный характер [2, с. 20]. Уголовно-правовой конфликт есть столкновение противоположных интересов лица, совершившего преступление (с одной стороны), и потерпевшего, общества, государства (с другой стороны) в сфере общественных отношений, охраняемых уголовным законом [3, с. 118].

Как известно, совершение преступления – виновного общественно опасного деяния, посягающего на охраняемые уголовным законом общественные отношения, – нарушает уголовно-правовой запрет. Это порождает противоречия между интересами совершившего преступление лица и интересами государства, общества, физического или юридического лица, связанными с нормальным функционированием указанных отношений. По мнению Л.Л. Зайцевой, для разрешения уголовно-правового конфликта требуется восстановить, компенсировать или в иной форме защитить нарушенные преступлением блага, подвергнув субъекта, посягнувшего на них, соразмерной вине ответственности [1].

В юридической литературе встречается точка зрения, что преступление и есть уголовно-правовой конфликт [4, с. 111]. Однако совершением преступления уголовно-правовой конфликт не исчерпывается, так как любой конфликт предполагает наличие процедур по его разрешению, поэтому конфликтная ситуация будет разрешена только в том случае, если будут максимально нейтрализованы негативные последствия преступления. Кроме того, во многих случаях преступление не только создает предпосылки для конфликтов, но и само является следствием межличностных конфликтов, их заключительной стадией. Так, например, используемые в уголовном праве для обозначения мотивов насильственных преступлений понятия «ревность», «мечь», «неприязнь» имеют прямую связь с конфликтными взаимоотношениями [1].

При анализе содержательного наполнения уголовно-правового конфликта важно понимать следующее. Существенные сложности в данном явлении представляет то, что рассматриваемые конфликты на ранней, латентной стадии не предполагают возможностей для реального вмешательства. Традиционно, такие конфликты являются очевидными для государства и общества в целом лишь после совершения самого противоправного деяния, когда попытки предотвратить их реализовать уже не представляется возможным. Из этого следует, что вмешательство в конфликт становится уместным лишь тогда, когда он выходит за рамки межличностных (межгрупповых) отношений и становится общественно значимым событием, т. е. переходит на открытую стадию. Описанные обстоятельства оказывают существенное влияние на пути разрешения конфликта, возникшего в результате совершения преступления.

В качестве особенности можно выделить и то, что разрешение уголовно-правового конфликта предполагает целенаправленную деятельность компетентных органов по его устранению посредством использования правовых норм. При разрешении уголовно-правовых конфликтов используют следующие средства: назначение наказания либо иных мер уголовно-правового характера и применение поощрений [1]. При этом целью разрешения уголовно-правовых конфликтов является нейтрализация негативных последствий преступления. Самым распространенным способом их разрешения является привлечение виновного лица к уголовной ответственности. Сущность уголовной ответственности для лица, совершившего преступление, выражается в обязанности дать отчет в содеянном перед государством и подвергнуться неблагоприятным юридическим последствиям, предусмотренным уголовным законом [5, с. 61]. Уголовная ответственность

находит свою реализацию в осуждении виновного, что, как правило, сопровождается назначением лицу наказания.

Принято считать, что наказание является важнейшим средством разрешения уголовно-правовых конфликтов. В тоже время назначение наказания либо применение иных мер уголовно-правового характера всегда предполагает принудительное разрешение уголовно-правового конфликта, что, по мнению некоторых ученых, делает постконфликтные отношения неустойчивыми: они содержат в себе вероятность продолжения спора в новой фазе [6, с. 114]. В связи с этим в законодательстве предусмотрено наличие альтернативных поощрительных норм, стимулирующих определенное поведение со стороны виновного.

В последнее время метод поощрения стал рассматриваться как один из основных методов правового регулирования в сфере действия уголовного закона. Применение поощрений есть поиск такого решения, которое удовлетворяло бы всех участников конфликта. Поощрительные нормы способствуют повышению эффективности действия уголовного закона, так как в ситуации положительной мотивации субъектов спора в качестве побудительной силы желаемого поведения выступают не только предписания, но и собственный интерес субъекта, его заинтересованность. Лицо, попавшее в сферу влияния уголовного закона, вошедшее в уголовно-правовой конфликт, должно иметь возможность при соблюдении ряда условий разрешить его наиболее благоприятным для себя образом (освобождение от уголовной ответственности либо смягчение наказания и др.) [1]. Следовательно, наличие поощрительных норм в уголовном законодательстве создает возможность для применения альтернативных средств разрешения уголовно-правовых конфликтов.

Альтернативное разрешение уголовно-правового конфликта предполагает применение иных, не только традиционных судебных способов достижения его цели и воздействия на обвиняемого. Использование таких способов может иметь место только в том случае, если уголовное преследование правомерно, т. е. для него имеются процессуальные основания. В контексте отечественного законодательства речь идет о применении компромиссных процедур.

Как известно, традиционной моделью разрешения уголовно-правовых конфликтов являются: обнаружение преступления, уголовное преследование в рамках уголовно-процессуальной деятельности, рассмотрение уголовного дела судом по существу, назначение уголовного наказания, исполнение назначенного уголовного наказания. В то же время одним из способов разрешения рассматриваемого конфликта является использование компромиссных процедур. Основанием применения таких процедур является отсутствие материально-правового спора между сторонами конфликта и их обоюдное согласие на упрощение процессуальной процедуры и (или) существенное смягчение наказания. К общим условиям их применения относятся:

- соответствие совершенного преступления определенной категории;
- предъявление обвинения лицу, совершившему данное преступление;
- признание им своей вины;
- выполнение обвиняемым взятых на себя обязательств.

В отечественном законодательстве к компромиссным (согласительным) процедурам можно отнести сокращенный порядок судебного следствия (ст. 326 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК)), ускоренное производство (гл. 47 УПК), досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 49-1 УПК), а также заключение медиативного соглашения (ст. 30-1 УПК). Отдельно стоит отметить медиацию, которая в профессиональном сообществе признается наиболее перспективной альтернативной примирительной процедурой [7, 8]. Во всех этих процессуальных институтах уголовное преследование завершается официальным провозглашением виновности обвиняемого и назначением ему наказания, поэтому здесь отсутствует не только освобождение от уголовной ответственности, но и от наказания.

При этом необходимо понимать, что разрешение конфликта, возникшего в результате совершения преступления, возможно только при использовании комплексного подхода. Предотвращение конфликта заключается в воздействии на его элементы: участников, причины их поведения, объекты, силы и средства, использованные до возникновения противостояния. Предотвращение рассматриваемых конфликтов требует концептуального подхода, объединения общесоциальных, криминологических и уголовно-правовых мер воздействия. К уголовно-правовым в данном случае относятся все рассмотренные выше меры, связанные с законодательством в уголовно-правовой и процессуальной сферах, а также государственная инициатива. Криминологический аспект заключается в проведении анализа социально-неустойчивых слоев населения, изучении социально-психологических детерминант и т. д. Фактически это предполагает анализ социологических и криминалистических исследований, связанных с изучением типов потенциально опасных личностей, предполагаемых мест преступления, виктимологический анализ. Общесоциальные меры заключаются в проведении мероприятий политического, экономического, социального, культурного и иного характера с целью совершенствования общественных отношений, сглаживания конфликтности, исключения причин, побуждающих на совершение действий преступного характера.

Таким образом, специфика разрешения социального конфликта, возникшего в связи с совершением преступления, фактически предопределяется его отличительными особенностями. Возможно констатировать, что ввиду тяжести последствий, влекущих за собой совершение преступления, особую значимость имеет наличие действенных правовых механизмов, концептуально направленных на восстановление социальной справедливости. Необходимо отметить, что отечественное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство беспрерывно находится на пути совершенствования подобных механизмов с учетом актуальной ситуации, включая и геоэкономические вызовы. В то же время совершенное преступление, являясь наиболее опасной и исключительной формой социального конфликта, несет в себе множество проблем, для разрешения которых только правовых средств недостаточно. Так, для разрешения рассматриваемого конфликта, помимо правовых, целесообразно использовать криминологические и общесоциальные меры. Именно при подобном комплексном подходе возможно приблизиться к такому варианту разрешения конфликта, при котором можно будет констатировать, что сторонами не просто разрешен спор, но и фактически достигнута задача восстановления социальной справедливости. При этом необходимо понимать, что обстоятельства окружающей действительности постоянно меняются, вследствие чего беспрерывную трансформацию проходят и формы преступного поведения. Поэтому особую важность имеет дальнейшая комплексная научная разработка настоящего вопроса с целью предложения соответствующих актуальным вызовам мер разрешения как криминального, так и социального конфликта, возникшего в результате совершения преступления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зайцева Л.Л. Альтернативное разрешение уголовно-правовых конфликтов: теоретические и правовые основы // Право и демократия: Сб. науч. тр. / редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2016. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/183640/1/18.PDF> (дата обращения 18.09.2025).
2. Васильченко А. Общерегулятивные (общие) уголовно-правовые отношения // Уголовное право, 2005. – № 4. – С. 17–21.
3. Попаденко Е.В. Уголовно-правовой конфликт: понятие и способы преодоления // Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: Сб. науч. ст. / отв. ред. Л.Л. Кругликов. – Ярославль: ЯрГУ, 2016. – Вып. 1. – С. 115–120.

4. Калиновский К.Б. Уголовное судопроизводство как сфера использования положений конфликтологии // Юридическая мысль, 2002. – № 1. – С. 110–116.
5. Рыбушкин Н.Н. Запреты и ответственность в уголовном праве России // Ученые записки Казанского государственного университета, Казань, 2003. – Т. 144. – С. 60–65.
6. Судимова Т.С. Регулирование или разрешение? Социальные конфликты в меняющемся российском обществе (детерминация, развитие, разрешение) // Политические исследования, 2004. – № 2. – С. 113–117.
7. Дераж Е.А. Применение процедуры медиации в уголовном процессе // Путь в науку, 2024. – URL: <https://elib.psu.by/bitstream/123456789/46334/1/168-169.pdf> (дата обращения 20.09.2025).
8. Орловская И.В., Орловская Л.Г. Медиация в уголовном процессе Беларуси: практика продолжается // Право современной Беларуси: истоки, достижения и перспективы, 2022. – URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/2022/mediatsiya-v-ugolovnom-protssesse-belarusi-praktika-prodolzhaetsya/> (дата обращения 22.09.2025).

УДК 330.341.2; 338.22.021.2

**АНТИСАНКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО
КОМПЛЕКСА В НОВЫХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ
ANTI-SANCTIONS POLICY AS A LEGAL INSTRUMENT FOR ENSURING
SUSTAINABLE DEVELOPMENT THE STATE ENERGY COMPLEX
IN THE NEW GEO-ECONOMIC CONDITIONS**

Русина Наталья Эдуардовна,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
rusinanataliaa@mail.ru

Rusina Natalia,
St. Petersburg State Economic University,
Russian Federation, St. Petersburg

Аннотация. В статье представлены материалы по развитию правовых инструментов обеспечения устойчивого развития российской экономики в целом и энергетического комплекса в частности в современных геополитических и геоэкономических условиях постоянного санкционного давления недружественных иностранных государств. Правовые инструменты, разработанные государством и представленные в статье, направлены на защиту государственного экономического суверенитета и безопасности деятельности российских компаний, включая компании энергетического комплекса страны. Все множество правовых инструментов разделено на пять групп по направлениям обеспечения соответствующих видов национальной и корпоративной безопасности: сырьевой, производственной, финансовой, организационно-управленческой, информационной. Представленные правовые инструменты являются институциональным инструментарием обеспечения устойчивого развития экономики России. Эффективность их применения подтверждается стабильным ростом макроэкономических показателей (индексом потребительских цен, ВВП, влиянием отраслей на ВВП, объемом нефтегазовых доходов).

Ключевые слова: геоэкономические условия, устойчивое развитие, газовая отрасль, правовые инструменты.

Abstract. The article presents materials on the development of legal instruments to ensure the sustainable development of the Russian economy in general and the energy complex in particular in the modern geopolitical and geo-economic conditions of constant sanctions pressure from unfriendly foreign states. The legal instruments developed by the state and presented in the article are aimed at protecting the state's economic sovereignty and the security of Russian companies, including companies in the country's energy sector. The whole set of legal instruments is divided into five groups in the areas of ensuring the relevant types of national and corporate security: raw materials, production, financial, organizational and managerial, information. The presented legal instruments are the institutional tools for ensuring the sustainable development of the Russian economy. The effectiveness of their application is confirmed by the steady growth of macroeconomic indicators (consumer price index, GDP, the impact of industries on GDP, the volume of oil and gas revenues).

Keywords: geo-economic conditions, sustainable development, gas industry, legal instruments.

Геоэкономические контуры современного мира, по мнению Г.А. Федосеевой, четко обозначились уже в первом десятилетии XXI века [1, с. 275]. Ученый в качестве основных характеристик современной геоэкономической ситуации отмечает военные конфликты, обострение глобальной экономической конкуренции и приоритетность «экономических методов борьбы за превосходство» [1, с. 275]. Следует отметить конфликт между данными тенденциями и концепцией устойчивого развития, усугубляя проблемы ее реализации, обусловленные, кроме того, двумя основными методологическими системными противоречиями, раскрытыми Л.А. Миэринь и Н.Н. Карзаевой [2]. Экономический рост, являющийся одной из целей устойчивого развития экономической системы любого уровня, обуславливает роль такого ее «экономического параметра, как потребление энергии» [3, с. 35]. Достижение баланса экономического, экологического и социального направлений концепции устойчивого развития специалисты, включая представителей Программы ООН, видят в реализации концепции зеленой экономики, основу которой формирует внедрение альтернативных источников энергии. Однако скептики альтернативной энергетики, York R., Bell S., начало энергетического перехода к возобновляемым источникам энергии характеризуют как «энергетическое дополнение», но не как «новую модель» [4, с. 40–43], поддерживая высказанное более десяти лет назад Meadowcroft J., Langhelle O., Ruud A. сомнение о возможности достижения целей устойчивого развития посредством перехода к низкоуглеродным технологиям [5]. Усугубление проблем дисбаланса целей экономического, экологического и социального направлений концепции устойчивого развития в настоящее время демонстрирует состояние экономики стран Евросоюза. Сложная геополитическая и геоэкономическая ситуация, по мнению руководителей Евросоюза, может быть решена введением санкций, позволяющих снизить уровень устойчивости национальной экономики Российской Федерации, включая ее энергетический сектор. Однако данные санкционные меры обостряют политические и экономические отношения с Российской Федерацией, что приводит также к усугублению социально-экономических проблем стран Евросоюза.

В свою очередь, руководство Российской Федерации в ответ на недружественные действия отдельных государств по введению санкций и усилению давления на нее реализует разработанную политику проведения безотлагательных действий в области правового регулирования, позволяющих обеспечить устойчивость национальной экономической системы, включая энергетический сектор.

В соответствии с нормами федеральных законов «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» и «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» ограничительные меры вводятся указами Президента Российской Федерации, процедуры исполнения которых регламентируются постановлениями Правительства Российской Федерации.

Совершенствование правовых инструментов проводилось в пяти направлениях:

- сохранения национального контроля над добычей и оборотом углеводородов,
- сохранения прав на результаты интеллектуальной деятельности за российскими компаниями,
- финансового обеспечения деятельности предприятий энергетического комплекса,
- обеспечения стабильности управления деятельностью компаниями,
- регулированию состава и объема информации, подлежащей ее публичному раскрытию.

С целью сохранения национального контроля над добычей и оборотом углеводородов Президентом Российской Федерации были изданы два указа: от 30 июня 2022 г. № 416 в отношении разработки Пилтун-Астохского и Лунского месторождений нефти и газа (проект Сахалин-2) и от 7 октября 2022 г. № 723 в отношении разработки месторождений Чайво, Одопту и Аркутун-Даги (проект Сахалин-1), добыча в которых осуществлялась с середины 1990-х годов на основании соглашений о разделе продукции с участием компаний – нерезидентов из недружественных стран. В соответствии с данными указами были созданы российские компании, в собственность которым на условиях универсального правопреемства были переданы все созданные совместные активы участников соглашения. Иностранные участники имели право принять в собственность доли в новых компаниях, пропорциональные долям владения в проектах на основе соглашений о разделе продукции, или получить компенсацию, рассчитанную по рыночной стоимости данной доли.

Указом Президента Российской Федерации от 20 мая 2024 г. № 430 «О временном порядке приобретения исключительных прав некоторых правообладателей и исполнения денежных обязательств перед отдельными иностранными кредиторами и подконтрольными им лицами» предусмотрено распределение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации между приобретателями в Российской Федерации и правообладателями – лицами из недружественных государств, обеспечение исполнения денежных обязательств по таким сделкам комиссией по контролю за иностранными инвестициями. Механизм финансового взаимодействия участников сделки по передаче прав на результаты интеллектуальной деятельности предусматривает открытие иностранным участником специального рублевого счета типа «О» в уполномоченном российском банке для получения от российского участника денежных средств в рублях. Операции по счету типа «О» контролируются государством. Вывод денежных средств с этого счета за границу запрещен. Данная государственная антисанкционная мера существенно облегчает переход прав на результаты интеллектуальной деятельности от акционеров – иностранных лиц к российским компаниям, что обеспечивает правовую основу производства, поставки и сервиса промышленного оборудования, используемого в нефтегазовой сфере.

Примером правового инструмента обеспечения финансовой устойчивости предприятий энергетического комплекса Российской Федерации является указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2022 г. № 172 «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа», согласно которому покупатели экспортируемого ПАО «Газпром» или его дочерними компаниями (100 % доли собственности) природного газа, резиденты недружественных стран, обязаны исполнять обязательства по его оплате только в российских рублях путем зачисления платежа на счет в российских банках. Однако нормативным актом предусмотрена возможность обращения покупателя в комиссию по контролю за иностранными инвестициями с просьбой об исполнении им денежного обязательства в ином, чем определено указом, порядке. Эффективность данной меры подтверждается, во-первых, сохранением объема денежного оборота внутри страны, и, во-вторых, предотвращением дефолта по исполнению обязательств по договорам поставки газа потребителями из недружественных стран.

В настоящее время действует ряд законодательных мер, позволяющих при принятии корпоративных решений в акционерных обществах не учитывать голоса акционеров или директоров, связанных с недружественными государствами, т. е. в отсутствии необходимого кворума.

Управление деятельностью компаний в целом и принятие экономических решений на любом уровне осуществляется на основе информации. Поэтому меры по регулированию состава и объема информации, подлежащей публичному ее раскрытию, имеют огромное значение для предотвращения угроз использования данной информации правительствами недружественных стран для формирования новых санкций. Указом Президента Российской Федерации от 27 ноября 2023 г. № 903 «О временном порядке раскрытия и предоставления информации некоторыми российскими хозяйственными обществами» в связи с необходимостью принятия безотлагательных мер в ответ на нарушающие международное право действия недружественных государств и международных организаций утвержден перечень российских хозяйственных обществ, которые вправе самостоятельно определять состав и (или) объем информации, подлежащей публичному раскрытию и (или) предоставлению.

Проведенный ранее нами анализ деятельности уполномоченных государственных органов по формированию комплекса антисанкционных мер позволил установить «признаки постоянства (в рассматриваемом временном промежутке) и повторяющийся характер регулируемых общественных отношений», что подтверждает «институциональный характер рассматриваемой публично-правовой функции государства» [6]. Поэтому все рассмотренные выше правовые меры являются институциональным инструментарием обеспечения устойчивого развития национальной экономики в целом и ее энергетического сектора в частности в сложившихся геэкономических условиях, характеризующихся политикой санкционного давления.

С целью повышения эффективности реализации норм правовых актов в 2008 году при Правительстве Российской Федерации был создан разрешительный орган – специальная комиссия по контролю за иностранными инвестициями. Первоначально согласно постановлению Правительства РФ от 6 июля 2008 г. № 510 «О Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации» в ее компетенцию входило предварительное рассмотрение проектов сделок с участием иностранных инвесторов из недружественных и в отдельных случаях дружественных государств, в результате совершения которых мог быть установлен контроль иностранного выгодоприобретателя над российскими компаниями, имеющими стратегическое значение. Постановлением Правительства РФ от 6 марта 2022 г. № 295 «Об утверждении Правил выдачи Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации разрешений в целях реализации дополнительных временных мер экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации и иных разрешений, предусмотренных отдельными указами Президента Российской Федерации, а также реализации иных полномочий в указанных целях и внесении изменения в Положение о Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации» ее компетенции комиссии были дополнены полномочиями по предварительному рассмотрению проектов сделок, подпадающих под регулирование антисанкционными указами Президента Российской Федерации. Состав полномочий комиссии достаточно широк и включает:

- определение объема обязательной продажи резидентами иностранной валюты при исполнении внешнеэкономических контрактов;

- выдачу разрешения на проведение операций с иностранными ценными бумагами, которые принадлежат резидентам, или российскими ценными бумагами, принадлежащими нерезидентам, операций резидентов с нерезидентами, связанными с недружественными государствами, с акциями, облигациями, еврооблигациями, права по которым находятся под управлением российских депозитариев;

- санкционирование функционирования банковского рублевого счета типа «С», аккумулирующего денежные средства по корреспондирующей сделке;
- выдачу разрешения на сделки резидентов и нерезидентов, связанных по купле-продаже объектов недвижимости, расположенных на территории Российской Федерации;
- выдачу разрешения на сделки по купле-продаже ценных бумаг или объектов недвижимости с нерезидентами, которые не являются лицами недружественных государств, но приобрели предмет сделки у таких лиц после 22 февраля 2022 года;
- согласование условий по оплате иностранными покупателями природного газа по договорам поставки поставщику ПАО «Газпром» или его 100-процентным дочерним компаниям не в российских рублях или путем зачисления денежных средств в ином порядке, чем определено указом Президента Российской Федерации;
- выдачу разрешения на сделки, связанные с приобретением исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, и иные полномочия.

Создание данного публично-правового механизма было направлено на достижение трех целей: во-первых, неукоснительное соблюдение иностранной стороной сделки, представляющей недружественные государства, норм российского законодательства, во-вторых, для недопущения ситуаций признания таких сделок недействительными, в-третьих, предотвращения угрозы процессуального блокирования на неопределенный срок вложенных инвестиций и созданных активов.

Результаты проведенного нами анализа макроэкономических параметров российской экономики и нефтегазовой отрасли (индекс потребительских цен, ВВП и его динамика, влияние отраслей на ВВП, объем нефтегазовых доходов и их динамика) позволили сделать вывод об их стабильном росте и, следовательно, о действенности и эффективности вводимых государством правовых инструментов, обеспечивающих устойчивое развитие как российской экономики в целом, так и в газовой отрасли в частности в современных геополитических и геоэкономических условиях проведения конкурентной борьбы методами санкционного давления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Федосеева Г.А. Геоэкономические реалии современного мира и роль экономической дипломатии в развитии международных экономических отношений в условиях глобальной конкуренции // Безопасность Евразии. – 2013. – № 2 (46). – С. 275.
2. Миэринь Л.А., Карзаева Н.Н. Идентификация объекта устойчивого развития: политэкономический подход // Бизнес. Образование. Право. – 2025. – № 1(70). – С. 94–101.
3. Волкова Н.П., Волкова А.А. Особенности реализации концепции устойчивого развития: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2023. – Т. 1. – № 3. – С. 32–48.
4. York R., Bell S. Energy Transitions or Additions? Why a Transition from Fossil Fuels Requires more than the Growth of Renewable Energy // Energy Research & Social Science. – 2019. – Vol. 51. – P. 40–43.
5. Meadowcroft J., Langhelle O., Ruud A. Governance, Democracy and Sustainable Development. Moving beyond the Impasse? – Cheltenham: Edward Elgar. – 2014. – 360 p.
6. Миэринь Л.А., Русина Н.Э. Формирование антисанкционных защитных мер государства как институциональный ответ на внешние вызовы // Научные записки, посвященные десятилетию специализированной кафедры ПАО «Газпром» / под научной редакцией д-ра экон. наук, проф. А.Н. Петрова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2024. – Выпуск 3. – С. 63–72.

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**
**ON SOME PROBLEMS AND PROSPECTS FOR CONSTITUTIONAL AND LEGAL
REGULATION OF COMPETITIVE RELATIONS IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

Трипузова Антонина Антоновна,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
antonina.ttt@mail.ru

Trypuzava Antonina,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье рассматривается регулирование конкурентных отношений через призму положений Конституции Республики Беларусь как фундамента для последовательного развития национального антимонопольного права и совершенствования законодательства. Обозначаются некоторые проблемы и перспективы конституционно-правового регулирования конкурентных отношений с учетом правовых позиций Конституционного Суда Республики Беларусь. Обосновываются выводы о необходимости дальнейшей их конституционализации с учетом современных реалий и нового конституционного принципа социальной ответственности, а также о значимости научно-правового обеспечения формирования и развития конституционной экономики для полноценного конституционно-правового обеспечения добросовестной конкуренции и преодолении разобщенности научных исследований в сфере конкуренции. С этой же целью предлагается в перспективе закрепить в Конституции Республики Беларусь принцип поддержки конкуренции, запрет монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции.

Ключевые слова: Конституция, конституционно-правовое регулирование, конкуренция, конкурентные отношения, противодействие монополистической деятельности.

Abstract. This article examines the regulation of competitive relations through the prism of the provisions of the Constitution of the Republic of Belarus as the foundation for the consistent development of national antimonopoly law and the improvement of legislation. It identifies some of the problems and prospects for constitutional regulation of competitive relations, taking into account the legal positions of the Constitutional Court of the Republic of Belarus. The conclusions are substantiated regarding the need for their further constitutionalization, taking into account modern realities and the new constitutional principle of social responsibility, as well as the importance of scientific and legal support for the formation and development of a constitutional economy for the full constitutional and legal support of fair competition and overcoming the disunity of scientific research in the field of competition. For the same purpose, it is proposed to enshrine in the Constitution of the Republic of Belarus the principle of supporting competition, prohibiting monopolistic activity and unfair competition.

Keywords: Constitution, constitutional regulation, competition, competition, anti-monopoly.

15 марта 2025 г. в белорусском обществе и государстве широко отмечено знаковое событие для истории белорусской государственности – 30-летие Конституции Республики Беларусь, являющейся фундаментом для последовательного развития национального законодательства и науки.

Изменениями и дополнениями Конституции, принятыми на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г., определена уточненная стратегия конституционно-правового развития Беларуси, укреплены правовые, организационные и иные гарантии конституционных прав и свобод граждан.

Концепцией правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь № 196 от 28 июня 2023 г., поставлена задача обеспечивать реализацию конституционных норм, раскрывающих в полной мере регулятивный потенциал Конституции как Основного Закона государства (подп. 41.1 п. 41).

В решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 12 марта 2025 г. № ПР-5/2025 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» также подчеркнуто, что положения обновленной Конституции обуславливают необходимость принятия законов и иных нормативных правовых актов, в полной мере раскрывающих регулятивный потенциал Конституции, и интеграции обновленной конституционной модели организации общественных отношений в социальную практику как непосредственно, так и путем выработки на законодательном уровне соответствующих правовых механизмов.

Выдающийся ученый-конституционалист Г.А. Василевич отмечает, что «для белорусской юридической науки в настоящее время созданы благоприятные условия совершенствования: произошла модернизация Конституции, появились новые направления для развития отраслевой науки, дальнейшего процесса конституционализации законодательства» [1, с. 71]. Одним из таких направлений видится развитие антимонопольного права и законодательства, поскольку в новых геоэкономических условиях закономерно возрастает роль конституционно-правового регулирования конкурентных отношений и их дальнейшей конституционализации.

Поддерживаем мнение А.С. Сухорукова о том, что конституционно-правовое регулирование конкуренции является одним из наиболее важных в правовом регулировании экономики [2, с. 112].

Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, развитие конкуренции и эффективного антимонопольного регулирования отнесено к инструментам структурной перестройки экономики, выступающей одной из ключевых мер обеспечения нейтрализации внутренних источников угроз национальной безопасности в экономической сфере (п. 54).

Изложенное обуславливает актуальность заявленной темы исследования.

Конституция Республики Беларусь (далее – Конституция) определяет правовую модель государственного регулирования в сфере экономики, гарантирует равенство различных форм собственности, равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, равную защиту экономических прав и свобод, а также закрепляет важный конституционный принцип: государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества (ст. 13). При этом осуществление права собственности не должно противоречить общественной пользе и безопасности, ущемлять права и защищаемые законом интересы других лиц (ст. 44). Государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего порядка, необходимого для полного осуществления конституционных прав и свобод граждан (ст. 59). Для этого Основной Закон допускает ограничение прав и свобод, однако только на уровне закона в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (ст. 23).

Тем самым Конституция заложила основы конституционно-правового регулирования конкурентных отношений, хотя и не содержит в отличие, например, от Основного Закона Российской Федерации (ст. 8 и 34) прямых норм о поддержке конкуренции и запрете монополистической деятельности.

Приведенные конституционные положения получили развитие и детализацию в антимонопольном законодательстве, которое состоит из Гражданского кодекса Республики Беларусь, Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон № 94-З) и иных актов законодательства.

На дальнейшую конституционализацию конкурентных отношений, защиту и развитие конкуренции, устранение правовых пробелов и коллизий, сокращение административной нагрузки на бизнес-среду были направлены положения Закона Республики Беларусь от 3 апреля 2024 г. № 364-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», которые вступили в силу 7 июля 2024 г. Изменения коснулись совершенствования процедуры проведения антимонопольных расследований, а также подходов в части проводимого антимонопольным органом контроля за сделками и иными действиями, признающимися экономической концентрацией. Вместе с тем выделим отдельные проблемные вопросы, требующие, по нашему мнению, конституционно-правового урегулирования с учетом современных реалий. Полагаем, что отсутствие в Конституции прямого запрета монополистической деятельности и нормы о конкуренции не в полной мере отвечают динамике развития и трансформации экономики, современным угрозам, проявлениям антиконкурентного поведения на внутреннем и внешнем рынках. В связи с этим в рамках дальнейшего развития конституционализма важным вопросом видится закрепление в Основном Законе принципа поддержки конкуренции, а также конституционного запрета монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции.

Развитие информационных технологий, динамика цифровых рынков, наряду с безусловными преимуществами, влечет и серьезные угрозы в сфере цифровых технологий, в том числе монополизации рынков с использованием «цифровых картелей», злоупотребления доминирующим положением цифровыми компаниями, риски сговоров на торгах с помощью аукционных роботов.

Конституционным Судом Республики Беларусь (далее – Конституционный Суд) в качестве приоритетного направления названо организационно-правовое обеспечение цифровой экономики для использования преимуществ новых информационно-технологических решений в экономической деятельности (решение от 11 марта 2021 г. № Р-1256/2021 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь»). Подчеркнуто, что внедрение цифровых технологий требует комплексных изменений правового регулирования, а процессы цифровой трансформации общественных отношений должны сопровождаться закреплением эффективных правовых гарантий соблюдения прав и свобод человека в процессе разработки и использования технологий искусственного интеллекта (решение от 12 марта 2025 г. № ПР-5/2025 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь»).

В числе актуальных задач конституционно-правового регулирования конкурентных отношений в условиях цифровой экономики видится адаптация антимонопольного законодательства к цифровым инновациям, определение специальных критериев оценки и регулирования «цифровых рынков», а также разработка действенных правовых механизмов реагирования на «цифровые» антиконкурентные посягательства, защиты прав потребителей. При этом противодействие антимонопольным нарушениям, совершенным с использованием цифровых технологий, не должно препятствовать их эффективному использованию в бизнесе и экономике в целом.

Отметим важную новеллу Конституции – принцип социальной ответственности каждого (ст. 21), а соответственно, и хозяйствующих субъектов, что позволяет на конституционном уровне презюмировать социальную функцию предпринимательства и конкуренции. Закрепление в ст. 21 Конституции принципа социальной ответственности, согласно которому «каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить

посильный вклад в развитие общества и государства», предопределяет его детализацию в законодательстве.

В связи с этим предлагается в ст. 5 Закона № 94-З закрепить принцип социальной ответственности хозяйствующих субъектов и государства в числе имеющихся принципов государственной политики в сфере противодействия монополистической деятельности и развития конкуренции [3, с. 156–157]. Целесообразно отражать положение о внесении посильного вклада хозяйствующими субъектами в развитие общества и государства в стратегических и программных документах, в том числе в Национальной стратегии устойчивого развития на период до 2040 года, очередной Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы.

Одной из актуальных задач юридической науки Г.А. Василевич называет необходимость преодоления разобщенности научных исследований, замыкание на отраслевых проблемах [1, с. 74].

Представляется, что решению этой задачи применительно к конституционно-правовому регулированию в сфере конкуренции будет способствовать научно-правовое обеспечение формирования и развития конституционной экономики. Так, в ряде посланий Конституционного Суда о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь (в 2010, 2012, 2015 гг.) конституционная экономика рассматривается в двух аспектах: как важнейшая составляющая построения социального государства и как конституционная ценность.

Противодействие монополистической деятельности и развитие конкуренции видим важнейшими составляющими и одновременно направлениями конституционной экономики. В свою очередь, научно-правовое обеспечение формирования и развития конституционной экономики предполагает исследование взаимосвязи вопросов применения конституционного права и защиты конституционных прав граждан с современными проблемами экономической безопасности государства в контексте провозглашенных в Преамбуле Конституции Республики Беларусь целей обеспечения благополучия граждан и процветания нашей страны, а также с учетом достижений белорусского конституционализма и экономической науки [4, с. 68].

В конституционно-правовом регулировании конкурентных отношений определяющую роль имеют конституционные нормы в сфере экономической деятельности, являющиеся основой для последующего антимонопольного регулирования. В то же время, учитывая, что Конституция Республики Беларусь является организующей и развивающей юридической основой национальной правовой системы, представляется важным закрепление в ней принципа поддержки конкуренции, а также запрета монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции. Это подчеркнет особую социально-экономическую значимость конкуренции, придаст новый импульс конституционализации конкурентных отношений, и, соответственно, совершенствованию антимонопольного права и законодательства.

Положения обновленной Конституции, в том числе закрепление принципа социальной ответственности, задачи, поставленные в стратегических и программных документах, а также современные экономические вызовы и угрозы, цифровая трансформация обуславливают необходимость модернизации механизмов правового регулирования конкурентных отношений, в том числе адаптации антимонопольного законодательства к цифровым инновациям.

Полагаем, что дальнейшей конституционализации конкурентных отношений и антимонопольного права, а также преодолению разобщенности научных исследований в сфере конкуренции и замыканию на отраслевых проблемах будет способствовать научно-правовое обеспечение формирования и развития конституционной экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Василевич Г.А. Юридическая наука: отражение действительности и формирование образа будущего // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 1. – С. 70–76.
2. Сухоруков А.С. Особенности реализации государственной конкурентной политики в Российской Федерации в призме формирования конституционных ценностей // Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации: монография / Н.С. Бондарь, В.И. Крусс, Г.Н. Чеботарев [и др.]; под ред. Г.Н. Чеботарева. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. – С. 185–202.
3. Трипузова А.А. О конституционном принципе социальной ответственности в контексте государственной политики в сфере противодействия монополистической деятельности и развития конкуренции // Правовая политика, наука, практика – 2024: Сб. материалов Респ. науч.–практ. конф. / г. Минск, (10 октября 2024 г.). – Минск: НЦЗПИ, 2024. – С. 154–157.
4. Трипузова А.А. Научно-правовое обеспечение формирования и развития конституционной экономики в Республике Беларусь // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2024. – Т. 69, № 1. – С. 60–73.

УДК 340.115

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ВВЕДЕННЫХ ПРОТИВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР НЕЗАКОННОГО ХАРАКТЕРА SOME THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO IMPROVING LEGAL REGULATION OF ECONOMIC RELATIONS IN THE CONDITIONS OF UNLAWFUL RESTRICTIVE MEASURES IMPOSED ON THE REPUBLIC OF BELARUS

Хомич Владислав Сергеевич,
Институт экономики НАН Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
homichwww@gmail.com

Khomich Vladislav,
The Institute of Economics of the NASB,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье исследуется проблематика обеспечения экономической безопасности и совершенствования правового регулирования экономики Республики Беларусь в условиях введенных ограничительных мер незаконного характера. Автор, опираясь на исторический анализ применения ограничительных мер с 1997 г., дает их расширенную трактовку как политически мотивированного инструмента для ослабления суверенитета. В статье производится анализ некоторых теоретико-методологических подходов к совершенствованию правового регулирования экономических отношений в условиях введенных против Республики Беларусь ограничительных мер незаконного характера. На основе системного и синергетического подхода, автором предлагается введение норм, автоматически активирующих механизмы переориентации экспорта при блокировке определенного процента традиционных рынков сбыта. Также видится необходимым вводить различные налоговые льготы при разрыве кооперационных цепочек, а также правовые гарантии государственной помощи субъектам хозяйствования.

Ключевые слова: экономическая безопасность, меры ограничительного характера, системный подход, синергетический подход.

Abstract. The article explores the issues of ensuring economic security and improving the legal regulation of the economy of the Republic of Belarus in the context of the imposed restrictive measures of an illegal nature. Based on a historical analysis of the use of restrictive measures since 1997, the author provides an expanded interpretation of these measures as a politically motivated tool for weakening sovereignty. The article also analyzes some theoretical and methodological approaches to improving the legal regulation of economic relations in the context of the restrictive measures of an illegal nature imposed on the Republic of Belarus. Based on a systemic and synergistic approach, the author proposes the introduction of norms that automatically activate export reorientation mechanisms when a certain percentage of traditional markets is blocked. It is also necessary to introduce various tax benefits in the event of a break in cooperation chains, as well as legal guarantees for state assistance to economic entities.

Keywords: economic security, restrictive measures, systematic approach, synergistic approach.

Экономическая безопасность представляет собой неотъемлемую часть национальной безопасности любого современного государства. Такое положение дел обусловлено тем, что экономическая сфера занимает особое положение в государственном строительстве. Во многом именно на основе разнообразных экономических показателей (ВВП, ВВП, производительность труда по ВВП, инвестиции в основной капитал, индексы потребительских и промышленных цен и т.д.) определяется стабильность и устойчивость развития общества, что тем самым обеспечивает материальную основу развития всех других сфер общественной жизни. Стоит отметить, что в условиях формирования шестого технологического уклада, усиления макроэкономической нестабильности, деглобализации и регионализации экономических процессов вопросы обеспечения экономической безопасности приобретают еще большее значение, так как именно устойчивое развитие хозяйственной сферы жизни общества обеспечивает конкурентоспособность национальной экономики в период глобальных изменений. Схожую характеристику мировых экономических процессов дает принятая на VII Всебелорусском народном собрании обновленная Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция), в которой мировая экономика характеризуется неустойчивостью, связанной с переделом сфер влияния, в том числе силовым путем, а также последствиями масштабных международных экономических санкций, которые стали инструментом воздействия на социально-экономические процессы неугодных государств. Мировыми центрами силы предпринимаются действия по дезинтеграции и поглощению экономики развивающихся стран, приданию им сырьевой направленности.

Республика Беларусь находится под определенными формами мер ограничительного характера практически с самого момента получения независимости, а конкретно с 1997 г., когда Европейский союз ограничил формат взаимоотношений с Республикой Беларусь до уровня ниже министерского. Так, в 2004 г. были введены персональные ограничения, запрещающие въезд на территорию Европейского союза высокопоставленным белорусским чиновникам. Уже в 2006 г. Европейский союз на год (с возможностью продления) ограничил въезд на свою территорию Президенту Республики Беларусь А.Г. Лукашенко.

При этом стоит отметить, что первые масштабные санкции можно датировать 2011–2012 гг., когда ограничительный список был расширен до 243 человек и 29 организаций. Помимо этого, был введен запрет на ведение предпринимательской деятельности на территории Европейского союза для лиц, включенных в санкционный список. Также в 2011–2012 гг. был введен запрет на поставку в Республику Беларусь техники, предназначенной для охраны правопорядка. Таким образом, пакет санкций 2011–2012 гг. можно считать первыми экономическими санкциями против Республики Беларусь [1]. Наиболее значимые

экономические санкции были введены в период 2020–2022 гг. Санкции поступали не только со стороны Европы и США, но и со стороны международных организаций. К примеру, Всемирный банк окончательно приостановил свои кредитные программы в 2022 г. Кроме этого, кредиты, которые ранее были выданы Республике Беларусь, были переведены в статус неплатежеспособных.

На момент 2025 г., согласно данным глобальной базы по отслеживанию санкционных ограничений Castellum.ai, против Республики Беларусь было введено 1 747 санкционных ограничений. В период с октября 2020 г. по июль 2024 г. против Республики Беларусь было введено девять «пакетов» мер ограничительного характера со стороны Европейского союза [2].

Под мерами ограничительного характера понимаются действия государства, коалиции государств или международных организаций по сокращению, ограничению или выходу из таможенных, торговых или финансовых отношений со «страной-адресатом». Главной целью таких ограничений считается воздействие на принятие руководством «страны-адресата» управленческих решений в пользу государств, коалиции государств или международных организаций.

Однако существуют и другие, более узкие трактовки. Так, российские экономисты С.И. Долгов, Ю.А. Савинов, В.Н. Кириллов, Е.В. Тарановская определяют международные ограничения в качестве политических мер, направленных на ограничение экспорта товаров одной или нескольких государств в определенные страны [3, с. 38]. Особенностью такой трактовки является признание политической мотивированности экономических ограничений, что особенно актуально в условиях возрастания геополитической напряженности.

Именно поэтому, ввиду особого геополитического положения Республики Беларусь на мировой политической арене, необходимо выделить специфику политики мер ограничительного характера недружественных стран против Республики Беларусь. Такая специфика ограничительных мер определяется нами на основе синтеза мир-системного подхода И. Валерстайна, концепции А. Негри и положений, закрепленных в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Таким образом, меры ограничительного характера, направленные против Республики Беларусь, мы определяем как целенаправленные, политически мотивированные действия государств, коалиции государств или международных организаций, нацеленные на ослабление экономической безопасности посредством ограничения таможенных, торговых или финансовых отношений с целью принятия управленческих решений в пользу «государств-отправителей» и дальнейшего поглощения белорусской экономики, придания ей сырьевой направленности, а также распространения на Республику Беларусь западного, неолиберального культурно-политического порядка.

Отметим, что современные вызовы, связанные с введением недружественными государствами незаконных ограничительных мер, нарушающих нормы международного права и принцип суверенного равенства, требуют от Республики Беларусь совершенствования теоретико-методологических подходов к правовому регулированию экономических отношений и обеспечению экономической безопасности. Данная проблема носит комплексный характер и требует интеграции теоретико-методологических подходов с учетом специфики белорусской правовой системы и реалий евразийской интеграции.

В контексте выбранной нами проблематики системный подход представляет собой фундаментальную методологическую парадигму в исследовании экономической безопасности, рассматривающую ее не как сумму изолированных элементов, а как целостный, динамический комплекс взаимосвязанных подсистем, обладающий свойствами эмерджентности, иерархичности и адаптивности. Таким образом, экономические отношения в условиях введенных недружественными государствами ограничительных мер незаконного характера необходимо рассматривать системно, что позволяет выявлять угрозы и риски, встроенные в различные составные части национальной экономики.

Так, российские исследователи А.Г. Светлаков, И.М. Глотин отмечают, что «системный подход позволил определить следующие структурные элементы в системе экономической

безопасности: функциональное назначение, субъектно-объектный состав, информационно-правовое и инструментальное обеспечение. Экономическую безопасность нельзя рассматривать без привязки к объекту безопасности, поэтому в системе следует выделить иерархические уровни» [4, с. 78].

Немаловажной особенностью системного подхода является возможность рассмотрения экономических отношений в качестве движущей силы экономической системы.

Таким образом, экономические отношения и сама экономическая система Республики Беларусь в условиях введенных недружественными государствами ограничительных мер незаконного характера должны рассматриваться как динамическая многоуровневая система, где меры ограничительного характера нарушают качество экономических отношений на:

- Макроуровне: блокировка финансовых потоков, ограничение доступа к технологиям, ограничения экспортных рынков требуют правовых механизмов переориентации экспорта (импортозамещение, диверсификация рынков через Евразийский экономический союз, а также государства дальнего зарубежья).

- Мезоуровне: ухудшение экономического положения национальных производителей, зависимых от импорта/экспорта в недружественные страны.

В рамках правового регулирования экономические отношения на мезоуровне нуждаются в нормативном закреплении программ местного развития, в том числе инвестиционного характера.

- Микроуровне: угрозы выживанию предприятий из-за разрыва кооперационных цепочек требуют гражданско-правовых инструментов защиты и стимулирующих норм (налоговые льготы, госгарантии под проекты переориентации).

Правовое регулирование должно обеспечивать системную устойчивость через нормы, синхронизирующие реакцию всех уровней и структурных элементов.

В рамках системного подхода к теоретико-методологическому совершенствованию правового регулирования экономических отношений в условиях введенных недружественными государствами ограничительных мер незаконного характера особую актуальность, по нашему мнению, может приобрести синергетическая оптика.

Синергетический подход как методологическая парадигма рассматривает правовое регулирование через призму нелинейной самоорганизующейся системы, где взаимодействие разнородных элементов генерирует эмерджентные свойства, недостижимые при изолированном функционировании компонентов. Как отмечает А.А. Завгородняя, «суть синергетики, все больше используемой правоведами, состоит в том, что право представляет собой открытую нелинейную систему с хаотическими (кризисными, неравновесными) процессами, которая, кроме норм права, детерминирована множеством других правовых явлений. И подобный детерминизм, по сути, является индетерминизмом. Указанный подход в исследовании правовых явлений анализировался и был использован Л.Д. Бевзенко, А.В. Зыряновым, С.В. Курзановым, Н.В. Мальцевым, А.В. Петровым, Ю.А. Тихомировым, И.Л. Честновым, В.В. Шишкиным, К.В. Шундиковым» [5, с. 20].

Изначальной теоретической основой синергетического подхода выступали принципы неравновесной термодинамики бельгийского физика И.Р. Пригожина и теории сложных адаптивных систем немецкого физика Г. Хакена. Переноса теоретические изыскания данных авторов на правовые и экономические подсистемы, отметим, что меры ограничительного характера создают состояние экономико-правовой дестабилизации – точку бифуркации, разрушающую существующие регуляторные балансы, но одновременно активирующую процессы спонтанной самоорганизации.

В рамках экономических и правовых подсистем Республики Беларусь процессы спонтанной самоорганизации выражаются, по нашему мнению, в формировании альтернативных экспортных путей (переориентация экспорта на страны Азии и Африки), возникновении особых практик (параллельный импорт). Задача государства в данном случае заключается в формировании устойчивых правовых инструментов, направленных на обеспечение внутрисистемного равновесия.

Одним из ключевых аспектов правовой синергетики является эмерджентность правовых механизмов, где синергия государственных и частных хозяйственных субъектов порождает улучшенное состояние системы. То есть в рамках синергетики открытое взаимодействие между различными элементами системы – путь к улучшению функционирования системы.

К примеру, государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) (например, механизмы ГЧП для критической инфраструктуры с особым иммунитетом от санкций) сочетает государственные гарантии с предпринимательской гибкостью.

В рамках синергетического подхода важное значение имеет понятие «точки бифуркации». Точка бифуркации – это определенное значение параметра в динамической системе, при котором происходит качественное изменение ее поведения или структуры. В рамках обеспечения безопасности экономических отношений в условиях введенных недружественными государствами ограничительных мер незаконного характера данный элемент синергетического подхода может применяться в качестве риск-анализа экономического процесса. К примеру, при достижении определенного процента импортозависимости по критическим позициям автоматически активируются правовые механизмы изменения экономической политики государства, направленной на недопущение появления точек бифуркации.

Через бифуркационный анализ также может быть использован индекс санкционной плотности (количество ограничений на конкретный сектор экономики), при превышении порогового значения которого начинают реализовываться правовые меры экономического стимулирования хозяйственных субъектов.

Как отмечает российский исследователь С.В. Курзанова, «Синергетика, как инструмент познания, имеет свою специализацию: она призвана содействовать решению строго определенного круга методологических и гносеологических задач и, прежде всего, более глубокому пониманию природы механизмов самоорганизации сверхсложных открытых развивающихся систем» [6, с. 17]. Таким образом, синергетический подход в рамках системного метода позволяет сформировать понимание взаимосвязи всех отраслей права, других подсистем, а также хозяйственных субъектов, где изменения одного элемента могут повлечь изменение системы в целом.

Совершенствование правового регулирования экономических отношений Республики Беларусь в контексте беспрецедентных введенных мер ограничительного характера требует комплексной теоретико-методологической концептуализации. Интеграция системного и синергетического подходов формирует методологический каркас для разработки правовых механизмов, обеспечивающих экономическую безопасность в сложившихся условиях.

Системно-синергетическая оптимизация выступает методологическим базисом для создания динамичных правовых конструкций. Применение системного и синергетического подхода предполагает иерархическое структурирование регулирования по уровням:

– На макроуровне необходимы нормы, автоматически активирующие механизмы переориентации экспорта (через ЕАЭС и азиатские рынки) при блокировке определенного процента традиционных рынков сбыта.

– На микроуровне представляется необходимым вводить различные налоговые льготы при разрыве кооперационных цепочек, а также правовые гарантии помощи от государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. История европейских санкций в отношении Белоруссии. – URL: <https://tass.ru/info/9694095>. (дата обращения 12.09.2025).
2. Russia Sanctions Dashboard. – URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/fact5_e.htm (дата обращения 01.05.2025).
3. Долгов С.И., Савинов Ю.А., Кириллов В.Н., Тарановская Е.В. Возможности противодействия санкциям в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – № 4. – С. 36–54.

4. Светлоков А.Г., Глотина И.М. Системный подход к исследованию понятия «экономическая безопасность» // Пермский аграрный вестник. – 2014. – № 4. – С. 73–79.
5. Завгородняя А.А. Синергетический подход и его свойства в методологии правового исследования // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2022. – № 3. – С. 18–28.
6. Курзанов С.В. Необходимость применения синергетического подхода в праве // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2017. – № 8. – С. 14–20.

Научное издание

**СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ БЕЛАРУСИ:
ВЫЗОВЫ, ИНСТРУМЕНТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

В трех томах

Том 3

Технические редакторы:

*Т. Г. Бочарова, Л. П. Вилейко, В. Б. Григорьева,
О. М. Залесская, А. В. Рыхлицкая*

Подписано в печать 03.11.2025. Формат 60×84 1/8.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Цифровая печать. Усл. печ. л. 57,9. Уч.-изд. л. 51,7.

Тираж 30. Заказ 1955.

Издатель: учреждение образования «Белорусский государственный
университет информатики и радиоэлектроники».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий №1/238 от 24.03.2014,

№2/113 от 07.04.2014, №3/615 от 07.04.2014.

Ул. П. Бровки, 6, 220013, г. Минск

Полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Информационно-вычислительный центр
Национального статистического комитета Республики Беларусь».

Просп. Партизанский, 12а-8а, 220070, Минск, Республика Беларусь

ЛП № 02330/10 от 28.10.2013

тел. (375-17) 379-70-32; (375-17) 379-00-02

факс: (375-17) 378-52-11

www.ivcstat.by